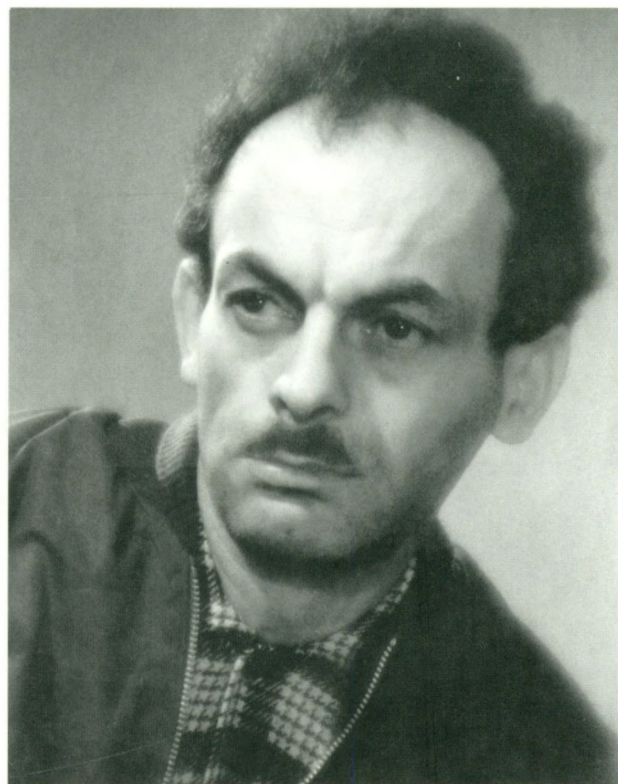

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

НОВОЕ О.БУЛАТЕ

МОСКВА
2011

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

Новое о Булате

Выпуск 8

Москва
БУЛАТ
2011

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
052

Редакционная коллегия:

М. А. Александрова, Н. А. Богомолов, М. Р. Гизатулин,
В. А. Зайцев, Ю. Ф. Карякин, А. Е. Крылов (гл. редактор),
А. В. Кулагин, Вл. И. Новиков, С. В. Свиридов,
В. А. Фрумкин, В. А. Щербакова, В. Ш. Юровский

Составитель

А. Е. Крылов

Редактор

И. А. Соколова

Серийное оформление — С. Сысуев

На 4-й с. переплёта воспроизведён

рисунок художника Н. Дронникова (1978)

Составитель и издатель благодарят

Н. Е. Дронникова, Н. А. Игнатову, И. В. Кобаидзе, А. А. Коваленко,
А. Н. Костромина, И. А. Некрасова, И. А. Резголя
за помощь в подготовке материалов книги

052 **Голос надежды:** Новое о Булате. Вып. 8 / Сост. А. Е. Крылов. — М.: Булат, 2011. — 544 с.: ил.

ISBN 978-5-91457-012-2

Восьмой выпуск ежегодного альманаха о творчестве известного поэта-певца, прозаика Булата Окуджавы (1924–1997) посвящён открытиям и исследованиям в области окуджавоведения за 2010 год. Все материалы публикуются впервые либо существенно дополнены и переработаны для настоящего сборника. Исключение составляют перепечатки статей, ранее появившиеся в тамиздате, и переводы. Значительная часть материалов выпуска посвящена рассказам писателя о посещениях им Болгарии. Раздел мемуаров повествует о его поездках в США. Исследовательские статьи традиционно посвящены биографии и творчеству Окуджавы. Большинство иллюстраций публикуется впервые. Для студентов, преподавателей и широкого круга читателей, любящих русскую литературу и авторскую песню.

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-91457-012-2

© Указанные авторы, 2011

Чем дольше живём мы,
 тем годы короче,
тем слаще друзей голоса...
Ах, только б не смолк
 под дугой колокольчик,
глаза бы глядели в глаза!

После ухода из жизни главного героя этой книги прошло почти полтора десятилетия. Этого времени оказалось более чем достаточно, чтобы сложилась особая отрасль гуманитарного знания, именуемая пусть и немного громоздким, но от этого не менее точным словом *окуджавоведение*. Масштаб фигуры одного из первых отечественных бардов оказался столь значительным, что она (вслед за фигурой Высоцкого) быстро, уже в конце 1990-х, привлекла к себе пристальный филологический интерес, впоследствии лишь нараставший. Альманах «Голос надежды» (не единственное, кстати, научное издание, посвящённое наследию Окуджавы) вот уже в течение восьми лет отражает состояние этой науки, публикуя многочисленные и разножанровые (альманах и должен быть таким) материалы — от развёрнутых литературоведческих и биографических исследований и мемуаров до небольших эссе, заметок и рецензий.

Нынешний выпуск продолжает сложившиеся в издании традиции, но имеет — как, впрочем, и все предыдущие — и свою специфику. В области биографических разысканий особое внимание авторов альманаха привлекают истоки судьбы поэта: его грузинско-армянские корни (работы М. Гизатулина, А. Крылова) и арбатское детство, реальные обстоятельства которого реконструируются В. Юровским. В обширной географии зарубежных творческих связей и интересов Окуджавы на сей раз выделены США (мемуары В. Фрумкина и В. Матлина) и Болгария (подготовленная М. Раевской подборка интервью в тамошних газетах).

В литературе об авторской песне не раз высказывалась мысль о необходимости изучения её в международном культурном контексте, в частности — на фоне французского шансона. В статье А. Крылова и А. Кулагина выявляется влияние творчества Ива Монтана на первые песни Окуджавы; о таком влиянии сам бард в последние годы жизни говорил неоднократно. Целая серия статей (М. Александровой, М. Гельфонд, Т. Дроновой и других авторов) посвящена в этом выпуске альманаха прозе

поэта, выявлению сложных контекстуальных её связей — преимущественно с русской литературной классикой.

Наука — всякая — не знает мелочей; любая из них таит в себе возможность большого открытия. Как всегда, в альманахе немало небольших материалов фактографического и библиографического характера (исследовательские находки В. Кагановича, полемические рецензии С. Свиридова, Х. Олабяна и Т. Субботиной, список литературы о жизни и творчестве Окуджавы за 2003–2005 годы и др.). Среди прочих проблем, интересующих авторов этих разделов — проблема качественной текстологии поэзии Окуджавы, по сей день, увы, не получившей полноценного отражения в издательской практике — несмотря на солидный вид и красивые обложки иных томов. Другое важное обстоятельство: авторы восьмого выпуска выявляют несколько случаев плагиата в области окуджавоведения. В условиях малотиражности и, следственно, малодоступности многих источников и отсутствия единого справочно-библиографического свода нечистым на руку «исследователям» становится всё легче присваивать себе чужие находки и «благодаря» этому получать учёные степени и гранты. Но тайное всегда становится явным. «Голос надежды» объективно противостоит этим поползновениям и способствует тому, чтобы *в нашем доме пахло не воровством*, а честным поиском истины и здоровой научной полемикой.

Редакция и редколлегия альманаха очень надеются на конструктивную обратную связь. Мы *с надеждой в будущее* ждём от заинтересованных читателей пожеланий и уточнений к нашим публикациям. Они помогут всем нам делать общее дело: постигать, изучать и популяризировать крупное явление отечественной культуры двадцатого века, имя которому — Булат Окуджава.

Поиск продолжается...

Владимир ФРУМКИН

ЕЩЁ РАЗ О БУЛАТЕ*

Приезжал твой племянник. Его молодая жена, на вопрос о профессии, сказала: «Я поэт». Было очень смешно и грустно. Я не сдержался и мягко заметил ей, что даже Пастернак не говорил о себе: я — поэт. Она удивилась.

Б. Окуджаву. Из письма, 1979.

Песня на пари

Булат как-то рассказал мне, что первую свою зрелую песню (если не считать «Неистов и упрям», которая появилась у него «совершенно случайно» в Тбилиси в 1946-м) написал на спор с приятелем. Сидел с другом в московской квартире при включённом радио. Играли какой-то советский шлягер середины 1950-х, и приятель, поморщившись, заметил, что песня, наверное, обречена быть глупой. Булат возразил, предложил пари и написал нечто такое, что друг был посрамлён.

Что это была за песня, Булат вспомнить не мог:

— Кажется, шуточная...

Он всегда отчётливо сознавал ту грань, которая отделяла его изящные песенные миниатюры от изделий советской эстрады.

— До этого в большом ходу были песни официальные, холодные, в которых не было судьбы, — сказал он однажды. — ...Я стал петь о том, что волновало меня... — Через много лет я внёс эти слова в первый американский сборник его песен.

Об официальной песне тут сказано достаточно ясно, но сдержанно. Галич отзывался об этом предмете резко: «Даже на-

* В основу этих заметок положена статья, написанная для книги воспоминаний о Б. Ш. Окуджаве: В зале ожидания. Ниж. Новгород: Деком, 2003. С. 195–205. Исправлено, переработано и существенно дополнено для настоящего издания.

*С автором
воспоминаний.
Фото А. Смирнова*

звание у неё отвратительное — “массовая песня”!» — заметил он в ходе дискуссии после моего сообщения «Музыка и слово» на конференции под Петушками в мае 1967 года. Любил повторять крылатую фразу, брошенную американкой Малвиной Рейнолдс, исполнительницей песен протеста: «Нам слишком долго лгали хорошо поставленными голосами». Мнение Окуджавы о феномене идеологизированной советской песни было примерно таким же, в чём я убедился в 1983-м, позвонив ему в Москву из Оберлина вскоре после выхода в свет (в 5-м и 6-м номерах парижского «Обозрения») моей статьи «Технология убеждения. Заметки о политической песне». Ответила Ольга — и сходу заговорила о том, как я их порадовал своей публикацией. Я не сразу понял, о чём речь: не представлял, что у них мог оказаться в руках свежий тамиздатский журнал. Потом трубку взял Булат и с нехарактерной для него горячностью стал говорить о том, что вот наконец-то появилась серьёзная, точная и бескомпромиссная оценка советской песни. Прошло несколько лет, наступила «гласность», и он снова вспомнил о той статье:

— Да-а-а, времена меняются, теперь она уже не звучит так остро, как тогда, в брежневско-андроповские годы...

Судьба свела меня с Булатом в Москве осенью 1967-го. После моего звонка о том, что вместе с молодым музыковедом Борисом Кацем и молодым филологом Александром Долининым я готовлю для издательства «Музыка» сборник из двадцати пяти его песен с мелодиями и буквенным обозначением гармонии и хотел бы задать ряд вопросов их автору, Булат Шалвович

назначил мне встречу у входа в ЦДЛ¹. По дороге туда я волновался, как юноша. Между тем Окуджава был приветлив, мягок, идею благословил, согласился помочь, пригласил заходить к нему домой. И всё же — доля первоначального волнения, трепета, робости, смешанной с обожанием, осталась у меня навсегда. Он был для меня существом высшего порядка, непостижимым образом соединившим в себе огромный поэтический дар с безошибочной музыкальной интуицией, которой отмечены и его мелодии, и то, как органично слиты они со словами его песен, и то, как он эти мелодии интонировал, и даже то, как бережно касался гитарных струн своими отнюдь не обученными этому ремеслу пальцами. Вроде и на «ты» перешли, и знакомство переросло в дружбу, а дистанция преодолевалась туго, миллиметр за миллиметром.

Через десять месяцев после нашей первой встречи, 23 июля 1968 года, на странице с открывавшей рукопись «Песенкой об открытой двери» главный редактор отдела массовых жанров «Музыки» Букин размашисто, красным карандашом, начертил многообещающее «В набор». До набора, однако, дело так и не дошло. Вместо типографии рукопись попала в письменный стол директора издательства К. А. Фортунатова, где пролежала несколько лет, пока я не забрал её перед своим отъездом в Америку. Там сборничек из двадцати пяти песен разросся в две книги, любовно изданные в 1980 и 1986 годах Карлом и Эллендеей Проффер, основателями легендарного «Ардиса», на двух языках, с нотами, фотографиями и не публиковавшимися ранее высказываниями поэта. Первая («65 песен») открывается «Несколькими словами о Булате Окуджаве», написанными по моей просьбе Александром Володиным перед моим отъездом из СССР и переправленными в Америку окольными путями. Список песен я согласовал с их автором (попытки выяснить с ним абсолютно точные даты их создания мало что дали. Такие вещи его слабо интересовали, вот и письма свои он тоже не помечал датами). Булат всё принял и одобрил. За одним исключением. Когда весной 1979 года мы обсуждали в Оберлине содержание первого тома, Булат попросил выбросить «Песенку, короткую, как жизнь сама»:

¹ Издательство согласилось на эту затею благодаря усилиям музыковеда Татьяны Александровны Лебедевой (1921–1990-е), которая заведовала книжной редакцией «Музыки». Она была страстным поклонником бардовской песни — редкий случай среди профессиональных музыкантов.

— Её — не стоит.

Почему не стоит, не объяснил. Через десять лет я обнаружил её в сборнике, составленном Львом Шиловым (*М.: Музыка, 1989*), когда Булат подарил нам его в Вермонте, в кампусе Норвичского университета, с надписью:

Маечке, Лидочке, Вовочке от бывшего гитариста с любовью Булат
30.7.90. Норвич.

На странице 217 я увидел ту самую, выброшенную песню, и в моём сердце шевельнулась ревность...

С фотографиями для первой книги мне помог мой друг Владимир Ковнер — инженер, коллекционер, переводчик, автор большого очерка «Золотой век магнитиздата» (<http://www.obivatel.com/artical/323.html>); для второй — сам Булат. Их взяла у него в Москве студентка Оберлинского колледжа Джуди Забаренко, которая, возвращаясь домой после семестрового курса русского языка в Ленинградском университете, пронесла через таможенную солидную пачку снимков, спрятав их на спине под джинсовой рубашкой... Обложку «65-ти песен» украсила фотография: Окуджава прощается с кем-то невидимым, садясь в свою машину. Сзади, на другой стороне улицы — московский троллейбус (не синий и не последний...). Когда «Ардис» готовил второе издание первой книги (всего их вышло четыре, а второго тома — два), этот снимок Льва Полякова куда-то пропал, и мне удалось найти отличную замену: грустный и задумчивый Булат сидит на стуле посреди пустынного Арбата. По словам автора фотографии Льва Нисневича, он уговорил Булата Шалвовича приехать туда на рассвете, чуть ли не в пять утра. Выразительно и тепло написал об этой работе фотографа Василий Аксёнов в авторском предисловии «Булат и Арбат» к роману о шестидесятниках «Таинственная страсть».

Булат по моей просьбе пытался выяснить, какая инстанция погубила мою советскую книжку с его песнями. Узнал он следующее: её остановил не ЦК КПСС, а само издательство, убоявшееся гнева советских песенников — композиторов и поэтов, ревниво и нервно следивших за бурным развитием «магнитиздата». Так и получилось, что первое «музыкальное» издание песен Окуджавы вышло не на родине поэта, а в Польше (*Okudźawa B. 20 piosenek na glos i gitare. Krakow, 1970*). Выполнено оно, однако, иначе, чем ардисовские сборники. Составители книги — В. Дабровский, В. Ворошильский и другие — по-видимому, хотели

создать концертный вариант окуджавских песен: авторские мелодии и (особенно) аккомпанемент подверглись существенной переработке, которая далеко уводит от оригинала. Булат подарил мне её в Ленинграде 29 апреля 1971 года, надписав на титульном листе:

Дорогому Володе Фрумкину эту книжечку взамен многострадальной отечественной с самыми добрыми пожеланиями. Булат.

«Наверное, можно и так...»

Вот если бы в решении судьбы «многострадальной отечественной» книжечки участвовал прославленный автор «Катюши», он, я думаю, отнёсся бы к ней доброжелательно. Матвей Исаакович Блантер был человеком благородным (говорят, он — чуть ли не единственный из коллег Шостаковича, кто осмелился поддерживать его морально и материально после Постановления ЦК от 1948 года «Об опере Мурадели “Великая дружба”»).

К тому же он никак не мог заподозрить в Булате своего соперника по части музыки. «Я слышал, что вы благоволите этим самым “бардам”, — сказал мне Матвей Исаакович, когда нас познакомили во время поездки в Англию и Шотландию на Эдинбургский фестиваль в августе 1965 года. — Так вот, вам, полагаю, будет небезынтересно узнать, что я пишу цикл песен на слова Окуджавы. Зачем? Объясняю. Мне нравится его поэзия. Она настоящая, это не ремесленные потуги наших текстовиков, из-за которых молодёжь отворачивается от советской песни. Песне, как воздух, нужны хорошие слова, которые мы должны брать и у бардов, но — отбрасывая их музыку, потому что — какая же это, простите, музыка? Ведь у этих людей — никакого музыкального образования! Я, между прочим, специально выбрал те стихи Окуджавы, которые он поёт на свои мелодии — пусть увидит, как нужно писать песни!»

Года через три Булат рассказал мне, что был у Блантера дома, и тот исполнил его, Булата, песни, но с другой музыкой.

— Что же ты ему сказал?

— А я ничего не понял. Промямлил что-то вроде «наверное, можно и так...».

В следующий свой приезд в Москву встречаю Матвея Исааковича во дворе композиторского дома на улице Огарёва, которой теперь возвращено название «Газетный переулок». «Эх, жаль, что не приехали раньше! Вчера вечером у меня была в ЦДЛ

премьера окуджавского цикла. Сам сыграл и спел». — «Ну и как?» — «Полный триумф! Видел в зале Булата, но он не подошёл — ревнует!»

Не в пример моему несостоявшемуся сборнику, пять окуджавских стихотворений, увенчанные музыкой знаменитого мастера, тут же были опубликованы и выпущены на пластинке в исполнении Эдуарда Хилья и эстрадного инструментального ансамбля «Камертон».

Конечно же, «можно и так». Но нужно ли? Искусству — вряд ли. Аналитику искусства — ещё как нужно! Матвей Исаакович подкинул мне благодатный, бесценный материал. Пусть земля ему будет пухом. Как явственно высветил он для меня самобытность окуджавской музыки!

Вдруг открылось, что простые напевы поэта бережнее, тоньше и многозначнее соединены со стихом, чем мелодии талантливейшего музыканта-профессионала. Блантер и Хиль втиснули окуджавскую лирику в абсолютно чуждую ей интонационную среду. Стихи зазвучали натянуто и плоско. Исчез подтекст, испарилась окуджавская шемая ирония, пропало чувство меры. Там, где у Булата тихий и сдержанный марш («Песенка о ночной Москве»), у Блантера — сентиментально-страстное танго. Грустная и серьёзная «Песенка об открытой двери» превратилась в игривый вальс, а печально-ироническая баллада «Старый пиджак» — в бойкий водевильный куплет. Лишь в одной из пяти песен («В Барабанном переулке») композитор проявил жанровую чуткость и, как и Булат, выбрал неторопливый лирический марш.

Молодые слушатели, которым я во время своих выступлений (два из них шли в прямом телеэфире) проигрывал в записи обе интерпретации окуджавских стихов, реагировали живо и, как правило, отстаивали авторскую трактовку. Некоторые из высказываний я включил в свою статью для журнала «Советская музыка», которую напечатали только после того, как я согласился, чтобы вслед за ней шла «контрстатья» от редакции (*Советская музыка. 1969. № 10*). Моя статья называлась скромно: «Песня и стих». Редакционный ответ, написанный Лианой Гениной, был озаглавлен «Ответ перед будущим». Новелла Матвеева, поверив призыву журнала вступить в полемику, разразилась большим эссе, которое было отвергнуто...

Булат смотрел на развитие событий с усмешкой, сохраняя нейтралитет. Он и так был убеждён (и совершенно справедливо), что композиторы-профессионалы (кроме одного — Исаака

Шварца) искажают интонацию его стиха. Придирчиво прислушивался и к тому, как его песни исполняли другие. В 1979-м, когда Булат был гостем филиала Калифорнийского университета в городе Эрвайн (*Irvine*), Елена Вайль, глава русской программы, приглашавшая меня несколько раз с лекциями-концертами, проиграла ему запись моего пения. По её словам, Булат слушал с интересом, но в конце заметил, что интонация не совсем верная, не авторская. Позднее он сам рассказал мне об этом эпизоде, посоветовал поработать над тоном подачи.

Через восемь лет произошёл другой эпизод, не совсем для меня понятный. Мы с женой Лидой и дочкой Майей привезли Булата из Оберлина в вирджинский пригород Вашингтона Маклейн, в дом наших друзей Владимира и Анны Матлиных. «Булат попросил поставить кассету с его песнями в исполнении дуэта — автора этих строк и его девятилетней дочери» — так я написал в воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Встречи в зале ожидания». Но В. Матлин и Лида утверждают, что Булат попросил нас спеть. Наверное, так и было. Слушал он, обняв за плечи Майку. Молча, сосредоточенно. За день до этого мы пели ему эти песни в Оберлине, а по дороге в Вашингтон, в машине, он захотел нас послушать в записи. Где-то на полпути мы предложили Булату «порулить», и он с готовностью согласился: водить машину он любил, а тут ещё такая возможность подвернулась — прокатить с ветерком по американской скоростной магистрали... Потом, у Матлиных, когда все уселись за стол, и произошёл тот самый не совсем понятный эпизод. Хозяин дома включил «Полночный троллейбус».

Булат недовольно протянул:

— Да не надо, надоело себя слушать.

— А это не вы, это Володя Фрумкин поёт...

Возвращаясь к Елене Вайль. Девичья её фамилия — Гармаш, родилась она в Днепропетровске и попала на Запад во время войны. В 1979-м была главной хозяйкой первого визита Окуджавы в США. Её настойчивость, неукротимая энергия и воля помогли преодолеть все препятствия. Но эти же качества осложнили её отношения с независимым, свободолюбивым поэтом. Елена настояла, чтобы он жил в её доме, который находился в городе Коста Меса, в десяти милях от Эрвайна. По словам Булата, хозяйка как-то уж слишком плотно его опекала, и он потребовал, чтобы его поселили в отеле. Произошёл разрыв, о котором Булат, приехав к нам в Оберлин, говорил с горечью и раздраже-

*В гостях
у Матлиных, 1987.
Фото В. Матлина*

нием, возвращался к этой теме несколько раз, поражался, каким нелёгким человеком оказалась его благотельница... В 1987-м, в следующий свой приезд в Америку, он снова вспомнил о Елене, но на сей раз — с облегчением:

— Она прилетела в Москву, позвонила, попросила о встрече, я её пригласил к себе. Помирились. Как-то жалко её стало...

В последний раз они встретились в Лос-Анджелесе в мае 1987 года, за несколько дней до приезда Булата ко мне в Оберлин: после его концерта она въехала к нему за кулисы в инвалидной коляске, безнадёжно больная — рак... Моя последняя встреча с Еленой произошла в ноябре 1986-го в том же городе, на американской премьере (снятого с полки после пятнадцати лет запрета) фильма Алексея Германа «Проверка на дорогах», главным оператором которого был мой приятель Яков Склянский. Я с трудом узнал её — в коляске, исхудавшую, с потемневшим лицом.

Кстати, у неё в доме, во время своего первого визита в Америку, Булат познакомился и с Яшей Склянским, и его женой Бертой (бывшими ленинградцами, переехавшими в Москву, а потом — в Лос-Анджелес). Быстро подружились. Летом 1991-го Берта приняла деятельное участие в добыче средств на предстоящую Булату операцию. А также — в попытке экранизировать «Путешествие дилетантов». Яша рассказал Булату об этой идее годом раньше, найдя его (с моей помощью) в вермонтской Русской школе. Булат затею одобрил, но отнёсся к ней скептически, понимая, что заинтересовать ею Голливуд будет очень даже не просто (и, в конце концов, оказался прав). Ольга настаивала,

чтобы Булат ответил отказом и отправил обратно присланный Яшей аванс за разрешение переработать роман в сценарий: «Пусть обращается не к тебе, а к твоему литературному агенту! Может, он на тебе нажиться хочет? Как и многие другие, которые всё норовят использовать твоё имя корысти ради».

Булат стоял на своём, коса нашла на камень:

— Яша? Друг? Нажиться, надуть? Да из этой затеи вообще вряд ли что выйдет! Может, он просто решил нам помочь материально?..

Произошла ссора, супруги не разговаривали несколько дней, даже в столовую ходили порознь...

А Елена Вайль умерла вскоре после встречи с Булатом, 1 августа того же года, в возрасте пятидесяти пяти лет.

«Родина, к сожалению, везде»

Через шесть с половиной лет с момента нашего знакомства, 11 марта 1974 года, мы, получив визы в голландском посольстве, встретились на квартире моих друзей, московских музыковедов Даниила Житомирского и Оксаны Леонтьевой (они жили в «башне» возле метро «Щербаковская»), чтобы попрощаться перед моим отъездом в эмиграцию. У меня была с собой моя убогая шестиструнная советская гитара, на которой Булат начертал: «Родина, к сожалению, везде»... Надпись загадочна и многозначна, как и его лирика. Вначале я воспринял её как грустный намёк на то, что человек слишком уж легко привыкает к новым местам и забывает о местах родных. Много позже понял, кажется, истинный смысл булатовского напутствия: от России не скроешься, не убежишь, так и останется она с тобой, в тебе...

(Возле строчки Булата красуется полустёршаяся от времени надпись, оставленная за несколько часов до этого на прощальной вечеринке в другом московском доме: «Мало есть гитар — из деревообделочной промышленности — на которых бы я не тренькал. Это — одна из них. Галич». Александр Аркадьевич спел на прощание недавно написанную им пронзительную «Когда я вернусь», но для автографа обратился, по контрасту, к языку своих реалистических сатир...)

От Житомирских Булат отвёз нас с Лидой на своей машине на Ленинградский вокзал. Там и обнялись, на всякий случай — как в последний раз...

**«...Объятья наши жарки
от предчувствия разлуки...»**

Это было написано много позже, когда Булат получил по почте фотографию: лето 1991-го, священник Виктор Соколов и я стоим на поляне студенческого городка Норвичского университета в Вермонте (приютившего у себя в 1968 году Летнюю русскую школу, основанную за десять лет до этого русскими эмигрантами при колледже *Windham* в городке *Putney* на юге Вермонта). В обратном адресе на конверте значилось: *California*. К тому же Булат знал, что о. Виктор, отправитель этого письма, получил приход в Свято-Троицком кафедральном соборе в Сан-Франциско. И хотя по поляне, обрамлённой общежитиями, он не раз проходил летом 1990-го, почему-то её не узнал и начал посвящённое нам обоим стихотворение так:

Калифорния в цвету. Белый храм в зелёном парке.
Отчего же в моём сердце эта горечь, эта грусть?..
Я уже писал о том, как объятья наши жарки
от предчувствия разлуки. Ничего, что повторюсь...

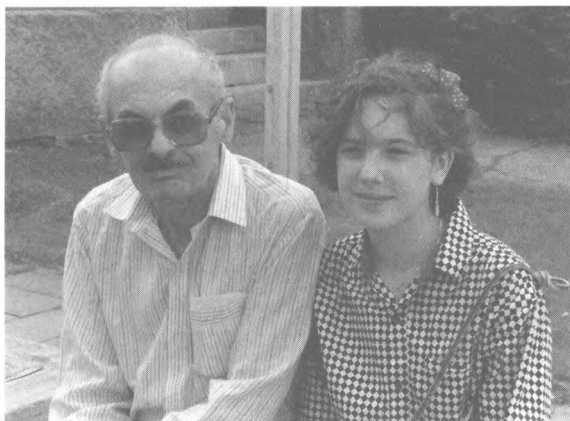
Рукопись стиха Булат вложил в очередное письмо. «Мы, затерянные где-то между счастьем и бедой...» — читаю во втором четверостишии. А в конце:

Я не знаю, где страшней и печальней наша драма,
и вернётся ли обратно, я не знаю — не спросил.

Мы не раз говорили о том, где же она всё-таки страшней и печальней — *там* или *здесь*... (в опубликованном тексте строка зазвучала иначе: «Я не знаю, где точней и страшнее наша драма»). В начале 1970-х, как и многие наши сограждане, то и дело обсуждали вопрос «ехать — не ехать». Булат говорил, что для него отъезд исключён — по разным соображениям. Одно из них — здесь всё-таки привычнее: «пусть говно, но своё»...

Так или иначе, в стране, где я пишу эти строки, он словно бы оттаивал. Живо ею интересовался, расспрашивал, писал о ней стихи. Мне кажется, что перед первым свиданием с нами в Америке Булат немного нервничал: в каком мы окажемся виде на чужбине. В первом же письме из Москвы заметил: «Должен тебе сказать, что я остался доволен увиденным сверх ожидания. Ты мне понравился, Лида тоже».

Оба лета в 1990 и 1992 годах, проведённые Булатом при Русской школе в Вермонте, он пребывал в хорошей форме, был

*С Майей
Фрумжиной
в столице Вермонта
Монтпелиер, 1990.
Фото Александра
Смирнова*

открыт и приветлив, гулял, работал, рассказывал смешные истории, иногда пел, читал стихи и прозу, общался со студентами и преподавателями, охотно приходил на обильные застолья. Во время одного из них объяснил мне, что можно смело пить подряд водку, коньяк, виски, ром, в общем — всё крепкое, либо — только всё слабое, но ни в коем случае не смешивать напитки разных уровней крепости. «Булат прав», — авторитетно кивнул Фазиль Искандер: он, как и Булат, дважды был гостем Норвичского университета, который летом 1990-го присвоил им обоим почётную степень доктора гуманитарных наук.

Церемония проходила второго августа в просторной университетской часовне, новоиспечённые доктора, облачённые в классические мантии, выглядели странновато, но держались с достоинством. В конце торжества их ждал сюрприз: десятка два студентов Русской школы, по моему знаку, грянули «Возьмёмся за руки, друзья». Булат, слушавший со слезами на глазах, потом признался, что хотя эта песня ему порядком надоела — уж очень её запели и зацитировали, — здесь, в этой обстановке, вдали от России, она пришлась вполне впору... В тот же день и в той же часовне он устроил свой творческий вечер. В первом отделении, по просьбе Булата, пели мы с Майей.

Второе отделение он начал так:

— Ну, после Майечки петь — трудновато будет...

После концерта ко мне подошла недовольная Ольга: «А я разве не просила вас не петь “Молодого гусара”? Булат сам должен был его исполнить. Кроме того, там теперь не “в Наталию влюблённый», а “в Амалию”, запомните это». Почему прои-

зошла замена, я сообразил сразу. И пожалел: «Наталия» звучит лучше, теплее...

Через несколько дней Булат отправился выступать к нашим конкурентам — в Русскую школу колледжа Миддлбери. Она, в отличие от Норвичской школы, всё ещё жива и здорова: в этом колледже, известном высоким уровнем преподавания иностранных языков, есть крепкая русская кафедра, обеспечившая круглогодичный приток студентов даже во время спада интереса к русскому языку, наступившего в Америке после краха СССР. Городок Миддлбери находится в пятидесяти милях на запад от Норвичского университета — если ехать напрямиком, через два горных перевала. Там, кстати, учился на китайском отделении старший сын А. И. Солженицына Ермолай, который перед этим провёл лето в Норвиче, — записался в аспирантуру, несмотря на свой нежный возраст: было ему тогда пятнадцать лет... У меня он прослушал курс истории русского театра, писал толковые работы, умно и интересно выступал и получил в итоге вполне заслуженное «А».

В один из дней лета 1992 года Булат (впервые за двадцать пять лет нашего знакомства!) попросил меня записать «с голоса» мелодию его только что написанной песни:

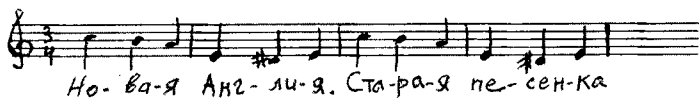
— Боюсь забыть. Память никудышная стала. Листок с нотами повезу в Москву — там мне мотив Буля наиграет.

Пошли в гостиную, Булат сел к пианино, стал наигрывать и напевать, с остановками — чтобы я успевал записать напетое:

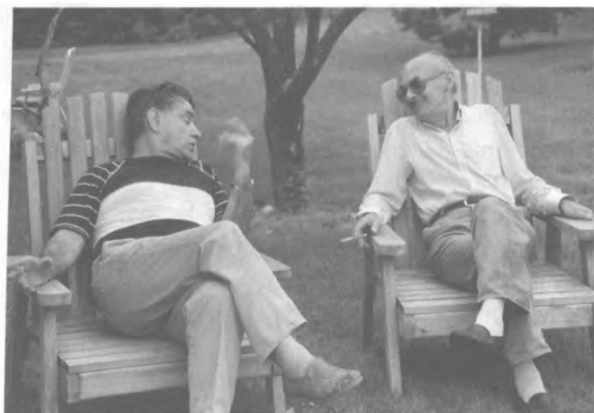
— Новая Англия. Старая песенка. Дождь. И овсяной лепёшки похрустывание, и по траве неизвестного хищника след...

Мелодия была в ритме вальса, минорная, меланхоличная, но подвижная, с мерными, настойчивыми повторами фраз.

Вот её запомнившееся мне начало:

Во время нашей следующей встречи в Америке я спросил Булата, довёз ли он до Москвы мелодию «Новой Англии». Он ответил, что довезти-то довёз, но она ему не пригодилась: придумал новый мотив, лучше прежнего. Спеть новую версию он тогда не смог, и я так и не знаю, сохранилась ли она в каком-либо виде: в нотной записи (рукой сына?) или на звуковой дорожке...

*С Фазилем
Искандером
на даче Натана
и Вики Шиллер,
Рэндолф,
Вермонт, 1990.
Фото
А. Смирнова*

Звуками и ароматом Новой Англии проникнут и «Жаркий полдень в Массачусетсе», посвящённый приятельнице Булата, преподававшей русскую историю в Смит-колледже, расположенном в городке Нортхэмптон, в штате Массачусетс. Как-то во время прогулки по норвичскому кампусу Булат сказал, что хочет съездить к ней, благо это недалеко, два с половиной часа на юг.

— Помнишь, я тебе говорил про Джоан Афферика, но ты сказал, что не знаком с ней. Очень достойная женщина.

— А ты знаешь, как американцы произносят это имя? Джоун. Вот и другая американка, знаменитая Джоан Баез, которая поёт твой «Союз друзей», на самом-то деле — Джоун.

— Гм... Странно...

После этого визита и появился «Жаркий полдень в Массачусетсе», посвящённый... Джоан Афферика. Поэт остался верен привычному, русскому произношению популярного в Америке женского имени...

Булат и Фазиль (с жёнами, Ольгой и Антониной) охотно бывали у моих добрых друзей, Натана и Вики Шиллер, бывших москвичей, ставших бостонцами, а потом — и хозяевами дачи в вермонтском городке Рэндолф, до которого от Нортфилда — полчаса езды на юг. Познакомились они с Окуджавой летом 1990 года, когда приехали с дачи на его выступление в Русской школе. Так началась их дружба и регулярные встречи — не только в Америке, но и в Москве, куда Натан и Вика ездили по делам. Для гостей из школы (нас набиралось человек двадцать) хлебосольные хозяева накрывали под открытым небом длин-

Там же
с Ольгой
Арцимович
и автором
воспоминаний

ный стол, сооружённый из сдвинутых нескольких и заставленный всевозможной снедью и бутылками. На Булата и Фазиля приятно было смотреть, они чувствовали себя здесь, вдали от кампуса, кишашего студентами, аспирантами и преподавателями, ещё вольготнее и раскованнее. Вопреки встречающемуся иногда мнению, что они в Русской школе преподавали, Окуджава и Искандер считались «писателями при университете» (*«writer in residence»*), время от времени выступали перед студентами, но учебных курсов не вели. Как и наш общий приятель Наум Коржавин, жена которого Люба была у нас постоянным преподавателем русского языка, а он — «поэтом при университете».

Живо помнится ещё одно застолье под вермонтским небом — на даче старшей дочери нашей коллеги В., бывшей москвички — и не столько благодаря великолепным шашлыкам, сколько благодаря изумительному пению старинных русских песен замечательным фольклорным ансамблем Дмитрия Покровского, который приезжал в нашу школу на две-три недели несколько лет подряд. Булат сидел не шелохнувшись, отрешившись от всего, щека оперта на ладонь, глаза полузакрыты...

Бочка мёда, однако, не обошлась без ложки дёгтя: муж В., отец хозяйки, в прошлом близкий к московским диссидентским кругам, попытался сжечь на костре, разведённом для шашлыков, книгу Юрия Дружникова «Узник России» (о «невыездном» Пушкине), объявив, что книга эта — омерзительный пасквиль на русское государство. Инцидент замяли, к выходке пламенного русского патриота (кстати, рождённого евреем) от-

*Окуджава
и кролик на даче
у Шиллеров.
Вермонт,
лето 1990 г.
Фото
А. Смирнова*

неслись снисходительно: ветеран войны, был ранен, контужен, да и характер у него вспыльчивый и нервный...

Происходившее в России в начале 1990-х никак не отпускало Булата, тема родины оставалась, она шла контрапунктом ко всей этой необычной для него, почти курортной жизни. Разговаривая о тамошних событиях, он тревожился, мрачнел. Состояние подвешенности «между счастьем и бедой» было для него, по-видимому, перманентным. Регулярно, как на работу, приходил на просмотры российских теленовостей. Новости были невесёлые — неурядицы, перебои, забастовки, протесты, выступления красно-коричневых.

— Странно, — горько усмехался Булат. — Отсюда на всё это смотреть даже интересно, но вот когда ты там...

В письмах оттуда у него вырывалось: «Я и раньше знал, что общество наше деградировало, но что до такой степени — не предполагал. Есть отдельные достойные сохранившиеся люди, но что они на громадную толпу?» Или: «Не хочется ни торопиться, ни участвовать в различных процессах, происходящих в обществе. Хочется тихо, молча, смакуя, не озираясь, не надеясь, не рассчитывая... У нас снег, слабые морозы, неизвестность, бесперспективность, недоброжелательность. Почти вся западная помощь разворовывается. Вчера в совершенно пустом хозяйственном магазине невероятная очередь. Что дают? Дают открывалки для пива. Крик, брань. Все берут по сорок-пятьдесят штук. Стоимость тридцать копеек. “Для чего вам столько?” — “А завтра продам по трёшке”. И вся философия».

«Визжу, в розовой рубашке вышел Окуджава...»

Здесь из норвичского скверика
открывается глазам
первозданная Америка,
та, что знал по «голосам».

Б. Окуджава. «Красный клён»

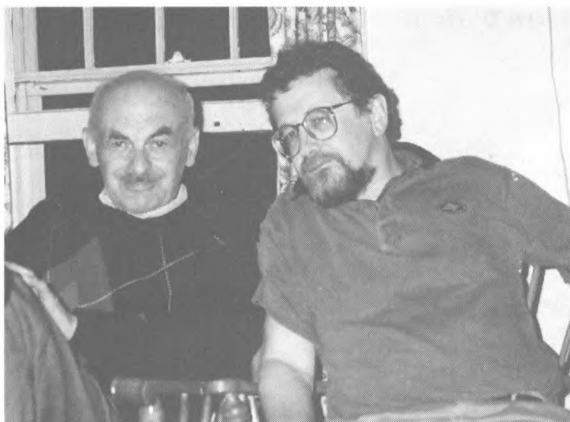
У входа в «Крофффорд», красивое, напоминающее белый корабль здание, где жили преподаватели и почётные гости Русской школы, сталкиваюсь с Булатом.

— Вот, послушай. Придумал две строчки. Забавные. Но получится ли что-нибудь из них — не знаю. Больно уж несерьёзные:

Столица северного штата — прекрасный город Монпелье.
Однако здесь жара такая, что хочется ходить в белье...

Из несерьёзных строчек вскоре получилась «Американская фантазия», начатая (а, возможно, и законченная) Окуджавой в Норвиче. Так мы называли это место, хотя на самом деле университет находится в городке *Northfield*. Из-за этого случалось, что гости школы заезжали вначале в другой вермонтский городок, *Norwich*, где и был в 1819 году основан частный (!) военный Норвичский университет с отделением для штатских студентов. Расположен *Norwich* в часе езды на юг от *Northfield*'а, на правом берегу реки Коннектикут. А в получасе езды на север от норвичского кампуса находится «прекрасный город Монпелье», *Montpelier*, самая миниатюрная из столиц американских штатов, названная так в честь французского города Монпелье — в благодарность Франции за её помощь в войне за независимость. Американцы, в отличие от французов, произносят это слово иначе, на английский манер: Монтпилиер. Но автор «Американской фантазии» предпочёл *Монпелье* — ради эффектной, неожиданной рифмы...

Булат посвятил это стихотворение Льву Лосеву, Лёше, как мы все его звали, моему коллеге и другу. Коллеге не только по Норвичу, но и по «Голосу Америки», где он вёл «Литературный дневник» и — вместе со мной (а до этого со мной и Василием Аксёновым) — дискуссионную передачу «Вашингтонские встречи», в которой, в качестве гостя, пару раз участвовал Булат Окуджава. Лев Владимирович входил в обойму самых ярких и авторитетных профессоров Норвича, среди которых были

Со Львом Лосевым.
Норвич, 1992

Е. Г. Эткинд, В. В. Иванов, Ю. К. Щеглов, писатель Виктор Некрасов (который проработал у нас, к сожалению, только одно лето). На уикенды Лосев обычно уезжал домой, благо ехать-то было всего час с лишним: он жил в соседнем «северном штате», Нью-Гэмпшире, в городке Гановер, что на левом берегу реки Коннектикут, прямёхонько напротив вермонтского *Norwich*'а, родины нашего Норвичского университета. Гановер знаменит престижным Дартмутским колледжем, преподавателем которого Лев стал в 1979 году. Через шесть лет он присоединился к цеху российских поэтов: в издательстве «Эрмитаж» вышел «Чудесный десант» — первая книга его стихотворений. В 1987-м появилась вторая, «Тайный советник», и там — беглое, но остро выразительное упоминание о голосе Булата, доносящемся из магнитофона (эти строки я приведу чуть позже). А ещё через несколько лет Лосев набрасывает стихотворный портрет Окуджавы на фоне зелёных вермонтских холмов:

В альбом О.

Про любовь мне сладкий голос пел...

Лермонтов

То ль звезда со звездой разговор держала,
то ль в асфальте кварцит норовил блеснуть...
Вижу, в розовой рубашке вышел Окуджава.
На дорогу. Один. На кремнистый путь.

Тут бы романсам расцветать, рокотать балладам,
но торжественных и чудных мы не слышим нот.
Удивляется народ: что это с Булатом?
Не играет ни на чём, песен не поёт.

Тишина бредёт за ним по холмам Вермонта
и прекрасная жена, тень от тишины...
Белопарусный корабль выйдет из ремонта,
снова будут паруса музыкой полны.

Отблеск шума земли, отголосок света,
ходит-бродит один в тихой темноте.
Отражается луна в лысине поэта.
Отзывается струна неизвестно где.

Если мне не изменяет память, стихотворение было на самом деле (летом 1992-го) вписано в альбом Ольге Окуджаве. Оно вошло в третью книгу стихотворений Лосева (*Новые сведения о Карле и Кларе. СПб.: Пушкин. фонд: Звезда, 1996. С. 42*). То, что Булат здесь «Не играет ни на чём, песен не поёт», но «Белопарусный корабль выйдет из ремонта» — отголосок полусутоличных, полусерьёзных жалоб поэта: не пишется, стихи не идут, петь расхотелось, да и вообще «моя песенка спета»... Хотя стихотворение начинается как парафраз на «Выхожу один я на дорогу», продолжено оно не по-лермонтовски, а по-окуджавски: ритм, лексика, образы, интонация близки песенным стихам Булата. Но и типично лосевское тут проглядывает, особенно в конце, где поэт неожиданно и резко модулирует из «высокого штиля» в сниженный — «Отражается луна в лысине поэта», и тут же поворачивает обратно — «Отзывается струна неизвестно где»...

Сюрпризы такого рода нередки у Лосева, он любил ошарашить читателя, встряхнуть его — неожиданным поворотом мысли, стилистическим сломом, дерзким сравнением, смелой рифмой. В жизни он был другим — неизменно сдержанным, ровным, деликатным. Если иронизировал и насмешничал, то над самим собой. На моей памяти он лишь однажды изменил этому правилу, причём его неожиданный выпад задел и автора этих строк. Дело было всё в том же Норвиче в июле 1997 года. Я тогда уже не работал в школе, приехал специально с Лидой и Майей из Вашингтона, чтобы помянуть двух друзей, писателя Феликса Розинера, скончавшегося в Бостоне в марте, и Булата Окуджаву, вечер памяти которого пришлось вести мне. Выступавшие ностальгически вспоминали о встречах с Булатом и его песнями, говорили о его вкладе в «гитарную поэзию», в духовную атмосферу послесталинской России. Слово попросил Лосев и с несвойственной ему твёрдостью в голосе начал: «Должен признаться, что я не люблю гитарную поэзию». По залу прощуршал ветерок недоумения. «Но это не значит, что я не люблю

Булата Окуджаву», — продолжал оратор и заговорил об ушедшем поэте взволнованно, тепло и искренне. Так же искренне звучали и упомянутые выше пронзительные строки из его давнего стихотворения «Слова для романа “Слова”»:

Сибирской сталью холод полоснёт,
и станет даль багровою и ржавой,
магнитофон заносит Окуджавой
и, как кошачий язычок шершавый,
вдруг душу беззащитную лизнёт.

(Тайный советник.

Нью-Йорк: Эрмитаж, 1987. С. 86)

После вечера мне пришлось отбиваться от приехавшего из Бостона поклонника и активиста «авторской песни»: он требовал выразить коллективный протест, осудить бестактное заявление профессора Лосева, посмеявшегося замахнуться... принизившего... оскорбившего... Я упирал на то, что возмущившая его фраза помогла оратору ярче высветить то хорошее, что прозвучало вслед за ней. Риторический приём, ничего страшного. Доказывать этому господину, что профессор Лосев, в конце концов, имеет право на собственное мнение, я не стал: вряд ли бы он эти доводы понял. Между тем собственное мнение у профессора было: «самодетальную песню» он недолюбливал, к творчеству поэтов-певцов относился скептически, ибо полагал, что настоящая поэзия самодостаточна и в гитарных подпорках не нуждается (то же мнение, кстати, разделяли Иосиф Бродский и Александр Кушнер). К моим занятиям «поющей поэзией» Лев, тем не менее, относился терпимо, приглашал поговорить о ней и попеть — в университет Мичигана в Лансинге, где он преподавал ещё будучи аспирантом Мичиганского университета в Энн Арборе, потом — в Дартмут. В своей докторской диссертации об эзоповом языке в подсоветской литературе, впоследствии превращённой в книгу *«On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature»*, изданную в Мюнхене в 1984 году, Лев ссылается на меня, рассказывая о том, как Окуджава занимался «саморедактурой», варьируя тексты своих песен. Из моих выступлений он знал, что одна из строк «Песенки о ночной Москве» существовала в двух вариантах: более приемлемом для властей («В года разлук, в года сражений, когда свинцовые дожди...»), хотя и со странным продолжением: «Лупили так по нашим спинам, что снисхождения не жди» (если это про войну, то почему эти самые дожди лупи-

ли *по спинам*? Уж не на СМЕРШ ли намёк?), и в весьма сомнительном, с аллюзией не на «Великую Отечественную», а, скорее, на годы террора («В года разлук, в года смятений...»). В этом варианте и *по спинам* понятней становится...

«Вот приходит Юлик Ким...»

Тема «Булат» в жизни и творчестве Льва Лосева завершилась неожиданно, замерла на грустной и, я бы сказал, нелепой ноте. Вскоре после возвращения Окуджавы с Ольгой в Москву из его второй поездки в Норвич Лев показал мне конверт, написанный его, Лосева, рукой. Выглядел он смущённым и расстроенным. «Ничего не понимаю. Послал Булату и Оле фотографии, сделанные здесь. Письмо вернулось. Нераспечатанным. Что это может значить? Обиделись, что ли? Но на что?» — «А, может, почта что-то напутала?» — «Да нет, похоже, что письмо отправлено обратно получателем». И тогда я вспомнил слова, сказанные мне Ольгой незадолго до отъезда: вот, мол, каков ваш друг Лосев — за спиной у Булата действует против него, плохо о нём отзывается. Я возразил, что этого просто не может быть: Лёша всегда говорит о Булате то, что думает, то есть только хорошее.

Раньше я не хотел посвящать Лёшу в этот разговор, но на сей раз — решился, пытаюсь найти ответ на загадку с вернувшимся письмом. Как я и предполагал, слух о каких-то там кознях Лосева против Окуджавы оказался чистой воды вымыслом. Как он возник, по чьей воле и с какой целью был пущен — этого мы, скорее всего, не узнаем...

Среди поэтов с гитарой, кроме Окуджавы, Лев Владимирович ценил Юлия Кима, легко согласился на знакомство с ним. Встреча произошла в июне 2000 года в прямом эфире, на волнах «Голоса Америки», в передаче, посвящённой десятилетию радиопрограммы Лосева «Литературный дневник» и его (шестидесят третьему) дню рождения. За знакомством последовал обмен авторскими книжками и шуточными стихами.

Гитары струнной не имея,
играть на оной не умея,
я посвящаю этот гимн
Вам, музыкальный Юлий Ким.

Этот стишок Лосев поставил эпиграфом к мрачной балладе под названием «Безответственность» (*SISYPHUS REDUX*).

СПб.: Пушкин. фонд, 2000. С. 25). Булат, кстати, тоже выделял Кима среди его, Юлика, поколения поющих поэтов, относился к нему с нежностью, посвятил ему одну из своих лучших песен 1980-х годов — «Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?», — а в начале 1990-х написал о нём стихотворение, в котором проигнорирован сдвиг, если не трагический, подтекст кимовского юмора:

Вот приходит Юлик Ким и смешное напевает.
А потом вдруг как заплачет, песню выплеснув в окно...
.....

Страхи прежние в былом. Вот он плачет и смеётся
И рассказывает людям, кто мы есть и кто он сам...

Тепло и с симпатией отзывался Булат о Юрии Кукине, находил у него подлинное поэтическое дарование. Нравился ему и Юрий Визбор, но с оговоркой — «ранний». Высоцким то восхищался, то делился сомнениями: останется ли спетое им в сфере настоящей, высокой поэзии, или секрет его воздействия кроется больше в его личности, голосе, темпераменте, актёрском даре? О Галиче Булат говорил сдержанно, но уважительно. Александр Аркадьевич платил ему той же монетой, но в его отношении к Булату прорывалось порой нечто вроде ревности — когда он иронизировал насчёт «ляпа» в «Песенке о Моцарте»: как, мол, можно играть на скрипке и притом не убирать ладони со лба! Или когда рассказывал (уже после отъезда из СССР), что Булат не выполнил своего обещания — не позвонил в Москве другу Галича, чтобы что-то там ему передать...

Метаморфоза профессора Эткинда

По прихоти судьбы я оказался не только первым читателем, но и первым издателем «музыкальной» главы фундаментального труда Ефима Григорьевича Эткинда «Материя стиха». Произошло это так. К моменту завершения книги у автора начались неприятности с властями, описанные им впоследствии в «Записках незаговорщика». Литературные издательства закрыли перед ним свои двери. И я предложил попытать счастья в издательстве музыкальном — в надежде, что весть о запрете на труды Эткинда до них ещё не дошла. Глава «От словесной имитации к симфонизму» (за вычетом раздела о «Двенадцати» Блока) была включена в составлявшийся мною сборник «Поэзия и музыка», который благополучно вышел в «Музыке» (Москва) в 1973 году.

*С Лидией
Фрумкиной
и Е. Г. Эткиндо́м,
Вермонт, 1990.
Фото А. Смирнова*

Благополучно для Ефима Григорьевича, но не для меня и моего соавтора, фольклориста и культуролога Кирилла Васильевича Чистова: наша большая, страниц на сто, статья «Поэт-певец», в которой анализировались — на примере творчества Булата Окуджавы — истоки и особенности «поющей поэзии» 1960-х годов, была в последний момент выброшена из набора, когда Окуджава подвергся опале за выход сборника его стихов в издательстве «Посев». А ведь именно ради этой работы да ещё яркой статьи Новеллы Матвеевой «Как быть, когда поётся» (её постигла та же участь) и затеял я этот сборник...

Ефим Григорьевич прочитал нашу с Чистовым рукопись сразу же после её завершения осенью 1969 года и оставил на её полях поразительно тонкие замечания по поводу роли музыки в песнях Окуджавы. В статье говорилось, в частности, о том, что напев сплошь и рядом не прямо вторит стихам, а создаёт свой, особый эмоционально-образный план, обогащая музыкально-поэтический дуэт недостающими красками и рождая дополнительные линии напряжения в художественной структуре песни. Эткинд живо и заинтересованно прокомментировал такого рода догадки. К рукописи была приложена записка, поразившая меня совсем другим — безоговорочно суровой оценкой окуджавской поэзии. Впоследствии оценка эта существенно изменилась. Всё же, будучи убеждённым, что заблуждения и ошибки крупных талантов не менее интересны и поучительны, чем их прозрения, привожу фрагменты текста, занимающего около страницы и помеченного октябрём 1969 года:

Помимо замечаний на полях:

1. Мне кажется, что художественное значение Окуджавы резко увеличено. Оказался некий вакуум — как романы Ремарка. И, как Ремарк, это размен сложного на общепонятный язык (для мальчиков). Явление это подражательное и — на безрыбье. Попробуйте разобрать одно-два стихотворения-песни по всей строгости — останется пшик.

2. <...>

3. Присоединение музыки к тексту — надо бы рассказать о разных вариантах. Обычно это бывало, когда текст был лишён внутренних черт поэзии — и в песне приобретал эти внешние черты («Пара гнедых», Беранже и т. д.). У Б. О. множество внешних черт, — впрочем, более хитроумных, чем у Апухтина. Вся эта темнота (пустая), многосмысленность (фальшивая), скорбь (ложная), юмор (направленный куда-то вбок), гражданственность (безобидная) — внешнее, пустопорожнее. Пройдёт несколько лет, и О. будет забыт. Не то что А. Галич — гениальный певец, классик жанра.

Е. Э.

Безусловное предпочтение Галича Окуджаве сохранялось у Ефима Григорьевича ещё некоторое количество лет. В июне 1976-го я пел у него под Парижем, в Сюрене, в присутствии его друга, гостя из Ленинграда. После солидной порции окуджавских песен перешёл к Галичу, на что хозяин дома не преминул заметить: «Ну вот, теперь мы слышим речь не мальчика, но мужа...» Прошли годы, и я отплатил Эткинду аналогичной фразой, когда услышал от него совсем другие речи про некогда «подражательного» и «пустопорожного» поэта. Произошло это в Париже в июне 1987 года, когда Ефим Григорьевич устроил мне лекцию-концерт о российских бардах во Французском институте славянских исследований. Представляя меня почтенной публике, он упомянул ведущих авторов «гитарной поэзии», заметив, что первым из крупных российских поэтов, взявших в руки гитару, был Булат Окуджава². Я не помню деталей этого

² «Предположим, что всё выйдет так, как мечтает Окуджава, — заметил известный французский славист Мишель Окутьрье, когда я спел «На Сретенке ночной надежды голос слышен...». — Не исчезнет ли гитарная поэзия, да и вся российская «контркультура», когда в России настанет свобода?» Я ответил профессору, что в его свободной Франции искусство поющих поэтов не только существует, но и процветает — достаточно назвать такие блестящие имена, как Жак Брель или Жорж Брассенс, которого, кстати, Булат Окуджава считает превосходным поэтом. Чем же Россия хуже Франции, почему она, обрета свободу, не сможет сохранить культуру умной «литературной» песни? «Всё это не довод, — парировал Окутьрье. — Жорж Брассенс не ровня Окуджаве. Булат Шалвович гораздо выше как поэт, но я опасаясь, что с приходом свободы он и такие, как он, утратят питающий их стимул, который заключается в противостоянии власти и официальной культуре»...

вступительного слова, как и подробностей того, что говорил мне Эткинд об Окуджаве (опять-таки в Париже) за три года до этого, летом 1984-го, помню лишь, что тональность характеристик и оценок его поэзии стала совсем иной, чем в той злополучной записке 1969 года.

16-го июня 1997 года по «Голосу Америки» в моей передаче памяти Булата прозвучали следующие слова Ефима Григорьевича о поэзии Окуджавы, сказанные по телефону из германского города Потсдама:

В ней есть некая лирическая струя, которая вообще была свойственна Булату и в его разговорах, и в его песнях, и которая — при всей её тихости, при, казалось бы, внешней незлобivosti — была сильно мощной казённости громкого ора советской пропаганды.

Впечатляющая эволюция. От пустой темноты, фальшивой многосмысленности, ложной скорби, направленного куда-то вбок юмора и безобидной гражданственности до тихой лирической струи, оказавшейся *сильнее мощной казённости громкого ора советской пропаганды* — поистине дистанция огромного размера. Примечательно, что Эткинд ощутил эту тихую, но неодолимую лирическую струю и в его, Булата, *разговорах*. Думаю, что вермонтское общение, частые беседы по душам сыграли не последнюю роль в избавлении от глухоты к поэзии Окуджавы, которой страдал когда-то Ефим Григорьевич Эткинд.

Первая встреча «за бугром»

Она, как я уже упоминал, произошла в начале апреля 1979-го в Оберлине, университетском городке в штате Огайо, недалеко от Кливленда и озера Эри, одного из Великих озёр. Направляясь к нам, Булат заехал в Энн Арбор, город в Мичигане, где находилось издательство «Ардис» и жил Иосиф Бродский, приглашённый владельцем «Ардиса» и профессором кафедры славистики Карлом Проффером преподавать в престижном Мичиганском университете.

Булат жаловался на боль в животе, ел мало и осторожно:

— То ли язва обострилась, то ли Бродский виноват: накормил меня в китайском ресторане какой-то морской живностью.

Следует сказать, что за тридцать лет нашего знакомства я только дважды видел его по-настоящему больным. Первый раз — в один из моих приездов из Ленинграда в Москву, когда

он лежал дома, выздоравливая после автомобильной аварии: закрутило на обледеленой кольцевой дороге. Второй раз — в начале лета 1991-го, в Балтиморе, где он выступал с концертом в огромном актовом зале школы. Я приехал туда из Вашингтона с моим приятелем и давним другом Булата Ильёй Сусловым, работавшим когда-то в «Юности» и в «Литературке». Илья любил полушутя-полусерьёзно вспоминать, что Булат «убил» в зародыше его карьеру успешного советского поэта-песенника: он услышал ранние песни Окуджавы, устыдился — и прекратил...

Булат выглядел усталым и больным, выйдя на сцену, долго и раздражённо пробовал микрофон:

— Ну, как, слышно? Да? А мне кажется, что звук никуда не годится.

Но пел много (иногда — под фортепианный аккомпанемент Були), выстоял два больших отделения. После концерта мы с Ильёй зашли за кулисы. Булат сидел на стуле бледно-серый, тяжело дышал. Сердечный приступ. Сердце ему починили в то же лето в Лос-Анджелесе. Позже он рассказал мне, что первое время после операции, когда начал выходить на улицу, он испытывал странное чувство полного безразличия, чуть ли не протрации...

А тогда, в 1979-м, уезжая через несколько дней от нас из Оберлина, Булат попросил:

— Из того, что будет выходить в Америке по-русски, присылай, пожалуйста, только Бродского...

Кроме Бродского, я регулярно присылал ему со своими студентами «его самого» — ардисовские сборники его песен, а также аудио- и видеокассеты с дважды поставленной мной в Оберлине театрально-музыкальной композицией «Берегите нас, поэтов» (вторая постановка называлась «Не расставайтесь с надеждой»). По словам Булата, он проигрывал кассеты своим друзьям. Однажды пожаловался по телефону, что кто-то «увёл» видеозапись, и попросил прислать замену, что и было сделано...

Из-за плохого самочувствия Булат отменил обещанный концерт, но согласился встретиться со студентами и преподавателями в гостиной Русского дома, общежития для студентов, изучающих русский язык, где мне, как его директору, была предоставлена квартира. Остановился Булат в гостинице, но большую часть времени проводил у нас.

Как ни неловко мне было утруждать усталого и больного гостя, но пришлось: я умолил его напеть на мой магнитофон несколько песен, которые собирался записать нотами для ардисовского сборника. В моей аудио-коллекции были большие лакуны, так как в Америке мне пришлось создавать её заново, с нуля, и вот почему.

19 марта 1974 года, за день до того, как навсегда покинуть СССР, я — по предварительной договорённости — привёз таможенникам международного аэропорта в Пулково десятки кассет с песнями Окуджавы, Кима, Высоцкого, Новеллы Матвеевой и других поэтов-певцов. (Наиболее «опасную» часть коллекции — с композициями Галича — я через американского студента Эрика Эриксона передал для отправки в США в американское консульство в Ленинграде, которое так и не решилось это сделать...) После четырёх часов ожидания я получил от сотрудника таможни коробки с моими кассетами: «Всё в порядке, можете брать с собой». Что на самом деле означало это «всё в порядке», я узнал осенью того же года, когда пришёл в лабораторию звукозаписи Оберлинского колледжа, чтобы проверить, как звучат мои записи после наших эмигрантских странствий: из Ленинграда в Вену, потом в Рим, затем в Де-Мойн в штате Айова и, наконец, в Оберлин. Девушка-лаборантка поставила для начала кассету с Окуджавой. У меня потемнело в глазах: из динамика потекло нечто непотребное, какое-то завывание — у-у... у-у... у-у... у-у... — из которого беспомощно выныривали жалкие ошмётки песни. Я, ещё на что-то надеясь, попросил лаборантку проверить технику. Проверила. И сказала, что дело не в магнитофоне, а в том, что, судя по всему, запись была испорчена электромагнитом. Намеренно. И восстановить её невозможно. Предписывалось ли это варварство особой инструкцией, или таможенникам просто захотелось посильнее напакостить «предателю родины» — не знаю, не поинтересовался. Коллекцию в конце концов я собрал заново, но одна запись пропала безвозвратно. Моей жене, пианистке, во время прощальной поездки в город детства — Душанбе — выдали в музыкальной школе оригинал записей её первого педагога, яркого музыканта, выпускника Ленинградской консерватории (он учился у знаменитой Надежды Иосифовны Голубовской) Михаила Соломоновича Муравина. Увы, с фортепианной музыкой таможня расправилась тем же способом, что и с песнями бардов. Копий загубленных записей не существует...

В то время Оберлинский колледж, кроме Булата, посетили один за другим его коллеги по Союзу писателей — Бакланов, Нагибин и Трифонов. Самым смелым, независимым и открытым был Булат. Он отвечал на вопросы оберлинцев спокойно и прямо, как будто ему не надо было возвращаться в советскую Москву. На второе место в этом смысле я бы поставил Трифонов. Бакланов был скован, нёс идеологически правильную чушь. По словам одного из московских литераторов (увы, не помню, кого именно), «Гриша» (Бакланов), вернувшись в Москву, жаловался, что в поездке по Америке за ним неотступно следовала его переводчица Фрида Лурье, которая работала в Иностранной комиссии Союза писателей СССР и по возвращении в Москву должна была, как водится, представить начальству подробный отчёт...

В начале января 1980-го я написал Булату в Москву, что мой друг Александр Рутштейн «часто о тебе вспоминает и всё говорит о твоей внутренней свободе и о том, что такой “нормальности” критериев, суждений, оценок редко кто из россиян достигает — даже здесь, живя в Америке и имея для этого, казалось бы, все внешние условия». Для меня эти качества Булата не были неожиданностью. Они отчётливо проявились ещё в критическом 1968 году, когда я потерял нескольких хороших друзей — развели нас августовские события, разгром «пражской весны»³. Булат держался безукоризненно, всё прекрасно понимал и принимал близко к сердцу, мрачнел, возмущался. День его концерта в ЦДЛ — 30 марта 1969 года — совпал с финалом чемпионата мира по хоккею: играли сборные Чехословакии и Швеции. Чем-

³ «Вот ты возмущаешься нами, а я, представь себе, — чехами. Я за них кровь проливал, Прагу освобождал, а они себе “весну” устроили. Лучшей жизни захотелось? Ничего, пускай живут, как живём мы, их освободители!» Эти слова я, не веря своим ушам, услышал от ленинградского композитора и пианиста Е. В., с которым мы, до того момента, были едины во всём, что касалось любимой советской власти. «Володя, успокойтесь, — урезонивал меня в те трагические дни Ю. Я. В., известный лектор-музыковед, интеллигент старой закалки, свободно говоривший на европейских языках. — Я был на закрытой лекции, где человек из обкома нам доверительно сообщил, что западные немцы сконцентрировали на чехословацкой границе очень значительные силы. Если бы не мы, они бы вторглись первыми, и Чехословакия стала бы частью НАТО! Понимаете? Мы не могли иначе». «И вы поверили этой байке?» — изумился я. И вспомнил собрания двадцатилетней давности, на которых Ю. Я. громили за безродный космополитизм и пропаганду музыки антинародных композиторов-формалистов Шостаковича и Прокофьева. Держался он стойко, в грудь себя не бил и, казалось, уже тогда прекрасно понимал суть режима. И вот на тебе — он с ним, родимым, заодно, имперский комплекс из подсознания вылез...

пионат предусмотрительно перенесли из Праги в Стокгольм — страсти были накалены до предела. Чехословацкая и советская сборные попали к тому же в одну группу, и обе их встречи (21 и 28 марта) закончились разгромом советской сборной — к великой радости тех немногих в СССР, кто жаждал победы чехов: пускай хоть в спорте, но отомстят за позор оккупации! 30 марта чехи проиграли шведам и заняли третье место — после СССР и Швеции — хотя по показателям личных встреч все три сборные оказались равными. Всё решило соотношение заброшенных и пропущенных шайб. Выигрыш у шведов в тот вечер мог принести чехам золотую медаль.

В ЦДЛ мы приехали вместе. Проходя мимо гостиной, увидели группу взбудораженных мужчин, сидящих перед телевизором. Остановились.

Я оторопел:

— Похоже, что они против чехов болеют. И это твои коллеги?! Писатели?!

— А ты чего от них ожидал? — мрачно проговорил Булат.

Думаю, что он не случайно включил в тот концерт свои «антимилитаристские» песни — «В поход на чужую страну» и «Возьму шинель, и вещмешок, и каску». Перед концертом, за сценой, где я помог ему настроить гитару, Булат познакомил меня с артистом «Современника» Валентином Никулиным, которого он пригласил принять участие в концерте. Помню, что Никулин спел под рояль «Прощание с новогодней ёлкой», но в моей записи этого номера почему-то нет. Валя не столько пел, сколько напевно декламировал глубоким, низким голосом.

Через несколько дней, в начале апреля, генсеком поверженной Чехословакии стал послушный Кремлю «верный ленинец» Густав Гусак. В мой очередной приезд в Москву я услышал от Булата (в его квартире на Ленинградском шоссе у метро «Речной вокзал») новую «песенку», которую он спел, присев за пианино (гитары у него в тот день не оказалось):

Лежать бы гусаку в жаровне на боку,
да, видимо, немного пофартило старику:
не то чтобы хозяин пожалел его всерьёз,
а просто он гусятину на завтра перенёс.

Булат болезненно воспринимал любое посягательство на свободу, любое проявление грубого диктата. «Дайте выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке...» — вырвалось у него в сере-

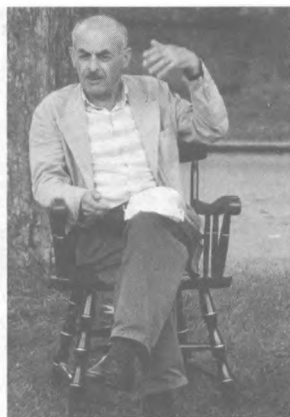
дине 1970-х. Право свободно выразить себя в «словах» было для него неотделимо от права читать слова, сочинённые другими. Он долго не мог забыть унижительного «шмона», учинённого таможенниками в Шереметьево, когда он возвращался из Германии в мае 1985 года. Мюнхенские друзья наделили его книг, и Булат их повёз с собой, полагая, что обыскивать его не станут. Куда там! Обыскали с пристрастием и забрали все книги до одной...

Перестройка и солонина

Второй раз Булат попал в Оберлин через восемь лет, в мае 1987-го. В отличие от предыдущего, этот визит был частным, с колледжем никак не связанным. Приехал он к нам после небольшого тура по стране, на который его отпустил официальный «спонсор» — Институт русских исследований имени Джорджа Кеннана в Вашингтоне. Недели за две до Окуджавы в Оберлине побывала Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером. Президент колледжа Фредерик Старр, знаток русской культуры, написавший великолепную книгу об истории советского джаза, пригласил её для чтения стихов. Булат, уже находившийся в Америке, в разговоре со мной по телефону посоветовал познакомиться с Беллой и Борей, позвать их к себе. Знакомство состоялось, симпатичная и талантливая пара немедленно пришла к нам в дом (к тому времени мы переехали из Русского дома в наш собственный) и стала бывать у нас ежедневно. В конце мая ожидался приезд Андрея Вознесенского, приглашённого Старром произнести *commencement speech* —

*Беседа со студентами
Летней русской школы в июле 1992-го.
Фотографии Дэвида Гартена*

☞ *Левее сидит преподавательница
этого курса Вероника Туркина-Штейн,
у дерева — её дочь Елена.*

традиционную напутственную речь на торжественной церемонии вручения дипломов выпускникам колледжа. В том же телефонном разговоре я спросил у Булата, что он посоветует насчёт Андрея, что за человек, как с ним общаться.

Ответ меня ошеломил:

— Гони его в шею! — Объяснять не стал...

Булат привёз в Оберлин две новые песни. Одну — «Быстро молодость проходит...», посвящённую Фазилю Искандеру, — с припевом:

Две жизни прожить не дано,
два счастья — затея пустая.
Из двух выпадает одно —
такая уж правда простая.

По поводу этого припева Лида потом высказалась так: «Это он, наверное, о своей драме — об Ольге—Наталье»...

Второй песней, которую мы записали, была — «На Сретенье ночной...». Обе он спел у нас в доме 18 мая. Пение и последующий разговор шли при включённом магнитофоне.

Начал Булат с того, что в последнее время мало написал:

...Из-за всей этой истории моей, о которой я тебе рассказывал... Пустая голова. Три рассказика написал с грехом пополам — и всё...

(История была как раз об этой его драме, о том, как разрывался он между двумя женщинами, как уходил из дома — и его начинало тянуть обратно, а после возвращения домой — снова туда, где недавно был...)

Норвичская Русская школа, 1992.

Общий снимок (РГАЛИ. Ф. 3323. Оп. 1. Д. 528. Л. 1).

Справа — фрагмент. Во втором ряду — Ф. Искандер и В. Фрумкин (за ним — В. Смахов). Окуджава с женой — крайние справа ☺

Потом рассказал о «Сретенке», которую он «придумал месяца два тому назад; музыку придумал в Вашингтоне». На моё замечание, что это, может быть, первая поэтическая реакция на то, что происходит сейчас в России, Булат ответил историей про одного «болвана», который заведует в «Правде» отделом культуры и который «был со мной в Париже; то есть, он был по своей линии, я по своей». На обратном пути они оказались в одном вагоне. Попутчик, «очень такой заискивающий передо мной», поинтересовался литературными делами Булата Шалвовича, и тот рассказал, что после долгого творческого застоя «вдруг в Париже написал стихи», имеющие отношение к Перестройке («а мы о Перестройке как раз всё время говорили»).

— «Да что вы! Давайте в “Правде” опубликуем!» — «Да нет, знаете, это не для “Правды”». — «Ну, может быть, вы прочтёте?» — «Пожалуйста, я прочитаю...» — «Всё. Приезжаем — я вам звоню, берём в “Правду”».

— Не позвонил. Не позвонил, — завершил историю Булат.

И перешёл к другой истории: про двух тогдашних политиков из разных лагерей — Александра Яковлева, человека «очень горячего», который «хочет что-то изменить» в стране, и его антипода Егора Лигачёва, человека сдержанного и осторожного.

— Я их не знаю, мне трудно судить, — продолжал рассказчик, — но вот деталь такая. На пленуме Союза писателей РСФСР некоторые писатели выступают с безобразными речами. Погромными. Яковлев их вызвал и очень строго предупредил, чтобы этого больше не было. Потом их пригласил к себе Лигачёв. И сказал, что всё правильно, но надо чуть поосторожней...

Потом Булат рассказал «последний анекдот», заметив, что анекдотов давно не было, и тут вдруг появился: «Товарищ генерал, ваше приказание выполнено!» — «А я ничего не приказывал». — «А я ничего не выполнял...»

Зашла речь об антиалкогольной кампании, начатой Горбачёвым, который увидел, как деградирует общество, «пришёл в отчаяние и сказал, что надо прекратить пить». И зря:

— Я считаю, что надо было оставить водку в продаже, но строго наказывать за пьянство на работе, на улице. Очень строго. Очень. Водку продают в закрытых переулочках. По шесть часов стоят в очереди. По пять часов... Женщины все «за». А я недоволен, потому что ко мне приходят друзья — а мне нечем их угостить. Достать трудно, надо стоять в очереди...

Во время прогулки по кампусу, когда мы заговорили о том, что может выйти из перестроечных попыток Горбачёва, Булат сказал, что украинцы, пожалуй, воспрянут раньше русских. Вспомнил, что в деревне Калужской области, где он преподавал после войны, чуть ли не единственной пищей её голодающих жителей — русских и украинцев — была свинина. Свиной забили осенью. Украинцы превращали их в колбасы и копчёные окорока. Русские рубили на куски и бросали в бочки с солёной водой. «Зачем вам эта солонина, посмотрите, что ваши соседи делают!» — «Да знаем, но — возиться неохота!»

— Ну какая тут может быть надежда... — развёл руками Булат...

«Даже Пастернак не говорил о себе: я поэт»

«Понизе, понизе!» — любил повторять Булат, когда мне случалось перед его выступлениями настраивать его гитару, особенно же, когда в Америке перестраивал шестиструнную, которой он не владел, на семиструнную (Булат умел обходиться без средней струны — *ре*). Его преследовал страх, что он не вытянет высоких нот, перед исполнением «Песенки о молодом гусаре», предупреждал, что в припеве может пустить петуха. Я, признаюсь, приложил руку к этой его фобии: настроил однажды инструмент чуть ли не на тон выше. Волновался, спешил, под рукой ни рояля, ни камертона (а абсолютным слухом Бог меня не наградил). Булат настраивал свою «подругу семиструнную» на полтона, тон, а то и на два с половиной тона ниже общепринятого (соль-мажорного) строя. При этом третью снизу струну (*си*) он на полтона поднимал — как это обычно делают гитаристы-любители, чтобы облегчить работу левой руки.

Это насмешливо-дурашливое «понизе, понизе» вспомнилось мне теперь, когда я задумался об удивительном свойстве Булата сбавлять тон всякий раз, как заходила речь о нём и о его песнях. От комплиментов отмахивался.

— Ничего, да, ничего? — бросал он, исполнив новую вещь, видя, что она понравилась и затрудняя дальнейшие излияния.

На предсказания долгой жизни его «поющей поэзии» отвечал, что время покажет, оно всё расставит на свои места, а в будущее не заглянешь. Но явно оживлялся, когда хвалили прозу, которую считал недооценённой и сильно по этому поводу горевал.

Газетно-журнальные наскоки на его песни внешне воспринимал спокойно, но глубоко огорчился, когда в «Вопросах литературы» вышла злобная и несправедливая статья Станислава Куняева «Инерция аккомпанемента».

Мои попытки смягчить удар, ссылки на мнения хороших и авторитетных людей Булат парировал так:

— Мы с Куняевым дружили, он очень умный человек — и ругает меня, а хвалят-то люди послабее... — Помню, что это больно кольнуло, ибо камешек попал рикошетом и в меня...

Летом 1990-го Булат отозвался о своём зоиле несколько иначе. Во время званого обеда в доме, который снимала в Норт-филде уже упоминавшаяся дочь нашей коллеги В., её (дочери) отец и муж завели разговор о кадровых переменах в журнале «Наш современник» и о том, как благотворно сказалось на его литературно-философском уровне мудрое руководство нового главного редактора Куняева.

Булат опешил:

— Да о чём вы говорите! Какая такая философия-литература! Ведь в этой редакции — одни бандиты!

Отец взвился, замахал руками, запахло скандалом, но В. быстро его осадил и куда-то увела на весь вечер... Именно он через два года предал огню книгу Дружников о невыездном Пушкине на описанном выше шашлычном мероприятии, происходившем на только что купленной дочерью даче...

Призывая друзей *не опасаться высокопарных слов*, Булат упорно избегал их, когда говорил о своём писательском ремесле. Песни свои *придумывал*, и не песни даже, а *песенки*. К *сочинил*, *написал* прибегал редко. Слова *создал* в его лексиконе не было. В разговоре о том, почему стал мало писать стихов и песен (дело было в конце 1960-х), объяснил это просто и, как мне показалось, вызывающе прозаично: израсходовал запас любимых слов, исчерпал их возможности.

— Я ведь иду от конкретных слов — *надежда, женщина, дорога, музыка, труба, Арбат*, — стихотворение вырастает из них, а не из какого-то там высокого и абстрактного «замысла» или «идеи».

Среди излюбленных слов Булата почётное место занимали слова музыкальные — в его стихах звучат оркестры и оркестрики, играют скрипки, трубы и радиола, поёт кузнецик, гремит *мелодия, как дождь случайный*; *заезжий музыкант целуется с трубою*; а весёлый барабанщик *в руки палочки кленовые берёт*...

Увеличенная октава

К музыке Булат относился с почтением и трепетом — как к субстанции таинственной, для простого смертного непостижимой.

— Ты знаешь, я тебя боюсь, — выпалил он мне однажды с деланным испугом. — Ты страшный человек: музыку, гостью из небесных сфер, пригвождаешь к бумаге, превращаешь в какие-то чёрные значки. Кошмар!

Однажды (дело происходило ещё в Москве) Булат поинтересовался, что я думаю о музыке его песен, есть ли в ней хоть какая-ни на есть оригинальность или вся она — сплошное подражание, общие места. Я ответил, что главное в его музыке — не оригинальность, а незаменяемость. Именно такие мелодии нужны его стихам, именно они помогают, а не мешают проявиться слову. Но при этом есть у него и напевы своеобразные и далеко не простые, например — в «Новогодней ёлке» или в «Молитве Франсуа Вийона». И текут они широко, гибко, красиво!

— Но «Молитва»-то, мне кажется, построена довольно стереотипно, — усомнился Булат.

— Допустим, но твой «Лесной вальс» — где тут стереотип? Мелодия сложна, изысканна, чего стоит хотя бы абсолютно непредставимый в советской песне головокружительный скачок вниз на остро диссонантную увеличенную октаву, с соль-диеза на соль (между «то ласково, то страстно» и «Что касается меня»). А какая свежая гармоническая модуляция (из минора в мажор) подчёркивает и «просветляет» этот широкий и дерзкий ход! Но этого мало. Уверен: любой уважающий себя член Союза советских композиторов озвучил бы это стихотворение в ритме вальса. О *Музыканте в лесу под деревом*, который *наигрывает вальс*, ты поёшь не в кружащемся движении на три, а на четыре! Представь, что бы сделали с Блантером, если бы он отказался от вальса в своём знаменитом «С берёз неслышен, невесом слетает жёлтый лист. Старинный вальс “Осенний сон” играет гармонист»?

А «До свидания, мальчики? — продолжал я. — Профессионал, прочитав «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...», встал бы в позу и выдал нечто драматическое и гневное. А вот автор стиха поёт его сдержанно и тихо, в характере лирического вальса.

— Погоди, погоди, а мне как раз хотелось, чтобы это звучало сильно, с болью! «Ах, война!!!» — попытался изобразить Булат. — Но я не смог, кишка тонка, в музыке я не мастер, не профессионал.

«И слава Богу!» — подумал я. И попробовал объяснить, что у поющих поэтов — свой особый жанр, своя ниша в искусстве, что авторское пение сродни авторскому чтению и народной песне. Поэты, читая или распевая свой стих, не стремятся дублировать и усиливать то, что уже есть в словах, их мелодии идут зачастую «по касательной» к стиху, вносят новые краски, передают внутреннее состояние певца и рождают доверительную ат-

Дорогому Булату Фрумкин
 эту книгу посвящаю
 с самыми добрыми пожеланиями

Булат
 Владимир 29 апреля 71.
BULAT OKUDŽAWA

20 piosenek na głos i gitarę

Дорогому Булату Фрумкин
 эту книгу посвящаю
 с самыми добрыми пожеланиями
 Булат Окуджава
 Владимир 29.4.71 г.

Булат ОКУДЖАВА

ПЕСНИ ТОМ II

Музыкальная запись, редакция,
 составление — ВЛАДИМИР ФРУМКИН
 Английский перевод — Тая Вольфсон
 (стихотворения), Кирстен Пейнтер, Лора
 Томпсон

Булат
ОКУДЖАВА
SONGS VOLUME II

Musical arrangements, selection and editing by
 VLADIMIR FRUMKIN 19.5.84
 English translations by Tanya Wolfson,
 Kirsten Painter, Laura Thompson

Всем Фрумкинским
 с доброй и нежной
 любовью Булат

Песни Булата Окуджавы

Мелодии и тексты

Лавика, Лавика, Вовочка
 эти бывшие
 товарища
 с любовью
 Булат
 30.4.90
 Норрис

БУЛАТ ОКУДЖАВА
 66 ПЕСЕН

Музыкальная запись,
 редакция,
 составление —
 ВЛАДИМИР ФРУМКИН

Перевод стихотворений —
 Ева Шапиро

Всем Фрумкинским
 с доброй и нежной
 любовью от бывших
 товарищей
 Булат
 19.5.84

BULAT OKUDŽAWA
 66 SONGS

Musical arrangements,
 selection and editing by
 VLADIMIR FRUMKIN

English translations by
 Eve Shapiro

ARDIS / ANN ARBOR

Москва «Музыка» 1989

ОКУДЖАВА

мосферу общения со слушателем. Пошли примеры из окупджавских песен.

— Всё, на этом поставим точку, — мягко, но решительно прервал меня Булат. — А то ты всё про меня объяснишь, и я окончательно разучусь придумывать песни...

Я опешил, но тут же вспомнил притчу про сороконожку, которой однажды объяснили механику взаимодействия всех её ног, после чего она потеряла способность двигаться. И решил не реагировать на прозвучавший тогда же второй упрёк в адрес «Молитвы»: что её мелодия забывает текст, отвлекает внимание от смысла слов, скрадывает иронию («мудрому дай голову, трусливому дай коня...») и другие важные смысловые детали. Меня удивила его проницательность: редко кто из практиков и теоретиков искусства задумывался о соперничестве мелодии и слов, о происходящей между ними борьбе за внимание слушателя, приводящей к различным результатам в разных жанрах вокальной музыки — народной и профессиональной. Я затронул эту мало разработанную область эстетики в докладе «Музыка и слово», прочитанном в мае 1967 года на конференции бардов под Петушками.

Опасаясь эффекта сороконожки, я так и не рассказал Булату про свой эксперимент с его «Неистов и упрям, гори огонь, гори». Как-то я попросил нескольких моих приятелей, ленинградских композиторов, предложить музыкальное прочтение этого стиха. Выбрал тех, кто не был знаком с мелодией Булата — неспешной, меланхоличной, в ритме вальса. Мои подопытные — все как один — симпровизировали музыку в характере героико-драматического марша. Думаю, что точно так же поступили бы они и с «До свидания, мальчики»...

«Делал то, что делается...»

Девятого марта 1997 года я позвонил Булату в Москву, чтобы сообщить, что в Бостоне умер Феликс Розинер (бывший москвич, автор покорившего Булата романа «Некто Финкельмайер»), и попросить сказать о Феликсе несколько слов для «Голоса Америки». Булат был плох, говорил медленно, прерывисто, с пугающими болезненными всхлипами (эмфизема лёгких... Я не раз приставал к нему с вопросом, бросил ли он курить. «Курю меньше», — обычно слышал в ответ...) Но отозваться о Феликсе согласился не задумываясь.

— Как и во всяком большом писателе, — начал Булат, — я в нём ценю, прежде всего, непохожесть. Он писал, как всякий одарённый человек, — по-своему видя мир. Это очень ценно в литературе... Он жил как настоящий творческий работник, не занимаясь особенно изучением своего творческого «я»... — («Да это ведь он и о самом себе говорит!» — вдруг почудилось мне.) — Делал то, что делается, писал то, что пишется. Никого не учил, никого не пытался перевоспитать... Я очень мало с ним общался, но мне надолго запало в душу общение с ним, его характер, его мягкость. Я, между прочим, в Вермонте с ним общался. В нём очень много обаяния и скромности, — сбился вдруг Булат на настоящее время, избежав бесповоротного «было». — Вот это поразительно совершенно, в наш разнузданный век, да...

Это горькое да, сказанное через силу, сиплое, мучительное, но певучее, как всё, что произносил Булат, — последнее, что я от него услышал. Девятого мая я позвонил ему, чтобы поздравить с днём рождения. Но он уже был в Европе, где через месяц его ждал Париж — последняя точка его жизненного пути...

Владимир МАТЛИН

ВСТРЕЧИ В ВАШИНГТОНЕ

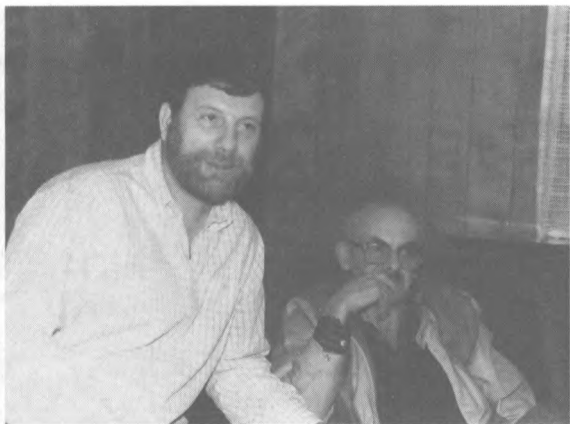
Проклинаю своё легкомыслие! Ведь отлично понимал, что судьба посылает мне редкую удачу: встречу с выдающимся человеком. Надо было всё записать, запротоколировать. Почему я этого не сделал? А теперь вот, почти четверть века спустя, приходится мучительно выжимать из памяти крупницы воспоминаний — как это было, что он сказал, кто присутствовал? А мне уже восемьдесят, и память слабеет с каждым днём... Попробую вспомнить, что смогу...

* * *

Итак, с Окуджавой меня познакомил мой хороший друг Володя Фрумкин. В то время он с семьёй жил в Оберлине (штат Огайо), где он и его жена Лида преподавали в местном колледже. Мы с женой давно уже работали на «Голосе Америки» и жили в пригороде Вашингтона.

Однажды В. Фрумкин позвонил и сказал: «У нас здесь гостит Окуджава. На днях он должен быть по своим делам в Вашингтоне. Мы его привезём, остановится он в гостинице, но нам бы хотелось познакомить его с вами, посидеть, поговорить в домашней обстановке. Может, мы прямо отсюда приедем к вам? Вряд ли у него найдётся другой свободный вечер».

Конечно, мы с радостью согласились. Надо сказать, что моя жена, Аня, была уже много лет горячей поклонницей Окуджавы — с первого посещения его концерта (кажется, в ЦДРИ в 1959 году), я же поначалу относился к нему скептически — подумаешь, Ванька Морозов... От незнания, конечно. Уже в Америке, благодаря В. Фрумкину, я глубже познакомился с творчеством Окуджавы и полюбил его. Так что его визит к нам был для нас просто праздником.

С автором
воспоминаний,
19 мая 1987 г.

Между тем Фрумкин заводит такой разговор. Булат с благодарностью принимает ваше с Аней приглашение и при этом спрашивает, нельзя ли также в этот вечер пригласить к вам живущих в Вашингтоне его давних знакомых: Василия Аксёнова и Илью Суслова? Конечно, говорю я, с Васей мы давно знакомы, а Суслов мой друг — мы работали вместе на «Голосе».

Таким образом, в тот вечер 19 мая 1987 года (в дате не совсем уверен, возможно, на день-два раньше) Окуджаву у нас в доме ожидало такое общество: Илья Суслов, Василий Аксёнов с женой Майей и собакой Ушиком, двое наших друзей из «Голоса Америки»: Герд фон Дёминг, начальник советского отдела, и Барбара Камминс (*Cummins*), возглавлявшая отдел политического вещания в русской редакции. Окуджаву привезли в Вашингтон Фрумкины — Володя, Лида и девятилетняя Майечка. Ей-то и было суждено стать сенсацией этого вечера...

Мы собрались в просторной, прохладной *family room* на нижнем этаже нашего дома. Окуджава выглядел усталым. Он поздоровался со всеми, тихо сел в уголок и замолчал. Суслов и Аксёнов тормошили его расспросами об общих знакомых, а все вместе добивались ответа на один главный вопрос: верит ли он в Перестройку? Он отвечал сдержанно: очень хотелось бы верить... Эту же мысль он высказал в только что написанном стихотворении «Голос надежды», которое прочёл на следующий день в своём выступлении в Кеннан-институте.

В какой-то момент В. Фрумкин вытащил из футляра гитару. Булат протестующе замахал руками: «Нет-нет, сегодня я петь не могу». «Тогда Майка будет петь за тебя», — сказал Володя.

*В доме
В. Матлина
19 мая 1987 г.
Майя Аксёнова,
Майя Фрумкина,
Илья Сулов,
Владимир
Фрумкин*

И Майечка запела. Боже, что это было за пение! Только чтобы избежать трюизмов, не буду упоминать ангелов. Чистый, хрустальный голос, проникновенная интонация, возвышенность, теплота, нежность... Вряд ли девятилетний ребёнок понимал глубину оруджавской поэзии, но было в её пении нечто другое. Американская девочка, рождённая и выросшая в Огайо, пела на русском языке о сугубо русских проблемах. Некоторые русские слова она произносила с усилием — «фонаршшик» или там «колено-прекло-нённый». Это было необыкновенно трогательно.

Когда она закончила, Булат, утирая слёзы, сказал:
— Самое лучшее исполнение, какое я слышал.

В течение всего остального вечера он сидел с ней в обнимку. Все по очереди подсаживались к нему, обсуждали свои вопросы. Герд фон Дёминг, скорей всего, обсуждал с ним русское вещание по «Голосу». Что конкретно говорил ему Булат, я не знаю, но Герд остался беседой доволен.

На следующий день, 20 мая, Оруджава выступил с концертом в Кеннановском институте, в помещении Смитсоновского «замка». Народу было полно, и помимо обычных на его концертах славистов и эмигрантов, были люди из советского посольства — а как же, ведь Перестройка!.. Существует полная запись этого концерта, который вели профессор Джозефина Уолл (Wall) и Владимир Фрумкин, так что пересказывать нет смысла. Оруджава выглядел вполне здоровым, хотя ощущалась усталость от долгого путешествия по Америке. После концерта он

Тогда же.
С Майей
Фрумкиной
и Барбарой
Камминс.
Фотографии
автора

почувствовал себя плохо. Помощь ему оказали находившиеся в аудитории два врача — супруги Ян и Валерия Койфманы.

Ещё через два-три дня мы встретились для интервью. Помню, был нерабочий день — так что, вероятно, это была суббота 23 или воскресенье 24 мая. Разговор состоялся в гостинице, в его номере. Я принёс с собой магнитофон «Сони-5000», но только один микрофон, так что приходилось передавать его из рук в руки (отчего на оригинальной записи шум). Разговор касался, в основном, трёх тем: цель приезда в Америку, события в России, впечатление от Америки. Полная запись этого интервью приводится ниже.

После интервью я спросил, не нужно ли куда подвезти — у меня машина. Булат ответил, что у него куча всяких поручений от друзей — купить то да сё — и он был бы очень благодарен, если бы я помог. Мы поехали в какой-то «драг-стор», то есть аптечный магазин, и он накупил всяких мелочей. Расплачивался сам до цента.

Был жаркий день, и когда вышли из магазина, Булат сказал: — Посидеть бы в холодке, пива выпить... Есть такое место?

Конечно есть — мой дом. Поехали ко мне. Аня встретила нас радостно. Мы сели внизу, в *family room*, достали из холодильника пиво и продолжили беседу. (Фрумкины уже уехали к себе в Огайо).

Это, конечно, самое важное — что он говорил. Из всех сил пытаюсь вспомнить. Ну, хорошо помню, что много говорилось об отношениях в их писательском кругу. Он поблагодарил меня, что пригласил тогда к себе Васю Аксёнова. Он считал для се-

Слева —
В. Аксёнов.
Фото автора

бя возможным встретиться с ним только «на нейтральной территории».

— У нас там на него многие обижаются, — сказал Окуджава. — Он затеял эту историю с «Метрополем», а сам уехал в Америку. Есть писатели, которые пострадали из-за его затеи, а он, вроде бы, пожинает плоды известности. С ним пытался на этот счёт поговорить Евтушенко. Они встретились здесь, в Америке, но общего языка не нашли, разговора не получилось.

Я спросил БШ, были ли у него личные отношения с двумя другими знаменитыми бардами того времени — А. Галичем и В. Высоцким. Он очень тепло отозвался о Володе, о его таланте и человеческих качествах. Они не были близкими друзьями, но отношения между ними установились самые добрые.

— Мы помогали друг другу, — добавил Булат.

Что это означало, я, правду сказать, не понял.

О Галиче Окуджава говорил сдержанно. Признавая за ним большое поэтическое и исполнительское дарование, он явно не одобрял какие-то его поступки. Я пытался добиться, какие именно. Булат помолчал и резко сказал: «Он врал». И перешёл к другой теме.

БШ, в отличие от многих других визитёров из России, живо интересовали разные стороны американской жизни. Помню, когда мы подъезжали к дому, он стал расспрашивать меня, кто мои соседи, кто живёт в таком вот пригородном посёлке, называемом в Америке *suburb*, к каким социальным слоям общества принадлежат эти люди. Дочка наша к тому времени окончила университет, и это обстоятельство тоже вызвало по-

ток вопросов: какую она приобрела профессию, как устроилась на работу и т. п.

Ещё он с увлечением говорил о замысле своего нового исторического романа: о двух российских офицерах, которые накануне русско-турецкой войны были направлены в Турцию с разведывательной миссией, а там познакомились с двумя прелестными девушками — дочерьми американского дипломата. После войны они отправились в Америку, чтобы отыскать своих прелестниц, а вместо этого угодили в пекло американской гражданской войны... Он пожаловался, что из-за краткости пребывания в Америке не успел как следует поработать в архивах, но нашёл здесь людей, которые обещают выполнить для него эту работу.

Потом жена накормила нас обедом, и я отвёз его в гостиницу.

После его отъезда из Вашингтона я видел Булата только один раз. Произошло это в 1991 году, в Лос-Анджелесе. Окуджава оправлялся после сложной операции на сердце. Он лежал в доме у своего друга, нашего эмигранта Александра Половца, который, собственно говоря, организовал финансирование этой операции. Никто не знал, как БШ чувствует себя, как идёт на поправку: его супруга Ольга Владимировна не допускала никакого контакта с журналистами. Разумеется, из лучших побуждений. Я позвонил Саше Половцу, моему старому доброму знакомому, и просил его походатайствовать за меня непосредственно перед БШ. Что он и сделал.

— Никаких журналистов, — сказала Ольга Владимировна, — он ещё очень слаб.

— Нет, — сказал Булат. — Матлина из «Голоса» я приму.

И я помчался в Лос-Анджелес, и он меня принял. Конечно, не ввиду каких-то моих достоинств, а скорей всего потому, что в те времена «Голос Америки» пользовался в России большим авторитетом и популярностью.

Выглядел Окуджава, как и должен был выглядеть человек после тяжёлой операции. Но был на удивление в хорошем настроении. Верил в своё скорое выздоровление и возвращение к работе. О чём и сказал, обращаясь к радиослушателям «Голоса».

Вот и всё, что я могу рассказать о встречах с Окуджавой. Хотел бы добавить, что вспоминаю его как очень хорошего, доброго, справедливого к людям человека. Ну а талант его открыт всем — в его стихах, песнях и прозе. Есть люди, знавшие

его долгое время и близко, — пусть они расскажут больше. Меня его биографы убедили в том, что даже такое незначительное свидетельство об этом замечательном человеке представляет интерес. Рад буду, если так.

***Интервью Булата Окуджавы «Голосу Америки»,
май 1987 года***

— *Вот, заканчивается ваш визит в Америку. Как он прошёл — успешно? Какая была цель визита?*

— Ну, в какой-то степени успешно. Я был приглашён Институтом Кеннана. Они знали о том, что у меня есть такой... в голове созрел сюжет, <в основе которого> — подлинный исторический факт, связанный с русско-американскими отношениями XIX века. И у меня... созрело желание писать такой роман об этом. Это довольно любопытный сюжет. Мне, в общем, всё время хотелось как-то приехать в Америку, ну, и немножко порыться в архивах, может, и немножко «нанюхаться» как-то и ощутить себя... в этом воздухе.

Ну вот, это осуществилось, значит. Институт Кеннана явно заинтересовался, пошёл навстречу, но, к сожалению, срок был очень небольшой, поэтому, значит, ничего особенного я не успел обнаружить. Но есть люди, которые этим заинтересованы и которые будут продолжать поиски, и будут мне в Москву <сообщать результаты>. Значит, у меня будет какая-то информация. Хотя, в общем, <располагая сюжетом>, роман можно писать и не имея, там, вот этих всех подробностей. Но какие-то реалии мне необходимы, в общем, — американские.

— *А не могли бы вы хоть немножко, хоть вкратце рассказать о сюжете этого романа?*

— Да. Значит, обстоятельства были такие. В 1854 году царь Николай пригласил к себе двух морских офицеров и поручил им отправиться с дипломатической миссией в Константинополь¹. (Но в цивилинном, конечно, в гражданском.) Значит, пожить в Константинополе и вести светскую жизнь. Но главной задачей было — снять чертежи... схемы морских военных укреплений Константинополя.

¹ Ныне Стамбул, до 1922 г. — столица Османской империи. (Здесь и далее — прим. составителя.)

— *То есть, у них была разведывательная миссия?*

— Да-да-да-да-да. Ну вот. <Николай> пошутил ещё на прощание — он сказал: смотрите, не увлекитесь турчанками... И они поехали. Два молодых человека. Они поехали с миссией генерала Граббе².

Они приехали туда, жили в Константинополе, бывали на дипломатических приёмах, значит, — всё как полагается. Там, на одном из приёмов, они познакомились с дочерьми американского представителя, вот я не знаю, кто <он> был — консул или посол, — как он назывался, я не знаю.

Значит, две дочери — семнадцати и девятнадцати лет. И у них начался роман, и они стали встречаться. Они стали встречаться. Началась любовь, и очень серьёзная...

Но близилось расставание: срок кончался. И они, значит, в последнюю ночь перед отъездом, проливая слёзы разлуки, расставания, вспомнили всё-таки о том, что у них есть задание. И они сели ночью, значит, смеясь и обливаясь слезами, начали придумывать эти... схемы, планы эти. Придумали там что-то такое, начертили, в общем, не видя даже этого ничего. И повезли с собой. (Или отправили с курьером, — я сейчас не знаю этого всего.) И отправились обратно.

Но пока они ехали обратно, началась русско-турецкая война³, — на их счастье. И эти планы никто не проверял, их сунули в архивы, и они там потонули, в архивах. На их счастье, в общем, потому что если б проверили, им бы было...

Ну вот. Но любовь осталась. Любовь осталась. И это продолжалось несколько лет. Пока они с одним из кораблей российских не отправились к берегам Америки. По другим делам. И в Америке в это время началась Гражданская война⁴. И они сошли на берег. У них была задача найти этих дам. Вот. Но они — хотели не хотели, вольно или невольно — вмешались в эти са-

² Видимо, имеется в виду Граббе Павел Христофорович (1789–1879), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; с 1865-го — войсковой атаман Донского казачьего войска.

³ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг. — война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства, в результате которой Россия понесла большие людские потери и, в частности, вынуждена была уступить Османской империи (куда входила Турция) южную Бессарабию и устье реки Дунай.

⁴ Кровавопролитная гражданская война (1861–1865), положившая конец рабству в Америке и предотвратившая раскол государства.

мые события. Но самое интересное заключается в том, что один из них, происходивший из бедных помещиков, из бедных дворян, и мечтавший, в общем, разбогатеть как-то и почувствовать себя нормально, он пошёл сражаться на стороне южан. А второй, богатый дворянин, интеллигент, напичканный идеями освобождения крестьянства, пошёл сражаться на стороне северян (*смеётся*). Да. Так, сражаясь, они встретили своих дам. Те были замужем уже, и там уже ничего не могло продолжаться. Ну и всё. Больше ничего я не знаю.

— *Остальное — дело художественного воображения...*

— Да, конечно. Да дело даже не в этом, а просто само по себе интересно всё это.

— *Какова судьба этих двух людей? Они потом вернулись в Россию? И кем они стали? Ничего не известно?*

— Нет, они вернулись в Россию. Их вытребовали обратно. Они живы. Они вернулись в Россию. Вот я не знаю до конца, кем они стали. Я буду рыться ещё, — может быть, узнаю. А не узнаю — тоже небольшая беда.

— *Это выглядит очень любопытно...*

— Нет, важно, во что это реализуется, конечно. Я не знаю, сейчас пока трудно говорить. Да. Но если всё это удачно получится, получится так, как я задумал, — я думаю, что это будет интересно.

— *В связи с написанием этого романа у вас есть планы снова посетить Америку?*

— У меня есть, да, есть желание, конечно. Мне необходимо будет; если я начну этим заниматься, то передо мной встанет очень много конкретных каких-то, мелких вопросов. Конечно, будет желание. Но есть вот сейчас какие-то предположения, что меня пригласят разные университеты, и всё это... Я этим воспользуюсь, если всё будет хорошо. Воспользуюсь, и здесь опять немножечко пособираю то, что смогу.

— *Я знаю, что эта поездка у вас была очень напряжённая и кратковременная, но всё же я рискну вас спросить о ваших впечатлениях о Соединённых Штатах, тем более, что вы ведь не первый раз уже здесь.*

— Ну, общие впечатления у меня остаются те же, что были и в семьдесят девятом году. Значит, я видел здесь очень много

всяких негативных проявлений и всяких проблем, которые естественны во всяком человеческом обществе, — без них не бывает. Рая на земле без ада не бывает. Это только идеалисты могут себе представлять рай без ада. Но я увидел, что это великая страна. Очень здоровая, очень конкурентоспособная, талантливая. И очень много общего я нахожу с Россией. Очень много общего.

— *Вы бы могли развить эту мысль?*

— Ну, по сравнению со многими... Я не хочу обижать другие страны, значит, но тут есть известное такое, напоминающее российское: и дружелюбие, и широта... Ну, способность к великодушию. Вот это всё... Есть коллективистские принципы какие-то — в деятельности, в мировоззрении. Есть умение, если нужно, собраться миром, так сказать, и что-то совершить. Или перед лицом беды объединиться. Вот это я всё заметил. Правда, на очень беглый взгляд, но, в общем, насколько мог, я это всё заметил.

— *В ходе вашей поездки по Соединённым Штатам вы трижды, по-моему, дали концерт, на котором в основном присутствовали недавние эмигранты из Советского Союза. У вас были контакты с этими людьми. Какое они на вас впечатление произвели?*

— Ну, я не впервые встречаюсь с русскоязычной аудиторией, с эмигрантской аудиторией на Западе. И здесь, в Америке, встречался в семьдесят девятом году, и сейчас тоже мне пришлось. В основном это была русскоязычная публика, эмигрантская публика, ну, частично были американцы, слависты... Вот.

Ну, какое впечатление? Мне всегда грустно встречаться с эмигрантами. Грустно. Потому что мне бы не хотелось, чтобы в мире была ситуация, когда люди вынуждены были бы эмигрировать и бросать своё отечество. Мне бы не хотелось. И я не могу к этому равнодушно относиться.

— *Концерты, которые вы давали, были в Нью-Йорке, скажем, и — в Лос-Анджелесе. Вы заметили разницу в аудитории, в её уровне?*

— Ну, самый интересный концерт у меня был в Нью-Йорке, конечно. Самый большой. Самый большой. Потом было очень большое количество записок, вопросов, на которые я отвечал как мог. А количество записок всегда говорит об интересе о каком-то и об обоюдном общении. Двухстороннем общении. Ну, вот в Лос-Анджелесе записок, например, не было. Может

быть, просто характер вечера был другой, потому что (раньше, я помню) публика там тоже интересная достаточно. В Чикаго тоже было очень много записок, и тоже был очень такой интересный обоюдный разговор. Вот. Но в общем все три вечера — и четвёртый в Вашингтоне, — все они интересны по-своему, все интересны, и очень доброжелательны, и очень как-то сердечно проходили.

— *Что вам известно о русской культуре в Америке? Были ли у вас какие-нибудь контакты, были ли у вас возможности ознакомиться с публикациями на русском языке на Западе?*

— Если говорить, в общем, всерьёз, <то,> конечно, нет, потому что эта торопливость поездки и всё это, — она очень снижает возможности. Но, в общем, конечно, так, краем глаза, я посмотрел, и кое-что интересное мне попадалось — из публицистики и из поэтического творчества. Но в большинстве своём всё это на среднем уровне весьма, и на низком уровне, — но, в общем, так в литературе обстоят дела. И у нас тоже. Хорошего много не бывает, в общем...

— *Вам, конечно, известно, что здесь, в Америке, вышло уже два тома ваших песен, с переводом на английский язык и с нотами⁵. Что вы можете сказать об этих публикациях, об их искусствоведческом уровне и об их составителях?*

— Ну, по-моему, для меня это очень большой подарок, потому что... у меня не выходили ещё книги с нотами на таком уровне и в таком объёме. Первая попытка была сделана в Польше, но это двадцать лет тому назад. Это была небольшая книжечка на польском языке, но с нотами⁶. Вот. А такая попытка — первая, и для меня это большая честь, и радость как для автора. И на очень хорошем уровне всё это составлено. Мне трудно судить о переводах, потому что я не знаю английского языка, но люди, сведущие в этом, говорят, что это... на хорошем уровне сделано. Вот. Что я могу сказать?.. Что автор может сказать?..

— *А о составителях?*

— И составлено прекрасно. Составлено прекрасно. С любовью и с уважением ко мне... Ну, а составлял эту книгу Влади-

⁵ См.: *Окуджава Б.* 65 песен / Муз. запись, ред., сост. В. Фрумкина; Пер. Е. Шапиро. [Т. 1]. Ann Arbor: Ardis, 1980. 174 с.; Песни. Т. 2 / [Предисл. В. Фрумкина]; Пер. Т. Вольфсон. Ann Arbor: Ardis, 1986. 117 с.

⁶ См.: *Okudżawa B.* 20 piosenek na gitarze. Krakow: PWM, 1970. 68 s.; *То же.* — 1972; 1973.

мир Фрумкин, музыковед и прекрасный специалист в этой области, который знает меня давно, и мою работу в этом жанре знает уже, наверное, лет двадцать пять. Он это всё сделал, и прекрасно сделал. Но что больше всего меня порадовало и умилило сейчас, в этот приезд, — когда я слушал исполнение моих песен им и его дочерью маленькой, Майей, девятилетней, как они на два голоса всё это разложили и пели. Это поразительно совершенно, просто поразительно. Я взял с собой кассету и покажу своим друзьям... Вот.

— *Тем более, что Майя родилась в Америке, и её родной язык — английский.*

— Да, её родной язык английский, но она русского языка не забывает и поёт на чистом русском языке, очень трогательно и с большим умением, просто я поражён совершенно её исполнением.

— *В культурной жизни Советского Союза сейчас происходят существенные изменения. И к ним приковано внимание людей здесь. Можно вас спросить следующее: как это коснулось лично вас? Какие-нибудь произведения, которые раньше вы не могли опубликовать, может быть, вам сейчас удаётся?..*

— Это достаточно широкий вопрос... Ну, вам <всё это> уже хорошо известно, вы следите за прессой и имеете представление об общих процессах, происходящих у нас. Конечно, пресса несколько опережает события, но в общем это нормально, так и должно быть. Ну, вот этот процесс, который у нас начался, он только н а ч а л с я. Он связан с очень большими сложностями и трудностями, и мне трудно сейчас предрекать и предсказывать его развитие. Хотя я полон надежд, как и многие знакомые мне люди. Полон надежд, что этот процесс неостановим и будет продолжаться. Ну, со взлётами и с падениями, естественно, преодолевая препятствия. Но особенно он проявился в первую очередь в области культуры, конечно. И появилось много произведений, которые раньше даже нельзя было себе представить увидеть опубликованными: на экранах, на сцене, в публикациях.

Ну, что касается конкретно меня, то я опубликовал за последний год два рассказа автобиографических, которые я два года назад и не смог бы, конечно, опубликовать. Но вот сейчас это совершилось. Так что, что касается меня лично, у меня всё хорошо сейчас. Всё хорошо. Вот я стал чаще выезжать и как-то представляю свою страну за рубежом. Мне стали больше дове-

рять, и не только мне. Вот сейчас недавно здесь были и Чухонцев, и Битов. Была здесь Белла Ахмадулина. Это говорит о том, что какой-то есть в атмосфере... есть какая-то, ну, разрядка, что ли. Дай бог развитию этого процесса.

— *Вы могли бы нам рассказать, что намечается с кооперативными издательствами? Это очень интересное явление, и все всегда спрашивают о том, что происходит... я помню, и на встрече с вами здесь, в Вашингтоне, вас расспрашивали. Что это будет, во что это выльется? Что вы будете издавать?*

— Ну, сейчас очень сложно говорить, потому что окончательно вопрос ещё не решён. Хотя уже пресса об этом раструбила, и уже представители издательства об этом в прессе высказывались⁷. Я вхожу в число... как это называется — пайщиков, или учредителей, — я не знаю. Есть такая группа писателей, которые объединены вот в этом самом издательстве. Будет кооперативное издательство такое; как я себе представляю. Со своим уставом. Сейчас вот уже есть очень благожелательное отношение Союза писателей, Комитета по делам печати. Мы предполагаем издавать книги неизвестных авторов, которым по тем или иным причинам трудно пробиться в большие издательства. Талантливых людей. Мы постараемся, чтобы это было талантливо и ярко, чтобы серость хотя бы в нашем издательстве не появлялась. Таким образом, будем по-здоровому конкурировать с большими издательствами. В этом смысле — в смысле качества.

⁷ Инициативную группу по подготовке создания кооперативного издательства «Весть» сформировали Георгий Ефремов и Александр Давыдов. Об этом сообщалось в марте-апреле в ряде центральных газет (Максимова Э. Издаём сами // Моск. новости. 1987. 15 марта (№ 11); Каверин В. Кооперативное издательство, каким вы его видите?: [Ответ на вопрос] // Лит. газ. 1987. 18 марта (№ 12); Подшивалов И. Любопытная «Весть» // Моск. комсомолец. 1987. 11 апр.; Мосесов А. Вести о «Вести» // Совет. культура. 1987. 11 апр.). В числе других пайщиков-учредителей издательства названы В. Каверин, Ф. Искандер, В. Быков, Э. Межелайтис, Д. Самойлов, Ю. Черныченко. Однако начинание потерпело неудачу. В частности, в одноимённом альманахе (М.: Кн. палата, 1989) помещён следующий текст: «Данный сборник, по замыслу составителей, должен был стать первым безгонорарным изданием кооперативного издательства «Весть» и заложить финансовую основу будущего издательства. <...> По независящим от инициативной группы причинам кооперативное издательство не было учреждено. Однако была сформирована экспериментальная самостоятельная редакционная группа «Весть», цели которой не расходятся с целями предполагавшегося издательского кооператива. Её деятельность было решено начать изданием этого, уже сложившегося сборника».

Ну, а время от времени, видимо, для финансовой поддержки будем издавать книги хороших писателей с и м е н а м и. Большими тиражами, чтобы как-то покрывать расходы, потому что книги неизвестных авторов мы будем издавать сначала маленькими тиражами, пробными, так сказать. Вот.

— *Ваше творчество существует не только, так сказать, в печатном виде, но и в звуковом виде. Вот в этом смысле — что вы ожидаете? Намечается ли издание ваших пластинок?*

— Вот только что, месяца три тому назад, вышла моя новая пластинка с новыми последними песнями.

— *Какими — не можете перечислить?*

— Ой, я не могу... Ну, там восемнадцать песен есть, я сейчас не могу <их> перечислить⁸. Значит, она вышла. Затем вот издательство «Музыка» заключило договор, хочет издавать книги с нотами моих песен.

— *Такую, как издана в Америке?*

— Да. Да. Ну, не такую, но, в общем, такого типа. Такого типа, да. Ну, в ГДР вышла такая книга, очень объёмистая, большая, тоже с нотами⁹.

— *С переводом на немецкий?*

— На немецкий, да, двуязычная. Ну, вот теперь в Москве, значит, хотят сделать¹⁰. Теперь новый директор <у> издательства «Музыка», и что-то такое у них тоже завертелось.

⁸ См.: Окуджаву Б. Новые песни / Запись 1986 г.; Предисл. Л. Шиловой. М.: Мелодия, 1986. С60 25001 009. В пластинку вошло 15 песен.

⁹ См.: Окуджаву Б. Romanze vom Arbat: Lieder, Gedichte / Hrsg. von L. Kossuth. Berlin: Volk und Welt, 1985. 302 s.; То же. — 1988.

¹⁰ Итогом этой работы стала кн.: Песни Булата Окуджавы: Мелодии и тексты / Сост. и авт. предисл. Л. Шилов; [Муз. материал публ. песен записан А. Колма-новским в новой ред. с участием авт.]. М.: Музыка, 1989. 224 с.

ТАК ГОВОРИЛ ОКУДЖАВА. ПО БОЛГАРИИ

География поездок Окуджавы — это особая большая тема. «Он так любил путешествия, они всегда придавали ему сил», — пишет в своих воспоминаниях Геннадий Красухин (ГН-7). Австралия и Австрия, Япония и Америка, Израиль, Польша, Финляндия, Франция... — уж не говоря о российских Саратове или Иванове. В этом перечне Болгария присутствует неоднократно. «Болгарские» материалы публиковались в предыдущем выпуске альманаха, в немалом объёме присутствуют они и здесь.

В данном разделе собрана часть интервью, данных Булатом Окуджавой болгарским журналистам и не известным отечественным читателям и исследователям. Особенно много в этой подборке бесед в Болгарии в 1981 году.

Во время той поездки Окуджава посетил Софию, Пловдив, Сопот, Карлово и Калюфер (все три города — в Пловдивской области), Велико-Тырново, Габрово, Шумен, Преслав и Нови-Пазар (города в Шуменской области) и Варну. Делегация «Литературной газеты», в составе которой находился писатель, прибыла в Болгарию 5 октября и уехала 15-го (см.: Съветските гости отпътуваха // Литературен фронт. София, 1981. 22 окт. С. 8), но Окуджава остался как минимум ещё на два дня: 16 октября у него был концерт в Национальном академическом театре имени Ивана Вазова, а на следующий день Любен Георгиев разговаривал с поэтом в софийской гостинице «Балкан» (см.: Георгиев Л. «Меня привлекают обычные люди, оказавшиеся в необычных обстоятельствах...» // Голос надежды. Вып. 7. М., 2010. С. 331).

Естественно, что публикуемые беседы, состоявшиеся в течение всего двух недель, имеют смысловые повторы. В первую очередь это касается вопросов о Владимире Высоцком, незадолго до того ушедшем и очень популярном в Болгарии. Однако, вводя в научный оборот тексты этих интервью, мы не решились на сокращения. Просим за это прощения у тех читателей, которым данные повторы покажутся излишними.

Переводы во всём разделе выполнены М. РАЕВСКОЙ

Флорентина БАДАЛАНОВА

Булат Окуджава:
«ПИСАТЕЛЬ — ЭТО КРИК,
ОБРАЩЁННЫЙ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ»

— Булат Шалвович, скажите, повлиял ли фольклор на ваше формирование как поэта и композитора? И какое место занимает в вашем творчестве народная песенная традиция¹?

— Трудно самому себя анализировать. И, сдаётся мне, даже неприлично... Но, в целом, с тех времён, когда я писал стихи, прошло много лет. И сейчас я говорю как будто не про себя, а про кого-то другого... Я считаю, что фольклор и моё пристрастие к нему послужили главной причиной, которая побудила меня начать писать стихи с аккомпанементом. Именно это пристрастие к народной песенной поэзии подсознательно подталкивало меня к поискам определённой ритмики в поэзии... Потом появилось и стремление к тому, чтобы и стихи звучали мелодично. Из мелодики слов и настроения рождался напев... Может быть, корни этого пристрастия уходят гораздо дальше и глубже во времени? Может быть, свою роль сыграло и моё кавказское происхождение... Не знаю. Но что-то было... Что-то живое, трепещущее во мне... Как найти ему название? Может быть, желание, жажда добраться до первоисточника всех вещей... Слова и мелодии... А где ещё он может быть, как не в народных песнях? Потом, я человек традиционный в своих пристрастиях и вкусах. Не то чтобы я отрицал новаторство и модернизм в поэзии, нет... Просто я очень привязан к старым, утвердившимся уже фор-

¹ Очевидно, вопрос был обусловлен научными интересами интервьюера — в 1984 г. Бадаланова защитила в Москве диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Циклизация героического эпоса у восточных и южных славян в историческом становлении». (Здесь и далее — прим. переводчика.)

мам... Есть и ещё кое-что... Все дети любят народные сказки и песни. Любил их и я. Почему? Здесь нет места логике разума. В фольклоре ребёнок интуитивно ощущает дух совершенства. Совершенства в поэтике слова. Совершенство мелодики... А лично в моём случае это было восприятие городского мальчика, приехавшего в деревню на дачу... Ничего более...

— *Как появились ваши первые стихи?*

— Как появляются у всех детей. Все мы когда-то там, в детстве, были поэтами... Потом идёт созревание... А тогда мне было девять-десять лет... Но я должен признаться, что к подобного рода начинаниям я довольно долгое время относился несерьёзно. Стихи рождались во мне случайно и спонтанно. А потом? Потом во мне что-то проснулось... То ли честолюбие, то ли... Не знаю, что это было. Но я всецело отдался поэзии. Она поглотила меня...

После войны я окончил филологический факультет. Не могу сказать, что я как-то особенно учился... Может быть, потому что меня влекла масса других искушений и пристрастий... А я тогда жил иллюзией, что пишу хорошие, мудрые стихи. Теперь я уже знаю, что всё это было обыкновенным подражательством. Иными словами — пшик... По-настоящему, с профессиональным отношением к поэзии я начал писать очень поздно. Когда мне исполнилось тридцать три года. Иными словами, я поздно начал творить поэзию. Тогда, когда другие перестают писать стихи. Мой поэтический период не продолжался особенно долго. Он был бурным, но кратким. Я словно пытался наверстать всё, что не успел сделать до тридцати трёх лет. Я израсходовал себя — и кончился...

— *И после ника поэтического созревания пришла страсть к прозе?*

— Не после него... Вместе с ним... Но в принципе вы правы. Сейчас я пишу только прозу — и мне этого хватает. Это полностью меня удовлетворяет. Хотя во мне всё ещё живо желание писать стихи... Может быть, это инерция профессионального навыка? Потому что я бы мог писать в день примерно по пять средних стихотворений... Но кому это нужно? Есть ли смысл? А я бы не сказал, что поэзия остаётся для меня жадой, плодом потребности. Нет. Я перестал мыслить поэтическими категориями, поэтическими измерениями... А раз так, дорога может быть только одна...

— В вашем творчестве особое место занимает тема войны...

— Видите ли, я попал на фронт, когда мне было семнадцать лет. Это было самое яркое, самое сложное и трагическое впечатление, которое осталось у меня от молодости. И поэтому оно живёт во мне до сих пор. Не прошло с годами. Оно всю жизнь меня преследует. Я действительно писал о войне. И песни, и прозу. Это было так давно... Я больше не хочу возвращаться к тому времени, когда мне было семнадцать лет... Сегодня я хочу писать не столько о войне, сколько против неё. Хочу говорить о простых или интимных человеческих вехах. О лирике маленького человека...

Сейчас я пишу новый роман — о событиях 1806 года. Называется просто «Свидание с Бонапартом». Я снова обращаюсь к теме русского общества, дворянства, интеллигенции... Его сердцевина — размышления о возмездии. Пробуждение у людей совести. А мои герои — обыкновенные, несовершенные люди... Впрочем, в этом их сила. Они ищут логику истории... Справедливость и возмездие в ней...

— «Свидание с Бонапартом» — это четвёртый ваш роман. Есть ли что-нибудь общее между ним и остальными тремя романами? Подчиняются ли они какой-нибудь общей внутренней логике?

— Да, есть много общих, принципиальных вещей... Хотя я избирательно подхожу к историческому материалу, я не оста- навливаюсь на великих фигурах соответствующей эпохи. Я их не люблю... Великие деятели всегда держатся перед своими со- временниками немного показно... Они понимают, чувствуют, что они великие, исключительные — и хотят, чтобы и окружаю- щие это понимали... Я люблю писать о людях неизвестных и не- заметных... Моя слабость — это маленький человек... Он искрен-

нен и непосредствен. С ним легко контактировать. Он живёт естественно. И его реакции логически «вытекают» из будничного бытия... А у исторических деятелей поведение определяется сознанием собственной ценности и величия. Положением в обществе. Мне это не интересно. Я люблю, когда мои герои сами рассказывают о себе... Так что общие черты во всех моих романах есть. Я бы не назвал это главной темой... Но это есть... Есть этот крик: «Пусть человек живёт так, как он сам решит! Как он сам хочет!»... Это с одной стороны... А с другой — осознание абсурдности этого человеческого стремления... Нельзя жить так, как тебе хочется... Ты не один на этой земле... Более того: нужно обуздывать свои желания... Но не уродовать их этим ограничением... Впрочем, нехватка ограничений тоже может их изуродовать... Тогда всё перерастает в анархию и стихию... Что после них остаётся? Множество обманутых человеческих душ. И множество украденных надежд...

— *Художественная правда гораздо жизненнее правды реальной, потому что подчиняется иным законам, в которых земные случайности исключаются... Позвольте задать вам банальный вопрос. Какое место, по-вашему, занимает художник-творец в истории?*

— Во все века и времена литература служила целям гуманизма... По-моему, задача художника, будь он живописец, поэт или прозаик, всегда была одна. Она сводится к тому, чтобы рассказать о себе. Отделиться от окружающих через своё восприятие. Вот так вот. Я не могу сказать, зачем я пишу. Для кого я пишу. Я рассказываю о себе. И если мой рассказ заинтриговал окружающих — я буду счастлив. Произошло рождение искусства. А если он оставил их равнодушными — искусства не получилось. Вот так. Об этом можно только пожалеть. Но стремиться специально писать так, чтобы моё произведение кому-нибудь понравилось, я бы не мог. В этом случае искусство превращается в литературшину. И лучше заняться чем-нибудь другим. Например, написанием детективов. Хотя я в принципе люблю хорошие детективы... Но это уже другое...

Мои песни и романы — это мой крик, обращённый к миру. И ничего другого. Я существую — следовательно, я говорю. Я живу — и я пишу. Я живу — и хочу, чтобы меня услышали. Потому что писатель — это крик, обращённый к человечеству. Ничего другого. Всё остальное зависит от таланта. От обстоя-

тельств. От удачи... Этот крик — это и есть ты. Это останется после тебя. Здесь нет места суете... Принесу ли я кому-нибудь пользу? Сделаю ли кого-нибудь счастливым? Смогу ли кого-нибудь спасти? Об этом не надо думать. Так я понимаю искусство. Крик-исповедь о себе самом...

— *Вы сказали: «Сделаю ли кого-нибудь счастливым?» А в чём, по-вашему, счастье?*

— По-моему, счастье — в нашем стремлении к нему. Вот так. Когда к нему прикасаешься, его уже не ощущаешь. И часто даже разочаровываешься, правда? Счастье — это стремление к нему. Миг перед тем, как схватишь его. И если в нас есть это стремление, мы счастливы. Может быть, счастливы...

— *Мечты рождаются, когда человек жаждет счастья... Мечта — это наше представление о нём. С годами она становится всё более далёкой... Может быть, поэтому в детстве счастье выглядит особенно осязаемым...*

— Совершенно верно. Когда мне было лет двенадцать-тринадцать, совсем пацан, у меня, как у всех детей, была своя мечта... Может быть, примитивная? Не знаю... Тогда я жил очень бедно. Мне хотелось носить вещи, которых у меня не было. Для меня вершиной блаженства была именно эта мечта. Она владела моим воображением. Я видел себя в белой рубашке «апаш», с широким воротником... В чёрных штанах и в сапогах... С фотоаппаратом «Лейка» через плечо... Как представляю себе это — замирал от счастья. Цепенел. Прикрывал глаза — и мечтал: и о рубашке «апаш», и о брюках, и о сапогах, и о фотоаппарате... Это были самые прекрасные мгновения моего детства. А сейчас я счастлив, когда у меня всё получается, когда я пишу. И когда я нахожу литературные средства, чтобы выразить себя. После этого я заканчиваю очередное произведение. И вижу, что получилось не совсем то, к чему я стремился всей душой... Конечно, по-другому и быть не может. И снова, сначала...

— *Вы один из самых любимых и популярных бардов наших дней. Как вы относитесь к своим поклонникам?*

— Должен вам сказать, что литературный успех пришёл ко мне довольно поздно. Я был уже зрелым, взрослым человеком. Поэтому у меня никогда земля не уходила из-под ног.

Я знаю, что интересен далеко не всем... И это очень хорошо. Если бы я нравился всем, это было бы печально.

Потом меня часто спрашивают: «Вы не устали от славы?» О славе и речи идти не может. Слава может быть только по-смертной. А при жизни это называется успех, популярность, известность.

И ещё кое-что, может быть, самое важное. У человека должно быть реальное представление о себе. Он не должен поддаваться самообману. И думать, что каждой своей строчкой он осчастливил чуть ли не всё человечество. Настоящая личность всегда должна уметь смеяться над собой. Над другими смеяться легко. А когда остаёшься наедине с самим собой? Именно в этот момент тебе необходимо это умение. Тогда всё встаёт на свои места. Тогда ты перестаёшь суетиться, думать о том, кто ты, надолго ли... Это один бог знает... В один прекрасный день время покажет, кто каким был... А сейчас нужно собраться и всю свою энергию вложить в этот крик: выразить себя. Если нужно, даже закричать в голос. Но выразить себя. Суметь это сделать. И это доставляет огромное наслаждение. А если тебе это трудно — лучше займись чем-нибудь другим, что удаётся тебе лучше...

А что касается поклонников — я буду рад, если между нами действительно возникла близость и доверие... Я знаю, как трудно кому-то поверить... Подойти к кому-нибудь с доверием... Это случается так редко...

— *Владимир Высоцкий относился к вам с исключительной любовью и уважением. Он часто говорил про вас: «Окуджава облагородил и меня, и моё творчество».*

— Да, наверное... Он был гораздо моложе меня. Мы были друзьями, несмотря на то, что встречались редко. Просто мы принадлежим к разным поколениям. И потом, у нас разный темперамент. Он был светский человек, актёр. Я — домосед, одиночка. У нас были разные слабости и пристрастия. Но друг к другу мы относились очень хорошо. И я всегда вспоминаю о нём по-доброму. Он — исключительно богатое явление нашей культуры. Явление, о котором будут говорить. Он был сатириком с трагическим пафосом. Талантливым художником и прекрасным человеком. Высоцкий был личностью... Да, мы были очень разными. И так как я начал раньше, может быть, было что-то... Что-то, что могло его заинтересовать...

Помню, был в его творчестве такой период, довольно давно, когда он вообще не играл на гитаре. Пел и отбивал ритм, барабанил пальцами по столу. Он пел самые разные песни — из так

называемого «блатного фольклора». Потом он сам начал писать. И получилось что-то прекрасное.

— *Где вы встретились впервые?*

— Это было давно, очень давно. Может быть, в 1963 году. Не помню точно. У меня от этой встречи осталась фотография. Это было на моём концерте. Володя был на нём... После концерта он пришёл за кулисы... Я уже слышал о нём. Он тогда только начинал. Мы познакомились. Потом мы встречались часто. И эта первая встреча стёрлась из моей памяти. Да и могли я предположить, что он уйдёт так рано². Понимаете, он был очень сложной фигурой. Сейчас о нём говорят, будто он был всеобщим любимцем. Это неверно. Всеобщим любимцем он не был. Потому что любители массовой культуры, массовой эстрады им не интересовались и не понимали его... Потому что он был настоящим поэтом. Хотя пел, на первый взгляд, примитивные вещи. Но это совершенно неправильное, поверхностное впечатление... Это, в общем-то, просто видимость. Вот почему люди, не готовые и неприспособленные к тому, чтобы воспринимать поэзию, не в состоянии понять его и оценить по-настоящему... Он был настоящим художником. И великолепным человеком: очень милым, чувствительным, нежным, деликатным... О нём ходили разные слухи. Так бывает со всеми необыкновенными людьми... В нашей культуре Высоцкий остаётся вершиной... Это было исключительное явление... Богатый и мощный талант... Он был естественен... В каком смысле? Вы ведь читали стихи Беллы Ахмадулиной, правда? А знакомы с ней лично? Так вот, когда вы с ней встретитесь, вы увидите, что и стихи её и она сама — это одно и то же. Она пишет стихи так же, как говорит. Она именно такая, естественная. Володя Высоцкий тоже... Он был такой же, как его песни. Таким же прямым и откровенным, доброжелательным и острым... И это огромная ценность. Я люблю его творчество. В нём есть удачные и неудачные произведения. Но это не главное. Я в принципе люблю явление по имени Володя Высоцкий...

² Фрагменты высказываний о Высоцком (от «Он был гораздо моложе меня...» до «...Высоцкий был личностью», от «Это было давно, очень давно...» до «...от этой встречи осталась фотография» и от «Потом мы встречались часто...» до «...что он уйдёт так рано») приводятся в том виде, в каком они уже стали известны отечественным любителям авторской песни — по книге Любена Георгиева «Владимир Высоцкий: Встречи, интервью, воспоминания» (М.: Искусство, 1991. С. 228–229), в переводе В. Викторова.

— На одном из последних концертов Высоцкий сказал слушателям, что готовится осуществить свою давнишнюю мечту... Написать сценарий фильма... А вы как относитесь к такого рода идеям?

— Что я вам могу сказать про сценарии... Это довольно грустный период моей жизни. Чтобы написать сценарий, надо быть драматургом. А чтобы быть драматургом, надо иметь драматургический талант... Ну, а я его начисто лишён. Поэтому в своё время мы писали сценарий вместе с одним моим другом, режиссёром. Писали вместе. Не могу сказать, кто кому помогал... Видите ли, я могу написать одну сцену. Вот, мне говорят: «Надо написать такую сцену: Ваня и Катя говорят о любви. Он её любит, она его нет». Ну, хорошо, значит... Я сажусь и пишу эту сцену. Потом: «Надо написать сцену: Иван Иванович пытается сесть в трамвай... Но трамвай переполнен, и его не пускают...» Ну, хорошо... Сажусь — и пишу. Да, до сих пор всё хорошо. Но соединить написанное я не могу... Но так как рядом со мной постоянно присутствовал талантливый режиссёр, под диктовку которого я сочинял, получился более или менее приемлемый сценарий...

После этого я написал ещё один сценарий — с другим моим другом-режиссёром, Владимиром Мотылём... С ним было очень интересно работать... Пьесы я не писал. Впрочем, довольно давно, много лет назад, я написал одну... Ужасное дело... Режиссёр-постановщик оказался упрямым, занялся ей, переработал её и поставил на сцене... Нормально... Для меня даже неожиданно хорошо...

— А «Белое солнце пустыни»?

— Это очень интересный и удачный фильм. Первый советский вестерн. Его снял Владимир Мотыль — исключительно талантливый профессионал. Авторы сценария — тоже талантливые люди... Моё участие в этом фильме ограничилось тем, что я написал к нему песню. Впрочем, я даже песню специально не писал... Это были мои старые стихи, которые Мотыль где-то откопал и заявил: «А! Вот это подходит!»... И я их взял. Так что моё участие тут совсем незначительное...

— Скажите несколько слов о переводах ваших произведений. Это звучит парадоксально, но сегодня именно перевод является средством коммуникации между оригиналом и большинством читателей...

— Перевод вообще исключительно деликатное, сложное, трудное дело. И ответственное. Я много раз имел дело с поэти-

ческими переводами. Я знаю, как меня переводят... И для меня это не представляет интереса.

Таким образом, что касается стихов — я не особенно переживаю. Меня больше интересует проза... Про стихи я знаю, что невозможно достигнуть одного уровня с оригинальным авторским текстом... Всё равно — это непосильная задача...

— *А в чём, по-вашему, слабость переводческого искусства? Как в поэзии, так и в прозе?*

— Мне трудно вам ответить. Всё упирается в хорошее владение языком. Для меня самое главное, чтобы моё произведение хорошо звучало по-русски... Так, как я хочу... Тем более, что это зависит только от меня... Это самое важное. А что касается переводов, не всё зависит от переводчиков... Многое зависит и от состояния нации... Вот, например, в Болгарии вышли две моих книги: «Путешествие дилетантов» и один сборник стихов³. Как это объяснить? Совпадением? А где-то — ни строчки... Во Франции — две книги... В Западной Германии — шестнадцать. Как я могу это себе объяснить? Непонятно...

— *Спасибо вам, Булат Шалвович! И что вы хотели бы, чтобы я вам пожелала на прощание?*

— Пожелайте мне закончить роман...

— *А вы что пожелаете своим болгарским друзьям?*

— Благополучия, счастья, хороших гонораров... К сожалению, и без них никак... Передайте сердечный привет моему хорошему другу Любену Георгиеву⁴! А тем, кто меня любит, я пожелал бы в дальнейшем не разочароваться во мне...

*Писателят — вик към човечеството
/ Разговора води Ф. Бадаланова
// Нар. култура. София, 1981. 9 сент. (№ 37). С. 7;
18 сент. (№ 38). С. 8*

³ См.: соответственно: *Окуджава Б. Путешествие на дилетанти: Роман / Прев. Б. Мисирков. София: Нар. култура, 1980; Окуджава Б. Избрани стихотворения / Прев. И. Николов, М. Ганчев, В. Петров; Под ред. на Х. Радевски. Там же, 1975. О перипетиях вокруг издания поэтической книги см.: Георгиев Л. Булат Окуджава: «Меня привлекают обычные люди, оказавшиеся в необычных обстоятельствах» // Голос надежды. Вып. 7. М., 2010. С. 323–325.*

⁴ Георгиев Любен (1933–2001) — болгарский критик, хороший знакомый Окуджавы и автор нескольких статей о нём (см., например, предыдущую сноску).

Драган ДРАГАНОВ

ПРОШЛОЕ — ВО ИМЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО Встреча с поэтом, романистом и автором лирических песен Булатом Окуджавой

— Память — незаменимое качество человеческой души. Это не просто механизм запоминания, это и мудрый учитель, который не позволяет нам забыть в равной мере как добро, так и зло. Память — не наше эмоциональное наследство, а наш опыт. Опыт, без которого мы бы вечно пребывали в сомнениях. А с нами и всё человечество.

Если можно, со всеми оговорками, «вместить» всю правду, всю сущность художника в несколько фраз, то эти слова Булата Окуджавы можно считать его кредо. Эта позиция нашла отражение и в его стихах, и в песнях, и в беллетристических произведениях. А сможем ли мы когда-нибудь разгадать секрет долголетия его произведений? Булат Окуджава начал писать стихи в семнадцать лет, когда ушёл добровольцем на фронты Великой Отечественной, и продолжил после войны, когда учился в Тбилисском университете. Уже много лет как он отошёл от работы над стихами и песнями: в год появляются одно-два стихотворения. В последнее время всемирно известный поэт работает в жанре исторического романа (совсем недавно в наших книжных магазинах появился его роман «Путешествие дилетантов»). Но, хотя песни Окуджавы и написаны более двадцати лет назад, их продолжают петь и сегодня, они продолжают волновать людей во всём мире — радовать или тревожить. Может быть, потому что в его простых и ясных «песенках» поднимается вопрос о таких простых и ясных понятиях, как Родина, Надежда, Любовь, Память...

— *Уважаемый Булат Шалвович, вы можете согласиться с тем, что тема Великой Отечественной войны уже исчерпана — все романы и мемуары уже написаны, все песни спеты, все стихи выучены наизусть?*

— Ни одну тему нельзя исчерпать. Может быть, в том плане, в каком о войне говорилось раньше, это уже неинтересно.

*Минало за нашето бъдеще: При поета, романиста
и автора на лирически песни Булат Окуджава
/ Интервюто взе: Драган Драганов
// Отечеств. глас. Пловдив, 1981. 7 окт. С. 4*

Heretofore, all

Herrington, 1990]

Константин ЦВЕТКОВ

СЧАСТЬЕ — ЭТО ВЕЧНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ Десять минут с Булатом Окуджавой

Волнующие праздники. Это самое лаконичное определение, которое можно дать «Дням “Литературной газеты”» в Пловдиве¹. В главном городском концертном зале яблоку было негде упасть — горожане рвались на встречу со знаменитыми деятелями советской культуры. Гости Пловдива встречались и с рабочими коллективами, и со студентами, с молодёжью. И повсюду общение приносило им мгновения радости, чувство возвышения и эстетического удовольствия. Одним из самых желанных гостей был Булат Окуджава. Сдержанный, скромный, он участвовал во встречах, давал интервью, пел свои песни. А время его было расписано по минутам.

— Булат Шалвович, на одной из встреч вы сказали, что уже давно не пишете новых песен. А у нас вас очень любят именно за песни.

— Видите ли, когда-то ко мне пришло желание исполнить какие-нибудь свои стихи под аккомпанемент. Я начал сочинять мелодию, и так появились мои песни. Это не совсем песни, а скорее, стихотворения, исполняемые под музыку. Когда я почувствовал, что пишу и вижу перед собой публику, работаю для неё, — я потерял к этому интерес, и у меня это просто перестало получаться. Вообще, в жизни всегда так. Человек должен знать, когда надо остановиться.

¹ Пловдив в 1981 г. был центральной площадкой «Дней “Литературной газеты”». Делегация была в нём с 5 по 7 октября. В первый день состоялся большой концерт (с участием Окуджавы) в Городском концертном зале, во второй день, 6 октября, литераторы встречались в культурном центре «Дом Балабанова» с Обществом пловдивских писателей и Клубом друзей «Литературной газеты», а затем разошлись по различным организациям (Окуджава отправился в клуб Завода по производству запоминающих устройств). На следующий день делегация отправилась в Велико-Тырново, а по дороге посетила живописные городки Сопот, Карлово и Калофер (Пловдивская область).

— Вы начали с поэзии, потом перешли на прозу. Разрешите нам заглянуть в ваш творческий мир.

— Писатель передаёт свои впечатления от жизни, рассказывает о себе, выражает себя. А если это интересно другим, получается искусство. Я пишу прозу с трудом. Замысел долго зреет во мне, я сначала читаю много документальной литературы о данном периоде, потом постепенно нахожу ключ и тогда начинаю писать.

— А над чем вы работаете сейчас?

— Сейчас я пишу новый исторический роман. Называется «Свидание с Бонапартом».

— Вашу прозу называют поэтической.

— Не знаю, наверное.

— Что бы вы посоветовали начинающему писателю?

— Я не даю советов. У Чехова в записных книжках есть фраза, конечно, шутовская, но я её хорошо запомнил: «Умный любит учиться, а дурак — учить».

— Вы счастливый человек? У вас есть формула счастья?

— Счастье — это движение, стремление к нему, но полностью достичь его невозможно.

— А каких людей вы уважаете?

— Которые умеют думать самостоятельно и которые создают своё благополучие не за счёт других.

Дни на «Литературна галат» в България

Щастието е вечен стремеж

Десет минути с Булат Окуджава

Българския празник. Това е най-малкото впечатление, което имам за «Литературна галат» в Пловдив. Пловдивчаните изпълниха градската концертна зала, за да се срещнат с известните творци на съветската култура. Гости имаха срещи и с трудови колективи, студенти, младежи. И навсякъде радостни нивоя от общуването, много харизма и достояние естетическа нагласа. А градът напълно беше срещите с Булат Окуджава, Сахарин, скромен, той участва в срещи, дава интервюта, пее, свиреше обичайни песни. А времето му е разпределено по минути.

— Булат! Шахматчето, на една от срещите казахте, че отдавна вече не създавате песни, а у нас сте много популярни с тях.

— Виждале им, някога ми се прииска да изпълня някои от своите стихове с музикален съпровод. Започнал да измислям мелодии и се получава песни. Това не са съкровища, а по-скоро стихове с аккомпанемент. Когато почувствах, че виждам си публиката и пиша, оставям я.

— Вие изградихте вече ли формула за щастие?

— Щастието е движение, стремеж към него, но да се достигне напълно е невъзможно.

— А кои хора уважавате?

— Които умеят самостоятелно да мислят и които създават своите блага не за сметка на другите.

Пловдив
Константин ЦВЕТКОВ
(наш кор.)

Пловдив

Цветков К. Щастието е вечен стремеж:

Десет минути с Булат Окуджава

// Нар. младеж. София, 1981. 8 окт. С. 2

Кеворк КЕВОРКЯН

Булат Окуджава:
«Я НЕ ЖАЛУЮСЬ НА СВОЮ СУДЬБУ...»

Мы разговаривали с Окуджавой в Доме Балабанова¹.

В открытое окно заглядывал один из петухов Энчо Пиронкова² (во дворе были выставлены картины и других пловдивских художников).

Над Старым Пловдивом³ в десятый раз пролетел самолёт.

В углу комнаты стояла обыкновенная гитара.

— Как прошёл вчерашний концерт⁴?

— Я считаю, замечательно. Мне было очень приятно, что публика знала песни, которые я пел.

— Вы пели?

— Да, пел... Хотя я уже давно не пою. Но когда я почувствовал, как ко мне относится публика — я запел. Как тут не запеть.

— Почему вас непременно хотят видеть с гитарой в руках?

— Публика к этому привыкла. Все ждут от меня этого — чтобы с гитарой в руках. Но этот интерес меня не особенно пугает.

¹ Памятник архитектуры начала XIX в., назван по имени одного из последних владельцев — купца Луки Балабанова, в настоящее время используется как культурный центр и выставочный зал. 6 октября 1981 г. делегация советских писателей побывала в нём на встрече с Обществом пловдивских писателей и Клубом друзей «Литературной газеты». Не позднее 16 октября 1981 г. это интервью было передано по Болгарскому телевидению, в авторской программе Кеворкяна «По воскресеньям» («Всякая неделя»).

² Пиронков Энчо (1932) — знаменитый болгарский художник, автор живописных полотен в основном на темы природы и деревенской жизни.

³ Старый Пловдив — исторический центр города, имеющий статус «архитектурного заповедника». В нём представлены различные типы зданий — от развалин крепостей времён античности до жилых домов конца XIX в.

⁴ Накануне, 5 октября, советские писатели участвовали в масштабном литературном представлении в Городском концертном зале.

Сначала я писал стихи. Потом я начал писать прозу. Нашлись люди, которые сказали: «Зачем тебе петь, ты же пишешь стихи!..» Потом они привыкли к тому, что я пою. После этого я начал писать прозу. Мне опять стали говорить: «...Ты же пишешь песни, зачем тебе проза?..» А я говорю себе — подожди немного, оглядись как следует по сторонам...

— *А чем бы вы ещё занимались?*

— Ничем другим бы не занимался.

— *У вас никогда не возникала ненависть к гитаре?*

— Не только к гитаре. Я иногда не могу выносить даже свой голос... Он мне неприятен. Вы же знаете, времена меняются...

— *Я хотел сказать, что может быть, вы хотели бы, чтобы вас воспринимали без привязки к гитаре?*

— Мне всё равно, как меня воспринимают.

— *О чём вас обычно спрашивают в подобных интервью?*

— Всекие вопросы задают, люди интересуются всем, даже самыми сокровенными подробностями.

— *Есть ли что-то, о чём вас никогда не спрашивали?*

— Нет. Но у меня такая работа, что мне нужно искать одиночества. Я не актёр и не политический деятель — я писатель. Мне необходимо оставаться наедине с самим собой.

— *Интересно! Другие писатели боятся одиночества.*

— Ко мне это не относится.

— *С кем из современных советских писателей вы дружите?*

— Мои настоящие друзья не имеют никакого отношения к литературе. Конечно, я дружу и с писателями, но не потому, что они писатели, а просто потому что они прекрасные люди.

„Не се оплаквам от съдбата си...“

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Разговаряхме с Окуджава в Балабановата къща. През отворения прозорец наблюдавах един пътек на Египетски (а дотам бяха наредени картини и от други левински художници).

Един самолет мина десетина пъти над Стария Пловдив. В ъгъла на стаята стоеше една обикновена китара.

КЕВОРК КЕВОРКЯН: Как мина снощият рецитал?

БУЛАТ ОКУДЖАВА: Според мен — чудесно. Беше ми много приятно, че песните, които пях, бяха познати на публиката.

К.К.: Пяхте ли?

Б.О.: Да, пах... Въпреки че отдавна не пея. Но след като почувствувах отношението на публиката — запях. Как да не запея.

К.К.: Защо всъщност непременно да ви видят с китара в ръка?

Б.О.: Публиката е свикнала с това. Вече ме очакват все така — с китара в ръка. Но този интерес не ме плаши особено.

Отначало пишех стихове. След това започнах да пиша песни. Намериха се някои, които ми казаха: „... Защо трябва да пишеш, ала пишеш стихове?..“ После свикнах с това, че пея. След това започнах да пиша проза. Относно ми подхвърляха: „... Напиши песни, защо трябва да пишеш проза?..“ А аз си казвам —

почакай малко, огледай се добре...

К.К.: А какво дружо бихте правили?

Б.О.: С нищо друго не бих се занимавал.

К.К.: Понякога не мислите ли китарата?

Б.О.: Не само китарата. Понякога дори не мога да дася си... Неприятно ми е. Напишете, времната

К.К.: Исках да кажа, че може би искате

Например, Белла Ахмадулина. Она мой старый, близкий друг. Но большая часть моих друзей живёт за пределами литературы.

— *Это какая-то мера предосторожности?*

— Нет. Скорее, это естественная реакция. Кроме того, я не люблю так называемый «литературный процесс»... Все эти разговоры о литературе: кто на первом месте, кто на втором...

— *А возможна ли вообще подобная классификация?*

— По-моему, это что-то нелепое. Я вспоминаю такой случай: один знаменитый певец встретился в Соединённых Штатах со своим продюсером. Продюсер обратился к нему со словами: «...Вы превосходный певец. Вы занимаете второе место в мире». Певец спросил: «А почему — второе место?» Продюсер ответил: «Первое место занимает так много людей!..»

— *Что в вашей судьбе самое необыкновенное?*

— Всё необыкновенное. У меня счастливая литературная судьба. Все трудности, которые я пережил, пошли мне на пользу, они очень мне помогли. И все праздники в моей жизни тоже были к месту. Я не могу пожаловаться на судьбу.

— *Какие книги служат для вас опорой, что вы больше всего любите читать?*

— Сейчас я пишу историческую прозу. Поэтому читаю много старинных документов, мемуаров, писем... Чужие письма читать очень интересно.

— *Почему?*

— Я многое узнаю из них. А когда у меня есть время, я читаю своих любимых писателей.

— *И кто они?*

— Их много. Но если надо назвать только некоторые имена, это Гофман, Пушкин, Толстой, Томас Манн, Владимир Набоков...

— *Когда вы решили, что должны стать писателем?*

— Я никогда не принимал такого решения. Это произошло само по себе. Я считаю, что писатель — это человек, который пытается рассказать о себе с надеждой, что его поймут и другие. Иногда этот рассказ интересен и другим людям. Тогда получается искусство. Иногда то, о чём мы рассказываем, не интересно — тогда рассказ умирает.

— *Это совсем не так. Иногда, на какое-то время, рассказ может быть интересен только автору, но при этом быть хорошим.*

— Может быть. Но я над этим не задумывался. Я считаю, что художник — это человек, у которого кожа тоньше, чем у остальных. И когда он соприкасается с действительностью, он кричит... Вот и всё...

— *А война? Вас, наверное, очень часто спрашивают о войне.*

— Меня спрашивают, потому что я ушёл на фронт в семнадцать лет. Я был на фронте почти всю войну. Я был очень смешной солдат. Никакой не герой. У меня были кривые ноги и тонкая шея. Я старался делать то, что от меня требовали. Но поскольку я был очень молод, война глубоко засела во мне, вот здесь. С нею связаны многие мои литературные произведения. Но сейчас я постепенно отхожу от этого времени, оно перестало так сильно меня занимать. Однако я считаю, что тема войны далеко не исчерпана. Потому что мы постоянно живём в состоянии войны. Но писателям уже нужны другие краски и другие слова...

— *А вам приходилось когда-нибудь воевать с самим Булатом Окуджавой?*

— Это смысл моей жизни.

— *Что вам не нравится в Окуджаве?*

— Если мы говорим об Окуджаве-человеке, мне не нравится многое. Я хотел бы видеть себя другим.

Если имеется в виду Окуджава-писатель — я считаю, что я далёк от совершенства. Многие вещи, которые хотела бы моя рука, неприемлемы для моего разума.

Но мне кажется, что в этой борьбе рождается истина. Или когда-нибудь родится. Это, однако, зависит не только от меня. Поэтому я не тревожусь и не тороплюсь. Этот спор решится позже. Когда-нибудь...

— *Значит, вы считаете, что у вас много времени?*

— Этот вопрос меня не волнует. Если я смогу, я буду работать... Пусть потом решают, значит что-нибудь то, что я сделал, или нет...

— *Мне кажется, что вы начисто лишены суетности. Может быть, всё дело в вашей большой популярности?*

— Есть некоторые люди, я знаю таких, кто ещё при жизни очень беспокоится по поводу места, которое им предстоит за-

нять «потом». Меня этот вопрос не волнует. Может быть, потому что я легкомысленный кавказец...

— *Сколько вам было лет, когда вы стали известны?*

— Я стал известным уже в достаточно солидном возрасте, но тогда известность меня не волновала, скорее даже мешала. Если бы это случилось раньше, когда мне было, например, двадцать лет — тогда, наверное, из меня вышло бы что-то другое... Чёрт его знает, что бы вышло.

— *Сколько всё-таки вам было лет?*

— Лет тридцать пять — тридцать шесть.

— *Это немного.*

— Много. У меня был и немалый опыт. Я уже понимал, что не каждое моё слово — достижение человечества.

— *Какое своё произведение вы цените больше всего?*

— Я не поклонник своих произведений. Я отношусь к ним благосклонно.

— *Что вы хотите этим сказать?*

— Последнее произведение всегда кажется нам наиболее зрелым, но я хорошо понимаю, что до сих пор не написал такого произведения и, может быть, никогда не напишу.

— *Над чем вы работаете сейчас?*

— Работаю над новым историческим романом. Он называется «Свидание с Бонапартом». В нём я хочу говорить о человеческой совести, об ответственности перед жизнью, о возмездии, которое существует где-то в природе и которое иногда настигает нас.

— *Что вы можете сказать о своих родителях?*

— Они были революционерами. Отец мой создавал в подполье грузинский комсомол. Потом они были на партийной работе. В 1937 году мой отец погиб. Мать моя долгое время провела в Сибири. Потом вернулась. Оказалось, что она была ни в чём не виновата. Сейчас она живёт в Москве. Вот так.

— *Как она относилась к вашим первым литературным опытам?*

— Она высоко оценивала мои занятия литературой.

— *Она пыталась как-нибудь влиять на вас?*

— Нет. Когда она была на партийной работе, она была так занята, что ей на это не оставалось времени. А потом, когда она была в Сибири, — не было возможности. Однажды я написал ей в Сибирь. Написал и про свои стихи, из-за которых у меня были неприятности в школе. Она мне ответила: «Пой, как тебе поётся...»⁵

— *И это ваше главное писательское кредо?*

— Конечно.

*Кеворкян К. 15 встречи.
Пловдив: Христо Г. Данов, 1982. С. 117–121*

⁵ Согласно Любену Георгиеву, в оригинале этого телеинтервью из уст Окуджавы фраза Ашхен Степановны отчётливо прозвучала именно так. Однако переводчик передачи допустил ошибку. Во время выступления в Софии 16 октября 1981 г. Окуджава со сцены рассказал о ней и попросил, чтобы её исправили. Однако при подготовке книги Кеворкяна этого сделано не было. В ней воспроизведён тот же неверный перевод: «Пой то, что все поют...», — из-за чего образ поэта оказался сильно искажён (см.: *Георгиев Л.* Булат Окуджава: «Меня привлекают обычные люди, оказавшиеся в необычных обстоятельствах» // *Голос надежды.* Вып. 7. М., 2010. С. 341).

Христо МЕДНИКАРОВ

«ЧЕЛОВЕК НЕ ДОЛЖЕН СТРОИТЬ СВОЁ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЗА СЧЁТ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ»

Булат Окуджава — газете «Светлик»

Булат Шалвович Окуджава родился 9 мая 1924 года, в Москве. В 1942 году ушёл на фронт добровольцем. После войны окончил Тбилисский университет и начал писать стихи. Прозаик, поэт, композитор, переводчик, киносценарист. Автор и исполнитель лирических песен. Художник с богатым и разносторонним талантом. Напечатал несколько сборников стихов, повестей и романов. В 1980 году в нашей стране вышел на болгарском языке его роман «Путешествие дилетантов».

Когда «Дни “Литературной газеты”» проходили в Тырнове¹, представитель нашей редакции встретился с Булатом Окуджавой, и поэт любезно ответил на заданные ему вопросы.

— Когда вы начали писать стихи?

— Вы знаете, в молодости почти все мы были поэтами. Первые свои стихи я написал в десять лет. Они рождались во мне спонтанно и неожиданно, и я всецело отдался поэзии.

После войны я окончил филологический факультет и жил с мыслью, что я пишу очень хорошие стихи. Но настоящую поэзию я стал писать сравнительно поздно — в тридцать три года, когда другие уже перестают писать стихи.

Сейчас я пишу только прозу, и мне этого хватает.

— Что вас заставило обратиться к прозе?

— Это довольно сложный вопрос. Одна из причин в том, что я по натуре человек старомодный. Кроме того, я очень люблю историю своей страны, и когда я читаю исторические источники, я постепенно перевоплощаюсь, мне кажется, что я сам переношусь в ту эпоху. Поэтому я люблю писать на основании

¹ В Велико-Тырнове делегация гостила 7 и, возможно, 8 октября 1981 г.

исторических источников. Но исторические источники принадлежат ушедшим эпохам, они нуждаются в осмыслении. Кроме того, я не вижу принципиальной разницы между историческими романами и современными произведениями, потому что люди

почти не меняются, биология остаётся неизменной. И в наши дни бушуют такие же страсти, какие бушевали и ранее. И в наши дни люди так же любят, ненавидят и радуются, как в былые времена. В своих произведениях я люблю ставить людей в необычные обстоятельства и наблюдать за тем, как они себя в этих обстоятельствах проявляют. На эту тему я написал несколько романов и продолжаю обращаться к ней в новом, который называется «Свидание с Бонапартом». Его действие развивается в 1806 году, он затрагивает тему русского общества, дворянства, интеллигенции. Главное в нём — это размышления о возмездии.

— Вы очень известны как в Советском Союзе, так и в нашей стране. Как вы относитесь к своим поклонникам?

— Литературный успех пришёл ко мне поздно. Наверное, это хорошо, потому что я уже был зрелым, взрослым человеком. Думаю, что у меня никогда не было головокружения от успехов, у меня было реальное представление о своём творчестве. Я знаю, что интересен не всем. И это очень хорошо. Если бы я нравился всем, это было бы плохо.

— У вас много общего с Владимиром Высоцким. Что вы о нём думаете?

— Он был гораздо моложе меня. Мы с ним люди разных поколений, но тем не менее мы дружили. Он — исключительное явление в нашей культуре. Явление, о котором только теперь предстоит рассуждать. Он был не просто талантливым художником, но и прекрасным человеком, он был личностью. Для меня он представляет собой одну из вершин нашей современной культуры.

„Човек не трябва да гради своето благополучие за сметка на другите“

Будат Окудмава пред „Светлин“

Будат Окудмава е роден на 2 март 1915 г. в Бяла. През 1940 г. завършва Бялския държавен. След това работи в Бяла. През 1945 г. завършва Бялския държавен университет. През 1946 г. завършва Бялския държавен университет. През 1947 г. завършва Бялския държавен университет. През 1948 г. завършва Бялския държавен университет. През 1949 г. завършва Бялския държавен университет. През 1950 г. завършва Бялския държавен университет. През 1951 г. завършва Бялския държавен университет. През 1952 г. завършва Бялския държавен университет. През 1953 г. завършва Бялския държавен университет. През 1954 г. завършва Бялския държавен университет. През 1955 г. завършва Бялския държавен университет. През 1956 г. завършва Бялския държавен университет. През 1957 г. завършва Бялския държавен университет. През 1958 г. завършва Бялския държавен университет. През 1959 г. завършва Бялския държавен университет. През 1960 г. завършва Бялския държавен университет. През 1961 г. завършва Бялския държавен университет. През 1962 г. завършва Бялския държавен университет. През 1963 г. завършва Бялския държавен университет. През 1964 г. завършва Бялския държавен университет. През 1965 г. завършва Бялския държавен университет. През 1966 г. завършва Бялския държавен университет. През 1967 г. завършва Бялския държавен университет. През 1968 г. завършва Бялския държавен университет. През 1969 г. завършва Бялския държавен университет. През 1970 г. завършва Бялския държавен университет. През 1971 г. завършва Бялския държавен университет. През 1972 г. завършва Бялския държавен университет. През 1973 г. завършва Бялския държавен университет. През 1974 г. завършва Бялския държавен университет. През 1975 г. завършва Бялския държавен университет. През 1976 г. завършва Бялския държавен университет. През 1977 г. завършва Бялския държавен университет. През 1978 г. завършва Бялския държавен университет. През 1979 г. завършва Бялския държавен университет. През 1980 г. завършва Бялския държавен университет. През 1981 г. завършва Бялския държавен университет. През 1982 г. завършва Бялския държавен университет. През 1983 г. завършва Бялския държавен университет. През 1984 г. завършва Бялския държавен университет. През 1985 г. завършва Бялския държавен университет. През 1986 г. завършва Бялския държавен университет. През 1987 г. завършва Бялския държавен университет. През 1988 г. завършва Бялския държавен университет. През 1989 г. завършва Бялския държавен университет. През 1990 г. завършва Бялския държавен университет. През 1991 г. завършва Бялския държавен университет. През 1992 г. завършва Бялския държавен университет. През 1993 г. завършва Бялския държавен университет. През 1994 г. завършва Бялския държавен университет. През 1995 г. завършва Бялския държавен университет. През 1996 г. завършва Бялския държавен университет. През 1997 г. завършва Бялския държавен университет. През 1998 г. завършва Бялския държавен университет. През 1999 г. завършва Бялския държавен университет. През 2000 г. завършва Бялския държавен университет. През 2001 г. завършва Бялския държавен университет. През 2002 г. завършва Бялския държавен университет. През 2003 г. завършва Бялския държавен университет. През 2004 г. завършва Бялския държавен университет. През 2005 г. завършва Бялския държавен университет. През 2006 г. завършва Бялския държавен университет. През 2007 г. завършва Бялския държавен университет. През 2008 г. завършва Бялския държавен университет. През 2009 г. завършва Бялския държавен университет. През 2010 г. завършва Бялския държавен университет. През 2011 г. завършва Бялския държавен университет. През 2012 г. завършва Бялския държавен университет. През 2013 г. завършва Бялския държавен университет. През 2014 г. завършва Бялския държавен университет. През 2015 г. завършва Бялския държавен университет. През 2016 г. завършва Бялския държавен университет. През 2017 г. завършва Бялския държавен университет. През 2018 г. завършва Бялския държавен университет. През 2019 г. завършва Бялския държавен университет. През 2020 г. завършва Бялския държавен университет. През 2021 г. завършва Бялския държавен университет. През 2022 г. завършва Бялския държавен университет. През 2023 г. завършва Бялския държавен университет. През 2024 г. завършва Бялския държавен университет. През 2025 г. завършва Бялския държавен университет.

— *Что вы думаете о будущем и, конкретно, о будущем искусства?*

— Что касается будущего, я не большой оптимист, но что касается искусства, тут я настроен оптимистически. Я не поддерживаю все эти разговоры о том, что мы живём в эпоху технической революции, что искусство от этого страдает. Наоборот, я считаю, что до тех пор, пока люди живы, пока у них есть сердце и душа, пока они любят друг друга, они не смогут обойтись и без языка искусства. И искусство будет рождаться. Может быть, оно примет другие формы, но суть его останется неизменной. Оно будет волновать людей, будет показывать им дорогу к прекрасному. Искусство будет существовать, пока люди живы. Когда людей не станет, а вместо них будут машины, тогда, конечно, надобность в искусстве исчезнет. Но это уже фантастика. Я даже думаю, что чем дальше развивается технический прогресс, тем сильнее будет становиться нужда в искусстве.

— *Какие впечатления у вас от Болгарии и от Велико-Тырново?*

— Я второй раз в Болгарии и с огромным удовольствием езжу по вашей стране. Хотя я очень устал, я с большим желанием исполняю свои произведения перед многочисленными слушателями. Публика у вас замечательная. Кроме того, я понял, что в Болгарии у меня много поклонников, которые не только знают мои песни, но и читали мой роман «Путешествие дилетантов». Это доставляет мне огромную радость и придаёт сил. А Велико-Тырново — замечательный город. Я погулял по нему вчера ночью. Хотел погрузиться в его неповторимую атмосферу. Мне очень нравится это гармоничное сочетание старины и современности.

— *У вас есть любимый девиз, и если да, то какой?*

— Да, есть. Человек не должен строить своё благополучие за счёт других людей.

*«Човек не трябва да гради своето благополучие
за сметка на другите»:*

Булат Окуджава пред «Светлик»

/ [Разговора води] Христо Медникаров

*// Борба (Велико Търново). 1981. 31 окт. С. 1, 2
(Прилож. «Светлик»; № 10)*

Христо МИНЧЕВ

РАССКАЗЫВАТЬ О ЧЕЛОВЕКЕ Беседа с советским поэтом Булатом Окуджавой

Он прибыл в нашу страну в составе делегации писателей, которая приезжала на «Дни «Литературной газеты»». Во время выступлений и встреч с трудовыми коллективами Булату Шалвовичу не однажды пришлось отвечать на вопросы о его своеобразном творчестве. Интерес к этому большому современному советскому поэту, беллетристу и композитору велик. Оказывается, что он знаком и близок многим людям в нашей стране, что его талант не оставляет их равнодушными.

С ним встретился и побеседовал представитель нашей газеты Христо Минчев.

— *В ваших произведениях прошлое, настоящее и будущее тесно связаны. И всё-таки не получается ли так, что вы скорее отдаёте предпочтение прошлому?*

— Когда видного советского историка Льва Гумилёва спросили, почему он занимается прошлым, он ответил: а чем ещё я могу заниматься? Настоящее — это только мгновение. Потом оно становится прошлым. Будущее — дело фантастов. Думаю, что в этих словах есть правда. Мы должны очень хорошо знать своё прошлое. Чем лучше мы его знаем, тем легче нам будет видеть будущее. Мы должны знать, откуда исходят наши корни, кто мы, откуда мы, зачем мы... Вот, всё это меня интересует, и я стараюсь по возможности найти самый точный ответ на то, о чём я думаю и что меня волнует.

— *Какова роль литературы в формировании душевности современного человека?*

— Знаете, к литературе не нужно относиться утилитарно. Не может быть такого, чтобы писатель, написав роман, разом

Встречи с именитыми творцами

Да рассказываш за человека

Разговор с советским поэтом Булатом Окуджавой

Тай беше сред групата писатели, дошли в кабинета стра- на по случай. Дошли на заседание „Литературна галерея“. По време на четящата и срещите с творците известни не едни път булет Окуджави трябваш да отговаря на въпроси по различни разнообразни теми. Интересът към това голям скарпанието съвременни поети, български и по-малко зорни и големи. Окуджава си, че в повечето и български не много хора и новата страна, че неговите творби ги вдъхват.

С него се срещна и разговор представител на раз- говорите Христо Мичев.

— Във Вашите произведения наблюдавам, наблюдавам и бъдещето си в зряно единство. И все пак аз отивам до писателя предизвикателство вънжливост?

— Български съветски историци. Дав Гудимов, който до започнал да се запознава с миналото, отговори: А с какво друго мога да се занимавам? Настоящото е само ние. След него мисля, миналото. Бъдещето е в фантазията. Мисля, че в тези стени има история. Има още емоции да пишем много до- кументи минало. Илю-

та на читателите. Ролята на литературата, нейното значение в обществото, много дълго процес. Тук трябва както пред писателя, така и днешната литература. Източникът, който е важно, постепенно, постепенно вярно форми- рат личността. Хората се запознават с литературата и от новостите на тогоязиче се създава нов тип човек.

— Във Вашето творчество наблюдавам силно влияние на музика, музика, дори и на поезия. Как осъществявате това?

— Главната задача на художника — поет, композитор, живописец, а и не дър- жавна и болнична, а ед- на — да разкаже на себе си. Да каже себе си. Да спо- делит своите впечатления с обществото. Сигурно не всички разбират това, което казва в стихове или проза. Аз разказвам за себе си. Но по разказите личи, с различни форми се изразяват. Това е важно.

Вашите идеи
„Различията във“
теми е важна!
7.10.81. Б.Окуджава

Света. Не може да се интернационалист, ако си грешен и истинен.

— Вашите впечатления от България? За къде път ли сте в кабинета стража?

— За втори. Бях отидан у нас, през социалистичните години. Предлаганата ми от българите гостуване, ма- кар се, си много дълга. Тук е интересно.

— Във четките и пис- тите свои впечатления?

— Ученици, че публици- та ги даде. Започнах изпри- мед да редактирам известни списания. В състояние да започна да ги редактирам. Понастоящем.

— Над какво работите сега?

— Пиша исторически ро- зана. Написах съм го до по- ложения. Начал се „Сре- щите с Окуджава“. И това е което мисля да пиша. Това е, което мисля да пиша.

изменил психологию всех читателей. Роль литературы, её влияние — это долгий, очень долгий процесс. В нём участвует как современная литература, так и произведения былых эпох. Все вместе они постепенно, в течение длительного времени формируют личность. Люди читают книги, и из поколения в поколение вырабатывается новый тип человека.

— В вашем творчестве наблюдается синтез поэзии, музыки, есть даже элементы кино. Как вам это удастся?

— Главная задача художника — поэта, композитора, живописца, да даже столяра или маляра — рассказать о себе. Выразить себя. Поделиться своими впечатлениями об окружающем мире. Поэтому я не вижу разницы в том, что я делаю в стихах и в прозе. Я рассказываю о себе. Но выражаю себя по-разному, в разных формах. Вот и всё. Никакой принципиальной разницы я не вижу. Моя задача — выразить себя, раскрыть себя. Если мой рассказ вас заинтересовал, значит, искусство получилось. Если нет, значит, я потерпел неудачу.

— Как вы добиваетесь того, чтобы в вашем творчестве в одно и то же время звучали национальные и интернациональные ноты?

— Думаю, что это заложено во мне от природы. По отцу я грузин, по матери — армянин. Родился я в России. Её культура — родная для меня. Мой язык — русский. Значит, внутри меня уже заложено интернациональное начало. Когда я пишу, я об этом не думаю. Наверное, оно где-то существует и передаётся людям. Но я считаю, что в основе интернационализма лежат

наши идеи, прежде всего доброта и любовь. Если ты агрессивен и жесток, ты не можешь быть интернационалистом.

— *Ваши впечатления от Болгарии? Вы первый раз в нашей стране?*

— Второй. Я был у вас давно, в семидесятые годы. Мои впечатления от нынешней поездки, естественно, очень яркие. Тут очень интересно.

— *Вы читали и исполняли свои произведения?*

— Меня удивило, что публика их знает. Я начинаю, например, читать какие-нибудь свои стихи, а слушатели начинают аплодировать. Они их знают.

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— Пишу исторический роман. Дошёл до середины. Называется «Свидание с Бонапартом». И это всё, что я могу о нём сказать. Это роман о совести. Раздумья о человеческой жизни.

*Минчев Х. Да разказваш за човека:
Разговор със съветския поет Булат Окуджава
// Работнич. дело. София, 1981. 17 окт. С. 3*

Красимир ПАНЧЕВ

Булат Окуджава:
«МОЯ РЕЛИГИЯ»

— *Кто вы — поэт, писатель или музыкант?*

— Мне довелось заниматься самыми разными делами. Я сочинял музыку, писал стихи, сейчас занимаюсь прозой. Пытался делать сценарии. Говорят, что нехорошо, когда человек разбрасывается. Но я просто пробую свои способности. Если говорить высокопарно, я, наверное, из числа художников. Это люди, которые пытаются высказать себя теми средствами, которые есть в их распоряжении.

— *Почему вы поёте свои стихи под гитару?*

— Во-первых, мне хотелось петь под аккомпанемент, а вторых, гитара — инструмент компактный, полностью для этой цели подходящий.

— *С чего вы начали?*

— Когда я был маленький, я, как все, писал стихи. А в сознательном возрасте начал поздно — аж в тридцать четыре года. Петь я начал совсем случайно.

— *В чём состоит ваша «религия»?*

— Я атеист, и в этом моя религия. Я уважаю другие виды религий и хочу, чтобы мою уважали тоже.

— *Почему ваши песни нравятся такому большому числу людей?*

— Об этом пусть судят критики. Мои песни поются только в узком кругу людей. Было бы обидно, если бы они нравились и тем, кто любит массовую культуру.

— *Кто были ваши первые слушатели?*

— Мои товарищи — Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский.

— В чём состоит магия
Булата Окуджавы?

— Это тоже не в моей компетенции.

— Как в вашу поэзию
вошла война?

— Когда я окончил девятый класс, мне было восемнадцать лет, я пошёл на фронт добровольцем. Был солдатом, воевал, был ранен. Война застала меня молодым, вот поэтому и наложила отпечаток на всю мою жизнь.

— Как бы вы сами определили жанр своих песен?

— Многие пытаются найти подходящее определение. Но я думаю, что это просто исполнение стихов под гитару.

— Что связывает вашу грузинскую душу с Арбатом?

— По национальности я грузин, и, хотя я живу в Москве и воспитан в русской культуре, никуда не деться от того, что в моих жилах течёт грузинская кровь.

— Пожелайте что-нибудь нашей армейской молодёжи.

— Мне часто приходится говорить о войне. Думаю, что это очень грустная вещь, и когда она случается, это суровая необходимость. Я не люблю людей, которым приятно слушать военные оркестры. Война никому не принесла ничего хорошего. Она отнимает человеческие жизни, превращает людей в роботов. Я советую молодым людям не считать, что если они берут в руки оружие, они начинают что-то значить. Они просто вынуждены брать его, потому что мы живём в очень напряжённой обстановке.

Окуджава Б. «Моята религия» / Въпросите зададе К. Панчев
// Нар. армия. София, 1981. 28 окт. С. 1, 2

БУЛАТ ОКУДЖАВА:

«МОЯТА РЕЛИГИЯ»

— Какъв сте вие — поет, писател или музикант! — Малко ми се да се занимавам с различни работи. Изми слух музика, пишех стихове, сега се занимавам с проза. Опитвах се да правя сценарии. Казват, че не е забавно новек да се разпилява. Но аз просто пробвам своите способности. Ако трябва да говорим инкогнито, аз наистина спадям в клас художниците. Това са хора, които се опитват да се изкажат със средствата, които имат на разположение.	— Защо пеете своите стихове с китара! — Първо, искаше ми се да пея под аккомпанимент и, второ, китарата е малък инструмент, но много подходящ за тази цел. — С какво започнахте! — Като дете и аз пишех стихове. А като възрастен започнах писане — чак на тридесет и четири години. Залеза съвсем случайно.
---	--

◆ НА II СТР. ◆

Валентина БОРИСОВА

Булат Окуджава:
«В БОЛГАРИИ Я ВТОРОЙ РАЗ...»¹

Я уже второй раз приезжаю в Болгарию. Но моё посещение в этом году, как и в 1970-м, носит официальный характер, а такие поездки едва ли могут дать полноценное представление о стране, чтобы о ней можно было говорить серьёзно. Хотя, может быть, для такого коротенького интервью этого будет вполне достаточно... Меня интересует не только современная жизнь вашей страны, но и её прошлое, отношение моих знакомых болгар к этому прошлому, к своей истории — одновременно героической, патриотичной и лиричной. Могу сказать, что моё знакомство с Болгарией только начинается, и будем надеяться, что оно примет такие формы, что я буду в состоянии основательно подойти к этому вопросу и рассуждать на эту тему.

Что касается того, мог бы я что-то написать о Болгарии, — именно по этой причине не могу. Мне не хватает материала, мне нужно, если можно так выразиться, впечатление. К тому же такой у меня характер — я не могу писать так называемые «путевые заметки». Но я уверен, что все эти встречи, разговоры, которые я сегодня веду, каким-то образом отразятся на моей работе, может быть, даже неожиданно для меня — в виде отдельных подробностей и идей. Единственное, чего бы мне хотелось, это как-нибудь, желательно как можно раньше, познакомиться с Болгарией поближе, не поехать по ней как турист, а пожить здесь, вкусить её хлеба и соли, подышать её воздухом, тогда, мо-

¹ Журнал опрашивал советских деятелей культуры, гостей «Дней “Литературной газеты”»-1981 — Г. Бакланова, Н. Богословского, В. Бокова, Ю. Друнину, М. Жванецкого, В. Коротича, Б. Окуджаву, Ю. Поройкова, Т. Кузовлёву, О. Прудкова и А. Шогенцукова, — какое место занимает Болгария в их жизни и творчестве. Заглавие дано публикатором, в статье отсутствует.

жет быть, у меня напишется что-нибудь серьёзное и достойное на болгарскую тему.

Есть такой закон: когда аплодируют пятнадцать процентов слушателей, тебе кажется, что это овация. Так что я не обольщаюсь насчёт размеров своей популярности здесь. Но мне было приятно, что в разных городах ко мне подходили люди с моей книгой в руках и просили дать им автограф. Я имею в виду «Путешествие дилетантов», которое недавно вышло у вас². Книга толстая, явно не дешёвая — это тебе не открытка с лицом певца — значит, люди отдали деньги, купили её — или книга им кажется интересной, или кто-то им сказал, что она интересная. Я считаю, что это огромное счастье для литератора — когда читатели подходят к нему с его книгой в руках. А что касается её популярности, это, с одной стороны, приятно, а с другой, я просто не могу понять, почему эта грустная история, случившаяся в России в прошлом веке, смогла привести болгарского читателя в такое же волнение, как меня. Вот, вот это для меня самое интересное.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

В България съм за втори път. Но и сега, както през 1970 година, посещението ми има официален характер, а от такива пътувания човек трудно може да добие представа за дадена страна, да говори сериозно за нея. Макар че това може би е напълно достатъчно за едно кратко интервю... Вашата страна ми е много интересна не само с днешния си ден, но и с миналото, с отношението на българите, които познавам, към това минало, към историята си — една история и героична, и патриотична, и лирична. Мога да кажа, че познаването ми с България тепърва започва и иска се надяваме, че то ще придобие такива форми, че да бъде в състояние сериозно да разсъждавам и разговарям по този въпрос.

*Читателски муруиане
„Факел“
желая много леб!*
Б. Окуджаво

*На читателите на списание „Факел“ желая
много леб.*

Булат Окуджави

Що се отнася до някакво литературно отражение на България в литературното ми творчество, то не съществувало поради тази причина. Още не разполагам с достатъчно материал, липсва ми въздействие, ако може така да се каже. Пък и такава ми е характерът — не мога да пиша така изречените „пътни бележки“. Но съм сигурен, че сегашните срещи, разговорите, които водя тук, по някакъв начин ще се реализират в моята работа, може би дори неустойно за мен — във вид на отделни подробности и идеи. Единственото, което мога сам да си пожелаю, е да имам възможността някой ден, желателно е това да стане по-скоро, да се започна с България, да пътувам не като турист, а да пожияя в нея, да опитам хляба и солта ѝ, да попиная въздуха ѝ и тогава може би ще се роди нещо по-сериозно и достойно за нея.

Съществуват такива закони: когато ръкописат петнадесет процента от салона,

177

Окуджава Б. «В България съм за втори път...»
/ Литературен запис и превод В. Борисова
// Факел. София, 1981. № 5. С. 177–178

² Окуджава Б. Путешествие на дилетанти: Роман / Прев. Б. Мисирков. София: Нар. култура, 1981.

Георгий БОРИСОВ

Булат Окуджава:
«Я ЛЮБЛЮ ОДИНОЧЕСТВО»

— *В своё время профессиональные музыканты отнеслись к вашим песням с большим скепсисом. Сегодня слушателей у вас больше, чем читателей. Как вы относитесь к этому обстоятельству?*

— Совершенно спокойно. Это нормально, что, поскольку меня время от времени показывают по телевизору, мои песни звучат с грампластинок, обычные, далёкие от литературы люди воспринимают меня скорее как артиста, как певца. Совсем немногие из них знают, что я пишу и прозу, и стихи, что я люблю одиночество и избегаю выступлений на публике. Ничего оскорбительного для меня в этом, конечно, нет: наоборот, это своего рода честь, хотя по своей природе я не артист — в отличие от Высоцкого, который любил сцену именно потому, что был артистом.

Что касается профессиональных музыкантов, сначала они действительно относились ко мне неприязненно — и голоса у меня нет, и нотной грамоты я не знаю, а при этом позволяю себе сочинять музыку и выходить на сцену. Однако потом некоторые очень хорошие композиторы стали моими друзьями — и сами певцы стали исполнять мои песни. К счастью, публика встречала их абсолютно равнодушно. И они поняли, что я тоже автор, что в моём жанре нужнее всего не выдающиеся вокальные достоинства, что здесь очень большую роль может играть, например, интонация... В последнее время другие певцы всё реже и реже пытаются исполнять мои песни: я оказался трудным, «неблагодарным»...

— *Стихотворения, которые мы представляем в журнале «Факел»¹, — из числа новейших, которые вы опубликовали совсем*

¹ В том же номере журнала, где опубликовано интервью, напечатаны стихотворения Окуджавы «О Володе Высоцком», «Внезапно сник мороз...», «Я выселен с Арбата...», «Надпись на камне», «Чёрный ворон», «Заезжий музыкант», «Романс», «Всему времечко своё...» (С. 82–87).

„ОБИЧАМ САМОТАТА“

(Разговор с Булат ОКУДЖАВА.

— Некога професионалните музика-
ти вноселиха твърди скотински зашито
първи песни. Днес им платят повече за
слушане, отколкото за петьо... Как въ-
просите ви за много обстоятелства?

— Наполеон злодей! Французия е силна като от време на време се показват французици, като като ноната ме не харят по трансформацията дала, обикновено, „интерпретация“ дори да не могат да правят нещо за „държавя“, по време. Много малко от тях имат, че аз имам и прага, а когато, не обичам съпротива и обичвам изключително изживя. В това за мен, разбира

Коледото да професионализира музикантите, в неговото тяло се отпечатаха двете велики, неопределими кълба — музика и поезия.

— Вече се очаква трето издание
книжката му „Нора“. Как се отнасят
към нея във вашия свят, във вашия
народ?

— Като дете Високия знаех, че в оформя като малко преди смъртта Той беше истински, споделях мито, пръвично като момиче, като лещица. И мито да можеш да се отнасяш просто

те разбирава, че аз съм съм автор, че заслужаващите модела достойнство ме си заслужаващо в моя жанр, че авторската авторство съм може да представявам нещо съществено... На края цените ми са доста по-високи, както и цените, които са

Учили се, но спомне во себе некое и
вечни вождаат само брзо раде. И
сподобити му стигнаше само брзо
тарелите наметнувајќи го, а се
екој стигнаше тарелите. Вожда
се одлучувајќи го, а секој
екој стигнаше тарелите.

— Близко до него биваха и двамата. Нашата дружба обаче беше твърде своеобразна. Не само защото бяхме зорливи от различен аспект, а и с различен темп. По-лесно, по-бързо, аз, а следващо време

— Мислене е просто, органично, нежен е процесът на събиране на материал. —
— Мислене е просто, органично, нежен е процесът на събиране на материал. —

Ваната съм взел своя собствена
чака, предпазно от средата на мис-
ловата. Инстинктивната, която по-
близо е Вансодат, защото не се
сеща за нея. Тя е, защото е обичана.

Моята от мина. Той беше мило момче, аз не съм приличал много — по-малко, работнишко, хубаво от артистичното, които го разбираха и обичаха, мен не се интересуваша много. Дълго забравявахме обаче една, според мен, важна дата — 1945 г. —

не случайно и многоите приятели живеели там. Това с май-кръста, май-зарезите, местниста улица. Аз просто съм имал късмет, че съм се родил и живял на нея. Живел там до 14-годишния възраст. А след това преминавам на друга улица за Абул

...иногда заставлял да читать стихотворения за Арбуз — заставлял тогда не с какой целью от этого толку, а только как орудие, а особенно как раз на Москве — с тем чтоб влиять в голову, своим католическим и говор... И заставлял не с целью тогда читать за не чтение...

— Садител аз многократно
и безкрайно прекрасно споменихте за

— Музиката и стилите днес съществено различават из хиляди години постовете. Но нещата интересни и дълбоки нощи винаги са съществували. Младите Вероника Дел...

и да се достигне — изключено. Ето моят отпор! Мия превалът и в по-скоро време изважило, но щелини да се разкъса мислата ми, която те не разбира. На мен ми е приятно, не принажиш стисковете ми, но изключено съм — не можам да

...и на различни места — на английски, френски и немски, на латински и чешки, то — сега и на български... Но да се поемем песен, в пръв, старият ми е беззащитен...

— И да крие — азният авторграф за

— Бывает, — говорит, — а бывает и от
метастазов на «Фигер»!

11. Երես չունի և չի կարող
 իր քննությունը անել
 ու իր քննությունը անել

5. *By* _____

Plasmoneurone della Tropea SOFICO

... С Арбат и свързаната историята на Мелник. Понеж миналите век тук са живи

Москва. Грех замислява как там ще живе
де предишно служил в част от армосто-
риците. Последното обаче на тях места
мислещ да се засели и истинските
— лекари, адвокати, артисти, професори.
Не случайно в Пушкин отиват на Арбат,

не случайно и негодите приетели жинаку
там. Тоа е нај-виста, нај-карактерна
московска улана. Ај, просто сам кажа
издаст, че сам се родил и живел во неа.
Живел там до 18-годишна возраст. А след
тоа сам кажал: да кажа сакате че Анба

тома започнаха да пишат стихове за Арбат — защото там не е само един от многото улици, а особено квартал на Москва — със своя климат и въздух, свои настроения и говор... И защото не с една-две камъни на неговите...

— Как се отнасяте към президента на вашите дъни? Необходимо е възможност да се тълкува пръвона според нас?

— Смятам аз много много арменци и българите прекрасни специално на

просто да. Мисля, че да се достигне резултатът на обрания е невъзможно. По-важното е въпросът то да бъде изпълнено, но само откъм емо, стратегически техника и т.н. Да се направи общо по дух, дори

и да се дискутират — изключително. Это важно според мене предизвик е за скоро време да се увеличи, на целите да се разясни на хората много, което те не разбират. На мен ми е приятно, че предизвик съществително се повишава качеството — на аналитиче-

... И на края — взимат автограф на...

and you're not even
 sure you're not...

11. Երևա ըստ ի խորհրդի սխառնի,
 12. Երբ անհայտն է ըստ
 13. Երբ անհայտն է ըստ

B. D. Day

Рассказы и очерки Гюго. В 2-х томах. М.: ГИИ, 1989. 89 с.

недавно. Первое из них посвящено Высоцкому. Какие у вас с ним были отношения?

— Мы были очень близки. Однако дружба у нас была своеобразная. Потому что мы люди не только разных поколений, но и разных темпераментов. Высоцкий был невероятно общительным, компанейским, я бы даже сказал, светским человеком. Я более нелюдимый, и образ жизни у меня совсем другой. Но когда мы встречались, относились друг к другу с большой любовью и взаимным уважением, потому что дело, которым мы занимались, было одно и оно было очень трудным, особенно поначалу...

Моя жизнь в литературе сложилась благополучнее, чем его, хотя и на мою долю досталось много критики и много ударов с разных сторон. Однако постепенно с моим существованием смирились, я вступил в Союз писателей, стал писать и прозу, и всё как будто стало на свои места. А жизнь Высоцкого до последнего мига оставалась сложной и драматичной. Сколько бы он ни мечтал об этом, он так и не увидел ни одной своей строки напечатанной, ни к одному из его концертов не было сделано афиши — тогда как любой посредственный или даже плохой артист и поэт может себе это позволить. Некоторые считали, непонятно почему, что это стыдно, и не разрешали ему этого...

— Его книга «Нерв» скоро должна выйти уже третьим изданием². Как вы лично относитесь к нему как к поэту?

² Третье издание «Нерва» было сдано в набор только в конце 1987 г. наряду с другими книгами Высоцкого, когда его произведения в СССР вновь были разрешены к изданию.

— Высоцкий начал складываться как поэт только к концу жизни. На мой взгляд, он был интересен прежде всего типом своего мышления, своей личности. Его нельзя воспринимать только как поэта, мыслителя или артиста. Высоцкий соединял в себе все эти ипостаси, поэтому сегодня он считается явлением в русской культуре. Конечно, хорошо было бы, чтобы его стихи и сами по себе были выдающимися. Он шёл к этому. Учился, не спал ночами, и мы все видели, как быстро он растёт. Последние его стихи были интересны с точки зрения именно поэзии, а не стихотворной техники. Однако Высоцкий отличался тем, что писал новеллы в стихах: ироничные, сатирические, трагичные, с диалогами и так далее. Сложные рифмы и языковые эксперименты, которые встречаются в его стихах, признак скорее незавершённого поэтического развития. Рифма должна быть простой, органичной, прежде всего важен смысл...

— *Некоторые говорят, что Высоцкий отнял у вас часть слушателей...*

— У меня всегда была своя публика, в основном из числа интеллигенции. Интеллигенция, которая впоследствии полюбила Высоцкого, совсем не отшатнулась от меня. У него была своя публика, которую я никогда не привлекал, — шофёры, рабочие, люди из простонародья, которые его понимали и любили, а моим искусством не интересовались вообще. Однако те, кто считает, что он был всенародным любимцем, глубоко заблуждаются. Высоцкий был мастером, а настоящий мастер никогда не может быть любим всеми без исключения. Кому-то ближе и понятнее дешёвая эстрада. Помню, производились и такие эксперименты: так называемые «блатные» песни Высоцкого давали послушать настоящим вора и преступникам, и они их абсолютно не трогали. Потому что они слышали не просто словосочетания или звукоподражания, потому что за словами скрывался глубокий смысл...

— *Кстати, а сегодня встречаются такие дарования, которые так же органично сочетали бы поэзию и музыку, голос и поэтическую душу?*

— Сейчас огромное множество людей пишет стихи и музыку и исполняет их под гитару. Просто настоящее море. Но чего-то по-настоящему интересного и хорошего почти нет — если не брать в расчёт молодую Веронику Долину, которая в последнее время по праву приобретает всё более широкую популярность. Из людей нашего поколения выделяется только Юлий Ким — выдающийся артист и исполнитель, очень хороший по-

эт и композитор, на которого всё ещё обращают незаслуженно мало внимания. Конечно, как явление он несравним с Высоцким, хотя как поэт он не слабее его. Правда, его стихи носят характер не столько сатиры, сколько буффонады. Но, несмотря на это, у него есть и прекрасные лирические песни...

— *Булат Шалвович, в большинстве своих стихов вы без конца возвращаетесь к теме Арбата. Почему? Чем является этот образ для вас — не считая того, что это улица вашей молодости?*

— С Арбатом связана вся история Москвы. В прошлом веке там жили в основном чиновники и часть аристократии. Однако постепенно в этих местах стала селиться и интеллигенция — врачи, адвокаты, артисты, профессора. Неслучайно и Пушкин поселился на Арбате, неслучайно там поселились и его друзья. Это самая яркая, самая характерная московская улица. Мне просто повезло, что я родился и вырос на ней. Я жил там до восемнадцати лет. А потом я стал писать об Арбате стихи — потому что это не просто одна улица из многих, это особый район Москвы, со своим климатом и воздухом, своими интонациями и говором... И потому что я боюсь, что этот климат может исчезнуть...

— *Как вы относитесь к тому, что ваши песни переводят? Как, по-вашему, нужно ли это делать, и удаются ли эти переводы?*

— Я в своё время много занимался переводами и прекрасно знаю специфику этого ремесла. Думаю, что добиться того, чтобы перевод звучал на одном уровне с оригиналом, невозможно. Иногда перевод может стать даже лучше оригинала, но только по части языка, стихотворной техники и тому подобному. Превзойти оригинал по духу, даже достичь его уровня — исключено. Вот почему я считаю, что перевод — это скорее проявление уважения, желания объяснить что-то людям, которые тебя не понимают. Мне очень приятно, что мои стихи переводят на самые разные языки — на английский, французский и немецкий, на польский и на чешский, а теперь вот и на болгарский. Но петь песню в переводе, по-моему, бессмысленно...

— И напоследок — автограф для читателей «Факела» <...>³

*Обичам самотата: Разговор с Булат Окуджава
/ Разговора води Г. Борисов
// Факел. София, 1983. № 4. С. 88–89*

³ Факсимиле первого куплета песни «Ако зажалиш някой ден...» было воспроизведено в предыдущем выпуске альманаха в ст.: Раевская М. «Болгарская» песня Булата Окуджавы // Голос надежды. Вып. 7. М., 2010. С. 279.

Бистра ЖЕКОВА

ОСТАВАТЬСЯ ВЕРНЫМ СВОИМ ПРИНЦИПАМ Мы беседуем с Булатом Окуджавой

Наша встреча состоялась 27 мая в малом зале Клуба работников культуры. И хотя зал зиял пустыми местами, все, кто присутствовал на встрече, запомнили её на всю жизнь. Этого мудреца с глазами «грустного оптимиста», как он сам себя называет, забыть невозможно. Многие люди из зала задавали вопросы, здесь мы предлагаем вам только ответы, которые складываются в своеобразную исповедь художника Булата Окуджавы.

— Я первый раз в Димитровграде, и всё это время меня преследует странное чувство. С одной стороны — современный город, много зелени, красивый бульвар. А с другой — здания, которые заставляют меня думать, что я как будто в Москве. Я вижу, как крепко мы срослись во всём — и в наших добродетелях, и в наших грехах. Но будем надеяться, что постепенно мы всё это преодолеем и сделаем свою жизнь лучше.

Мне трудно выступать в роли лауреата¹. В Советском Союзе я не получал никаких наград, а в Болгарии вдруг... Я уже к этому привык. Вообще-то недавно мне хотели вручить Государственную премию, но я отказался. Потому что раньше мой талант не признавали, не знаю — наверное, потому, что жизнь была другая, а я был неподходящий для неё человек. Сейчас мне уже не хочется получать от государства премии. Я вообще не считаю, что поэт должен принимать какие бы то ни было звания и ордена — это несерьёзно. Кроме этого, у нас было столько литературных генералов, что они всё захватили...

Моя страна сейчас находится в очень трудном положении. Более трудном, чем у вас. Потому что это большая страна, которая страдала семьдесят напрасных лет.

¹ О литературной премии имени Пенё Пенева см. далее.

А что касается песен — я давно уже их не пишу. Пишу немного стихов, немного прозы, но есть молодые люди, которые пишут песни и которые скажут об этом времени всё, что необходимо сказать. Я своё дело сделал, и мне хочется продолжать работать, но это уже как получится...

Когда я был маленьким и начал писать первые стихи, я думал о себе хорошо — моя тётя тоже считала, что я хорошо пишу. Мне было четырнадцать лет, и я решил пойти в Союз писателей. Летом там никого не было, кроме секретаря. Я сказал ему, что хочу издать свою книжку. Он посмотрел на меня с удивлением и непониманием, потом увидел, что я совсем маленький, глупый мальчик, и ответил: «Да, мы издадим вашу книжку, только вот у нас бумаги нет...» Я вернулся домой и сказал дяде, который был бухгалтером и ничего не понимал в литературе, что в Союзе писателей хотят издать мою книгу, но у них нет бумаги. И он ответил: «Ну, килограмм-другой я тебе найду...» На этом всё закончилось.

Но вы знаете, я очень поздно начал писать стихи: мне было года тридцать четыре — тридцать пять. И слава богу, потому что если бы мне было лет на десять меньше, наверное, моя популярность меня бы раздавила.

Я думаю, что художник должен прежде всего заниматься своим делом, писать, изучать жизнь. Но, к сожалению, идеальных ситуаций нет, и художник, в зависимости от своего темперамента, обязан выбрать себе какую-то дорогу. Я, например, на митинги не хожу, но мои друзья ходят. Публицистикой я не занимаюсь, но иногда мне всё-таки хочется написать что-то такое, над чем люди бы задумались. Сейчас такое время, что многие проблемы решает улица. Конечно, задача художника не в том, чтобы принимать во всём этом непосредственное участие. Я иногда думаю, а действительно ли стихи, музыка, искусство могут помочь преодолеть зло. Едва ли... Думаю, что искусство не может изменить мир, но если бы его не было, мы давно

превратились бы в животных и уничтожили бы друг друга. Искусство создаёт баланс добра и зла, а время покажет, что было необходимо, а что — нет. Вы знаете, когда Пушкин был жив, его мало кто знал. На руках носили другого поэта, был такой Нестор Кукольник². В наше время Кукольника никто не знает, а Пушкина знают все.

Я думаю, что сейчас поэт должен остаться наедине с собой и решить, как ему сохранить верность своим принципам — профессиональным и человеческим. Ещё я думаю, что он должен ощущать себя обыкновенным человеком, а не судьёй другим людям. Судить других нетрудно — этот неправ, этот ничего не знает и т. д. Если я с кем-то не согласен, я просто не общаюсь с этим человеком, это моё право. Но быть судьёй другим людям — это не лучшая жизненная позиция. У нашего детского поэта Корнея Чуковского есть такая строчка: «Волки от испуга скушали друг друга»³. Я её перефразировал так: «Люди от испуга поняли друг друга». Когда мы дойдём до кульминации, в нас заговорит здоровое начало, и мы начнем нормально думать и сможем нормально жить вместе. Человечество давно уже живёт на земле и ему ни к чему погибать. Поэтому я отношу себя к грустным оптимистам.

В скупых газетных строках невозможно передать всю атмосферу встречи с любимым поэтом. Её можно услышать в стихах, которые в конце встречи прозвучали в зале. В послании, чтобы мы жили как люди — любой ценой, даже если и не станем победителями.

Да си верен на своите принципи:

Разговаряме с Булат Окуджава

/ Записа: Б. Жекова

// Димитровгр. правда. 1990. 15 юни (№ 24). С. 8

² Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — писатель, пользовавшийся большой популярностью в 1830-е гг.

³ Из сказки «Тараканище» (1921).

Лучезар ЭЛЕНКОВ

Поэт Булат Окуджавы:
КОГДА-НИБУДЬ ГОРБАЧЁВУ
ПОСТАВЯТ ПАМЯТНИК

[От редакции «Труда»]. 9 мая исполнится 80 лет со дня рождения Булата Окуджавы (1924–1997). Поэт Лучезар Эленков предоставил редакции «Труда» интервью с поэтом, взятое 16 января 1991 года в Переделкине.

«Булат был одним из самых больших друзей Болгарского культурно-информационного центра в Москве, первым директором которого был я, — рассказывает Эленков. — В сентябре 1989 года там состоялся большой поэтический вечер, где Булат Окуджавы выступал вместе с гостями из Болгарии — Недялко Йордановым и Хайгашотом Агасяном¹. Булат Окуджавы любил Болгарию и сделал огромный вклад в популяризацию болгарской культуры в Советском Союзе. И неслучайно в мае 1990-го его наградили в Димитровграде международной литературной премией имени Пенё Пенева. Наша дружба с ним была светлой и сердечной».

— Булат, над чем ты сейчас работаешь?

— Как всегда, стихов пишу мало. Большую часть своего творческого дня отдаю автобиографическому роману². Что из этого получится, пока не знаю. Но продолжаю писать. Хочу рассказать о своей жизни, о жизни моего поколения и о множестве событий, которые я видел.

— Ты принадлежишь к писателям, которые всегда были инакомыслящими. Ты был и одним из первопроходцев Перестройки — ещё в те времена, когда этого слова никто не произносил и никто

¹ Йорданов Недялко (1940) — болгарский драматург, режиссёр и бард; Агасян Хайгашот (встречается написание *Хайгашод*; 1953) — болгарский музыкант и композитор. Об их совместном концерте с Окуджавой 22 сентября 1989 г. в Болгарском культурно-информационном центре в Москве см.: *Йорданов Н. Моя дружба с Булатом / Пер. с болг. М. А. Раевской // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 63–65.*

² «Упразднённый театр» (1989–1993).

Поэтът Булат Окуджава: Някога ще издигнат паметник на Горбачов

не знал, как будет выглядеть сегодня советское общество. Как ты жил все эти годы?

— Я надеюсь рассказать о том, какие переживания и мечты пьянили нас. Но думаю, что люди, к которым я принадлежу (так называемые шестидесятники) своё уже отработали. Они сегодня не представляют большого интереса для политики, потому что шестидесятники хотели всего-навсего придать человеческий облик старой системе. Они не доросли до понимания, что эту систему необходимо разрушить. Мы сделали своё дело. Мы заставили людей думать, переоценивать свою жизнь. Но мы не были революционерами, мы не бросали бомбы, не совершали героических поступков.

— Но твои стихи, твои песни были именно «бомбами».

— Наверное, наверное... Конечно, это так. Мы заставили людей мыслить иначе, беспокоиться не только о собственной судьбе, но и о судьбах всего общества.

— Ты входил в славную «пятёрку» — вместе с Евтушенко, Вознесенским, Беллой Ахмадулиной, Рождественским вы сделали очень много для развития советской, русской, мировой поэзии. Евтушенко избрали депутатом в Верховный совет СССР. Остальные члены «пятёрки» депутатами не стали. Ты почему не стал членом парламента?

— Мне предложили баллотироваться, но я отказался. Это не моё «амплуа». Там нужно сидеть, говорить, участвовать в заседаниях. Я этого делать не умею.

— *Мы с тобой разговариваем в твоём доме в Переделкине, на улице Довженко, 11. Пять часов назад началась война в Персидском заливе. Ты воевал в Великую Отечественную. Как отозвалась в твоём сердце эта история в Ираке?*

— Я ненавижу войну. Ненавижу кровопролитие. Ненавижу убийства. Но если в мой дом ворвётся бандит, мне придётся схватить дубину и защищать свой дом. Когда я вижу, как сильный человек издевается над старым, слабым, беззащитным, я обязан вступить. То же самое сегодня происходит в Ираке. Некоторые люди говорят, что американцы пошли войной на Саддама Хусейна только из-за нефти. Какое мне дело, из-за нефти или из-за чего-то другого, если там гибнут люди. Я не идеализирую Америку, но сегодня она представляет собой самую мощную в мире силу. Пусть она усмирит агрессора¹, пусть она это сделает!

— *Твой отец был коммунистом, судьба его трагична. Ты часто разговариваешь с ним в своих воспоминаниях?*

— Я сейчас о нём пишу. Я взял на себя очень трудную задачу. Потому что это мой отец. Он был выдающимся человеком — добрым, музыкальным, благородным, весёлым и бескорыстным. Но в то же время он участвовал во многих невесёлых делах. Он был коммунистом и партийным руководителем. Вот, я должен обрисовать его, не идеализируя и не превращая в злодея. Показать его честным человеком и в то же время участником всего этого ужаса — революции и репрессий. Я думаю, его гибель, в той или иной степени, была справедливым возмездием. Он сам создавал строй, который его погубил.

— *Когда его расстреляли?*

— В 1937 году. А он с семнадцати лет занимался революционной деятельностью. Он был утопистом, фанатиком, слепым человеком. Он верил в общее благо. Он был партийным секретарём в Грузии.

— *Ты часто чувствуешь, что у вас с отцом есть общие нравственные черты?*

¹ Под агрессором, очевидно, имеется в виду Ирак, аннексировавший в 1990 г. Кувейт, — это стало поводом для вторжения войск коалиции ООН, возглавляемых США.

— После XX съезда КПСС я вступил в партию. Я сделал это не ради карьеры, а по чисто идейным соображениям, честное слово. Я надеялся, что после XX съезда начнётся новая жизнь. Что всё изменится во благо народа. Но ничего не изменилось. Я понял, что меня обманули. Но выйти из партии тогда, в те годы, было равносильно самоубийству. Мне не хватило мужества. Поэтому я вёл двойную жизнь. Но потом, когда началась Перестройка, я понял, что мне надо выйти из партии, и я это сделал. Хотя я нигде не объявлял, что вышел из партии, и не считаю, что совершил какой-то важный поступок.

— *Что ты думаешь о Горбачёве?*

— Горбачёв совершил огромное дело. И ему когда-нибудь памятник поставят. Но думаю, что он и как политик, и как общественный деятель уже достиг своего «потолка». Он запутался. Ещё немного, и жизнь страны вырвется из-под его контроля. К сожалению, он этого не понимает. И я считаю, что свой будущий памятник он, как говорится, уже немного заляпал.

— *В чём писатель находит главную точку опоры?*

— Главная задача художника — выразить свою душу, ум, сердце и не задумываться о том, плохо это или хорошо, нужно это делать или нет. Не надо думать о том, для кого он пишет. Бог потом скажет, кто был кем, но это будет потом, потом...

— *Булат, тебе не кажется, что в некоторых странах Восточной Европы скоро начнётся до боли знакомая «охота на ведьм»?*

— Очень может быть, потому что мы все воспитаны в этом духе. Все мы большевики, независимо от того, хотим мы этого или нет. Много бед происходит из-за того, что у нас низкий уровень культуры во всех областях: в политике, в экономике, в работе. Нам теперь предстоят новые испытания. Но сам факт того, что мы можем это свободно обсуждать, — знак того, что жизнь наша уже стала легче.

— *Как развивается современная русская и советская поэзия — по кругу или по спирали? Вообще как ты считаешь, жизнь движется по кругу или по спирали?*

— Я — за спираль. Я так привык думать. Хотя не настаиваю на том, что я прав.

Поэтът Булат Окуджава: Някога ще издигнат паметник на Горбачов: Непубл. интервю от 1991 г. // Труд. София, 2004. 6 май. С. 17

«ХОЧУ ВОСКРЕСИТЬ СВОИХ ПРЕДКОВ...»

Андрей КРЫЛОВ

ГАЛАКТИОН, ИОСИФ, БУЛАТ И ДРУГИЕ

Есть личности, для которых фамилия стала необязательной, — у них есть ИМЯ. Когда произносят довольно распространённое: *Александр Сергеевич*, — мы понимаем, что говорят не о выдающемся конструкторе Яковлеве и не о прекрасном композиторе Зацепине, не о Есенине-Вольпине и даже не о Грибоедове.

В Грузии тоже есть такой поэт. Носящих фамилию Табидзе — много, только известных поэтов — два. А *Галактион* не только среди родственников и однофамильцев — он во всей республике один.

А ещё у наших двух народов есть общие *Иосиф Виссарионович* (не к ночи будь помянут) и — *Булат*.

Булат писал с горечью, обращаясь к Иосифу, как к живому:

Ну что, генералиссимус прекрасный?
Лежишь в земле на площади на Красной...
Уж не от крови ль красная она,
которую ты пригоршнями пролил,
пока свои усы блаженно холил,
Москву обзревая из окна?..

Родная тётушка Булата, как и другие его родственники, погибла в сталинских застенках:

Тётя Оля, ты — уже история:
нет тебя — ты только лишь была.
Вот твоя ромашка, та, которая
из твоей могилки проросла...

Тётя Оля была горячо любимой женой Галактиона, которого Иосиф не тронул. Если мы пролистаем том «Библиотеки поэта» 1983 года, то подумаем, что несколько лет после ареста Оли в 1936-м «славными чекистами» Оввяном и Дзидзигури Галактион почти не писал стихов.

Галактион Табидзе, 1938

Конечно писал! Но раньше никакие намёки на репрессии не приветствовались, а новых переводов за последние двадцать лет я не встречал. Зато мы знаем, что поэт п е ч а т а л. Не то, что собрали в итоговом сборнике 1983-го Г. Маргелашвили и Н. Гребнев. А то, что Галактион сам включил в свою книгу в тяжёлом для страны 1942-м.

Понятно, что это — стихи о войне, о мужестве, о советском солдате и о непременно близкой Победе, — в скорости её поэт не сомневался. Но практически во всех этих стихах — такое:

В бой ведёт нас Сталин — нашей силы знамя!

День грядущий светел и победа — с нами!

(«Родина любимая», 1941. Пер. Н. Чхеидзе)

Это — концовка стихотворения, опущенная в томе «Библиотеки поэта». В новое время произносить такое публично было не принято, и цензура, согласно формальному требованию, вычёркивала подобные пассажи. Чтобы «не травмировать» и «не возбуждать».

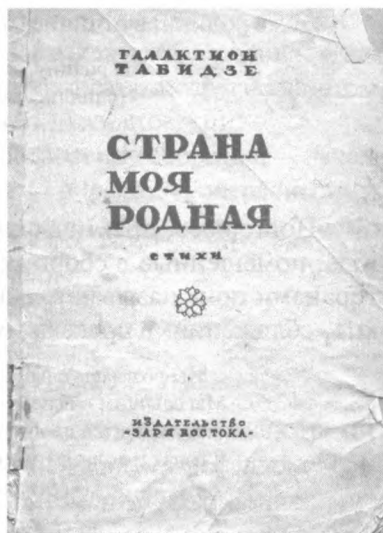
А вот ещё из той же книжки «Страна моя родная» (Тбилиси: Заря Востока, 1942):

...Зачаты в огне революций,

Калёны в кровавом бою,

Когорты кремённые бьются

За честь, за отчизну свою, —

Обложка книги 1942 года

Отчизну, надежду вселенной,
Грядущего светлую суть,
Отчизну, чей путь неизменный —
Торжественный Сталинский путь.

(«Родина», 1941. Пер. Д. Стрельцова)

Интересно, что даже притяжательная форма прилагательно-го здесь противу правил — с прописной. Потому что путь указывает не кто иной как — Отец народов, — коммунистический Бог.

Вот ещё — в стиле *Алексея Максимыча*:

Выше Сталинское знамя, —
Вы, орлы, вы, с сердцем львиным,
Дети Родины великой
И стальной её оплот!
На врага обруштесь гневной
Сокрушительной лавиной!..
Громко кличет о победе
Буревестник — новый год!

(«1942 год», 1941. Пер. Б. Серебрякова)

В том же стиле — стихи о грузинском танкисте, защищающем русский город — «революции глашатай»:

В бой! За Сталина Родного!
Бьётся Гиви в дружной рати,
Полон мысли неотступной
О прекрасном Ленинграде.

(«Ленинград», 1941. Пер. Д. Стрельцова)

Даже родина, в отличие от Вождя, может быть — со строчной:

За родину, за Сталина родного
 Поднялись все: и воин, и поэт.
 Вот почему нам нет пути иного,
 Чем смелый путь прославленных побед.
 (*«Мы победим», 1941. Пер. Р. Ивнева*)

Повторюсь, практически в с е стихи этого и следующего года, помещённые в сборнике, возвеличивают тирана. Однако тиранами пока называют — других, и цензура не пресекает такие «сближения» в пределах одной строфы:

...Мы возгласы слышим победные: «Гибель тиранам!»
 Мы слышим в огне и кипении расплавленной стали
 Любимое имя, свободу несущее странам,
 В горах и долинах мы слышим от сердца идущее: Сталин!
 (*«Миллионы отважных», 1941. Пер. Р. Ивнева*)

Или вот:

Если мы, — чьё имя смертно, —
 Полны веры и восторга,
 Если наши руки солнце
 Из грядущего исторгли,
 Если, что ни день, то крепость
 Наша сила воздвигает,
 Это потому, что Сталин
 Нас ведёт и вдохновляет!
 (*«Земля моя родная», 1941. Пер. В. Державина*)

Впрочем, есть в книжке два «военных» произведения без поминания всеу «вдохновителя всех наших побед», но качеством они (если об оригинале можно судить по переводам) не превосходят предыдущие:

...Громи же врага без остатка,
 Победа тебе суждена!
 И даже смертельная схватка
 В бессмертья лучах не страшна!
 (*«Лётчику», 1941. Пер. А. Степанэ*)

...На убийц обрушить надо
 Гнев всеобщий, чувство мести,
 Чтобы вместе с ними в пропасть
 Пало варварство само!
 (*«То, что варвары когда-то...», 1941. Пер. Б. Серебрякова*)

Это не просто «патриотические» строки — это нарочитая демонстрация патриотизма, и как итог — насилие над словом. Неизбежно вспоминается написанное другим поэтом, по схожему поводу: «Торчала строка, как сухое жнивье...»

А вот два самых «свежих» стихотворения сборника — начала 1942-го (книга подписана к печати 17 апреля). «Генералиссимус прекрасный» и «гений всех времён и народов» снова — в строку:

И городов, и селений —
Слава, надежда, гордость —
Сталин — великий гений —
Дал нам единства твёрдость.

(«Красная Армия», 1942. Пер. Г. Крейтана)

Имя переводчика ещё раз создаёт ситуацию «тесноты мира». Племянник Галактиона Булат одно время посещал в Тбилиси руководимое Георгием Крейтаном литобъединение.

Но эти стихи, как и предыдущие, тоже не дышат поэзией. В них тоже «каждая строчка, и слово, и слог // Скрипят на зубах, как песок». Так же как и в другом тексте Галактиона, будто бесконечно продолжающем «песню о буревестнике»:

С боевым призывом мая,
С первомайским громким кличем
Нераздельно, неразрывно
Голос всей вселенной слит.
К славным сталинским победам,
И к бессмертью, и к величию
Путь народов угнетённых,
Путь единственный лежит.

(«Первое Мая», 1942.

Пер. Б. Серебрякова)

Однако *Анне Андреевне*, о которой подспудно зашла речь и которая тоже сочинила свой цикл восславлений Сталину, было кого спасать:

...По белому снегу вели на расстрел
Над берегом белой реки,
И сын Её вслед уходившим смотрел
И ждал — этой самой строки!

(А. Галич)

У Галактиона не было детей, не было уже и любимой — Ольги Степановны Окуджава, расстрелянной именно в 1941-м под Орлом...

Но он не знал о её гибели — он ещё долго должен был верить в мифические «десять лет без права переписки». И надеяться.

Вообще о наличии и качестве поэзии в этой книге военной поры говорить трудно: может быть, тогда стихи Галактиона ещё не научились переводить? Это позднее все сошлись на том, что его поэзия поддаётся только вольному пересказу...

Я собрал здесь эти дурные цитаты из военных стихов «солнца грузинской поэзии» отнюдь не ради глумления. Читал этот завалившийся на стеллажах сборник, и почему-то стало очень-очень жалко Галактиона — одинокого, пьющего, скорбящего о своей расстрелянной любви. И — сочиняющего бесконечные оды тому, кто убил его любимую.

Может быть, он так сильно боялся за свою жизнь, отгораживаясь от «лучшего друга писателей» подобными заклинаниями? Или был настолько зашорен, что и с к р е н н е верил в его святость?

Всё-таки хочется думать, что тоже — с п а с а л.

Е ё, свою *Олол*.

Марат ГИЗАТУЛИН

**«...ОТ БАБУШКИ ЕЛИЗАВЕТЫ
К ПРАБАБУШКЕ ЭЛИСАБЕТ»**
Армянская песня

Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.

.....

Они в кринолины одеты.
И льётся божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет.

Вообще-то прабабушку, упомянутую в эпитафии, звали не Элисабет, а Егисапет. Её отец, Григор, был священником в селе Ганза Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии. У него было семь детей¹, но здесь мы упомянем только двоих.

Сын Григора Сукиас, тоже священник, как потомственный священнослужитель получил фамилию не просто по имени отца, а с почётной приставкой — Тер-Григорян. Сукиас также имел много детей и одиннадцатым ребёнком его стал выдающийся армянский поэт Ваан Терян (псевдоним Терян получил-ся путём сокращения настоящей фамилии). А дочь Григора Егисапет вышла замуж за Мкртича Налбандяна, осела в Тифлисе и стала прабабушкой выдающегося русского поэта.

Академик Арам Григорян, внук одного из братьев Ваана Теряна, вспоминает своё знакомство с троюродным братом:

С самим Булатом я познакомился так. Я сидел в ресторане Центрального дома литераторов в компании ведущих русских лите-

¹ Подробнее см.: *Микаелян Л.* Капли датского короля // *Голос Армении*. Ереван, 2009. 26 дек.

ратуроведов, совершивших в 60-е годы переворот в мировом литературоведении, — Сергеем Бочаровым и Вадимом Кожинным. За соседним столиком я увидел Окуджаву, встал, подошёл к нему и похлопал по плечу: «Делайте всё что угодно, только не делайте вид, что мы не братья». Он был взволнован. Говорит: «Простите, вы можете кого-нибудь назвать, чтобы я опознал вас?» Я назвал Лялю Мелик-Оганджян, дочь Гоар, родной сестры Ашхен. «Это моя любимейшая сестра», — сказал он.

Я пригласил Булата за наш стол. Мы прекрасно провели время. За столом я вспомнил «Грузинскую песню» Окуджавы («Виноградную косточку в тёплую землю зарюю...») и не без некоторой наглости спросил, почему она называется «Грузинская...»? Булат ответил, что эта песня могла бы называться и «Армянская...»².

Но это всё потом, а сначала Егисапет с Мкртичем родили четырёх детей. Среди них были два сына — Аршак и Степан. Вот о Степане и его отпрысках и будет наш рассказ.

1

Мария в свои шестнадцать была ослепительной красавицей. Во всём Авлабаре³ не было её краше. Так хороша была Мария, что, говорят, к ней сватался даже самый богатый человек в Грузии — нефтяной король Александр Иванович Манташев⁴. Варган Варганян, отец Марии, был небогат, и такой головокружительный брак дочери мог бы ощутимо поправить его мелкие купеческие дела. К тому же Манташев был известен не только как миллионер, но и вообще как очень хороший человек. Правда, он был старше невесты чуть не на сорок лет, и это, конечно, никак не могло понравиться молодой девушке. Поэтому, несмотря на кроткий характер, Мария наотрез отказалась выходить замуж за Манташева. И мать её поддержала, сказав: «Не хочу, чтобы моя дочь всю жизнь собирала слёзы в золотое блюдо».

Предание об этом несостоявшемся замужестве жило в семье много лет.

А потом Мария встретила человека, которого полюбила. Её избранник Степан Налбандян был хоть и небогатый, зато молодой здоровый красавец с крутым нравом.

Так Мария стала женой Степана.

Их внук напишет об этом почти через сто лет:

² Цит. по: Там же.

³ Авлабар — старинный армянский район в центре Тбилиси.

⁴ Настоящее его имя — Александр Ованесович Манташьянц (1842–1911).

Мария Вартамян

Марию выдали за него с трудом, ибо она была дочерью купчишки, хоть и не слишком богатого, но всё же⁵.

И ещё:

Мария была молчалива, улыбчива и покорна, Степан — грозен, величествен и вспыльчив, но вдруг мягок, и вкрадчив, и отходчив.

Степан и Мария за свою жизнь нарожали шестерых детей⁶.

Марии было двадцать, когда в самом конце 1895 года, 31 декабря, у них родилась первая дочь, Сильвия. Через пару лет родилась вторая, Гоар. За ней, 17 августа 1903-го, появилась Ашхен. Потом Анаид. Наконец, в 1905 году появился единственный сын Рафик, и последней, в 1911-м, родилась снова девочка, которую называли Сирануш, а дома всю жизнь звали Сиро.

Отец один работал, кормил свою большую семью. Всю жизнь он трудился слесарем на тбилисском водопроводе, а по вечерам,

⁵ Здесь и далее курсивом без специальных сносок даются цитаты из романа «Упразднённый театр».

⁶ Иногда у современных исследователей происходит путаница с последовательностью их рождения, — см., например: *Быков Д.* Булат Окуджава. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 53. (Жизнь замечат. людей). В дальнейшем мы не раз будем обращаться к этой книге как к первой полной биографии Булата Окуджава, но не как к пособию, а исключительно чтобы обратить внимание на некоторые неточности или сомнительные утверждения, неизбежные в таком объёмном труде.

*Степан и Мария
Налбандян
с сыном Рафиком
и внучкой Луизой*

после работы, становился отличным мастером-краснодеревщиком. Руки у Степана были — что надо, и особенно приспособлены они были к дереву. Он мастерил на продажу и деревянную мебель, и какие-то причудливые шкатулки, чемоданы. Его изделия были настолько изящными и добротными, что до сих пор хранятся и служат в семьях его внуков и правнуков.

А ещё на лето они покупали корову за три рубля — для молока, а потом по осени продавали её за те же деньги.

2

Старшая дочь Сильвия — близкие называли её Сильвой — окончила известную тбилисскую школу Малхасяна. Училась она блестяще, и потому в последних классах, платных, её учили за казённый счёт. Она явно переняла крутой нрав отца, — может быть, даже и с лихвой.

Старшая дочь, Сильвия, Сильва, была стройна и красива в мать, но вспыльчива и авторитарна в отца. Как странно сочетались в ней большие невинные карие глаза, мягкий покроя плеч — и гнев, неукротимость; или тихая, проникновенная, доходящая до простого дыхания речь — и внезапно визгливые интонации торговли, но тут же извиняющееся бормотание и пунцовые щёки, и всякие суетливые старания замазать, стереть, замолить свой грех. Но было в старшей дочери и кое-что своё: был здравый смысл, было житейское мастерство и абсолютное невосприятие романтического.

Политика её не интересовала, главным её делом всю жизнь была забота о близких, иногда навязчивая, деспотичная. Но нель-

Гоар

зя не оценить её участия в судьбах многих её родных. Особенно много сделала Сильва для своих племянников — Булата и Виктора, сыновей Ашхен. Но это потом, много позже.

Даже в юные годы её силе, здравомыслию и умению находить выход из трудных ситуаций мог бы позавидовать любой мужчина. Высшего образования у неё не было, но аттестат школы Малхасяна давал право преподавания в армянских учебных заведениях, и после окончания школы в 1914 году Сильвия не побоялась уехать по распределению в Тебриз (Иран), где целый год преподавала в армянской женской школе. А ведь было ей тогда всего восемнадцать лет. Потом, вернувшись в Тифлис, она работала в большой школе на Авлабаре.

Она выросла стремительно и целеустремлённо. Представления о собственном предназначении были конкретны и точны. Детских игр для неё не существовало, сентиментальное отрочество обошло её стороной, в двадцать четыре года, в пору разрухи и гражданской войны, она внезапно стала главной хранительницей очага, и оторопевшие, потерянные родители смирились перед её неукротимостью.

После революции родители сникли, особенно отец, буйный нрав его сильно поутих, и Сильва действительно очень быстро стала главной в семье.

Вторая сестра, Гоар, тоже была красавицей, но более женственной, чем Сильва, а присущие ей, как и многим представительницам прекрасного пола, некоторая взбалмошность и легкомыслие отличали её и от остальных сестёр. Она вышла

замуж за уважаемого доктора из Армении, уже немолодого Баграта Мелик-Оганджяна. Единственная из всех сестёр, она в замужестве поменяла фамилию. Муж её происходил из очень знатной семьи, имел нескольких братьев, тоже весьма образованных. Об одном из братьев Баграта, Арташесе, мне уже доводилось писать⁷. Другой, Карапет, крупный филолог и арменист, тоже не избежал сталинских репрессий, но, в отличие от Арташеса, выжил и впоследствии стал академиком, был директором хранилища древних рукописей «Матенадаран».

Сразу после замужества Гоар уехала к мужу в Эривань и прожила там всю жизнь. У неё было трое детей: Парсадан (Борис; 1921–2009), Ануш (Ачик; 1923–2006) и Вилена (Ляля; 1926–2010), — о них будет рассказано позже.

Удивительным образом переплелись семьи Окуджава и Налбандян. Сначала Ашхен Налбандян вышла замуж за Шалву Окуджава, а через много лет её племянник, Парсадан Мелик-Оганджян, которого в Москве звали Борисом, а домашние ласково Буликом, женился на Тамиле Окуджава. Отцы Тамилы и Булата Окуджава были двоюродными братьями.

Сильвия, как и Гоар, тоже довольно рано вышла замуж и тоже за преуспевающего врача. К этому моменту ей ещё не исполнилось двадцати. Правда, для Гоар это было единственное замужество, а у Сильвии — только эпизод в её большой жизни. Мужа Сильвии звали Леон Арешев, он был старше жены почти на десять лет. Леон происходил из довольно известного рода армянских дворян, живших на юге Грузии. Деревня Вархуни располагалась на высоком горном склоне над известным грузинским курортом Тетрицкаро (Белый ключ). Сейчас Тетрицкаро поглотил деревню, но осталось кладбище, на котором сохранились могилы нескольких поколений Арешевых. На кладбище стоит маленькая церковь, над входом в которую в камне выбита надпись, указывающая на то, что в 1601 году эту церковь построил предок Леона Григор Арешян. Дворянство Арешевых подтверждает и запись в приложении к Георгиевскому трактату (1783), где они числятся в списке дворян, приписанных к князю Багратиону. Род Арешевых происходит, видимо, из Персии, *ареш* по-персидски — медведь.

⁷ См.: Гизатулин М. Только лица остаются // Гизатулин М. Булат Окуджава: «...Из самого начала». М.: Булат, 2008. С. 36–46.

Сильвия и Леон поженились в 1916-м, в разгар Первой мировой войны. Леон служил в русской армии врачом, и сразу после свадьбы они поехали в Киев, к месту его службы. Военный врач в царской армии был заметной фигурой. Необычайно красивая и умеющая расположить к себе Сильва быстро вошла в местное высшее общество. У них дома регулярно собирались офицеры, бывал и городской голова. Часто играли в преферанс. Сильвия быстро научилась игре и нередко садилась за стол с мужчинами. Однажды она в шутку предложила городскому голове, что если он проиграет, то найдёт возможность оставить Леона в Киеве, а не посылать на передовую. Голова проиграл. Леон остался в Киеве.

После революции, когда Российская империя распалась и Армения отделилась от России, Арешев стал служить врачом уже в армянской армии. 16 июня 1920 года Сильвия родила дочь Луизу. Гарнизон Леона стоял возле старинного города Карс, а жена и дочь жили в самом городе. В 1920 году город захватили турки, и Леон с семьёй оказались отрезанными друг от друга. А потом по Карскому договору, в самом конце того же 1920 года, Карс, древняя столица армян, равно как и главная армянская святыня Арарат, перешёл к туркам.

Так Сильвия с дочерью очутились в Турции. В конце концов, благодаря знанию нескольких слов на английском, она сумела через американского представителя Красного Креста переправиться на другой берег реки Арпачай в Армению. Но семья больше не воссоединилась: Сильвия с Луизой вернулись в Тифлис, а Леон Арешев всю жизнь проработал хирургом в армянском городе Кировакан (сейчас Ванадзор). Он умер в 1965 году, и его именем назван главный больничный комплекс города.

Дочь Сильвы Луиза была очень больным ребёнком. Дмитрий Быков утверждает, что у неё был врождённый спондилёз. На самом деле никакого врождённого спондилёза у неё, конечно, не было: спондилёз не только врождённым не бывает, но и поражает преимущественно пожилых людей. Болезнь Луизы была куда серьёзнее: с раннего детства она страдала туберкулёзным спондилитом. Его ещё называют костным туберкулёзом. Болезнь сопровождалась мучительными болями, и Люлюшка, как звали девочку дома, страшно страдала. Но ещё более страдала её мама, видя мучения дочери. Врачи ей вообще никаких шансов не давали, но упорная Сильва всегда добивалась своего.

*Сильва с дочерью Луизой
и племянником Булатом*

Чего она только не делала, чтобы вылечить своё чадо. Это был тяжёлый каждодневный труд, и вопреки всем прогнозам ей практически удалось одолеть недуг дочери и вырастить её полноценным человеком.

3

Третья сестра, Ашхен, была даже красивей прекрасной Сильвы. У неё, правда, были не голубые, а карие глаза, но — тоже огромные. Однако старшая сестра обладала каким-то шармом, или аурой, что ли, — чем-то таким, что просто сводило мужчин с ума. Ашхен же была обычной девушкой, в чём-то средней между старшими сёстрами. Была сильной, как Сильва, — но это не так бросалось в глаза, сила её была внутренней, она не стремилась так всех подавлять и поучать. В то же время она была женственной, как Гоар, — но не гипертрофированно, без истерик и капризов.

И ещё Ашхен были присущи восторженность и романтизм, чего начисто была лишена Сильва. Отсюда — жажда переустройства мира, приведшая её в конце концов в стан большевиков.

В своей автобиографии в 1957 году она писала:

Родилась в 1903 году в гор. Тбилиси в семье рабочего-слесаря машиниста. Училась и окончила армянскую среднюю школу «Гаянян» в 1921 году⁸.

Частная женская школа Гаяняна была одной из лучших армянских школ в Тифлисе, располагалась в Сололаки, армян-

⁸ Автобиография А. С. Налбандян цит. по копии из собрания автора.

Ашхен Налбандян

ском районе города, и имела замечательных преподавателей. В частности, армянский язык там преподавал крупный филолог, в будущем академик Степан Саркисович Малхасянц.

В первое десятилетие XX века материалистическое мировоззрение распространилось в различных кругах и даже стало проникать в духовные учреждения. А что уж говорить об учебных заведениях, тем более таких прогрессивных, как школа Гаяняна. Новые знания оказывали большое влияние на учащуюся молодёжь, и результаты не заставили себя долго ждать, тем более, что Ашхен рано оставила детские шалости и увлеклась чтением. В 1919 году, в возрасте шестнадцати лет, Ашхен примкнула к большевистскому движению, вступив в ученическую организацию «Корпорация», которой руководил Гурген Восканян. Уже в начале 1920 года, всё ещё будучи школьницей, она вступает в подпольный комсомол, а чуть позже в такую же незаконную большевистскую партию.

И ничто не могло свернуть Ашхен с её пути — ни суровый отец, ни благоразумная старшая сестра, ни их веские доводы и аргументы.

...Степан спросил у своей плачущей дочери Ашхен, мягко и участливо:

— Вот я рабочий человек, да? Я трудящийся, да? Я свою работу выполняю? Скажи, скажи...

Она кивнула, утирая слёзы.

— Целый день работаю, — продолжал Степан, — вечером делаю шкаф с аистами. Тебе нравится?.. Тебя кормлю, одеваю... корову дою... Да? Что хочю — делаю, да?

— Да, — сказала Ашхен.

Он помолчал, оглядел притихший стол и ещё тише спросил:

— Какая мне нужна свобода? Скажи мне, цават танем⁹, какая?

Этот очень серьёзный, может быть, даже трагический диалог из «Упразднённого театра» Дмитрию Быкову почему-то показался ироническим.

Чем же занимались эти молодые бунтари? Да, собственно, антигосударственной деятельностью. Вот как рассказывала об этом сама Ашхен в той же автобиографии:

Вела работу среди учащейся молодёжи, а также среди рабочих типографии. Работу вела агитационно-пропагандистскую, а также участвовала в распространении прокламаций и т. п. Принимала участие в подготовке и проведении Первомайской демонстрации в 1920 году.

Сын Ашхен писал об этой её деятельности в своём автобиографическом романе:

— За нами гналась полиция <...> мы убежали. <...>

— Ты что, с ума сошла? — спросила Сильвия. — Ты хочешь, чтобы нас всех арестовали? Чего ты хочешь?.. <...>

— Свободы людям, — упрямо сказала Ашхен.

— Каким людям?! Каким? Каким? Где они?! — крикнула старшая сестра.

— Всем трудящимся, — упрямо сказала Ашхен. <...>

— Ну хорошо, — сказала Сильвия, — ты у них спросила, хотят ли они этого?

Как тут не вспомнить бессмертное «Горе от ума»: «Уж коли зло пресечь: забрать все книги бы да сжечь». Прагматичная, приземлённая Сильвия оказывается во сто крат мудрее своей начитанной сестрёнки. И демократичнее, как ни странно, — «ты у них спросила, хотят ли они этого?»

Но разве можно переубедить фанатика?..

Советизация Грузии, или (в переводе на человеческий язык) оккупация Советской Россией вмиг превратила Ашхен и её товарищей из гонимых преступников в уважаемых людей. Уже в феврале 1921 года Ашхен становится сотрудником отдела культпропаганды в горрайкоме комсомола Тифлиса (тогда уже появились все эти дурацкие словечки: культпропаганда, горрайком, комсомол).

⁹ Моя радость (арм.)

Вот тут-то, на комсомольской работе, она и знакомится со своим будущим мужем Шалвой Окуджава. Тот, революционер уже со стажем, ещё гимназистом в родном Кутаисе был заметной фигурой.

Очевидец и участник тех событий Владимир Мдивани вспоминал:

В качестве комсомольского вожака он (Шалва) всегда выступал на общегородских митингах учащихся, на которые и мы, малыши, попадали. И, естественно, митинговую деятельность Шалико, его зажигательные, правдивые, самые левые выступления я ставил превыше всего, вот кто казался мне олицетворением настоящего революционера¹⁰.

А к моменту знакомства с Ашхен он уже в ЦК комсомола Грузии заведует оргинструкторским отделом. И оба они делают головокружительную карьеру. Шалва летом 1921 года был делегирован на III конгресс Коминтерна в Москве, слушал Ленина.

4

Летом 1922 года Шалва Окуджава и Ашхен Налбандян поженились. «...Но не придали “советскому обряду” никакого значения», — пишет Дмитрий Быков. Непонятно, что имеется в виду. Следует ли это понимать так, что брак был фиктивным? Как же тогда объяснить появление в этом браке детей, да ещё и с десятилетней разницей?

Почти сразу после свадьбы Ашхен поступает на трёхмесячные лекторские курсы при ЦК КП(б) Грузии, а осенью того же 1922 года она вместе с мужем в группе молодых коммунистов Грузии едет в Москву на учёбу на экономический факультет 1-го МГУ.

В Москве молодые супруги Окуджава получили две комнаты в квартире № 12 дома № 43 по Арбату — квартире, принадлежавшей до революции фабриканту-кожевнику Каминскому. Каминский теперь работал на бывшей своей фабрике экономистом и занимал с семьёй одну комнату в бывшей своей квартире на правах обычного жильца.

Через два года, 9 мая 1924 года, у Шалико и Ашхен родился сын Булат. Практически сразу после этого Шалико отзывают в Тифлис на ответственную работу. Так ему доучиться и не дове-

¹⁰ Мдивани В. Оба были молоды. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1976. С. 24.

*Ашхен с сыном Булатом
на курорте в Манглиси,
лето 1925 года*

лось. Следом за мужем, сдав экзамены за курс и оформив академический отпуск, в Тифлис возвращается и Ашхен с сыном.

Этот год в Тифлисе она и за ребёнком ухаживает, и работает ответственным секретарём партячейки мебельной фабрики.

Ещё через год Ашхен возвращается в Москву с сыном и со своей мамой Марией Вартановной, чтобы было кому за ребёнком присматривать. В Москве Ашхен почти всё время на учёбе или на работе, ведь она одновременно работала инструктором по информации в Рогожско-Симоновском райкоме партии. Конечно, у неё совсем мало времени оставалось для сына, но Ашхен старалась как-то такое время выкраивать. Когда Булату было пять лет, она начала его приобщать к классической музыке. Почти каждый вечер после работы она водила сына в Большой театр. Сама Ашхен не была музыкально образованной, но ей хотелось, чтобы сын был разносторонним человеком.

В 1928 году Ашхен окончила Институт народного хозяйства им. Плеханова (куда перешла из МГУ в связи с реорганизацией экономического отделения), получила специальность экономиста текстильной промышленности и была направлена на работу в качестве экономиста в 1-й хлопчатобумажный трест Наркомата текстильной промышленности.

Дмитрий Быков пишет об этом периоде: «Всё это время — если не считать его (Шалвы. — М. Г.) кратковременных наездов в Москву и столь же кратких визитов Ашхен в Тифлис, — родители жили врозь». Ну, визиты Ашхен всё же были не такими уж и краткими, — на всё лето.

*Булат
Окуджава
с родителями
в Анапе*

И, видимо, чтобы подчеркнуть неполноценность семьи, писатель утверждает, что Булат «четырёх лет от роду съездил в Евпаторию с семьёй тетки, но совсем этого не запомнил». Да и не мог запомнить! Потому что он в это время был... с родителями в Анапе. С Сильвой и Луизой он действительно отдыхал в Евпатории, но ещё через четыре года — в 1932-м (см. снимок).

Ашхен потом, через много лет, рассказывала двоюродному брату мужа Василию Киквадзе об этой поездке:

Когда Булату пошёл четвёртый год, состояние здоровья его вызвало опасения. В лечебной комиссии Франгулян направил родителей к врачу по детским болезням. Пожилой врач посоветовал вывезти ребенка на лето в Анапу, которая считалась детской здравницей. Берег был мелкий. Пляж был усеян людьми. Шалико заплывал далеко. Мы часто целые дни проводили в местечке Джемете в нескольких километрах от центра. Добирались автобусом или на катере, курсировавшем между Джемете и Новороссийском. Народу было меньше, и было просторно. Возвращаясь с пляжа, мы отдыхали в парке с множеством цветочных клумб. Недалеко от парка была столовая, где вкусно готовили... Булат с аппетитом ел мясные блинчики, запивая их молоком и сливками. Ребёнок поправлялся. Это нас радовало, и мы возвращались в Тифлис счастливыми¹¹.

Кстати, надо заметить, что внук председателя лечебной комиссии Франгуляна через много лет станет автором памятника тому самому пациенту, которого тогда рекомендовали вывезти на лето в Анапу.

¹¹ Здесь и далее без специальных сносок цитируются воспоминания В. М. Киквадзе (рукопись из собрания автора).

*«Дедусе
и бабусе
от Булата.
Москва 5/III 29 г.»*

Василий Киквадзе вспоминал своё знакомство с маленьким племянником:

1929, Тифлис. Август, стояла невыносимая жара, духота. Мы с двоюродным братом Василием Окуджава, выйдя на улицу, остановились на углу Паскевича и Лермонтовской.

Вдруг, откуда ни возьмись, ребёнок 4-5 лет, сидя на лошадке, вцепившись в гриву, подъехал к нам с сияющим лицом, приветливым нежным голосом поздоровался. Глаза крупные, каштанового цвета, головка покрыта густыми вьющимися волосами смолистого цвета. По бокам свисали вьющиеся локоны.

На вопрос, где папа, ребёнок ответил:

— Папа скоро приедет, мама дома.

На углу Лермонтовской стоял двухэтажный дом с большим балконом на улицу. Поднявшись по старой деревянной лестнице, мы вошли в большую комнату, в которой проживала тётя Сильвия с дочерью Люлюшкой.

Новая жизнь, только-только нарождающаяся новая жизнь их страны и всего человечества — всё так нравилось молодым Ашхен и Шалве! И этот восторг запомнился Василию Киквадзе:

Ашхен, недавно приехавшая из Москвы, где она училась в Институте народного хозяйства им. Плеханова, рассказывала, как они с мужем слушали доклад Бухарина на философские темы:

— Мы были счастливы!

А Сильвия в это время накрывала на стол и, приглашая гостей, не слышала или не хотела слышать сестриных восторгов:

— У меня сегодня долма.

*Сато и Мадат
Петросян*

5

Про следующую сестру в «Упразднённом театре» сказано коротко: «Анаида умерла в отрочестве от брюшного тифа». Дмитрий Быков добросовестно повторяет эту версию. Непонятно, почему возникло такое объяснение, но, возможно, Булат Шалвович действительно не знал истинной причины смерти этой своей несостоявшейся тётки. А причина была куда страшней, чем брюшной тиф. На самом деле Анаид¹² застрелил её собственный отец, когда ей было лет двенадцать. Это была страшная трагедия. В Грузии тогда у власти было меньшевистское правительство, время было беспокойное, действовал комендантский час, по улицам для предотвращения грабежей и мародёрства ходили патрули. И неизвестно было, чего ждать завтра. Поэтому, понятно, Степану хотелось, чтобы на всякий случай под рукой было оружие. В тот день Степан сидел во дворе своего дома и чистил ружьё. Анаид играла рядом с отцом. Вдруг раздался выстрел... Ружьё оказалось заряженным. Девочка умерла на руках отца.

На выстрел быстро прибежал случившийся неподалёку патруль. Степана забрали и куда-то увели. В условиях военного времени история легко могла закончиться ещё одной смертью в семье Налбандян. Но у них были очень хорошие соседи, тётка Сато с мужем. Увидев происходящее, они успели, пока Степана

¹² Именно так по-армянски звали эту девочку. Окончание *-а* у таких женских имён появлялось только в русскоязычной среде, но она родилась и умерла в Авлабаре, так и оставшись Анаид.

*Мадат Петросян
с Сильвой*

вели в комендатуру, где-то раздобыть денег и выкупить его. Спрятали его у себя, а потом отправили куда-то подальше — на время, пока всё уляжется.

Тётя Сато, Сатеник Налбандян, была то ли родной, то ли двоюродной сестрой Степана Налбандяна. Она была замужем за довольно известным по тем временам в Тифлисе армянским писателем Мадатом Петросяном. Единственный сын их Петя погиб, по словам Сильвии, на войне, поэтому им оставалось заботиться только о детях Степана. Тётя Сато очень любила Сильвию и даже поселила её у себя, когда та училась в старших классах. Анаид запомнилась родным очень похожей на свою маму Марию — такая же красивая, белокурая и голубоглазая.

Из всех детей Степана и Марии ещё только у Рафика были белокурые волосы. Единственный мальчик в семье, красивый, голубоглазый, весёлый... Но жизнь его не удалась. Какой-то он легкомысленный получился — учиться не хотел, любил погулять. Всю жизнь проработал шофёром. Много лет работал на такси, потом Гиви Окуджава взял его к себе персональным водителем. Рафик любил застолья, очень увлекался женским полом, оттого, наверное, и семейная жизнь его сложилась не очень хорошо. Жена его Вера была очень полной болезненной женщиной, детей у них не было.

Рафик единственный из детей Степана Налбандяна всю жизнь прожил в Тбилиси, практически никуда не выезжая, за исключением фронтовых лет, и в конце жизни практически потерял связь с родными, которые все уже жили в Москве и Ереване. Он, правда, в Москву несколько раз съездил, по пол-

месяца, один раз в октябре 1939-го и ещё в июне 1940 года. Останавливался в арбатской квартире Ашхен. Оба раза это было уже после ареста Ашхен, так что это не на отдых он приезжал, а помочь маме. Во второй его приезд там в это время как раз была и старшая его сестра Сильва, — тоже приехала помочь управляться с Булатом и Витей. Тогда-то и было решено старшего из сыновей Ашхен забрать в Тбилиси.

В последний раз в Москве Рафик был сразу после войны, навещал сестру Сиро.

Рафик,
Сильва
и Люлюшка
(Луиза)

Вернувшись после неожиданного турецкого плена в Тифлис, Сильвия с головой окунулась в заботы о больной дочери. За той требовался постоянный уход, постоянные лечебные процедуры, каждый день, каждый час. У другого давно опустились бы руки, но не у Сильвии. В школу Луиза ходить не могла, занималась дома, одноклассницы приходили к ней, помогали.

Вскоре Сильва снова вышла замуж. Мужем её стал преуспевающий владелец модного магазина — *высокий красивый армянин в голубой шёлковой косоворотке, разъезжающий по Тифлису в мягком фэтоне* — Вартан Мунтиков.

Она перебралась к Вартану. Вартан обожал Сильвию, обожал маленькую Люлю, обожал своё дело. Сильвия пристрастилась к опере, хотя не имела музыкального слуха и к музыке была безразлична, но уважающие себя люди посещали оперный театр, и Вартан с подобострастием и восторгом сопровождал её на спектакли и вскоре начал напевать знакомые арии приятным баритоном.

Но красивая жизнь с красивым нэпманом получилась не очень долгой. Частное предпринимательство доживало свой век.

Она спрашивала его торопливым шёпотом, что он предпримет, если большевики отменяют эти экономические вольности, прихлопнут это всё и плюнут в лицо... «Не отменяют, — смеялся он, — куда им деваться, дорогая?» — «А если, дорогой?» — настаивала

вала она. «Чёрт с ними, — смеялся он, — пойду работать строителем... Или убегу в Турцию... Вместе с тобой... Ну Сильвия, к чему этот бред?..»

Но бред всё-таки победил, и скоро Вартан превратился из хозяина магазина в обыкновенного продавца. Этот удар судьбы потряс их, особенно Вартана: мудрая его жена была давно уже ко всему готова. Семья их так и не сумела справиться с ударом, и через какое-то время они расстались.

Вартана Мунтикова мы вспомнили случайно через много лет в разговоре с однокурсницей Булата Окуджава Ариадной Арутюновой. Зашёл разговор о Сильве, и она вдруг сказала:

— Один из её мужей был мой дядя, Вартан Мунтиков.

— Как? Вартан Мунтиков — ваш дядя?

— Он двоюродный брат моей матери. Она — Мунтикова Мария. Как-то я приезжала в Москву, и Булат водил меня к себе домой познакомить с мамой, с Ашхен. Он сказал маме: ты знаешь, кто она такая? Она племянница Вартана Мунтикова. Но тогда моего прекрасного дяди уже не было в живых. Он очень рано ушёл из жизни. Кстати, я тогда узнала от мамы Булата, что другой мой дядя, Георгий Мунтиков, родной брат моей мамы, какое-то время жил у Окуджава в Москве, когда приезжал по своей партийной работе. Они сблизились с отцом Булата, — видимо, они дружили.

Сильву Ариадна Гайковна тоже хорошо помнила:

— Она практичная была. У неё хоть и ниже образование, чем у Ашхен, но она была более мудрая. Вся семья на ней держалась. Булату она помогла, заменила ему мать.

6

И наконец, самая младшая сестра, Сирануш. Весёлая, жизнерадостная, как и все дети Налбандян красивая, с огромными голубыми глазами. Она уехала в Москву, к Ашхен, в 1929 году, через семь лет после переезда туда старшей сестры. В Тифлисе остался влюблённый в неё Жора Саркисов. В Москве не так страшно — там всё-таки уже живёт родная сестра, и мама там. Сиро поступила в техникум. Правда, вместе сёстры пробыли недолго — уже в следующем, 1930 году Ашхен уезжает в Тифлис, куда её отзывают заведующей сектором промышленных районов орготдела ЦК КП(б) Грузии.

Сиро недолго была одна: в техникуме она познакомилась с замечательным парнем Мишей Цветковым, они полюбили друг друга и вскоре поженились. Жили в общежитии.

Михаил Кузьмич Цветков, красивый, добрый и талантливый человек, был заводилой во всех компаниях — эрудированный, остроумный, читал стихи... При том, что сам он был из глухой деревни. Всем был хорош Миша, но был у него один недостаток — Миша попивал. Наверное, наследственное это было, у него и отец погиб рано, утонув нетрезвым на торфодобыче.

А муж Ашхен стал большим человеком в Тифлисе — секретарём горкома партии. И на работе у него всё складывалось хорошо. Вначале они жили в гостинице.

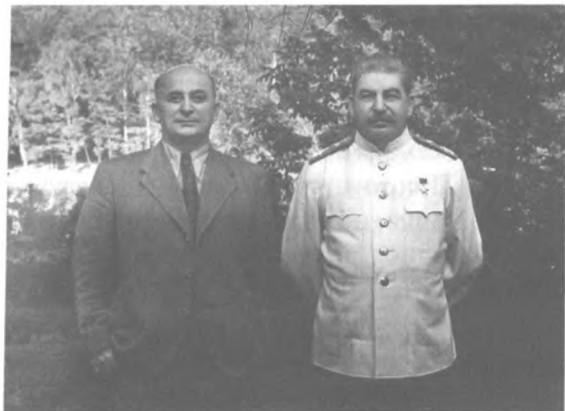
Ашхен вспоминала:

В 1931 году мы жили в гостинице «Ориант», в угловой комнате на втором этаже. Окно нашей комнаты выходило на тихую улочку Джорджадзе. С Александровского сада дул свежий ветерок, что было спасением от жары Тифлиса¹³.

А вскоре они получили хорошую трёхкомнатную квартиру возле консерватории, в доме № 11 по улице Грибоедова. Раньше этот дом был одноэтажным общежитием консерватории, а потом специально надстроили ещё один этаж и сделали квартиры для начальства.

Но недолго продолжалось их счастье: уже через два года они вынуждены были, бросив всё, спешно покинуть Тифлис. Дело в том, что в 1932 году к высшей власти в Грузии пришёл Лаврентий Берия. И, как ни противилось этому всё руководство грузинских большевиков, и Шалва Окуджава в том числе, их яростная борьба окончилась поражением — Берия уже успел понравиться Сталину. Это случилось ещё год назад, когда руководитель ГПУ приехал к отдыхавшему в Цхалтубо генсеку и нарасказал ему всего, что сумел выведать о руководстве Закавказья. Причём интерес собеседников вызывали не только настроения и высказывания членов руководства, но и факты интимной жизни. В частности, Лаврентий Палыч нашептал шефу, что главный коммунист Закавказья Картвелишвили имеет любовницу комсомолку Олю.

¹³ Здесь и далее рассказ Ашхен, если это не указано особо, воспроизводится по воспоминаниям В. Киквадзе (см. сн. ¹¹).

*Подельники
на парадном снимке*

В общем, этому красавцу удалось втереться в доверие Сталина и убедить того в необходимости перемен в партийном руководстве Закавказья. Вернувшись в Москву шефу Берия продолжал писать пасквилы на руководителей республики, доказывая, что доверие ему оказано не напрасно.

Придя к власти, Берия тут же снял Шалву с поста секретаря горкома и назначил его заместителем наркома земледелия.

Ашхен Налбандян по просьбе Василия Киквадзе вспоминала:

В этот период я работала инструктором отдела промышленности ЦК КП Грузии. Обстановка вокруг моего мужа и меня становилась ненормальной. Г. Арутюнов, ведавший отделом промышленности, изменился ко мне до неузнаваемости. Не стал приглашать на совещания. Я много ездила по промышленным районам, бывала в Чиатурах, Тквибули, Ткварчели. На ферро-марганцевом заводе Зестафони я часто выступала на производственных совещаниях и была в курсе всех производственных вопросов. При моём непосредственном участии был составлен обширный доклад для ЦК о состоянии дел и перспективах нефтеперегонных заводов в Батуме. Несмотря на это, Г. Арутюнов не то что перестал интересоваться результатами моих поездок, а даже распорядился никаких заданий мне не давать и не разрешать выезжать на места. Обстановка становилась невозможной. Я стала чувствовать слежку за мной, люди боялись, остерегались разговоров, встреч со мной. Однажды в коридоре ЦК я встретила с заведующим сельскохозяйственным отделом Амберки Кекелия. Испугавшись встречи со мной, он опустил голову, не поздоровался. Кекелия был другом Шалвы, участвовал вместе с ним в организации «Спартак». Секретарь Кировского райкома партии Серго Ишханов, встретившись <мне> на улице, отвернулся, не поздоровался.

*Сильва с дочерью
и племянником Булатом
в Евпатории,
лето 1932 года*

Ясно было, что это начало конца, и Шалва Окуджава вынужден был обратиться к старому другу своих старших братьев Серго Орджоникидзе с просьбой перевести его куда-нибудь в Россию. Серго помог Шалве и отправил его парторгом на строительство Нижнетагильского вагоностроительного завода.

Там всё только начиналось, жить было негде, бытовые условия никакие, и сразу брать с собой семью было просто некуда. Поэтому Ашхен с сыном в мае 1932 года вернулась из Тифлиса в Москву и устроилась инструктором в орготделе московского горкома партии.

Тут в Москве у неё как раз появилась племянница: 12 июня 1932 года у Миши и Сиро родилась дочка. Назвали её странным именем Инмей — что-то японское в нём слышалось. Сиро любила необычные имена. А может быть, страсть к редким именам вообще у них была семейной? Ведь её сестра Ашхен несколькими годами раньше тоже, начитавшись Оскара Уайльда, назвала своего первенца очень необычным именем — Дориан. И уж таким необычным было это имя, что через несколько месяцев родители, так и не привыкнув, сына переименовали. Новое имя, правда, тоже оказалось не совсем обычным, во всяком случае, для армян или грузин. Но у народов тюркской языковой группы оно довольно распространено. У казахов оно звучит как *Болот*, у узбеков — *Пулат*, у татар — *Булат*. И выбор этот, ви-

Степан с внучкой Ачик

димо, был не случаен — думается, это в честь своего любимого вождя постарались Ашхен с Шалвой, ведь булат — это сталь.

А Инмей никто переименовывать не собирался. Просто все близкие звали малышку Меей, Меечкой, и никак иначе.

И на этом не заканчиваются истории, связанные с именами. Дмитрий Быков в своей книге приводит длинную цитату про дядю Рафика из рассказа «Утро красит нежным светом» и недоумевает, отчего это Окуджава переименовал в рассказе Рафика в Бориса? А объяснение есть, притом совсем простое. Оказывается, не было никакого дяди Рафика вообще, а был именно Борис¹⁴. Во всяком случае, по документам. Но что-то занеудавилось настоящее имя семье, и все стали звать его Рафиком. И постепенно его настоящее имя было забыто.

Очень скоро на смену радости от рождения нового члена семьи пришла горечь расставания с другим: в Тифлисе умирал Степан Налбандян. Он чувствовал приближение смерти и хотел увидеть всех своих дочерей. Ашхен, только недавно приехав оттуда, снова поехала в Тифлис — проститься с папой. Степан уже не вставал и всё спрашивал про Сиро, приедет ли она. Вернувшись в Москву, Ашхен сказала сестре, что отец очень хочет её видеть, и та, взяв с собой месячную Меечку, тоже поехала попрощаться.

¹⁴ Паспортные данные Бориса Налбандяна обнаружены В. Юровским.

*Сиро, Инмей (Мей),
Ашхен, Булат,
Мария Вартановна
и Витя*

После смерти Степана Марию Вартановну ничто больше не держит в Тифлисе, и она окончательно переезжает к Ашхен. Тут она, кроме Ашхен, успевает помогать и Сиро, тем более что Меечка у той родилась очень слабенькая, болезненная. Врачи советовали для укрепления здоровья кормить её свежей клюквой, а единственное место, где можно было тогда купить клюкву, был рынок в Тушино, за городом, куда Сиро и ездила через день, по три часа добираясь на перекладных. К тому же, жить с Мишей ей было всё трудней и трудней, дурная наследственность всё сильнее и сильнее в нём проявлялась, но Сиро надеялась на чудо.

А в Тифлисе из большой семьи Налбандян оставались только Сильвия и Рафик.

7

Зимой 1934-го Шалва приезжает в Москву — он избран делегатом XVII съезда партии с правом совещательного голоса. Его сестра Мария Окуджава рассказывала кузену Васе Киквадзе:

— В дни работы съезда Шалва часто навещал меня на Вальной улице. От доклада Сталина он был в восторге, сказав: «Сталин настоящий лидер и единственный человек, кто оберегает нашу партию от врагов. Его политическая и практическая деятельность огромна. Сталин — подлинный вождь. Речи Каменева, Радека, Ломинадзе, что калялись, не были искренними до конца. Троцкий пишет пасквилы на революцию, партию. Я не допускаю, что революционер мог обливать революцию грязью». В один из вечеров Шалва пригласил меня и двоюродного брата Гоги Киквадзе на оперетту «Весёлая вдова». Потом, провожая его в Нижний Тагил, мы много говорили на Ярославском вокзале об ошибочности его мнения о Сталине...

Вскоре после партсъезда 1934 года у Ашхен и Шалвы родился второй сын, названный Виктором. Ему посвящена одна из глав моей книги¹⁵, и на его судьбе здесь можно было бы подробно не останавливаться, если бы...

Дмитрий Быков пишет:

Брат Виктор — отдельная и трудная тема в биографии Окуджавы; сам он до 1997 года не упомянул о нём ни разу, ни в стихах, ни в прозе.

О брате Викторе Окуджава не говорил даже в интервью — до такой степени табуирована была при его жизни эта тема. Особенно стыдиться нечего — Окуджава мог быть виноват перед первой женой, перед старшим сыном, хотя и тут у него есть смягчающие обстоятельства, но перед младшим братом чист.

К сожалению, автор не уточняет, почему *особенно стыдиться нечего*. Возможно, Дмитрию Львовичу известны какие-то *смягчающие обстоятельства* в отношении старшего сына Булата Шалвовича, — например, что взять его в семью категорически отказалась вторая жена поэта, но откуда известно, что он *перед младшим братом чист*?

Вообще, отвлекаясь от темы, должен сказать, что вся глава в книге Быкова, посвящённая Виктору Окуджава, вызывает недоумение. И в первую очередь такое утверждение биографа:

Пора назвать вещи своими именами — младший брат Окуджавы страдал душевной болезнью, что и предопределило его судьбу, одиночество и разрыв почти со всей роднёй.

Меня, знавшего Виктора Шалвовича лично, этот пассаж Быкова неприятно поразил. Как можно выносить диагноз чело- веку, которого никогда не видел и ничего о нём не знаешь? Я высказался на эту тему на страничке, посвящённой Булату Окуджава в Интернете¹⁶, и получил вполне дружелюбный, но несколько уклончивый ответ от Дмитрия Быкова. Но более важным было письмо от бывшей коллеги Виктора Шалвовича:

...Спасибо, Марат, за то, что вступились за любимого и уважаемого друзьями и коллегами Виктора Окуджаву.

Не знала о книге и о дискуссии. Только что приятель переслал ссылку на эту страничку. Мы с Виктором вместе работали много лет в Институте проблем управления АН СССР (позже России) и дружили.

Виктор занимался дискретной математикой на очень высоком уровне. У него есть прекрасные научные результаты. Он был чудесным другом, блестящим рассказчиком. В нашей компании до сих пор ходят легенды о его устных рассказах — феерических экспромтах.

¹⁵ См.: Гизатулин М. Времени не будет помириться // Гизатулин М. Указ. изд. С. 255–340.

¹⁶ <http://community.livejournal.com/okudjava/18449.html>: 21.09.10.

За двадцать лет тесного общения никому из нас и в голову не могла прийти мысль о душевном нездоровье Вити.

С уважением, Инна Воклер.

Но Дмитрий Быков не ограничился постановкой диагноза, пошёл дальше и докопался до причин «душевного заболевания» Виктора:

Причины этой болезни суть многие, тут и детская травма (в случае с Виктором даже более страшная — ему было всего три года, когда взяли родителей), и наследственное безумие — всё-таки дед, Степан Окуджава, покончил с собой именно в помрачении ума.

Оставим в стороне весьма спорное, на мой взгляд, утверждение, что пережить арест родителей в три года страшнее, чем в тринадцать, важно другое: обстоятельства гибели Степана Окуджавы. *Помрачение ума* Степана Окуджавы было вызвано белой горячкой. Алкоголизм, конечно, тяжёлое психическое заболевание, спору нет, но стоит ли его называть «наследственным безумием»?..

8

В последний раз Сильвия вышла замуж в 1934 году. Николай Иванович Попов был на десять лет моложе, он был женат и имел двухлетнего сына. Ничто из этого не помешало ему моментально влюбиться в роковую Сильвию, потерять голову и бросить семью.

Его отец Иван Бозарджянц до революции был известнейшим фабрикантом. У него были один или два брата. Братья Бозарджянц были владельцами крупнейшей табачной фабрики. Трёхэтажный особняк Бозарджянцев в центре Тбилиси до сих пор выделяется роскошью и необычной архитектурой. А тогда этот дом даже получил специальную архитектурную премию конкурса, организованного тифлисской мэрией, — за лучший фасад.

Их отец был обыкновенным кинто, разносчиком, торговцем с лотка, а сыновья постепенно сумели разбогатеть. Здание их табачной фабрики тоже стоит до сих пор. Братья одними из первых в Тифлисе обзавелись автомобилем. В общем, всё у них было прекрасно, пока в 1921 году не появились большевики. Те быстренько, уже через год, национализировали собственность братьев, но рабочие уважали своих прежних хозяев и сами выбрали «красным» директором завода бывшего владельца Ивана Бозарджянца.

Иван Николаевич, как и подобает «красному» директору, ходил по заводу в красной жилетке, но всё равно продиректорствовал недолго. Вскоре его как классового врага прогнали и директором поставили простого рабочего, как тогда было принято.

Дом их, красивый, трёхэтажный, тоже, конечно, отняли, но совсем на улицу бывших хозяев не выгнали, дали им одну комнату — бывшую кухню. Кухня была огромная, больше ста квадратных метров, там оставались котлы от прежней жизни, уже не работающие. Вот среди этих котлов они и жили. Умер Иван Николаевич Бозарджянц в 1942 году.

В 1922 году его сыну Николаю было шестнадцать лет. Он заканчивал школу, и нужно было куда-то поступать учиться дальше. Но с постыдной теперь фамилией Бозарджянц нечего было и думать о поступлении. Поэтому они вместе с отцом решили, что он отказывается от отцовской фамилии, берёт фамилию матери и становится Николаем Ивановичем Поповым.

Он поступил в коммерческое училище, женился, выучился на экономиста, стал хорошим специалистом и хотел бы совсем забыть о своём «сомнительном» происхождении, но ему не давали этого сделать. Это происхождение ещё много раз в жизни приносило неприятности.

Вот за такого двадцативосьмилетнего красавца и умницу выходит Сильвия в последний раз замуж в 1934-м.

Николай переезжает к Сильве в квартиру на улице Грибоедова, в которой ещё два года назад жила её сестра Ашхен с мужем и сыном Булатом и откуда после неудачной попытки воспрепятствовать возвышению Лаврентия Берия Шалва Окуджава с семьёй вынужден был поспешно бежать из Грузии.

Николай Иванович и Сильвия Степановна прожили вместе почти пятьдесят лет. Общих детей у них не было, только от первых браков: у Сильвы дочь Луиза и у Николая сын Юрий.

Они были далеки от политики, но спокойной жизни всё равно не было. Отчасти это было связано с происхождением Николая Ивановича, но в ещё большей степени не давало себя забыть родство Сильвы с «врагами народа». Однако Сильва умела создавать и поддерживать нужные знакомства, и это много раз спасало её и её семью. Она дружила с крупными начальниками из системы ГПУ—НКВД, и, бывало, её предупреждали о какой-то новой кампании и советовали куда-нибудь уехать. Сильва даже мужа сумела устроить в эту систему экономистом,

*Сильва, Николай,
Витя Окуджава
и Мария
Вартановна.
Калинино, 1937 г.*

чтобы быть к ним поближе, но и это не всегда помогало. В самый разгар арестов знакомый сотрудник НКВД предупредил Сильву, что они с мужем находятся в списке на арест. Пришлось поспешно бежать из Грузии. Осели в молоканском селе Калинино на территории Армении, провели там год или полтора, работали учителями в школе. Сильвия преподавала русский язык и литературу и была завучем, а Николай — экономическую географию. В Тбилиси вернулись накануне войны, когда аресты прекратились.

Ну, тогда все жили под страхом. Сын Николая Ивановича Юрий после ухода отца к Сильве остался с мамой. И они тоже всё время боялись. Юрий Николаевич вспоминает, как единственный раз в жизни его мама отшлёпала. Это был тот самый 1937 год, Юре было четыре года. Мамины сёстры в своё время повыходили замуж за инженеров, специалистов царских ещё времён. К 1937 году мужей этих забрали и подбирались уже к самым сёстрам. И вот однажды маленький Юра ночью вышел из квартиры на галерею и сильно постучал в дверь снаружи. Домашние с упавшими сердцами открыли дверь, а там — Юра. Вот тогда ему и досталось, хотя он даже понять не мог, за что.

9

Летом 1934-го Ашхен засобиравлась к мужу. Шалва часто приезжал в Москву по работе, но всё равно нормальной семейной жизнью это назвать было нельзя. К тому же недавно, 25 мая, у них родился второй сын, Витя. В Нижнем Тагиле теперь уже

*Витя Окуджава
с бабушкой Марией Вартановной*

есть жильё, школа, и можно спокойно жить всей семьёй. Булат как раз с начала учебного года в четвёртый класс пойдёт.

Пора, пора было ехать: неизвестно, как там Шалва один живёт. Да и один ли? Похоже, не всегда один...

Когда летом 1932 года Шалва приехал на Урал, на месте будущего промышленного гиганта было просто лесное болото в девяти километрах от города Нижний Тагил, и даже никакой дороги сюда из города не было. Сказать, что условия для жизни были плохими — ничего не сказать. Условий просто не было.

Вспоминает сын коллеги Шалвы Окуджава по работе в парткоме Нижнетагильского вагоностроительного завода Юрий Михайлович Чевардин:

— Здесь был лес непроходимый. В то время о дорогах и не думали, всё на лошадях, машин не было никаких...

Шалва рассказывал жене, как на стройку приехал Орджоникидзе, как посмотрел на условия, в которых работают люди, и сказал ему тихо по-грузински, что надо заканчивать с рабским трудом. После этого по распоряжению Орджоникидзе на стройку стали поступать экскаваторы, лебёдки, бетономешалки и другая техника. Орджоникидзе был человеком дела, обещанное выполнял, но и требовал полной отдачи от всех.

К зиме надо было соорудить хоть какие-то бараки, иначе ни о каком строительстве завода и речи быть не могло. Что-то успели построить, но всё равно жилья не хватало. Бараки были переполнены, и многие жили в палатках. В одном из построенных барачков получил комнатку и парторг Окуджава. Первую зи-

му пережили очень тяжело — морозы были до сорока градусов и даже ниже. И в бараках было не намного теплее.

А потом, уже через год, начали строить так называемые брусковые дома, на восемь квартир каждый, правда, и в них было очень холодно.

Юрий Чевардин:

— Мы жили в брусковом доме на втором этаже. Вот такая погода, как сейчас. И отец приходит с работы грязный, в сапогах и фуфайке, и так и по дому ходит. Спать было невыносимо холодно, родители меня клали посередине между собой, и всё равно я мёрз...

В этом же доме получил квартиру и Шалва Окуджава. К приезду его семьи жизнь на стройке как-то наладилась, уже не только дома, но даже четыре школы построили. В одну из этих школ, № 9, и пошёл учиться старший сын Ашхен и Шалвы. Школа ещё была даже не до конца достроена.

Из книги «Гордость моя — Вагонка»:

Сбылось то, о чём мечтали, ради чего жили и работали без сна и отдыха партийные вожаки Ш. С. Окуджава, С. И. Яновский, М. В. Чевардин, И. И. Глаголев и все рабочие стройплощадки. Люди одолели тайгу и болото. Всего за пять лет были выстроены красавец-завод и большой социалистический город, который с тех пор стали привычно называть «Вагонкой»¹⁷.

На новом месте Ашхен тоже устроилась работать на стройке, начальником отдела подготовки кадров, и конечно, так же, как и муж, с утра до ночи пропадала на работе. Детьми занималась бабушка Мария.

Там они прожили меньше года, а в марте 1935-го Шалву назначили первым секретарём горкома Нижнего Тагила, и они переехали в город. В центре Нижнего Тагила получили отдельный каменный бывший купеческий дом с тремя комнатами и тёплым туалетом. Позже на повышение пошла и Ашхен — в феврале 1936 года она стала заместителем секретаря райкома партии. Булата перевели в городскую школу.

В художественной литературе осталось воспоминание свидетеля тех лет о наших героях — писатель Александр Авдеенко включил в своё произведение такие строки:

¹⁷ Кузьмина Г. М., Костромин В. М. Гордость моя — Вагонка: 50 трудовых лет Уралвагонзавода. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. С. 93.

Бывший начальник Коксохимстроя Магнитки Марьясин обособился неподалёку от старого, демидовских времён, Нижне-Тагильского завода, командует новой огромной стройкой, будущим Уралвагонзаводом. Вместе с ним работает легендарный прораб Днепрогэса и Магнитки Тamarin, о котором я рассказывал Горькому. Строит крупнейший в мире вагонооборочный цех.

Еду в Нижний Тагил, чтобы написать о Тамаркине очерк для «Правды».

В партоме Уралвагонстроя меня встречает смуглый, с блестящими глазами, очень кудрявый и очень весёлый, энергичный товарищ — секретарь парткома и парторг ЦК Шалва Окуджава. Он толково посвящает меня в дела строительства. День, вечер и часть ночи провёл я в разговорах с Окуджавой. Ужинаю и ночью у него, в рублёном доме, хорошо натопленном и ещё сочащемся прозрачной живицей. Сын Окуджавы, маленький Булат, почему-то не сводит с меня глаз. Смотрит, всё смотрит и будто хочет просить о чём-то и не решается. Глаза у него тёмные, печальные, неулыбчивые.

Утром, когда я возвращался к себе после бритья и душа, обнаружил в своей комнате полуодетого Булата. Он стоял у стола над моим путевым дневником и мучительно, как мне показалось, раздумывал над единственной строкой сверху чистого, в клеточку листа.

Мальчик вспыхнул, увидев меня на пороге, и убежал. Догадываюсь о его состоянии. Первый раз видит живого писателя.

После завтрака Шалва Окуджава показывает мне громадную, неоглядную площадку Уралвагонстроя, потом ведёт к Тамаркину¹⁸.

Через месяц после нового назначения Шалвы в Тифлисе умирает Елизавета Павловна Окуджава. Шалва проститься с матерью не поехал — на похоронах он непременно оказался бы в гуще грузинских оппозиционеров, а знаться с ними было уже очень опасно. В том числе и с родными нельзя было встречаться — старшие братья и сестра уже прошли через сталинские ссылки. Поэтому Шалва вынужден был ограничиться телеграммой. И ещё он написал письмо своей старшей сестре:

Дорогая Оля!

Несчастье, постигшее нашу семью, тяжело отозвалось. Наши чувства к нашей матери огромны, безграничны. Мы все любили её чистой святой любовью. В эти дни я с вами, вместе оплакиваю смерть нашей любимой матери. Судьба наделила её страданиями, лишениями. Она рано познала полицию, тюрьмы и др. органы насилия, которые преследовали до самых последних дней жизни. Мы обязаны памяти нашей матери. У меня огромное желание принять участие в сооруже-

¹⁸ Авдеенко А. Отлучение // Знамя. 1989. № 3. С. 54.

нии памятника. В ближайшее время надеюсь выслать деньги для памятника. Мне хочется иметь фотографию матери в увеличенном виде, дорогой раме. К сожалению, у меня нет никакой фотографии, чтобы выбрать для увеличения. Я помню, мама мне показывала фотографию, где рядом стоит тётя Макрине. Снимок этот сделан в фотографии Мичник, что на Эриванской площади. Эта фотография мне очень понравилась. Хорошо бы сделать увеличенную фотографию. Я осмеливаюсь просить тебя не полениться и посоветоваться окончательно с Мичник и сделать заказ. Все расходы, связанные с фотографией, незамедлительно будут высланы.

15 апреля 1935. Н-Тагил

Письмо получилось довольно смелым, даже крамольным. Как это он рискнул написать: «Она рано познала полицию, тюрьмы и др. органы насилия, которые преследовали до самых последних дней жизни»? Да, последние годы жизни Елизаветы тоже были омрачены тюремными преследованиями её детей, но это уже были советские тюрьмы. И всё же ей несказанно повезло умереть именно теперь, незадолго до того, как будут физически уничтожены пятеро её сыновей и дочь.

Ашхен говорила потом, что Шалва очень переживал смерть матери, а ещё больше то, что не смог проститься с ней. Чтобы как-то вместе разделить горе, они пригласили в Нижний Тагил самого младшего брата Шалвы Васю. Они часами разговаривали, вспоминали Кутаиси, детство...

Василию Киквадзе Ашхен рассказывала:

Однажды мы втроем поехали в Свердловск, где купили Васе шевроетовый костюм, ботинки и пальто из синего драпа. Они всё время играли в шахматы, и когда Шалва проигрывал, что бывало часто, злился. Вася хорошо читал стихи Бараташвили, и мы с наслаждением слушали «Мтацминда» и другие стихи.

Вася привёз книгу «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» Берия. Мы были поражены появлением этой книги. История революционного движения в Грузии, Закавказье освещалась таким образом, что только Сталин был единственным организатором и руководителем забастовок, демонстраций в Баку, Тифлисе, Батуме. Сталин произносит глубокие теоретические речи против самодержавия, полемизирует с меньшевиками, анархистами. Сталин поддерживает связь с Лениным, Крупской и т. д. Всё в книге было изложено в фальсифицированном виде.

А Сиро тем временем мучилась, мучилась в Москве со своим непутёвым Мишей и, наконец, решила — бросила всё, взяла с собой только Меечку и поехала к сестре и маме в Нижний Тагил.

*Справа сидят:
Мея, Сиро,
Булат и Ашхен,
31 августа 1934 г.*

О новых обстоятельствах жизни Сиро узнал её давний тифлисский поклонник Георгий Саркисов и тоже примчался в Тагил. Он всё-таки дождался её и, наконец, они поженились. Обосновались в Тагиле, устроились на работу. Сиро работала чертёжницей на том же вагоностроительном заводе, что и сестра.

И всё у них было хорошо, вот только Меечка была по-прежнему слабенькой и болезненной. Скоро у Жоры и Сиро родилась дочь. Сиро назвала её Аида, но отец, не склонный к экстравагантным именам, записал дочь под исконным армянским именем Анаид. Она родилась в первый день 1936 года и чуть-чуть разминулась со старшей сестрой — за двадцать дней до рождения Анаид умерла Меечка. Её угораздило заболеть дифтерией, и эта болезнь совсем её погубила.

10

18 февраля 1937 года Шалва Окуджава был арестован. Ашхен Налбандян рассказывала журналисту:

Свердловский обком партии вызвал Шалву, потребовав срочно приехать. Интуитивно мы почувствовали что-то нехорошее. Решили ехать вместе, с детьми осталась моя мать. Всю дорогу он молчал. Перед тем как войти в здание обкома партии, Шалва передал мне свой партбилет.

Вернулась я домой совершенно разрушенная. Матери и Булату я не могла толком объяснить происшедшее. В печати, по радио передавали об арестах врагов народа¹⁹.

¹⁹ Здесь и далее без специальных сносок цит. по: *Зарнадзе Г. Галактион, Окуджава и другие. Тбилиси: Мерани, 2004. Обратный перевод с грузинского О. Дзимистаришвили.*

Ашхен исключили из партии в тот же день на внеочередном пленуме Нижнетагильского горкома партии²⁰. Правда, она в разговоре с журналистом Зарнадзе вспоминает по-другому, — что исключили её уже в Москве, куда она отправилась через несколько дней после ареста мужа, наскоро собрав детей и маму, оставив все вещи. Да и Шалву, утверждает она, исключали там же, заочно — ведь он как парторг ЦК состоял на партучёте в Москве.

Как бы там ни было, из Тагила уехали они вовремя. Спустя годы выяснилось, что уже был написан донос и на Булата:

Секретарю Сталинского РК ВКП(б)
г. Н-Тагила тов. Романову.

Довожу Вас до сведения о следующем:

15 февраля 1937 г. застрелился областной прокурор Курбатов, моё мнение самоубийство связано с разоблачением троцкистов — Окуджавы, Марьясина, Турок и Давыдова. Поскольку Давыдов был связан с Турком и Марьясиным, а Курбатов был связан с Давыдовым, так как Курбатов приезжая в отпуск в Тагил отдыхал с Давыдовым и у него на даче всегда, а также и приезжая в командировки в Тагил, он спал и ел у Давыдова. В части Окуджавы — у Окуджавы в школе учился сын 11-12 лет, который в школе говорил с учениками о том, что у него есть за границей дядя и сводная сестра, т. е. брат Окуджавы, и чтобы якобы Окуджавы от брата получал письма, а сестра писала о том, что (мы живём за границей лучше, богато и <в> Советский Союз не поедет). Эти разговоры были в школе ещё ранее до разоблачения Окуджавы, а когда разоблачили и об этом школьники узнали и 23 февраля с. г. мой сынишка приходит из школы и говорит: «Папа троцкист сын Окуджавы, в школе нам вот говорил чего» — т. е. о вышеизложенном. Если это верно, то можно думать, что Окуджавы непосредственно сам был связан с этой контрабандой за границей, что подлежит проверке — как в части Окуджавы, также Давыдова с Курбатовым.

Член ВКП(б) Косачев. 23/II-37 г.²¹

В Москву, в Москву! Произошла чудовищная ошибка, и её надо незамедлительно исправить.

Опять же из рассказа Ашхен Г. Зарнадзе:

Я в душе была убеждена, что это ложь, провокация, которая исходит от Берия. Я понимала, что обвинения моего мужа в троцкизме, вредительстве основываются на ложных сфабрикованных документах. Я была убеждена в том, что авантюрист, жулик Берия поставил

²⁰ Алексеев С. Царь-женщина // Урал. рабочий. Свердловск, 1989. 1 окт. С. 6.

²¹ Правописание — авторское. Публ. С. Алексеева, зав. партийным архивом обкома КПСС (Урал. рабочий. Свердловск, 1990. 16 дек.).

своей целью репрессировать всех тех, кто хоть что-либо знал о его прошлых связях с мусаватистской охранкой.

Почти о том же, судя по воспоминаниям В. Киквадзе, говорила сестра Шалвы Маня Окуджава, только виновником семейных бед она видит совсем другого человека:

Сообщение Молотова на февральско-мартовском пленуме о контрреволюционной деятельности Шалвы Окуджава было лишено оснований и потому являлось провокацией. В Тифлисе мои братья Володя, Миша, Вася и сестра Оля были репрессированы. Арест Шалвы свидетельствует о том, что Сталин решил физически уничтожить семью Окуджава...

И ещё — из книги, посвящённой истории Уралвагонзавода, воспоминания С. И. Яновского:

Шалва Степанович Окуджава остался в моей памяти образцовым партийным руководителем. Спокойный, уравновешенный, он никогда не повышал голоса, хотя на заседаниях парткома обычно страсти накалялись очень сильно. В его отношениях с людьми чувствовалось какое-то особое обаяние²².

Ашхен пока продолжает боготворить Сталина, как боготворил его до самой смерти и её муж. Поэтому вызывают большие сомнения вот эти умозаключения Дмитрия Быкова:

Трудно, впрочем, допустить, что в 1938 году Окуджава так уж верил в непогрешимость «кремлёвского усача». Думаю, его отношение к Берии определил арест матери, а отделять Сталина от Берии он вряд ли был склонен даже в отрочестве. Всё-таки слышал разговоры, бывал в Грузии... Вероятнее всего, его окончательное прозрение относится к середине сороковых, но невозможно сомневаться, что «красным мальчиком» он перестал быть именно с тех пор, как взяли Ашхен. Отсюда — и часто упоминаемое пьянство, и девки, и даже воровство: гори всё огнём!

Не знаю, определил ли арест матери отношение Булата к Берии, — тоже сомневаюсь, ведь в их семье оно всегда было негативным (и это дальше подтверждает сам Быков), и вряд ли он мог услышать об этой личности что-то хорошее из уст своих родителей. Но откуда известно, что *отделять Сталина от Берии он вряд ли был склонен даже в отрочестве*, совершенно непонятно. *Всё-таки слышал разговоры, бывал в Грузии?* Так ведь его отец там тоже бывал и даже работал на ответственных постах. И никакие разговоры, да что там разговоры — споры до хрипоты

²² Цит. по: Кузьмина Г. М., Костромин В. М. Указ. соч. С. 78.

с братьями и сёстрами не смогли изменить его восторженно-го отношения к Сталину, хотя его братья давно знакомы были с Кобой и хорошо знали ему цену. И уж тем более Булат не перестал быть «красным мальчиком» после ареста матери, нет! Скорее, он был готов поверить, что его родители действительно шпионы и предатели, чем разувериться в Сталине, и он об этом не раз говорил журналистам. И совсем уж странно увязывать с верой в Сталина приведённые в цитате *часто упоминаемое пьянство* и тем более *девок*. По-моему, здесь больше возраст, гормоны и окружение виноваты.

Далее — о том, куда обращалась мама в поисках защиты мужа. Дмитрий Быков пишет:

А в конце 1938 года, когда Булату было уже четырнадцать, забрезжила надежда: убрали Ежова. Приказ о его снятии и назначении Берия был обнародован 8 декабря 1938 года. Ашхен почти сразу добилась приёма у нового наркома.

Марат Гизатулин в очерке «Времени не будет помириться» придерживается другой версии: он полагает, что Ашхен была у Берии ещё в 1937 году, съездив для этого в Тбилиси. Тогда Берия был ещё первым секретарём Заккрайкома, секретарём ЦК Грузии, — до его перевода в Москву оставался год, — и Ашхен в 1980 году рассказывала грузинскому исследователю Гизо Зарнадзе, что попала к нему на приём именно тогда. Возникает, однако, вопрос — почему она искала у Берии заступничества от НКВД? Чем мог партийный руководитель Закавказья помочь в деле о вредительстве на Уралвагонзаводе? Можно было апеллировать к давнему знакомству, но отношения семьи Окуджава с Берией были не особенно приятными уже в двадцатые годы.

Начнём с конца. В качестве одного из аргументов несостоятельности моей версии здесь говорится о давних неприязненных отношениях между семьёй Окуджава и Лаврентием Берия. Но тогда не работает и версия самого Быкова, ведь по ней Ашхен тоже пошла на приём не к кому-то другому, а именно к Берии. Однако главное не это, главное, что она с а м а рассказывает, что была на приёме именно в 1937 году именно в Тбилиси. А не доверять её словам оснований у нас нет. Почему она искала у руководителя Закавказья заступничества от НКВД? Да хотя бы потому, что до того, как стать руководителем Закавказья, Берия был руководителем НКВД, пусть и не всесоюзного. Тем более, что о его всесии и близости к Сталину и тогда уже многие знали. Не следует забывать, что Шалва Окуджава был не просто секретарём парткома завода, а парторгом ЦК.

И даже это не главное. С чего бы она вдруг должна была озаботиться защитой мужа только почти через два года после его ареста?

Но Дмитрий Быков предпочитает верить роману «Упразднённый театр», отбросив то, что говорит сама его героиня. А верить стоит обоим источникам, ведь обе эти версии вовсе не исключают друг друга. Быкова, видимо, смутило то, что Ашхен Степановна из Москвы будто бы специально ездила в Тбилиси, чтобы встретиться с Берия. На самом деле она в Москве-то, приехав из Тагила, пробыла не очень долго. Сунулась было в горком, где её все хорошо знали, но там её быстро исключили из партии (как она сама говорит; но, скорее, это было подтверждением свердловского исключения). Потом в кулуарах секретарь одного из райкомов, хорошо к ней относившийся, шепнул ей, чтобы она хватала детей и как можно скорее из Москвы бежала²³. Так что она не «съездила в Тбилиси», а уехала туда из Москвы достаточно надолго!

Вот она опять сама говорит всё тому же Гизо Зарнадзе:

В Тбилиси я вернулась в 1937 году. Отца уже не было в живых. У нас была маленькая комната на Грибоедовской, я с Витей вместе спала, Булат и бабушка отдельно.

Мою сестру и зятя тоже стали кусать: почему прячете у себя сыновей троцкистов.

Так что тогда, при встрече с Лаврентием Берия в 1937 году, она не только про Шалву ему говорила, но и просила не преследовать её детей и сестру. Он обещал. Но можно ли было верить его обещаниям? Ясно было, что задерживаться в Тбилиси опасно.

И Ашхен снова собирается в Москву. Может быть, о ней там уже забыли? Там у них хоть жильё было — две комнаты в коммунальной квартире на Арбате. К тому же лето заканчивалось, Булату надо было идти в школу.

Но сначала Ашхен съездила на Урал — последний раз в жизни. Там она подала апелляцию на своё исключение из партии. И 27 августа 1937 года бюро Свердловского обкома партии, рассмотрев апелляцию, утвердило решение Нижнетагильского горкома ВКП(б) об её исключении²⁴. А почти через год, 3 июля

²³ Из беседы с Гизо Зарнадзе: «После пленума зашла к секретарю горкома... и спросила: "Как мне теперь здесь жить с маленькими детьми?" Он был приличным человеком и сказал: "Возьмите детей и спасайтесь". Очень скоро его тоже расстреляли».

²⁴ Протокол № 13 заседания Свердловского обкома ВКП(б) от 27.08.37.

1938 года, аналогичное решение приняла и комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Вернулись в Москву. 1 сентября 1937 года Булат пошёл в новую, только что построенную школу № 69 в Дурновском переулке. Таких типовых школ тогда построили много по Москве, но до наших дней ни одного здания не сохранилось — они были очень некачественные. Учеников собрали из разных других школ, тех, кто жил поближе. Поэтому Булату повезло — не он один был новичком в классе, все были новичками, все были на равном положении. И троцкистом его никто не обзывал.

Ашхен опять искала хоть какую-нибудь работу, — но тщетно. Лишь в октябре кое-как удалось ей устроиться кассиршей в промартели «Швейремонт».

И потекла тихая невесёлая жизнь. Денег не хватало, помогали живущая в Москве сестра Шалвы Маня и близкая подруга Ашхен Иза. А больше с ними никто и не общался.

Через год вновь затеплилась надежда. Дело в том, что 9 декабря сняли с работы народного комиссара внутренних дел Н. И. Ежова. В газетах, правда, писали, что «тов. Ежов Н. И. освобождён, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его народным комиссаром водного транспорта», но всем было понятно, что его именно сняли и что недолго ему оставаться народным комиссаром водного транспорта. Придёт новый нарком и начнёт, как это у нас принято, разоблачать ошибки и преступления старого, а значит, могут пересмотреть многие дела.

Тут ещё выяснилось, что преемником Ежова назначили старого знакомого. Лаврентий сделал головокружительную карьеру — из Тбилиси его перевели в Москву, теперь он стал наркомом внутренних дел всего Советского Союза. Ашхен обрадовалась: теперь уж он, наверное, раздобритя, забудет старые обиды. Ведь от него теперь зависит судьба любого человека в стране, — неужели он не проявит великодушия? Да и кому, как не Лаврентию, знать, что Шалва никакой не шпион и не троцкист.

Долго она добивалась встречи с ним — теперь Лаврентий стал совсем недоступным, — но всё-таки добилась. Обстоятельства этой встречи нам неизвестны, поэтому предоставим слово её сыну, которому она рассказывала об этом:

Он усадил её в мягкое кресло. Сам уселся напротив. Она ещё подумала, что хорошо бы без пошлых шуточек, но он и не думал

шутить. «Вайме, вайме, — сказал он тихо, — что натворил этот мерзавец!..» — «Ну, хорошо, что это выяснилось, — сказала она строго, — ты ведь не можешь сомневаться, что Шалико...» — «Как ты похудела! — воскликнул он. — Вайме, вайме!..» — Потом сказал очень по-деловому: «Ашхен, дорогая, навалилось столько всего... оказывается, такой завал всяких преступлений! Так трудно это всё освоить, исправить... — внезапно повысил голос, — но мы разберёмся, клянусь мамой! Не я буду, если не разберёмся!.. — и схватил её за руку. — А Шалико я займусь завтра же, ты слышишь?..»

Ашхен, счастливая, с Лубянки летела домой как на крыльях... По пути забежала поделиться радостью с лучшей подругой Изой. Заговорились, размечтались, и домой она попала совсем поздно. Мария Вартановна тоже охала и всплёскивала руками: «Какая радость! Какая радость!»

Кстати, то, что она и в Москве ходила на приём к только что назначенному главным всесоюзным чекистом Берия, подтверждается не только романом «Упразднённый театр». Ближайший друг Булата Окуджава по Калуге Николай Панченко рассказывал со слов Булата, что Берия тогда успокоил мать, заверив, что быстро во всём разберётся, — не волнуйся, мол, поезжай домой, не успеешь доехать, как всё разрешится, всё станет на свои места. И дальше Булат рассказал Николаю, что маму арестовали сразу после приёма у Берия, в ту же ночь. Всего в Москве после возвращения из Тбилиси они прожили меньше двух лет.

Холодной зимней ночью в дверь постучали.

Вот как это запомнилось Ашхен Степановне:

Был февраль 1939 года. В том году была холодная зима. Ворвались в два часа ночи. Булат сразу же проснулся. Он себя считал большим мальчиком. Пугали нас, не били, но сказали стоять не двигаясь. Это было одной из форм мучения. <...>

В ссылку повезли вагоном, в котором были всевозможные люди — и политические, и воры, и проститутки. В день давали кусок хлеба и немного горячей воды. В туалет водили милиционеры. Довезли до Карагандинского лагеря. Одно время были в тюрьме, потом вели пешком пятьдесят километров. Привели в какой-то очень большой хлебный склад. С утра до позднего вечера заставляли работать. Спали на нарах. Кроме работы в хлебопекарне, нас заставляли строить и бараки. Я предпочла работать на стройке²⁵.

²⁵ Из беседы с Гизо Зарнадзе.

Что это было за место, рассказывает журналист Динара Бисимбаева:

Семьдесят лет назад здесь была степь. Голая, холодная и безлюдная степь. Сорок градусов жары летом, столько же, но со знаком минус — зимой. В зловещем 1937-м на основании приказа НКВД здесь появилось Акмолинское спецотделение КарЛАГа, АЛЖИР — Акмолинский лагерь жён изменников родины²⁶.

Ашхен свой срок отбывала в отделении этого лагеря под названием «Батык». Экономическое образование ей очень пригодилось — в конце концов её определили экономистом в совхоз.

В своих воспоминаниях подруга по несчастью, бывшая до ареста первым секретарём одного из райкомов партии Москвы, Ксения Чудинова, упоминает об Ашхен:

В «Батыке» я встретила и подружилась с Зиной Салганик, женой расстрелянного секретаря Фрунзенского райкома партии Москвы Захара Федосеева. С Зиной Салганик и Соней Зильберберг, старой большевичкой, мы сплотили небольшую группу москвичек-партизанов. Ашхен Степановну Налбандян я хорошо знала ещё по Москве, она работала в Московском комитете партии²⁷.

Рассказывая об этом аресте, Дмитрий Быков пишет, что для Булата «это снова означало переезд, потому что теперь ему было четырнадцать, и до него могли добраться. Это и было главной причиной его отъезда из Москвы, а не то, что бабушке стало с ним трудно и понадобилась помощь тёти Сильвии».

Ну, во-первых, после ареста Ашхен никакого переезда Булата не последовало. Они прожили в Москве с бабушкой ещё почти два года, и Булату уже было не четырнадцать, а шестнадцать лет. А во-вторых, причём здесь вообще четырнадцатилетие, если с 1935 года в СССР уголовному преследованию вплоть до расстрела подвергались дети с двенадцатилетнего возраста? Так что объяснение Дмитрием Львовичем причины отъезда не выглядит убедительным.

А вот в пользу того, что бабушке действительно стало тяжело справляться с внуком, и потому его отправили в Тбилиси, свидетельствует, кроме слов самого Булата Шалвовича, хотя бы ещё тот факт, что Сильвия, приехав в Москву почти на целый

²⁶ <http://ru.delfi.lt/news/live/article.php?id=19485521>: 21.09.10.

²⁷ Здесь и далее: Чудинова К. П. Памяти невернувшихся товарищей // ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошёл ад репрессий / Сост. Л. М. Гурвич. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 27, 34–35.

*Георгий Саркисов
с женой Сиро
и их дочерью Аидой*

месяц, прежде чем увезти Булата, вместе с бабушкой пыталась на него как-то воздействовать.

В конце концов, по окончании учебного года решено было отправить Булата в Тбилиси, к тётке Сильве, — хотя бы от дурной компании его надо было оторвать. И тётя действительно спасла его, внесла покой в его рассудок и душу. Она рассказала племяннику «по секрету», что его родители вовсе не арестованы, а посланы за границу с особым заданием и что для конспирации пришлось объявить их врагами народа.

11

Сиро с мужем и дочерью после всех этих ужасных событий тут же, конечно, уехали из Нижнего Тагила. Но прежде Сиро успели исключить из комсомола, сразу после исключения из партии её старшей сестры. Вернулись в Тбилиси. Несколько лет прожили там, и трёхлетняя Анаида, которую настоящим именем, по доброй семейной традиции, никто, конечно, не звал, а звали Аидой и до сих пор так зовут, уже начала лопотать по-грузински.

Но её дальнейшему изучению грузинского языка помешало неожиданное событие. В 1939 году из Москвы в Тбилиси вдруг приехал бывший муж Сиро Миша Цветков. Умолял её вернуться, плакал, говорил, что бросил пить. И сердце Сиро дрогнуло, — ведь она его любила. Да и Сильва ей нашёптывала, она всегда очень благоволила к Мише. В общем, Сиро оставила Жору Саркисова, теперь уже навсегда, и вместе с Мишей и Аидой вернулась в Москву. У Миши была комната в коммуналке

*Аида, Сиро
и Миша Цветков*

на Масловке, потом им дали квартиру в профессорском доме на Ленинградском проспекте, напротив аэровокзала.

Первое время Миша действительно держался, не пил. Аиду он удочерил, относился к ней как к родному ребёнку, и она на всю жизнь сохранила к нему самые тёплые чувства.

Миша работал в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского. Он не только изобретал, но и сам был лётчиком. С началом войны всю академию перевели в Свердловск, а семьи отправили в эвакуацию в Уфу. Миша часто летал на фронт, изобрёл какой-то особенный прицел. И начальник академии спросил его, чего он хотел бы. Миша попросил перевести его семью в Свердловск, — он очень скучал без Сиро. Его просьбу удовлетворили.

В Свердловске было голодно. Сиро пошла работать в эвакуогоспиталь. Разгружала эшелоны с ранеными бойцами. Их, тяжёлых, закованных в гипс, как правило, приходилось носить на спине в любой мороз. Обеды не ела, несла домой — дома оставались дочь и свекровь. А ещё вышивала и обвязывала тончайшие шифоновые платочки, которые начальство возило на базу, чтобы получить более качественные продукты для госпиталя.

В 1951 году Сиро с дочерью после долгой разлуки с родственниками съездили в Тбилиси и в Ереван. В Тбилиси встретились с Рафиком, который на самом деле Борис, а в Ереване с маминими сёстрами Сильвой и Гоар. Аида вновь познакомилась с Юрой Поповым, сыном Николая Ивановича, с которым они виделись в последний раз ещё когда «на горшок ходили», в Тбилиси. Теперь Юра был бравый выпускник суворовского

*Сильвия
Степановна
и супруги Поповы:
сын Николая
Ивановича Юрий
и дочь Сиро Аида*

училища. И именно тогда какая-то искорка пробежала между ними, но не погасла, а разгорелась, соединила их судьбы и горит до сих пор.

А у Юры после суворовского было Ленинградское военноморское училище, которое он окончил в 1957 году. Однако военноморская жизнь Юрия закончилась, к счастью, уже через три года — в 1960 году он попал под хрущёвское сокращение Вооружённых сил и все последующие годы проработал инженером в судостроительной отрасли. Сегодня Юрий Николаевич Попов и Аида Михайловна живут возле метро «Войковская», пестуют правнуков и учат чему-то главному внуков. Впрочем, не учат — показывают своим примером. Загадка природы: они остаются такими же красивыми, как и много лет назад.

А тогда в Москве всё было невесело. После войны Миша выпивал всё чаще и становился агрессивнее. Дело доходило до белой горячки — ночью ходил по подъездам, ловил шпионов...

Сиро стала подрабатывать шитьём. Как-то даже сшила для своих подруг потрясающие платья из американских кальсон и рубашек из тончайшей шерсти, полученных Советским Союзом по лендлизу. Волшебным образом перекрашенное мужское нижнее бельё превращалось в руках Сиро в роскошные вечерние платья с вышивкой золотом. До сих пор её правнуки носят какие-то жилеточки, любовно созданные её золотыми руками. Сёстры своим рукоделием, видно, пошли в отца-мастерового, ведь и Ашхен тоже в ссылке славилась своей искусной вышивкой.

Сиро оставалась неопикуемой красавицей, и Миша безумно её ревновал, закатывал сцены, хотя она была строгих правил и поводов для ревности не давала. Так жить было уже невозможно. Она тоже работала в академии техникон-конструктором, и коллеги, знавшие о её беде, уговаривали, чтобы она написала жалобу в партком. Но она не стала писать ни в какие парткомы, а пошла сразу к начальнику академии и сказала: «Я ничего у вас не прошу, вы всё знаете сами, — сделайте так, чтобы мы с дочерью могли жить спокойно».

И он без развода разделил их квартиру в профессорском академическом доме на две комнаты в этом же доме, но в разных подъездах. Это вообще невероятно было в те строгие времена: был 1953 год, ещё Сталин был жив.

А потом Сиро с Мишей окончательно развелись.

12

Сильва, человек безграничного мужества, всю жизнь лечила свою Люлюшку. Чего она только не перепробовала: и официальную медицину, и народные средства, и на море в Ялту возила девочку каждый год. Ей говорили, что дочь её вообще неизлечима, да так, наверное, оно и было, но это — если не знать Сильву. Сильва не умела проигрывать, победила она и на этот раз. Луиза практически полностью выздоровела, только небольшой горб остался у неё напоминанием о страшной болезни.

Но жизнь всё равно оставалась беспокойной — постоянно ждали какой-нибудь неприятности. Мало того, что у мужа, Николая Ивановича, происхождение подкачало, так теперь ещё у них живёт вражеский сынок Булат. А началась война, так и второго сынка бабушка из Москвы привезла...

Маленький Юра, сын Николая Ивановича, после развода родителей жил с мамой, а выходные проводил у отца с Сильвой. Обычно в субботу за ним приходил отец, потом, переехав летом 1940 года из Москвы к тётке Сильве, стал приходиться Булат. И вот через какое-то время вдруг выяснилось, что Юра уже три года не ходит в школу. Каждое утро он аккуратно выходил из дома с портфелем и завтраком, причём школа была в десяти метрах от дома, но до школы он не доходил. Мама работала, у неё не оставалось времени проконтролировать сына. Что делать? Опять ситуацию спасла Сильва — она сумела устроить Юру в суворовское училище.

*Луиза Налбандян.
Надпись на обороте:
«Непрененно будущий медик.
1937 г., Кировакан»*

Луиза после окончания школы поступила в консерваторию. Она думала стать врачом, как папа, но мама настояла на консерватории, — ведь Луиза и музыкальную школу окончила. Может быть, привыкнув к многолетнему страху за дочь, Сильва боялась отпускать её далеко от дома? А консерватория — она вот, прямо под окнами, только выйти и перейти улицу. Пианино в доме было уже давно — Сильва его однажды выиграла в лотерею. Музыкальные данные у Люлюшки были замечательные, она прекрасно играла на фортепиано и пела. Поэтому в консерватории она училась с удовольствием и успешно окончила её.

В первый день войны практичная мудрая Сильва послала мужа с племянником в магазин.

По радио гремели военные марши. Я выглянул в окно — всё было прежним.

— Вот что, — сказала тётя Сильвия дяде Николаю и мне, — бегите в магазин и купите побольше масла... Я знаю, что такое война!..

Мы отправились в магазин. Народу было много, но продукты, как обычно, лежали на своих местах. Мы купили целый килограмм масла.

— Может быть, ещё? — спросил я.

— Ты сошёл с ума! На нас уже смотрят. Стыдно.

*Мы принесли то масло домой. Кто знал, что война так затянется?*²⁸

Конечно, Сильва племянника своего не собиралась отпускать на фронт. И уж кто-кто, а она смогла бы освободить его от военной службы. Но надобности такой не было: в то время призывной возраст для не окончивших школу был девятнадцать лет, а Булату только-только стукнуло семнадцать.

И здесь, конечно, нельзя не посочувствовать биографам Булата Окуджавы, «открывшим», что не был Окуджавы никаким добровольцем. Да, почитав их изыскания, скорее уж его хочется назвать дезертиром. Правда, биографы вслух сказать это стесняются, предоставляют догадаться самому читателю.

Дмитрий Быков пишет:

В августе его наконец призвали, и здесь мы тоже сталкиваемся с противоречием: по идее, его должны были отправить на фронт уже в мае, по достижении полных восемнадцати.

А вот что об этом говорит не беллетрист, а учёная дама:

События, связанные с участием Окуджавы в войне, едва ли не самое смутное место его биографии²⁹.

Вот так. И это — в диссертации! Не «малоизученное» или «мне неизвестное», а *смутное*.

Далее:

...Мы постараемся реконструировать историю событий, связанных с войной, однако (почему *однако?* — М. Г.), хотя из рассказов Окуджавы и об Окуджаве складывается цельная картина, эту картину разрушают документы...

Да, однако... Что ж, обратимся к документам. Вот что сказано в статье 14 действовавшего во время войны закона о всеобщей воинской обязанности:

На действительную военную службу призываются граждане, которым в год призыва (с 1 января по 31 декабря) исполняется девятнадцать лет, а окончившим среднюю школу и ей соответствующие учебные заведения — восемнадцать лет.

Повторим: Булату к тому времени только что исполнилось семнадцать. Но он так рвался на фронт, что уговорил военкома

²⁸ Окуджавы Б. «Утро красит нежным светом...» // Окуджавы Б. Заезжий музыкант: Проза. М.: Олимп, 1993. С. 137–138.

²⁹ Здесь и далее цит.: Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы: Опыт реконструкции биографии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004.

и хитростью раздобыл себе повестку. И, с трудом скрывая радость, сказал Сильвии — ну что ж, дескать, делать нечего, забирают на фронт. Тётя Сильва, которая была ему теперь вместо отца и матери, радости его не разделила. Она страшно расстроилась. Кричала, что они не имеют права, что она пойдёт в военкомат и разберётся с ними. Но на этот раз она оказалась бессильной: Булат сказал, что если тётя вздумает пойти в военкомат, он убежит из дома.

Так Булат стал солдатом.

13

В консерватории Люлюшка познакомилась с однокурсником Михаилом Канчели и потом вышла за него замуж. Через годы Михаил Канчели стал крупным музыковедом.

После войны найти хорошую работу стало трудно, а Николаю Попову было всего сорок, и вопрос карьеры стоял для него весьма остро. Поэтому Николай Иванович решил попробовать найти соответствующую ему работу в Ереване и, как только получил место в ереванском военторге, сразу поехал осваиваться на новом месте и в новой должности, пока без жены. Вместе с ним уехал и Витя, младший сын Ашкен, — он какое-то время поживёт у Гоар.

Сильва ехать пока не решалась. Не могла она оставить свою дочь Люлюшку, хоть та и была уже замужем. Тем более, что у неё как раз в 1945-м родился сын — Зураб. Вот если бы забрать с собой и дочку с внуком... Но о том, чтобы в Армению согласился ехать муж Луизы грузин Канчели, не могло быть и речи. Оставалось ждать.

И Сильва дождалась (или добилась?): в 1947 году Люлюшка развелась с мужем и уехала с матерью в Ереван.

Квартиру свою прекрасную на улице Грибоедова, ту самую, что когда-то принадлежала родителям Булата, Сильва продала или обменяла — сложная какая-то операция была. Булату, поступившему после фронта в Тбилисский университет, сняли комнату в двухкомнатной квартирке в полуподвале здания консерватории, прямо напротив их теперь уже бывшего дома.

В 2002 году мне довелось побывать в Тбилиси и повезло познакомиться с Кети Хурашвили, невесткой семьи Майсурадзе, которым Сильвия продала квартиру. Теперь квартирой вла-

дела Кети. Она рассказала, что, когда там делали капитальный ремонт, из стены выпал какой-то аппарат — как она предполагает, подслушивающий.

Нахваливаю квартиру, а Кети мне:

— Да, всем хороша квартира, но очень шумная. Особенно когда в консерватории экзамены.

Разговорились о том, что в таких условиях Булату сам бог велел стать певцом. Кети сказала, что её дочка, которая росла в этой квартире, даже плакала не обычно, а как-то музыкально, — не иначе как консерватория повлияла...

Булат Шалвович и сам вспоминал:

Сестра моя двоюродная поступила в консерваторию, и мы бывали там на студенческих вечерах, на конкурсных экзаменах, на концертах. Это был дом родной. И потом — тёплая погода, окна всегда открыты, узкий переулок... В консерватории допоздна занимались вокалом, скрипкой, фортепиано... А тут ещё молодой Рихтер приехал — рыжий такой, тощий. В консерватории ему дали класс, где <он> репетировал перед концертом. В общем, такая жизнь была. Это меня тоже приобщало к музыке. Я тоже пытался одним пальцем какие-то там свои стихи наигрывать и напевать... Была потребность³⁰.

Ещё Кети рассказала об одном эпизоде, хорошо запомнившемся семье Майсурадзе. Это характерный штришок к портрету тёти Сильвы, поэтому приведу его здесь.

Покупателям очень понравились шторы в квартире Сильвы, и они упросили её оставить их. Сильва согласилась, но поставила условием принести деньги за шторы к определённом часу. Они немного опоздали, и Сильва заявила, что сделка не состоится, так как они нарушили договорённость. И, как они её ни уговаривали, она осталась непреклонной. Вот такой была Сильвия Степановна Налбандян...

Любопытные объяснения переезда Сильвы в Армению довелось мне увидеть в уже упоминавшейся диссертации:

...Отъезд Сильвии Степановны из Тбилиси мог быть вызван разными причинами: переездом в Армению её дочери, женитьбой племянника, необходимостью достать денег для вернувшейся сестры, желанием замести следы...

³⁰ Окуджава Б. Давайте понимать друг друга с полуслова / [Беседовала] Е. Щербиновская // Совет. культура. 1985. 27 апр.

*Гоар с дочерью
Виленой*

Ну, дочь-то как раз переезжала в Армению потому, что переезжала мать, а чем же так могла напугать близких женитьба племянника, что нужно было бежать аж в другую республику? Денег для вернувшейся сестры это тоже никак не могло дать. Единственное объяснение, не лишённое здравого смысла, — это *желание замести следы*, но как-то уж очень по-уголовному оно сформулировано.

Виктор всё это время оставался в Ереване в семье Гоар, Баграты и своих кузин — Ануш и Вилены. А сын Гоар, Парсадан, после фронта и окончания политехнического института был направлен в Серпухов, потом переехал в Москву. Со временем защитил докторскую диссертацию, стал профессором и вырос в крупного учёного. Стал автором многих изобретений и научных монографий. О его работе мало известно, так как он всю жизнь работал в засекреченных институтах над темами, связанными с оборонной, преимущественно судостроительной промышленностью. У него было множество правительственных наград.

Ануш окончила ереванский мединститут и стала очень известным в Армении врачом-невропатологом. Дружила с Сильвой и Николаем и особенно с Люлю. После смерти Люлю она постоянно лечила Сильву, которая не раз называла её своим спасителем. И за мамой своей она очень ухаживала. Возможно, благодаря постоянной медицинской опеке дочери, Гоар прожила до 94 лет. Сама Ануш никогда не была замужем. Умерла в Ереване в 2006-м.

Вилена тоже училась в Ереване, выучилась на филолога. Большую часть жизни проработала научным сотрудником в Ар-

*Луиза, Булат
и его жена Галина
Смолянинова
на той самой крыше
универмага,
на которую был
выход из квартиры
Николая Ивановича*

мянской государственной картинной галерее. В 1990-х годах, после выхода на пенсию, переехала с мужем в Москву к дочери. Две внучки Баграта и Гоар тоже стали врачами.

К приезду жены в Ереван в начале 1947 года Николай Иванович был уже коммерческим директором центрального ереванского универмага. Ему дали служебную квартиру в надстройке на крыше магазина. Это был даже отдельный домик с выходом на огромную крышу склада. Правда, недолго продолжалось их благополучие: в 1949-м при очередной чистке вскрылось буржуазное происхождение Николая Ивановича, и его, конечно, с работы сняли, служебную квартиру отобрали.

Луиза до 1952 года училась вокалу в консерватории. После окончания была направлена завучем в музыкальное училище в город Ленинакан. Отработав положенные три года, в 1955 году вернулась в Ереван, выступала с сольными концертами и преподавала вокал. В 1956 году вновь вышла замуж. Мужем её стал давний, ещё со школы, товарищ, Иван Кананов. Иван, несколько лет назад тоже перебравшийся из Тбилиси в Ереван, по специальности был врачом.

21 января 1957 года Люлюшка родила дочь. Но 5 февраля случилась беда — Луиза скончалась от тромба, застрявшего в сосудах головного мозга.

После трагической смерти дочери Сильвия Степановна долго и тяжело болела. У неё была очень опасная форма хронической пневмонии. Врачи не надеялись поставить её на ноги. Но Сильве ещё нужно было вырастить Зураба, которому в момент смерти матери было всего одиннадцать лет, и она выка-

*Сильва,
Николай Иванович,
его сын Юра
и внук Сильвы Зураб*

рабкалась. Новорождённая, которую назвали Лилей, осталась с отцом, но Сильвия всю жизнь внимательно следила за тем, как росла Лиля, за её успехами.

В 1960 году Кананов вновь женился и попросил Сильву Степановну не говорить Лиле о её настоящей матери, пока та не повзрослеет. Эту договорённость Сильва свято соблюдала. О своей настоящей матери Лиля узнала только уже будучи студенткой от своего сокурсника Григора Казаряна, за которого вскоре вышла замуж. Тогда уже Сильва посоветовала Зурабу установить связь с сестрой. В дальнейшем Лиля поддерживала с Сильвией Степановной тёплые отношения и несколько раз навещала её в Москве.

Зураб Михайлович Налбандян стал известным журналистом-международником. Правда, не сразу — вначале Сильвия Степановна убедила его получить более надёжную, как ей казалось, специальность инженера. Зураб спорить не стал, однако после окончания Ереванского политехнического института в 1967 году отдал диплом бабушке и уехал учиться в Москву, в Литературный институт им. Горького.

В 1992 году Лиля с мужем и тремя детьми уехала на постоянное место жительства в США. Теперь она живёт в Лос-Анджелесе, но бывает в Москве, приезжала на презентацию книги своего брата.

14

Тем заключённым, у кого срок заканчивался в годы войны, крупно не повезло, если вообще о каком-то везении тут можно

говорить. В войну никого не выпускали, и им пришлось пересидеть. Так случилось и с Ашхен — вместо пяти лет она провела в заключении почти восемь. Когда война закончилась, её, наконец, вот-вот должны были отпустить, но таких, как она, пересидевших свои сроки, было очень много, и прошло ещё чуть ли не полтора года до её освобождения. Только в сентябре 1946-го она получила свободу. Освобождали сразу многих, поэтому с большим трудом, по нескольку месяцев, добирались они к себе домой.

В Тбилиси Ашхен оказалась только в начале 1947 года. По-видалась с Булатом, но надолго там задержаться не удалось — «политическим» было запрещено селиться в больших городах. Поехала в Ереван к младшему сыну, но и там, конечно, ей оставаться тоже было нельзя. Забрала Витю от Сильвы и нашла село в Армении, где смогла прописаться:

С большим трудом прописали в село Канакерт³¹. Я вязала, стирала, но вскоре меня и оттуда выгнали. Сына Витю надо было учить.

Она ещё раз съездила в Тбилиси, теперь вместе с Виктором — на свадьбу Булата.

Кстати, многие, даже близкие, люди не помнят, чтобы мама Булата была на его свадьбе. Ирина Живописцева, сестра невесты, этого не помнит, не помнит и самый близкий друг Булата тех лет Давид Барткулашвили, бывший на свадьбе свидетелем. Зато помнят сам жених и его младший брат Виктор. Видимо, после всего перенесённого Ашхен была такой тихой, такой незаметной, что её могли и не запомнить окружающие. Именно такой, тихой, «пришибленной», описал её сын в своём позднем рассказе «Девушка моей мечты».

Посёлок Канакерт оказался слишком близко к Еревану, поэтому здесь Ашхен тоже жить было нельзя. Пришлось ехать подальше в глубинку. С большим трудом прописалась в Кировакане. Ныне этот старинный город носит имя Ванадзор. Уже упоминавшаяся диссертантка почему-то назвала Кировакан деревней, хотя это был третий по величине город в Армении после Еревана и Ленинакана³².

Витя пошёл в седьмой класс, а Ашхен на работу так никуда и не брали — боялись, хоть она была согласна на любой труд. Промыкалась она так чуть не целый год, да в отчаянии и написала письмо в НКВД, чтобы её снова посадили, ибо на воле она

³¹ Ныне этот посёлок входит в городскую черту Еревана. — М. Г.

³² Ныне — Гюмри.

всё равно с голоду умрёт. И тогда ей предложили должность бухгалтера на трикотажной фабрике. Это был уже сентябрь 1948 года. Сын перешёл в восьмой класс. Наконец, они зажили — не сказать, чтобы очень счастливо, но появилась хотя бы какая-то стабильность, какое-то спокойствие. Ашхен даже выкраивала какие-то деньги со своей скудной зарплаты, чтобы послать их в Тбилиси сыну-студенту.

Но спокойствие продлилось совсем недолго. Через четыре месяца вызвал её к себе директор фабрики. Она заходит в кабинет, а там офицер сидит, чекист.

Ничего не объясняя, отвезли её в Ереван. Хорошо хоть, она как-то сумела сообщить родственникам, чтоб присмотрели за Виктором.

Этот 1949 год вообще несчастливым был, — а много ли их было, счастливых годов? Но в 1949-м, кроме повторного ареста Ашхен и бегства из Еревана Сильвы с мужем, случилось и ещё одно несчастье — умерла мама сестёр Налбандян, Мария Вартановна. Наверное, она не смогла перенести повторного ареста дочери. При жизни все её называли Таточкой — дети, внуки. Все её обожали. Она была тихая, нежная и добрая.

Кстати, следует обратить внимание на то, как комментируют повторный арест Ашхен Степановны биографы Булата Окуджава. Вот Дмитрий Быков пишет:

Тогда начались аресты так называемых «повторников» — выпущенных после войны брали опять и приговаривали в лучшем случае к бессрочной ссылке.

Интересно, а что же могло быть в худшем случае, если с 1947 года в СССР была отменена смертная казнь?³³ И не было для «повторников» никаких других приговоров, кроме бессрочной ссылки. Никаких новых дел для осуждения на ссылку не заводили, некогда было возиться, приговор выписывали по старому делу. А весной 1948 года вообще перестали выпускать политических, у которых заканчивался срок, — их просто отправляли в ссылку. Так что ни «лучших» случаев, ни «худших» просто не было, был конвейер.

Дело в том, что в первую волну репрессий 1930-х годов заключённые столько всего понастроить успели, что теперь, после их освобождения, там стало некому работать. Именно потому

³³ См.: Указ Президиума ВС СССР от 26.05.47 «Об отмене смертной казни».

и вышел указ об отмене смертной казни, — не из-за каких-то гуманистических соображений, а потому, что нужна была дармовая рабочая, точнее, рабская сила.

Однако вернёмся к Ашхен.

Шесть месяцев я сидела в Ереване. Армянские следователи обрашались хуже, чем русские. Целых шесть месяцев ташили нас поездом, один месяц в Баку в тюрьме были, потом в Астрахань поездом отправили, потом Грозный, потом Саратов, потом Челябинск, потом Новосибирск, и в конце концов в Красноярске остановились. Приговор был простой: бессрочная ссылка в Сибирь за троцкистскую деятельность по 10 и 12 статьям, укрывательство контрреволюционной деятельности мужа³⁴.

Ашхен выпало отбывать свою пожизненную ссылку в райцентре Большой Улуй в двухстах пятидесяти километрах от Красноярска. Получила работу экономистом в артели, подрабатывала — вышивала прекрасные салфетки, полотенца, скатерти для местных жителей.

...«Мама — белая голубушка» Ашхен Степановна Налбандян, высокая, стройная, с красивым строгим лицом, казалась мне кавказской княгиней. Она была искусной вышивальщицей, брала заказы у местных дам. Её тончайшее рукоделие, крохотные розочки, незабудки, кисти сирени не могли не поражать тех, кто знал, что этим руками приходилось делать во время восьмилетнего заключения в лагере³⁵.

В ссылке Ашхен встретила многих подруг, с кем отбывала когда-то свой первый срок в Казахстане.

Обратимся снова к уже цитировавшимся воспоминаниям Ксении Чудиновой:

По делам артели я ездила в Красноярск и там встретила Ашхен Налбандян. Она повела меня к Ольге Шатуновской. Это было великой радостью и счастьем. Ольгу я знала по её работе в Московском горкоме партии. Это удивительный человек, сплав воли, коммунистических убеждений, любви к людям, порядочности и скромности. Член партии с 1915 года, Ольга совсем юной работала в Баку в подполье.

Мы ещё вернёмся к Ольге Григорьевне Шатуновской, — поэтому такая подробная цитата о ней.

Тем временем старший сын Ашхен окончил университет и вместе с женой отправился учительствовать в Россию. И младшего брата Виктора взял с собой, доучиваться в последнем

³⁴ Из беседы с Гизо Зарнадзе.

³⁵ *Маевская И.* Вольное поселение. М.: Возвращение, 1993.

классе. Может, там, в российской глубинке, люди забудут, что они дети «врагов народа»?

Окончив десятый класс в сельской школе, где Булат преподавал русский язык и литературу, Виктор предпринял попытку поступить в МГУ. И хотя он был медалистом, его не взяли — для детей «врагов народа» двери главного университета страны были закрыты. Получив такой удар, Виктор не сразу от него оправился, если вообще когда-нибудь оправился. Он не стал больше никуда поступать, уехал к маме в ссылку и жил у неё некоторое время.

15

Наконец, Сталин умер.

Ашхен вспоминала, как они в ссылке встретили эту новость: «все плакали». Действительно, после смерти Сталина очень многие плакали, и даже заключённые, и этот факт часто приводят в качестве аргумента в пользу всенародной любви к нему. Забывая о том, что многие плакали не от души, а от страха, что их сочтут недостаточно лояльными.

Ашхен освободилась одной из первых, 6 июля 1954 года одновременно с Ольгой Шатуновской.

К. П. Чудинова рассказывает в своих воспоминаниях:

В 1954 году, ещё до общей отмены ссылки, Шатуновскую вызвали в Москву, где сразу реабилитировали и восстановили в партии. После встречи с Н. С. Хрущёвым её направили работать в Комитет партийного контроля. Здесь она всемерно стала помогать скорее-му освобождению и полной реабилитации очень многих товарищей.

Тем же занялась и Ашхен.

Вернувшись в Москву, она сначала остановилась у Сиро.

Сиро никогда не рассказывала Аиде о судьбе Ашхен и её семьи. Дома вообще не говорили о политике. Дочь была уверена, что мама очень далека от размышлений на политические темы. И поняла, что это совсем не так, только в августе 1991-го, когда в стране случился переворот. Сиро вошла в комнату и непривычно строго сказала дочери: «Ты должна немедленно уехать, иначе тебя арестуют». Дочь изумилась: «Мама, кому я нужна? У них там своих дел полно и есть, кого арестовывать». — «Ты не понимаешь, как это происходит, — ответила Сиро, — в Кремле арестуют кремлёвских, в Москве — городских, а в Академии — академических, тех, кто кому-то неуютен». Вот с чем она жила...

*Сильве от Ашхен:
«Моей любимой Сивошечке от Ашхен.
15/IV 1954 г. Г. Красноярск»*

В том же 1954-м Ашхен дали прекрасную двухкомнатную квартиру в новом доме на Краснопресненской набережной, 5 ноября она была восстановлена в партии, а в апреле 1955-го реабилитирована.

СПРАВКА

Дело по обвинению Налбандян А. С., осуждённой особым совещанием, пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 16 февраля 1955 г.

Постановление Особого совещания от 11 июля 1939 г. и от 25 июня 1949 в отношении Налбандян А. С. отменены и дело за отсутствием состава преступления производством прекратить.

Председатель Военной коллегии Верховного суда Союза СССР
Генерал-лейтенант юстиции (А. Чепцов)
28 февраля 1955 г.

За убитого мужа и растоптанную жизнь Ашхен Налбандян была вознаграждена персональной пенсией. Её взяли на работу экономистом в Управление общественного питания Мосгорисполкома. Теперь она снова в почёте, участвует в подготовке к XX съезду партии и участвует в его работе.

Снова воспоминания К. П. Чудиновой:

В числе группы вернувшихся из ссылки товарищей я получила гостевой билет на XX съезд партии. Сидим вместе на балконе: Берта Ратнер, работавшая перед арестом в ЦК, бывший секретарь Коминтерновского райкома Москвы Михаил Рутес, бывший секретарь Харьковского обкома Александр Осипов, бывший помощник секретарей МК Хрущёва и Марголина (погибшего на Украине, куда его перебросили в 1937 г.) Иван Алексахин, Ашхен Налбандян, ещё несколько человек. Обнимаем друг друга, целуемся, вспоминаем погибших.

*Жена Булата Галя,
Витя Окуджава,
дочь Гоар Ачик
и дочь Сиро Аида*

Вскоре Ашхен посылают в командировку, никак не связанную с её новой должностью.

Ольга Шатуновская вспоминала:

Вскоре после XX съезда были созданы специальные комиссии ЦК партии и Верховного Совета, каждой из которых поручалось выехать в один из лагерей и на месте решить вопрос об освобождении необоснованно осуждённых. В состав каждой комиссии включался и один из старых партийцев, по большей части из недавно реабилитированных. В такую комиссию вошла и я³⁶.

Вот в составе такой правительственной комиссии в качестве старого партийца из недавно реабилитированных Ашхен Налбандян направляется на Урал с мандатом:

2 апреля 1956
№ 105

УДОСТОВЕРЕНИЕ

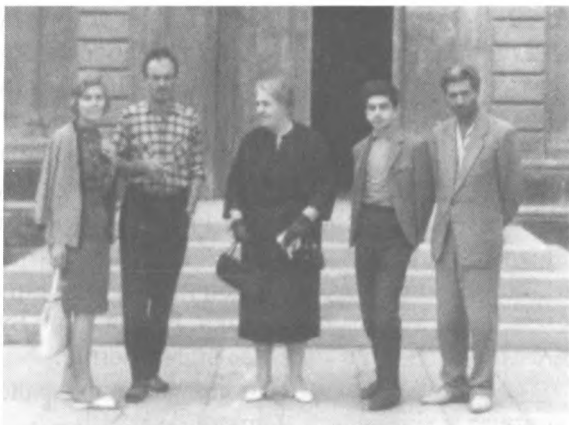
Настоящим удостоверяется, что тов. Налбандян А. С. указом от 24 марта 1956 г. утверждён членом комиссии президиума Верховного Совета СССР по Северо-Уральскому ИТЛ для рассмотрения дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления, и дел осуждённых несовершеннолетних, содержащихся в трудовых колониях. Удостоверение действительно до 1 октября 1956 г.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

(К. Ворошилов)

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (Н. Пегов)

³⁶ Здесь и далее: Шатуновская О. Г. «Долгий ящик XX съезда» // Общ. газ. 1997. 10 апр. (№ 14).

Слева:
Ольга Арцимович,
Булат и Сильва
в армянском селе
Ошакан, 1963 г.
Фото
З. Налбандяна

Через много лет Ашхен Степановна рассказывала об этой командировке:

Я посетила почти все лагеря Северного Урала. Там встречалась с множеством людей, которые говорили о своей невинности. Много было женщин-колхозниц, арестованных за горсть зерна, ведро картошки.

Тем временем дело мужа, конечно, тоже пересмотрели. Приговор отменили. Жалко, смерть отменить нельзя.

Осенью 1956-го Ашхен окончательно вернулась в Москву. В это же время из Калуги перебрался в Москву и её старший сын. Булату с женой и сыном Ашхен выделила отдельную комнату в своей новой квартире, другую занимал Витя, а сама она спала на кухне. Но Булат недолго пожил с мамой и вскоре переехал от неё в съёмную квартиру. И не столько из-за тесноты — по тем временам это были роскошные жилищные условия, — просто из всех обитателей квартиры уживчивым характером была наделена только невестка Галя. Но вот её-то как раз и невзлюбила свекровь. Хотя, не будь Галины, сыновья с матерью всё равно не смогли бы долго жить вместе, как и показало будущее.

Оставшись вдвоём, Ашхен с Виктором прожили в этой квартире ещё много лет, но так и не сумели наладить тёплых семейных отношений, и здесь, видимо, виной был совсем уж сложный характер Вити — Ашхен-то с годами становилась всё мягче и безропотней в отношениях с сыновьями. Она безумно их любила, но они выросли без матери, пусть и не по её вине, и какая-то ниточка между ними давно и безнадежно порвалась.

Ашхен страдала, видя, как не может устроиться личная жизнь её младшего сыночка, ей очень хотелось как-то помочь ему, обогреть его материнской любовью. Но Витя, лишившийся родителей в трёх-четырёхлетнем возрасте, не мог помнить тепла отчего дома, и теперь его тяготила и раздражала материнская опека. В конце концов, дело закончилось тем, что он настоял на размене их прекрасной двухкомнатной квартиры в центре на две однокомнатные.

Оставшись одна, Ашхен нашла утешение в младшем внуке, сыне Булата от второго брака. Новая жена Булата сумела произвести на свекровь хорошее впечатление.

Но это всё потом, а сейчас, в феврале 1959 года, Ашхен окончательно вышла на пенсию.

16

В 1977 году Сильвия Степановна и Николай Иванович по настоянию Зураба переехали в Москву, где с семьёй давно уже жил он сам. Тяжело им было оставаться одним в Ереване на старости лет. Тогда в Москве прописаться было непросто, если не сказать — невозможно. Помог двоюродный брат Сильвии Дмитрий Аркадьевич Налбандян, Герой Социалистического труда, народный художник СССР, лауреат Сталинских и Ленинской премий, прославившийся портретами генсеков и их приспешников от Сталина до Брежнева. Этот самый известный и обласканный советский художник был сыном Аршака Налбандяна, второго сына Егисапет и Мкртича, о котором было упомянуто в самом начале.

Дмитрий был талантливым человеком, писал когда-то настоящие картины, но выбрал другой путь. Его картины есть во многих музеях мира, а автопортрет хранится в знаменитой галерее Уффици во Флоренции. Кстати, и его родная сестра, Арпеник Налбандян (1916–1964), стала очень известной художницей, а её младший сын Арам Исабекян сейчас является ректором ереванского художественно-театрального института.

И Дмитрий, и Арпеник изменили своё отчество на более привычное русскому уху.

Зураб Налбандян:

— Дима Налбандян был очень дружен с Сильвией и Николаем, часто бывал у нас дома в Москве. У меня с ним были весьма тёплые отношения. А с Арпеник Сильвия была исклю-

*Арпеник Налбандян.
Автопортрет*

чительно близка и очень тяжело переживала её преждевременную смерть.

Так вот Дмитрий Налбандян обратился лично к председателю Мосгорисполкома В. Ф. Промыслову и попросил, чтобы разрешили прописку его сестре. Сильвия и Николай Иванович поменяли свою хорошую квартиру в Ереване сначала на московскую квартиру на бульваре матроса Железняка, а затем съехались с Зурабом и его женой и жили в Богословском переулке, недалеко от Пушкинской площади.

И вот они снова все вместе, сёстры Сильвия, Ашхен и Сиро, и Маня Окуджава, и Вася Киквадзе, — все, кто остался в живых из старшего поколения семей Налбандян, Окуджава и Киквадзе.

Они прожили страшную, но счастливую жизнь. В самые жестокие годы не сломались, всё выдержали и остались людьми. И детей своих вырастили достойнейшими людьми. Теперь оставалась недолгая спокойная старость, которую доживали они вместе, часто бывая друг у друга.

Ашхен была связующим звеном между всеми. Она ежедневно говорила с Сиро по телефону, снимала вместе с ней в Подмоскovie летнюю дачу для внуков. С особой нежностью Ашхен дружила с Маней, сестрой Шалико. Постоянно общалась с Сильвией и Гоар, собирала родных у себя в доме. Все они были изумительными кулинарками и с радостью делились секретами своей кухни. Примечательно, что сёстры прекрасно говорили на русском литературном языке, но по телефону то и дело переходили на армянский, а иногда и на грузинский, секретничая от детей.

*Мария Окуджава,
Ашхен и Сильвия
Налбандян
и Николай Попов
едут к Василию
Киквадзе*

При всех невзгодах, которые выпали на их долю, они до конца своих дней сохранили веру в правильность происходящего в стране, доверие к власти, которая всю жизнь их обижала. Ну, были ошибки, не без этого, ну, Сталин, конечно, был негодяй, но сейчас, когда восстановлены ленинские нормы, надо радоваться...

Младшее поколение любви стариков к советской власти не разделяло. Особенно сыновья Ашхен. Булат и Витя, несмотря на антагонизм друг к другу, в этом отношении совпадали. Они постоянно спорили и с мамой, и со своими тётями. Как-то раз в праздник все собрались вместе, и Николай Иванович поднял тост — «за наше поколение, мы столько сделали, столько построили, и вот вы, молодое поколение...».

Булат сидел-сидел, а потом не выдержал и говорит:

— Дядя Николай, а вы что, с завязанными глазами строили или впотьмах?

К Сталину у Ашхен давно уже было вполне определённое отношение. При последней встрече с журналистом Гизо Зарнадзе в 1980 году она вспоминала о своих заблуждениях:

Сталин убийца, преступник. Он должен быть судим всенародно, на Красной площади. Я не могу простить себе, что боготворила Сталина, считая его вождём революции. От сталинского социализма получился «пшик».

А в самом конце, незадолго до смерти, Ашхен Степановна окончательно прозрела и воскликнула: «Что же мы натворили!» Она почти слово в слово повторила слова Н. С. Хрущёва, ска-

Аи́хен Налба́ндян

занные им за двадцать лет до этого её подруге. О. Г. Шатуновская была тогда, в 1962 году, членом Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.

Она вспоминала:

КГБ прислал подробные данные о репрессиях. Для нас это было потрясением. С января 1935-го по июнь 1941 года было репрессировано 19 миллионов 840 тысяч человек. Из них семь миллионов расстреляны в тюрьмах НКВД!

Незадолго до XXII съезда мы составили обстоятельную докладную записку и разослали её всем членам ЦК. Наутро мне позвонил Никита Сергеевич Хрущёв: «Я всю ночь читал вашу записку и плакал над ней. Что мы наделали! Что мы наделали!...»

Правда, обнародовать результаты работы Комиссии он так и не решился. Или не смог.

Они были так близки, эти старики, так держались друг за друга, что и умерли почти одновременно. Это был 1983 год. В тот год подряд, в течение двух месяцев, одна за другой умерли мама Булата и Виктора и две их любимых тётки, так много сделавшие для своих племянников, — Сильвия Налбандян и Мария Окуджава. Что касается Виктора, то с их смертью он потерял просто всех своих самых близких людей. С братом они уже давно близкими не были.

Началась эта череда смертей ещё в апреле. Сначала, 24 апреля, в Тбилиси умерла Вера Владимировна Халваши-Дзимистаришвили, заменившая маму их двоюродному брату Гиви Окуджава. А меньше чем через две недели, 6 мая, в Москве скончалась добрейшая Манечка Окуджава. Та самая Маня, ко-

*Николай Иванович
Попов
не расставался
с радиоприёмником*

торая всегда всех радостно встречала словами: «Как ты хорошо сегодня выглядишь!»

Гиви, ещё не оправившийся от смерти приёмной мамы, чувствовал себя плохо, но рвался в Москву проститься с тётей Маней. Не сумел. Его сердце остановилось через день после тёти Мани, 8 мая, накануне дня рождения его любимого двоюродного брата Булата.

Маню кремировали и через месяц урну захоронили на Донском кладбище, где полутора десятилетиями раньше упокоился её младший брат Вася Окуджава. Здесь же, совсем рядом с их нишей, братская могила нескольких тысяч невинно расстрелянных сорока с лишним годами раньше людей. Среди них и старший брат Мани и Васи Коля Окуджава. Так трое детей Степана Окуджава оказались теперь навсегда вместе.

В день кремации Марии Окуджава за Ашхен прислали машину, которая должна была отвезти её на похороны. Шофёр долго ждал на улице, но Ашхен никак не выходила. Вызванные прямо с похорон Мани Булат и его жена Ольга вскрыли дверь и обнаружили Ашхен без сознания.

Её положили в больницу для старых большевиков в Сокольниках, где она прожила ещё почти два месяца. 5 июля 1983 года Ашхен Степановны не стало.

В это же время заболела и Сильвия. Она была в беспамятстве, бредила, всё ей казалось, что в доме гости, беспокоилась, как бы их угостить получше. За Сильвией ухаживала жена Зураба Анаит. Анаит и Николай Иванович (Зураб в этот момент был в зарубежной командировке) решили, что не будут говорить

Виктор с мамой

Сильве о смерти сестры. Но незадолго перед смертью Сильвия Степановна вдруг пришла в себя и отчётливо и укоризненно сказала: «Ашхен умерла. Зачем вы от меня это скрываете?»

Она всего на четыре дня пережила свою сестру и умерла 9 июля в своей квартире в Богословском переулке.

Непостижимыми узами сёстры были связаны между собой, ведь и Ашхен перед самой смертью вдруг стала беспокоиться о Сильвии, говорила, что чувствует, что сестре плохо, что та умирает...

Сильвию Налбандян кремировали, а урну Зураб захоронил в Ереване, как она этого хотела, рядом с её любимой дочерью Люлюшкой. В день её похорон Зураб бросил курить, потому что она всю жизнь его умоляла, чтобы он это сделал.

Николай Иванович Попов прожил ещё пять лет и дожил до перестройки. Он пристально следил за событиями, не расставался с радиоприёмником и радовался переменам. Как-то Витя был у деда, и тот спросил, торжествуя:

— Ну, теперь ты доволен советской властью?

На что Витя, не отличавшийся, так же как и его брат, особым оптимизмом, ответил угрюмо:

— Знаешь, дед, я буду доволен, когда смогу свободно купить шнурки для ботинок.

Виктор Шалвович всё-таки дожил до шнурков в свободной продаже, но счастливее так и не стал. Видно, что-то, какая-то компонента счастья навсегда осталась там, в далёком детстве, когда сильные папины руки подкидывали его высоко вверх, а он весело смеялся и замирал на мгновение от страха под самым потолком, а потом мягкие мамины руки ласково гладили его непослушные волосы, успокаивая бешено колотящееся сердечко.

Виктор ЮРОВСКИЙ

«НИКОГДА ДО КОНЦА НЕ ЗАБЫТЬ ТЕБЯ...»

8 мая 2002 года в Москве, на пересечении Плотникова переулка с улицей Арбат, был установлен памятник Б. Ш. Окуджаве. Рассказывая о его открытии, многие газеты вышли тогда с заголовками типа «Булат вернулся на Арбат». Один из заголовков нестандартно и абсолютно верно гласил: «Самый неприспособленный для памятника человек», а ещё один констатировал: «Окуджаву прописан на Арбате навсегда».

Верим, что это так, но будущее нам неизвестно, а вот об отдельных фактах прошлого, непосредственно относящихся к жизни поэта, расскажем со всей определённой, опираясь на сохранившиеся документы и воспоминания современников.

В интервью и на публичных выступлениях, отвечая на вопросы о своём происхождении, Булат Шалвович неоднократно говорил: «...*Моя родина Арбат — я родился на Арбате*», «*Я родился в 1924 году на Арбате...*», иногда уточнял: «...*Я родился у Грауэрмана, на Большой Молчановке*».

Мы хотим вспомнить о времени, когда Окуджаву появился в Москве, вспомнить, как он поселился в одном из домов этой во многом теперь, да и в прошлом, приметной московской улицы с необычным именем *Арбат*.

В романе «Упразднённый театр», имеющем подзаголовок «Семейная хроника», о приезде своих будущих родителей из Тифлиса в Москву автор написал так:

Затем на четвёртые сутки они вывалились из смрада и грохота и, раздавленные громадой Москвы, кое-как, не воспринимая собственных жестов и поступков, по какому-то наитию, нашли своё место в партийном общежитии, где постепенно и небезуспешно начали приходить в себя, зализывая раны, поражаясь, восхищаясь, отчаиваясь, с умилением и тоской вспоминая привычное и ленивое тифлисское ароматное пространство и лица близких. К счастью, ссадины и ушибы рубцевались по молодости лет стремительно, а к осени те, что должны были о них заботиться, и в самом деле о них не забыли, и они, сжимая в руках бумажное и беспрекословное право, возникли на улице со странным названием

«Арбат», вошли в дом 43 и вселились в квартиру 12 на четвёртом этаже большого грязно-бежевого дома /99/.

С 1993 года, — а именно тогда роман «Упразднённый театр» был впервые опубликован в периодике — названный в нём арбатский адрес повторялся во всех описаниях жизни и творчества Б. Ш. Окуджавы, и никому, включая автора этих строк, не приходило в голову хотя бы немного усомниться в его точности, вспомнить, что автобиографический роман — это не документальная хроника, а художественное повествование, допускающее любой авторский вымысел.

Однако, возможно, не только в художественном вымысле дело. Автор ведь не скрывает от читателя автобиографичности повествования, и даже то, что он самого себя называет в романе другим именем, ничуть этому не противоречит.

Вот, к примеру, как появляется на страницах романа главный герой:

Много лет спустя, а точнее уже в двадцать четвёртом году, возник внук Степана Окуджавы — по официальным документам Отар, по самоощущению Иван Иванович, в быту же по малолетству бывший просто Ванванчем /17/.

Ясно, что никто из читателей после прочтения этой части романа не подумал, что Отар — настоящее «официальное» имя автора.

Прописка в Москве

Что же говорят официальные документы о первом московском адресе поэта? Прежде чем изложить их содержание, стоит напомнить о паспортной системе, существовавшей в годы, когда поэт родился и жил в Москве. Мы не случайно упомянули выше газетный заголовок, содержащий слова *прописан на Арбате навсегда*. А всегда ли в Москве существовала прописка?

Материал из Википедии — свободной интернет-энциклопедии — сообщает о ней следующее:

Прописка — государственная система контроля миграции населения, сложившаяся в СССР, основной принцип которой заключается в жёсткой привязке граждан к их постоянному месту жительства. Установленный порядок прописки требовал разрешения админист-

¹ Окуджавы Б. Упразднённый театр: Роман. М.: Изд. Дом Русанова, 1995. Здесь и далее цитаты из романа приводятся по этому изданию с указанием в тексте статьи /в косых скобках/ номеров страниц.

*Арбат, дом 43.
Вид со стороны
Бульварного
кольца...*

ративных органов на проживание, устройство на работу и учёбу, приобретение в собственность жилья.

Разрешительный порядок прописки был признан Комитетом конституционного надзора СССР несоответствующим Конституции СССР в 1991 году.

В первой трети прошлого века, а именно в 1917–1935 годах, положение с пропиской было совсем иное:

Сразу после установления советской власти была отменена паспортная система, существовавшая в дореволюционной России.

Однако в связи с гражданской войной паспортная система была вскоре частично возрождена Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июня 1919 года, который ввёл обязательные «трудовые книжки», которые фактически были паспортами (декрет относился только к Москве и Петрограду). <...>

После окончания гражданской войны Законом от 24 января 1922 года всем гражданам РСФСР было предоставлено право свободного передвижения по всей территории РСФСР. Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1923 года «Об удостоверении личности» воспрещалось требовать от граждан РСФСР обязательное предъявление паспортов и иных видов на жительство, стесняющих их право передвигаться и селиться на территории РСФСР. Все эти документы, а также трудовые книжки, аннулировались. <...>

Положения декрета 1923 года были конкретизированы в постановлении СНК РСФСР от 28 апреля 1925 года «О прописке граждан в городских поселениях» (понятие «прописка» впервые введено именно этим документом) и в постановлении ВЦИК и СНК СССР от 18 декабря 1927 года. <...>

В Малой Советской Энциклопедии 1930 года в статье «Паспорт» с полным правом было написано:

*...и со стороны
Смоленской
площади.
Фотографии
автора, 2011*

«ПАСПОРТ — особый документ для удостоверения личности и права его предъявителя на отлучку из места постоянного жительства. Паспортная система была важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в так называемом полицейском государстве... Советское право не знает паспортной системы».

В 1932 году в Советском Союзе была введена единая паспортная система и создана Паспортно-визовая служба (ПВС), вошедшая в структуру органов внутренних дел (НКВД). ПВС был поручен «учёт населения городов, рабочих посёлков и новостроек, разгрузка этих мест от лиц, не занятых общественно-полезным трудом, а также очистка от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов, в целях укрепления диктатуры пролетариата» (Постановление ВЦИК и СНК от 27.12.1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»). На ПВС была возложена и обязанность регулировать прописку населения. Многим категориям горожан (например, дворянам, нэпманам) паспорта не выдавали, и они выселялись из крупных городов.

В период с 1933 года по 1935 год характер института прописки постепенно изменяется и становится разрешительным, превращаясь в один из институтов государственного управления².

Столь длинный экскурс в особенности паспортной системы нам понадобился для того, чтобы пояснить, что никаких официальных документов о прописке Булата Окуджавы в доме 43 на Арбате, после его рождения, попросту не существует. В «Свидетельства о рождении», выдававшиеся органами ЗАГС, записи о конкретном месте проживания

² См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0>: 12.12.10.

*Дом 43 по Арбату.
Вид верхних этажей
со стороны двора*

(улица, дом, квартира) ни тогда, ни позже не вносились. Указывалось лишь название поселения (город, посёлок, село, деревня) и его территориальная принадлежность (республика, край, область, район). Если бы родители поэта были верующими, то, вероятно, можно было бы поискать в каком-либо из близлежащих храмов запись о крещении и месте проживания их первенца. Однако известно, что родители поэта были убеждёнными атеистами. Именно поэтому их сына не крестили, а «октябрили», о чём в «Упразднённом театре» рассказано на страницах 109–110.

Официальные документы

В архиве сохранилась Домовая книга дома 43 по улице Арбат³. Титульный лист книги утрачен, а на вложенном рукописном листке стоят даты: *1941–1945 год*. Отметим, что первая из дат противоречит имеющимся в книге записям за тридцатые-сороковые годы прошлого века, а относится, вероятно, ко времени проверки содержания книги, о чём на первых же страницах есть соответствующая отметка. Дата окончания ведения книги — верна, поскольку следующая, новая Домовая книга имеет записи за 1946–1957 годы (она также сохранилась).

Полагаем, что дата начала ведения первой книги связана с упомянутым Постановлением ВЦИК и СНК от 27.12.32 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов», то есть относится к 1933–1934 годам.

³ Архив инженерной службы района «Арбат». Выражаем огромную благодарность работнику архива Н. А. Форостяной за заинтересованную помощь в работе.

Современный вид со двора

В Домовых книгах фиксировались сведения о прописанных постоянно и временно жильцах, датах их рождения, их паспортах, номерах квартир, в которых они жили, местах работы либо учёбы, об их приездах и отъездах, а также и другие сведения. Для нашей темы важно, что вместе с данными об имевших паспорта взрослых в книге делались записи и об их несовершеннолетних детях.

Работники архива обнаружили, что в списках жителей арбатского дома 43, относящихся к квартире 12, жильцы с фамилией Окуджава или Налбандян не числятся. Одновременно выяснилось, что интересующие нас лица были прописаны в квартире 20 (!) этого же дома.

Можно допустить, что изменённый номер квартиры появился в романе «Упразднённый театр» не только благодаря каким-то соображениям автора, но и по вполне обыденной причине: в девяностом году, то есть более чем шесть десятилетий спустя, автор мог просто забыть точный номер квартиры, в которой когда-то жил...

На самом деле автор всё написал верно, поскольку вот какую подробность, относящуюся к дому 43, мы обнаружили в одном из его интервью:

...Наш двор — это пространство, замкнутое несколькими разными домами, а по бокам — двухэтажными флигелями главного здания, моего дома. В годы моего детства там была частная сапожная мастерская чеха Ятнека, «Шляпы мастера Усса»; жили здесь слесаря, плотники, конторские служащие, обычная публика

Чёрный ход...

старой Москвы. <...> Году в тридцать шестом над нашим домом надстроили ещё два этажа, и в них с шумом и весельем поселились работники наркомата мясной и молочной промышленности. Они получили о т д е л ь н ы е квартиры, а все, буквально все, жили в коммуналках; у нас, к примеру, в бывшей квартире фабриканта Каминского — четыре семьи, и это было роскошью... И вот справили эти работники новоселья, отплясали, отшумели — и по ночам их стали арестовывать...⁴

Как мы установили, реконструкция дома 43 с надстройкой двух этажей была проведена по проекту архитектора В. И. Чагина в 1934—1935 годах.

Таким образом, первоначальный адрес в романе указан точно. Квартира, в которой прошло раннее детство поэта, действительно имела номер 12, но после надстройки дома, то есть к концу 1935 года, она получила другой — 20.

В том же интервью Булат Шалвович вспоминает своего соседа по дому и друга детства Владлена Ермакова:

<...> мой товарищ Владик Ермаков, с которым я познакомился позже, после потери родителей. Что нас свело, я даже не понимаю, но, думаю, тут судьба распорядилась: мне нужен был сильный друг, человек умнее, мудрее меня. Владик всегда жил своей жизнью, у него были свои товарищи, свои книги, свой круг интересов. Во двор он никогда не выходил, читал Хемингуэя, о котором я понятия не имел. Он просто презирал двор. И тогда же я стал

⁴ Окуджава Б. Меня воспитывал арбатский двор... / Беседу вёл М. Поздняев // Семья. 1988. 5 мая (№ 18). С. 8.

...и парадный
подъезд № 2

*как-то остывать ко двору. Хотя и совмещал эту мою большую дружбу с законами двора...*⁵

Хотим также напомнить, что о некоторых важных эпизодах их дружбы рассказала в своих воспоминаниях Гайра Артёмовна Весёлая, учившаяся в одном классе 69 школы сначала с Булатом Шалвовичем, а затем, вынужденно перейдя в другую арбатскую школу, ставшая одноклассницей Владлена Ермакова⁶.

А вот какие записи о нём и его родителях — Иване Петровиче и Маргарите Ивановне — мы обнаружили в Домовой книге.

Во-первых, как свидетельствует список жильцов квартиры 24 (с. 260 Домовой книги), в арбатский дом 43 семья Ермаковых вселилась пятого декабря 1935 года. Из беседы с Г. А. Весёлой нам известно, что квартира Ермаковых находилась на шестом этаже, то есть в надстройке. Из этого следует, что по дате вселения этой семьи можно определить время завершения реконструкции дома.

Во-вторых, в графе о месте работы Ивана Петровича Ермакова, отца Владлена, записано, что он был управляющим трестом «Мясохладстрой», который, судя по названию, относился к упомянутому в интервью наркомату мясной и молочной промышленности.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Об этом см.: Весёлая Г. «Тот самый двор, где я сажал берёзы...» // Голос надежды. Вып 5. М., 2008. С. 14—15. Попутно отметим, что исходя из данных Домовой книги, может быть уточнена условная дата опубликованного на с. 14 совместного фотоснимка Владлена и Булата: с <1933> на <не ранее дек. 1935>.

Вид
в арбатский
двор из арки.
Фото
А. Ёлкина,
1985

Как бы в подтверждение слов Окуджавы о судьбах семей, поселившихся в надстройке, в графе с названием «Когда и куда вы был...» есть такие трагические записи: *Выбыл. НКВД. 15/VIII-38*, а ниже — другими чернилами и почерком: *Реабилит. Глав. воен. прокур. 31/XII-54* и номер свидетельства о реабилитации.

В-третьих, о Владилене (так, с буквой *и*, он везде значится в Домовой книге) Ивановиче Ермакове сообщено, что он 1924 года рождения, учащийся, находится на иждивении матери Ермаковой М. И. — библиотекаря-библиографа центральной библиотеки завода им. Сталина. 10/IV-43 вы был в РККА. Другими словами, это означает, что он был призван на службу в армию во время Отечественной войны 1941–1945 годов.

По воспоминаниям Г. А. Весёлой и другим источникам мы установили, что вернувшись в Москву после войны, В. И. Ермаков поступил учиться и получил специальность геолога. Впоследствии он стал доктором геолого-минераловедческих наук, автором книг о поисково-разведочных работах на нефть и газ. Найденное нами упоминание о том, что его нет в живых, относится к октябрю 1998 года⁷.

Обратимся к другим, как нам представляется, очень ценным для биографии Окуджавы записям Домовой книги.

В ней имеется около десятка записей (точнее — групп записей), непосредственно относящихся к Б. Ш. Окуджаве. Сра-

⁷ Окуджава посвятил В. И. Ермакову стихотворение «Речитатив» («Тот самый двор, где я сажал берёзы...»), однако ни в одном комментарии к этому стихотворению никакие конкретные сведения об адресате посвящения, кроме упоминания слов поэта о его дружбе и соседстве в доме 43, до сих пор не приведены.

зу отметим, что сохранившаяся информация часто не соответствует названию граф по содержанию и полноте сведений, что она, судя по цвету чернил, относится к разному времени и частично ошибочна.

Вот как выглядит первая группа записей (№ 8, с. 116):

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, уроженец (республ., края, обл., села, деревни, города), семейное положение	Год и месяц рождения	Когда и откуда прибыл (республ., края, обл., села, дер., города), если внутри города, указ. улица и № дома	Для врем. прибывающих: а) цель приезда, б) на какой срок, в) на чьей жил-площади живёт и родств. отношения	Национальность Гражданство Подданство	Кем и когда и за каким № выдан паспорт или вр. удостоверение
8	Нолбандям [Так!] (Ашхян) Ашхэн Степановна гор. Тифлис при ней дети 1) Окуджав ⁸ 2) Виктор	1903 1924 1934	г. Тифлис выд. пасп.	постоянно по совершенн.	Армян. 26/VII-40	9/VI-36 г. Д.П. №534331 г. Тагиль [Так!] Гор. отдел

Отношение к воинской повинности, кем и когда принят на учёт, по какой категории	Пользуется ли избирательным правом	Род занятий, должность и место работы, его адрес, если на иждивении, то на чьём: фамилия, род занятий	№ квартиры	Отметка органа милиции о прописке, свертке с прописным листком и поквартирным списком. Дата и подпись	Когда и куда выбыл (республ., край, обл., р-н, село, дер., город), временно или постоянно и отметка органа милиции о свертке с убытным листком и поквартирным списком. Дата и подпись
	Да	Служащий Гост. М.К.В.П. Швейком-ремонт 2 Тверская Ямская дом 23	42 20	Постоянно 31/III-1936	Выбыла НКВД 2 марта 1939 г. [подпись]

Здесь Булат Шалвович и его младший брат Виктор записаны не как полноправные жильцы, а как дети А. С. Налбандян. Обратите внимание, что против его искажённой фамилии, прев-

⁸ Отметим, что ошибки в написании необычной фамилии *Окуджав* сопровождали Булата Шалвовича всю жизнь, и это, увы, продолжается до сих пор.

ращённой здесь в имя, вписано, что по достижении совершеннолетия 26 июля 1940-го Булату выдан паспорт.

Несмотря на то, что в графе «Отметка органа милиции о прописке...» значится: *Постоянно. 31/III-1936*, — полагаем, что это описка работника паспортного стола. Он ошибся на год. Здесь следует читать: 31 марта — следующего — 1937(!) года.

Во-первых, последняя дата совпадает с предполагаемым временем возвращения «обезглавленной» семьи из Нижнего Тагила. Ведь из других источников⁹ известно, что приезд в Москву матери с детьми состоялся после ложного обвинения и ареста в Свердловске 18 февраля 1937 года её мужа Ш. С. Окуджавы. Перед этим решением внеочередного пленума Нижнетагильского горкома ВКП(б) он, «как троцкист-двурушник», и она, «как прикрывавшая двурушничество», были исключены из партии. Дата проведения пленума — 17 февраля 1937 года.

Во-вторых, описка в Домовой книге очевидна ещё и потому, что в сведениях о паспорте Ашхен Степановны, как видим, зафиксирована дата его получения в городе Нижний Тагил — 9/VI-36, что по з ж е указанного в книге времени прописки в Москве по э т о м у ж е п а с п о р т у, чего быть категорически не может.

И в-третьих, истинную дату прописки подтверждает список жильцов квартиры 20 (он приведён ниже): в нём указана не противоречащая логике дата, а именно — 31/III-1937.

Приезд в Москву, кроме других причин, связан с подачей А. С. Налбандян апелляции в партийные органы на решение об исключении её из партии. Известно, что в апелляции ей было отказано дважды: 27 августа 1937 года бюро Свердловского обкома партии утвердило решение пленума Нижнетагильского горкома ВКП(б), а 3 июля 1938 года решение об отказе в апелляции приняла в Москве Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Приведём ещё данные, относящиеся к 1937–1946 годам, из учётной карточки А. С. Налбандян, хранившейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС:

⁹ Здесь и далее даты и названия, связанные с жизнью и деятельностью А. С. Налбандян, приводятся по следующим документам из собрания М. Р. Гизатулина: Протокол № 13 заседания бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 27 авг. 1937 г.; Автобиография Налбандян Ашхен Степановны от 1 февр. 1959 г., а также из ст.: *Алексеев С. Царь-женщина* // Урал. рабоч. 1989. 1 окт. С. 6.

*Булат
Окуджава
в своём
арбатском
дворе,
20 апреля
1985 г.*

С II-1937 по IX-1937 г. гор. Москва, не работает. С X-1937 г. по II-1939 гор. Москва, плановик артели Швейремодержда. С II-1939 по X-1939 гор. Москва, находилась под следствием. С X-1939 по VIII-1946, Карлаг, Казахстан...

В Домовой книге указаны два места работы А. С. Налбандян. Сокращённое название первого нами не расшифровано. Полагаем, что название второго места работы, хотя оно написано по-разному в учётной карточке и Домовой книге, относится к одной и той же организации. Сходное с записью в учётной карточке название (*Швейремонтдержда*) встретилось на другой странице Домовой книги ещё раз, но против фамилии А. А. Елисеевой (кв. 2), работавшей там портнихой. Не она ли посодействовала А. С. Налбандян в трудоустройстве в то тяжёлое для неё время?

Как мы установили по справочнику «Вся Москва на 1936 год» и адресу, приведённому в Домовой книге, организация, в которой работала Ашхен Степановна, называлась «Артель «Швейкоопремонт» Октябрьского района». В момент составления указанного справочника в доме 23 по 2-й Тверской-Ямской улице находилось правление этой артели. Там же, в справочнике, приводятся адреса приёмных пунктов «Швейкоопремонта». Один из них располагался... по улице Арбат — в соседнем доме 41¹⁰.

Отметим, что в графе «№ квартиры» старый её номер вписан, а затем зачёркнут. Ещё одно подтверждение, что квартира 20 прежде имела номер 12, есть и в справочнике «Вся Москва.

¹⁰ Вся Москва на 1936 год. М.: Моск. рабочий, 1936. С. 531.

Адресная и справочная книга на 1930 год». В нём, в «Алфавитном указателе адресов лиц, упомянутых в справочнике», нашлись такие сведения:

Налбандян А. С. Арбат, 43, кв. 12, тел. 2-14-76¹¹.

В последней графе «Когда и куда выбыл...» Домовой книги об Ашхен Степановне так же кратко, как о И. П. Ермакове, сообщено, что она выбыла (читай: по распоряжению НКВД) 2 марта 1939 года. Фактически это означает её арест и выписку из арбатской квартиры.

Те же сведения и дата указаны и в списке жильцов квартиры 20.

Другая группа записей (№ 9, с. 116) относится к Марии Вартановне Налбандян — бабушке Булата Шалвовича:

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, уроженец (республ., края, обл., села, деревни, города), семейное положение	Год и месяц рождения	Когда и откуда прибыл (республ., края, обл., села, дер., города), если внутри города, указ. улица и № дома	Для врем. прибывающих: а) цель приезда, б) на какой срок, в) на чьей жилплощади живёт и родств. отношения	Национальность Гражданство Подданство	Кем и когда и за каким № выдан паспорт или вр. удостоверение
9	Налбандян Мария Вартановна гор. Тифлис [другими чернилами:] Тбилиси	1878	гор. Эриван	Временно до 2/9-38 [другими чернилами:] постоян. 22/IX 38 г.	Армян.	Тифлис-гор. отдел 9/IV 36. Д.П. № 524322 6 о/м г. Москва от 24/VI 41 г. VII-СУ 662398
	при ней внуки 1) Окуджава-Налбандян Булати ¹² Шалвович 2) Окуджава Виктор Шалвович	1923	9/XI стр 123	Удостоверение Киев. О.Н.О. об опекунстве № 75 от 20/XII 39 г.		
		1934	25/V			

¹¹ Вся Москва: Адрес. и справоч. кн. на 1930 год. М.: Москреклампразиздат, 1930. С. 474.

¹² О букве *и* в окончании имени *Булат* в записях Домовой книги можно предположить, что она появилась в результате принятого одно время написания буквы *т* также как буквы *ш*, но с горизонтальной чертой над ней. При быстром письме перьевой ручкой неполная чёрточка над *ш* позже вполне могла быть прочитана как *ти*. Версия достоверная, однако в Домовой книге на разных страницах (116, 119, 123) трижды написано имя *Булати*, причём над буквой *т* стоит не короткая, а длинная горизонтальная черта.

Отношение к воинской повинности, кем и когда принят на учёт, по какой категории	Пользуется ли избирательным правом	Род занятий, должность и место работы, его адрес, если на иждивении, то на чьём: фамилия, род занятий	№ квартиры	Отметка органа милиции о прописке, сверже с прописным листком и поквартирным списком. Дата и подпись	Когда и куда выехал (республ., край, обл., р-н, село, дер., город), временно или постоянно и отметка органа милиции о сверже с убытным листком и поквартирным списком. Дата и подпись
	Да	Пенсионерка	20	Постоянно 22/VIII-1938	Выехала Тбилиси 1 сентября 1941 г. [другими чернилами:] 1/IX 41 [подпись]

В неоднократно упоминавшемся нами поквартирном списке Домовой книги приезд бабушки Булата в Москву зарегистрирован 1 декабря 1937 года. Сначала её прописали в той же квартире 20 временно (до 2 сентября 1938-го), однако уже 22 августа она получила постоянную прописку. В датах постоянной прописки Марии Вартановны в графах 5 и 12 легко заметить различие в месяц. Объяснить его можно ещё одной опiskeй другой паспортистки (поскольку почерки, которыми написаны эти даты, да и сами манеры написания — различны).

Хотя этот факт не имеет существенного значения, по всей вероятности, время постоянной регистрации бабушки Булата в Москве следует отсчитывать по раннему сроку. То есть с 22 августа, а не сентября. Ибо противоположная версия допускает, что она в течение почти трёх сентябрьских недель проживала в столице без всякой прописки! Такое положение дел в 1938 году представляется нам попросту фантастическим.

Видимо, после ареста Ашхен Степановны в графе «Фамилия, имя, отчество...» другими чернилами была сделана приписка о внуках Марии Вартановны.

В сведениях о Булате обратим внимание на имеющуюся здесь ссылку на страницу 123, к которой мы ещё вернёмся, но сразу отметим, что во всех остальных трёх записях о годе его рождения, в том числе на той же странице Домовой книги (запись № 8 об А. С. Налбандян), зафиксировано — 1924, правда, без указания месяца и дня рождения. Чему (какому документу) соответствует проставленная в записи № 9 дата рождения 9 ноября 1923-го, пока необъяснимо.

Наше предположение о взаимосвязи появления данных о внуках с арестом А. С. Налбандян (*Выбыла. НКВД. 2 марта 1939*) подтверждается сведениями об установлении опекунов Марии Налбандян над ними.

Как записано в Домовой книге, новый паспорт М. В. Налбандян получила в Москве 24 июня 1941 года взамен старого, выданного пять лет назад в Нижнем Тагиле, судя по дате, в один и тот же день, что и её дочь Ашхен Степановна. Номера их документов различаются лишь на одну цифру.

В последней графе на этой странице Домовой книги сообщается, что М. В. Налбандян выбыла в Тбилиси 1 сентября 1941 года.

Третья группа записей (б/н, с. 119) касается персонально Б. Ш. Окуджавы:

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, уроженец (республ., края, обл., села, деревни, города), семейное положение	Год и месяц рождения	Когда и откуда прибыл (республ., края, обл., села, дер., города), если внутри города, указ. улица и № дома	Для врем. прибывающих: а) цель приезда, б) на какой срок, в) на чьей жил-площади живёт и родств. отношения	Национальность Гражданство Подданство	Кем и когда и за каким № выдан паспорт или вр. удостоверение
[—]	Окуджав- Налбандян Булати Шалвович г. Тбилиси — Грузия	1924	по совершенно- летию	постоян.	грузин	6 о/м г. Москва 26/VII 40 II-ГСУ- 594608

Отношение к воинской повинности, кем и когда принят на учёт, по какой категории	Пользуется ли избирательным правом	Род занятий, должность и место работы, его адрес, если на издвении, то на чьём: фамилия, род занятий	№ квар-тиры	Отметка органа милиции о прописке, свёрке с прописным листком и поквартирным списком. Дата и подпись	Когда и куда выбыл (республ., край, обл., р-н, село, дер., город), временно или постоянно и отметка органа милиции о свёрке с убытным листком и поквартирным списком. Дата и подпись
доприз.		Учаш. шк. 69	20	29/VIII-40 [подпись]	г. Тбилиси 14/II 41 [подпись]

Как видим, здесь опять, как и в предыдущей записи, Булат значится под двойной фамилией *Окуджав-Налбандян* (причём вторая часть фамилии подчёркнута), именем *Булати Шалвович*

и 1924-м годом рождения. Полагаем, эта запись сделана после получения им по достижении совершеннолетия паспорта, выданного шестым московским отделением милиции 26 июля 1940 года. Наличие паспорта, как известно, подразумевало обязательность отметки в нём (и в Домовой книге) сведений о прописке. Таким образом, 29 августа 1940-го — дата первой прописки в Москве старшего сына А. С. Налбандян, ставшего совершеннолетним. Также обратим внимание на то, что Булат Шалвович представлен здесь, как и в следующей записи, уроженцем Тбилиси.

В графе «Род занятий...» указано: учащийся школы № 69. В связи с этим отметим, что запись в последней графе («Когда и куда выбыл...») фиксирует отъезд из Москвы в Тбилиси 14 февраля 1941 года, то есть совсем не в каникулярное время.

Четвёртая группа записей (№ 3, с. 123) — отмечает возвращение Окуджавы из Тбилиси в Москву 28 марта 1941 года и возобновление прописки в арбатской квартире:

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, уроженец (республ., края, обл., села, деревни, города), семейное положение	Год и месяц рождения	Когда и откуда прибыл (республ., края, обл., села, дер., города), если внутри города, указ. улица и № дома	Для врем. прибывающих: а) цель приезда, б) на какой срок, в) на чьей жил-площади живёт и родств. отношения	Национальность Гражданство Подданство	Кем и когда и за каким № выдан паспорт или вр. удостоверение
3	Окуджава-Налбандян Булати Шалвович г. Тбилиси	1924	31/III 36 [другими чернилами:] г. Тбилиси	Совершен. [другими чернилами:] постоянно	арм.	II-ГСУ-№594608 от 26/VII 40 г. 6 о/м г. Москва

Отношение к воинской повинности, кем и когда принят на учёт, по какой категории	Пользуется ли избирательным правом	Род занятий, должность и место работы, его адрес, если на иждивении, то на чьём: фамилия, род занятий	№ квартиры	Отметка органа милиции о прописке, сверке с прописным листком и поквартирным списком. Дата и подпись	Когда и куда выбыл (республ., край, обл., р-н, село, дер., город), временно или постоянно и отметка органа милиции о сверке с убытным листком и поквартирным списком. Дата и подпись
допризывник	да	Учащийся, На иждив. бабушки Налбандян М. В.	20	28/III-41 [подпись]	г. Тбилиси 1 сентября 1941 г. [подпись]

Здесь вновь повторена (другими чернилами) ошибочная дата первоначальной прописки (31/III 36), переписанная, судя по всему, из № 8. Видимо, отсюда же скопирована и запись о национальности, относившаяся там к А. С. Налбандян.

В графе «Когда и куда выбыл...» записано: *1 сентября 1941 г.* Такая же дата выбытия проставлена, как мы отмечали, в № 9 на с. 116, где говорится об отъезде из Москвы бабушки Марии.

Подчеркнём, что это очень значимая биографическая дата, поскольку, уехав тогда из Москвы, Б. Ш. Окуджава в арбатском доме 43 больше никогда не жил, хотя известны его попытки возвращения туда.

Например, однажды на вопрос корреспондента, пытался ли он вернуться в арбатскую квартиру, поэт ответил:

— Это была не квартира — две комнаты в коммуналке. Во время войны я был в отпуске по ранению, приехал в Москву, пришёл — там уже жили другие люди. Я пошёл выяснять, в чём дело, и мне дали понять, что я — сын врагов народа и лучше мне не высовываться. Мне было тогда девятнадцать лет, я был непрактичным человеком...

И на уточняющий вопрос «Ни разу там больше не были?» — добавил:

— Ну во двор заходил...¹³

И наконец, ещё три записи, относящиеся к Булату Окуджаве, как уже упоминалось, имеются в следующем списке Домовой книги (с. 256):

СПИСОК ЛИЦ,
проживающих в квартире № 20

№№ п/п	Фамилия, имя, отчество	На чьей площ. прописан, временно или постоянно	Дата въезда и выезда из квартиры	
			Приб.	Выб.
1	Любимов Ф. Л.		10/9-28	
2	Любимова И. М.		10/9-28	
3	Забелина А. А.		1933	умерла 18/IX 38
4	Нефедова М. В.		21/X-36	

¹³ Окуджава Б. «Чем громче музыка атак, тем слаше мёд огней домашних» / Беседу вела О. Соломонова // Труд-7. 1995. 13–19 окт. С. 4.

5	Ягминович Б. Б.		1933	
6	Шеин А. С.		24/VII-29	
7	Налбодьян А. С.	НКВД	31/III-37	2/III-39
8	Налбодьян М. В.		1/XII-37	
9	Акуджава Б. Л.		1924	14/II 41г. получ. нов. пасп. см. №16
10	Акуджава В. Л.		1934	
11	Кондратова А. А.		21/III 38	16/X-39
12	Налбандов Б. С.	временно	11/X-39	29/X-39
13	Матюшкина	времен.	15/XI 39	20 /X-40
14	Налбандян С. С.	времен.		26/VII 40
15	Налбандян Л. Л.	времен.		26/VII 40
16	Окуджав- Налбанд.	Пост.		26/VII 40 [стёрто]
17	Вертушкина К. Р.	постоянно	11/XII 40 г.	
18	Такуева Н. К.	врем. Налб	4/I 41 г.	30/ I 41 г.
19	Окуджав- Налбандян Б. Ш.	постоянно.	28/III 41 г.	
20	Жилин			

Как видим, фамилия Окуджавы встречается здесь под номерами 9, 16 и 19, отмечая приезды и отъезды из Москвы. Опять, как и на с. 116, его фамилия, а также фамилия его младшего брата и инициал, относящийся к их отчеству, написаны с ошибками (соответственно, *Акуджава Б. Л.* и *Акуджава В. Л.*).

Под номером 9, после искажённых фамилии и отчества, в столбце «Прибытие» указано: 1924, что можно трактовать как проживание в квартире с года рождения, а в столбце «Выбытие» — 14/II 41, то есть повторена дата временного отъезда в Тбилиси, стоящая в другом месте. В том же столбце ниже кратко написано: *получ. нов. пасп. см. № 16.*

Под номером 16, в первой графе записано (без инициалов): *Окуджав-Налбанд.*, а в графе «На чьей площ. прописан, временно или постоянно» зафиксировано: *Пост.*, то есть прописан постоянно. Дата получения паспорта отсутствует, несмотря на ссылку в номере 9, вернее она сначала была внесена, а затем почему-то стёрта, однако контуры даты различимы.

СПИСОК

лиц, проживающих в квартире № 12

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	На чьей жил- площ. пропис- ан, временно или постоянно	Дата въезда и вы- езда из квартиры		№№ п/п	Фамилия, имя и отчество
			Приб.	Выб.		
1	Крупнов И.П.		5/11-35			
2	Крупнова Н.В.		5/11-35			
3	Крупнов В.И.		1935			
4	Тедасевич Н.					
5	Крупнов И.П.					
6	Крупнов И.В.					
7	Крупнов И.И.					
8	Тедасевич Н.					
9	Тедасевич Н.					
10	Тедасевич Н.					
11	Тедасевич Н.					
12	Тедасевич Н.					
13	Тедасевич Н.					
14	Тедасевич Н.					
15	Тедасевич Н.					
16	Тедасевич Н.					
17	Тедасевич Н.					
18	Тедасевич Н.					
19	Тедасевич Н.					
20	Тедасевич Н.					
21	Тедасевич Н.					
22	Тедасевич Н.					
23	Тедасевич Н.					
24	Тедасевич Н.					
25	Тедасевич Н.					
26	Тедасевич Н.					
27	Тедасевич Н.					
28	Тедасевич Н.					
29	Тедасевич Н.					
30	Тедасевич Н.					
31	Тедасевич Н.					
32	Тедасевич Н.					
33	Тедасевич Н.					
34	Тедасевич Н.					
35	Тедасевич Н.					
36	Тедасевич Н.					
37	Тедасевич Н.					
38	Тедасевич Н.					
39	Тедасевич Н.					
40	Тедасевич Н.					
41	Тедасевич Н.					
42	Тедасевич Н.					
43	Тедасевич Н.					
44	Тедасевич Н.					
45	Тедасевич Н.					
46	Тедасевич Н.					
47	Тедасевич Н.					
48	Тедасевич Н.					
49	Тедасевич Н.					
50	Тедасевич Н.					
51	Тедасевич Н.					
52	Тедасевич Н.					
53	Тедасевич Н.					
54	Тедасевич Н.					
55	Тедасевич Н.					
56	Тедасевич Н.					
57	Тедасевич Н.					
58	Тедасевич Н.					
59	Тедасевич Н.					
60	Тедасевич Н.					
61	Тедасевич Н.					
62	Тедасевич Н.					
63	Тедасевич Н.					
64	Тедасевич Н.					
65	Тедасевич Н.					
66	Тедасевич Н.					
67	Тедасевич Н.					
68	Тедасевич Н.					
69	Тедасевич Н.					
70	Тедасевич Н.					
71	Тедасевич Н.					
72	Тедасевич Н.					
73	Тедасевич Н.					
74	Тедасевич Н.					
75	Тедасевич Н.					
76	Тедасевич Н.					
77	Тедасевич Н.					
78	Тедасевич Н.					
79	Тедасевич Н.					
80	Тедасевич Н.					
81	Тедасевич Н.					
82	Тедасевич Н.					
83	Тедасевич Н.					
84	Тедасевич Н.					
85	Тедасевич Н.					
86	Тедасевич Н.					
87	Тедасевич Н.					
88	Тедасевич Н.					
89	Тедасевич Н.					
90	Тедасевич Н.					
91	Тедасевич Н.					
92	Тедасевич Н.					
93	Тедасевич Н.					
94	Тедасевич Н.					
95	Тедасевич Н.					
96	Тедасевич Н.					
97	Тедасевич Н.					
98	Тедасевич Н.					
99	Тедасевич Н.					
100	Тедасевич Н.					

СПИСОК

лиц, проживающих в квартире № 20

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	На чьей жил- площ. пропис- ан, временно или постоянно	Дата въезда и вы- езда из квартиры		№№ п/п	Фамилия, имя и отчество
			Приб.	Выб.		
1	Млобичев С.Р.		10/9-28			
2	Млобичев С.И.		10/9-28			
3	Забелина А.А.		1933			
4	Керсенов С.В.		2/1-36			
5	Деминская В.В.		1933			
6	Шенн А.С.		24/11-28			
7	Наибольский А.С.	И.К.В.Ф.	3/11-37	2/11-39		
8	Наибольский В.		1/11-37			
9	Ладженев В.В.		1924			
10	Ладженев В.В.		1924			
11	Кизяченко А.А.		2/11-38	16/5-39		
12	Наибольский Б.С.	временно	11/5-39	23/1-39		
13	Метелин В.И.		15/11-39	20/5-40		
14	Наибольский А.С.	врем.		26/11-40		
15	Наибольский А.С.	врем.		26/11-40		
16	Наибольский А.С.	врем.		26/11-40		
17	Ведущий В.В.	постоянно	11/11-40			
18	Ладженев Н.В.	врем. Наб.	4/11-40	30/1-41		
19	Окуров Н.А.					
20	Байдаев Б.И.	исходя	28/1-41			
21	Шенн					

Отметим здесь одно совпадение дат. В том же «Списке...» под номерами 14 и 15 вписаны фамилии приезжавших из Тбилиси в июле 1940 года старшей сестры Ашхен Налбандян — Сильвии Степановны и её дочери Луизы Леоновны. В Домовой книге на с. 118, содержащей сведения об их прописке в той же квартире 20, точной даты приезда нет, лишь записано разрешение на временное пребывание до 3 августа 1940-го. Но в графе об отъезде из Москвы на этой странице и на странице «Списка...» значится: 26 июля 1940 года. Эта дата полностью совпадает с датой получения паспорта Б. Ш. Окуджавой, имеющейся на приведённых выше страницах 116 и 119 и стёртой в № 16 «Списка...». Случайно ли это совпадение или нет, пока не понятно.

Обобщим документальные сведения из Домовой книги, приведя их в хронологическом порядке:

31 марта 1937 г. — возвращение Б. Ш. Окуджавы вместе с мамой и младшим братом в московскую арбатскую квартиру, изменившую после реконструкции дома 43 номер 12 на номер 20.

1 декабря 1937 г. — приезд в Москву и вселение в квартиру 20 бабушки Булата — М. В. Налбандян.

2 марта 1939 г. — А. С. Налбандян арестована и выписана из квартиры.

20 декабря 1939 г. — установлено опекунов М. В. Налбандян над внуками.

26 июля 1940 г. — по достижении совершеннолетия Б. Ш. Окуджаве выдан паспорт шестым отделением милиции г. Москвы.

29 августа 1940 г. — в Домовой книге сделана первая отметка о прописке Б. Ш. Окуджавы в квартире 20 в связи с полученным паспортом.

14 февраля 1941 г. — Булат Окуджава выписан из квартиры в связи с отъездом в Тбилиси.

28 марта 1941 г. — возвращение Булата в Москву и новая прописка в той же квартире.

1 сентября 1941 г. — отъезд Б. Окуджавы и М. В. Налбандян из Москвы в Тбилиси.

Поскольку Постановление ВЦИК и СНК от 27.12.32 устанавливало, что «Прописка лиц в местностях, где введена паспортная система, безусловно обязательна. Граждане, меняющие место своего жительства в пределах населенных мест, где введена паспортная система, или вновь прибывающие в эти населённые места, обязаны предъявлять свои паспорта через домоуправления для прописки в органах милиции не позднее 24 часов по прибытии на новое местожительство», то даты приезда и вы-

езда соответствуют бывшим в действительности, либо отличаются от них не более чем на один день. Кроме того, полагаем, что дата ареста жильца соответствует дате выбытия его из квартиры и является точной, поскольку ясно, что если запись о ней делалась пусть и не в тот же день, но определённо на основании какого-то документа.

Арбатский двор.

Соседи и другие персонажи романа

Двор дома 43 долгое время представлял собой замкнутое прямоугольное пространство, вход в которое с улицы Арбат был возможен через единственную арку. В доме было (и есть сейчас) два подъезда. Квартира 20 находилась в подъезде № 2 на четвёртом этаже. Для входа в дом со двора имелся подъезд «под названием чёрный ход». Такой же вход со двора (чёрный ход) имел и подъезд № 1. Со стороны двора к дому примыкали два двухэтажных флигеля, а замыкало дворовый прямоугольник ещё одно двухэтажное строение. В середине 1985 года оба флигеля и двухэтажное строение были снесены. Позже, на месте одного из флигелей, располагавшегося рядом с чёрным ходом подъезда № 2, было вновь построено двухэтажное здание (ныне это д. 43, стр. 2), а на месте строения, стоявшего напротив входной арки с улицы, разрушив контуры сразу двух арбатских дворов, возведён новый многоэтажный дом (д. 43, стр. 3—4). Один его фасад обращён в сторону дома 43, а лицевой фасад выходит в бывший двор дома 12 по Кривоарбатскому переулку, параллельному Арбату. Этот новый дом, сузивший и так не очень большое внутреннее пространство двора дома 43, и отсутствие второго флигеля окончательно изменили тот, по словам поэта, *двор с человеческой душой*, превратив его в нагромождение каменных строений разных стилей.

В романе «Упразднённый театр» есть несколько эпизодов, связанных с арбатским двором и соседями семьи Окуджава по дому 43, в частности, с семьёй Сочилиных, жившей в полуподвале одного из флигелей.

Но почему-то нестерпимо влечёт во двор, где часть души, где Нинка в ветхом замызганном платьишке, наверное, скачет через верёвочку, а Витька-кулак — её младший брат, презираемый всеми, ходит от одного к другому и канючит: «Дай хлебушка, ну дай... дай семечек... дай курнуть... у, сука!..» <...> Его презирают, но он свой, свой, и это он в весеннюю распутицу, когда весь двор превра-

Левый угол
двора
со стороны
арки накануне
сноса
флигелей

щается в ледяное болото, а все жмутся на небольшом пятачке, чтобы не промочить валенки, — и когда в пылу игры чья-то шапка или варежка улетает на середину этого болота и набухает там и гибнет на глазах, это он под ликующие крики, поджав бледные злые губы, упрямый и склочный, входит в воду, благодетель, вымокает насквозь и спасает. «Ты что ж это творишь, негодник!» — кричат няньки с лавочки, и тётя Вера опять выскакивает из подвала и бьёт теперь уже его — по шее, по затылку и уводит со двора/183/.

Это случилось уже на исходе зимы. Нинка в своей кацавейке трудилась, скатывая снежный ком, иногда подсовывая Ванванчу чёрную горбушку. В сочилинском окне, за стеклом, подавал унылые сигналы Витька-кулак. «Иди гулять!» — крикнул Ванванч. Витька замотал головой, замахал руками. «А у него пальта нет», — сказала Нинка. «А вчера? — спросил Ванванч. — Как же он гулял вчера?» — «А я-то дома сидела, — сказала Нинка, — а он в моём пальте ходил...» Действительно, Ванванч вспомнил, что на Витьке была эта же кацавейка. <...>

Ванванчу стало Витьку жалко. Неведомая сила повлекла его по умирающим сугробам в сочилинский полуподвал. <...> Он ворвался в духоту и кислую вонь, и в жёлтом слабом свете лицо его казалось жёлтым. Тётя Вера гладила. Витька сидел на подоконнике. <...> Тут он скинул своё пальто, недавно купленное ему, подбитое простёганной ватой, на блестящей коричневой сатиновой подкладке, с коричневым же воротником из крашеного кролика, тёплое пальто, пахнущее магазином, он скинул его и выкрикнул в пространство: «Вот, пусть Витька носит!..» — и посмотрел на тётю Веру, как она стоит, разинув рот, и откидывает волосы

Правый
флигель.
Фотографии
А. Ёлкина

с потного лба, как она поражена случившимся. <...> «Да это ж нельзя... — пробормотала тётя Вера с укоризной, — как же ты это... чего это?..» — «Это моё пальто, — заявил Ванванч решительно, — пусть Витька носит. У меня другое есть... Мне другое купят...» Витька уже натянул подарок. Белыми жадными острыми пальчиками застёгивал. «Ух, дома тебе дадут!..» — сказала Нинка. <...>

Он не помнил, как добежал до своего подъезда и, задыхаясь, взлетел на четвёртый этаж, с тайной надеждой, что вот распахнутся двери нижних квартир и громкий хор восхищения выплеснется ему вслед.

Бабуся ничего не могла понять. Она делала большие глаза и причитала, но он был строг и неумолим, и даже топнул ножкой, обутый в валенок с галошей. «Балик-джан, — бормотала бабуся, — цават танем, что ты сделал! Мама будет сердиться, кянкит ма-тах!» — «Нет! — крикнул он, очарованный недавним праздником. — Это моё пальто!.. Моё!..» В этот момент раздался звонок в дверь, и на пороге выросла тётя Вера с безумными глазами. В руках она держала его пальто, но он уже был неудержим, он рассказывал то Ирине Семёновне, то Насте о том, что он совершил вот только что, сейчас, и как Витька был счастлив, и при этом глаза Ванванча сверкали, и всё тело била мелкая дрожь. Бабуся тем временем вытащила из стенного шкафа его старое повитершееся пальтишко и вручила его тёте Вере. «Вот, вот, возьми, пожалуйста... это будет хорошо... пусть носит...» — «Ну, спасибочки, кланялась тётя Вера, — вот уж Витька сподобился, дурень-то мой, ну надо же, Господи!..» /184–187/

Окуджава
смотрит
на окна
бывшей своей
квартиры.
Фото
А. Ёлкина,
1985

О семье Сочилиных повествуется также и в большом фрагменте романа (с. 124—127), а упоминания Нины Сочилиной и её брата Виктора встречаются ещё чаще¹⁴. Кроме этого, Нина Сочилина, вместе с другим персонажем лирики Окуджавы — Лёнькой Гавриловым (Королёвым), присутствует и в стихотворении «В арбатском подъезде мне видятся дивные сцены...», впервые опубликованном в последний год жизни поэта.

Мы обнаружили, что семья Сочилиных не вымышлена, а действительно жила в доме 43, в квартире 35. Отец семейства Пётр Павлович Сочилин и на самом деле был слесарем. Профессия его жены Веры Семёновны Сочилиной в Домовой книге не указана, но сообщается, что она работала в кафе «Восток», находящемся в том же доме 43. Есть записи об их детях и годах их рождения: Мария (1922), Нина (1924), Виктор (1928), Ирина (1938).

В отличие от Сочилиных, описание в «Упразднённом театре» соседки по квартире 20 Ирины Семёновны и её, как написано в романе, *великовозрастного сына Фёдора*, явно не совпадает с записями в Домовой книге о жильцах со схожими именами и фамилией Любимовы.

Реальная квартирная соседка Ирина Марковна Любимова вместе с сыном приехала в Москву в 1928 году не из Ярославской (в романе упомянута её *угличская философия*), а из Тверской области. В «Упразднённом театре» сообщается, что *сын Ирины Семёновны, Федька, учился в фабзавуче, хотел быть токарем /42/*.

¹⁴ См.: Указ. изд. С. 164, 165, 169—171, 173, 174, 219, 222, 292, 295, 296.

В отличие от этого персонажа, Фёдор Лаврентьевич Любимов числится в Домовой книге студентом института театрального искусства. Судя по датам рождения, Ф. Л. Любимову в 1928 году было уже 22 года, а его маме, жившей на иждивении сына (как записано в графе «Род занятий...») — 63.

Ряд страниц «Упразднённого театра» посвящён ещё одним соседям по московской квартире, чьей собственностью она когда-то и была, — семье Каминских:

Эта пятикомнатная коммунальная арбатская квартира когда-то целиком принадлежала Яну Каминскому — владельцу небольшой фабрики по выделке кожи. Владение было обобществлено. Бывший владелец служил там же в качестве экономиста. В собственной квартире ему оставили одну комнату, в которой и устроились покорно и с благодарностью все трое Каминских: сам Ян Адамович, Юзя Юльевна и Жоржетта /22–23/.

В одном из эпизодов романа говорится, что эта семья навсегда уехала из Москвы в Париж /см. с. 136/. Дата отъезда нам неизвестна, но, исходя из сюжета романа, это произошло до лета 1931 года — до поездки Ванванча с тётей Сильвией и её дочерью Луизой в Евпаторию. Ванванч узнаёт об этом из письма мамы, находившейся в то время в Москве.

Вспоминая свою арбатскую квартиру, Булат Шалвович рассказывал:

...Раньше это была квартира фабриканта Каневского, нэпмана. После нэпа он был директором своей же фабрички. А потом уехал во Францию с семьёй¹⁵.

В Домовой книге записей, относящихся к семье Каневских (Каминских), учитывая сроки начала её ведения, быть не могло. Но как удалось установить, этот персонаж романа, бывший владельцем квартиры, тоже не вымышленный. Несмотря на то, что Окуджава в интервью называет его *Каневским* (возможно, это ошибка расшифровщика фонограммы), фамилия бывшего собственника квартиры 12 была всё-таки *К а м и н с к и й*, то есть в романе изменено лишь его имя и отчество. Такое заключение мы сделали, обнаружив среди «Адресов лиц, упомянутых в справочнике» «Вся Москва на 1927 год» следующие сведения:

¹⁵ Окуджава Б. Война Булата / Беседовал Ю. Рост // Новая газ. 2005. 5–11 мая. С. 12.

Каминский Марк Савельевич, влад. торг., Арбат 43, кв. 12.
тел. 2-14-76¹⁶.

К сожалению, найти в справочнике, владельцем какой торговли был Марк Савельевич, нам не удалось, но приведённый адрес полностью подтверждает реальность его соседства в одной квартире с семьёй Окуджавы.

С особой теплотой в романе описана домработница Каминских Настя:

...Настя была совсем старуха. Когда её высоченный, худой, прихрамывающий силуэт возникал в коммунальной кухне, газовая плита начинала гореть холодным строгим пламенем и на лицах присутствующих появлялись черты праведности. В эту квартиру фабриканта Каминского на Арбате она пришла совсем девочкой, но вскоре стала изощрённой кухаркой и своим человеком. То ли семья была либеральная, то ли природные достоинства Насти выходили — не знаю.

Жила она в маленькой комнатухе за кухней. Была у неё железная кровать, столик, полка на стене с вареньями и мёдом в баночках и икона с лампадкой в углу. Была она строга, немногословна, но Ванванч разгадал однажды за тонкими, сжатыми, бледными губами источник доброты, предназначенный, как ему показалось, только для него одного. Он это знал, обмениваясь с ней изредка тайными многозначительными сигналами /18—19/.

В романе неоднократно упоминается о том, что Настя больна, а в последней главе «Упразднённого театра» читаем о ней такие строки:

Сразу по приезде в Москву узнали, что умерла Настя. Она умерла тихо, похоронили её также тихо и незаметно. И остались после неё сущие пустяки: иконка, несколько баночек с домашним вареньем да заграничная фотография незнакомой красивой барышни с приписочкой на оборотной стороне: «Милая няня! Пошлю привет из PARIS. Мне карашо PARIS с мой папа и мама. Я учусь эколь и не хочу приезжать опять Москва. Зачем? Смешно. Обнимаю тебя, милая няня. Твоя всегда Жоржетт» /291/.

Фамилия Насти в романе не названа. Основываясь на данных Домовой книги, мы полагаем, что в действительности это была Анастасия Александровна Забелина:

¹⁶ Вся Москва на 1927 год. М.: Изд-во Моск. Коммун. хозяйства. С. 374.

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, уроженец (республ., края, обл., села, деревни, города), семейное положение	Год и месяц рождения	Когда и откуда прибыл (республ., края, обл., села, дер., города), если внутри города, указ. улица и № дома	Для врем. прибывающих: а) цель приезда, б) на какой срок, в) на чьей жилплощади живёт и родств. отношения	Национальность Гражданство Подданство	Кем и когда и за каким № выдан паспорт или вр. удостоверение
1	Забелина Анастасия Александровна урож. Смоленской обл. д. Чусово	1864	С родины в 1921 г.	Пост.	русс.	МС № 678047 6 о/м г. Москва 20.02.1936

Отношение к воинской повинности, кем и когда принят на учёт, по какой категории	Пользуется ли избирательным правом	Род занятий, должность и место работы, его адрес, если на иждивении, то на чьём: фамилия, род занятий	№ квартиры	Отметка органа милиции о прописке, сверке с прописным листком и поквартирным списком. Дата и подпись	Когда и куда выбыл (республ., край, обл., р-н, село, дер., город), временно или постоянно и отметка органа милиции о сверке с убытным листком и поквартирным списком. Дата и подпись
		Пенсионерка	20	нет данных	Умерла 18.09.1938 г.

Приводится её фамилия и в списке жильцов квартиры 20, где она значится под номером 3. Отметим, что в отличие от романа, кончина А. А. Забелиной произошла не вскоре после возвращения семьи Окуджавы из Нижнего Тагила, а спустя полтора года.

Непрояснённые вопросы

Двойная фамилия *Окуджава-Налбандян* и имя *Булати*, дата рождения *9 ноября 1923-го*. Достоверно убедиться в соответствии или противоречии этих записей действительности можно лишь с помощью «Свидетельства о рождении» или первого паспорта Б. Ш. Окуджавы, оригиналы или архивные копии которых нам не доступны.

С какой целью в 1941 году на полтора месяца (с 14 февраля по 28 марта) Булат Шалвович ездил в Тбилиси? Действительно

ли его окончательный отъезд из Москвы в Тбилиси состоялся 1 сентября 1941 года?

Для прояснения дат, связанных с пребыванием Окуджавы в Москве, в Нижнем Тагиле и Тбилиси в предвоенное время, стоит уточнить годы его школьной учёбы. Вот какая хронология обучения в различных школах складывается на сегодня на основании ряда воспоминаний — самого поэта, его одноклассников и друзей:

1931/1932 учебный год — первый класс школы № 101 города Тбилиси.

Вот как об этом вспоминает Булат в своём интервью:

А потом пришло время учиться, и меня отправили в Тбилиси, где я поступил в первый класс. Не в самом начале года, а в середине года как-то. У мамы была сестра в Тбилиси, это моя вторая мать, которая, по существу, со мной всегда возилась. Я её даже до четырёх лет называл мамой. И учился там в первом классе час-тично. Это был такой странный первый класс, где были экзамены по-русски. На экзамене каждому давали табличку, на табличке был нарисован лабиринт. В центре лабиринта — колбаса, а снаружи — мышка, нужно было найти кратчайший путь до колбасы. О Пушкине мы не слышали ничего. Пушкин не существовал. Лермонтов не существовал. Толстой не существовал. Все они были помещиками¹⁷.

Об учёбе и экзамене в первом классе (в несколько изменённом виде) рассказано и в романе «Упразднённый театр» /см.: 154—155/.

1932/1933 — второй класс. Школа в Москве.

В «Упразднённом театре» есть косвенное подтверждение, что это была московская школа:

Ванванч учился уже во втором классе. Жоржетта [Каминская — В. Ю.] — в третьем /41/.

Но какой номер она имела и где находилась? Скорее всего, это была 7-я опытная школа имени проф. Коваленского, которая находилась в доме 15 по Кривоарбатскому переулку, то есть рядом с арбатским домом 43. Позже она получила номер 107. В нашем разговоре в январе 2004 года именно 107-ю назвал

¹⁷ Окуджава Б. Война Булата.

одноклассник Окуджавы по 69-й П. П. Соболев¹⁸, когда вспоминал, откуда Булат Шалвович перешёл учиться в эту школу-новостройку.

1933/1934 — третий класс в 7-й школе в Москве. Переезд из Москвы в Нижний Тагил в августе 1934 года.

И вот Ванванч уезжает на Урал! Урал — какое странное и торжественное слово. Ванванч торопится, суетится. Конец лета. Ему уже стукнуло десять. Позади третий класс /180/.

О переезде на поезде вместе с родителями и бабушкой, вселении в новую квартиру на Вагонке — районе Нижнего Тагила, расположенном за городом, в строительном городке Уральского вагоностроительного завода, подробно рассказано в «Упразднённом театре» /см.: 187–203/.

1934/1935 — четвёртый класс Окуджавы начинает в школе на Вагонке. Номер её тоже окончательно не установлен, хотя в одной из публикаций она значится как 9-я¹⁹. О начале учёбы в четвёртом классе и приближении окончания этого учебного года есть упоминания в «Упразднённом театре» /см.: 205, 206, 238/. Приехав в 1994 году в Нижний Тагил, Булат Шалвович вспоминал:

...Город сильно изменился за шестьдесят лет. Трудно его узнать. Так вдруг случайно вспыхивает в памяти что-то знакомое, любимые тагильские места: бывшая улица 8 Марта, где мы жили, школа № 5 — там я сначала учился (теперь это музучилище), школа № 32, куда я перевёлся, когда её достроили...²⁰

Вряд ли может служить опровержением утверждения об учёбе Окуджавы в школе № 5 следующее воспоминание:

...Вот это и была наша школа № 5. В ней я начинал учиться, в ней учились мои сёстры. Но Булат там с нами не учился. Во всяком случае, я его там не помню...²¹

Всё-таки полагаем, что четвёртый класс Булат заканчивает в школе № 5, находившейся уже непосредственно в городе.

¹⁸ Фрагмент этой беседы см.: Соболев П. П. Мы встретились первого сентября 1937 года / Записал В. Юровский // Первое сент. 2004. 6 мая.

¹⁹ См.: Якимова Л. Свидетельствую // Голос надежды. Вып 4. М., 2007. С. 186.

²⁰ Окуджавы Б. «Мне крайне интересно жить» / [Беседовала] И. Татаринова // Тагил. рабочий. 1994. 6 авг.

²¹ См.: Меринов М. Памяти новогодней ёлки 1936 года // Голос надежды. Вып 4. С. 175.

1935/1936 — пятый класс в только что отстроенной школе № 32 города Нижний Тагил, куда переведены все ученики 5-й. По признанию поэта, он был оставлен на второй год в пятом классе. В романе об этом впрямую не говорится, но отмечено, что *математика ему не давалась*, и упомянуты многочисленные «неуды» Ванванча по этому предмету /см.: 274–275/.

Об этом же Окуджава говорил во время одного из своих выступлений:

Когда я учился в пятом классе, я почему-то решил писать большой роман о китайском добровольце. Учился я очень плохо, потому что каждый день, приходя из школы, садился и с тупостью графомана начинать писать очередную главу. Так я писал год и остался на второй год (смех в зале).

Почему о китайском добровольце, до сих пор не понимаю. Но, видимо, то, что я остался на второй год, на меня подействовало очень сильно, и я перестал писать о нём, не закончив романа²².

1936/1937 — повторная учёба в пятом классе. Первое полугодие и начало второго в школе Нижнего Тагила. Предполагаем, что после ареста в феврале 1937 года отца и переезда вместе с мамой в Москву пятый класс Окуджава заканчивает в 7-й московской школе. Выше мы отмечали изменение номера этой школы. Возможно, оно состоялось в сентябре 1937 года. К этой дате, по утверждению П. П. Соболева, в Москве открыли сто новых школ, которые в случае войны можно было бы использовать для размещения госпиталей. Определённо можем сказать, что в начале учебного года школа имела ещё прежний номер — 7. Это подтверждают данные справочника «Вся Москва на 1936 год»²³, в котором школа в Кривоарбатском переулке числится именно под этим номером.

1937/1938 — шестой класс в 69-й московской школе, открывшейся 1 сентября 1937 года. Как рассказала во время нашей беседы в январе 2004-го одноклассница Окуджавы Н. А. Баташова (Васильева), школа была четырёхэтажной, со стенами из красного кирпича. В классе было около сорока человек.

1938/1939 — седьмой класс в той же школе.

²² Окуджава Б. Любить — главное свойство человека: [Из фонограммы выступления в Челябин. театре кукол 20 сент. 1986 г. / Подгот. Ю. М. Трахтенберг] // Лукина М. Звонящий горизонт: Очерки и эссе о бардах. Челябинск: [Гос. акад. культуры и искусств], 2008. С. 217.

²³ Вся Москва на 1936 год. С. 391.

Фото 7 «б» класса, 1939. Архив Н. А. Баташовой (Васильевой).
 Первый (нижний) ряд слева направо: В. Дрынкина, неизвестная,
 Е. Скобеева, неизвестная, З. Алексеева.
 Второй ряд: неизвестная, Н. Головицкая, учительница М. В. Орлова,
 И. Баевская, Журавлёва, В. Петрова, Л. Давидовская, Л. Антонова.
 Третий ряд: А. Павлов, неизвестная, Князева, З. Антонова,
 Н. Васильева, В. Дарская, Борисова, И. Подземская, Г. Галкина,
 Н. Карамзина, Е. Иудина.
 Четвёртый ряд: Л. Супрун, Р. Ченцов, Ю. Махнов, неизвестный,
 В. Жигуло, Н. Петраков, Б. Фёдоров, Ю. Коробков, Б. Окуджава

В архиве Натальи Александровны Баташовой сохранилась фотография учеников 7 «Б» класса, сделанная, по её словам, в 1939 году. Вместе с тридцатью двумя учениками на нём запечатлена и Мария Васильевна Орлова — учитель математики и их классный руководитель. На этом снимке Булату Окуджаве пятнадцать лет. Видимо, фотографировались в день, когда занятия уже закончились. Мы так полагаем потому, что не у всех (в том числе у Б. Окуджавы и четверых стоящих рядом с ним в верхнем ряду ребят) на шее повязаны пионерские галстуки²⁴. По словам П. П. Соболева, рядом с Окуджавой стоит Юрий Коробков, убитый на фронте во время Отечественной войны. На фотографии он обнимает за плечи Окуджаву и Бориса Фёдо-

²⁴ Известно, что для пионеров во время учебных занятий ношение галстуков было обязательным и тогда, и много лет спустя.

рова, которому через многие годы будет посвящена «Песенка о Лёнке Королёве»²⁵. Павел Павлович рассказывал, что узнав об этом, он очень сожалел, что песня посвящена не погибшему, а вернувшемуся с войны однокласснику, о чём как-то говорил и Булату Шалвовичу, с которым поддерживал отношения до конца его жизни. Соболев также вспоминал, что закончив семилетку, шесть мальчиков из их класса, включая его самого, ушли учиться в Первую московскую специальную артиллеристскую школу, но продолжали дружить, поскольку все жили рядом.

Первая коллективная встреча бывших учеников 7 «Б» 69-й школы, состоявшаяся спустя сорок пять лет после этой памятной фотографии, была организована Ингой Абрамовной Подземской — одноклассницей Булата — и прошла 18 марта 1984 года в её квартире. Как вспомнила Н. А. Баташова, первый тост, который был поднят на этой встрече, произнёс Булат Шалвович, предложивший почтить память погибших одноклассников.

1939/1940 учебный год — Окуджава учится в восьмом классе школы № 69 города Москвы.

Об этом периоде своей жизни Булат Шалвович рассказывал в уже цитировавшемся интервью Ю. Росту:

...Я остался с бабушкой. В это время уже был брат. Он родился в 34-м году. Ему в 37-м году было три года. Мы очень боялись, что нас возьмут в какой-то спецдом, но нас не взяли. Жили мы впроголодь. Страшно совершенно. Я продолжал учиться в школе в <Дурновском>²⁶, на Арбате, которую сейчас снесли (69 школа). Учился плохо. Курить начал, пить, девки появились. Московский двор, матери нет, одна бабушка в отчаянии. <...> Кончилось тем, что бросил школу и пошёл на завод точной механики. Он назывался очень звучно. Это была мастерская по ремонту пишущих машинок...

²⁵ История посвящения Б. Фёдорову «Песенки о Лёнке Королёве» нам не известна. Отметим лишь, что впервые с посвящением эта песня была опубликована в книге «Стихотворения», вышедшей в 1984 году. В набор этот сборник был сдан в июне 1983 года, а в печать подписан в начале апреля следующего, и возможно, появление посвящения произошло после встречи одноклассников в марте 1984-го.

²⁶ В публикацию, по всей вероятности, вкралась слуховая ошибка расшифровщика: там переулочек назван Юрловским. Переулок с таким названием когда-то в Москве был, но находился очень далеко от Арбата, за Таганской площадью, в районе Абельмановской улицы, и к адресу школы № 69 никакого отношения иметь не мог.

Об этом же его слова в другом — более раннем — интервью, пересказанные М. Ноделем:

Учился Булат в 69-й школе, в Дурновском переулке. Школы этой теперь не существует, и переулочек уже не узнаешь. Мальчика очень тяготили дворовые заботы, поэтому он остался на второй год в пятом классе. Тогда с помощью дяди его устроили на работу в мастерскую по ремонту пишущих машинок²⁷...

В этом тексте есть явные временные несоответствия, поскольку на второй год в пятом классе Окуджава был оставлен не в Москве, а в Нижнем Тагиле — в 1936 году, когда школы № 69 в Москве ещё не существовало. Да и единственный дядя, который в Москве мог устроить его на работу, — это, судя по всему — Алексей Костин, муж тётки Мани (Марии Степановны), сестры отца. В «Упразднённом театре» есть краткое упоминание места работы дяди Алексея и тётки Мани, относящееся к ранним школьным годам Ванванча:

И Манечка с Алёшей Костиным самозабвенно трудились в радиомастерской /175/.

Сопоставляя эти воспоминания с данными Домовой книги, можно предположить, что Булат перестал учиться в 69-й школе весной 1940 года, не закончив восьмого класса. Возможно, тогда его и устроили работать в ремонтную мастерскую. Но это лишь предположение, и точно этого мы не знаем. В Домовой книге нет записей о его работе, так как паспорт он получил только в конце июля 1940 года.

Впрочем, возможен и другой ход событий. Окуджава всё-таки окончил восемь классов в 69-й школе, а затем, после летних каникул, пошёл работать уже имея паспорт. Неизвестно, сколько он проработал в этой мастерской, но зафиксированный в Домовой книге его отъезд в феврале 1941 года из Москвы в Тбилиси на полтора месяца, видимо, произошёл после того, как он перестал работать в мастерской.

Также не известно, чем он был занят с конца марта 1941 года до следующего отъезда из Москвы. Несмотря на запись в Домовой книге, что это состоялось 1 сентября 1941-го, полагаем, что отъезд случился раньше на несколько месяцев, то есть ещё до 22 июня, до дня начала Отечественной войны с Германией.

²⁷ Окуджава Б. «И я причастен к гибели Арбата...» / [Записал] М. Нодель // ЛГ-Досье. 1993. [Июнь] (№ 6). С. 4.

Подтверждение этому — упоминания в интервью и автобиографическом рассказе «Утро красит нежным светом...» событий, произошедших в тот памятный день в семье его тёти Сильвии Степановны в Тбилиси.

1941/1942 учебный год — начало учёбы в девятом классе в тбилисской школе № 101:

...Потом, в конце 40-го года тётка решила меня отсюда [из Москвы. — В. Ю.] взять. Потому что я совсем отбился от рук, учиться не хотел, работать не хотел. Я приехал в Тбилиси перед самой войной. Стал учиться — неважно сначала, а потом всё лучше и лучше. <...>

Потом пришла война, но мне ещё было рано уходить. <...> Я учился в 101-й школе. Это знаменитая школа у базара. Школа шпаны и хороших учеников. Все были страшная шпана и хорошие ученики.

Потом я ушёл из школы. Работал на заводе учеником токаря. Занимался ровировкой стволов огнемёта...²⁸.

Вот что вспоминает об этом времени З. А. Казбек-Казиев:

Я познакомился с Булатом в 1941 году, когда наша семья эвакуировалась из Москвы в Тбилиси, на родину отца. Там жила моя бабушка, и мы могли как-то расположиться. Учиться я пошёл в 101-ю школу, в которой тогда уже учился Булат. Он приехал в Тбилиси ещё до эвакуации, до начала войны <...> Той 101-й школы в Тбилиси сейчас уже нет, там теперь какая-то контора. Случилось так, что Булат, будучи моим ровесником, учился на год моложе: я уже стал учеником 10-го класса, а он учился в 9-м. Булат, естественно, тяготел к москвичам. Меня он признал за такового, подошёл, ну и мы с ним сошлись²⁹.

Окончить школу Булат смог после демобилизации из армии, когда вернулся в Тбилиси. Аттестат об окончании тбилисской средней школы для взрослых № 3 он получил 20 июня 1944 года, находясь на излечении. Этот аттестат сохранился в его личном деле в Тбилисском университете.

В заключение отметим, что приведённые нами даты школьной учёбы следует рассматривать лишь как версию, поскольку документального подтверждения большинство из них пока не имеют, и биографам поэта и здесь ещё предстоит большая архивная работа.

²⁸ Окуджава Б. Война Булата. С. 12.

²⁹ Казбек-Казиев З. А. Воспоминание / Записал В. Куллэ // Лит. обозрение. 1998. № 3. С. 7.

**«Но маленький дворик арбатский
с собой уношу, уношу...»**

Однако вернёмся вновь на Арбат, а также во двор дома 43, многократно упоминаемые в прозе, стихотворениях и песнях Окуджавы. Вспоминая о московских годах своего детства, он говорил:

Я действительно всю жизнь воспевал эту улицу, этот двор, этот дом. <...> Всё в этом было, всё уживалось и страшно переплеталось. <...> Совместно сажали деревья — они и сейчас растут во дворе, выше крыши. Устраивали какие-то соревнования по бегу, прыжкам. И в то же время — воровали пищу на кухне ресторана, устраивали пиры тут же в подъездах, тайное становилось явным, попадало нам за это... Всё было перемешано во дворе. <...> Я не знаю, если бы я в этом доме на Арбате жил взрослым человеком, не думаю, чтобы дом и двор играли бы какую-то роль. Это с детством связано: где играть — во дворе, кто лучшие в мире люди — те, кто рядом... <...>

У меня нет никакой идеализации прошлого, никакой. И прошлой старой Москвы, в частности. Но единственное, что у меня осталось из этого: город должен состоять из таких сообществ, как раньше. Двор — гениальное изобретение, и большая глупость, что сейчас дворов практически нет³⁰.

И об этом же — позднее:

...На Арбате прошли первые пятнадцать лет моей жизни, но, по большому счёту, Арбат и двор, в котором я вырос, действительно моя судьба, моя психология, моё воспитание и почва³¹.

Поэтому неудивительно, что на одной из фонограмм «Песенки об Арбате», вместо известной последней строки: «Никогда до конца не пройти тебя», автор поёт такой её вариант:

Никогда до конца не *забыть* тебя.

³⁰ Окуджава Б. Меня воспитывал арбатский двор... С. 8.

³¹ Окуджава Б. С иллюзиями надо расставаться / [Записал] М. Поздняев // Общ. газ. 1997. 17–23 июня (№ 28). С. 16.

А. Е. КРЫЛОВ, А. В. КУЛАГИН

«СЕРДЕЧНЫЕ ПЕСНИ»
Окуджава и Ив Монтан *

В 1984 году, беседуя с интервьюерами самиздатской газеты Московского КСП «Менестрель» о своём песенном дебюте, Окуджава сказал:

Меня взволновал приезд Монтана. И песня его о Париже. И я подумал: почему же о Москве не пишутся такие сердечные песни... Сейчас я это припоминаю¹.

В таком же духе он говорил об этом почти десятилетие спустя:

На меня, между прочим, повлиял Ив Монтан, который пел о Париже, и песни были очень тёплые, очень личные. Мне захотелось и о Москве написать что-то похожее...²

Именно Монтана в первую очередь поэт имел в виду, когда в хронологическом промежутке между двумя процитированными интервью, в 1990 году, говорил о влиянии «французских шансонье» (из которых упомянул, правда, лишь Брассенса):

Под впечатлением их песенок о Париже я написал свои о Москве³.

* Доклад, подготовленный на основе данной статьи, не был допущен к участию в конференции «Колдовство и мастерство» (Переделкино, 4–5 июня 2011 г.) её оргкомитетом в составе: О. В. Окуджава (председатель); Е. А. Семёнова (зам. председателя); Л. А. Павличенко; В. А. Трибунский; Е. В. Хаэт. Отказ был мотивирован «значительным количеством заявок», вынудившим организаторов отдать предпочтение тем, авторы которых «согласились сориентировать свои доклады в рамках панельных дискуссий»; наша заявка к таковым не относилась.

¹ Окуджава Б. Самое начало / Беседу вели: В. Акелькин, И. Зимин // Менестрель: Стен. газ. Моск. КСП. 1984. № 2–3 (февр. – март). С. 6.

² Окуджава Б. Всему времечко своё / Беседовал М. Нодель // Моя Москва. 1993. № 1–3 (янв. – март). С. 5.

³ Окуджава Б. «Я не теряю надежды...» / Беседует В. Матизен // Совет. экран. 1990. № 4. С. 14. «Прекрасным городом великих шансонье» назвал Окуджава

И его же (Монтана) он подразумевал в американском интервью того же года под «одним французским бардом», автором «песен о Париже», вслед за которым самому Окуджаве «захотелось написать что-то такое о Москве, что-то интимное, мягкое»⁴. Как видим, формулировки в основном совпадают.

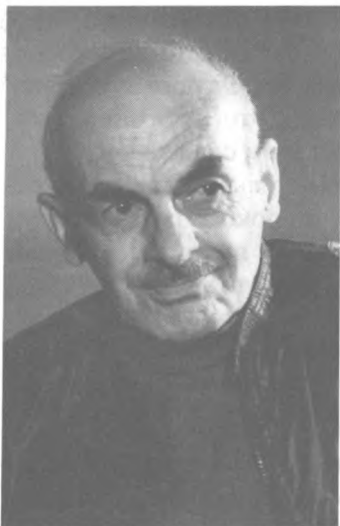
Эти признания заставляют нас внимательно отнестись к тому моменту, когда в Советском Союзе широко зазвучали песни в исполнении Ива Монтана и когда сам он приехал на первые и последние в своей жизни советские гастроли.

Первая ласточка Оттепели и зарождение авторской песни в СССР

Гастроли Монтана чрезвычайно повлияли на общественно-культурную атмосферу начинавшейся Оттепели. Хронологически они оказались примерно посередине между Двадцатым съездом КПСС и Московским международным фестивалем молодёжи и студентов; они совпали с выходом на экраны (в самом конце 1956-го) фильма «Карнавальная ночь», этапного на пути обновления советского кино. На этом фоне значимость приезда французского певца обычно недооценивается. А ведь Монтан, можно сказать, пробил «железный занавес»: он оказался первым художником Запада, которого увидела и услышала широкая аудитория советских людей. Сама его манера исполнения была новой для них. Голос Монтана звучал непарадно и неказённо; певец был демократичен и по-хорошему раскрепощён, он, в отличие от тогдашних советских певцов, не стоял на месте, а много двигался, пользовался выразительной мимикой и жестикуляцией, танцевал в современных ритмах, одевался просто («водолазка», рубашка, буклированный пиджак), но стильно. Исполнение им некоторых песен напоминало моноспектакль. Забегая вперёд, скажем, что присущая многим бардам непосредственность сценической манеры и костюма в какой-то мере навеяна примером Монтана.

Париж в рассказе 1991 года «Около Риволи, или Капризы фортуны» (см.: *Окуджав Б. Заземленный музыкант: Проза. М., 1993. С. 341; ср.: с. 352*). Правда, на фоне анекдотического сюжета рассказа эта формулировка звучит двусмысленно, но заслуги «великих шансонье» от этого не умаляются.

⁴ *Окуджав Б.* Все писатели в России делятся сейчас на две группы: на группу русскоязычных писателей и на группу косноязычных писателей... / [Без подп.] // Вестник. Балтимор, 1990. № 10. С. 41.

*Булат Окуджава.
Фото Н. Кочнева*

На оттепельное творческое поколение французский певец, искусство которого Н. А. Богомолов применительно к тому времени определяет как один из «нетоталитарных видов массовой культуры»⁵, повлиял чрезвычайно. «...Нас до глубины души потряс приезд Ива Монтана», — вспоминал В. Аксёнов⁶. «Добротнейшим толчком» назвал это событие поэт Вс. Некрасов⁷. «Монтан многим дал толчок», — вторит ему актёр и исполнитель бардовских песен (в том числе — песен Окуджавы) Д. Межевич⁸. «Мы учились в театральном институте, бегали в кино, а собираясь дома после итальянских картин, слушали пластинки с французскими шансонье. Песни Ива Монтана, наверное, не меньше повлияли на здоровье поколения, чем решения XX съезда партии»⁹, — так в своих мемуарах о Юрии Визборе оценивает время начала Оттепели актёр, режиссёр и литератор В. Смехов. Не удивительно, что едва ли не более других сфер

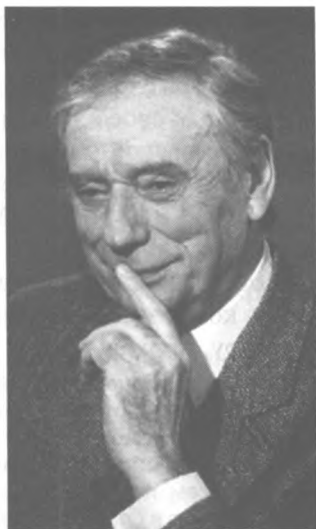
⁵ Богомолов Н. А. Булат Окуджава и массовая культура // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Ст. о рус. лит., преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 405.

⁶ Аксёнов В. Авангард съёживается, как шагреновая кожа / Беседовал К. Газарян // Общ. газ. 2000. 29 июня — 5 июля (№ 26). С. 10.

⁷ См.: Некрасов Вс. Окуджава // Лит. обозрение. 1998. № 3. С. 42.

⁸ Из выступления на заседании Клуба друзей Булата в столичной библиотеке № 202 (им. Ю. Гагарина) 14 окт. 2006 г.

⁹ Смехов В. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2002. С. 309.

Ив Монтан

культурной жизни этот толчок ощутила на себе как раз зарождавшаяся в тот момент авторская песня. Проницательные современники ощущали ту преемственность, которая перестала быть заметной слушателям следующих поколений и которая теперь нуждается в исследовательской реконструкции. Так, В. Аксёнов в уже цитированном выше интервью говорил, что Монтан, «конечно, повлиял на появление Окуджавы и других бардов». «Если бы не приезд Ива Монтана... в Москву, то не было бы, мне представляется, русской поющей поэзии — такой, как она есть. Поэт с гитарой в руках. Брассенс. Монтан. Азнавур. Булат Окуджава взял гитару в руки после того, как он послушал Монтана, — сказал однажды А. Городницкий. — Если бы не французские шансонье, то мы бы не имели первого поколения авторской песни — ни Галича, ни Окуджавы — в том формате, в котором это было. Ни даже Высоцкого»¹⁰. Возможно, этот вывод и чересчур смел, однако обратим внимание: сам Окуджава в одном из процитированных выше интервью даже назвал Монтана «бардом»; Высоцкий в разговорах с М. Шемякиным также апеллировал

¹⁰ *Городницкий А.* «Глупость не относится к числу моих главных недостатков...» / [Беседовали: Е. Костылева, А. Крамер] // Веч. Новосибирск. 2005. 31 марта. Ср.: *Городницкий А.* «Верю в объединительную силу песни» / [Беседовала] Ю. Рахеева // Новые Изв. 2003. 24 марта.

к имени Монтана¹¹; да и Галич относил Монтана (наряду с Э. Пиаф, Ш. Азнавуром) к тем исполнителям, «которые становятся соавторами автора слова и автора музыки»¹², — то есть тоже воспринимал его как своеобразного коллегу по а в т о р с к о й песне.

Чрезвычайно интересно для нас в этой связи то, что написал одному известнейшему барду — другой, не менее популярный в 1960-е. К приезду Монтана в Москву оба они уже сочиняли песни и выступали с ними в студенческих аудиториях. Вот как описывает свои первые впечатления от концерта французского коллеги Ада Якушева в письме к будущему мужу, Юрию Визбору, проходившему в тот момент срочную службу в армии:

...А теперь слушай о Монтане. Представь себе переполненный Дворец спорта в Лужниках. (У меня был номерок в гардеробе под № 10751!). Абсолютно тёмный зал. В глубине сцены выхвачен из мрака небольшой оркестрик. Потом он полускрывается за кисейным занавесом, и под мелодию «Как я люблю вечерний час» лёгкой походкой выходит в спортивном костюме Монтан. Он очарователен — ловкий, быстрый, по-мальчишески озорной! Улыбка во весь рот (а рот до ушей!), рожа приятная, голос мягкий и глубокий. Для начала потанцевал, прокрутил колесо, а потом уже последовал сам спектакль. Да, каждая песня Ива — это отдельная сценка из жизни, со своей композицией, своей интонацией. «Стиляга» — это пародия, «Влюблённый дирижёр» — лирический этюд. И как умело был использован свет! Изображая чистильщика сапог, Монтан сначала присаживается на корточки и становится таким маленьким и жалким. Но вот падает луч — и на заднике возникает огромная чёрная тень, а когда Монтан встаёт, то тень эта доползает до потолка, и перед нами — исполин! «На рассвете» он начал петь в полутёмном зале, а на последних словах на сцену хлынул такой поток света! И в каждой песне свой герой. То шофёр-таксист, то влюблённый студент, то сварливая жена. Все в зале сидели как замороженные. И ближе к финалу зрители стали спускаться к сцене, чтобы увидеть вблизи это чудо. А Монтан как-то по-домашнему лениво стал петь-рассказывать о Больших бульварах. И я тут ещё раз поняла, что песня может быть чудом, если она поётся не только для себя, но и для других. И конечно, если бы не одно обстоятельство (сам знаешь), сбежала бы в Париж!..¹³

¹¹ См.: «— Мишка, ты мне костюм придумал? // — Ну, какой костюм тебе? // — Вот, ты же себе придумал! Ты же уже — образ... // — Я не придумываю, я просто так живу... // — Нет, я — актёр. Ты должен мне придумать! Ты мне сделаешь костюм, в котором меня будет знать весь мир, как Монтана...» (*Шемакин М. О Володе // Вагант. 1992. № 4. С. 7*).

¹² *Галич А. «Помни о мельнике!»*: Неизв. страницы Новосиб. фестиваля песни 1968 / Публ. К. Андреева // *Мир Высоцкого: Исслед. и материалы*. Вып. II. М., 1998. С. 439.

¹³ *Якушева А. «Три жены тому назад...»*: (История одной переписки). М.: Кн. магазин «Москва», 2001. С. 230—231. В книге письмо расположено вне хронологического порядка.

Кстати, в исполнении Визбора сохранилась фонограмма «Песенки шофёра» из репертуара Монтана (слова и музыка Ф. Лемарка; русский текст С. Болотина)¹⁴. Судя по тому, что аккомпанирует ему инструментальный ансамбль, запись сделана в пору работы поэта на радио (куда он устроился в 1958 г.) и предназначалась для какого-либо сюжета в эфире. Источником, по-видимому, послужил сборник «Французские песни», в который были включены ноты песни и оба варианта текста: французский оригинал и русский перевод (последний дан синхронно с нотной записью)¹⁵.

Мы здесь цитировали писателей, актёров, авторов-исполнителей — людей, как ныне принято говорить, медийных. А как параллель *Монтан—Окуджаву* воспринимала прочая творческая интеллигенция? Приведём только два письменных высказывания. Одно из них взято нами из письма профессионального редактора, с 1980-х годов и по сию пору активно работающего с авторской песней, члена редколлегии нашего альманаха — Веллы Щербаковой (письмо посвящено знакомству с песнями Окуджавы): «...О впечатлении от концерта говорить не буду, — это был шок. Конечно, была полная аналогия с Ивом Монтаном, и это настолько само собой разумелось (по крайней мере в моём окружении), что даже никак не обсуждалось. Хотя — ведь совершенно другая манера держаться на сцене, совершенно другая пластика, но — интонация, личностность, даже интимность, обращение лично к каждому... Мы ведь этим не были избалованы, и Ив Монтан был в этом смысле просто кумиром. И Окуджава был воспринят именно так».

А вот ещё одно мнение так называемого рядового слушателя. Нынешний израильтянин Леонид Таубес, дополняя В. А. Щербакову, свидетельствует: «Помню, когда я услышал впервые песню Окуджавы про Арбат, я просто почувствовал интонации Ива Монтана»¹⁶.

По-видимому, та же ассоциация возникла и у Валентина Берестова, сочинившего в начале 1960-х такую эпиграмму:

¹⁴ Фонограмма опубликована: *Визбор Ю.* MP3 коллекция: [Собрание аудиозаписей: В 5 дисках]. CD 5. 2005. № RMG 1750 MP3.

¹⁵ См.: *Французские песни*: Сб. М.: Музгиз, 1956. С. 28–33, 49. Исполняя песню, Визбор допускает незначительные отклонения от текста перевода С. Болотина.

¹⁶ <http://tay-kuma.livejournal.com/100282.html>: 27.04.10.

Вы слышите: грохочет барабан?
Вы слышите: бренчит гитара в лад?
На чёрта нам Монтан, Монтан, Монтан,
Ведь есть у нас Булат, Булат, Булат!¹⁷

Ещё более существенны для нас на фоне всего высказанного такие авторитетные замечания В. А. Васиной-Гроссман, опубликованные ещё в 1957-м:

Концерты Монтана лишний раз показали, что песня — это прежде всего искусство музыкально-речевого интонирования, что схематическая нотная запись не может передать всей гибкости и одушевлённости живой интонации. И это в особенности относится к тем песням, где слову принадлежит главная роль. А таково большинство песен Ива Монтана.

Это вовсе не говорит о музыкальной бедности. Подчинение музыки слову — одна из характернейших черт французской вокальной музыки, в особенности некоторых её жанров, так или иначе связанных со сценой <...> В репертуаре Монтана продолжена одна из прочных национальных традиций.

И далее — об исполнительской манере певца:

Он поёт в микрофон и, пожалуй, чаще напевает, чем поёт.

(Вспомним обвинения хотя бы в адрес «плохо поющего», с точки зрения вокалистов, Окуджавы.)

Вместе с тем, рассуждая о творчестве авторов сочинений, которые исполнял певец, известный музыковед замечает:

...Но особенно запомнилось имя Франсиса Лемарка, автора едва ли не лучших песен в репертуаре Монтана... Лемарку принадлежат и слова и музыка этих песен, и по крайней мере две из них — «Дорога олив» и «Шофёр» могут служить образцом единства слова и музыки¹⁸.

Хотя скорее всего именно Лемарка, а не Монтана можно было бы назвать бардом в современном значении, через годы именно так станут писать о «советской» авторской песне. Именно единство поэзии и музыки при главенстве слова станут её родовыми признаками.

Композитор Никита Богословский вспоминал, что в середине 1950-х по Москве из уст в уста передавалась такая эпиграмма:

Когда бы не товарищ Жданов,
Когда бы дважды два — не пять,
Могла бы собственных Монтанов
Земля Российская рождать!

¹⁷ Берестов В. Весёлый барабанщик // Авт. песня. 1994. № 2 [май]. С. 12.

¹⁸ Васиной-Гроссман В. Ив Монтан и его песня // Совет. музыка. 1957. № 5. С. 149, 151, 152.

С высоты лет можно сказать, что это анонимное четверостишие, написанное «в соавторстве» с М. В. Ломоносовым, стало поистине пророческим.

Заметим заодно, что стиль Монтана мог — наряду, естественно, с брехтовской театральной школой — повлиять и на становление сценического почерка Юрия Любимова и Театра на Таганке, где широко использовались танец, пантомима и прочее. Об этом сходстве можно судить хотя бы по словам рецензента, за семь лет до возникновения этого театра описывающего выступление француза: «Нужно видеть его, чтобы получить представление об этом замечательном искусстве перевоплощения, когда без каких-либо декораций, костюма и грима артист заставляет нас поверить в реальность своих героев»¹⁹.

Таким образом, творчество Ива Монтана, его приезд в СССР в 1956 году и связанные с ним события того времени следует признать чрезвычайно значительной вехой в становлении культуры и литературы Оттепели, и в первую очередь — в становлении авторской песни.

Тот декабрь 1956-го

Интернет изобилует различной информацией о приезде французских гостей. Вместе с достоверными сведениями там содержится и много неточностей и вовсе ошибочных утверждений, которые перекочёвывают из статьи в статью, в том числе и на обложки дисков, а также становятся эпизодами телепередач, переходя таким образом в разряд легенд. Поэтому мы расскажем об этом турне подробнее.

Гастроли задержались на месяц. Кто-то считает, что задержка произошла из-за затянувшихся киносъёмок, однако нам не удалось найти серьёзных оснований для подтверждения этой версии. Монтан ступил на советскую землю 17 декабря 1956 года, прилетев во Внуково через Прагу и Вильнюс (по политическим соображениям, о которых мы скажем подробнее ниже, прямые рейсы были отменены французской стороной). Он приехал в сопровождении жены, актрисы Симоны Синьоре, и группы музыкантов: пианиста, гитариста, аккордеониста, контрабасиста и ударника. Его первое московское выступление состоялось уже 19-го в Концертном зале им. Чайковского, после двух дней напряжённых репетиций.

¹⁹ Попов И. Поёт Ив Монтан // Гудок. 1956. 26 дек.

Монтан ещё несколько раз выступал в том же зале (для избранной публики), а также в пятнадцатитысячном Дворце спорта в Лужниках (для широкой). Всё было как в Париже: и оформление сцены (тюлевый занавес, за которым располагались музыканты и на который проецировался силуэт певца), и состав его инструментального ансамбля из пяти человек (двое — пианист Боб Кастелла и гитарист Анри Кролла — одновременно и авторы музыки некоторых песен Монтана)²⁰.

За время поездки в Москву Монтана лично и через страницы газет приветствовали лучшие режиссёры, актёры и певцы²¹. 25 декабря в Центральном доме работников искусств для французских друзей давали концерт А. Соленкова, К. Шульженко, Л. Утёсов, С. Образцов, А. Райкин, Ю. Тимошенко и Е. Березин (Тарапунька и Штепсель), а также другие выдающиеся мастера эстрады. Вёл вечер С. Юткевич²². Марка Бернеса так взволновало исполнительское мастерство французского коллеги, что по его (Бернеса) просьбе нашими композиторами были написаны две придуманные им песни. Первая — «Когда поёт далёкий друг» (Б. Мокроусов — Я. Хелемский), напрямую посвящённая гостю, впервые прозвучала по радио ещё 31 декабря 1955-го²³. Бернес успел отправить во Францию записанную летом 1956-го пластинку с этой песней²⁴. Второй — непосредственно перед гастролями — композитором М. Фрадкиным на стихи Е. Долматовского была создана песня «Воспоминание об эскадрилье Нормандия—Неман». Обе они тоже прозвучали на встрече в ЦДРИ.

Пластинки с песнями самого певца издавались также задолго до его приезда. В киосках продавались открытки с его портретами. «Песни из репертуара Ива Монтана, изданные с русским текстом, раскупались нарасхват, так же как и программы с его фотографиями», — по свежим следам свидетельствует

²⁰ См.: Дружеский привет, Ив Монтан! / Фото Р. Фёдорова // Веч. Москва. 1956. 18 дек.; Ив Монтан поёт в Москве: Сегодня первый концерт / Фото С. Гурарий // Труд. 1956. 19 дек. и др.

²¹ См.: Бернес М. Поёт Ив Монтан // Веч. Москва. 1956. 20 дек.; Смирнов-Сокольский Н. Голос сердца // Лит. газ. 1956. 22 дек.; Образцов С. О чём поёт Монтан // Правда. 1956. 23 дек.; Юткевич С. Герои песен Ива Монтана // Совет. культура. 1956. 27 дек.; Сагал Д. Когда поёт хороший друг... // Моск. правда. 1956. 28 дек.

²² См.: Юткевич С. Указ. ст.

²³ См.: Бернес М. Желанный гость // Труд. 1956. 20 дек.

²⁴ См.: Поляновский М. Далёкий друг становится близким... // Совет. Россия. 1956. 28 окт.

Певцу Парижа у нас в гостях

В столице нашей родины
днем гостит знаменитый
певец Парижа, француз
Ива Монтан. Он поет
свои песни, которые
любят слушать и наши
слушатели. Ива Монтан
уже много лет живет в
Париже, но его песни
любят и в нашей стране.

ПОЕТ

У нас в гостях Ив Монтан

Певец Парижа у нас в гостях

ПОЕТ ИВ МОНТАН

В Париже, где живет
Ива Монтан, много
любят его песни. Он
поет о любви, о жизни,
о Париже. Его песни
любят и в нашей стране.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ ИВА МОНТАНА

Впервые в нашей стране
Ива Монтан выступит
с концертом. Он поет
свои песни, которые
любят слушать и наши
слушатели. Концерт
будет интересным и
увлекательным.

ДРУЖЕСКИЙ ПРИВЕТ, ИВ МОНТАН!

Ива Монтан, французский
певец, поет свои песни
в нашей стране. Он поет
о любви, о жизни, о
Париже. Его песни
любят и в нашей стране.

КОНЦЕРТЫ ДРУЖБЫ

В Москве, в концертном
зале имени Чайковского,
будет концерт дружбы.
На нем выступят певцы
из разных стран.

Ив Монтан в Москве

Ива Монтан выступит
в Москве. Он поет свои
песни, которые любят
слушать и наши слушатели.

Ива Монтан, французский
певец, поет свои песни
в нашей стране. Он поет
о любви, о жизни, о
Париже. Его песни
любят и в нашей стране.

Ива Монтан, французский
певец, поет свои песни
в нашей стране. Он поет
о любви, о жизни, о
Париже. Его песни
любят и в нашей стране.

Aux travaux
travailleurs de l'
Likhatchev Co
Remise Amie
Ymon

Певцу Парижа у нас в гостях

Герои песен Ива Монтана

Ива Монтан поет свои песни
в нашей стране. Он поет
о любви, о жизни, о
Париже. Его песни
любят и в нашей стране.

Ива Монтан, французский
певец, поет свои песни
в нашей стране. Он поет
о любви, о жизни, о
Париже. Его песни
любят и в нашей стране.

ИВ МОНТАН В МОСКВЕ

Ива Монтан, французский
певец, поет свои песни
в нашей стране. Он поет
о любви, о жизни, о
Париже. Его песни
любят и в нашей стране.

очевиден²⁵. Во время турне в кинотеатрах Москвы были вновь показаны фильмы с участием гостя — «Идол» и «Плата за страх»²⁶, которые и раньше демонстрировались у нас и на широком экране, и по телевидению²⁷. Едва ли не все столичные газеты (от «Советского спорта» и «Сельского хозяйства»²⁸ до институтской многотиражки «Бауманец») писали о гастролях французского певца, печатали его снимки, стихи-посвящения, шаржи (один из них нарисовали даже официозные Кукрыниксы)... Не обошлось и без традиционного советского жанра — писем и стихов трудящихся²⁹.

Пресса освещала каждый шаг французской четы. Прогулка по городу, катание на тройке по территории Московского ипподрома, посещение Кремля, Оружейной и Грановитой палат, Дома журналистов, экскурсия по ЗИЛу, встреча со студентами, просмотр спектаклей «Клоп» в театре Маяковского и «Необыкновенный концерт» в кукольном, в котором они ещё осмотрели музей³⁰... К этому остаётся прибавить ежедневные хроникальные съёмки для полнометражного фильма «Поёт Ив Монтан», который вышел на экраны уже летом 1957-го³¹.

Ив Монтан с супругой встречали Новый год в Кремле, 2 января он вновь выступил в зале Чайковского, и этот концерт транслировали по радио и телевидению. Далее их ждали зрители ещё двух городов³².

«За месяц, проведённый в Советском Союзе, французский певец дал 25 концертов в Москве, Ленинграде и Киеве. Каждое его выступление проходило при неизменно переполненном зале. Из двадцати пяти концертов, которые он дал в СССР, в Моск-

²⁵ Васина-Гроссман В. Указ. соч. С. 148.

²⁶ Анонс см.: Веч. Москва. 1956. 19 дек.

²⁷ См.: Образцов С. Ив Монтан, певец Парижа // Иностр. лит. 1956. № 5. С. 211.

²⁸ Так в то время называлась газета, позднее известная под заглавием «Сельская жизнь».

²⁹ См.: Почта Монтана // Совет. культура. 1956. 22 дек.; Намлегин Г. Ив Монтан: Стихи // Моск. автозаводец. 1956. 30 дек.; Коротков В. Нашим гостям: Стихи // Там же. 1957. 4 янв.

³⁰ См., напр.: Горохов В. Когда поёт далёкий друг... // Культура и жизнь. 1957. № 2. С. 22–24.

³¹ Поёт Ив Монтан / Авт. сцен. С. Юткевич, М. Слуцкий; Реж. М. Слуцкий. ЦСДФ, 1957. 8 ч. Фильм доступен в Интернете: <http://fenixclub.com/index.php?show-topic=98929>; 18.04.10. См. также рец.: Комиссаржевский В. Снова Монтан! // Искусство кино. 1957. № 9. С. 77–78.

³² См.: Концерт Ива Монтана / ТАСС // Правда. 1957. 3 янв.

ве состоялись двенадцать. В том числе перед рабочими ЗИЛа и студентами МГУ — бесплатно. Кроме того, он неоднократно выступал со своими песнями во время дружеских встреч с советскими мастерами искусств, рабочими и служащими предприятий, студентами», — резюмировала турне «Комсомолка» 20 января 1957-го. Необходимо также уточнить, что по дороге с Украины звёздная пара ещё раз заезжала в столицу, где Монтан дал обещанный студентам концерт в МГУ; с Симоной Синьоре они посмотрели в Большом театре «валютное» «Лебединое озеро», а также посетили устроенный в их честь прощальный приём.

19 января гости вылетели в Варшаву. После Польши гастроли продолжились в Восточной Европе.

Закулисная сторона гастролей

Гастроли имели политическую подоплёку: только что, в октябре-ноябре того же 1956-го года, произошло вторжение советских войск в «братскую» Венгрию, и сам факт приезда певца из капиталистической, как тогда говорили, страны, должен был как бы поднять пошатнувшийся престиж СССР в глазах мировой общественности; Монтан же из-за венгерских событий колебался относительно того, лететь ли ему в Москву.

Нам неоднократно довелось читать, что после первого же концерта (19 декабря) произошла беседа Монтана с Н. С. Хрущёвым. Это не так. На первом выступлении, согласно официальной хронике, от принимающей стороны присутствовали лишь такие официальные лица как министр иностранных дел Д. Т. Шепилов и министр культуры Н. А. Михайлов³³. Остальные руководители страны (Булганин, Маленков, Микоян, Молотов) во главе с Первым секретарём ЦК КПСС посетили концерт, который состоялся там же, лишь 26 декабря³⁴. Тогда же состоялись и знаменитый ужин артистов с членами правительства, и нелিপцприятный разговор с главой государства о венгерских событиях. О них рассказала Симона Синьоре в своей книге, которая на русский язык не переведена. Отечественный читатель узнал об этом ужине почти полвека спустя от переводчицы Монтана — Надежды Нечаевой³⁵. (Встреча с Хрущёвым была

³³ См. официальный отчёт «Первый концерт Ива Монтана» (с небольшими вариациями, без подписи) 20 декабря в газетах «Правда», «Известия» и других.

³⁴ См. сообщение ТАСС «Концерты Ива Монтана» в газетах от 27 декабря.

³⁵ Источником этой ошибки являются воспоминания: *Нечаева Н. И* тогда Ив Монтан спросил Хрущёва: зачем? // Огонёк. 2004. № 19. С. 60–62.

не единственной. Н. Нечаева вспоминает о том, как они с Булганиным в присутствии французских гостей отплясывали «барыню» на встрече Нового года в Кремле.)

Был и ещё один инцидент. На следующий день после тяжёлого ночного разговора с членами Политбюро, 27 декабря, до очередного вечернего концерта в зале Чайковского Монтан побывал в Центральном доме журналиста, а «затем поехал в гости к воспитанникам трудовых резервов»³⁶. Так что очередная ночная встреча с деятелями искусств должна была состояться после чрезвычайно напряжённых суток. Окуджава, уже входящий в круг столичных литераторов, не мог не слышать о том, что произошло, и поэтому мы позволим себе обширную цитату из мемуаров переводчицы:

...Не могу удержаться, чтобы не вспомнить «вечер встречи» в Центральном доме литераторов.

Началось с того, что во время концерта, который проходил в зале Чайковского, в антракте за кулисы пришёл уверенно державшийся мужчина, чтобы пригласить Монтана на встречу с писателями. Симона в своей книге пишет: «Ив сразу предупредил, что петь он не будет; он и так даёт по три концерта в день и не видит необходимости увеличивать свою и без того большую нагрузку, чтобы спеть для людей, которые вполне могут себе позволить прийти на его концерты. Посланец расхохотался: за кого мы их принимаем? Нас приглашают немножко выпить и закусить после работы, ну и, может быть, обменяться мыслями. Нет, нет и нет... Монтан неправильно его понял — речь идёт исключительно о дружеской встрече людей, причастных к культуре, и уж, конечно, не о сверхурочном концерте. Разумеется, если музыканты захотят присоединиться, им будут рады».

А теперь я расскажу, что было дальше. Когда переговоры завершились и Монтан отошёл, этот «литератор», нимало меня не стесняясь, ухмыльнулся: «Споёт! Куда он денется!», на что я ответила: «Будет скандал».

Мемуаристка не пишет, перевела ли она Монтану эту реплику «литератора». Но судя по дальнейшему повествованию, он был готов к подвоху:

В ЦДЛ Монтана и Симону пригласили отнюдь не за стол, а проводили на сцену, где стояли стулья, пианино и микрофон. Начался концерт. Сначала выступил пианист, после него бас Иван Петров исполнил несколько арий, а затем пела уже немолодая, но всё ещё находившаяся в хорошей форме певица (мне кажется, это была Обухова).

³⁶ Датировка и перечень событий этого дня даются по публикации: *Шевцов В.* Тепло московских встреч // Веч. Москва. 1956. 28 дек.

Уставший и голодный Монтан всё это время сидел на сцене, медленно закипая. Наконец настал момент, ради которого его пригласили, — последовало приглашение спеть. Удобно расположившиеся в креслах «писатели» (большинство которых, несомненно, перешли в этот зал из соседнего — известного на всю Москву своей кухней ресторана) дружно скандировали: «Ив Монтан, одну песню!»

Монтан подошёл к микрофону, спел полкуплета и остановился. После чего со словами: «Сматываемся, ребята!» — сделал знак нам — Симоне, своему аккомпаниатору Бобу Кастелла и мне — уйти со сцены. Мы начали спускаться, он сделал несколько шагов за нами, но вдруг подошёл к микрофону и начал говорить.

Я в этот момент была довольно далеко от него и немного растерялась — как переводить? Но, как видно, он об этом и не думал: ему важно было дать выход своему гневу и высказать этим людям всё, что он о них думает. Хорошо, что мне не пришлось это переводить, потому что его слова были откровенно грубыми. Говорил он довольно долго, в заключение назвал собравшихся «мерзкими кретинами» (*sales cons*), и это было не самое оскорбительное из того, что они о себе услышали³⁷.

Эти воспоминания объясняют, почему ранее активная «Литературная газета» с этого момента гастроли Ива Монтана больше не освещала... Не случайно и то, что прощальный банкет перед отъездом Монтана из страны был несколькими рангами ниже первого: споры с Хрущёвым дали о себе знать, и музыкантов приветствовали лишь чиновники не выше замов — заместители министра культуры СССР В. И. Пахомов и В. Н. Сурин, начальники главных управлений и отделов этого министерства, а также соответствующий заводделом МИДа. И понятно, пришли искренние друзья Монтана — «деятели советской культуры и искусства»³⁸.

История любви

Однако прозвучавшее в словах Окуджавы словосочетание *приезд Монтана* мы, видимо, обязаны толковать расширительно и не ограничиваться при этом ассоциацией лишь с декабрём 1956-го: ведь эти гастроли исподволь готовились на протяжении двух лет (о своём желании приехать в СССР певец рассказывал Образцову ещё при знакомстве в конце 1953-го, а немногим

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Возвращение Ива Монтана в Москву / ТАСС // Труд. 1957. 19 янв.; Прощальные встречи с французскими друзьями / Без подп. // Совет. культура. 1957. 19 янв.; и др.

позже — С. Юткевичу), и с песнями Монтана советские люди познакомились гораздо раньше, чем обычно считают наши современники.

По-видимому, первой публикацией о французском шансоне в отечественной постсталинской прессе стала статья Р. Измайловой «Поёт Ив Монтан» в газете «Советская культура» от 19 октября 1954 года³⁹. В ней впервые было сообщено то, что в дальнейшем станет журналистскими и пропагандистскими штампами: о пролетарском происхождении артиста и о непривычном для отечественной публики неэстрадном облике, расстёгнутой на груди рубашке.

Но «главным» в статье было другое:

Слава не вскружила голову Монтану. Он не сменил свою скромную тёмную блузу на фрак и не увяз в болоте «светской жизни», как это случилось с иными вошедшими в моду певцами. Он остался верен и своему репертуару, хотя песни его вряд ли нравятся завсегда- таям первых рядов парижских театров.

Реакционная и бульварная пресса не раз выступала с враждеб- ными выпадами против Ива Монтана. Ей не по душе популярность этого певца, искренность и жизненность его песен, отвечающих чувствам трудовых французов, его сочувствие идеям мира и патриотам, борющимся за лучшее будущее Франции.

(Через двадцать лет Владимир Высоцкий подведёт резюме под такими штампованными оценками «социально близких нам» людей: «проверенный, наш товарищ».)

Здесь же были впервые приведены названия и темы самых популярных среди французов песен Монтана: «Свидание со свободой», «Надо было», «В Париже», «Луна-парк», «Улица Лепик», «Метро», о парижских Больших Бульварах, о пакетике жареной картошки с улицы Сен-Мишель, о печальной жизни ночного швейцара отеля (часть из них во время гастролей не звучала). Уже по этим приметам читателю становилось ясно, что Монтан — певец родного города. «Певец Парижа».

Сейчас невозможно установить, когда Монтан впервые зазвучал в советском радиоэфире, поскольку в 1954—1955 годах газеты ещё не печатали анонсов передач. В силу тех же обстоятельств нам не по силам подтвердить или опровергнуть промелькнувшую в одном из воспоминаний информацию о «боль-

³⁹ Приносим свою благодарность А. А. Коваленко за библиографическую поддержку нашей работы и Ю. А. Карцеву за предоставление необходимых кино-, видео- и фотодокументов.

Ив Монтан о поездке в Москву

Скоро, которая вышестоящая инстанция, которая меня передаст для газеты «Советская культура» — один из самых популярных артистов Франции, в посольстве которого французский народ узнает свои радио-

посетит не-
м в дру-
гую тра-
н и гра-
жданские
и перепо-
на стра-
ны мо-
нопо-
ли про-
и боль-
нейшие
же обы-
доложен-
и, сей-
ни ста-
не про-
ама или
ни свои
нцы. Но

Ив Монтан

ни сегод-
Ив Мон-
Это пес-
предче-
то песня
наконец
и у них
и в этом
и зна-
ставляет
именем.
Менее —

это то, что предпочитает народ, что представляет его в данный исторический момент, что наиболее эффективными образом может способствовать взаимопониманию и дружбе.

Ив Монтан — наш избранник в этой благородной миссии. Он скоро будет петь в Советском Союзе; но прежде хочет сказать несколько слов своим будущим слушателям.

Андре БЮРМСЕР.

из меня
но жал
и такой
не люблю
СССР... Я
иное не
в оркест
этих де-
активности.
предста-
меня от
и такой
путешес-
и меня,
уюго че-
и я гово-
и форму
ко с ян-
иногда
вылезает
ишь по-
ишь на-
ишь на-

в Москву. Я буду выступать с такой же программой, с какой я выступал в театре «Одеон» в Париже. Все будет, как в Париже, тот же репертуар, тот же состав оркестра, в оркестре будут те же музыканты, а все нас будет десять.

В последние время кино отрывало меня от песни, поэтому я должен был вернуться в труппу и продолжать петь. Врачи говорят, что подобная концертная программа не напрягаете разномыслия более десяти тысяч метров. Десять тысяч метров казалась мне в течение полутора месяцев! Нельзя выдержать этого режима, если не давать себе хоть немного отдыха. Но главное не в этом.

До скорой встречи!

ПИСЬМО ИВА МОНТАНА

На днях — 16 декабря — в Москву приехал известный французский артист Ив Монтан. Народный артист СССР С. В. Образцов по просьбе Ив Монтана передал для напечатания в «Известиях» письмо, полученное им от французского артиста. Как сообщает Ив Монтан, он публикует это письмо во французской прессе и хотел бы, чтобы оно было помещено также в советской печати.

Текст письма Ива Монтана, отпечатанного из Парижа 3 декабря, следует ниже:

«Мой дорогой Образцов,

Вы были одним из тех, кто совместно с Моссейским и мессинским балетом наиболее содействовали укреплению культурных связей между двумя нашими странами и, таким образом, ослаблению международной напряженности, о чем свидетельствует хотя бы успех, который вы имели в Париже.

Кроме того, — и это касается меня лично, — вы позволили советской публике узнать меня, и если в СССР поют песни, которые я пою, я знаю, что этим я обязан вашему шефству.

И поэтому именно вам я решил адресовать это письмо.

Я хотел бы, чтобы вы знали сегодня о том глубоком смятении, в которое венгерская драма повергла большое число французов и, в частности, участников движения в защиту мира, — единственной организации, в которой я состою.

Многие французы устояли перед огромным и чудовищным аппаратом антисоветской пропаганды, доказав это тем, что не примкнули ни к одному публичному заявлению этой пропаганды, но тем не менее они ставили и еще продолжают ставить перед собой некоторые вопросы.

К ним относятся и я. Сегодня, после окончания Национального Совета Мира, хотя и существуют расхождения во мнениях между его членами по вопросу об интерпретации, которое следует дать венгерским событиям, при полном единодушии в осуждении продолжения войны в Алжире и суэцкой авантюры, мы все вместе, все борцы за мир всех политических мнений, всех без различия религиозных и философских взглядов, — как работники умственного, так и физического труда, — все мы приняли торжественное решение воспрепятствовать всеми нашими средствами возобновлению холодной войны и, следовательно, возможности возникновения настоящей войны.

И поэтому, что касается меня, я счастлив просить вас объявить советской публике о моем скором приезде. Я смогу таким образом в моей области, — я в этом уверен, — содействовать укреплению и развитию связей, которые являются вкладом в дело упрочения мира.

Итак, до скорой встречи, мой дорогой Образцов!

Весь ваш

Ив Монтан.

шом цикле» образцовско-монтановских программ. Зато нами обнаружены две рецензии, указывающие на то, что большие «радиоконцерты», подготовленные, по-видимому, первым в СССР обладателем пластинок певца — Сергеем Образцовым, выходили в эфир как минимум дважды: в конце 1954-го и на исходе зимы 1955-го⁴⁰. Вероятнее всего, это действительно были разные программы⁴¹. Судя по тому, что в те годы малочисленные радиопремьеры такого рода были событиями культурной жизни и от-

⁴⁰ Туровская М. Образцов рассказывает о Монтане // Совет. культура. 1954. 30 дек.; Рыклин Г. Рассказ о песне // Лит. газ. 1955. 3 февр.

⁴¹ См., напр., более позднее, но не очень далёкое свидетельство: «Ива Монтана знают в нашей стране, москвичи — по радиопередачам Сергея Образцова... жители других городов — по грампластинкам» (Левин Э. Концерты дружбы // Совет. Латвия. Вильнюс, 1956. 25 дек.).

мечались прессой, можно предполагать, что декабрь 1954 года и явился датой первой образцовской передачи «Певец Парижа». Даже если знакомство советского слушателя с творчеством шансонье отсчитывать с этого момента, то до известных гастролей Монтана оставалось целых два года.

Другие имеющиеся в нашем распоряжении газетные публикации говорят о том, что «радиовыступления» Монтана всё же не были единичными. Это позволило упомянутой ранее Р. Измайловой уже в августе 1955-го начать свою статью так:

У нас любят и знают Ива Монтана, известного французского певца, концерты которого с интересом *слушают по радио многие советские люди...* (Комсом. правда. 1955. 18 авг.)⁴²

Тема становится модной. Ещё до «Комсомолки» эта первооткрывательница Монтана публикует свою, третью по общему счёту, статью — в «Огоньке» (1955. № 11). В октябре (№ 42) тот же журнал печатает иллюстрированный репортаж Г. Рассадина из квартиры певца и его жены Симоны Синьоре. А пятый номер только что созданного на волне начавшейся Оттепели журнала «Иностранная литература» в подборку публицистических статей о дружбе между народами включает и специально написанное для советского читателя обращение Монтана «От всего сердца».

По-видимому, материалы о французском певце к началу следующего, 1956 года печатались по всей стране. Во всяком случае в главной грузинской газете «Заря Востока» народный артист СССР А. Хорава рассказал о своих встречах с парижской актёрской четой, а также о том, что тоже привёз из Франции пластинки Монтана (1956. 1 мая). Он же, вероятно, впервые сообщил читателям о его назначенных на осень московских гастрольях.

Наконец в том же мае вышел 5-й номер «Иностранки» с главами из недавно написанной автобиографической книги Монтана «Солнцем полна голова». Публикацию перевода О. Образцовой и К. Наумовой предваряло обширное предисловие Сергея Образцова «Ив Монтан, певец Парижа» (С. 206–211). Вскоро, в сентябре, те же главы были перепечатаны в брошюре «Библиотеки “Огонёк”» (1956. Вып. 37).

⁴² А 26 декабря следующего года, в разгар гастролей, корреспондент «Гудка» И. Попов констатировал: «За последние два-три года в нашей стране стало широко популярно творчество французского певца и киноактёра Ива Монтана». Здесь и далее курсивы в цитатах — наши. — Авт.

Пропагандистская машина работала на полных оборотах. По мере приближения гастролей вал публикаций нарастал. В сентябре в издательстве «Искусство» был подписан в печать перевод той же книги в исполнении М. Кочаряна с предисловием Сергея Юткевича, а в ноябре в «Молодой гвардии» — полное издание перевода Образцовой и Наумовой с уже знакомой читателям вступительной статьёй из «Иностранки». Разные издания одной книги одновременно в двух столичных издательствах (и оба не запланированные задолго) — это, по меркам планового хозяйства СССР, случай, по всей видимости, беспрецедентный.

Ещё перед началом гастролей «Литгазета» опубликовала репортаж из Парижа, целиком посвящённый нападкам на певца и его «мужественному решению» ехать⁴³. Такие же пассажи встречались во многих публикациях.

Знали, бульварная пресса на Западе травит артиста. Она с бешенством встретила его решение о поездке в СССР. Но артист не изменил своего решения... (*Труд. 19 дек.*)

О том же противодействии с возмущением писала в своей газете Татьяна Тэсс, золотое перо советской оттепельной журналистики:

Его решение не откладывать больше свой отъезд в нашу страну вызвало бешенство реакционной печати. Поток низкой и злобной болтовни усилился после того, как в одной из французских газет было опубликовано письмо Ива Монтана к Сергею Образцову, где он просил объявить советским зрителям о его скором приезде (*Изв. 21 дек.*).

О легенде, связанной с этим письмом, надо сказать особо. Авторы ряда современных статей и телепередач отмечают, будто оно не попало на страницы отечественной, а было напечатано лишь во французской прессе⁴⁴. На самом деле таких прямых обращений было два. Первое — полное радужных надежд — опубликовала «Советская культура» ещё 3 ноября 1956-го. В нём, в частности, Монтан объяснял причины своего стремления в СССР:

Главное сегодня — чтобы наши советские друзья были уверены в двух вещах: что мы ничего не забыли и что мы их очень любим. Мы не забыли, что ваша страна вынуждена была жить более тридцати лет в «осадном положении», как говорил Эренбург. Я не забыл, что вы победили наших общих врагов, врагов человечества, что пролили много крови и слёз для освобождения своей Родины и всех людей

⁴³ См.: Берджерон Р. Накануне отъезда // Лит. газ. 1956. 15 дек.

⁴⁴ См., напр.: Штильман А. Ив Монтан — певец Парижа // Еврейс. старина. 2006. № 9 (сент.).

на земле. А потом, я очень люблю советских друзей. Прежде всего за то, что они являют собой надежду. А также и за сотни писем, которые я получаю, иногда написанные по-французски — и на каком безупречном французском языке (мои поздравления учителям, которые преподают наш язык!), а также и по-русски...

Однако уже на следующий день после этой публикации Советский Союз начал операцию по подавлению Венгерского восстания. В этом и кроется истинная причина задержки газет. Возмущалась широкая мировая общественность. СССР грозила международная изоляция. Монтана отговаривали ехать друзья. Угрожали недоброжелатели. Решение, как уже говорилось, далось трудно.

Тогда-то и появилось второе письмо, которое было обращено непосредственно к С. Образцову и по просьбе автора тоже было напечатано у нас. Сравнивая публикацию с переводными цитатами из французской «*Франс суар*», мы пришли к выводу, что в СССР это послание вопреки обычной практике даже не было сокращено. Вот его содержательная часть:

Я хотел бы, чтобы вы знали сегодня о том глубоком смятении, в которое венгерская драма повергла большое число французов и, в частности, участников движения в защиту мира, — единственной организации, в которой я состою.

Многие французы устояли перед огромным и чудовищным аппаратом антисоветской пропаганды, доказав это тем, что не примкнули ни к одному публичному заявлению этой пропаганды, но тем не менее они ставили и ещё продолжают ставить перед собой некоторые вопросы. К ним отношусь и я.

Сегодня, после окончания Национального Совета Мира, хоть и существуют расхождения во мнениях между его членами по вопросу об истолковании, которое следует дать венгерским событиям, при полном единодушии в осуждении продолжения войны в Алжире и суэцкой авантюры, мы все вместе, все борцы за мир всех политических мнений, всех без различия религиозных и философских взглядов, — как работники умственного, так и физического труда, — все мы приняли торжественное решение воспрепятствовать всеми нашими средствами возобновлению холодной войны и, следовательно, возможности возникновения настоящей войны (*Изв. 12 дек.*).

В этой же публикации и была обнародована дата приезда... Народ с нетерпением ждал, а власть на этом огромном интересе пыталась вернуть себе крепко пошатнувшийся международный авторитет. Благодаря этим событиям визит французского шансонье и приобрёл государственное значение.

Остальное вы уже знаете.

Первые попытки изучения

Первопроходцем темы, заявленной в подзаголовке нашей статьи, является В. А. Зайцев⁴⁵: его перу принадлежит специальная статья, посвящённая влиянию Монтана на разработку военной темы в творчестве прежде всего Окуджавы, но также, возможно, и Галича, и Высоцкого. По мысли исследователя, песня Ф. Лемарка «Когда солдат уходит на войну...» из репертуара Монтана обнаруживает своё «прямое поэтическое эхо» в «Песенке о солдатских сапогах» и «Песенке весёлого солдата» Окуджавы — на уровне тематическом, образном и ритмическом. Исследователь приводит французский текст песни и предлагает собственный подстрочный перевод её; между тем вопрос о том, откуда не знавший французского языка⁴⁶ Окуджава мог знать в деталях содержание песни, автор статьи оставляет открытым.

Р. Ш. Абельская усматривает здесь и влияние поэзии Р. Киплинга⁴⁷.

Другой исследователь, Ольга Розенблюм, посвятившая объёмный труд становлению Окуджавы как поэта⁴⁸, ограничивается цитированием одного из его высказываний, приведённых нами в начале статьи, и никак его не комментирует. Ни словом не упоминает она и статью В. А. Зайцева. Впрочем, комментарий в её работе есть, но выглядит он следующим образом:

Отмечая влияние Монтана, Окуджава говорил, что об «авторской песне» — как её позже назовут — он тогда ничего не знал: «<...> я продолжал то, что было. Но должен вам сказать честно, когда начал, я Визбора не знал и даже ничего о нём не слышал».

Создаётся впечатление, что здесь Окуджава говорит о том, что он продолжатель именно «дела Монтана», но не Визбора и других своих предшественников по авторской песне. Доля истины в такой интерпретации, как мы попытаемся доказать, есть. Между тем в данном случае проявился не всегда коррект-

⁴⁵ См.: Зайцев В. А. «Когда солдат уходит на войну...»: Ив Монтан и Окуджава, Высоцкий, Галич // Зайцев В. А. Окуджава. Высоцкий. Галич: Поэтика, жанры, традиции. М., 2003. С. 49–60.

⁴⁶ «Английским [владею] еле-еле» (*Эпельзафт М., Мазин А.* Два дня в беседах с «музыкальным человеком» // *Голос надежды*. Вып. 7. М., 2010. С. 148).

⁴⁷ См.: Абельская Р. Ш. Каждый пишет, как он слышит: Поэтика Булата Окуджавы. Екатеринбург, 2008. С. 183–204.

⁴⁸ См.: Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы: Опыт реконструкции биографии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГТУ, 2004.

ный стиль работы, присущий этому исследователю⁴⁹: на самом деле в интервью О. Фочкину, на которое ссылается Розенблюм, о Монтане речи вовсе не шло⁵⁰.

Серию интересных типологических наблюдений о творчестве Окуджавы и французских певцов находим в статье О. Волковой, но имя Монтана исследовательница упоминает лишь в общем списке, никак не выделяя его⁵¹. Американский исследователь Р. Джагалов, рассматривающий русскую авторскую песню на фоне её зарубежных аналогов⁵², и вовсе его не упоминает. Объёмная книга И. Имамалиева «Барды» содержит главу, посвящённую французскому шансону, но в ней также отсутствует имя Монтана или кого-то из его «соавторов»⁵³. Значение его творчества для песенно-поэтического дебюта Окуджавы отмечено в общих чертах Д. Быковым⁵⁴. Он, кстати, пишет о том, что Окуджава был на концерте французского певца, но мы данных, подтверждающих эти сведения, не обнаружили.

Источники текстов

Впрочем, был или не был Окуджава на этих концертах — для наших изысканий не очень важно: песни Монтана, как мы уже выяснили, и без того звучали повсеместно. Впечатления от его репертуара отразились, естественно, по преимуществу

⁴⁹ О случаях подобного её некорректного цитирования, а также игнорирования работ предшественников см., в частности, в ст.: Крылов А. Е. Размышления о самоиронии, корректности цитирования, агглютинации и конфабуляции, или О том, как и когда молодые поэты «били» Булата Окуджаву // *Голос надежды*. Вып. 6. М., 2009. С. 234–305.

⁵⁰ См.: *Ну до меня был Визбор, был Анчаров... Понимаете, то, что я вдруг оказался в глазах многих таким родоначальником, просто так сложились обстоятельства. Вокруг меня больше шума. Поэтому я стал основоположником. Нет, я продолжал то, что было*, — и далее по тексту цитаты (Окуджава Б. О самой главной песенке: «Творчество у Пушкина, а у меня — работа» / [Беседовал] О. Фочкин // Моск. комсомолец. 1995. 1 марта).

⁵¹ См.: Волкова О. Булат Окуджава и традиции французского шансона // Булат Окуджава: Опыты молодых: Материалы I науч.-практ. конф. молодых учёных. 12 апр. 2008 г., Переделкино / Сост. Е. А. Семёнова. [Вып.] IV. 2-е изд., с изм. и доп. М.; Магадан: Изд-во Сев.-Вост. гос. ун-та, 2011. С. 51–54.

⁵² См.: Джагалов Р. Авторская песня как жанровая лаборатория «социализма с человеческим лицом» / Авторизов. пер. с англ. А. Скидана // *Новое лит. обозрение*. Вып. 100. 2009. № 6 (нояб. — дек.). С. 204–215.

⁵³ См.: Имамалиев И. Французский шансон // Имамалиев И. Барды. [Баку: Б. и., 2009]. С. 38–55.

⁵⁴ См.: Быков Д. Булат Окуджава. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 278–279.

*Два издания
нотного сборника
и Программа
гастролей
с прозаическими
пересказами*

в сочинениях Окуджавы второй половины 1950-х, написанных в самое ближайшее после гастролей певца время (мы опираемся на имеющуюся авторитетную датировку песен поэта⁵⁵).

Назовём источники, которыми, по всей видимости, и пользовался Окуджава при знакомстве с содержанием песен шансонье.

Во-первых, это программа концерта, выпущенная Министерством культуры СССР для московских, ленинградских и киевских зрителей⁵⁶. Разумеется, она должна была быть единой на всех выступлениях певца, ибо при тогдашней идеологической жёсткости даже для либерального (по советским понятиям) «далёкого друга» исключения не предполагались. Песни были «залито-

⁵⁵ Далее датировка их даётся по «самиздатскому» сборнику, хронология которого обговаривалась одним из участников издания, И. М. Зиминим, с самим поэтом: Окуджава Б. Собр. соч.: [В 11 т.] М.: КСП, 1984. Т. 2. Песни.

⁵⁶ См.: Ив Монтан (Париж): Москва; Ленинград; Киев. Декабрь 1956 — январь 1957. [М.: Госконцерт, 1956]. (Гастроли в СССР). Далее тексты краткого пересказа содержания песен приводятся нами по этой брошюре; ссылки на неё не оговариваются.

*Три издания
книги Монтана*

ваны», их список не должен был меняться. Впрочем, программа показывает, что она продумана самим певцом, заботившимся о разнообразии репертуара (о чём он сам пишет в автобиографической книге) и хорошо знавшим, какие номера должны звучать в начале концерта («Баллада о Париже» как песня-зачин, драматичная «Когда солдат уходит на войну»), а какие — в конце (элегические «Опавшие листья», бодряя «Как хорошо»). Программа продавалась, как это всегда бывает, в фойе концертных залов и сама по себе заслуживает внимания: она содержит фрагменты из книги «Солнцем полна голова» и иллюстрирована фотоснимками певца и видами Парижа, рисунками по мотивам песен. В сущности, это книжка-альбом увеличенного формата объёмом в сорок страниц. Главное, что было в этом альбоме, — это пересказы двадцати трёх песен из репертуара Монтана. Очевидно, программа концерта была у Окуджавы. Позднее читатель поймёт причину нашей уверенности.

Во-вторых, важным источником русских текстов Монтана явился нотный сборник, состоящий из двенадцати песен в переводах Эм. Александровой, С. Болотина, Д. Самойлова⁵⁷, Т. Сикорской и Ю. Соболенского. Некоторые тексты были представлены двумя переводами. В приложении к сборнику были напечатаны

⁵⁷ Д. Быков пишет, что песенка «На рассвете» в самойловском переводе ушла в фольклор (см.: Указ соч. С. 279).

и французские оригиналы стихотворений. Он был подписан к печати 1 декабря 1956-го⁵⁸. Его пятидесятитысячный тираж разлетелся моментально, и через два месяца книга вышла повторным тиражом, уже в 1957 годом на обложке. Такой чести в СССР удостоивалась только политическая литература.

Третьим важнейшим источником стало предисловие С. Образцова к книге «Солнцем полна голова»⁵⁹. Его в дальнейшем мы тоже будем цитировать неоднократно.

Более мелкими источниками для советского слушателя явились пересказы содержания песен в журнально-газетных статьях, на которые мы также будем ссылаться ниже⁶⁰; ещё раньше они появлялись отдельными публикациями в переводах⁶¹. Есть вероятность, что подобные — но другие — пересказы звучали и в комментариях по радио. Присутствуют они и в упоминавшемся нами документальном фильме С. Юткевича и М. Слуцкого.

Город

Поскольку сам бард выделил у Монтана именно городскую тему, поиск вероятных творческих заимствований тем, мотивов и образов мы начнём с неё. Нам представляется, что под влиянием открывавшей концерт «Баллады о Париже» (стихи Ф. Лемарка, музыка Б. Кастелла) возникла, в частности, песня «Московский муравей» (1957). Приведём русский пересказ «Баллады...»:

Столько поэтов уже слагали песни о Париже, что остались ли мне слова, чтобы сказать о твоей красе, город мой?

У букиниста на набережной, в пожелтевшей от времени книжке, я прочёл о твоих радостях и страданиях...

У каждой из этих улиц своя история, у каждой стены когда-то был бой за свободу... Твой народ с песнями строил Нотр-Дам, с песнями взял Бастилию...

Века идут, а Парижу всё двадцать лет... Сена свила себе русло между серыми набережными. И, наверное, ей тут неплохо, раз она по-прежнему здесь живёт...

У песни Окуджавы — совершенно «монтановский» зачин, отызывающийся и в последующем тексте песни:

⁵⁸ Поэт Ив Монтан. М.: Музгиз, 1956. 64 с.

⁵⁹ См.: *Образцов С.* Певец Парижа: [Предисл.] // Монтан И. Солнцем полна голова / Пер. О. Образцовой и К. Наумовой. М.: Молодая гвардия, 1956.

⁶⁰ См. ст. того же С. Образцова, С. Юткевича, а также: *Капралов Г.* Друг и его друзья: Первый концерт Ива Монтана // Ленинград. правда. 1957. 5 янв.; *Гаевский В.* Ив Монтан на эстраде // Театр. 1957. № 3. С. 175–177.

⁶¹ Почтальон, Большие бульвары; Парижский гамен / Пер.: С. Болотина, Т. Сикорской // Огонёк. 1955. № 11. С. 30–31.

Не тридцать лет, а триста лет иду; представьте вы,
по этим древним площадям, по голубым торцам.
Мой город носит высший чин и звание Москвы,
но он навстречу всем гостям всегда выходит сам /200/⁶².

Переключка заключается в том, что и здесь и там, при обшей для обеих песен поэтизации улиц, площадей, набережных (*голубые торцы* — неожиданная в лирическом контексте аллюзия на официальный символ столицы и страны — на Красную площадь⁶³), обыгран древний возраст вечно молодого города — с той разницей, что русский поэт обыграл ещё и свой условный возраст (*тридцать лет*), подчеркнув этим личное наполнение лирической ситуации. Другая переключка возникает в строках «Ах, этот город, он такой похожий на меня: // то грустен он, то весел он, но он всегда высок...» Сравним у Лемарка — Монтана: «...о твоих радостях и страданиях». Опять-таки, и здесь отметим усиление лирического начала у Окуджавы: «похожий на меня» (сам этот «обратный ход» звучал неожиданно и смело: не я похож на город, а он на меня!).

Возможно, именно под влиянием «Баллады о Париже» («Твой народ... с песнями взял Бастилию...»), а также другой — более популярной — песни Монтана «В Париже» (слова и музыка Ф. Лемарка; «...с тех пор как в Париже взяли Бастилию...»)⁶⁴ образ Москвы у Окуджавы в другой его песне того же 1957 года («Арбат беру с собою...») приобретает «революционный» оттенок:

Арбат беру с собою — без него я ни на шаг, —
Смоленскую на плечи я набрасываю,
и Пресню беру, но не так, чтобы так,
а Красную, Красную, Красную /552/.

Поэт здесь не только говорит о революционном прошлом известного московского района, но и обыгрывает свой собственный адрес той поры: только что перебравшись в столицу из Ка-

⁶² Произведения Окуджавы цитируются в нашей статье с указанием /в косых скобках/ только номера страницы после цитаты по изд.: *Окуджава Б.* Стихотворения /Сост. и подгот. текста В. Н. Сажина и Д. В. Сажина. СПб., 2001. (Новая б-ка поэта).

⁶³ Ср. в одной из популярных в ту пору песен официальной советской эстрады: «Я люблю твою Красную площадь // И кремлёвских курантов бой» («Песня о Москве» М. Лисянского на музыку И. Дунаевского). Кстати, именно её привёл Окуджава как пример показательного отвлечённого гимна о столице в интервью 84-го года, с цитаты из которого мы начали нашу статью.

⁶⁴ Скорее всего, именно эту песню имел в виду Окуджава в «менестрельском» интервью 1984 года.

луги, он жил на Краснопресненской набережной, где получила квартиру его реабилитированная мать, остававшаяся, несмотря на пережитые ею репрессии и расстрел мужа, убеждённой коммунисткой. Напомним, что именно в 1957-м Окуджаву пишет «Сентиментальный марш», со знаменитыми строками о *комиссарах в пыльных шлемах*. Так что песня «Арбат беру с собою...» включает в себя разные автобиографические ассоциации.

Особый творческий интерес Окуджавы к «Балладе о Париже» мог быть усилен строками из предисловия С. Образцова к одному из двух упомянутых нами выше советских изданий книги Монтана «Солнцем полна голова» 1956 года — именно к тому, которое вышло в издательстве «Молодая гвардия», в штате которого поэт в ту пору как раз работал. (Конечно, концерты шли раньше, чем поэт устроился в издательство, хотя и это само по себе не означает, что книга не могла быть известна ему до гастролей Монтана.) Вполне вероятно и то, что, испытывая большой интерес к Монтану, Окуджава внимательно вникал не только в программу концерта, но и, как мы уже писали, в предисловие Образцова. Там знаменитый кукольник даёт своё переложение текстов некоторых песен, и в частности — свою интерпретацию «Баллады о Париже»:

Речь идёт о прошлом Парижа. Но и слова, и музыка, и, главное, исполнение оказались пронизаны таким трепетным, таким личным, таким сегодняшним отношением к этому прошлому, что баллада прозвучала как чудесный любовный монолог, только адресованный не женщине, а городу⁶⁵.

Не «с подачи» ли Образцова Окуджава воспринял песни Монтана о Париже как «сердечные», «тёплые» и «личные» (эта мысль вообще — лейтмотив предисловия)?

Другой знаменитой песней — «Большие Бульвары» (стихи Ж. Планта, музыка Н. Гланцберга) — навеяна, по-видимому, лирическая ситуация песни «На Тверском бульваре» (1956), в связи с которой Окуджава, кстати, и вспомнил о влиянии Монтана (см. самую первую цитату в начале нашей статьи)⁶⁶. Для Окуджавы, певца частной жизни в самом высоком смысле этого слова, бульвар — место, где горожане отдыхают, гуляют, объясня-

⁶⁵ Образцов С. Певец Парижа. С. 10.

⁶⁶ См. о ней подробнее: Кулагин А. «На Тверском бульваре»: О первой песне «нового Окуджавы» // Голос надежды. Вып. 3. М., 2006. С. 310–324; Крылов А. Е. Указ. соч. // Там же. Вып. 6. 2009. С. 293–300. Параллель впервые отмечена Д. Быковым (Указ. соч. С. 279).

ются в любви — и был средоточием именно частной жизни; творчество Монтана оказалось для него важнейшим и ближайшим прецедентом такого творческого подхода.

Вот содержание французской песни:

Я ведь токарь, а не миллионер, развлекаться мне не на что. Зато каждый день, только кончу работать, бегу на Большие Бульвары; там, в весёлой и шумной сутолоке, я забываю все неприятности, все печали.

А иногда встретишь девушку с ангельскими глазами и пойдёшь за этими глазами далеко, далеко...

Совсем поздно уже, когда я возвращаюсь в свою комнатушку, под самой крышей. И в открытое окно несётся грохот и сверкание волшебного мира Больших Бульваров...

Можно заметить, что русский поэт слегка драматизирует ситуацию, усиливая мотив неприкаянности лирического героя, который у Монтана всё же не был *непутёвым* и нуждающимся в тепле, хотя и забывал на бульварах «все неприятности, все печали»:

Та зелёная скамья,
я признаюсь без вранья,
даже в стужу согревала непутёвого меня /127/.

Кстати, своеобразное поэтическое родство парижской и московской топонимики почувствовал в уже упоминавшейся нами песне о Монтане и Я. Хелемский: «...И музыке вторят Большие Бульвары с московским Садовым кольцом». Мотив же *стужи* мог быть навеян не только реальной погодой конца года⁶⁷, но и атмосферой знаменитой в ту пору песни (говоря по-нынешнему, хита) «Опавшие листья» Ф. Лемарка, также исполнявшейся Монтаном: «...сегодня осенние листья осыпали землю, и северный ветер уносит их в холодную ночь забвения. Но песня, что пела ты тогда, всегда будет звучать для меня...» Между тем песня «Большие Бульвары» отозвалась у Окуджавы, возможно, и в песне 1957 года «Полночный троллейбус» («Полночный троллейбус, по улице мчи, // верши по бульварам круженье...» /140/), и в написанной несколько лет спустя после гастролей Монтана, в 1961-м, песне «Плыл (в авторских фонограммах встречается: *Шёл. — Авт.*) троллейбус по улице...»:

Плыл троллейбус по улице.
Женщина шла впереди.
И все мужчины в троллейбусе
молча смотрели ей вслед.

⁶⁷ Именно ноябрём-декабрём датирована песня со слов поэта в «самиздатском» сборнике 1984 года (см. выше сн. [5]).

Троллейбус промчался мимо.
Женщину он обогнал.
Но все мужчины в троллейбусе
глаз не сводили с неё /190–191/.

Сравним у Планта — Монтана: «А иногда встретишь девушку с ангельскими глазами и пойдёшь за этими глазами далеко, далеко...»

Более того, «Большие Бульвары» и «Песенка об Арбате» (1959) пересекаются на уровне текстов, точнее — центрального образа. В поэтическом переводе, опубликованном в 1955 году в журнале «Огонёк» и уже упоминавшемся нами, текст французской песни содержал такой фрагмент: «Я так люблю в вечерний час // кольцо Больших Бульваров // обойти хотя бы раз! // Там столько пищи есть для глаз, — // весело сверкая, // там течёт река людская». Параллель помогает понять однозначно смысл знаменитого окуджавского «Ты течёшь, как река»: здесь поётся *о людской реке (пешеходы твои), текущей* вдоль улицы.

Влияние Монтана — возможно, невольное — порой проступает у Окуджавы и в позднейшие годы. Так, в той самой «огоньковской» подборке 1955-го года был опубликован поэтический перевод песни «Почтальон», заглавный образ которой мог отозваться в песне Окуджавы «Мой почтальон» (1984): «Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно, // корреспонденцию носит и в двери стучит. // Мой почтальон из другого какого-то теста: // писем ко мне не приносит, а только молчит» /412/. Сравним в тексте из «Огонька»: «Разносит письма почтальон, // обходит с песенкою он // свой район. // Ведь без песни // нет для сердца взлёта, // с нею легче // всякая работа!» Мотив грусти во французской песне тоже звучал, но он был отнесён к тем героям, которые, в отличие от почтальона, не поют — например, к нотариусу: «...какой он грустный, грустный, грустный!» (не предвосхищены ли здесь грустные герои нашего барда?).

Если продолжать говорить о сравнительно позднем творчестве Окуджавы, то влияние Монтана особенно заметно в песне «Парижская фантазия» (1982), интересной своей панорамностью, стереоскопичностью, лирическим охватом разных проявлений городской жизни:

У парижского спаниеля лик французского короля,
не погибшего на эшафоте, а достигшего славы и лени:
набекрень паричок рыжеватый, милосердие в каждом движении,
а в глазах, голубых и счастливых, отражаются жизнь и земля /397/.

Уже упоминавшаяся нами песня Лемарка — Монтана «В Париже» была как раз панорамной, и хотя в русском переложении её не упоминались *кафе* или, скажем, *такси*, но даже не владея французским языком, эти слова нетрудно расслышать в пении Монтана. *Ресторанчик* в песне Окуджавы (кстати, реальное и популярное среди русских эмигрантов место⁶⁸) — сродни тому самому *кафе*. Роднит конкретные городские приметы сама атмосфера поэтической картины — в обоих случаях просветлённая и жизнерадостная⁶⁹, подчёркнутая сходной мелодией-«скороговоркой». У Монтана она встречается не раз: например, в тех же «Больших Бульварах» или в песне «Скажи мне, Джо» (тоже входившей в программу гастролей) он контрастно оттенял распевное пение быстрым речитативом.

Нечто похожее обнаруживаем в гораздо более ранней, малоизвестной, сохранившейся, насколько нам известно, лишь на одной некачественной и не издававшейся пока на аудионосителях авторской фонограмме песне «Ленинградская музыка» (<1962-1963>): мелодия её напоминает мелодию песни «В Париже» (не это ли помешало ей полноправно войти в репертуар автора?). Любопытно, что не только Москва, но и Петербург-Ленинград мог восприниматься Окуджавой через призму песенного мира Монтана.

Музыка, живопись, художник...

Мы вернулись к творчеству Окуджавы 1950–1960-х годов. Не исключено, что творчеством Монтана отчасти навеяны ему мотивы городского — то есть уличного — танца и городской музыки. Ещё раз обратимся к тексту песни «В Париже»: «А с тех пор как в Париже взяли Бастилию, на окраинах, на каждом перекрёстке, парни с девушками танцуют, кружатся, кружатся, кружатся без конца...»

Сравним у Окуджавы в стихотворении «Джазисты» (авторская датировка — 1959; первая публикация — 1967), где речь идёт о гибели ополченцев во время войны:

⁶⁸ См., например: *Смехов В.* Увидеть Париж — и отдохнуть // *Знамя.* 2009. № 9. С. 107.

⁶⁹ Ср. у Окуджавы в более позднем «Таможенном» тоже вполне «монтановские» строки: «Париж прекрасный город, продуманный хитро // в том смысле, что продуман он как надо: // там всё к твоим услугам от песен до метро, // от мяса и вина до авокадо» /508/. О полемичности парижских стихов Окуджавы по отношению к поэзии Маяковского см.: *Кулагин А.* Эту книгу читал молодой Окуджава // *Голос надежды.* Вып. 4. М., 2007. С. 275–276.

Редели их ряды и убывали.
Их убивали, их позабывали.
И всё-таки под музыку земли
их в поминанье светлое внесли,

когда на пятачке земного шара
под майский марш, торжественный такой,
отбила каблуки, танцую, пара
за упокой их душ. За упокой /181/.

И во французской песне, и в стихах русского поэта танец под открытым небом — знак продолжающейся жизни⁷⁰; в обоих случаях он ассоциативно (у Окуджавы ещё и контрастно) связан с событиями истории — соответственно взятием Бастилии и Великой Отечественной войной. Любопытно, что во французском ролике 1950-х годов (прообраз современного телевизионного клипа)⁷¹, который в эпоху «раскрутки» Монтана в СССР вполне мог оказаться и на советском телеэкране и который Окуджава мог видеть на рубеже 1950—1960-х годов (вплоть до 1968-го, когда осудивший ввод советских войск в Чехословакию Монтан окончательно перестал быть «другом Советского Союза»), упоминанию Бастилии и танцев соответствует эпизод, когда рядом с певцом встречается и обнимается молодая пара; они, правда, не танцуют и быстро исчезают из кадра, но зрительное впечатление — особенно если оно было неоднократным — могло остаться в творческой памяти автора «Джазистов», несмотря на то, что стихи создавались не по горячим следам гастролей, а позже.

Именно поэтому тот же ролик мог спустя ещё несколько лет по памяти или после свежего просмотра отозваться в творческой работе над «Песенкой о ночной Москве» (1965). Одному из нас приходилось писать о том, что знаменитый образ *надежды маленького оркестрика под управлением любви* мог быть навеян стихотворением Маяковского «Приказ по армии искусств»⁷². Между тем поющего на экране песню о Париже Монтана сопровождают и вместе с ним в самом буквальном смысле слова *бродят меж людьми* два музыканта неприятного вида и не юного возраста — гитарист и аккордеонист, а в начале и в конце в кад-

⁷⁰ Ср. в малоизвестном стихотворении Окуджавы рубежа 50-х — 60-х годов — «В нашем доме будет праздник...»: «С сотворенья мир танцует, // долго будет танцевать!» и так далее (цит. по: Кулагин А. В. Булат Окуджава: из неопубликованного // Вестн. Коломен. гос. пед. ин-та. 2007. № 3. С. 38).

⁷¹ См.: www.youtube.com: 24.03.2010.

⁷² См.: Кулагин А. Эту книгу читал молодой Окуджава. С. 272.

Первое отделение

БАЛЛАДА О ПАРИЖЕ. Музыка Боба Кастелла, слова Франсиса Лемарка.
 СОЛДАТ УХОДИТ НА ВОЙНУ. Музыка и слова Франсиса Лемарка.
 ДЕВУШКА НА КАЧЕЛЯХ. Музыка Мирейя, слова Жана Поэма.
 ЧТО НАДО БЫЛО. Музыка Пьера Ареа, слова Мишеля Вокера.
 БРОДЯЧИЕ КОМЕДИАНТЫ. Музыка Луи Бессьера, слова Гийома Аполлинера.
 ПОЛОСАТЫЙ ЖИЛЕТ. Музыка Лавиньи, слова Анри Кутэ.
 Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. Музыка и слова Анри Кролла.
 ГИТАРА В ИЗГНАНИИ. Музыка и слова Лео Ферре.
 СТИЛЯГА. Музыка Эдуара Шеклера, слова Эдит Пиаф.
 ХУДОЖНИК, ЯБЛОКО И ПИКАССО. Стихотворение Жака Превера.
 БОЛЬШИЕ БУЛЬВАРЫ. Музыка Норбера Гланцберга, слова Жака Планта.

Второе отделение

ТЫ НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖА. Музыка и слова Франсиса Лемарка.
 ДОРОГА ОЛИВ. Музыка и слова Франсиса Лемарка.
 ШОФЕР. Музыка и слова Франсиса Лемарка.
 ДАЙ МНЕ ДЕНЕГ. Музыка Анри Кролла, слова Анн-Мари Казалис.
 ЧИСТИЛЬЩИК С БРОДВЕЯ. Музыка Анри Кролла, слова Жака Превера.
 СКАЖИ МНЕ, ДЖО. Музыка Анри Кролла, слова Жана Космоса.
 ДИРИЖЕР ВЛЮБЛЕН. Музыка Жоржа Лифермана, слова Жака Марейя.
 НА РАССВЕТЕ. Музыка Филипа Жерара, слова Флавиена Моно.
 БАРБАРА. Стихотворение Жака Превера.
 В ПАРИЖЕ. Музыка и слова Франсиса Лемарка.
 ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. Музыка Жозефа Косма, слова Жака Превера.
 КАК ХОРОШО. Музыка Анри Вэти, слова Андре Орнеса.

Утверждённая
 программа
 концертов

ре появляется ещё и барабанщик. Чем не *маленький оркестрик*? Ассоциация эта кажется тем вероятнее, что в одном из фрагментов своей автобиографической книги — как раз в том, который был перепечатан (по переводу М. Кочарян) и в программе концерта, — Монтан пишет о своём особом творческом отношении к аккомпанирующим ему на сцене музыкантам: «...я нашёл то, что называю “приёмом с тюлевым занавесом”. Я хотел как-нибудь избавиться от узаконенного положения, по которому музыканты помещаются в оркестре внизу, перед певцом, что сильно мешает пению. Нужно было поместить их тут же на сцене. Но это отвлекало бы зрителей и нарушило бы цельность представления. Я придумал занавес из тюля, который скрывал бы музыкантов от глаз публики, но совершенно не заглушал бы

их игры»⁷³. Такое решение действительно было новинкой, обсуждалось публикой и не могло не обратить на себя внимание столь восприимчивого к опыту Монтана слушателя и читателя как Окуджава. Можно допустить, что этот опыт стал одной из составляющих творческого пристрастия поэта к оркестрам и оркестрикам, к городской музыке (у него даже улица России поёт, а музыка духовых оркестров расплескалась в улочках окрестных).

Вспомним и такое свидетельство Окуджавы:

Во Франции, например, существует давняя песенная традиция, публика приучена, и её любовь к «бардам» распределяется равномерно. А у нас произошёл взрыв... Вспоминаю, что тогда, в конце пятидесятых, я мечтал найти двух-трёх гитаристов и каждый вечер выходить с ними на Тверской бульвар и петь, приучать публику. Приучать не пришлось, да и друзья меня отговорили»⁷⁴.

Или о том же:

Когда я только начинал, распространялись слухи, что я — молодой пошляк с усиками, с гитарой. Тогда, кстати, гитара считалась по большевистским представлениям очень предосудительным, мещанским инструментом. Поэтому у меня даже возникла идея взять двух каких-нибудь энтузиастов-гитаристов и каждый вечер, допустим, в восемь часов, приходить на Тверской бульвар и петь там, приучая к этому публику. Но меня отговорили, объяснив, что меня тут же арестуют и этим всё закончится»⁷⁵.

Прообразом такого же «оркестрика», по-видимому, является и группа аккомпаниаторов Монтана. Кстати, на протяжении всей своей «исполнительской» карьеры Окуджава неизменно хвалил польскую пластинку 1960-х годов, на которой актёры исполняли его песни под инструментальный ансамбль. Лев Шиллов рассказывал, что когда поэту в начале 1970-х буквально пришлось выступить с группой музыкантов, он остался этим экспромтом очень доволен. С середины 1980-х он ещё сильнее стал тяготеть к более богатому аккомпанементу, нежели давала ему его гитара. Он, например, настоял на записи значительного количества своих песен с аккомпаниатором-гитаристом. В этой

⁷³ Монтан И. Солнцем полна голова. М.: Искусство, 1956; Ив Монтан: [Гастроли в СССР. С. 12].

⁷⁴ Окуджава Б. О чём ты успел передумать, отец / Монолог записал И. Мильштейн // Сел. молодёжь. 1985. № 2. С. 39.

⁷⁵ Окуджава Б. Всему времечко своё / Беседовал М. Нодель // Моя Москва. 1993. № 1–3 (янв. – март). С. 4.

роли выступили М. Виноградов и С. Никитин (первый из них даже иногда помогал поэту на его концертах)⁷⁶. В то же время он пробовал записываться и под синтезатор сына Антона. Пять песен были записаны (и изданы на «Мелодии») с участием композитора В. Дашкевича и скрипача Э. Идельчука⁷⁷. А на исходе жизни он и вовсе обратится к «монтановскому» типу выступлений — станет выходить на сцену с сыном, сопровождавшим его и в зарубежных гастрольных поездках; это, конечно, был не «оркестрик», но всё же некое подобие его.

Мотив оркестра влечёт за собой новый поворот в нашем исследовании, связанный с темой творчества. Начинаящий во второй половине 1950-х бард, не раз сталкивавшийся с неприятием своего творчества как «сверху» (запреты, предвзятые публикации в прессе), так и «снизу» (психологическая неподготовленность части аудитории к новому песенному искусству), нашёл, как нам думается, «поддержку» у Монтана — в частности, в песне «Гитара в изгнании» (стихи и музыка Л. Ферре):

Испанский друг мой! И в изгнании твоя гитара звучит, как тру-
бы. Ты шёл по улице, и в зубах у тебя был цветок.

Друг! И парижские гитары научатся петь твои песни...

Ты ушёл по улицам Парижа, сказав одно только слово: терпение.

Впечатления от этого текста вполне могли отозваться в песне Окуджавы «Гитара» (1961), автор которой обошёл стороной политическую подоплёку французской песни (например, ассоциации с режимом Франко), но выделил для себя мотив ходьбы по улице с инструментом, мотив изгнания (воспринятый им не буквально, а в переносном значении: предвзятое отношение окружающих; ср. с позднейшей песней Окуджавы «Гимн уюту») и мотив терпения:

Мы из компании. Мне привычны
и дождь и ветер, и дождь и ты.
Пускай болтают, что не типичны
в двадцатом веке твои черты.

.....

Тебе не первой, тебе не первой
предъявлен веком нелёгкий счёт.
Моя гитара, мой спутник верный,
давай хоть дождь смахну со щёк /223/.

⁷⁶ Подробнее см.: Крылов А. Е. Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. М.: Булат, 2005. С. 51–62.

⁷⁷ Окуджава Б. Новые песни. М.: Мелодия, 1986. № С60 25001 009.

*Фотооткрытки
1956 и 1958 годов*

Если наше предположение верно, то любопытно, что и в этом случае творческий опыт Монтана соединился в восприятии Окуджавы с творческим опытом Маяковского как автора стихотворения «Скрипка и немножко нервно»⁷⁸. Возможно, так же произошло и в работе поэта над «Главной песенкой», центральный образ которой напоминает о стихотворении Маяковского «Лучший стих»⁷⁹, а один из мотивов — песню из репертуара Монтана «Скажи мне, Джо» (стихи Ж. Космоса, музыка А. Кролла). На вопрос «почему ты смеёшься, как смеются ребяташки?» Джо отвечает: «Да просто в горле у меня застряла песенка, а в глазу — солнечный зайчик. И вообще, мне двадцать лет, мне хочется смеяться, тратить себя, и петь, весело петь!»

Сравним у Окуджавы:

Наверное, самую лучшую
на этой земной стороне
хожу я и песенку слушаю —
она шевельнулась во мне /231/.

⁷⁸ См.: Кулагин А. Эту книгу читал молодой Окуджава. С. 272–273.

⁷⁹ См.: Там же. С. 282–283.

Два произведения роднит, помимо этого общего мотива (песенка, *застывшая в горле* или *шевелинувшаяся* внутри), атмосфера какой-то творческой праздничности, света, молодости (Окуджав: «Сквозь время, что мною не пройдено...»).

«С подачи» Монтана Окуджав мог обратиться в поэзии к образу художника, представителя высокого искусства, сделать его своим героем, наделить его облик и поведение конкретными бытовыми и психологическими чертами. В репертуаре французского певца была песня «Художник, яблоко и Пикассо» (стихи Ж. Превера⁸⁰) следующего содержания:

Яблоко позировало художнику, и бедняжка старался схватить всё ускользающее сходство. Измучившись, он уснул, и приснились ему всяческие яблоки, знаменитые или нет — земной рай, Адам и Ева, Вильгельм Телль, Ньютон...

Шёл мимо Пикассо, яблоко съел, а тарелочку разбил. И, проснувшись, художник оказался перед разбитой посудой, неоконченным холстом и косточками. Их оставил Пикассо...

В сюжете этой песни есть нечто условно-недосказанное, и этим он, как нам кажется, предвосхищает будущую поэтическую манеру Окуджавы («тарелочку разбил» — *шарик улетел*; заодно отметим и использование уменьшительно-ласкательного суффикса, для Окуджавы вообще характерное: *кусочек дня*; *на ниточке висел*...). Но предвосхищает он и появление в стихах русского поэта Моцарта и Пиросмани — как раз в контексте символических мотивов еды. Последний у Окуджавы «...жизнь любил не скупю, // как видно по всему... // Но не хватило супа // на всей земле / ему» («Песенка о художнике Пиросмани», 1964 /275/); в зачине же стихотворения звучит «монтановский» мотив сна и появления художника на фоне и как бы из этого сна:

Что происходит с нами,
когда мы смотрим сны?
Художник Пиросмани
выходит из стены...

Яблоко же появится у Окуджавы ещё двадцать лет спустя в песне «Отъезд», героем которой, как и в давней «Песенке о Моцарте», станет великий австрийский композитор. Его молодости лирический герой песни противопоставляет собственную старость: «Жизнь моя, как перезревшее яблоко, // тянется

⁸⁰ В тех случаях, когда исполнение Монтана приближалось к речитативу, автор музыки в программе не указывался.

к тёплой земле припасть» /509/. Мы не исключаем, что судьба лирического героя на фоне судьбы великого художника вкупе с *яблоком* — комплекс мотивов, навеянный французской песней (важно, что именно комплекс, что у Окуджавы, как и у Превьера — Монтана, они появляются в лирическом единстве). Между тем «разбитая тарелочка» могла отозваться у Окуджавы в стихотворении «Послевоенное танго» (1973): «Я пил из чашки голубой — старался дочиста... // Случайно чашку обронил — вдруг август кончился» /344/⁸¹.

Общая у Монтана и Окуджавы тема творчества включает и мотив *дирижёра* (*маэстро*). В репертуаре первого была песня «Дирижёр влюблён» (стихи Ж. Марейя, музыка Ж. Лифермана):

Весь мир восхищался блестящим маэстро и охал и ахал, когда по мановению его палочки в оркестре гремела Пятая симфония...

Но она... Она любила только «Голубой Дунай», а когда играли Вагнера, то зевала бедняжка во весь свой ротик...

И что ж? Теперь он с шестью музыкантами играет в баре. Скандал был ужасный, но что ему за дело, раз он завоевал сердце своей Эжени!

(Сравним в монтановской песне «Стиляга»: «Старинные романсы ему не по душе; от классики ему делается скучно».)

В стихах Окуджавы 1960-х и более поздних годов *маэстро* появится не раз — и в знаменитой «Песенке о Моцарте» («Не оставляйте стараний, маэстро...»), и в стихотворении «В городском саду» («Но вышел тихий дирижёр, но заиграли Баха...»), и в песне «Ещё один романс» («И дирижёр ломает палочку в руках»), и в песне «Счастливый жребий» («Капельмейстеру хочется взлететь»). Но главное, конечно, — эмоциональное наполнение этого образа, которое как раз и может восходить к влиянию песни Монтана. Если там дирижёр *влюблён*, то здесь он *ломает палочку*, то ему *хочется взлететь*...

Мужчина и женщина

Может быть, сюжет французской песни отозвался и в одной из самых первых, как раз в 1957-м году сочинённой, песне Окуджавы — «Ванька Морозов». Окуджава тоже строит свой

⁸¹ В литературе об Окуджаве встречаются разные версии происхождения этого мотива. В. Н. Сажин слышит здесь аллюзию на рассказ А. Гайдара «Голубая чашка» (см.: Сажин В. Н. Примечания // Окуджавы Б. Стихотворения. С. 644); Н. Н. Какшто возводит к стихотворению Лермонтова «Чаша бытия» (см.: Какшто Н. «Московский текст» в поэзии Булата Окуджавы // Миры Булата Окуджавы: Материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 2007. С. 131).

сюжет на своеобразном мезальянсе, и тоже сопрягает его с темой искусства. Но если у Марейя — Монтана высокое творческое начало представляет мужчина, то у Окуджавы, напротив, — женщина, *циркачка*, которую полюбил Ванька и от любви к которой и происходят его злоключения. Он, как и дирижёр из французской песни, жертвует ради возлюбленной — жертвует деньгами («А он швырял в “Пекине” сотни...») и привычным простым укладом жизни («А он медузами питался...»). А возможно — сюжетная ситуация здесь слегка затушёвана, — что ещё и свободой («За что ж вы Ваньку-то Морозова? // Ведь он ни в чём не виноват» /143/). Окуджава, вполне в традиции русской классической литературы, делает акцент на теме «маленького человека», сочувствия ему, в то время как французский претекст находится в несколько иной смысловой плоскости: там поётся о равенстве в любви, а социальное начало приглушено. Любопытно, что если в песне «Дирижёр влюблён» любовь восторжествовала, то в судьбе Ваньки Морозова она не сбылась: развязка оказалась печальной. И циркачка герою в итоге не досталась, и новые неприятности его теперь ждут...⁸² Вообще заметное уже в лирике рубежа 1950–1960-х само приращение Окуджавы-поэта к демократичным городским, уличным зрелищам — не только к цирку, но и к зоопарку («Старый лев в передвижном зверинце»⁸³), шарманщикам («Шарманка-шарлатанка») — может в какой-то мере быть связано с увлечением творчеством Монтана, в московском репертуаре которого была песня Л. Бессьера на стихи Г. Аполлинера «Бродячие комедианты» (кстати, обычно выразительно обыгрывавшаяся певцом внешне), а другая песня (сейчас мы обратимся к её тексту) содержала мотив *балаганов*.

От этой параллели («Дирижёр влюблён» — «Ванька Морозов») легко перебрасывается мостик к ещё одной линии влияния репертуара Монтана на сравнительно раннего Окуджаву. Мы говорим о любовной теме. Вот ещё одна песня Монтана — «Девушка на качелях» (стихи Ж. Ноэна, музыка Мирейя):

⁸² О песне «Ванька Морозов» и других возможных песенно-поэтических ассоциациях в её тексте см. подробнее: Новиков Вл. И. Булат Окуджаву // Авторская песня / Сост. Вл. И. Новиков, Е. Н. Басовская. М., 2002. С. 27–29; Богомолов Н. А. Указ. соч. С. 402–404; Абельская Р. Указ. соч. С. 69–70; Кулагин А. «Сначала он, а потом мы...»: Крупнейшие барды и наследие Александра Вертинского // Голос надежды. Вып. 2. С. 350–351.

⁸³ Текст этого стихотворения, никогда не публиковавшегося самим поэтом, см.: Кулагин А. В. Булат Окуджаву: из неопубликованного. С. 34.

Как мила эта девушка, что взлетает высоко на качелях! Как ей весело, как она хохочет!..

Она мне понравилась, и мы пошли гулять средь балаганов... Но она хочет только одного — качаться на качелях...

Я влюблён! Она согласилась стать моей женой.

О радость! Вот мы у мэра, она моя жена.

Я близок к блаженству... Но, увы, она хочет только одного — идти качаться на качелях.

И пошла ведь!

Очевидно, качели в этом ассоциативном песенном сюжете становятся символом чего-то возвышенного, несоизмеримого с простыми повседневными житейскими ценностями. Не такую же ли лирическую нагрузку несёт у Окуджавы *голубой шарик* из одноимённой песни? Пока он *летит* и *возвращается* — проходит целая жизнь, разворачивается целая женская судьба, от детства до старости. Но важно не только тематическое сходство: Окуджава перенимает из французской песни своеобразную «кумулятивность» сюжета, в котором одно звено словно цепляется за другое, и вся эта цепочка по закону кольцевой композиции приводит нас, слушателей, в первоначальную точку. Только если у Ноэна — Монтана возвращение как бы отменяет сюжетную сердцевину (ухаживания и даже женитьба обесмысливаются), то у Окуджавы оно происходит через все стадии судьбы героини, и возвращается *голубой шарик* уже не к девочке, а к старушке, что прожила жизнь, хотя и кажется ей, что *мало прожила*...

Развязку такого типа Окуджава использует и пять лет спустя в песне «Он, наконец, явился в дом...» (1962). Как оказался мнимым союз героев в песне «Девушка на качелях», так «редуцировалась» ситуация возвращения героя здесь: «...и он повернулся, чтобы уйти, // и она не припала к его груди» /321/. Рефрен же песни Окуджавы прихотливо отвечает не только, естественно, её собственному сюжету, но и сюжету песни Ноэна — Монтана: «Но, знаешь, хоть Бога к себе призови, // всё равно ничего не понять в любви» (на авторских фонограммах последний стих звучит иначе: «разве можно понять что-нибудь в любви»). Такой концовкой вполне мог завершить свою песню и французский автор. Между тем, песня Окуджавы могла возникнуть не без влияния и ещё одной песни из репертуара Монтана — «Дай мне денег» (стихи А.-М. Казалис, музыка А. Кролла), герои которой не имели имён и были обозначены лишь местоимениями *Он* и *Она*. Для лирического рассказа от третьего лица это было необычно и придавало сюжету повышенную условность; так же строит

свою песню и Окуджава. Сам же сюжет песни «Дай мне денег», как и сюжет «Девушки на качелях», строился на своеобразном парадоксе, что тоже привлекло, по-видимому, автора «Голубого шарика» и «Он, наконец, явился в дом...»:

Он ведь женился по любви, но она пошла за него по расчёту.
И только и слышно от неё: «Дай мне денег... Мне надо одеться, мне надо на курорт».

Бедняга пошёл в ломбард, сердце своё заложить. Но так как оно было полно мечтаний, то оказалось очень лёгким, и дали за него гроши.

А когда он вернулся, она ему сказала: «Не могу же я жить с человеком без сердца!»

Как видим, три важнейшие лирические темы песенного творчества Окуджавы (прежде всего — творчества сравнительно раннего, рубежа 1950—1960-х годов) генетически связаны с репертуаром Монтана: *город, творчество, любовь*. Поэтический ракурс, в котором воспринимает эти темы бард, близок к монтановскому. Но это не значит, что в лирике Окуджавы нет других переключек с песнями знаменитого шансонье.

Например, можно дополнить наблюдения В. А. Зайцева касательно отражения «монтановских» мотивов в песнях Окуджавы о войне (см. выше). Так, в тексте одного из самых популярных произведений в репертуаре Монтана — мелодекламации «Барбара» (стихи Ж. Превера) — читаем: «...прошёл дождь, прошёл и ливень огня и стали. Какая мерзость война!» Думается, последняя фраза отозвалась в знаменитом окуджавском «Ах война, что ж ты сделала, подлая...» из песни 1958 года «До свидания, мальчики» /152/. Поэтическая смелость барда, неожиданное определение, которое «резко расходилось с утвердившимся в нашей пропаганде и в нашем искусстве взглядом на войну»⁸⁴, имели, как видим, прецедент в репертуаре Монтана.

Не исключаем, что и образ из позднейшей «Песенки о ночной Москве» (1965): «...когда свинцовые дожди // лупили так по нашим спинам...» /245/ — ассоциативно связан с текстом «Барбары» («ливень огня и стали»)⁸⁵. Возможно, что мотив на-

⁸⁴ Лазарев Л. «Ах, что-то мне не верится, что я не пал в бою...»: (Булат Окуджава и война) // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф. ... М., 2001. С. 118.

⁸⁵ Впрочем, похожая образность встречалась прежде и в советской поэзии — у Маяковского и автора стихов песни «Тачанка» М. Рудермана (см.: Скобелев А. «Много неясного в странной стране...»: Попытка избранного комментирования [произв. Высоцкого. Вып.] II. Воронеж, 2009. С. 125—126).

дежды, программный для всей поэзии Окуджавы⁸⁶, впервые привлёк его творческий интерес в тот момент, когда он перечитывал текст песни «На рассвете» (стихи Ф. Моно, музыка Ф. Жерара): «...На рассвете умирает любовь и забываются клятвы. И моя рука не находит твоей руки. Но на рассвете вновь рождается надежда...» (и так далее).

Не будем исключать и того, что метонимический, даже символический мотив одежды, в лирике Окуджавы рубежа 1950—1960-х годов (а порой и позже) ассоциирующейся с человеческой судьбой («Старый пиджак», «На мне костюмчик серый-серый...» и др.), в таком именно — символическом — качестве навеян исполнявшейся Монтаном песней «Полосатый жилет» (стихи А. Кутэ, музыка Лавиньи). Здесь Окуджаву могла привлечь сама возможность выстроить лирический сюжет вокруг предмета одежды — тем более что содержание французской песни было в этом смысле неожиданным и впечатляющим. Бывший лакей сидит в тюрьме за то, что убил «богатого», ходившего к женщине, в которую сам герой был влюблён: «Теперь я опять в полосатой одежде, но уже в тюремной. На двадцать лет!»⁸⁷

Не только из песен...

Выше мы говорили о том, что Окуджаве, скорее всего, был известен текст автобиографической книги Монтана «Солнцем полна голова». В ней (а не только в песнях) мы обнаруживаем мотивы, зазвучавшие впоследствии и в лирике русского поэта. Обратим внимание на эпизод из детства героя книги, росшего в испытывавшей материальную нужду семье ремесленника:

⁸⁶ См. подробное специальное исследование: Жук М. «Отчаиваясь и надеясь...»: Концепт *надежда* как фрагмент языковой картины мира Булата Окуджавы // Голос надежды. Вып. 4. С. 294—318.

⁸⁷ Об одежде как «особом предмете авторской рефлексии» Окуджавы на фоне литературных прецедентов (Гоголь, Мандельштам) см.: Гельфонд М. Мандельштам и Окуджава: мир и лирический герой // Голос надежды. Вып. 3. С. 329—331. См. также: Петрова Н. А. Семантика одежды в новеллистике «шестидесятников»: (Б. Окуджавы и В. Аксёнов) // Анализ литературного произведения в системе филологического образования...: Материалы X Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы анализа лит. произведения в системе филолог. образования: наука — вуз — шк.»; Екатеринбург, 24—25 марта 2004 г. / Сост.: Н. Л. Лейдерман, Л. И. Лосева. Екатеринбург: АМБ, 2004. С. 209—213; Крылов А. Е., Кулакин А. В. «Фотограф Жора» и его родственник «Промоксис»: «Тупиковая ветвь» творчества? // Голос надежды. Вып. 4. С. 218—219; Гельфонд М. М. Пальто из гоголевской «шинели»: О рассказе Булата Окуджавы «Искусство кройки и житья» — в наст. вып. альманаха.

В такие дни, когда работа отнимала у нас отца и мать и отпускала их, измученных, только к вечеру, нам часто приходилось делить между собой одно-единственное яйцо.

Иногда дома бывал хлеб и сыр, и тогда всё было просто. Но всё-таки нам часто приходилось довольствоваться этим единственным яйцом.

<...> Яйцо одиноко сверкало на маленьком буфете, гордое, как бриллиант. Мы не могли оторвать от него глаз.

Охраняла его сестра, которая была старше всех. Она же и решала, в каком виде оно будет съедено. Важно было использовать его до последней крошки, разделить поровну и, главное, не разбить.

<...> Как бы то ни было, едва мы проглатывали последний кусочек, голод охватывал нас с новой силой⁸⁸.

Нам представляется, что этот эпизод мог лечь в основу лирического сюжета стихотворения Окуджавы «Вобла» (1957):

...Пятеро голодных сыновей и дочек.
Удар ножа горяч как огонь.
Вобла ложилась кусочек в кусочек —
по сухому кусочку в сухую ладонь.
Нас покачивало военным ветром,
и, наверное, потому
плыла по клеёнке счастливая жертва
навстречу спасению моему /135/.

Разумеется, Окуджава придаёт этой ситуации оригинальное звучание: во-первых, помещает её в эпоху той войны, участником которой он сам был и эхо которой в ту пору ощущалось чрезвычайно остро, а во-вторых — вольно или невольно приносит в неё евангельские ассоциации (Иисус, накормивший пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами⁸⁹). Но изначальная конкретная «подсказка» могла исходить как раз от Монтана. Она, по-видимому, органично вошла в поэтический мир Окуджавы: спустя несколько лет, в 1964-м, он создаст новую вариацию темы — стихотворение «Одна морковь с заброшенного огорода» («Мы морковь по-братски разделили, // и она хрустела на зубах» /279/)⁹⁰.

В лирике Окуджавы можно заметить и другие параллели с воспоминаниями Монтана. Так, французский певец подро-

⁸⁸ Монтан И. Солнцем полна голова. М.: Искусство, 1956. С. 19–20.

⁸⁹ См.: Троицкий Ю. Л. Исторические аллюзии в поэзии Б. Окуджавы // Контрапункт: Кн. статей памяти Г. А. Белой. М., 2005. С. 154.

⁹⁰ О мотивах еды в связи с военной темой у Окуджавы см.: Кулагин А. Лирика Булата Окуджавы: Науч.-попул. очерк. М.; Коломна, 2009. С. 195–199.

но описывает своё волнение в момент творческого дебюта, начала пути, и временные неудачи на сцене; мы знаем, как, в свою очередь, обострённо воспринимал эту тему применительно к себе Окуджава, столкнувшийся в самом начале с официальным и психологическим неприятием своего песенного искусства — достаточно вспомнить его постоянные позднейшие рассказы о выступлении в московском Доме кино в 1960 году или песню «На мне костюмчик серый-серый...» (1961). Кстати, сравнение творчества с военным делом в этой песне («На мне костюмчик серый-серый, // совсем как серая шинель. <...> ...пока в руке моей гитара, а не тяжёлый автомат» /195/) — вполне «монтановское». Сравним в его книге слова о намерении вчерашнего провинциала (не ощутил ли недавний калужанин и здесь сходство судеб?) заниматься пением в Париже:

А тут ещё эта война, которой конца не видно... Мой брат сражался, чтобы всех нас навсегда избавить от забот. Теперь настала моя очередь включиться в борьбу.

Более того — молодой Монтан и впрямь оказался «под ружьём» в оккупированной фашистами Франции:

Как и у многих, у меня в руках очутилась винтовка, а карманы были набиты патронами⁹¹.

Далее: так ли уж неожиданно звучит мотив *парикмахерской* в «Песенке о комсомольской богине» (1957), если Монтан рассказывает в своей книге о том, как в юности работал в таком же заведении. Между тем, в этой марсельской парикмахерской, судя по тексту книги, постоянно появлялись девицы лёгкого поведения, «обслуживавшие» моряков; не отсюда ли *припортовые царевны*, что к ребятам временным спешат, в песне Окуджавы «Над синей улочкой портовой...»? Правда, по воспоминанию Н. Панченко, калужского коллеги и друга поэта, песня эта появилась во время пребывания Окуджавы в Туапсе летом 1955 года (то есть, в ту пору, когда он ещё не мог читать книгу Монтана)⁹², но, с другой стороны, в ходе подготовки «самиздатского» собрания сочинений в 1984 году сам поэт назвал же почему-то дату 1957, так что не будем исключать возможности влияния Монтана и в этом случае.

⁹¹ Монтан И. Солнцем полна голова. М.: Искусство, 1956. С. 108, 116.

⁹² См.: Гизатулин М. «Два старых солдата» // Гизатулин М. Булат Окуджава: «...из самого начала». М., 2008. С. 218–220.

...И не обязательно напрямую

Окунувшись в середину пятидесятых, по мере чтения газет и журналов той поры, просмотра полторачасового фильма о гастролях, мы всё больше замечали, что сами песни (с одной стороны) и пересказы их содержания (с другой) для нас, ввиду того же языкового барьера, существуют параллельно. Возможно, с таким же эффектом столкнулся и только вступающий на свой самостоятельный путь поэт. Полюбив песни Монтана и начав читать статьи о нём самом, Окуджава заинтересовался образами, сюжетными ходами, самой атмосферой этих песен, — и для него не важно было, из какой конкретно песни и какого конкретного пересказа что взято. Французский певец, не писавший собственных произведений, но нанизавший, по выражению Сергея Образцова, чужие песни на одну нитку, — превратил их в жемчуг и стал их соавтором. Таким образом он со своим исполнительским творчеством легко вступил в тот ряд, который уже был привычен отечественному слушателю и состоял из таких же самостоятельных явлений: «Песни Утёсова», «Песни Шульженко», «Песни Бернеса»... Позднее — «Песни Никитина», «Песни Берковского», «Песни Таривердиева»...

То есть Окуджава, как и многие слушатели и читатели Монтана, имел дело с неким особым «миром образов». И во многих случаях в нём, а не обязательно в конкретных песнях (хотя и в них тоже, о чём мы уже сказали подробно), находил необходимые ему мотивы.

Проиллюстрировать этот тезис мы можем одной из упомянутых статей. Это сокращённый вариант всё того же предисловия С. Образцова, к которому добавлена пропагандистская концовка, ради чего, вероятно, и состоялась эта перепечатка в «Советской культуре» (1956. 11 дек.). Статья содержит подробный пересказ всего четырёх песен. Вчитаемся:

Девушка, красивая, молодая, качается на качелях, и ничего ей, кроме качелей, не нужно. Влюбился в неё человек. Простой человек. Стал угощать конфетами, повёл смотреть балаганы. Она сказала «мерси» и побежала качаться на качелях. Он дождался её внизу и поцеловал. Но она опять убежала качаться. Наконец он сделал ей предложение. Женился. А она всё-таки бежит на качели <...>

Маленький негр чистит обувь белым людям. Солнце он видит только тогда, когда оно отражается в блеске начищенных им башмаков. Луч прожектора освещает Монтана. Чёрная тень всё растёт и растёт сзади певца на широком экране, а Монтан поёт — из этого мальчика вырастает большой человек.

Кадры из кф.
«Поёт Ив Монтан», 1957

В данном случае нам не важно, что речь идёт о песнях «Девушка на качелях» (о ней шла речь и выше; просим прощения за необходимый повтор) и «Чистильщик с Бродвея», что первая песня — весёлая, а вторая — грустная. Не важно, поскольку без специальной подготовки этот текст мы всё равно не в силах быстро и с лёгкостью идентифицировать со звучащими фонограммами. Однако в этих двух абзацах, отделённых друг от друга всего несколькими строчками, нам видится одновременно и цикличность, и быстротечность человеческой жизни, проходящая

*На Красной
площади, но уже
не зимой, а летом.
Второй приезд
Монтана, 1963*

перед нашими глазами за время одной коротенькой песенки. Точнее, то, на чём основана окуджавская «Песенка о голубом шарике»: «Девочка плачет... Женщина плачет... Плачет старушка...» (1957).

Сохраняя порядок цитат, приведём содержание, по Образцову, остальных двух французских песен из той же статьи — «Песни о Париже» и «Солнцем полна голова»:

Весёлая вальсовая песня о солнечном городе, в котором флюгеры на крыше кокетничают с ветром. А весеннему ветру не до них. Ему некогда вертеть флюгеры. Взявшись за руки, солнце и ветер, как два школьника, бегают по городу, проверяют, всё ли в порядке, всё ли как всегда. <...>

Песня о человеке с солнцем и песней в сердце. О человеке, который всем встречным на улице говорит: «Здравствуйте!», потому что все ему друзья...

В книге эти абзацы разделены двумя страницами текста, в газете они расположены совсем близко. Не могло ли это «сложение» повлиять на рождение некоего *человека с солнцем и песней в сердце, бродящего по городу, проверяя, всё ли в порядке?* И не он ли предстал перед нами в 1959 году в образе «Весёлого барабанщика»?..

А может быть, на рождение этой окуджавской песенки с зачином «Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше...» повлияло и следующее изложение песни Монтана «На рассвете». Оно взято нами тоже из газетной — на этот раз «правдинской» — публикации Образцова:

Да, на рассвете часто навсегда расстаются влюблённые. На рассвете умирают раненные, на рассвете казнят приговорённых к смерти.

Но на рассвете рождаются надежды и раскрываются просторы. Рассвет — это утро нового дня⁹³.

Подчеркнём, нет смысла настаивать на том, что Окуджава читал и держал в памяти именно эти публикации. Мы ведём речь только лишь о том, что его песни могли складываться и под влиянием причудливого переплетения впечатлений... Наверное, каждый из этих мотивов сам по себе ещё не говорил бы о прямом воздействии, но их скопление, концентрация делают таковое воздействие весьма вероятным.

Спустя десятилетия

Если пытаться сформулировать главную суть творческого интереса Окуджавы к песням Монтана, то её нужно видеть в теме «маленького человека» в большом городе. Все или почти все окуджавские ассоциации с песенным творчеством парижского шансонье так или иначе вращаются вокруг этого. Для недавнего учителя литературы эта тема, в соответствии со школьной программой, прочно и закономерно связывалась с русской классикой; теперь же он увидел, что она может отражать внутренний мир не только Самсона Вырина или, скажем, Семёна Мармеладова, но и современного человека. Так от судеб песенных героев Монтана протянулась нить к душевному и духовному опыту обыкновенных соотечественников, *московских мурavyёв, мальчиков и девочек*, сравнительно недавно переживших войну, а теперь вступавших в эпоху начинавшейся Оттепели. Воплощение этого опыта станет ключевой линией молодого искусства конца 1950-х — говорим ли мы об «эстрадной» поэзии, о «молодёжной» прозе, о театре «Современник», об авторской песне наконец...

Нас не должно смущать то, что влияние Монтана иногда переплетается у Окуджавы, как мы видели, на уровне отдельных мотивов с влиянием отечественных художников слова — особенно влиянием Маяковского. Дело, как нам кажется, в том, что творческий пример французского шансонье актуализировал для поэта его читательский багаж, показал, что он может быть использован в песне. В этом смысле невольное совпадение находок авторов песен Монтана и того же Маяковского оказалось для нашего героя счастливым.

⁹³ Образцов С. О чём поёт Монтан.

Но почему до середины 1980-х годов Окуджава ничего не говорил об этом влиянии? Во-первых, здесь могла сказаться автоцензура.

Сразу после возвращения домой в 1957-м в одном из интервью французской газете Монтан, в частности, сказал:

Сегодня я чувствую совершенно ясно, что меня эксплуатировали во имя пропаганды идеи, как используют для рекламы шампунь или вино... Я по-прежнему верю в добро, справедливость и братство людей, но для меня это больше не улица с односторонним движением⁹⁴.

А после 1968 года о Монтане (по причине, нами выше уже упомянутой) если и писали в прессе, то исключительно в негативных тонах. Именно поэтому упоминание в 1969 году его имени в шутовском юбилейном посвящении главному режиссёру Театра сатиры В. Плучеку, где обыграна лирическая ситуация известной песни «Москва — Одесса»: «В Париже — Жан Габен и Жан Виллар, // Там Ив Монтан, но мне туда не надо»⁹⁵, — звучит у Высоцкого вдвойне иронически. Так случилось, что французский певец больше никогда не вернулся в стан «друзей Советского Союза». После их с Синьоре телеграммы протеста в Советское посольство, которую перепечатала вся мировая пресса, были съёмки в антисоветских фильмах «Зет», «Ламбракис» и, наконец, имевшей особый резонанс картине «Признание» (апрель 1970), был ещё протест против смертного приговора по так называемому «самолётному делу» (декабрь того же года) и многое другое. Вот как (для примера) характеризовали лишённого былых иллюзий Монтана в том же году, когда Окуджава *вспомнил* о его влиянии, отечественные средства массовой информации:

О том, что Ив Монтан исповедует крайне антикоммунистические и антисоветские взгляды, известно давно. К его постоянным выпадам против французских коммунистов, против СССР (по Монтану, «агрессора» и «душителя свобод»), против народной власти в Польше и т. д. уже привыкли. Монтан с друзьями решили, что пора сделать «качественный скачок». Сначала в 1982 году в интервью по радио он высказался за «либеральный капитализм», а в апреле 1983 года в «Фигаро магазин» пошёл дальше. «Мне нравится, когда произносят слово “правые”», — сказал он⁹⁶.

⁹⁴ Перевод цит. по: *Штильман А.* Указ. соч.

⁹⁵ *Высоцкий В.* Собрание соч.: В 5 т. / Сост., текстолог. работа и коммент. С. Жильцова. Т. 2. Тула, 1995. С. 386.

⁹⁶ *Владимиров А.* Чем же полна голова?: Кому прислуживает Ив Монтан? // Совет. культура. 1984. 5 июля.

И далее — привычные обвинения в забвении корней, невежестве, корысти, тщеславии, провокаторстве и даже в «дебильности идей». «Отравить сознание... посеять недоверие...» А между тем, как свидетельствует та же газета, незадолго до того Монтан, по версии «Франс суар», стал «героем месяца», «Пари-матч» назвал его «самым обаятельным», и чуть-чуть не дотянул певец до «самого сексуального» и «самого симпатичного». Так (подытожим своими словами, но применяя лексику тех лет) бывший «левый» «певец простого народа» и тот самый бывший «наш товарищ», «купившись на дешёвую популярность» и «мелкие подачки», «снюхался» с «владельцами заводов, газет, пароходов», разбогател(!) и окончательно «погряз в буржуазной трясине».

Надо ли объяснять, что с 1968 года песни Монтана из радио- и телеэфира исчезли, и хотя пластинки в домах сохранялись, советская публика без новой информационной подпитки стала постепенно его забывать. Окуджава, по-видимому, не стал исключением.

Во-первых, в этой ситуации «дразнить гусей» было незачем — с Окуджавы довольно было и того, что в своих выступлениях он смело отвечал на записки (порой явно провокационные) о Солженицыне или, скажем, об Андрее Тарковском. Но такая смелость ответов была оправдана политической злободневностью вопросов. Тема Монтана, наоборот, оставалась сугубо личной, да о нём и не спрашивали. К тому же, в печатных выступлениях или интервью (которыми поэт в советское время вообще не был избалован) политическая цензура не пропустила бы упоминаний «недружественного нам» певца в положительном и даже в нейтральном свете. Не было таких упоминаний в «доперестроечных» интервью, даже когда поэта спрашивали о различиях в отечественной и западной авторской песне:

Там в авторскую песню почти всегда вкрадывается элемент развлекательности, дух дешёвой эстрады. Даже такой прекрасный французский исполнитель, как Жак Брель, вынужден был сопровождать свои выступления всевозможными шумовыми и световыми эффектами, совершенно чуждыми его песням. Пожалуй, только Жорж Брассенс остался верен себе. Он писал прекрасные стихи и пользовался огромной любовью во Франции⁹⁷.

⁹⁷ Окуджава Б. «Каждый пишет, как он дышит...» / [Беседовала] Е. Скульская // Совет. Эстония. Таллин, 1983. 6 апр. Фамилия *Брассенс*, которая встречается в используемых нами цитатах в двух вариантах (*Брассанс*) приведена нами к единой транскрипции.

Кому прислуживает Ив Монтан?

А. ВЛАДИМИРОВ.

«Советская культура»
от 5 июля 1984 г.

Сравним со сказанным двумя годами позднее:

*Французская песня, поэзия оставили серьёзный след в моей душе, особенно такие певцы, как Жак Брель, Жорж Брассенс. Я люблю стихи Брассенса, его лирический герой похож на автора, такой же насмешливый, мягкий, обаятельный*⁹⁸.

Сейчас уже сложно досконально восстановить историю вопроса: не исключено, что Окуджава и заводил речь о Монтане в беседах с иными журналистами, но в его печатные интервью эти его слова всё равно не попали. (Не вспомнили мы и «концертных» высказываний такого рода.)

Во-вторых, Окуджава, справедливо считавший своё творчество прежде всего литературным явлением, мог как бы стесняться такого «низкого» — то есть эстрадного — генезиса (как стеснялся он говорить — но по другим, идеологическим, причинам — об испытанном в молодости влиянии Маяковского⁹⁹).

В конце концов Окуджава мог за долгие годы «отвыкнуть» от мысли о Монтане как о своём предтече и заново вспомнить об этом в тот момент, когда интервьюеры «Менестреля» — не для «большой» прессы — целенаправленно расспрашивали его в 1984 году о творческом дебюте. Иначе как объяснить оговорку: «*Сейчас я это припоминаю*»? Мол, вспоминаю только сейчас, а прежде не помнил... Вскоре после того как поэт это *припомнил*, началась Перестройка, исчезла цензура и с нею «внутренний цензор». Да и стесняться на склоне лет эстрадных истоков было не обязательно: масштаб сделанного за десятилетия творческой работы от этого теперь уже ничего не терял. Более того, подведение итогов («Что касается меня, я выполнил своё предназначение. Я в этом не сомневаюсь»¹⁰⁰) по-своему провоцировало такие признания.

⁹⁸ Окуджава Б. «Если тайн не останется, жить будет скучно» / Интервью взяла Т. Бутковская // Моск. новости. 1985. 6 янв. (№ 1). С. 9.

⁹⁹ См.: Кулагин А. Эту книгу читал молодой Окуджава. С. 263–293.

¹⁰⁰ Окуджава Б. Я выполнил своё предназначение: [Интервью радио «Немецкая волна», 1995] / Беседу вела Л. Моисеева-Гайст // Труд. 2005. 11 мая.

Эдуард КУЗНЕЦОВ

ПАРОДИЙНА ЛИ АВТОПАРОДИЯ ОКУДЖАВЫ?

*Глава из книги**

Литературная пародия многолика, она как жанр включает в себя множество разновидностей, которые, на первый взгляд, за пародии даже и принять трудно. Обычно считается, что она является родом критики, комическим образом произведения, подражанием, извращающим его сущность. Уточнения вращаются вокруг центральной идеи: пародия — жанр разоблачения, осмеяния, карикатурного преувеличения, комического несоответствия, в нём иронически воспроизводятся особенности стиля писателя, форма, тон, содержание, герои произведения и прочее. Иногда случается, что автор сочиняет пародию на себя. Поводы для этого могут быть разными: от саморекламы до самоанализа, не исключая массы других нюансов, связанных с авторской самооценкой.

Окуджавой были написаны две автопародии. Одна из них — «Песенка о народном депутате» — никогда не вызывала непонимания: она ясна и конкретна, посвящена делам политическим и очень прочно (по форме и смыслу) базируется на «Песенке весёлого солдата». Сложнее с другим стихотворением — «Автопародией на несуществующие стихи», посвящённой Александру Иванову. В этой автопародии не «нашупывалась» пародия. Как некогда подзаголовок *комедия* у «Вишнёвого сада» А. Чехова ставил в тупик почитателей писателя, так и *автопародия* Окуджавы озадачивала читателей-современников, да и *несуществующие стихи* увеличивали загадку.

* Этой главой мы представляем книгу, выпущенную редакцией альманаха (Кузнецов Э. А. «...И не забудь про меня»: Пародии, эпиграммы, шаржи на Булата Окуджаву. М.: Булат, 2011. 192 с.: ил. Тир. 200 экз.).

Мы убили комара. Не в бою, не на охоте,
а в домашней обстановке, в будний вечер. Видит бог,
мы не крадучись его, а когда он был в полёте...
Мы его предупреждали — он советом пренебрёг... /395/¹

Пародийно ли вообще это необычное стихотворение Окуджавы? Попробуем разобраться.

Литературная пародия — это произведение, в котором определена (найдена) суть пародируемого первоисточника или творчества писателя в целом (тема, манера и др.) и в котором эта суть комически воспроизведена.

Определение состоит из двух частей, равно необходимых для создания пародии и её понимания. Первая часть предполагает анализ пародируемого произведения, его расшифровку, проникновение в его смысл и замысел, внимание к его литературным особенностям, начиная от философии и заканчивая пунктуацией. Кто-то постигает эти премудрости упорным трудом, кто-то интуитивно. Первая часть определения без второй — чистая критика или литературоведение. Если первая часть — анализ, то вторая — синтез, то есть создание пародии на основе полученных знаний. Когда ясна суть пародируемого произведения или основы творчества его автора, тогда при наличии мастерства и чувства юмора пародия должна получиться настоящей. Если воспроизведение произошло не на комической основе, тогда вместо пародии получается имитация, стилизация, подражание.

«Автопародия на несуществующие стихи» написана, несомненно, в духе Окуджавы: сюжетные события идут своим чередом, а «под ними», в глубине, протекают другие, непростые и более важные процессы. Но если обычно Окуджава создавал эту внутреннюю атмосферу неявным образом (она возникала из нюансов, намёков, ощущений), то в автопародии состояние неблагополучия, напряжённости заявлено, что называется, открытым текстом:

Расхотелось говорить. Что-то вспомнилось дурное,
так, какая-то нелепость, горечи давнишний след...

Не было забыто и то, из чего прежде возникало ощущение мрачноватого эмоционального фона, — те детали, что

¹ Здесь и далее стихи поэта (с указанием номера страницы в тексте) цит. по: Окуджава Б. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001.

вроде бы ничего и не значат, но в сумме создают требуемое настроение:

Незадолго перед тем дождь пошёл осенний, мелкий.
За стеной сосед бранился. Почему-то свет мигал.
Дребезжал трамвай.
В шкафу глухо звякали тарелки.
Диктор телевизионный катастрофами пугал.

Но в автопародии эти детали вовсе не являются фоном, а главенствуют. Появление комара в этой гнетущей атмосфере неблагополучия как бы даже разряжает напряжение. Оно побуждает к действию, способствует временному объединению разрозненных сил. С наигранным воодушевлением присутствующие обсуждают непрошеное вторжение. Их реакция выглядит несколько противоестественно: сначала бурное возмущение на уровне срыва, затем погоня (*навалились, смяли*) и в итоге — убийство! Но развязка не приносит облегчения: гнетущая атмосфера только усугубляется чувством вины. Комар становится заложником чужих бед (*корень наших злоключений*), на нём отыгрываются, но его устранение не решает проблем. Неблагополучие, царящее в доме, возвращается с ещё большей безнадёжностью.

Жертва переполоха — комар — описан (как многое у Окуджавы) неоднозначно. Конечно, этот незванный гость ненавидим всеми, и потому борьба с ним естественна и оправданна. Но вместе с тем поэт относится к нему как к равному участнику событий: у них, если можно так сказать, джентльменские отношения, исключаящие обман, хитрость, коварство (*не крадучись; предупреждали*). Если вначале он вызывает негодование и ненависть (*эта мерзость*), то после расправы возникает чувство жалости к погибшему в *неравной схватке*.

Окуджава в «Автопародии» вполне конкретными чертами рисует образ собственной поэзии. Одно за другим возникают символизированные понятия и образы, составляющие квинтэссенцию знакомого читателю поэтического мира Окуджавы. Поэт сознательно подчёркивает доминанты своего творчества, не оставляя без внимания ни мелкие детали, ни краеугольные положения.

Не случайно главный виновник событий — комар. Он сродни многочисленным кузнечикам, муравьям, жукам, бабочкам, пчёлам, сверчкам, паукам, шмелям, населяющим стихи Окуджавы. Конечно, речь о них идёт не как о насекомых, ведь

Шарж С. Баночкина

большинство стихов поэта с двойным дном; Окуджаву сам признавался в этом:

Может быть, это не бабочка вовсе, а ангел небесный
кружит и кружит по комнате тесной с надеждой чудесной:
разве случайно его пребывание в нашей глуши,
если мне видятся в нём очертания вашей души? /382—383/

Для Окуджавы мир человека и животных — единый мир, у него не только комар, но и *женщина на тонких лапках* /239/, а если кто-то лапкой шевелит, то, может быть, *пишет белые стихи* /201/, а если (как в автопародии) уже не шевелит (*лежит, поджавши лапки*), то это уже трагедия. Многозначность образов Окуджавы заставляет с особым вниманием подходить к мелким деталям. Главное и второстепенное, видимое и подразумеваемое могут в его произведениях мгновенно меняться местами. Так и история про комара оборачивается погружением в далеко не гармоничную повседневность.

Окуджава был мастером создания атмосферы предощущения совсем не радостных событий (у него и радостные часто окрашивались печалью). Она возникала как бы из ничего — из рядовых явлений, передаваемых с присущей только ему интонацией. Ни один пародист не в состоянии был ни воссоздать, ни сатирически переосмыслить её. В автопародии Окуджава искусно пририсовывает второй план, нагнетая чувство охватывающей беды. Комар кажется видимой причиной, на которую можно свалить вину за душевное неблагополучие. Он словно серые мыши в «Голубой чашке» А. Гайдара: были они виноваты

*Неизвестный автор.
Архив В. Ланцберга*

или нет в том, что она разбилась, дело не в них, а в людских отношениях, в нюансах человеческого поведения, в неспособности (или нежелании) общими усилиями победить напряжённость и непонимание. «Голубая чашка» Гайдара, конечно, не случайно приходит на ум. Там тоже внешнее действие происходит на фоне душевного разлада. Переключка эта не совсем придуманная; у Окуджавы такая параллель уже намечалась:

Я пил из чашки голубой — старался дочиста...

Случайно чашку обронил — вдруг август кончился /344/.

Разбитая чашка, убитый комар, жизненная неразбериха... Всеохватное чувство грусти и печали — сквозное в поэзии Окуджавы: грустный лётчик, грустный мастер, грустные солдаты, грустная песня, грустная планета... Даже «Весёлый барабанщик» и «Песенка весёлого солдата» — безмерно грустные произведения.

И грусть, что соседствует с нами,
всё чаще теперь ко двору... /331/

Вот эту особенность своей поэзии Окуджава с совершенной точностью высветил в автопародии.

Быт у него неоднократно соединялся с тоской и неблагополучием и раньше, до убийства комара, свершившегося под дребезжание трамвая и звяканье тарелок:

Соединив души отчаянье и трепет,
и трещинку в стене, и облачко тоски,
фантазия моя своё подобье слепит
и воспроизведёт разбитое в куски:

ту трещинку в стене, ту фортку, что разбита,
тот первый сквознячок, что в ней проголосил...
Не катастрофа, нет, а так — гримаса была.
Пора бы починить, да не хватает сил... /326/

Здесь быт и бытие, ощущение и чувство зримо перетекают одно в другое, и, конечно, физическая неустроенность уступает по накалу неустроенности душевной. Эти тонкие материи и являются строительным материалом автопародии.

Такая эмоциональная насыщенность стихотворения шла вразрез с тенденциями пародирования 1970–1980-х годов, когда основное внимание сосредотачивалось на поисках писательских огрехов (неудачного четверостишия, нескладно звучащей строки, не к месту или не так сказанному слову). Практика такого пародирования допускала и для пародиста и для читателя возможность полного незнания творчества пародируемого автора. Это было неприемлемо для Окуджавы. Поэт постоянно сталкивался с пародиями, эксплуатирующими внешнюю форму его произведений, опирающимися на перепев и пересмешку. Мало кто из сатириков ставил себе цель проникнуть в глубины его творчества. Окуджаву это не могло не раздражать. Даже хорошо знакомый ему лидер советской пародии 1970–1990-х годов А. Иванов не смог написать на него настоящую пародию, которая бы удовлетворила поэта.

В то время, когда была написана «Автопародия на несуществующие стихи» (1982 год), пародия была желанной гостьей на страницах газет и журналов, на телеэкранах, так как видела свою цель в развлечении публики. Автопародия Окуджавы выступила противовесом этому стандартизированному потоку. В ней принципиально не было поверхностного увеселения и мелких самопридинок; она концентрировала острохарактерные элементы творчества. Можно заподозрить, что таинственные *несуществующие стихи* (из заголовка) — это и есть суммированные приёмы и образы собственной поэзии Окуджавы. Можно пойти дальше и предположить, что и символическое посвящение автопародии Иванову имело иронический подтекст, содержало творческую провокацию: я не пишу, как он, и, если надо потешить и развеселить читателя, то обращаться надо к тому, кому пародия посвящена. Не исключено и другое — своей пародией Окуджава как бы говорил Иванову: вот так надо докапываться до глубин поэзии, а не скользить по поверхности.

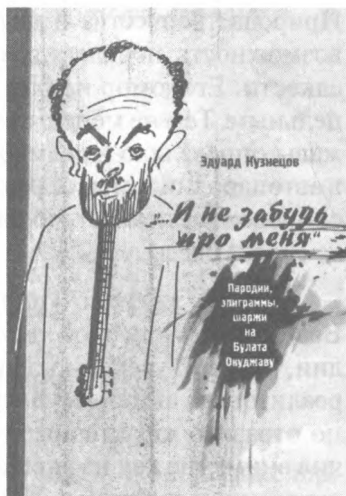
Конечно, Иванов воспринял пародию прямолинейно, как вызов, и тут же сочинил свою «Антипародию на автопародию». Впечатляющих результатов он при этом не достиг.

Создавая стихотворение, Окуджава не пренебрёг узнаваемыми деталями, которые одни считали мелкими, а другие (включая пародистов) принимали за главные. Среди этих поэтических мелочей — звуки города: дребезжание трамвая, шум дождя, звяканье посуды, бормотание телевизора... Незримое, но слышимое присутствие города сообщает стихотворению чувство пронзительной неприютности и потерянности. Трамвай — тоже постоянное «действующее лицо» стихов Окуджавы. Он детище техники, но одновременно и целый мир, выражающий авторское настроение: мажорное (трамвай утренний) и минорное (вечерний или ночной). Та же функция у дождя: весенний — светлый, наполненный надеждами и добрыми ожиданиями; осенний (колкий, мелкий, как в пародии) — безнадежный, унылый, рождающий чувство одиночества.

Незабытой оказалась даже склонность поэта к вводным словам (*видит бог*). В стихах, непосредственно предшествующих автопародии (за три-четыре года), довольно часто встречаются вводные такого рода: *слава богу, Боже мой, ей-богу, дай бог...*

Лишний раз можно подивиться насыщенности пародии многочисленными «фирменными» элементами поэзии Окуджавы. Вместе с этим нельзя не отметить целостность этого стихотворения, производящего впечатление не шутки, а лирического откровения.

По мнению Окуджавы (он об этом говорил неоднократно), пародия для своего оправдания должна быть «едкой», то есть иметь определённую сатирическую направленность, обозначать тенденциозную позицию пародиста. В «Автопародии на несуществующие стихи» заострённость подачи материала не обнаруживается. Конечно, странно было бы ожидать от автора «едких» характеристик в свой адрес. Но думается, дело не только в этом.

Природа творчества и душевный склад Окуджавы исключали возможность появления в его произведениях категорической едкости. Его юмор не был наступательным, атакующим, самоцельным. Тем не менее, его присутствие во многих стихах Окуджавы определяло их самобытность и привлекательность. Вот и в автопародии юмор оправлен в грустные ноты, он ненавязчиво сопровождает сюжет, сообщая стихотворению интонацию смеха сквозь слезы.

Каков же итог «теста» на пародийность автопародии? Возвращаясь к первой части предложенного определения пародии, можно с уверенностью констатировать, что она полностью реализована автором. Он сумел оригинально и достаточно полно отразить характерные особенности своих работ, сосредоточив внимание как на внешнем «оформлении» стихов, так и на их внутреннем содержании. Однако последний шаг в сторону пародийной (комической) организации материала им сделан не был (или был сделан недостаточно решительно). Это трудно назвать просчётом или ошибкой; скорее всего, — это характерная особенность музыки Окуджавы. Он прекрасно понимал юмор, великолепно ориентировался в сатире, владел всеми нюансами иронии и самоиронии («я выдумал музу Иронии»). Но для окончательного оформления стихотворения в виде пародии ему не хватило того, чем он никогда не обладал (и что было в избытке у Иванова): комической гиперболизации на границе с фарсом.

Таким образом, вторая часть определения пародии выполнена не была, и потому автопародия не стала настоящей пародией. Что, собственно, и почувствовали почитатели творчества Окуджавы, никогда не считавшие её произведением сатирического жанра.

Мария АЛЕКСАНДРОВА

ЛИТЕРАТУРА И «ЛИТЕРАТУРНОСТЬ» В ПОВЕСТИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «БУДЬ ЗДОРОВ, ШКОЛЯР»

Публикация повести Окуджавы «Будь здоров, школяр» вызвала, как известно, столько критических откликов, что объём написанного «по поводу» оказался значительно больше, чем разбираемый текст. Идеологические причины этой активности понятны. Между тем рецензенты, по замечанию Л. С. Дубшана, были зачастую людьми образованными¹, иные даже либеральными, что позволяет предположить ещё один мотив их ожесточения: маленькая повесть явилась загадочным для современников художественно-эстетическим явлением; возникшую вместе с ней проблему сознание критиков просто не могло вместить. Выход из положения был найден в тактике *з а м е щ е н и я* или даже *п о д м е н ы* сути вопроса: раздражающую своей странностью поэтику сочли вторичной, главной же ошибкой автора провозгласили выбор образцов «на стороне». Окуджаву потребовали на очную ставку с писателями, «не запрещёнными циркулярно, но и не разрешёнными вполне» (согласно универсальной чеховской формуле): в его повести усматривали меланхолию Ремарка, нервность Сэлинджера, шутовское простодушие Вильяма Сарояна... И то, и другое, и третье отчасти справедливо; лукавство обвинителей заключалось в том, что не был назван важнейший, самый очевидный литературный ориентир Окуджавы — Лев Толстой; он оказался «неузнаваем», представ в ипостаси пацифиста.

В то же время вопрос о персоналиях — только первый шаг к осмыслению поэтики «Школяра». Не забудем, что сам Окуд-

¹ См.: Дубшан Л. С. О природе вещей // Окуджав Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академ. прокт, 2001. С. 25.

жава более всего дорожил оценкой читателя, противостоявшего — и нравственно и эстетически — литературной современности: «...и вдруг ко мне подходит Надежда Яковлевна Мандельштам — да, да, вдова Осипа Мандельштама! — и говорит мне строго: “Мне чрезвычайно понравилась ваша повесть в сборнике. Боюсь, вы уже никогда ничего лучше не напишете”»². Это одобрение было закономерным; ведь новаторство Окуджавы во многом определялось его интуитивным следованием тому хорошо забытому принципу, который сформулировал некогда Мандельштам:

Цитата не есть *выписка*. Цитата есть *цикада*. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает. *Эрудиция далеко не тождественна упоминательной клавиатуре*, которая и составляет самую сущность образования.

Я хочу сказать, что композиция складывается *не в результате накопления частных*, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи... уходит в своё функциональное пространство, или измерение, но каждый раз в строго узаконенный срок и при условии достаточно зрелой для этого ситуации³.

Осудившие повесть были вполне начитаны для узнавания *выписок*, даже интонационных переключек, но их литературное сознание определялось привычкой к авторитарному «прямому» слову, не допускавшему «никакой игры с обрамляющим его контекстом»⁴. Вот почему, не вдаваясь в анализ поэтики, они вполне искренне заявляли о том, что их эстетическое чувство оскорблено.

Серьёзность предложенной Окуджавой «игры» очевидна. Как свидетельствуют многие писатели, изображение личного военного опыта — задача, едва ли не превосходящая силы человеческие; слово терпит «перегрузки», оставляя у носителя памяти ощущение заведомой бедности результата. В этой ситуации автор «Школяра» выбрал путь, при котором неизречённость пережитого восполняется богатством ассоциативного контекста, *цикадным звоном* литературных реминисценций.

² Окуджавя Б. Ш. Всё ещё впереди // Окуджавя Б. Ш. Искусство кройки и шитья: Рассказы, повести. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. С. 393. Далее тексты автобиографического рассказа «Всё ещё впереди» и повести «Будь здоров, школяр» цитируются по этому изданию с указанием номера страницы в косых скобках. Курсив в цитатах везде принадлежит автору статьи.

³ Мандельштам О. Э. Разговор о Данте // Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 218.

⁴ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 155.

Итак, критики, терзавшие Окуджаву в шестидесятые годы, предпочли не заметить, что открывает повесть «толстовский ключ»⁵:

В детстве я плакал много. В отрочестве — меньше. В юности — дважды. <...>

Второй раз я плачу сейчас здесь, в моздокской степи. Я несу командир полка очень ответственный пакет. Чёрт его знает, где он, этот командир полка! Песчаные холмы похожи один на другой. Ночь. А я второй день на передовой. А за невыполнение задания — расстрел. А мне восемнадцать лет. <...>

И я утираю слёзы /41–42/.

Если архаическое слово «отрочество» отсылает к трилогии «Детство. Отрочество. Юность», то сама экспозиция персонажа, как отмечено Л. С. Дубшаном, напоминает переживания одного из героев «Севастополя в августе 1855 года» — Володи Козельцова, впервые попавшего под обстрел. «“Убьют, буду мучиться, страдать. И никто не заплачет!” И всё это вместо исполненной энергии и сочувствия жизни героя, о которой он мечтал так славно. Бомбы лопались и свистели ближе и ближе. <...> “Один, один! Всем всё равно, есть ли я или нет меня на свете”, — подумал с ужасом бедный мальчик, и ему без шуток захотелось плакать»⁶.

Сближая героев Толстого и Окуджавы, Л. С. Дубшан допускает показательную оговорку: он называет «бедного мальчика» *юнкером*. На самом деле Володя — только что выпущенный из корпуса прапорщик, которому предстоит командовать мортирной батареей и погибнуть при обороне Малахова кургана: «Радость, что он исполняет хорошо свою обязанность, что он не только не трус, но даже храбр, *чувство командования* и присутствие двадцати человек, которые, он знал, с любопытством смотрели на него, сделали из него *совершенного молодца*»; «“Первое! второе!” — *командовал* Володя, перебегая в дыму от одной мортиры к другой и *совершенно забыв об опасности*»⁷. Такое состояние, обретенное незадолго до смерти, существенно отличается от «школярского». Одно уточнение влечёт за собой и другие. Преодоление «беспорядочного состояния души» происходит в итоге с каждым из персонажей «Севастополя...» (даже с малодушным прежде юнкером, свидетелем гибели прапорщи-

⁵ Дубшан Л. С. О природе вещей. С. 24.

⁶ Толстой Л. Н. Севастополь в августе 1855 года // Толстой Л. Н. Собрание соч.: В 12 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1958. С. 88.

⁷ Там же. С. 113–114, 119.

ка Володи), финальный же эпизод являет коллективного героя — носителя «духа севастопольского войска». Параллелей к этому преобразению в повести Окуджавы нет; зато подобные мотивы разрабатывала «лейтенантская проза», с которой автор «Школяра» не мог не сверять своё видение войны. Возникает вопрос: действительно ли отмеченная Л. С. Дубшаном близость двух эпизодов — «не просто реминисценция, но и опыт, такой близкий у обоих авторов», Толстого и Окуджавы⁸? Если же опыт во многом различен, то каковы функции реминисценций? В каком смысловом пространстве резонируют «цитатные» ситуации?

В позднем рассказе «Всё ещё впереди» Окуджава назвал и другие «настольные» книги — предмет его рефлексии в ходе работы над «Школяром»: «Сто страниц на машинке. Первая проза в моей жизни! Не “Война и мир” и не “Капитанская дочка”, но это моя жизнь!» /384/. Здесь же оценивается ближайший литературный контекст: «...рисую свою фронтовую юность, нет-нет, да и вспомню, как *возвышенный урок*, то окопы Некрасова, то Симонова, то Быкова, то Бакланова, то Бондарева, всё это *грозное, трагическое, героическое, кровавое...*» /384/. Итак, Окуджава демонстративно отводит себе роль «неуспевающего ученика» в школе Толстого и тех, кого признают со временем (одних раньше, других позже) полноправными наследниками толстовской батальной традиции. Этим жестом «смирения» заявляет о себе художник отважный, готовый к самоутверждению на фоне лучших произведений советской военной прозы.

Напомним, что в лирике недавних фронтовиков, в «лейтенантской прозе» утверждается автобиографический образ «просвещённого и героического юноши на войне, вроде прежнего благородного поручика»⁹; его офицерское звание — метафора личной ответственности и духовного аристократизма, симптом воскрешения дворянско-декабристской героики¹⁰, а любимый персонаж в художественном мире Толстого, идеальный двойник *лейтенантов* — князь Андрей¹¹. Одна из ранних

⁸ Дубшан Л. С. О природе вещей. С. 25.

⁹ Фаликов И. З. Красноречие по-случки // Вопр. лит. 2000. Вып. 2. С. 75.

¹⁰ См. обзор: Александрова М. А. Ностальгия и зависть в лирике середины — второй половины XX века // Зависть. Формы её оправдания и разоблачения в культуре: [Материалы междунар. конф. Пушкин. горы, 12–14 июля 2006 г.]. СПб.: Пушкин. проект, 2007. С. 196–215.

¹¹ Итоги этой традиции подведены в позднем ностальгическом романе Ю. Бондарева «Берег», где Андрей Княжко демонстративно возведён на высоту «вечно-го образа»: он воистину «слишком хорош, чтобы жить».

«реинкарнаций» Болконского — герой знаменитой повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Сопоставимо отношение к «нашему князю», командиру полка, любящих и робеющих подчинённых (III том «Войны и мира») и такой, например, взгляд ординарца на своего офицера: «Валега шупает <охапку соломы>, морщится: “Лейтенант *не будут* на такой дряни спать”»; «...Зато подавай *им* книжки. Все прочтут... Уж очень образованные!»¹². Сам Керженцев не только многократно вспоминает «Войну и мир», но и мысленно нарекает других именами толстовских персонажей: штабной офицер «с онегинскими бачками» — *Инполит Курагин* («Так же недалёк и самоуверен»¹³); волевой комдив, черноглазый, маленького роста, с маленькими руками, герой воображения комбата — *Наполеон на Аркольском мосту* («Говорят, летом <...> он выводил дивизию из окружения с винтовкой в руках в первых рядах. <...> А по передовой как ходит... Ни пуль, ни мин — ничего для него не существует»¹⁴). Свою «болконскую» позицию — синтез ранних героических вдохновений князя и откровений 1812 года о народной правде, «общем духе войска» — Керженцев подтверждает, когда лично, вопреки официальным инструкциям о «месте командира в бою», возглавляет атаку.

Окуджавский школяр — рядовой, что всего лишь соответствует фактическому положению автора на фронте; но в литературном контексте начала 60-х этот биографический факт также оборачивается метафорой. Благородный дворянско-офицерский комплекс редуцируется к мечте «малышки» — воистину *маленького человека* — о «лихой офицерской шинели», в которой он был бы замечен «красивой связисткой» /43/. Потому и аллюзия на подвиг Болконского при Аустерлице в соединении с атрибутами советской военной героики воссоздаёт отнюдь не фронтовую реальность, но лишь фантазии книжного мальчика: «А где-то наступление. Идут танки, пехота, кавалерия, поют “Интернационал”, *падают, знамён не выпуская из рук*» /54/. Без учёта этой двойной литературной призмы, толстовской и современной, невозможно оценить всю «объёмность» художественной концепции Окуджавы.

Для «лейтенантов» великая книга явилась стимулом мифологизации собственного поколения, санкцией на избирательное

¹² Некрасов В. В окопах Сталинграда. М.: Гослитиздат, 1948. С. 81, 200.

¹³ Там же. С. 194.

¹⁴ Там же. С. 151.

и в то же время абсолютно искреннее (*правдивое*) воплощение личного фронтового опыта; будучи отражён в зеркале «Войны и мира», этот опыт получал желанную монументальность, эстетическую завершённость. Окуджава уклонялся от обсуждения достоверности войны в чужих документальных и творческих реконструкциях (при случае отшучивался: «Видимо, мы были на разных участках фронта»), однако главное художественное открытие «лейтенантской прозы» — мифологему «юноша на войне» — в повести о *школяре* оспорил. В упомянутом рассказе «Всё ещё впереди», сокрушаясь по поводу своей «неуспеваемости» («Вспоминаю <возвышенный урок>, а сам откровенно пишу о кривоногом дурачке, который почему-то не жаждет умереть на поле брани, а хочет жить, жить...» /384/), Окуджава актуализирует совсем другие — «беззаконные» — связи с классикой. Он находит поддержку у того же Толстого, поведавшего, как некий *юнкер* в Шенграбенском деле вдохновенно мчался на врага в общем строю, но настолько растерялся, оставшись один посреди поля, что швырнул пистолет во француза и удрал в лес — ибо «одно нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владело всем его существом» [Т. I. Ч. 2. Гл. XIX]¹⁵.

Окуджавская рецепция Толстого тоже по-своему избирательна: в его случае великая книга учит отрезвлению от героических иллюзий, которые могут искушать человека не только в канун испытаний, по неведению предстоящего, но и задним числом, при воссоздании былого. Не приходится сомневаться в том, насколько внимательно читал автор «Школяра» эпизод, где Николай Ростов, «правдивый молодой человек», рассказал Друбецкому и Бергу

...своё Шенграбенское дело совершенно так, как обыкновенно рассказывают про сражения участвовавшие в них, то есть так, как им хотелось бы, чтоб оно было, так, как они слышали от других рассказчиков, так, как *красивее было рассказывать*... Ежели бы он рассказал правду этим слушателям, которые, как и он сам, слышали уже множество раз рассказы об атаках и составили себе определённое понятие о том, что такое была атака, и ожидали точно такого же рассказа, — *или бы они не поверили ему*, или, что ещё хуже, подумали бы, что Ростов был сам виноват в том, что с ним не случилось того, что случается обыкновенно с рассказчиками кавалерийских атак. <...> Они ждали рассказа о том, как он горел весь в огне, сам себя не помня, как бурею

¹⁵ Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собрание соч.: В 12 т. М., 1958–1959. Здесь и далее цитаты из «Войны и мира» приводятся в тексте статьи с указанием тома, части и номера главы в квадратных скобках.

налетал на каре; как врубался в него, рубил направо и налево; как сабля отведала мяса и как он падал в изнеможении, и тому подобное. И он рассказал им всё это [Т. I. Ч. 3. Гл. VII].

Благодаря наивности Ростова обнажается сам механизм добросовестного «творческого» улучшения реальности — постфактум и при активном участии публики. Ещё успевая испытать «детский непреодолимый конфуз» под ироничным взглядом князя Болконского («Вы, кажется, про Шенграбенское дело рассказывали? Вы были там?»), Ростов уже не в силах вернуться от «похождений армейского гусара» к истине пережитого. Полагаем, что ключевой для Окуджавы явилась следующая фраза толстовского комментария: *«Рассказать правду очень трудно, и молодые люди редко на это способны»* [Т. I. Ч. 3. Гл. VII]. «Юноша на войне» — носитель бесценной для художника непосредственности восприятия, но именно такой участник событий, как убеждает Толстой, менее других способен адекватно передать собственный опыт. С другой стороны, чем больше ретроспективная дистанция, тем твёрже уверен герой-рассказчик в своей правдивости. В свете уроков Толстого скрадывалось различие между наивным гусарским пафосом Ростова и мифологизацией прошлого в «лейтенантской прозе» — всем тем *грозным, трагическим, героическим, кровавым*, от чего дистанцировался Окуджава.

Разумеется, не стоит понимать буквально позднюю декларацию: «Писал воспоминания. Вот и всё» /384/; характер эстетической организации материала говорит сам за себя. Задача Окуджавы заключалась в том, чтобы воссоединиться с автобиографическим героем, рассказать о войне «из глубины» пережитого, сознавая в то же время, что *рассказать правду очень трудно*. В «наивном» обращении к публике автор как будто игнорирует трудность самого рассказа, но учитывает проблематичность взаимопонимания:

Это не приключения.

Это о том, как я воевал.

Как меня убить хотели, но мне повезло.

Я уж и не знаю, кого мне за это благодарить.

А может быть, и некого.

Так что вы не беспокойтесь. Я жив и здоров.

Кому-нибудь от этого известия станет радостно, а кому-нибудь, конечно, горько.

Но я жив. Ничего не поделаешь.

Всем ведь не угодишь /41/.

Первая фраза, предупреждающая читателей о возможном «жанровом» разочаровании, и заключительная сентенция обнаруживают смысловую связь на фоне импровизации Ростова, чьи *гусарские похождения* оказались столь убедительны и утешительны для слушателей. Иными словами, автор повести решился на тот заведомо бесполезный поступок, от которого толстовский персонаж интуитивно уклонился: «Не мог он им рассказать *так просто*, что поехали все рысью, он упал с лошади, свихнул руку и из всех сил побежал в лес от француза» [Т. I. Ч. 3. Гл. VII]. Описав всеобщее предубеждение относительно подобной простоты события и рассказа, классик оказался пророком: всё было воспроизведено в советской прессе 1960-х годов — разумеется, с поправкой на агрессивную идеологию критиков¹⁶.

Если в «лейтенантской прозе» автобиографический герой зачастую кодирован образом князя Болконского, то Окуджава признаёт родство *школяра* с *юнкером* Ростовым. Самопредъявление героя-рассказчика, по видимости спонтанное, заданное хаосом внешних обстоятельств («На войне сюжета нету» — согласно формуле Твардовского), на деле оказывается структурировано целой системой литературных параллелей. Сходство прослеживается до того момента, когда толстовский герой поддается искушению «украшенного» рассказа о пережитом, и на этом рубеже, как свидетельствует предисловие к повести, автор «Школяра» определяет свою позицию.

Николай Ростов — не только ровесник героя Окуджавы, но и земляк, москвич; это совпадение не могло не привлечь внимания автора повести в годы рождения его лирического московского цикла. Николенька — недоучившийся студент, герой Окуджавы — «даже десятого класса не кончил» /58/. Интеллигентный юноша в положении рядового близок по самоощу-

¹⁶ Свод рецензий на «Школяра» см.: Вспомним их поимённо: Совет. критика нач. 60-х о повести «Будь здоров, школяр» // Голос надежды. Вып. 2. М.: Булат, 2005. С. 237–284. Показателен отклик наименее идеологический и потому наиболее точно воспроизводящий описанную Толстым модель: «...я воспринимаю её <повесть> как *искренний* рассказ человека, для которого война волею обстоятельств *оказалась не слишком тяжёлой*. Я верю, что *было всё*, о чём подчеркнуто простодушно рассказывает Окуджава... Автор <...> ошибается в главном, принимая эпизод из быстротечной фронтовой жизни своего героя за *настоящую войну*» (Осетров Е. Поэзия и проза «Тарусских страниц» // Лит. газ. 1962. 9 янв.; цит. по: Голос надежды. Вып. 2. С. 240). Поскольку рецензент составил себе определённое понятие о *настоящей* войне, школяр оказывается *сам виноват*, что с ним не случилось ничего *грозного, трагического, героического, кровавого*.

щению к толстовскому юнкеру — носителю низшего, внеклас-сного чина и графского титула: подразумеваемое автором сбли-жение эксплицировано рефлексией персонажа о собственном «благородстве, которого, может быть, и нету» /49/. При опреде-лённых обстоятельствах солдатский статус оказывается для обоих чем-то вроде патента на мужественность, что выдаёт как раз обратное — неизжитую инфантильность: Ростов является перед гвардейцем Друбецким в «затасканной юнкерской куртке с солдатским крестом», щеголяя своей принадлежностью к «ар-мейщине» [Т. I. Ч. 3. Гл. VII]; уцелевший в бою *школяр* мысленно затевает игру в дворянина, провозглашающего с видимой небреж-ностью: «Я солдат, мадам» /83/. Для того и другого «война волею обстоятельств оказалась не слишком тяжёлой» (как ехидно за-метил о *школяре* советский критик¹⁷); подобно Ростову, *школяр* «раной одной откупился сполна // от смерти на этой войне»¹⁸.

Возможно, даже нарицательное имя героя было подсказа-но Окуджаве Толстым, который акцентировал «школярскую» сущность поведения Ростова в ситуации первого военного ис-пытания:

На бугре у неприятеля показался дымок выстрела, и ядро, свис-тя, пролетело над головами гусарского эскадрона. <...> Вахмистр хмурился, оглядывая солдат, как будто угрожая наказанием. Юнкер Миронов нагнулся при каждом пролёте ядра. Ростов, стоя на левом фланге, <...> имел *счастливый вид ученика, вызванного перед большою публичкой к экзамену*, в котором он уверен, что отличится. Он ясно и светло оглядывался на всех, как бы *прося обратить внимание на то, как он спокойно стоит под ядрами*. <...> «Всё кончилось, но я трус, да, я трус», — подумал Ростов [Т. I. Ч. 2. Гл. VIII].

Школяру также удаётся выглядеть храбрым в глазах товари-щей — при неизбежном тайном сознании «трусости»:

...А разве не сам я, когда прилетела «рама» и все полезли по ше-лям, *стоял на виду*?

— Лезь скорей! — кричали мне.

А я не прятался. Ходил один и посмеивался вслух. Если бы они зна-ли, что у меня внутри делается! А я не могу побежать на виду у всех. Пусть никто не знает, что мне страшно. Но себе-то самому я могу сказать правду? Вот я и говорю. Я сам себе судья. Я имею на это пра-во /59–60/.

Когда герой Толстого молится в минуту страха, каноничес-кая формула «...иже еси на небеси» преобразуется в его устах,

¹⁷ Осетров Е. Указ. соч. С. 240.

¹⁸ Окуджаву Б. III. Стихотворения. С. 322.

словно он по-детски «высматривает» Бога в пространстве: «“Господи Боже! *Тот, кто там, в этом небе*, спаси, прости и защити меня!” — прошептал про себя Ростов» [Т. I. Ч. 2. Гл. VIII]. Молитва *школяра*, произнесённая в точно таких же обстоятельствах, под обстрелом, представляет собой мучительное припоминание вечного речевого жанра, упразднённого атеистической эпохой: «Помогите мне. Спасите меня. Я не хочу умирать. <...> *Кому я говорю всё это? У кого прошу помощи? Может быть, вот у них, у этих брёвен*, которыми укреплён блиндаж?» /57–58/. Так бревенчатый свод блиндажа становится подобием хранилища *неба*. Если Ростов пытается вообразить незримое «в *этом небе*», чтобы почувствовать себя защищённым свыше, то *школяр* буквально создаёт себе Бога — *по образу и духу* случайного человека, явившего необъяснимое, а потому истинно божественное милосердие: «...Прощай, Ирина Макаровна. Прости меня, разве я знал?.. *Я никогда не смогу понять это...* Может быть, *ты и есть то лицо, у которого мне следует просить защиты? Тогда защити меня.* Я не хочу умереть» /59/. Эмоциональность «звательных» и побудительных конструкций в обоих случаях усилена благодаря повторяющимся словесным жестам всматривания, узнавания, контакта (*тот; в этом небе; вот у них; ты и есть то лицо...*). Эпизод связан с «Войной и миром» не только типологически, но и преемственно.

Напомним, что в годы создания «Школяра» и позднее у Окуджавы ещё появляются атеистические декларации¹⁹, а в стихах, подобных «Песенке о московском муравье» («Мне надо на кого-нибудь молиться...», 1959), лирический герой уповает на «обыкновенное чудо»²⁰. Таким образом, монолог *школяра* — самая первая настоящая молитва Окуджавы, предвестие «Молитвы Франсуа Вийона» и других песен, выражавших «смутные интуиции “жизни иной”», пролагавших дорогу «вере без вероисповедания»²¹. Внешний и внутренний запрет на изъявление этого чувства был преодолён Окуджавой в диалоге с Толстым, при узнавании себя в его смятенном мальчике.

¹⁹ См. об этом: Кулагин А. В. Стихи об озорстве // Кулагин А. В. Окуджавы и другие. М.: Булат, 2008. С. 106–112.

²⁰ См.: Александрова М. А. «Чудесный случай» в лирике Булата Окуджавы // Случай и случайность в литературе и жизни: Материалы конф. [Пушкин. горы, 6–10 июля 2005 г.]. СПб.: Пушкин. проект, 2006. С. 185.

²¹ Эпштейн М. Н. Вера без вероисповедания, или Бедная религия // Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика рус. лит. М.: Высш. шк., 2006. С. 413.

Страдание и смерть «другого», объясняющее тебе твою собственную смертность, — вечная тема военной прозы, однако и здесь нам представляется очевидным раннее плодотворное усвоение уроков Толстого. Любопытно, что оценить преемственность помогает то невольное ostranenie, которому подверглась проза Окуджавы в журнальной критике.

В одной из статей (уже постсоветского времени) писателю был поставлен на вид его застарелый, со времён «Школяра» удержавшийся романтизм, не позволяющий взглянуть прямо на самое страшное, побуждающий избегать «шокирующих подробностей». Цитируя эпизод фронтового погребения («А чуть в стороне лежали тела убитых. Их снегом запорошило. Шинели белые, лица белые. Семь белых людей лежат и молчат»), А. Сафронова резюмирует: «Вот эта-то “запорошенность снегом” очень показательна». И продолжает отыскивать в тексте эстетическую «слабину»: «“А у меня перед глазами — чёрные пятна на снегу, воронка и фигура в шинели, медленно бредущая к нам. Я не хочу думать об э т о м, а о н о сидит в голове, и никак от него не избавиться”. Важна торжественная авторская разрядка. Что же это за “оно”, с суеверным ужасом не называемое автором? “Оно” — это кровь и грязь, покалеченное мясо, не припорошенная снегом смерть, это страшная реальность, для которой так мало подходит романтическая лексика»²². Между тем у Толстого читаем:

...Он стоял и *оглядывался*, как вдруг затрещало по мосту, будто рассыпанные орехи, и один гусар, *ближе всех бывший от него*, со стоном упал на перилы. Ростов подбежал к нему вместе с другими. Опять закричал кто-то: «Носилки!» Гусара подхватили четыре человека и стали поднимать.

— Оооо!.. Бросьте, ради Христа, — закричал раненый...

Николай Ростов *отвернулся* и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Как хорошо показалось небо, как голубо, покойно и глубоко! Как ярко и торжественно опускающееся солнце! Как ласково-глянцевито блестела вода в далёком Дунае! И ещё лучше были далёкие, голубеющие за Дунаем горы, монастырь, таинственные ущелья, залитые до макуш туманом сосновые леса... там тихо, счастливо... «Ничего, ничего бы я не желал, ничего бы не желал, ежели бы я только был *там*, — думал Ростов. —

²² Сафронова А. «Дождь идёт прямо с неба» // Волга. Саратов, 1993. № 3. С. 138. Критику, ожидавшему репортажа о «покалеченном мясе» от первого лица, от лица семнадцатилетнего мальчика, не худо бы вспомнить простую заповедь: «Ведь если нету чувства слова, // То просто чувство быть должно» (Е. Евтушенко).

Во мне одном и в этом солнце так много счастья, а *тут...* стоны, страдания, страх и эта неясность, эта поспешность...» [Т. I. Ч. 2. Гл. VIII].

В современной ситуации «молчания классики»²³ человечность этого жеста слабости, этого «Ростов отвернулся...» оказывается не для всякого очевидной. Но и в те годы, когда Окуджаву писал своего «Школяра», немногие отваживались воссоздать личный опыт подобного «малодушья»: «*Там недалеко Шонгин лежит. И Сашка стоит над ним. Он держится рукой за подбородок, а рука у него трясётся. Это не Шонгин лежит, это остатки его шинели... Где же Шонгин-то? Ничего не поймёшь... Лучше не смотреть, лучше не смотреть*» /137/. Перечитаем для сравнения ещё одну классическую страницу, где речь идёт о том этапе в судьбе толстовского героя, когда он (говоря словами Окуджавы) уже «познакомился с войной»: «Ростов пустил лошадь рысью, чтобы *не видеть* всех этих страдающих людей. Он боялся не за свою жизнь, а за то *мужество*, которое ему нужно было и которое, он знал, *не выдержит вида этих несчастных*» [Т. I. Ч. 3. Гл. XVIII]. Разумеется, автор «Школяра» — в отличие от его ироничного рецензента — хорошо помнил и того из персонажей Толстого, который «обыкновенно любил рассматривать убитых и раненых, испытывая тем свою *душевную силу* (как он думал)» [Т. III. Ч. 2. Гл. XXXVIII].

Вслед за Толстым Окуджаву констатирует такое малозначительное, на первый взгляд, следствие военной травмы, как предубеждение против «счастливчиков войны». Порой оно принимает вид соперничества военных каст:

Остановленные пехотные солдаты, толпясь в растоптанной у моста грязи, с тем особенным недоброжелательным чувством отчуждённости и насмешки, с каким встречаются обыкновенно различные роды войск, смотрели на чистых, щеголеватых гусар, стройно проходивших мимо них.

— Нарядные ребята! Только бы на Подновинское!

— Что от них проку! Только напоказ и водят! — говорил другой.

— Пехота, не пыли! — шутил гусар, под которым лошадь, заиграв, брызнула грязью в пехотинца.

— Прогонял бы тебя с ранцем перехода два, шнурки-то бы повытерлись, — обтирая рукавом грязь с лица, говорил пехотинец, — а то не человек, а птица сидит! [Т. I. Ч. 2. Гл. VII].

В повести Окуджавы эпизод, воспроизводящий этот военно-полевой сюжет, озаглавлен словом из репертуара город-

²³ Быков Д. Молчание классики // Быков Д. Думание мира: Рец., ст., эссе. СПб: Лимбус Пресс: Изд-во К. Тублина, 2009. С. 176–180.

ской шпаны: *Лафа*. И специфическое определение чужой удачливости, и принадлежность невезучих миномётчиков к современному роду войска — всё обрамление эпизода контрастирует с теми, кто фигурирует в качестве «счастливиц»: «Я помню, как мы вошли в первый населённый пункт, тот самый, который я видел с НП. Это было разбитое степное село. В уцелевших хатах *уже хозяйничали кавалеристы*: переодевались, спали, играли на гармонике, а в одной даже блины пекли. И мы, *конечно*, всюду попадали с опозданием» /62–63/. На современном фоне кавалеристы выглядят историческим анахронизмом, а в ассоциативном контексте повести оказываются двойниками гусар наполеоновской эпохи, обладателями неких наследственных преимуществ.

Критика в своё время буквально взорвалась негодованием по поводу допущенного автором «нетипичного» поведения советского бойца Коли Гринченко, оскорбившего одного из казаков — калмыка («Вот гад... сам к печке, а русского — на мороз!» /64/), и даже восстановление справедливости, благодаря свидетелям конфликта с обеих сторон, не было принято во внимание. Главное же заключается в том, что *торопливые судьбы* проигнорировали иное — философское — разрешение ситуации. В финале главы, словно бы с нарушением повествовательной логики, сообщается: «Погиб телефонист Кузин. Пуля вошла ему в рот. *Она была уже на излёте, слабая*. Но что-то успела задеть, и он умер» /65/. Чужая *лафа*, ничтожные или мнимые преимущества «другого» застыт взор усталых, ожесточённых войной людей; но смерть каждый день равняет «счастливиц» и «завистников». Подробность, сопровождающая прощание с телефонистом, очень характерна для окуджавской антропологии: гибель от *слабой* пули знаменует хрупкость, уязвимость всякого человека; воистину, человек на войне *слабее слабого*. При этом смелость обобщения, столь удивительная на фоне современной автору доктрины, говорит о выборе великого собеседника за пределами своей эпохи.

Тот же уровень философского диалога поддержан особым поворотом темы «другого», сходным у Толстого и Окуджавы: сознание собственной уязвимости побуждает человека творить военные легенды о когорте чудо-богатырей, добровольно отдавать им, особой породе, преимущества победителей смерти. Такие легенды всегда опровергаются личным опытом — и всегда воскресают заново:

...показалась на всём протяжении поля *огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в белых блестящих мундирах*, которые

рысью шли прямо на него. Ростов пустил лошадь во весь скок, для того чтобы уехать с дороги... Это были наши кавалергарды, шедшие в атаку на французскую кавалерию... Крайний кавалергард, *огромный ростом* рябой мужчина, злобно нахмурился, увидав перед собой Ростова, с которым он неминуемо должен был столкнуться. Этот кавалергард непременно сбил бы с ног Ростова с его Бедуином (*Ростов сам себе казался таким маленьким и слабеньким в сравнении с этими громадными людьми и лошадьми*), ежели б он не догадался взмахнуть нагайкой в глаза кавалергардовой лошади. <...> Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы. *Ростову страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только осмнадцать человек* [Т. I. Ч. 3. Гл. XVII].

Для войны нет самого сильного, самого храброго, но человеку нуждается в иллюзиях:

— А под Москвой *сибиряки* немцев причесали, — говорит Сашка. — *Если бы не они, кто знает, как вышло бы.*

— *Сибиряки все одного роста*, — говорю я, — *метр восемьдесят.* Специально подобраны. <...>

Я знаю хорошо, что там было. Мне очевидцы рассказывали. И когда шли *сибиряки*, немцы катились на запад без остановки. Я знаю. Потому что *сибиряки стояли насмерть. Они все охотники, медвежатники. Они с детства смерти в глаза смотрят. Они привыкли.* А мы? Вот на нас танки пойдут, ведь мы глаза закроем. И не потому, что мы трусы. Просто мы не привыкли... *Смогу я на танк выйти? Нет, не смогу.* С мимолётами это проще. Тут передовая далеко. Стреляй себе, постреливай, позицию меняй. А лицом к лицу... Хорошо, что мы не пехота /107/.

Утешенный рассказом о *медвежатниках*, богатырях войны, *школяр* не смеет расшифровать красивую метафору: *сибиряки стояли насмерть...* Ему легче признать своё собственное бессилие в единоборстве с танком, чем разрушить легенду — выговорить то, о чём так страшно было узнать Ростову: *после атаки осталось только осмнадцать человек.*

Всепроникающий толстовский подтекст «Школяра» не оформлен цитатным словом, что закономерно: «Война и мир» в творческом сознании Окуджавы существует как истинная Книга Жизни. Особый статус романа Толстого подчёркнут и тем, что другие тексты (в том числе толстовские), напротив, либо цитируются откровенно, либо становятся основой ситуаций-парафразов со всеми признаками своего «книжного» происхождения. Уже в начале повести, рядом с отмеченными Л. С. Дубшаном реминисценциями из трилогии «Детство. Отрочество. Юность» и рассказа «Севастополь в августе 1855 года», дана отсылка

к школьной классике, сопровождаемая характерным жестом припоминания авторства: «За спиной у меня автомат, на боку — две гранаты, с другого бока — противогаз. Очень воинственный вид. Очень. *Кто-то* сказал, что воинственность — признак трусости...» /45/. Этот *кто-то*, разумеется, лермонтовский Печорин: «Дамы на водах ещё верят нападениям черкесов среди бела дня; вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов: он был довольно смешон в этом геройском облачении»²⁴. Так недавний ученик, ошеломлённый своим новым положением, ищет хоть каких-то привычных ориентиров.

Другая литературная ассоциация может показаться совершенно произвольной. Лишившись ночлега из-за ссоры с казаками, миномётчики бредут степью, а несчастный *школяр* импровизирует монолог... на тему царственного изгнанника Лири: «Бейте, миномёты, бейте! Дуй, ветер! Сыпь, дождь пополам со снегом! Мокни, моя спина! Болите, мои руки!...» /64–65/; сравним: «Дуй ветер! Дуй, пока не лопнут щёки! // Лей, дождь, как из ведра, и затопи // Верхушки флюгеров и колоколен! // Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль, // Деревья расщепляющие, жгите // Мою седую голову!...» И всё же причуда читательской памяти *школяра* оказывается внутренне логичной: подобно Лиру, который, скитаясь под бурей, смиряет былую гордыню («О нет, я буду образцом терпенья, // Ни слова больше не скажу»²⁵), «изгнанник» признаёт свою вину («Мне кажется, что *это* я обидел человека» /64/).

Бивачное приключение — «перевёртыш» трагической любовной коллизии Маяковского. К поэме «Облако в штанах» отсылает имя несостоявшейся подружки, повторяемое на разные лады, и микроцитата²⁶:

- Лезь ко мне, — говорит с печки тихий голос, — у меня тепло.
- А ты кто?
- Какая разница? Лезь. У меня тепло.
- Манька, — равнодушно говорит хозяйка, — смотри у меня...

²⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание соч.: В 4 т. Т. IV. М.: Правда, 1986. С. 274.

²⁵ Шекспир В. Король Лир / Пер. Б. Л. Пастернака // Шекспир В. Комедии; Хроники; Трагедии; Сонеты: В 2 т. Т. II. М.: РИПОЛ, 1994. С. 471, 472.

²⁶ О поэтике микроцитаты в лирике Окуджавы С. С. Бойко пишет: «Природа этой минимальности связана со стратегией укрытия поэтических приёмов» (Бойко С. С. «О минуте возвышенной пробы...»: Поэзия Булата Окуджавы. М.: Кругъ, 2010. С. 145).

Манька... Неужели так и называть? <...>

— А сердце-то у тебя ой как бьётся, — смеётся она прямо в ухо, — испугался, что ли? <...> Ты что, неживой, что ли?

— Пусти меня. <...> *Пусти, Мария...*

— *Мария...* — говорит хозяйка, — *как же, Мария. Дура белобры- сая, а не Мария /84–85/.*

Выделенная, острани́нная в контексте эпизода благодаря игре с именем, цитата кажется оторвавшейся от своего источника: «Мария! Мария! Мария! // *Пусти, Мария!* // Я не могу на улицах! <...> Мария, хочешь такого? // *Пусти, Мария!* <...> Открой! // Больно! <...> *Пустила*»²⁷. Но связь текстов и в данном случае отнюдь не формальна. Хотя заклинание «Пусти, Мария!» в устах *школяра* выражает ужас перед напором незнакомки, это чувство соразмерно своей противоположности — непреклонным желаниям лирического героя «Облака...»; подразумеваемый фон позволяет ощутить авторскую — ретроспективную — самоиронию, в то время как *школяр* сокрушается: «А меня завтра засмеют. Засмеют, засмеют! И поделом мне. Сама просила, уговаривала... Засмеют» /86/.

Обрамление «любовного» эпизода (название главы: «Где ваша дочь?...», пришедшая на память *школяру* некая старинная книга, которая тут же разыгрывается им в лицах, и рефрен, перебивающий диалог с *Марией*: «Где ваша дочь, мадам?») представляет собой самый сложный по структуре и задачам акт литературной рефлексии:

Я стучу в ставню. «Мадам, не будете ли вы столь любезны...» Никто не отвечает. «Мадам, я остался в живых. О, если бы вы знали, что там было!...» Я стучу в ставню. «Ботфорты — сюда, мундир — в гардероб, шпагу — на стул...» — «Благодарю вас... А где же ваша дочь?» <...> Я стучу в ставню. «Вальдшнеп?.. Сыр?.. Вино?..» — «О, благодарю вас. Ломтик холодной телятины и ром. Я солдат, мадам». Я стучу в ставню. <...> «Вот ваша комната. Спокойной ночи». — «Спокойной ночи, мадам. А где же ваша дочь?» /82–83/.

Источник этой импровизации *школяра* — финал очерка К. Н. Батюшкова «Путешествие в замок Сирей (Письмо из Франции к г. Д<ашкову>» (1814):

Поднялась страшная буря: конь мой от страху останавливался, ибо вдали раздавался вой волков... Вот, скажете вы, прекрасное предисловие к *рыцарскому походу*! Бога ради, сбейся с пути своего, избавь какую-нибудь красавицу от разбойников или *заезжай в деревни*

²⁷ *Маяковский В. В. Сочинения: В 2 т. Т. II. Поэмы. М.: Правда, 1988. С. 20, 21, 22.*

замок. Хозяин его <...> примет тебя как странника, угостит в зале трубадуров, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцирями, мечами и шлемами; хозяйка осыплет тебя ласками, станет расспрашивать о родине твоей, будет выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнессу, которая, потупя глаза, покраснеет, как роза... — Напрасно, милый друг! Со мной ничего подобного не случилось²⁸.

Окуджава подхватывает и развивает пародию Батюшкова на *рыцарское похождение*: реальность, предлагающая свидание с беспутной *Манькой* вместо *прелестной, томной Агнессы*, ставит *школяра* в положение *Дон Кихота*, чья верность даме сердца подвергается испытанию (воображаемому) при ночлеге на постоялом дворе (в «очарованном замке»); *белобрысая дура Манька* (утром станет видно, что она к тому же курноса и конопата) — параллель к *Мариторнес* у Сервантеса (девке «широколицей, курносой, со срезанным затылком, на один глаз кривой»²⁹); переименование *Маньки* в поэтическую *Марию* напоминает также об *Альдонсе*, превращаемой в *Дульсинею*, что не просто контаминирует мотивы разного происхождения, но и обнаруживает внимание Окуджавы к донкихотовскому мифу Маяковского³⁰.

Будучи жертвой ситуации, *школяр* невольно, казалось бы, разыгрывает вечные сюжеты «человеческой комедии». Именно этот эпизод может послужить поводом к расподоблению героя и автора (вопреки установке предисловия на тождество их сознания): т а к а я эрудиция и т а к а я изощрённость литературной игры, во-первых, свидетельствует о зрелом (к тому же профессионально-филологическом) мышлении, во-вторых, освещает позицию авторской «внеаходимости» по отношению к повествующему я. И всё-таки поэтика Окуджавы подчиняется своему собственному — возможно, уникальному — закону «литературности». Герой повести сам становится, по воле автора, творцом реальности. Задавая в ситуации любовного искушения риторический вопрос: «Так просто?» /85/, «книжный мальчик» отвечает на него буквально — усложняя всё элементарное, переименовая грубое, облагораживая телесное. Знаки новой, одухотворённой реальности — странные ночные звуки: «...А может быть, это и не шёпот, а тишина. Но кто-то всхлипывает.

²⁸ Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. Т. I. М.: Худож. лит., 1989. С. 107.

²⁹ Сервантес Сааведра М. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2 т. Т. I. М.: Худож. лит., 1970. С. 131.

³⁰ Насколько нам известно, эта сторона творческого диалога Окуджавы с Маяковским ещё не исследована.

<...> И всё-таки кто-то плачет. А может быть, это Мария смеётся?...» /86/. Незадачливая искусительница и наутро остаётся *Марией*. Через «литературность» такого рода осуществляется — в двоянном бытии автора и героя — сопротивление самой Войне, её страшной воле к упрощению человеческой жизни: «Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык?...» /51/.

Эстетическая лёгкость описанной выше структуры обусловлена тем, что феерически разнообразный литературный материал актуализирован минимальными средствами, а проводник «литературности», «умник» и «книжник», всюду сохраняет непосредственность: что может быть естественнее жизни в пространстве культуры, в диалоге с её творцами и творениями? Поэтому введение «книжных» мотивов может быть и совершенно незаметным, никак не отзываться «приёмом». Сквозной сюжет обыкновенных мальчишеских мечтаний о *красивой связистке* только при последней встрече героев обнаруживает свой иносказательный, глубоко традиционный смысл: «Знаешь, я даже представил однажды, как мы с тобой после войны встретились. На тебе — *розовая жакетка*... Мы идём по Арбату...» /119/. Присваивая Нине цвет блоковской Прекрасной Дамы — розовый³¹, автор освещает желанное событие как сакральное, отодвигает встречу не в послевоенное будущее, а в какую-то необозримую даль.

Как уже было показано, «Война и мир» является прежде всего грандиозным фоном маленькой повести, межтекстовые связи здесь не эксплицированы, и *школяр* о своём двойнике-*юнкере* как бы не подозревает. Но одно исключение Окуджава допускает, прикасаясь к наиболее важному звену художественно-философской концепции Толстого. Связующую функцию выполняет гротескный образ старого солдата: «Приходит Шонгин. Это старый солдат. *Он знаменитый солдат. Он служил во всех армиях во время всех войн. Он в каждую войну доходил до передовой, а потом у него начинался понос. Он ни разу не выстрелил, ни разу не ходил в атаку, ни разу не был ранен*» /49/. *Знаменитый солдат* — акцент, принадлежащий самому школяру, партнёру

³¹ Ср. также: «Эта женщина в окне в платье розового цвета...» (Окуджава Б. III. Стихотворения. С. 410). О связи этого образа с поэзией Блока см.: Мосова Д. В. Пространственная и календарная символика двоемирия в стихотворении Булата Окуджавы «Не сольются никогда...» // Восток — Запад: Пространство природы и пространство культуры в рус. лит. и фольклоре. Материалы междунар. науч. конф. (заочной). Волгоград. 19 нояб. 2010 г. Волгоград: Парадигма, 2011. С. 201–204.

Шонгина в художественном мире повести. Поводом для гиперболы *все войны* послужила, вероятно, такая характеристика друтого *знаменитого солдата*: «Платону Каратаеву должно было быть за пятьдесят лет, судя по его *рассказам о походах*, в которых он участвовал *давнишним солдатом*. Он сам не знал и никак не мог *определить, сколько ему было лет...*» [Т. IV. Ч. 1. Гл. XIII]. В рассказах Шонгина прошлое также предстаёт неопределённым: «— *Когда я в кавалерии служил*, — говорит Шонгин, — вот была беда, это уж в самом деле горе. С марша пришёл, а спать нельзя: коня расседлай, напои, накорми, а время останется — сам отдохай» /92/. «Когда...» — это в гражданскую, в Первую Мировую... или при Наполеоне, как позволяет догадываться толстовский подтекст?

Советская критика была шокирована и причиной, отсрочившей смерть Шонгина, и сочувствием молодого солдата участнику *всех войн*: «“...а потом у него начинался *понос*”. Хорош гусь Шонгин, но и школяр не лучше»³². Между тем Окуджав лишь заостряет — не без вызова — признаки каратаевского типа; возводится в символ физиологическая (натуральная) реакция *знаменитого Шонгина* на войну. Толстой нигде не изображает *старого солдата* воюющим или хотя бы вооружённым, заведомо исключает его участие в самом важном сражении — Бородинском: «В то воскресенье меня взяли <французы> из гошпиталя в Москве. <...> *От лихорадки умирал. Нам и не сказали ничего* <об оставлении Москвы>. Наших человек двадцать лежало. И не думали, не гадали» [Т. IV. Ч. 1. Гл. XII]. Шонгин, в отличие от Каратаева, не благообразен, не *кругл*, себе на уме, только взглядывает порой ласковыми — словно бы каратаевскими — глазами и незаметно опекает младших. Родство двух старых солдат заключается в том, что война не меняет их глубоко мирной сущности. Зато абсолютно по-разному осмыслена их смерть. Этот результат диалога Окуджавы с Толстым — едва ли не самый резкий отличительный признак *д р у г о г о* человеческого опыта. Вчерашний *школяр* засвидетельствовал эпохальные сдвиги, в чём его поколение ещё не дало себе полного отчёта; но слово сказано, и отныне участь *одного из малых сих* служит веским доводом против эпического оправдания мира.

³² Кондратович А. И. Человек на войне: (Заметки критика) // Новый мир. 1962. № 6. Цит. по: Голос надежды. Вып. 2. С. 251.

Шонгин, будучи поначалу наглядным подтверждением «бессмертия» Каратаева, последней войны не переживёт и не во-лётся малой каплей в океан жизни (как видится Пьеру во сне исчезновение Платона). Мысль о смерти Шонгина определяет состояние *школяра* в момент окончания его собственной, такой короткой, войны. Хотя раненый впервые ощущает на себе бережное внимание окружающих, которого по-детски искал прежде, его мучает чувство потери. Погиб человек не самый близкий, но мир теперь зияет пустотой: «Алюминиевая сточенная ложка, а на черенке ножом выцарапано “Шонгин”... Вот и память о тебе. *Ничего не осталось, только ложка*. Сколько войн он повидал, а эта последняя. Бывает же когда-нибудь последняя. А жена ничего не знает. *Только я знаю...* Я упрячу эту ложку поглубже. Буду всегда с собой носить... *прости меня, Шонгин, старый солдат...*» /143/. Прощальный монолог контрастирует с завершением сюжетной линии Пьер — Каратаев, и финал в целом несомненно полемичен по отношению к рассказу Толстого об индивидуальных судьбах в войне 1812 года. Солидаризироваться с толстовской концепцией народной жизни оказывается невозможно.

Художническая рефлексия о д р у г о м, несходном, об ином состоянии мира, памятником которому стала книга, — всё это является полноценным личным опытом и порождает отнюдь не вторичное искусство. Через двадцать лет после «Школяра» Окуджава сформулирует: «“Прежняя” литература — это тоже мой опыт. Она существует во мне, и я выхожу из неё»³³.

³³ «Минувшее меня объемлет живо...» / Беседу вёл Ю. Болдырев // Вопр. лит. 1980. № 8. С. 134.

М. М. ГЕЛЬФОНД

ПАЛЬТО ИЗ ГОГОЛЕВСКОЙ «ШИНЕЛИ»
О рассказе Булата Окуджавы
«Искусство кройки и житья»

Сулит мне новые удачи
Искусство кройки и шитья.

Рассказ «Искусство кройки и житья» (1985) — одно из лучших автобиографических произведений Булата Окуджавы. Внешняя простота сюжета соединилась здесь с глубиной поставленных вопросов «о времени и о себе», что отразилось в заглавии, остроумно переосмыслившем привычное речевое клише. В рассказе изображены люди и обстоятельства, связанные с работой Булата Шалвовича Окуджавы в Калужской области. Однако случай в привокзальном ресторане — кульминационный в рассказе — как показывает биографическое исследование Марата Гизатулина¹, произошёл несколько раньше, когда Окуджава ездил устраиваться на работу во Владимирскую область. Почему же события, относящиеся к разным, хотя и близким по времени периодам, сконтаминированы в автобиографическом повествовании именно таким образом? Думается, одна из причин этого — тот реминисцентный фон, который словно бы «подсвечивает» изнутри «Искусство кройки и житья». Это — гоголевская «Шинель»².

¹ Гизатулин М. Шамордино (1950–1951) // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 87–140.

² Гоголевские подтексты в повести «Похождения Шипова» рассматриваются в статье А. Цуркан «Гоголевские традиции в повести Булата Окуджавы “Похождения Шипова, или Старинный водевиль”». По словам автора, «гоголевские традиции только одна из многочисленных, хотя и очень важных граней поэтики Окуджавы» (Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы второй междунар. конф. 30 нояб. — 2 дек. 2001 г. Переделкино, 2004. С. 158–162.

Как пишет А. С. Янушкевич, «слова “все мы вышли из гоголевской шинели”», кому бы они ни принадлежали, зафиксировали связь идеологии жанра с поэтикой раннего русского реализма»³, с антропологией Гоголя и его «болью за маленького человека»⁴, открытой писателями «натуральной школы» и унаследованной Достоевским, в особенности в «Бедных людях», где «падение в бездну» Макара Девушкина становится психологическим следствием прочитанной им «Шинели»⁵. Реминисцентная история этой «петербургской повести» простирается и далее, из девятнадцатого века в двадцатый. Так, по наблюдению С. В. Поляковой, «история Парнока, героя “Египетской марки”», даже на уровне частных подробностей, повторяет сюжет гоголевской “Шинели”»⁶. Рассказ Окуджавы об автобиографическом герое — «маленьком человеке», чьё сознание модифицировано социальными катаклизмами XX века, — стоит в том же ряду, что произведения Гоголя, Достоевского, Мандельштама, и соприроден им.

Как и в «Шинели», первопричиной, заставляющей героя рассказа Окуджавы заботиться о новой одежде, является зима — жестокая, катастрофическая, напоминающая о себе уже в октябре: «В деревне перед началом учебного года у меня была на зиму студенческая куртка из какого-то старорежимного истёршегося драпа. В такой куртке можно было зимовать в Тбилиси, да и то с трудом, но калужская зима, которая в октябре уже напоминала о себе, с такой курткой расправилась бы легко — и это ощущалось»⁷. Уже первая фраза создаёт ситуацию «Шинели», изложенную от первого лица: герой страшится зимы (отметим: зимы чужой — калужской, а не тбилисской, такой была

³ Янушкевич А. С. «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя в контексте русской литературы 1920–1930-х годов // Поэтика русской литературы: К 70-летию проф. Ю. В. Манна. Сб. ст. М.: РГГУ, 2002. С. 193.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее об этом: Бочаров С. Г. Холод, стыд и свобода: История лит. sub specie Свящ. истории // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 124.

⁶ Полякова С. В. «Шинель» Гоголя в «Египетской марке» Мандельштама // Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. С. 286.

⁷ Окуджавы Б. Ш. Избранные произведения: В 2 т. М.: Современник, 1989. Т. 2. С. 366. Далее прозаические произведения Б. Ш. Окуджавы цитируются по этому изданию, номер страницы указывается в косых скобках.

петербургская зима для самого Гоголя⁸); он абсолютно одинок, и пальто нужно ему как своего рода броня, защищающая от внешнего мира и утверждающая его статус. И всё же изначально новая одежда требуется герою Окуджавы не для самоутверждения, а для защиты от холодов. Мотивы холода, метели, нескончаемой зимы пронизывают весь рассказ Окуджавы, причём его события в своём временном расположении отчётливо соотносятся с «Шинелью»: действие рассказа начинается в октябре, а заканчивается в мае⁹. Можно отметить связь хронотопа произведений не только с природным календарём, но и с официальными праздниками, словно бы подготавливающими повороты сюжета: Акакий Акакиевич получает награждение, позволяющее ему сшить шинель, по всей вероятности, к Рождеству¹⁰, а героем рассказа Окуджавы обнаруживает, что его костюм окончательно расползся (подобно старому «капоту» Башмачкина), в ночь накануне Первого мая. Высшая же точка напряжения, обретение той «материи»¹¹, из которой будут кроиться новые одежды, — покупка сукна героем Гоголя и получение долгожданных телячьих шкурок героем Окуджавы — приходится на конец марта: «Все ждали марта с нетерпением, но никто его не ждал так, как я» /372/.

Весь этот период времени — с октября по май — связан в рассказе Окуджавы с непрекращающимся, усиливающимся

⁸ См., например, известное письмо Гоголя матери: «Доказательством моей бережливости служит то, что я ещё до сих пор хожу в том самом платье, которое я сделал по приезду своём в Петербург из дому... до сих пор я не в состоянии был сделать нового не только фрака, но даже тёплого плаща, необходимого для зимы. Хорошо ещё, я немного привык к морозу и отхватаю всю зиму в летней шинели» (Гоголь Н. В. Собрание соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1959. С. 323). В дальнейшем ссылки на произведения Н. В. Гоголя даются по этому изданию, номера страниц указываются в тексте в круглых скобках.

⁹ Хронология событий, происходящих в «Шинели», подробно восстановлена в работе В. М. Марковича «“Петербургские повести” Гоголя» (Маркович В. М. Избранные работы. СПб.: Ломоносовъ, 2008. С. 34–35). Невероятная продолжительность зимы в «Шинели» была впервые, насколько нам известно, отмечена в работе О. Г. Дилакторской «Фантастическое в “Петербургских повестях” Н. В. Гоголя» (Владивосток, 1986. С. 153–155).

¹⁰ Отмечено В. М. Марковичем (Указ. соч. С. 34).

¹¹ Р. Барт отмечает «удачную двусмысленность» слова *материя* в русском языке (Bartes R. *Systeme de la mode*. Paris, 1967). Цит. по работе: Лотто Ч., де. Гоголь: одежда и мода // Гоголь как явление мировой литературы: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / Под ред. Ю. В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 81–82).

холодом. Дом Сысоевых — единственная для героя рассказа возможность «посидеть в сытном тепле» /368/, январь проходит «под аккомпанемент метели» /369/, в конце марта герои едут по бывшему Козельскому тракту «под ледяным ветром» /374/ и переправляются, рискуя жизнью, через ледяную Оку¹². Подобно зиме в «Шинели», в «Искусстве кройки и житья» зима начинается очень рано и длится едва ли не полгода. Как отмечает В. М. Маркович, в гоголевской повести «субъективное ощущение превращается в объективную реальность: время как бы останавливается, и холод начинает восприниматься как непреходящее состояние самого изображаемого мира»¹³. По отношению к обоим героям — и Гоголя и Окуджавы — мороз оказывается врагом. В «Шинели» это слово произнесено: «Есть в Петербурге сильный *враг* всех, получающих чetyреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров» (133). У Окуджавы говорится о том, что зима «с такой курткой *расправилась* бы легко», — сама семантика глагола предполагает здесь поединок, битву (курсив в цитатах здесь и далее, кроме специально оговоренного случая, наш. — М. Г.).

С мотивом холода в рассказе Окуджавы тесно связан и мотив бедности, граничащей с нищетой, также изначально заданный «Шинелью». Так, гоголевский подтекст явственно просматривается в описании старого костюма героя, подобного «капоту» Башмачкина: «...пиджак *коробился и блестел на спине и локтях* <...> Как я изловчился справиться со *старым расползающимся материалом, не желающим больше жить*, — не знаю. Он мучил меня и подставлял мне не те места, к которым следовало бы прикоснуться ножницами, и *швы терялись в складках и ускользали, и игла вонзалась далеко от намеченного места...*» /379/. Многострадальный костюм героя «Искусства кройки и житья» словно бы увиден одновременно глазами Акакия Акакиевича («...он открыл, что в двух-трёх местах, *именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка; сукно до того истёрлось, что сквозило, и подкладка расползлась*») и Петровича: «Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся... *дашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой — а вот уж оно и ползёт...* Только

¹² Ситуация переправы также отмечена множеством аллюзий — от «Медного всадника» до главы «Переправа» из «Василия Тёркина».

¹³ Маркович В. М. Указ. соч. С. 35.

слава что сукно, *а подуёт ветер, так разлетится*» (134, 137). Возникает здесь и гоголевский мотив складчины — коллективного сбора денег на новую вещь. Как и у Гоголя, складчина оказывается несостоявшейся, но по иной причине — не из-за равнодушия окружающих, а из-за обострённого самолюбия героя Окуджавы, который страшится самой её, унижительной для него, возможности: «Наверное, ничего бы особенного не произошло, и мои ученики и коллеги, привычные к не таким лишениям, не предали бы меня позору. Но ведь *оглядывали бы с печалью и сочувствием, и, чего доброго, собрались бы в складчину*, чтобы поддержать мою репутацию молодого симпатичного учителя грузинского происхождения с городским вкусом, с любовью к прекрасному...» /379/.

Подобно «Шинели», «Искусство кройки и житья» наполнено подробными денежными отчётами: «Поэтому я набрал, где только смог, шестьсот рублей (по нынешним временам — шестьдесят) и отправился в Перемышль, в наш районный центр. Мне повезло. В магазине продавались зимние пальто, и стоили они всего четыреста пятьдесят. Я взял пальто на размер больше, вернулся в деревню обладателем собственной зимней шубы, а оставшиеся сто пятьдесят рублей раздал кредиторам» /366/. Так является на свет первое — «из одних отрубей» /369/ — пальто окуджавского героя, напоминающее вицмундир Акакия Акакиевича прежде всего своей несвойственной одежде фактурой. Но если вицмундир Башмачкина её вбирает, то пальто героя Окуджавы из неё *с о с т о и т*: «И постоянно что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или *сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка...*» (132) — «Моё же пальто было совсем иным. Его материал тоже назывался драпом, но напоминал *листовую фанеру*, которую почти невозможно согнуть... Этот *драп ткали вместе с соломой, веточками и отрубями*, и, бывало, просиживая в каких-нибудь приёмных или на вокзалах в ожидании поезда, я коротал время, выщипывая из него этот *строительный материал*, собирая его в горсть. Горсть по горсти» /366/.

Ситуация обретения нового одеяния, которая создаёт сюжет гоголевской повести, у Окуджавы редуцирована. Несгибаемый «драповый панцирь» и существующее лишь в мечтах героя кожаное пальто словно бы воплощают собой две функции (или, по-гоголевски, «две выгоды») башмачкинской шинели: если первое призвано защищать от жестоких морозов, то задача второго — утверждение социального статуса заведомо унижен-

ного героя (на протяжении рассказа неоднократно говорится о судьбе его родителей, находящихся там). Первое же пальто, несмотря на то, что оно «тепло, непроницаемо, надёжно» /367/, напротив, оскорбляет и ранит героя Окуджавы, подчёркивая своей мнимой значительностью его несостоятельность, почти ничтожество: «Ну хорошо, моя радость, что же ты будешь делать с этой солидностью в этом не самом совершенном наряде, раня руки при малейшем прикосновении к драпу, не сгибаясь, едва переставляя деревянные ножки под тяжестью ватной брони? А что я должен делать?» /367/. Это, говоря мандельштамовскими словами, — «шуба с чужого плеча»¹⁴: герой в этом одеянии не равен самому себе и не совпадает с собою. Отсюда — необходимость новой одежды, не мотивированная внешними обстоятельствами. Кожаное пальто нужно герою для того, чтобы стать самим собой, совпасть с собственным представлением о себе, вернуться (пусть мысленно!) на московские тротуары, утолить жажду пересохшей души — хотя благодаря иронической дистанции именно эта идея и кажется автору через три десятилетия столь нелепой: «...Мне ли было замирать при одной мысли о возможном превращении в импозантного красавца?» /378/.

Идея кожаного пальто изначально столь же призрачна, как призрачна идея н о в о й (а не залатанной старой) шинели в устах гоголевского портного Петровича. В «Искусстве кройки и житъя» персонажем-аналогом Петровича становится «деревенский совратитель» Семён Кузьмич Сысоев, в котором сквозь облик крепкого хозяйственного директора школы механизаторов просматриваются, как и у гоголевского портного, почти inferнальные черты. Это и маленькое, «с кулачок», лицо, и визгливый голос, и хитрый прищур, и некая избыточность движений, мимики, интонаций («пританцовывал», «хохотнул», «зарумянился и сказал тоненько»), которая делает его по-гоголевски

¹⁴ «Тяжело мне в моей шубе, как тяжела сейчас всей Советской России случайная сытость, случайное тепло, нехорошее добро с чужого плеча» (*Мандельштам О. Э. Шуба* // Мандельштам О. Э. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2: Стихотворения; Проза / Сост. и подгот. текстов: П. Нерлер, А. Никитаев. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 247). Мотив одежды в творчестве Окуджавы не ограничивается рассказом «Искусство кройки и житъя»; как в лирике, так и в прозе он тесно соприкасается с мотивом одежды в лирике и прозе О. Э. Мандельштама. Об этих и некоторых других «пересечениях» художественных миров Мандельштама и Окуджавы см. также: *Гельфонд М.* Мандельштам и Окуджава: мир и лирический герой // Голос надежды. Вып. 3. М., 2006. С. 325–335.

неопределённым и неуловимым. Особенно же очевидна функциональная, если так можно выразиться, близость героев. Оба — своего рода провокаторы и проводники, которые вводят главных героев в богатый и разнообразный мир одежды, моды, житейского комфорта и уже тем самым подводят их к катастрофе. Но следует отметить, что Сысоев заходит в этом направлении значительно дальше, чем Петрович: именно он и втягивает героя Окуджавы в бессмысленную и опасную ситуацию в ресторане, а сам в кульминационный момент исчезает, как бы растворившись в воздухе («Это Сысоев меня надомил, а сам убежал» /386/).

У Гоголя знаком надвигающейся катастрофы становится знаменитая табакерка Петровича, на крышке которой изображён генерал «с заклеенным бумажкой лицом». Как отмечает В. М. Маркович, «история, начавшаяся разговором с Петровичем, приведёт героя к роковому столкновению с генералом, тоже анонимным и безликим»¹⁵. В рассказе Окуджавы сходную роль свидетеля и своего рода «катализатора» событий, ставшего лицом власти, но утратившего человеческое лицо, начинают играть сталинские портреты, неотступно преследующие героя. По словам Яна Плампера, «культ Сталина представлял собой преимущественно визуальный феномен, рассчитанный на население, чья ментальная вселенная формировалась в основном зримыми образами в противоположность печатному слову»¹⁶. В рассказе портрет Сталина описывается трижды — в начале, когда речь заходит о причинах симпатии Сысоева к герою: «...в те времена везде маячили всевозможные изображения моего усатого соплеменника» /369/, затем в гостинице, где над «золотистой головой» пожилой администраторши «кумир Сысоева с погасшей трубкой в руке удивлённо взирает на нас из рамки» /376/, и, наконец, в ресторане «...сквозь раскрытую дверь виден был на стене, в клубах табачного дыма, привычный портрет генералиссимуса» /382/. Отметим, что ни в одном из этих описаний Окуджавы не называет имени Сталина (поскольку имя, как и лицо, является знаком индивидуальности), зато дважды произнесённое слово «генералиссимус» напоминает о гоголевском «генерале». В последнем же случае (как

¹⁵ Маркович В. М. Указ. соч. С. 23.

¹⁶ Плампер Я. Алхимия власти: Культ Сталина в изобразит. искусстве / Авториз. пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Новое лит. обозрение. 2010. С. 8.

раз тогда, когда портрету удаётся сыграть свою зловещую роль), он увиден сквозь клубы табачного дыма, подобно тому, как в гоголевской повести «...у Акакия Акакиевича *затуманило в глазах*, и всё, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки» (137). Как и генерал «с заклеенным бумажкой лицом», генералиссимус на портрете безмолвно наблюдает за наивными попытками героя через одежду приобщиться к отвергнутому его миру: он знает, что это невозможно.

Гоголевский Акакий Акакиевич, по словам С. Г. Бочарова, «причащается этому миру, когда начинает мечтать о куннице на воротник»¹⁷, автобиографический герой Окуджавы — в тот момент, когда он впервые слышит о кожаном пальто и начинает мысленно примерять его на себя. Сам же проект кожаного одеяния кажется вначале (в отличие от проекта шинели) поразительным по своей доступности: «Всё складывалось одно к одному: в марте почему-то, оказывается, на деревне режут телят, словно спешат *принести их в жертву* таким, как я, *жаждущим облечься в кожаные покровы*. Шкуры, естественно, обдирают и продают их по самым доступным ценам. Мы покупаем и везём их в Калугу к знакомому скорняку. Через месяц нам вручают выделанное шевро, и нам остаётся только найти мастера по пошиву. Максимум через три месяца, а то и раньше — на нас великолепные обновы» /371/. Как и гоголевского Башмачкина, героя Окуджавы охватывает всё более усиливающееся болезненное воодушевление — «вибрация», «лихорадка», «недуг», «безумие» /371, 378/. Состояние это сродни описанному Гоголем: с одной стороны, «идея одежды» помогает каждому из героев переживать бесконечную зиму и наполняет их однообразную жизнь, с другой, вытесняет собой саму жизнь, становясь её единственным содержанием. Гоголь в связи с этим вводит мотив духовного брака, благодаря которому шинель становится «подругой» Акакия Акакиевича: «С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, *как будто бы какой-то другой человек присутствовал с ним*, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним вместе проходить жизненную дорогу, — и *подруга эта была не кто другая, как та же шинель* на толстой вате, на креп-

¹⁷ Бочаров С. Г. Указ. соч. С. 127–128.

кой подкладке без износу» (141). У Окуджавы же кожаное пальто превращается в некое полуодушевлённое *оно* (курсив автора) — воплощённое чудо, вначале недостижимое и доступное лишь другим, а по ходу действия рассказа словно бы приближающееся к герою: «Мне выпадала удача изредка видеть *это* на одиноких счастливицах. Я даже до *этого* дотрагивался. Тонкий аромат, смесь духов и светлого будущего, достигал моего обоняния прежде, чем я *это* видел. Эти таинственные возбуждающие волны предвещали появление чего-то прекрасного, и наконец, возникало *оно*. Оно напоминало шёлк на вид и на ошупь. Оно переливалось, было послушным, облегалo тело, придавая ему изысканность и элегантность; оно сияло в толпе, подобно драгоценному камню среди булыжников, и несло в себе признаки причастности к особому клану отмеченных капризной фортуной» /372/. Так, несмотря на подчёркнутый средний род (*оно*), кожаное пальто зримо обретает женские черты («тонкий аромат, смесь духов и светлого будущего», «таинственные возбуждающие волны», «шёлк», «изысканность») и почти уравнивается в своих правах с Прекрасной Дамой, сходящей со своих высот к герою¹⁸. Как и в гоголевской «Шинели», здесь «даже сама фразеология почти перерастает в трансцендентальную»¹⁹, по крайней мере — в романтическую²⁰. Но вместе с тем новое пальто не исключает и обыкновенных житейских преимуществ: «Кроме всех этих внешних благородных достоинств, существовал целый ряд достоинств чисто практических, о которых нельзя умолчать. *Это* было прочно. Смазанное касторовым маслом приобретало большую эластичность и не боялось воды. Грязь с него исчезала мгновенно, стоило прикоснуться влажной ваткой, а если же *оно* мялось, то вскоре само же восстанавливало былые формы и не нуждалось в утюге. Чего же боле?» /372/. Совсем по Гоголю: «В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» (143).

¹⁸ О другой трансформации образа Прекрасной Дамы в лирике Б. Ш. Окуджавы см.: Александрова М. А., Мосова Д. В. «Песенка о комсомольской богине»: диалог с Александром Блоком // Голос надежды. Вып. 6. М., 2009. С. 106–117.

¹⁹ Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978. С. 388.

²⁰ Ю. В. Манн указывает также на возможное преломление в «Шинели» сюжета «Золотого горшка» Э.-Т.-А. Гофмана, а в образе Акакия Акакиевича — «наивной поэтической души» Ансельма (Манн Ю. В. Указ. соч. С. 385–386). Отметим, что Окуджава неоднократно называл Гофмана в числе своих любимых авторов: возможно, что образ наивного героя автобиографической прозы сложился отчасти и под влиянием книг немецкого романтика.

При кажущейся простоте плана идея кожаного пальто остаётся нереализованной. Гоголевская ситуация в «Искусстве кройки и житья», таким образом, инвертирована: утрата предшествует обретению, а «светлый гость в виде шинели» так и не является герою. Причём сама ситуация утраты (в данном случае — неосязаемой, нематериальной) связана у Окуджавы с гоголевским мотивом потерянной дороги. В «Шинели» он возникает дважды: вначале Акакий Акакиевич, столкнувшись с необходимостью шить новую шинель, «пошёл совершенно в противную сторону» (139), затем, уже став обладателем новой шинели, возвращается домой от чиновника не тем путём, которым шёл к нему²¹. В «Искусстве кройки и житья» герои теряют дорогу, ведущую к дому скорняка (и следовательно, идут к дому скорняка не той дорогой, которой шли к нему в первый раз). «Улицу Кирова пересекли уже в темноте. *Редкие фонари были слабыми помощниками*. Дошли до церкви. От неё свернули направо. Пока всё было правильно. Наконец возник *голубой забор*, тот самый, истинный. Даже в темноте отчётливо просматривалась его голубизна. Медленно, *крадучись*, миновали два квартала, и... колонка стояла на своём месте! Мы её потрогали, погладили, из крана капала вода. Теперь уже было проще: налево до магазина. Прошли, но магазина не обнаружили. Вместо магазина *простиралась аккуратная площадка. Улица была пустынна*. Мы стояли, тяжело дыша» /381/. К тексту гоголевской повести отсылает здесь целый ряд деталей, характеризующих движение от центра города к периферии. Это редкие фонари (ср. у Гоголя: «фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось»), деревянные дома и заборы (ср.: «пошли деревянные дома, заборы»), и, наконец, пустынная улица, переходящая в площадь (ср.: «...где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видными на другой стороне её домами, которая глядела страшную пустынею» (все — 147)). В «Шинели» это пустынное место становится ареной трагедии, произошедшей с Башмачкиным, в «Искусстве кройки и житья» — поворотной точкой, откуда начинается роковой для героя путь к вокзальному ресторану.

Инвертирована в рассказе Окуджавы и ситуация встречи со «значительным лицом». Если Башмачкин, преодолевая свой страх, обращается к нему за помощью сам (и оказывается виновным именно по факту своего обращения, воспринятого как

²¹ Отмечено В. М. Марковичем (Указ. соч.).

опасное вольнодумство), то герой Окуджавы сталкивается с ним случайно, но также оказывается виновным, хотя сущность его вины неясна и потому становится предметом позднейшей рефлексии. Сходным образом обнаруживается и доказывается и мнимая виновность героев: частный спрашивает Башмачкина о том, «почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме» (149), героя Окуджавы обвиняют в том, что он «сам не ел, не пил» и что-то «записывал» /384/. Вспомним, что Акакий Акакиевич по роду своей деятельности — именно переписчик²². Так ситуация, отталкиваясь от гофмановской, оборачивается, в сущности, кафкианской: герои и Гоголя и Окуджавы оказываются виновными уже самим фактом своего существования.

При всём обозначенном выше сходстве бросается в глаза отсутствие в рассказе Окуджавы двух основных элементов гоголевского сюжета — ограбления (оно в какой-то мере вытеснено потерей адреса *м и ф и ч е с к о г о* калужского скорняка) и (что более важно!) возмездия. Если в финале «Шинели» «мертвец в виде чиновника» сдирает со всех плеч, «не разбирая чина и звания... всякого рода меха и *кожи*, какие только придумали люди для прикрытия собственной» (155), то героя Окуджавы спасает именно отсутствие кожаного пальто: «А, может быть, окажись я тогда на вокзале в чёрном кожаном пальто — неизвестно, где бы я сейчас находился. А тут корявый пиджачок, какие были на всех, стоптанные башмаки... Чего с меня взять? Верно ведь?..» /385/.

«Корявый пиджачок», в свою очередь, отправляет нас ещё к одному «сюжету одежды» Окуджавы — песне «Старый пиджак» (1960) и позднейшей вариации на её тему — стихотворению «Мне не нравится мой силуэт...» (первая публикация — 1993). Очевидно, что одежда в художественном мире Окуджавы наделяется особой функцией: она в значительной мере определяет бытование героя в мире, его отношения со временем и людьми, его знание о самом себе²³. При этом заданный мотивом одежды

²² О связи Акакия Акакиевича с архетипом писца см.: *Эпштейн М. Н.* Князь Мышкин и Акакий Башмачкин: (К образу переписчика) // Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О лит. развитии XIX–XX вв. М.: Совет. писатель, 1988. С. 65–81.

²³ Мотив одежды в творчестве Окуджавы — тема большого самостоятельного исследования. Отчасти она была затронута в работах: *Жолковский А. К.* «Рай, замаскированный под двор»: Заметки о поэт. мире Булата Окуджавы // *Избранные статьи о русской поэзии: инварианты, структуры, интертексты.* М.: РГГУ, 2005. С. 540; *Крылов А. Е., Кулагин А. В.* «Фотограф Жора» и его родственник «Промоксис». «Тупиковая ветвь» творчества? // *Голос надежды.* Вып. 4. М., 2007. С. 196–235.

взгляд в зеркало (или видение себя глазами другого) у Окуджавы неизменно сопряжён с иронией в свой адрес:

Я пошутил, а он пиджак
Серьёзно так перешивает,
А сам-то всё переживает:
Вдруг что не так. Такой чудак!²⁴

Таким образом, решением вечной для русской литературы проблемы «маленького человека» становится в рассказе Булата Окуджавы самоирония, умение отстраниться от себя прежнего и, благодаря дистанции автобиографического повествования, осмыслить ситуацию со стороны. Если Гоголь, по словам Достоевского, «из пропавшей у чиновника шинели сделал нам ужасную трагедию»²⁵, то Окуджава из аналогичной ситуации сотворил трагикомедию. «Муза Иронии» — из стихотворной миниатюры того же 1985 года, когда был написан рассказ, — наделяется спасительной силой. Она и позволяет герою выстоять и сохранить себя в трагических перипетиях XX века:

Я выдумал музу Иронии
Для этой суровой земли.
Я дал ей владенья огромные:
Пари, усмехайся, шали.
Зевеса надменные дочери,
Цена превосходство своё,
Каких бы там умниц ни корчили,
Не стоят гроша без неё²⁶.

²⁴ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. С. 201–202.

²⁵ Достоевский Ф. М. Последние литературные явления: Газ. «День» // Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 18. Л., 1972. С. 59.

²⁶ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. С. 409.

С. УВАРОВА

О РАССКАЗЕ «ПРОМОКСИС»

Этот маленький рассказ Окуджавы с таинственным названием лишь относительно недавно введён в научный оборот в статье А. Крылова и А. Кулагина, устанавливающей его место в контексте творчества писателя¹. Поскольку такая задача неминуемо поднимает проблему жанра, первое, что хотелось бы обсудить при обращении к рассказу, это вопрос о его родовой и жанровой принадлежности.

Авторы статьи рассматривают «Промоксис» (1965) в свете его очевидной близости «маленькому роману» — повести «Фотограф Жора» (1964), с которой его связывают общий персонаж Сытов (по сравнению с повестью у него изменено только имя), хронотоп современности и манера повествования (от третьего лица, через сознание героя с использованием форм несобственно-прямой речи). По мнению исследователей, оба произведения представляют собой характерный пример «прозы лирического поэта», отличительная черта которой — «особый, личностный, даже автобиографический характер». Хотя авторы статьи, судя по всему, и не причисляют их к автобиографической прозе Окуджавы, а скорее видят в них нечто особое, сочетающее мотивы лирики и автобиографии, статья в целом представляет собой попытку рассмотреть оба произведения с точки зрения их автобиографичности, с привлечением как биографического материала, так и лирики Окуджавы. Таким образом, вопрос о жанре рассказа остаётся открытым, и в свете упомянутой статьи особо важной представляется задача определить его соотношение с автобиографической прозой писателя.

¹ См.: Крылов А. Е., Кулагин А. В. «Фотограф Жора» и его родственник «Промоксис»: «Тупиковая ветвь» творчества? // Голос надежды. Вып. 4. М., 2007. С. 196–235.

Автобиографической прозой Окуджавы впервые заявляет себя как прозаик (повесть «Будь здоров, школяр» /1961/) и ею же ставит точку («Автобиографические анекдоты» /1997/). Регулярное возвращение к ней на различных этапах творческого пути позволяет предположить, что род автобиографического повествования был для него наиболее естественной формой самовыражения в прозе. Внутри этого рода, однако, выделяются два повествовательных регистра: открытая, от первого лица, форма рассказа о себе и завуалированная, где повествователь и герой подчёркнуто разделены (повествование от третьего лица). Большая часть автобиографических повествований Окуджавы написана от первого лица и не вызывает вопросов относительно своей жанровой принадлежности: «Будь здоров, школяр», «Новенький как с иголочки», «Утро красит нежным светом», «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова», «Отдельные неудачи среди сплошных удач», «Искусство кройки и житья», «Уроки музыки», «Девушка моей мечты», «Нечаянная радость», «Автобиографические анекдоты». К повествованию о себе в третьем лице Окуджавы впервые прибегает в рассказе 1984 года «Приключения секретного баптиста», чтобы потом, начиная с 1988-го года, на подступах к «Упразднённому театру» (1989–1993), окончательно остановиться на типе дистанцированного от себя героя автобиографического повествования, Иван Иванович («Подозрительный инструмент» /1988/, «Как Иван Иванович осчастливил целую страну» /1989/, «Выписка из давно минувшего дела» /1991/, «Около Риволи, или Капризы фортуны» /1991/), который и станет его *alter ego* в семейной хронике.

Именно такой тип повествования представляет для меня в этой связи особый интерес, поскольку он осложняет жанровую определённость и даёт повод сомневаться в принадлежности произведения жанру автобиографической прозы.

Вообще, грань, отделяющая автобиографическую прозу Окуджавы от прочей его прозы, трудно поддаётся определению на основе биографических аналогий и тематических/мотивных параллелей. С одной стороны, можно сказать, что вся его проза автобиографична в смысле неизменности субъекта лирического переживания, о чём сам автор неоднократно заявлял и что убедительно доказывают А. Крылов и А. Кулагин в своей статье. С другой стороны, нет ни одного произведения писателя, где бы эта автобиографичность не была так или иначе дистанцирована.

В исторических произведениях эта необходимая автору дистанция создана уже самим хронотопом и работа его направлена скорее на установку связей и аналогий. Так, скажем, чрезмерной для прозы интимностью и возвышенностью лирического переживания «страдают» практически все центральные персонажи исторических романов Окуджавы, как женские, так и мужские — Авросимов, Пестель, Шипов, Мятлев, Амилахвари, Лавиния, Опочинин, Варвара, Луиза. Биографические и физические черты автора встречаются в персонажах самого разного масштаба. Окуджаву можно узнать в солдате Мятлеве и генерале Опочинине, в грузине Амилахвари и то ли цыгане, то ли итальянце, то ли греке Амадее Гиресе. Что же касается темы творчества, то, как говорится, «все они таланты, все они поэты»: полицейский исправник, исполняющий песенки своего сочинения, французская певичка Луиза, музыкант и ваятель Мятлев, поэт Коко, моцарт в своём деле Шипов, вдохновенный враль Гирос, так же вдохновенно ловеластствующий поручик Катакази... Там же, где хронотоп опасно близок биографии, писатель находит средства отстранения и остранения себя самого, подчёркивая, например, временную дистанцию, говоря о себе в третьем лице, давая персонажу другое имя, другую профессию, помещая его в другую среду или намеренно изменяя реалии собственной судьбы. Имеет ли смысл относить произведение к автобиографической прозе и отождествлять персонажа с автором, если сам автор старается «замести следы» автобиографизма? Впрочем, этот вопрос касается любой автобиографической прозы, которая в научном обиходе определяется как «художественное произведение, в котором автор в качестве исходного материала использовал, переработав определённым образом, события своей личной жизни»². Как отделить творческое вживание в своего персонажа с опорой на личный опыт от творческой переработки этого опыта в автобиографическом произведении? Для такого прозаика, как Окуджава, это сделать нелегко, если нет авторской декларации жанра или, скажем, вступительного заявления о том, что речь пойдёт о событиях собственной жизни, откровенных ссылок на известные факты своей биографии или обнажающего приёма — повествования от первого лица. В «Приключениях секретного баптиста» и, особенно, в цикле рассказов об Иване Ивановиче то, что,

² Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2005.

собственно, заставляет читателя воспринимать рассказ как автобиографическое повествование, — это внетекстовое знание реальных событий жизни автора, к которым тот намеренно отсылает и на знание которых очевидно рассчитывает. Кроме того, те же события переданы и в его автобиографической прозе от первого лица, так что для читателя Окуджавы не составляет особого труда соотнести одно с другим, как и установить тождество между Иван Ивановичем рассказов и Ванванчем «Упразднённого театра», построенного на смешении обоих повествовательных регистров.

Ничего подобного не обнаруживается в «Промоксисе», да и в «маленьком романе» тоже. Различные герои «Фотографа Жоры» выступают как равноправные лирические субъекты и не дают особых поводов для отождествления себя с автором. Их автобиографичность носит самый общий, присущий Окуджаве в целом, характер. Её недостаёт для заключения «автобиографического пакта» с читателем.

Что же касается рассказа «Промоксис», то, несмотря на свою онтологическую связь с «Фотографом Жорой», он написан в ином регистре, нежели повесть. В рассказе отсутствует временная перспектива, существенная как для повести (линия Викентия Трубникова), так и для жанра автобиографии, построенного на временной дистанцированности повествующего и повествуемого. В «Промоксисе» повествование движется синхронно действию. От краткой предыстории начало рассказа отделяет лишь несколько минут ожидания (когда незнакомка вынесет молоко). Версия А. Крылова и А. Кулагина касательно автобиографичности главного героя «Промоксиса» Павла Сытова (по аналогии с автобиографичностью фотографа Жоры в повести) представляется недостаточно убедительной. Профессия токаря, игра на гитаре, поездки на Клязьму и редеющие волосы — характеристики слишком общие, тогда как сам факт выбора в качестве протагониста второстепенного персонажа смежного произведения скорее говорит в пользу увеличения дистанции между собой и главным героем (токарь Андрей Сытов, персонаж повести «Фотограф Жора», значительно проще её главного героя, в котором исследователи видят образ автора). Таким образом, не только нет никаких оснований считать этот рассказ автобиографической прозой, но и автобиографическое прочтение не находит себе в нём достаточного подкрепления.

Тем интереснее смотрится «Промоксис» в контексте прозаического наследия Окуджавы — как редкая, едва ли не единственная попытка прозы «настоящего», почти не осложнённая категорией времени, — попытка, больше им не повторённая.

Много позже, в одном из интервью 1983 года, Окуджава признаётся:

Видимо, таково свойство моего характера. Не могу писать по сегодняшнему дню. Мне нужно отвлечься, оглядеться, осмыслить...³

Может быть, в этом хронотопе настоящего и нужно искать причину того небрежения, с которым Окуджава впоследствии относился к обоим произведениям? Быть может, временная дистанцированность от своего героя была тогда впервые осознана им как необходимое условие реализации себя в прозе? В таком случае последовавший затем шаг в сторону исторической прозы представляется закономерным с точки зрения законов внутреннего творческого развития.

Сюжет

Токарь Павел Сытов, гуляя в воскресенье на Клязьме, влюбляется в незнакомку и проводит в грёзах ночь на крыльце её дома. Под утро он узнаёт, что у неё есть другой. Возвращаясь в Москву, он случайно садится с ними в один вагон и в завязавшейся драке с хулиганами приходит на выручку своему сопернику. По приезде в Москву всех троих забирают в милицию за хулиганство (по навету истинных хулиганов, затеявших драку). Однако всё выясняется, и их отпускают, снабдив даже справками на работу. Пара влюблённых и Сытов расходятся.

Таково в общих чертах описание сюжета «Промоксиса», исходя из внешнего объективного действия. Нетрудно заметить, что при подобном пересказе смысл и суть произведения остаются за бортом, поскольку весь модус повествования призван скорее отвлечь читателя от внешнего объективного мира и противопоставить ему другой мир.

Несмотря на обилие драматических ситуаций (любовь, соперничество, драка, несправедливое задержание, допрос), центральные акценты событийности в рассказе лежат не на них.

³ Окуджава Б. Продолжение знакомства / Беседу вёл Б. Савченко // Совет. эстрада и цирк. 1983. № 11. С. 8.

Всё происходящее предстаёт отражённо, как факты сознания главного героя, Павла Сытова, наряду с другими фактами его сознания, не соотносимыми собственно с актуальным действием, но тем не менее сюжетно отягощёнными (его воспоминания-видения Маруси).

То, что событийность рассказа определяется сдвигами в сознании героя, можно проследить на следующем примере. Небольшой текст «Промоксиса» перенасыщен сюжетным оператором «И вдруг...» (вариант: «И... вдруг...»), обычно предваряющим событие, неожиданный поворот в ходе действия. На двадцати страницах полного текста рассказа этот зачин встречается десять раз. При этом «Промоксис» не производит впечатления повествования, богатого действием. Казалось бы, при такой густоте использования *И вдруг* в рассказе должно каждую минуту происходить что-то чрезвычайное. Однако единственными местами, оправдывающими с событийной точки зрения использование этого зачина, являются момент начала драки и момент задержания. Из десяти же упомянутых употреблений лишь два непосредственно вводят событие физического порядка:

И вдруг, усевшись, Сытов сразу разглядел тех двоих... (с. 105)⁴;

И вдруг кто-то взял Сытова за локоть... (с. 112)⁵.

Ещё в одном случае событие вводится опосредованно, через восприятие героя, фиксирующее сначала неопределённое смещение в мире, вызванное событием, и затем постигающее его причину (с. 106: начало драки). Во всех остальных случаях зачин *И вдруг* вводит изменение м е н т а л ь н о г о состояния героя:

...и ... вдруг почувствовал ужас... (с. 99);

И вдруг он понял... (с. 100);

И вдруг Сытову не захотелось... (с. 101);

И вдруг Сытов только сейчас понял... (с. 113);

И ему стало вдруг легко и немного безразлично... (с. 115);

И вдруг его осенило... (с. 116);

И вдруг он вспомнил... (с. 118).

Каждый из приведённых примеров сам по себе явление не исключительное, особенно в психологической прозе. Однако

⁴ Здесь и далее ссылки (в круглых скобках) на номера страниц рассказа приводятся по изданию: Окуджава Б. Проза и стихи. 3 изд. Франкфурт н/М.: Посев, 1968. С. 97–119.

⁵ К этому стоит ещё прибавить один случай модального употребления: «И если бы... вдруг...» (с. 104), не включённый мною в десятку.

значительный перевес их над примерами, приведёнными выше, равно как и чрезвычайная насыщенность ими маленького текста рассказа, позволяют по-другому определить понятие события как части его сюжета, то есть позволяют трактовать событийную канву рассказа как ряд психических событий в жизни героя. В одно из воскресений на Клязьме происходит знаменательная в жизни Павла Сытова встреча, перевернувшая его представления о мире. Погружаясь всё больше и больше в созерцание чужой жизни, Сытов переживает духовное пере рождение, этапы которого и составляют сюжет рассказа.

Такое психологическое толкование можно было бы традиционно считать темой рассказа (а не его сюжетом), если бы не зачины *и вдруг*, с помощью которых событийный акцент всё время смещается с действия внешнего на действие внутреннее. Окуджава как будто пытается выстроить в сюжет духовное изменение героя в духе Льва Толстого. Однако психологической мотивации в рассказе явно недостаточно, поэтому её приходится восполнять механически. Сюжетный оператор *и вдруг* нужен для регулярного привлечения внимания читателя к психологическим процессам в сознании героя, но он же и обнажает немотивированность, внезапность этих процессов.

В контексте прозы Окуджавы рассказ «Промоксис» представляет собой редкую попытку писателя передать психологический процесс, изменяющий героя, — попытку неубедительную и наверное потому почти оставленную им в дальнейшем. Этим рассказ бросает свет на важное качество Окуджавы-прозаика: его проза не психологична — в том смысле, что процессы перерождения и внутреннего изменения личности ей чужды⁶. Герои Окуджавы по большей части равны себе и с трудом поддаются изменениям, чем отчасти и объясняются перипетии их судеб. Таковы главный герой военной повести «Будь здоров, школяр», тайные агенты Шипов и Амадей Гирс («Похождения Шипова»), герои романов «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом». Трансформации личности Авросимова и журналиста Колесникова («Путешествие дилетантов») значительны, но происходят за пределами текста романа. В своём описании человека Окуджава скорее апеллирует к его целост-

⁶ Об этом свойстве героев «Путешествия дилетантов» см.: Уварова С. «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы: Особенности сюжета // Миры Булата Окуджавы. М.: Соль, 2007. С. 121–127.

ности, а не к изменчивости, опираясь на базовые и потому трудно поддающиеся подделке чувства — любовь, страх, гордость, властолюбие, — и не признаёт полутонов.

Центральные темы и мотивы

Рассказ начинается с воображаемой фразы, предваряющей выпивание парного молока. Мотив *пития парного молока* — один из самых сильных в «Промоксисе». Кроме чрезвычайной своей частотности (слово «молоко», отсылающее к этому мотиву, встречается в рассказе тринадцать раз), он композиционно обрамляет текст (наибольшую смысловую нагрузку несёт в начале и в конце, в сцене допроса). Что означает воображаемый отказ от парного молока, демонстрируемый в знак того, что он, Сытов, «не имеет видов»? Парное молоко, как здесь, так и в последующем творчестве Окуджавы, фигурирует в качестве любовного напитка, посредством которого герои приобщаются миру любви (см. ту же роль его в романе «Путешествие дилетантов» /гл. 62/). Таким образом, наслаждение парным молоком и любовное переживание стоят в одном ряду. «Выклянчивание» Сытовым парного молока, воображаемый отказ от него и последующее «стал с наслаждением пить это молоко» знаменуют собой символические этапы этого приобщения.

Сразу вслед за этим в душе Павла Сытова происходит необъяснимое, мистическое («Чёрт знает, как это получилось!») изменение, вследствие которого он ощущает себя сидящим «перед ликом своей судьбы», в центре мира, где

...ничто не могло существовать просто так, а всё имело свою подплёку, и ничто не могло казаться странным и лишним, потому что всему своё (с. 100).

До этого момента Павел Сытов ощущает себя приезжим, гостем из другого мира, сознавая, впрочем, свою отличность от него. С этого момента происходит втягивание его в новый мир, а старый теряет своё былое обаяние.

В дальнейшем в рассказе присутствуют два мира, между которыми сознание Сытова мечется наподобие маятника. Один мир, обжитый, фигурирует в качестве контекста, воспоминания, сравнения. Другой мир, незнакомый, чужой, подлежит познанию и освоению. Каждый из миров имеет свои повторяющиеся детали и образы, которые находят своё соответствие в деталях и образах другого мира. Собственно, по ним и можно

проследить, в котором из миров находится сознание героя в данный момент. Так, парное молоко — характерная примета нового мира. В качестве контрапункта к молоку назойливо возникает тема пива (пивной ларёк, продавец пива, пивная пена) и вообще мотив выпивки (актуальный в сцене допроса). Мысли о незнакомке постоянно перебиваются явлениями Маруси. Их с Марусей любовь выступает контрапунктом к непонятной, бесстыдной и преступной любви «этих с их стомоксисами». Интересно, что оба мира существуют большей частью в модальном плане — то есть, в плане воображаемых Сытовым ситуаций, слабо соотносящихся с действительным планом повествования. Оба мира обретают полноту и форму только в сознании Сытова. Так что Сытов — не только главный герой рассказа, но и в каком-то смысле его создатель. К тому же под конец и сам образ Маруси, выдвигаемый Сытовым в качестве защитного бастиона от чужого и непонятного, оборачивается фикцией — носительница его уехала два года назад, и Сытов об этом знает, но почему-то не помнит. Такой поворот ставит под сомнение изначальную принадлежность Сытова «его» миру. Мир, который он считает своим, на самом деле не его, и он там не свой — открытие, воспринятое им с облегчением. Здесь-то и происходит последний этап обращения — переименование себя в «промоксиса» (промокшего под дождём родственника стомоксисам, о которых ниже).

Особое место в этом двоemiрии рассказа отводится н а с е к о м о у. Вернёмся к начальному моменту метаморфозы:

В мире, в котором жили бабочки и стрекозы, и различные звери, и росли деревья, и плыли облака; в мире, в котором люди придумали любовь с поцелуями, и песни, и подношение цветов и где соседствовали страх и смех, рождения и смерти, в этом мире ничто не могло существовать просто так, а всё имело свою подоплёку, и ничто не могло казаться странным и лишним, потому что всему своё (с. 99—100).

То, что в ряду объектов описываемого мира насекомое возникает первым, не случайно (при той центральной роли, которая отведена в рассказе кузнечикам). Описание мира поделено между природой и человеком. Если провести параллель между перечисляемыми объектами природного/человеческого и попытаться выявить логику последовательности их перечисления, обнаруживается следующее. В природном ряду перечисление движется в пространстве — снизу вверх: насекомые — звери — растущие деревья — облака, в человеческом — от конкретного, «земного» (любовь с поцелуями, песни, подношение цветов)

к общему (страх и смех, рождения и смерти). Насекомые оказываются в одной парадигме с низким, земным и любовью с поцелуями (т. е. «земной» любовью). Парадигматическая связь насекомое — любовь подтверждается по ходу рассказа. Так, драка в вагоне имеет две «подоплёки», мотивации поведения Сергея. Во-первых, речь идёт о защите любимой («Они к девушке вот этой приставали»), во-вторых, — о спасении «стеклянных ценностей», пробирок с кузнечиками. Обе мотивации выясняются в ходе беседы влюблённой пары с подсевшим к ним «спасителем» Сытовым, для которого, поражённого такой разгадкой, стомоксисы в пробирках отныне становятся частью странного и недоступного ему мира влюблённых.

Появление стомоксисов становится центральным событием сюжета:

И тогда этот Сергей вытащил из-под кожанки голубые и розовые пробирки, в которых переливались пузырьки и покоились неизвестные кузнечики с лапками, сложенными на груди, и с поджатыми коленками... Они были, конечно, неживые, и вот во имя их неизвестной славы он и полз по проходу вагона с красным крестом на лбу.

Он показывал своих кузнечиков и разглядывал их на свет, а она смотрела на него, и никуда больше... (с. 109)

Кузнечики в рассказе выступают как ценностное средоточие мира. К ним ведёт иерархическая цепочка созерцательного поклонения: Сытов не может отвести глаз от незнакомки, она смотрит только на своего Сергея, тот любовно разглядывает кузнечиков⁷. Кроме того, герметичный и самодостаточный мир кузнечиков в пробирке выступает метафорой герметичной самодостаточности мира влюблённых, остро переживаемой Сытовым. Пространство рассказа, по существу, и складывается из таких замкнутых самоценных миров, находящихся в сложной иерархической связи по отношению друг к другу. Поочерёдно входя в рассказ, они остаются там, налагаясь друг на друга: Сытов с его особостью; она в своём таинственном мире; она и Сергей с их любовью; кузнечики в пробирке; она и Сергей «со своими стомоксисами». Потому-то рассказ изобилует манифестациями замкнутости. Так его отличает:

⁷ Иерархическая цепочка отсылает к песенке «Чудесный вальс» (1961), в которой место кузнечиков занимает музыка, объект страсти музыканта (Окуджава Б. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. С. 217. Далее поэтические тексты цитируются по этому изданию с указанием страниц в тексте /в косых скобках/).

- частотность оппозиционных лексем своё/чужое: *каждому своё / она думала об этом своём Сергее / они лежали там в своих баночках, в своём спирту / он на мотоцикле своём к ней торопится / своих стомоксисов / Сидишь на чужом крыльце... Эх ты! / дом-то не его, и окно не его, и та, которая за окном, тоже чужая / чужая вещь / на чужих ступеньках / со своей досточки <...> на чужую;*
- символика замкнутых поз: *ехали <...> обнявшись / [пары — С. У.] стояли, отворотившись одна от другой, спиною к рельсам / Руки её лежали на коленях, как у монашки / с лапками, сложенными на груди, и с поджатыми коленками;*
- ограниченность пространств: недоступное пространство дома незнакомки, в который Сытов так и не попадает, а сидит в преддверии — на крыльце / мир со ступеньками в центре / мотоцикл, на котором сидят в обнимку / «мчащаяся в неизвестность» платформа с влюблёнными / пробирки со стомоксисами.

Кузнечики и война

Мотивные связи и переключки «Промоксиса» с другими произведениями автора обширны, что позволяет на полных правах включать этот рассказ в предмет исследования общих черт поэтики Окуджавы. Так, весь комплекс перечисленных тем и мотивов найдёт своё место в «Путешествии дилетантов», о чём лучше поговорить отдельно. Здесь же мне хотелось бы особо остановиться на мотивных связях рассказа с военной темой в лирике. Написание «Промоксиса» приходится на период усиления звучания военной темы в лирике Окуджавы. Видимо, работа над повестью «Будь здоров, школяр» и последовавшая её травля разбередили военные впечатления писателя. В скрытой форме присутствует тема войны и в рассказе «Промоксис».

Вглядываясь в первое описание кузнечиков в «Промоксисе», находим в нём активную лексическую переключку с военной тематикой: «покоились неизвестные кузнечики», «во имя... славы», «красный крест», «полз по проходу вагона» (здесь напрашивается ассоциация с искалеченными фронтовиками, просившими милостыню в поездах). Привнося в текст своего рассказа лексику странную, не оправданную контекстом, но ре-

левантную для другого контекста, Окуджава тем самым привносит в рассказ этот другой контекст, военный.

...И ему стало вдруг легко и немного безразлично, когда он нагледелся на этих двоих и увидел их ясность и тишину перед суровым миром, который, наверное, должен был быть таким, чтобы стомоксисы всякие спокойно лежали в своём спирту, поджав коленки, а не выплёскивались в разные стороны пополам с битым стеклом (с. 115).

Этот отрывок отсылает к стихотворению «Мгновенно слово, короток век...» (1964):

...Осколок выплеснет его кровь:
«Вот тебе за твою любовь!»
Пощёчины перепадут в раю:
«Вот тебе за любовь твою!»...
И всё ж умудряется он, чудак,
На ярмарке поцелует и драк,
В славословии и гульбе
Выбрать только любовь себе! /279/

Мотивы осколка / битого стекла и выплёскивания (в основе лежит метафора человек — наполненный сосуд), взятые в модальном плане угрозы, связывают тему насекомого с темой войны, возводя эту связь в общефилософский план.

Мотив поджатых коленок откликнется потом в стихотворении «Путешествие в памяти» 1967 года, в описании убитого воина («Сержант Петров, поджав коленки, // как новорожденный лежит» /311/). А это стихотворение, в свою очередь, даст метафору песенке 1985 года о кузнечике, посвящённой Ю. Киму:

Высокий хор поёт с улыбкой...
(«Путешествие в памяти» /311/)

...как тотчас за тобой вступает хор
таинственный, возвышенный и страстный...
(«Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?...» /411/)

Наконец, тема войны прямо заявляет о себе в рассказе в неуместной до глупости реплике «рыженького» милиционера: «А вы потерпите <...> на войне ещё труднее было» (с. 117).

Обращает на себя внимание логическая странность мотивации: мир должен быть суров, чтобы «стомоксисы всякие спокойно лежали в своём спирту». Дуальность сурового мира и некой идеальной ценности также роднит «Промоксис» со стихотворением «Мгновенно слово, короток век...». Дуальность — общее свойство художественного мира Окуджавы, как в прозе,

так и в поэзии. Мировой баланс и гармония слагаются у него из двух противовесов: суровости, насилия, зла, с одной стороны, и нежности, любви, идеала, с другой, состоящих в неразрывной связи друг с другом и определяющих друг друга («Чем громче музыка печали, тем чище музыка любви» /417/). Суровому миру необходим идеал. Более того, сама суровость мира и порождает идеал, создаёт его ценностность. Так без ночи и зимы нет ясного огня, а спасительного синего троллейбуса нет без предваряющего его состояния отчаяния. Так и кузнечики в «Промоксисе» возникают как апогей идеального, находящегося в оппозиции к суровому миру, один из ликов которого — война.

В целом, по характеру повествования, «Промоксис» Окуджавы представляет собой образец орнаментальной прозы, где акцент лежит не на причинно-временных связях, а на так называемых эквивалентных — контрасте и тождестве тем, мотивов, положений. Способ наложения сети поэтических приёмов на нарративный субстрат рассказа отсылает к прозе модернизма и, видимо, используется Окуджавой с той же целью — для «создания сложного, одновременно архаического и современного образа человека»⁸.

⁸ Шмид В. Нарратология. М.: Яз. славян. культуры, 2003. С. 266.

Татьяна ДРОНОВА

РОМАН Б. ОКУДЖАВЫ
«ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТОВ»
КАК ЛИРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

По природе своего дарования Окуджава — лирик. Обратившись к романному осмыслению лиц и событий «века минувшего», он не изменил природе своего таланта. Не случайно так отстаивает он право на «самовыражение», которое всегда определяло характер осмысления действительности именно в лирическом роде.

Суждения Б. Окуджавы о литературе «как способе самовыражения»¹ долгое время истолковывались в критике как декларация художественного своеволия, свидетельство свободы не только от конкретно-исторической, но и гражданской общественно значимой проблематики в целом. На происходящую при этом подмену понятий: «лиризм» как способ эстетического постижения мира, как наличие сквозной авторской темы, решаемой на материале прошлого (в высказываниях писателя), и «лиризм» — синоним сугубо личной, камерной, частной проблематики (в трактовке ряда критиков) — одной из первых обратила внимание Г. А. Беляя. По мнению исследователя, как в поэзии, так и в прозе, художественный мир создаётся автором «не по законам бытового правдоподобия, но по “образу и духу своему”». Из материала действительности «на глазах читателя» рождается «поэтически новый образ мира», на одном из полюсов которого — «факты реальности», «на другом <...> попытка понять их высший, сокрытый в течение обычной человеческой жизни, смысл»².

¹ Окуджава Б. «Минувшее меня объемлет живо...» / Беседу вёл Ю. Болдырев // Вопр. лит. 1980. № 8. С. 131.

² Беляя Г. Ценность простых истин // Аврора. 1985. № 12. С. 113, 111.

Эта «формула» — ключ к художественному своеобразие «Бедного Авросимова», «Путешествия дилетантов», «Свидания с Бонапартом». Прочтение названных романов по первому слою — на уровне событийного развития судьбы героя — вне учёта форм авторского присутствия в структуре текста — ведёт к формированию искажённого представления о содержании художественного мира писателя. Масштабность повествованию придаёт не объект изображения (герой, событие), а характер его осмысления.

Исследователи прозы Б. Окуджавы неоднократно писали о стремлении автора вступить в диалог с читателем. Однако, как правило, их наблюдения исчерпываются фиксацией стиливого приёма³. На наш взгляд, лирический сюжет не просто соседствует с событийным, развиваясь через систему средств речевого изложения (систему рассказчиков), а подчиняет себе все элементы повествования. Авторская нравственно-философская проблематика определяет и выбор исторического материала (герои, сюжеты), и характер его осмысления (природу конфликтов и формы их разрешения). В русле диалога автора с читателем продуктивно осмысление стиливых особенностей романов Б. Окуджавы, среди которых такие формы повествования как лиризация речевой организации и интратекстуальность — включение образов и мотивов собственного поэтического творчества в структуру текста.

В романе «Путешествие дилетантов» одна из главных тем повествования — тема беззащитности человека перед лицом тоталитарного государства, предстающего в образе безупречно отлаженной машины преследования и подавления — воплощается как лирическое чувство — чувство героя, автора и, в итоге, читателя. Авторское *я* в романе — это не эпическое *я*, принимающее бытие, а поэтическое *я*, противостоящее всему, что заковывает личность: узости сословных предрассудков, инстинктам толпы, обезличивающей силе государства. Не случайно героем романа является частное лицо.

³ См.: Курбатов В. Даль свободного романа // Лит. обозрение. 1978. № 3; Донченко Н. Исторический роман и проблема повествовательного времени: (Новые тенденции в совет. и болгар. истор. прозе) // Русская и болгарская литература XX века. М., 1982; Гос Г. О роли автора в современном историческом романе // Zeitschrift für Slawistik. 1982. № 2; Гос Г. К вопросу о сущности и функции современной советской исторической прозы // Zeitschrift für Slawistik. 1986. № 3; Гордин Я. Порвалась связь времён? // Вопр. лит. 1986. № 3; и др.

На первый план в повествовании выдвигаются коллизии не эпической прозы, а романтической поэзии. Видимо поэтому столь органично входят в роман «Путешествие дилетантов» мотивы лирических стихотворений и песен автора. Поиски гармонии человека с миром ведутся поэтом, обратившимся к прозе, в той же жизненно-поэтической сфере, что и в его стихотворных произведениях. Это стихия человеческих эмоций — любви, дружбы, надежды, веры, сострадания, милосердия, кратких мигів ощущения полноты бытия и родства с другими людьми и одушевлённой природой.

В «Записных книжках» А. Блока есть суждение, крайне важное для понимания природы лирического повествования: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звёзды. Из-за них существует стихотворение...»⁴. Б. Окуджава и в исторической прозе строит художественный мир по законам лирического рода. Авторский императив, в котором категории справедливости и милосердия занимают центральное место, получает выражение благодаря лиризации речевой структуры повествования.

Общеизвестно, что основным документальным источником произведения явился очерк П. Щёголева «Любовь в равелине» (1922). Интересно, что в самом «документе» были заложены темы, развитие которых на уровне событийного и лирического сюжета определило характер осмысления прошлого в романе. Первая тема, как уже говорилось, — разоблачение государства как машины, подавляющей личность. Вторая — тема высокой любви героев, преодолевающей обстоятельства. Очерк П. Щёголева давал материал для создания социально-политического детектива, чем Б. Окуджава воспользовался лишь отчасти, ибо центральная проблема, волнующая писателя, — личность в её отношениях с государством.

Автора романа интересует нравственно-психологическая атмосфера времени, характер отношений между человеком и государством. Из контрастности двух эпох — декабристской и постдекабристской — высекаются искры нравственно-философских проблем, актуальных не только для прошлого, но и современности.

⁴ Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 84.

Роман «Путешествие дилетантов» — самый лирический из исторических произведений Б. Окуджавы⁵. По утверждению писателя, документальный материал — судьба Сергея Васильевича Трубецкого — послужил лишь толчком, дал «сюжетную канву». «На деле же, — признаётся художник, — я просто рассказываю о себе, о том, что прожил, понял и перечувствовал»⁶. Как же воплощается в романе авторский опыт? Каким образом материал жизни и творчества писателя сплавляется в структуре произведения с событиями из жизни героев?

В песне «Я пишу исторический роман» в несколько шутилой форме Б. Окуджава предлагает читателю «ключ» к роману «Путешествие дилетантов», обозначая разные способы выражения своего я: «и из собственной судьбы я выдёргивал по нитке», «и поручиком в отставке сам себя воображал», «дайте выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке»⁷. Если, доверившись поэту, прочесть его роман как «другую форму того же, о чём он говорил в стихах», если увидеть в Мятлеве «лирического героя»⁸, а за фигурой вымышленного рассказчика разглядеть самого автора, тогда мы приобщимся к его диалогу с читателем, в ходе которого речь идёт о важнейших вопросах человеческого бытия.

Как и в других произведениях, Б. Окуджава прибегает к замаскированной форме авторского самовыражения. Повествование в романе «Путешествие дилетантов» передоверено вы-

⁵ Это качество романа уже отмечалось исследователями творчества Б. Окуджавы. Б. Корман в наброске к статье «О лирической природе «Путешествия дилетантов»» намечает несколько аспектов анализа романа с точки зрения экспонирования авторских ценностей: «герои как носители разных вариантов (уровней очеловеченности) чувств», «господство лирич<еского> начала в ситуациях», «Грузия как воплощение идеальной действительности» (см.: *Корман Б. О. О лирической природе «Путешествия дилетантов»: [Набросок к ст.] // Корман Б. О. Избранные труды: История рус. лит. / Ред.-сост.: Е. А. Подшивалова и др. Ижевск, 2008. С. 685–686*). Ряд тонких суждений о лирической доминанте «Путешествия дилетантов» (о роли музыкальных тем, вводимых через систему лейтмотивов, о связи текста романа с поэтическими произведениями Б. Окуджавы) высказаны в кн.: *Быков Д. Булат Окуджава. М., 2009. (Жизнь замечат. людей)*.

⁶ *Окуджава Б. [О своём творчестве] / Беседу вела Е. Михайлова // Студен. меридиан. 1981. № 6. С. 35.*

⁷ *Окуджава Б. Стихотворения. СПб., 2001. С. 355–356.* (Новая б-ка поэта). Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в косых скобках.

⁸ «Для меня роман — это просто другая форма того же, о чём я говорил в стихах, потому что мой герой, хотя и претерпевает некоторые изменения, но вообще это тот же самый лирический герой» (*Окуджава Б. С историей не расстаюсь / Беседу вела И. Ришина // Лит. газ. 1979. 23 мая / № 21/. С. 5*).

мышленному другу Мятлева — Амирану Амилахвари. Его рассказ построен в форме записок. По ходу повествования «записки» Амилахвари прерываются, на смену им приходят дневниковые записи, письма других персонажей. Таким образом, следует говорить о системе повествователей в романе. Но в отличие от «Бедного Авросимова» и «Свидания с Бонапартом», писатель практически не использует систему рассказчиков в этом романе как средство исторической стилизации. Это своеобразный путь лирического развития тех проблем, которые волнуют автора. Любимые мысли писателя высказывают в произведении разные герои: Амилахвари, Мятлев, Лавиния и некоторые другие.

Среди ближайших предшественников Б. Окуджавы — авторов лирической прозы — следует назвать Б. Пастернака — создателя романа «Доктор Живаго». По определению Д. С. Лихачёва, роман является своеобразной автобиографией писателя, «в которой удивительным образом отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью» художника. Юрий Андреевич Живаго — «лирический герой Пастернака, который и в прозе остаётся лириком»⁹. Важные для автора «Доктора Живаго» мысли высказывают и другие герои: Лара, Гордон, Дудоров, Веденяпин, Сима Тунцева.

Автор «Путешествия дилетантов» усложняет повествовательную структуру своего романа, введя вымышленного рассказчика Амирана Амилахвари. Художник передоверяет ему не только повествовательные функции, но и многие суждения о важнейших проблемах века минувшего и дня сегодняшнего. Б. Окуджава не заботится о точности воспроизведения мемуаров отставного поручика. У него, как писал Я. Гордин, другая задача и другое отношение к личности рассказчика: «Он старается встать на место Амирана Амилахвари, стереть разницу между рассказчиком и собой»¹⁰. «Рассказчик в романе фиктивен»¹¹ — это даёт возможность автору вступать в непосредственный личностный контакт с читателем под именем Амирана Амилахвари. Записки Амилахвари писатель направляет в нужное ему русло. Повествователь смотрит глазами Б. Окуджавы на николаевскую эпоху, даёт ей социально-нравственные

⁹ Лихачёв Д. С. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. 1988. № 1. С. 5–6.

¹⁰ Гордин Я. Порвалась связь времён? С. 58.

¹¹ Гордин Я. Любовь и драма Мятлева // Лит. газ. 1979. 1 янв. (№ 1). С. 4.

характеристики, проецируемые на недавнее прошлое и современность.

Одним из ключевых размышлений героя является монолог о «микробе холопства», где речь идёт о таких пороках человечества как «тайная ненависть к собрату», «стремление самоутвердиться за его счёт», «зависть, злоба, страсть подавлять», — тех свойствах человеческой натуры, которые не исчезают со сменой социально-политических систем, ростом цивилизации: «И так всегда. Что же цивилизация? Почему же она не облагораживает и не очищает, и не излечивает нас?.. Во все века и времена рождаются одинокие гении, которых не заботит жажда власти и насилия над другими, но они сами становятся жертвами собственных собратьев, которые клянутся впоследствии их святостью, собираясь на очередное тёмное дело. История идёт вперёд, цивилизация хорошеет и самодовольно показывает себя со стороны фасада, за которым по тёмным углам продолжают убивать беспомощных гениев, выжимая их и беря у них для собственных удобств плоды их мучительной, вдохновенной и короткой жизни»¹². Как видим, в этом монологе, обращённом к современному читателю, автор затрагивает и одну из важнейших тем художника — взаимоотношений поэта и общества.

Необычен для исторической романистики и центральный персонаж романа — Сергей Васильевич Мятлев. Писатель наделяет его комплексом мыслей и чувств, близких лирическому герою, сложившемуся в поэзии. В лице Мятлева Б. Окуджава предлагает читателю свой вариант положительного героя — тип «порядочного человека»¹³, вынужденного в эпохи безвременья уходить в «лишние люди», но не теряющего при этом качеств, представляющих ценность во все времена, таких как свобода мысли, чувство чести, человеческое достоинство, способность любить, сострадать, быть милосердным. Логикой всего повествования, в ходе которого настойчиво подчёркивается аполитичность Мятлева, его желание быть сугубо «частным» лицом, автор утверждает мысль о неизбежности столкновения личности, пожелавшей быть внутренне свободной, с тоталитарным государством.

Видимо, само обращение к этой теме и характер её раскры-

¹² Окуджава Б. Путешествие дилетантов. М., 1980. С. 51–52. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

¹³ Известны высказывания Б. Окуджавы о той роли, которую он придаёт категории «порядочность», считая, что «...порядочный человек — это немало» (Окуджава Б. С историей не расстаюсь. С. 5).

тия определяются стремлением автора осмыслить в диалоге с читателем конфликты не только давней, николаевской эпохи, но и более близких по времени периодов, то есть исследовать коллизии, не замыкающиеся в рамках какого-то одного исторического этапа.

Третьей ипостасью образа автора в романе становится Лавиния, воплощающая этический и эстетический идеал женщины — музы поэта, являющейся неотъемлемой частью поэтического мира Б. Окуджавы. Лавиния — идеал, мечта автора. В её облике поэтизируется одухотворённая красота, женская верность, стойкость в испытаниях. Не случайно как самостоятельный персонаж Лавиния не участвует в действии. Читатель видит её по преимуществу через призму восприятия других героев — глазами Мятлева, Амилахвари, Ладимировского.

Центральная тема произведения, вынесенная, как и в романах «Бедный Авросимов», «Свидание с Бонапартом», в название — *путешествие дилетантов* — определяет второй, метафорический план повествования. Интересно, что тема *дилетантизма* уже возникала в творчестве Б. Окуджавы. В романе «Бедный Авросимов» декабристы выглядят *дилетантами* перед Высочайшим Комитетом, представляющим государственную машину. О *наивности* и *беспечности* героев пишет автор, развивая тему их горения, желания всё изменить в обществе. В романе «Путешествие дилетантов» *дилетантами* оказываются влюблённые. Герои показаны *наивными* и *беспечными* счастливыми, не подзревающими, как это «крайне опасно», ведь «счастье непродолжительно» (311).

Как видим, тема *дилетантизма* интересует Б. Окуджаву не в сфере профессиональной деятельности, что традиционно, а на уровне отношений личности и государства. При этом характеристика *дилетантизм* теряет тот негативный оттенок, который обычно вкладывается в это понятие.

Тема *дилетантов*, лишь заявленная в первом произведении, получает развитие в качестве ведущей в романе «Путешествие дилетантов». Подобным образом «переходит» из первого во второй роман тема государства как «машины», не знающей милосердия. Уже в «Бедном Авросимове» идёт спор героев о допустимости *крови* и *насилия* — сквозных проблемах творчества Б. Окуджавы, которые проходят через «Путешествие дилетантов» и в значительной мере определяют идейно-художественную структуру «Свидания с Бонапартом».

Для понимания жанровой природы произведений важно видеть не только идейно-тематический, но и стилевой уровень связей между ними. Художник как бы перебрасывает из одного романа в другой лирические «мостики-словообразы» — те «слова-острия», которые концентрируют в себе авторский пафос и на которые в каждом романе «натягивается» своё сюжетное «покрывало». Происходит своеобразная лирическая циклизация прозы Б. Окуджавы. Автор не только не скрывает, а, напротив, акцентирует связи между отдельными произведениями, рассчитывая на читателя, который благодаря чувству контекста воспринимает более многослойно каждое из них. Независимо от времени написания, романы Б. Окуджавы объединяются в лирико-историческое повествование о судьбах людей первой половины XIX века. Между произведениями возникают новые связи, выстраивается авторский сюжет, в ходе которого развивается тема трагедийности взаимоотношений личности и истории. На вопрос, что делает с человеком история, Б. Окуджава отвечает: Пестели были уничтожены, Авросимовы, вдохнув *глоток свободы*, вернулись в исходное состояние, Тимоши Игнатьевы, не найдя входа, покончили с собой, а Мятлевы, уйдя в «лишние люди», оказались преследуемы государством в сфере частной жизни. Таким образом, лирический сюжет обогащается дополнительными коннотациями после выхода в свет каждого нового произведения.

Характерно, что процесс циклизации захватывает не только прозу Б. Окуджавы, а творчество художника в целом. «Мостики-словообразы», о которых шла речь выше, пронизывают и прозу и поэзию. Нередко именно из поэзии они переходят в романские повествования, вызывая у читателей чувство узнавания, на которое рассчитывает автор, и вновь уходят в стихи. Разговор писателя с современниками обретает лирические обертоны благодаря включению в романские структуры поэтических образов.

Тема «*путешествия дилетантов*», вынесенная в название романа, воплощается в двух планах: как центральная сюжетная ситуация — побег Лавинии и Мятлева из Петербурга в Тифлис — и как авторская тема, раскрывающаяся в диалоге с читателем.

В очерке П. Щёголева Тифлис — то место, куда стремятся С. Трубецкой и Л. Жадимировская и где они были обнаружены «профессионалами» III отделения¹⁴. Но Тифлис, Грузия — это

¹⁴ См.: Щёголев П. Любовь в равелине // Щёголев П. Алексеевский равелин. М., 1989.

и лирическая тема Б. Окуджавы. Можно предположить, что если бы прототипы героев романа — Трубецкой и его возлюбленная — не отправились в этом направлении, Мятлев и Лавиния всё равно бы миновать родины поэта. Б. Окуджава придумал бы этот маршрут. В описании прекрасной Грузии чувствуется отношение художника, который не может не опозитизировать то, что дорого сердцу: «...По утрам прозрачные глыбы прохладного горного воздуха окружают тебя, их множество, они бессчётны; аромат очажного дыма, запах жёлтого хлеба и кинзы; гортанные голоса птиц, людей и рек; реки вина, бьющие из-под земли; земля, колеблемая лёгким ветром; и, наконец, ветер, смешивающий всё это в единое море; и, наконец, море, подступающее к этой земле, покрытое белыми гребнями, переполненное жизнью, помнящее Язона и переливающееся чешуйками золотого руна» (382). Перед нами своеобразное стихотворение в прозе, которое строится по принципу поэтического развития образа.

Второй, метафорический, план тема *путешествия* обретает благодаря диалогу автора с читателем через систему лирических реминисценций. Путешествие Мятлева и Лавинии включается в контекст стихотворных произведений Б. Окуджавы, в которых мотивы *путешествия*, *бегства*, *воспарения* осмысляются как вечные спутники-символы Любви и, шире, — Жизни. На наш взгляд, ассоциации с поэзией входят в замысел романа.

Писатель вкладывает в уста героини «цитату» из «Песенки о дальней дороге»: «А не пора ли воспарить, брат?» (375). В поэтическом тексте это звучит так: «Давай, брат, отрешимся. // Давай, брат, воспарим» /309/. Вместе с этой строкой в роман входит то лирическое настроение, которое живёт в песенке о *путешествии*-«странствии» человека по дорогам Жизни и об ожидающих его на этом пути обретениях и утратах.

Благодаря лирическому контексту, достраиваемому читателем за пределами текста произведения, происходит перевод центральной ситуации романа, прикреплённой к определённой исторической эпохе, в вечностный план. Тема *бегства* героев оказывается ассоциативно связанной со строчками стихотворения Б. Окуджавы:

Все влюблённые склонны к побегу
по ковровой дорожке, по снегу,
по камням, по волнам, по шоссе
на такси, на одном колесе,
босиком, в кандалах, в башмаках
с красной розой в слабых руках /573—574/.

Для читателя, знающего эти строки, Лавиния и Мятлев — воплощение вечной неуспокоенности, неустроенности, гонимости любящих и одновременно (вопреки всему) — символ верности своему чувству.

Выявлению второго, лирического, плана повествования способствует также знание «Стихов без названия», сюжет которых вбирает тему «странствий» влюблённых на «керамическом коне»:

...Я люблю эту женщину. Очень люблю.
Керамический конь увезёт нас постранствовать,
будет нас на ухабах трясти и подбрасывать...
Я в Тарусе ей кружев старинных куплю.

.....

Эту женщину я от тревог излечу
и себя отучу от сомнений и слабостей,
и совсем не за радости и не за сладости
я награду потом от неё получу.

Между прочим, земля околдует меня
и её и окружит людьми и деревьями,
и, наверно, уже за десятой деревнею
с этой женщиной мы потеряем коня /229/.

Проекция на лирические тексты позволяет, как нам кажется, усилить общечеловеческое звучание романых перипетий, погружённых в атмосферу прошлого века, приблизить героев к современному читателю.

Автор романа о «любви, вернее, о том, как два человека хотели жить по-своему, а судьба, люди, эпоха им этого упорно не позволяли»¹⁵, наделяет Мятлева и Лавинию чертами лирического героя и лирической героини. Имея один и тот же адресат посвящения, роман сближается с целым рядом стихов Б. Окуджавы, обращённых к *Оле*: «Стихи без названия», «Ты — мальчик мой...», «Прогулки фраеров» и др. Героиня этих стихотворений не в меньшей (если не в большей) мере, нежели Л. Жадимировская из очерка П. Щёголева, может считаться прототипом Лавинии¹⁶. В тексте романа немало отсылок к образу лирической героини стихотворений.

¹⁵ Окуджава Б. [О своём творчестве]. С. 35.

¹⁶ См. лирическое признание в стихотворении «Прогулки фраеров» — поэтическом спутнике романа «Путешествие дилетантов»: «Пока не замело следы на их крыльце // и ложь не посмеялась над судьбою, // я написал роман о них, но в их лице // о нас: ведь всё, мой друг, о нас с тобою» /395/.

Впервые Лавиния появляется перед Мятлевым в образе «хмурого розовощёго мальчика в крестьянской поддёвочке, в чёрных валенках. Нежданный этот маленький гость стоял с вызывающим видом, загородившись деревянным мечом. Меч дрожал в тонкой озябшей руке, пальцы другой сжимали ветку рябины, и багряные ягоды на ней переливались, как ярмарочные стекляшки» (30–31). Героиня словно перешла на страницы романа из стихотворения Б. Окуджавы, где уже содержится зерно этого образа:

Ты — мальчик мой, мой белый свет,
оруженосец мой примерный.
В круговороте дней и лет
какие ждут нас перемены?

Какие примут нас века?
Какие смехом нас проводят?..
Живём как будто в половодье...
Как хочется наверняка! /270/

Формы использования поэтических образов в романе весьма многообразны и различны, так же как функции каждого из них в воплощении авторской проблематики. Одни метафорически определяют основную лирическую тему повествования, другие используются лишь как дополнительный оттенок в небольшом сюжетном эпизоде.

Среди героев лирических произведений Б. Окуджавы большое место занимают не очень привычные для поэзии персонажи: *Сверчки*, играющие на скрипках вечный вальс «Может быть, наконец, повезёт мне в любви»; *Бабочки*, оживающие в декабре и рождающие у лирического героя желание *ввысь вознестись над фортуной непрочной*; *Муравьи*, которым *надо на кого-нибудь молиться*; *Кузнечики*, наделённые самым дорогим для автора даром поэтического вдохновения¹⁷.

В стихотворении «О кузнечиках» *два кузнечика зелёных пишут белые стихи*:

Снег их бьёт, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
шар земной на повороте отвратительно скрипит...
Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вечный смысл работы той,
и сквозь всякие обиды пробиваются в века
хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)... /201/

¹⁷ О поэтической традиции изображения Кузнечика (Державин, Хлебников, Мандельштам, Окуджавы) см.: *Бойко С. О кузнечиках* // Вопр. лит. 1998. № 2. С. 343–348.

В другом стихотворении, посвящённом Ю. Киму, — «Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик» — гимн поэта-кузнечика является не только жизнеутверждающей, но и жизнетворящей силой:

Прислушаться — он от скорбей излечит,
а вслушаться — из мёртвых воскресит /411/.

В этом контексте небольшой сюжетный эпизод встречи Мятлева, попавшего в солдаты, с кузнечиком воспринимается как лирическое продолжение темы: «Хочется жить!» — думает Мятлев, когда вдруг видит: «кузнечика знакомое лицо выросло среди цветов <...> Этот допотопный посланец из счастливого неведомого мира возник перед ним неожиданно и бесшумно. <...> В расплывчатых воспоминаниях о детстве уже присутствовало это тонконогое существо, являющееся к нам, замеченное нами лишь в минуты отчаяния, меланхолической сосредоточенности и сомнений в возможности счастливого продолжения жизни. Кто знает, не из петербургского ли парка проскакал он тысячу вёрст, чтобы напомнить отчаявшемуся солдату маленькую их тайну, ради которой они живут на этом свете» (513).

Тайна кузнечика, не высказанная им герою, может быть разгадана читателем, живущим в мире поэзии Б. Окуджавы, за пределами текста романа. Образ кузнечика рождает определённый ассоциативный ряд, в который входит теперь и поэтический вариант встречи героя с кузнечиком в стихотворении (по определению автора — поэме) «Полдень в деревне». Повторяя сюжетный ход романа, автор объединяет в стихотворении оба аспекта «темы кузнечика» — тему всевластия жизни и всевластия творчества. «Знатный баловень», равнодушно-снисходительно слушающий на обочине дороги песню кузнечика, вдруг пробуждается к жизни души и, тем самым, к творчеству:

То ли клятвы, а то ли признанья
завучали в его голове.

И шагнул он, срывая дыханье,
спотыкаясь о струны в траве,
закружился, цветы приминая,
пятернёй шевелюру трепля,
рифмы пробуя, лиру ломая
и за ближнего небо моля /388/.

В стихотворении явственно проступает второй план — план судьбы поэта, его трудного ремесла, высокого вдохновения, преданного служения своему делу, его места и роли в жизни — одна из ведущих тем Б. Окуджавы — и прозаика и поэта.

Диалог с читателем через образы собственной поэзии (разомкнутость романного повествования в лирические миры его автора) позволяет Б. Окуджаве усилить второй, метафорический, план своих исторических произведений, приблизить изображение к внутреннему миру современного человека. Обратившись к исторической прозе, Б. Окуджаву не изменяет лирической природе своего дарования. И дело не только в том, что «Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом» пронизаны «отголосками его поэтических образов и ориентированы на ту же систему ценностей»¹⁸, что и стихи, а в единстве подхода к изображаемому.

Используя различные стилевые формы авторского вторжения в повествование, писатель вступает в диалог с читателем, направленный на остранение тех проблем, многие из которых на современном материале не могли быть поставлены в 1970–1980-е годы. Автор утверждает мысль о конфликтности взаимоотношений человека и истории, индивидуума и государства как вечных проблемах, тем самым выходя в современность и заставляя собеседника думать о дне сегодняшнем. Он заостряет вопрос о непреходящей ценности таких категорий как свобода личности, чувство чести, милосердие, сострадание, извлекая долговременные уроки из коллизий более чем вековой давности.

¹⁸ Белая Г. Ценность простых истин. С. 100.

Анна КАРСТЕН

«ДЕКАБРИСТСКИЕ» МОТИВЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Б. ОКУДЖАВЫ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ*

О причинах своего интереса к декабристскому выступлению и в целом к первой половине XIX века Б. Окуджава неоднократно говорил в интервью, неизменно подчёркивая значимость декабризма как духовно-нравственного явления эпохи¹. Несомненно, не мог не возникнуть перед писателем, обратившимся к осмыслению событий 1825 года на Сенатской площади, и вопрос о том, можно ли «разом облагородить искажённый лик истории». Непростой для автора ответ на него дан на страницах романов «Бедный Авросимов» и «Свидание с Бонапартом».

Тема декабризма в этих романах является стержневой — действие произведений концентрируется вокруг событий, связанных с восстанием на Сенатской площади. Первый роман «Бедный Авросимов» (1969), хотя и не воссоздаёт подробно декабристские события 1825 года, полностью посвящён декабрис-

* Фрагмент будущей кандидатской диссертации. Некоторые положения статьи вошли в авторскую публикацию: Декабристы в художественном сознании Б. Ш. Окуджавы (от «Бедного Авросимова» к «Свиданию с Бонапартом») // Булат Окуджава: Опыты молодых: Материалы I науч.-практ. конф. молодых учёных, 12 апреля 2008 г., Перedelкино. Изд. 2-е, с измен. и доп. М.; Магадан: Изд-во Северо-Восточного гос. ун-та, 2011. С. 8–11.

¹ На вопрос о том, чем можно объяснить его интерес к первой половине XIX века, Булат Шалвович отвечал: «...Я увлёкся первой половиной прошлого века потому, что, на мой взгляд, Россия, достигнув государственной зрелости, одновременно ощутила в себе начала всяческих социальных болезней и несовершенств, что побудило общество об этом усиленно размышлять, сокрушаться, то есть совершенствоваться. Что же касается моей приверженности декабристам и, в частности Пестелю <...> то в них эта тенденция проявилась наиболее ярко». См. об этом: Окуджава Б. Ш. «Любовь способна совершить всё...» / Записал К. Смирнов // Социалист. индустрия. 1981. 20 июня. С. 4.

там (в период следствия, допросов их следственным Комитетом). В последнем по хронологии произведении, «Свидании с Бонапартом» (1983), романное время охватывает период Отечественной войны 1812 года и декабрьских событий 1825 года. При этом само событие на Сенатской площади, хотя и не становится центральным, воссоздаётся из отголосков, докатившихся из центра Петербурга до глухой провинции, где находятся имена главных героев. По-разному осмысляемая, но определяющая для романов тема декабризма объединяет тексты автора в единый «декабристский цикл», становится своего рода связующим звеном между романами. На уровне мотивной организации это «тематическое» единство закрепляется сквозными, перетекающими из романа в роман мотивами, связанными с осмыслением декабризма.

Поэтика прозы Б. Окуджавы обусловлена своеобразием его художественной индивидуальности. В творчестве поэта, обротившегося к прозе, лирический принцип постижения мира реализовался в преобладании стиля над сюжетом, в доминировании стилевых форм авторского присутствия в произведении. Подобно авторам символистских романов², писатель создаёт тексты, в которых над сюжетным повествованием, погружённым в прошлое, «надстраиваются» размышления автора-повествователя о смысле человеческой жизни и ходе истории, вводимые через мотивную структуру.

Анализ мотивов позволяет выявить комплекс идей, связанных с художественно-историческими взглядами писателя на проблему декабризма, и тем самым выйти к осмыслению идейного и художественного своеобразия исторической прозы писателя, осветить в новом ракурсе проблему индивидуально-авторского отношения к декабризму и способов его романного воплощения.

По отношению к исторической прозе Б. Окуджавы, в которой мотивы «надстраиваются» над сюжетным повествованием, звучат как «аккомпанемент», подкрепляющий основную тему, наиболее продуктивным представляется подход Б. М. Гаспарова³. Мы не приемлем положения исследователя о ведущей роли

² О связи Б. Окуджавы с творчеством символистов см.: Дронова Т. И. О символистской традиции в исторической прозе Б. Окуджавы: Диалог с Д. Мережковским в романе «Бед. Авросимов» // Античный мир и мы. Саратов, 2000. Вып. 6; Солнцева Н. М. О «Бедном Авросимове» Б. Окуджавы и «14 декабря» Д. Мережковского // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002.

³ Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки рус. лит. XX в. М., 1994.

воспринимающего субъекта (читателя) в процессе анализа и его «бесконтрольных» ассоциаций (что ведёт к обнаружению смыслов, «не заложенных» в текст автором), однако обращаемся к методике Б. М. Гаспарова, позволяющей наиболее действенно осмысливать произведения, которые пронизывает система авторских поэтических словообразов, мотивов, не скреплённых с фабулой.

Повторяющиеся словообразы романа «Бедный Авросимов» (1969) группируются вокруг целостных образов — прежде всего, вокруг действующих лиц или групп действующих лиц. Так, в мотивную структуру романа входят мотив *власти*, реализуемый через мотивы *масок*, *театра/игры*, представляющие следственный Комитет; мотивы *предательства*, *детскости*, имеющие отношение к декабристам; мотивы *сходства с Наполеоном*, *злодея*, *пророка*, характеризующие Пестеля; мотивы *тревоги*, *зова о помощи*, *сомнения*, связанные с Авросимовым; а также мотив *глотка свободы*, имеющий двойную соотнесённость — с декабристами, с одной стороны, и с Авросимовым, а через него — и с будущими поколениями, с другой. Мотив *крови* связан непосредственно с декабристами и развивается в высказываниях, принадлежащих Пестелю, а также другим персонажам (к числу этих персонажей относится и герой-рассказчик, предположительно современник и очевидец декабрьских событий, «под маской» которого автор вводит в текст романа свои размышления о героях и событиях). При этом, несмотря на структурную скреплённость большинства мотивов с такими основополагающими единицами сюжетной организации текста как образы героев, романские мотивы являются «свободными» (термин Б. В. Томашевского⁴), то есть исключаемыми при пересказе фабулы без нарушения причинно-временного хода событий. Уже по отношению к «Бедному Авросимову», таким образом, мы можем констатировать нарушение связи с традицией классического реалистического повествования.

Анализ содержательной стороны мотивов, связанных с декабризмом, приводит к пониманию двухуровневого смыслового поля оценки декабризма в данном романе.

Один из этих уровней образует мотив *крови*. Выбор данного словообраза в качестве центрального для анализа романов «Бедный Авросимов» и «Свидание с Бонапартом» определяется его многоплановостью: именно через него соединяются кон-

⁴ Томашевский Б. В. Теория литературы: Поэтика. М., 2002.

кретно-исторический уровень повествования (тематический аспект мотива) и авторский, философский (концептуальный аспект мотива) — мотив *крови* важен и как репрезентирующий изображаемую эпоху, и как позиционирующий общефилософские представления Б. Окуджавы. Также особое влияние на художественное воссоздание проблемы кровопролития имеет и личностный аспект (острота переживания недавнего революционного и военного прошлого Булатом Шалвовичем)⁵.

В структуре романа «Бедный Авросимов» мотив *крови* по преимуществу реализуется через мотив *цареубийства*, и в этом своём воплощении неотделим от мотива *злодея/злодейства*, что обусловлено особым ракурсом изображения, избранным Б. Окуджавой для своего повествования: декабристы, Пестель показаны в момент следствия, во время допросов в Петропавловской крепости, как обвиняемые властью в лице следственного Комитета. Таким образом, мотивы *злодейства* и *цареубийства* вводятся в роман как официальная точка зрения власти. Авторский взгляд на изображаемое усложняется благодаря введению в текст мотива *крови* в другом контексте (высказывания Пестеля, Авросимова и рассказчика). Судя по тем оценкам отношения Пестеля к вопросу о крови, которые передоверены Авросимову и рассказчику, позиция «железного полковника» не относится к ряду авторитетных для создателя романа. Через точку зрения Авросимова заостряется мотив *небезупречности выбора*, сделанного Пестелем, а мотив *крови*, возникающий в рассуждениях рассказчика, также реализуется как мотив *недопустимости пролития крови*.

Анализ мотива *крови* позволяет обнаружить, что на уровне авторской позиции в тексте прослеживается неприятие крови, которое являет себя через колеблющееся сознание неискущённого провинциала Авросимова и через призму суждений умудрённого жизнью героя-рассказчика. Это неприятие получает в романе обоснование, связанное с нравственными воззрениями Б. Окуджавы, с его представлением о кровопролитии как нарушении нравственного закона. Но мотив *крови* не находится в данном романе в фокусе авторского повествования.

⁵ О характере осмысления Б. Окуджавой недавнего прошлого см.: Белая Г. А. Моцарт в неволе // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. М., 2001. С. 34–38.

Иное смысловое поле оценки декабризма формирует, наряду с остальными мотивами романа, мотив *глотка свободы*, художественно воплощающий представление Б. Окуджавы о значимости духовного преодоления декабристами косности сознания своей эпохи, духовных исканий декабристов для будущего.

Подтверждением того, что в «Бедном Авросимове» Б. Окуджава осмысливает декабристское выступление с точки зрения его последствий для общественного сознания России, являются и другие мотивы, с которыми взаимодействует мотив *крови* в контексте романа. К их числу относятся мотивы, связанные с образом Пестеля, Авросимова, а также следственного Комитета, в изображении которого Б. Окуджава продолжает традицию, начатую Д. Мережковским⁶.

Неприятие Комитета воплощается в романе благодаря мотиву *власти*, реализуемому через мотивы *масок* и *театра/игры*. Мотив *масок*, скрывающих лица членов Комитета, выявляет отсутствие искренности, лицемерие членов Комитета. Мотив *театра/игры* раскрывает подлинную суть следствия по делу декабристов как своеобразного спектакля, разыгрываемого членами Комитета. В противоположность неискренности и лицемерию членов Комитета подчёркивается естественность поведения Авросимова, через сознание которого вводится образ Пестеля. Мотив *сходства Пестеля с Наполеоном* и мотив *пророка*, характеризующие его, акцентируют значительность внешнего и внутреннего облика декабриста. Другой мотив — *предательства*, — проецируемый на его единомышленников-декабристов, также высвечивает внутренние качества героя — благородство, преданность своим идеалам. Одновременно с этим, недостаток стойкости и мужества соратников Пестеля оправдывается возникающим во внутреннем монологе Пестеля мотивом *детскости* декабристов, выражающим их дилетантизм, наивность. Авторский взгляд на декабризм воплощается и благодаря мотиву *зова о помощи*, настойчиво преследующего Авросимова и приводящего его к мысли об устройстве побега Пестеля. Такой перелом в сознании героя определяет своеобразие решения декабристской темы в романе, где личность Пестеля способствует внутреннему пробуждению героя — рядового человека изображаемого времени — и где декабризм осмысливается как явление, значимое для будущего.

⁶ О диалоге Б. Окуджавы с Д. Мережковским на уровне мотивов пишет Дронова Т. И. (Указ. соч.), на уровне образов и идей — Солнцева Н. М. (Указ. соч.).

Так, через систему взаимодействующих мотивов, «вплетённых» в высказывания тех или иных героев, автор воплощает свой, неоднозначный, взгляд на декабризм, выражая при этом свою позицию не риторическими, а поэтическими средствами. Проговариваемые не напрямую, а через свободные авторские мотивы, звучащие «над» повествованием, эти идеи не образуют чёткой концепции — они оставляют читателю поле для размышлений и возможность достраивания их за пределами повествования. Мотивы, таким образом, становятся средством разговора автора с читателем.

Роман «Свидание с Бонапартом» (1983), написанный через четырнадцать лет после публикации «Бедного Авросимова», обнаруживает более сложное отношение Б. Окуджавы к попытке преобразования истории декабристами. Автор «Свидания с Бонапартом», в гораздо большей степени, чем в двух ранее написанных произведениях, сосредоточивается на решении важнейшей для исторической романистики проблемы — насильственного вторжения в историю. Прозвучавший в «Бедном Авросимове», этот вопрос осмысливается в романе уже не только в нравственном, но и в философском аспекте.

В структуре романа, где героям передовверено обсуждение проблемы допустимости насильственных средств достижения цели, поставленной декабристами, на первый план выходит мотив *крови*, репрезентирующий авторский взгляд на проблему насилия, являющегося неотъемлемой частью войны и революции. Этот мотив — один из важнейших для понимания декабризма с точки зрения авторского нравственного императива и той его переоценки, которая происходит в идейном мировосприятии автора к моменту написания романа.

Представленный в романе в контексте войны и революции, мотив реализуется в двух значениях: кровопролития и крови как признака родства.

Мотив *крови* в значении кровопролития первоначально вводится в текст в связи с темой войны 1812 года в записках генерала Опочинина, получая метафорическое воплощение в образе истекающего кровью отечества. При этом мотив *крови*, связанный с войной, неотделим от мотива *возмездия*. «Кровавая прогулка» по России, затеянная Бонапартом, осмысливается как возмездие, неизбежная кара за русские походы в Европу. В этой части повествования мотив *крови* реализуется также в более широком значении — как мотив *всемирного кровопускания*: «<...>

пролитие крови, всемирное кровопускание; все мнят себя искоренителями зла, могущественными врачами, отворяющими затхлую кровь с помощью оружия...»⁷.

В контексте размышлений о войне и декабристском выступлении мотив *кровопролития* возникает в повествовании Варвары Волковой. Видевшая в 1812 году, как «кровь брызгала на свежий снег обильно и легко» (204), Варвара не принимает декабристского выступления, которое вновь принесёт кровопролитие. Кроме отношения к крови, неприятие декабристского восстания Варварой связано и с её представлениями о социальном устройстве, которые определяют развитие в записках героини мотива *пролития крестьянской крови*: «Они мои спокон веку, их кровь — моя кровь. Вот, значит, и я её пролила...» (251). Подспудно вводится в повествование и мотив *пролития господской крови*: «кровь и надругательство» (186), как вспоминает Варвара, были в глазах у мужиков, ожидающих с вилами её выхода из горящего дома. Кроме того, именно через «слово» Варвары Волковой вводится описание внешнего облика декабристов, который, в сознании героини, не соотносится со словом «кровь»: «<...> богатые толстяки, хохотуны и жуиры всё-таки не могут, не должны мечтать о кровавых переустройствах. <...> Как эта пухлая рука в перстнях сожмёт рукоять пистолета или шпаги, а вот это улыбающееся холёное доброе лицо с двумя подбородками как сможет убедить иных неискущённых мечтателей в пользу бунта и крови?..» (249–250). Отметим, что мотив *крови* вводится в начале третьей части также в связи с темой убийства Павла I, которое Варвара рассматривает как неоправданную жестокость.

Через развитие мотива *крови* выявляется эволюция философско-исторической позиции ещё одного героя — Свечина. В контексте событий 1789 года во Франции мотив вводится в описание казни короля Людовика, восторженным свидетелем которой был Свечин. Воочию видевший, как совершается Великая французская революция, Свечин оказывается ещё под большим воздействием французских соблазнов, чем все остальные. Отношение Свечина к кровопролитию комментируется через Варвару, воспоминания которой являются единственным источником сведений об этом периоде заблуждений в жизни ге-

⁷ Окуджава Б. Ш. Свидание с Бонапартом: Роман. М., 1985. С. 90. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте статьи.

роя: «Юность жестока, и вид чужой крови, к общему удовольствию политиков и полководцев, не вызывает в ней отвращения» (187). Война 1812 года меняет убеждения Свечина. Видя, во что превратилась хваленая французская армия, сформированная из бывших крестьян после того, как были уничтожены сословия, видя деморализованную толпу французских солдат, занимающихся вместе с бродягами грабежом в разорённой Москве, Свечин больше не верит французскому успеху в установлении всеобщего равенства и вспоминает о себе в юности с неудовольствием — как о карасе, попавшем на крючок: «<...> тиранства не было, оно пришло вместе с кровью, а возлюбленные истины оказались плодом невежества» (187). Общественные преобразования, осуществляемые насильственным путём (через революции, восстания, войны), по мнению Свечина, антигуманны, и потому любая власть, несущая кровопролитие, власть, разделяющая людей, рано или поздно прекратит своё существование. Неприятие крови, к которому приходит герой в зрелые годы, формирует и его отношение к декабристам: «Разрушить легко, но как быть потом? Все знают, как разрушить, как пустить кровь, как вздёрнуть, как захватить, как покорить... Но как сделать меня счастливым, не знает никто» (265), — такой вердикт Свечин выносит декабристам, благородным юнцам, которым «кровь нипочём» (191).

Кровь отталкивает и Тимофея Игнатьева от декабристов. На вопрос Варвары Волковой, почему он не пошёл вместе с ними, почему отступился, Тимоша отвечает: «Опять кровь <...>, глупости всякие...» (252). Кровь, смерть и разрушение, которые несёт с собой утверждение их идеалов, заставляют Игнатьева отделиться от бывших единомышленников. Этот мотив вводится и через «слово» другого героя — Пряхина, тоже отделившегося от декабристов: «А тут ещё мы, кровь не соскребя, душой не очистившись, туда же... Бонапарт кровь лил, лил, а что получил?...» (220). Однако восстание 14 декабря разводит этих героев по разные стороны «баррикад»: если Пряхин оказывается в числе верноподданных и арестовывает Тимошу от лица государства, то последний по возвращении из каземата кончает жизнь самоубийством.

Второе значение, которое реализует в романе мотив *крови*, — это значение признака родства. В записках генерала Опочина, в контексте войны, «кровь» возникает как символ общечеловеческого единства, общности противоборствующих

сторон. При этом происходит совмещение данного значения мотива со значением кровопролития — кровь, пролившаяся на одних полях сражений, становится братской: «Вот так в течение веков мы единоборствуем друг с другом <...>. И уже нет живого места на нашем теле, и от потребности преобладать можно задохнуться. Кровь наша давно перемешалась, ведь она стекала в одни поля и русла. Мы братья!» (55). В том же контексте войны мотив *крови* в значении признака родства вводится в воспоминаниях Луизы Бигар, француженки, кровными узами связанной с русской землёй: «Но если не кровь, разве не русская боль клокотала во мне? Разве я не привязалась всем сердцем и душой к этой несчастной стране <...>?» (152). В пылающей Москве, испытывая все тяготы военного времени, эта французская певица, «русская душой», мечтает как-нибудь оскорбить, унижить своих соотечественников, «насытившихся чужой кровью» (113–114).

В записках генерала Опочинина мотив *крови* в значении признака родства вводится и в связи с крепостными, открывая тему социальной несправедливости и подготавливая дальнейшее развитие данного мотива в контексте споров о декабристах. Вопрос о том, одна ли кровь у него и его крепостных, Опочинин решает для себя отрицательно, глядя в «чужие лица» (18) своих дворовых: «“А одна ли у нас кровь?” — подумал я, и пробитое пулей лицо Саши Опочинина возникло передо мною...» (18). И всё же крепостные для него не рабы, а «его люди» (18), а крепостничество не рабство, а «многовековой союз» (53). В высказываниях героя подчёркивается родственность уз между ним и его крепостными, объединённость их в семью. Природа отношений героя и его крепостных определяет неприятие Опочининым насильственного освобождения крестьян, осуществляемого Бонапартом⁸.

В рассуждениях Варвары Волковой вопрос о кровном родстве с крестьянами решается иначе, чем у генерала Опочинина. Едва не сожжённая заживо с дочерью в своём доме собственными же крепостными мужиками, Варвара не верит в существование той семейственности, о которой говорил Опочинин. Но война

⁸ О позиции Опочинина см. также: Бойко С. С. Четыре свидания с Окуджавой: «Внутренний опыт» писателя как основа историзма в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // XX век и русская литература: Alba Regia Philologiae: Сб. в честь 70-летия Г. А. Белой. М.: РГГУ, 2002. С. 202–222.

меняет расстановку сил, и общая кровь и общее горе уравнивают Варвару и её людей: «Отчего же они меня тогда в лесу не прикончили <...>? Знать, горе у нас было общее <...>, и кровь общая...» (252). В данном контексте «кровь» в значении признака родства символизирует национальное единство, принадлежность к одной нации. Рабы становятся «прекрасными победителями зла» (219), а вчерашний поджигатель — «Бонапартовым соперником, спасшим и её, и Лизу, и эти леса в обмен на деревянную ногу и серебряный рубль из Варвариной холодной ладони» (258).

Семантика мотива *крови* в романе обогащается благодаря взаимодействию с сопутствующими мотивами, что определяет значимость выявления механизмов взаимодействия мотивов в рамках художественного целого. Находясь в центре мотивной структуры, мотив *крови* является своего рода центром притяжения остальных мотивов романа, способствующих выражению сложного взгляда автора на феномен декабризма и — шире — на жизнь человека в истории: *возмездия, фантазии и гранита, книжного знания и реальности, провидения / высших сил, карнавала/игры*.

В связи с оценкой феномена декабризма представляется содержательно важным развитие в романе мотивов *почвы* и *полёта*, получающих метафорическое воплощение в мотивах *гранита* и *фантазии*. Мотив *фантазии, воспарения* непосредственно связан с семейством Опочининых, где все сгорали, терзались, теряли покой в мучительном и бесконечном поиске истины. Тимошин дед, Саша Опочинин, всю жизнь томится, страдает от тоски и напрасных фантазий о переустройстве российского общества, воспринятых им через туманные призывы книг. Так, с мотивами *гранита* и *фантазии* тесно переплетаются мотивы *книг, книжного знания и реальности* — именно книги становятся разжигателями напрасных фантазий. Мотив связан и с образом Сонечки, Тимошиной матери, — и в ней, метнувшейся от покоя, благоустроенности, любимого и любящего мужа, от счастливой семейной жизни, бушевали туманные опочининские страсти. Мотив имеет отношение также к генералу Опочинину с его безумной затеей уничтожить Наполеона прямо в Липеньках, к Варваре Волковой, Тимофею Игнатьеву, «готовому даже на сумасбродство, ежели оно показалось <...> благородством» (269). Но миру фантазии, миру воспарения, притягательному для героев и автора, приходит конец, начинается век гранита — век карьеры вчерашнего вольнодумца Све-

чина, век процветания верноподданного Пряхина и унылого доживания тех, кто унаследует благородные порывы погибших Опочининых, Волковых, Игнатьевых. Мотив *гранита* получает наиболее полное развитие в четвёртой части повествования — письмах и дневниках поручика Пряхина, проповедующего здравый смысл, «правильность», приземлённость, подчиняющегося «власти, закону и силе» (267). В последнем письме Свечина Варваре оценка декабризма вводится через мысль о граните, «способном время от времени остужать не в меру горячие головы, мечтающие о разрушении...» (265), и далее соединяется с мотивом *фантазии* в красивой метафоре Свечина о «вечном поединке неуёмной фантазии с хладным гранитом» (265).

Проводя героев через жизненные испытания, обольщения, разочарования, автор воплощает в «позднем опыте» каждого из них частичку собственного «отрезвления», высвобождения из-под власти иллюзий. Через образ «другого» художнику удаётся познать и границы собственной правоты, и меру заблуждений. При этом благородные фантазии, воспарения, свойственные юности, при всём осознании их хрупкости, беспочвенности, неукоренённости в реальном бытии, сохраняют обаяние чистоты, наивности, дилетантизма и, несмотря на трезвую их оценку героями и автором, умудрёнными биографическим и историческим опытом, имеют положительные коннотации.

Изменение авторской «оптики» по отношению к декабристам в романе обусловлено не только нравственной позицией автора, его неприятием крови, но и его представлением о путях развития истории. В этой связи содержательно важным в плане авторской оценки декабризма нам представляется развитие в романе мотива *рока/судьбы*, реализующегося в повествовании как мотив *провидения /высших сил*. Важно отметить, что в романе, в котором воплощение авторской идеи достигается в художественном многоголосии, на путях пересечения различных точек зрения, мнения героев, размышляющих о роли провидения в истории и в собственной жизни, сливаются в один общий голос, за которым слышится голос самого автора. Придавая единство речевой структуре романа, мотив *провидения* репрезентирует представления героев и самого автора о путях развития истории, ход которой человек не должен нарушать своим вмешательством, вводит тему тщетности попыток человека, бессильного перед судьбой, историей, «пред ликом высших сил», изменить существующий порядок. Мысль о том, что

«всё течёт помаленьку в нужном направлении, пренебрегая нашими капризами и амбициями» (153), пронизывает всё повествование, в том числе и эпизоды, связанные с декабристами, «несчастливыми людьми, вообразившими себя способными изменить ход истории» (265). Таким образом, благодаря мотиву *провидения* в структуре «Свидания с Бонапартом» воплощается историософская позиция Б. Окуджавы, специфика авторского отношения к вопросу о роли человека в истории, а также особенности авторской концепции декабризма.

Вопросы, которые ставятся Б. Окуджавой в романе, в том числе через мотив *провидения*: кто является носителем истины, во власти ли человеческой вообще освобождение от несправедливости, можно ли «разом облагородить искажённый лик истории» (16), — свидетельствуют о более сложной концепции истории, чем в раннем творчестве, например, в «Бедном Авросимове».

Таким образом, в мотивной структуре романа взаимодействуют мотивы, создающие многозначное смысловое поле оценки декабризма. Характер реализации мотивов позволяет сделать вывод о том, что в «Свидании с Бонапартом» они являются, как и в других романах автора, «свободными», доминируют над сюжетом. Мотивы перетекают из одного повествовательного плана в другой, то есть вводятся по поэтическому принципу. Они принадлежат не героям, в записках и речах которых включаются в произведение, а автору и реализуются как голос автора, звучащий поверх сюжетного повествования. Сами мотивы *гранита и фантазии, истекающего кровью отечества, всемирного кровопускания, высших сил*, реализующиеся в тексте, являются поэтическими метафорами. Б. Окуджава остаётся в прозе лириком, и мотивная структура романа выстраивается по законам поэзии.

Анализ мотивной структуры романов «Бедный Авросимов» и «Свидание с Бонапартом» позволил выявить метатекстовый характер творчества Б. Окуджавы. Сквозные для романов мотивы, связанные с осмыслением декабризма, придают единство творчеству автора на уровне стиля, создают единое лирико-философское повествование. Перетекая из одного романа в другой, они организуют произведения в единое художественное пространство, единый авторский текст. При этом внутри мотивного комплекса, соединяющего романы, обнаруживается динамика в развитии мотивов, а именно принцип усложнения мотивной структуры, наращивания смыслов от романа к рома-

ну. «Перебрасываемые» от одного текста к другому, мотивы приобретают новое наполнение, получают смысловые приращения. В «Свидании с Бонапартом» мотивы первого романа обретают историософский статус. Получая здесь углубление, разветвление, мотивы проецируются и на декабристское восстание, и на жизнь человека в истории в целом.

Важной особенностью художественного мышления Б. Окуджавы является то, что автору не свойственно рационально формулировать свою философско-историческую концепцию. Проведённый анализ лирико-философской прозы писателя позволяет сделать вывод, что авторская концепция воплощается на образно-поэтическом уровне и не получает реализации на языке логических понятий. Вводимая на уровне стиля, посредством системы лейтмотивов, она остаётся как бы недоговорённой, недосказанной, неисчерпаемой в своей сложности, побуждающей читателя к дальнейшим размышлениям. Хотя «любая вербализация философии Окуджавы будет значить меньше, чем она же, заключённая в его художественно-образной системе»⁹, динамика представлений автора о декабризме выражена наглядно — благодаря смене ведущих мотивов и их семантического наполнения. От признания значимости порыва декабристов к свободе («глотка свободы»), воплощённого в «Бедном Авросимове», писатель приходит к неприятию насильственного вторжения в исторический процесс в «Свидании с Бонапартом».

⁹ Белая Г. А. [Из дискуссии] // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века. С. 111.

Виктор АХЛОМОВ

НА ФОНЕ ПУШКИНА

Дата моего первого знакомства с Булатом Шалвовичем точно обозначена на небольшом пожелтевшем от света и времени рекламном листочке. 15 ноября 1976 года. Ровно тридцать пять лет назад. В московском Дворце спорта Лужники состоялся вечер Поэзии. Вот списываю слова с этого листочка.

Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР сообщало, что в этот день во Дворце спорта состоится вечер Поэзии. Дальше был длинный список поэтов, среди которых значился и Булат Окуджава. Имена почти все были звёздные: Вознесенский, Евтушенко и Ахмадулина, Ошанин и Солоухин, Куняев, Наровчатов, Самойлов... Не обошлось без пародиста Александра Иванова, автора известной телепрограммы «Вокруг смеха», и абхазского поэта Ивана Тарбы. Из заявленных в списке во Дворец не прибыли только Римма Казакова и Роберт Рождественский. Они в это время несли трудовую вахту — то есть поэтическое слово в массы — где-то за пределами Отечества. Ещё в объявлении мелко значилось, что билеты — в театральных кассах. А крупно — что весь сбор от концерта поступит в Фонд мира. То суть — в бездонные закрома государства. Осмелюсь предположить, что Фонд мира был предтечей будущих пирамид Мавроди и других «Хопёр-инвестов».

Но так или иначе в пятнадцатитысячном зале стадиона был переаншлаг. Как говорится, висели на люстрах, сидели на полу, стояли в проходах. И это не метафоры. На снимках видно. Поэтический-Политехнический времён Марлена Хуциева отдыхает перед стадионом в Лужниках. Невольно в памяти всплывает строка: «...Да, были люди в наше время!»

А что за люди?

Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР
Московская писательская организация Союза писателей РСФСР

ПОНЕДЕЛЬНИК
15
Н О Я Б Р Я
1976 г.

К ДНЮ ПОЭЗИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТАДИОН
им. В. И. ЛЕНИНА

ДВОРЕЦ СПОРТА

ПОНЕДЕЛЬНИК
15
Н О Я Б Р Я
1976 г.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

Председатель — **Константин СИМОНОВ**

В Ы С Т У П А Ю Т П О Э Т Ы :

Мargarита АЛИГЕР
Белла АХМАДУЛИНА
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ
Юлия ДРУНИНА
Евгений ЕВТУШЕНКО
Александр ИВАНОВ
Римма НАЗАКОВА
Юрий КУЗНЕЦОВ

Станислав КУНЯЕВ
Сергей НАРОВЧАТОВ
Буллат ОКУДЖАВА
Лев ОШАНИН
Давид САМОЙЛОВ
Владимир СОКОЛОВ
Владимир СОЛОУХИН
Николай СТАРШИНОВ

Степан ЩИПАЧЕВ

СБОР ПОСТУПАЕТ В ФОНД МИРА

Начало в 19 часов 30 минут

Билеты продаются в кассах стадиона
и районных театральных кассах.

Л-121028

Лит. 3-70

Литография «На бирюзовом листе». Москва, Павловский 8

Да все звёзды и классики. Рядом с Симоновым на импровизированном помосте сидел Степан Щипачёв. Видимо, по возрастному признаку или одинаково снежному цвету волос. Евтушенко рядом с Беллой. Время от времени нежно держит её руку в своей руке. Так они и вышли на моей фотографии. Margarita

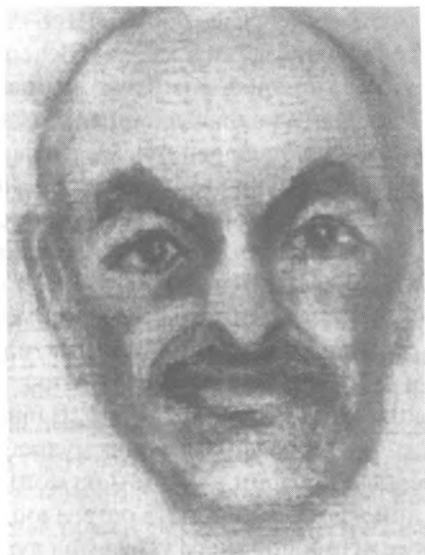
Автор куклы — Резо Габриадзе

Алигер задумчиво беседует с Юлией Друниной... Только пародист Иванов и абхазский гость Иван Тарба стараются держаться гордо и индивидуально. Возможно, стесняются звёздной компании.

Все выступают, получают цветы и аплодисменты. И вот ведущий Праздника объявляет Булата. Его песни публика уже слышала, знает, любит и, конечно, встречает аплодисментами. К микрофону подходит скромно одетый гитарист. Для удобства ставит ногу на простенький стул и поёт две-три своих песни-баллады. Стихи под гитару. Зал принял его, как и остальных, но чепчиков вверх не бросали.

Меня же поэзия Окуджавы в его собственном исполнении под гитару «зацепила» раз и навсегда. И с тех пор я старался снимать его везде, где позволял его величество случай. И даже пополнил свою коллекцию снимков любимых писателей парой автографов на его портретах. Позже два портрета Окуджавы вошли в мой альбом «Россия в лицах»¹. Рядом были снимки с подписями Беллы, Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, Леонида Мартынова, Ильи Сельвинского и Корнея Ива-

¹ Снимки с автографами перепечатаны в прошлом выпуске нашего альманаха, с. 474–475 (здесь и далее сноски принадлежат редакции).

*Портрет работы
В. Войновича*

новича Чуковского. Но я по-прежнему был фанатом Булата. Я читал и собирал о нём всё, что попадалось в печати. Так в моём архиве появились портреты Окуджавы работы самодеятельных художников, скульпторов. Одним из них был Владимир Войнович. Вторым — грузин Резо Габриадзе. Резо на своей выставке представил Булата в виде куклы. В руках Окуджавы-куклы была, как и полагается, гитара. Только была она больше человеческого роста. Таким художник увидел барда в своей творческой фантазии. И в этом нет ничего удивительного. Один художник хочет прикоснуться к энергетике другого, озариться светом его популярности, чтобы нести этот живительный светлячок дальше. Чтобы не прерывалась связь прекрасных времён.

История приводит нам много примеров творческого заимствования даже у великих композиторов. Так, Родион Шедрин берёт знаменитую «Кармен» и переписывает её в «Кармен-сюиту» для Майи Плисецкой. Великий Рахманинов написал и впервые сам исполнил «Вариации на тему Паганини». Позже мир объявил это сочинение Пятым концертом для фортепьяно с оркестром. А Чайковский! Тот развил лебединую тему Сен-Санса в своём самом знаменитом балете «Лебединое озеро»...

Следующая подробная фотосессия с Булатом Шалвовичем случилась у меня 9 мая 1994 года. На юбилее поэта. Обществен-

ность собралась в театре «Школа современной пьесы». У режиссёра Иосифа Райхельгауза. Вечер прошёл по-юбилейному штатно. На сцене шли бесконечные выступления-поздравления. На Булата накладывались «эпиталамы» разной тяжести. В зале все места были заполнены согласно пригласительным билетам. В проходах не стояли, на полу не сидели. Безбилетников, как во Дворце спорта, не было. Зато в первом ряду сидел Роберт Иванович Рождественский с женой Аллой. Телевидение скромно таилось по углам. Полицейский порядок был обеспечен какой-то частной охранной фирмой. Ещё бы! На вечере присутствовали два доморощенных младемократы — Егор Гайдар и Анатолий Чубайс. Наступало время духоподъёмных дел и взяточёмких профессий. Булат Шалвович смотрел на всю эту новую жизнь грустным взглядом мудреца и пророка. Таким он и остался для истории на одном из моих снимков. До его ухода из земной жизни в Вечность оставалось около трёх лет.

Но и после его ухода моя духовная связь с ним не прерывалась. Мы стали перечитывать его знаменитые повести и рассказы. И только совсем недавно я впервые услышал и прочитал его маленький роман «Фотограф Жора».

Он был напечатан во враждебном антисоветском журнале «Грани» во Франкфурте-на-Майне и никогда не перепечатывался у нас. Однако ничего антисоветского, на мой взгляд, в романе нет даже близко. Даже если обладать сильно искажённым восприятием действительности. Любой начинающий автор, будь то писатель, художник или композитор, всегда стремится быть замеченным и отмеченным каким-то общественным вниманием. Пусть даже для начала славой Герострата. Любой свободный художник почти всегда старается быть альтернативен. Власти. И здесь мне вспоминаются слова Эрнста Неизвестного. В одном из интервью он заметил, что когда в начале Перестройки власть объявила свободный выезд из страны, девяносто процентов эмигрантов после пересечения границы тут же громко назвали себя диссидентами и талантливыми представителями андеграунда. И многим это помогало в устройстве новой жизни. Слава Богу, это ни в коей мере не относится к Булату Окуджаве.

«Маленький роман» написан в шестидесятые, во времена Оттепели. Именно в то славное время появилось первое советское воскресное приложение «Неделя» к старейшей общенациональной газете «Известия». Главным редактором газеты тогда

был зять Хрущёва Алексей Иванович Аджубей. Он совершил революцию в нашей журналистике. Сделал воскресную газету, для которой писали и снимали о том, о чём раньше не писали и не снимали ни в одной из советских газет. После выхода первого номера «Неделя» наутро проснулась знаменитой. Ей тут же приклеили ярлык — ««Огонёк» для бедных». «Неделя» в то время стоила десять копеек, а «Огонёк» — тридцать. По утрам у газетных киосков выстраивались две очереди. Одна — для пенсионеров, другая для остальных читателей. Вот где была демократия!

«Неделя» поначалу носила гордое звание — «иллюстрированное приложение». Многие темы решались с помощью фотографий и рисунков известных художников. Но постепенно и слово заняло в газете своё законное место. Валентин Катаев привёл в редакцию «могучую кучку» молодых писателей: Аксёнова, Искандера, Войновича, Гладилина, Зверева, Владимова. Они начали писать коллективный роман «Смеётся тот, кто смеётся». По одной полосе в каждом номере. Но среди «могучей кучки» не было Окуджавы. Почему? Он, конечно, был хорошо знаком с молодыми прозаиками, заходил в «Известия». Видимо, поэтические образы пока брали верх над его прозой. А проза накапливала жизненный опыт и знания для дальнейших замечательных произведений.

И вот первый скромный маленький роман «Фотограф Жора»². Заглавный герой — фотограф. Очень похож на известного тогда и теперь работающего в газете фотографа. Цвет глаз, поведение, разговоры и многое другое совпадают. Но, конечно, образ собирательный, как в любом литературном произведении. И образ на то и образ, что всегда можно найти в жизни оригинал, с которого он хотя бы частично списан. Да, Жора местами очень похож на меня, работающего фотографом в «Неделе» с начала шестидесятых и по сей день. Но, признаюсь, тогда мы с Булатом не были знакомы. Я наблюдал его в редакции только издали. И не часто. Любопытно другое. В романе почти с фотографической точностью описаны некоторые мои фоторепортажи тех лет. Это говорит лишь о том, что Булат, как и многие,

² В той же публикации (Юровский В. «Фотограф Жора» и фотограф Виктор Васильевич // Голос надежды. Вып. 7. М., 2010. С. 471—476) приведены доводы в пользу того, что одним из прототипов заглавного героя «маленького романа» мог быть В. Ахломов. — *Ред.*

*Лужники,
15 ноября 1976 года.
Фотографии
автора*

внимательно смотрел и читал новую любопытную газету. И для точности образа он использовал описание моих фоторепортажей. А для меня это явилось большой и нечаянной радостью.

Мне не известно, был ли Булат Шалвович фотолюбителем и снимал ли когда-либо хотя бы для творческого любопытства. Но, как «фотограф Жора», скажу, что своим поэтическим талантом он был глубоко погружён в тему нашей профессии. А сколько стихов, прямо связанных с фотографией, он написал! Хотя, надо сказать, что в те времена увлечение фотографированием не занимало, как сегодня, все слои человеческого общества. Сегодня просто вселенская эпидемия — снимают все: от президентов до бомжей!

Одно из ранних стихотворений Булата «Фотографии друзей» я даже включил в свой фотоальбом, где рядом с моими снимками любимые стихи разных поэтов. От Гавриила Державина до Владислава Ходасевича.

Льются с этих фотографий
океаны биографий,
жизнь в которых вся до дня
с нашей переплетена.

Лично для меня в этих строчках живёт и светится шекспировский завет — «не разрывайте связь времён, и не погибнет королевство». Вся наша жизнь — переплетение *океанов биографий*.

Ну а «На фоне Пушкина снимается семейство», — из окон моей редакции я ежедневно наблюдаю это булатовское стихотворение. Десятки семей и людей со всего света ежечасно и в любую погоду стараются, уже внимая Гоголю, побыть «...и с Пушкиным на дружеской ноге». Наверное, это много раз наблюдал и Булат, приходя в нашу редакцию на Пушкинской площади.

Вспоминая о редких встречах с поэтом, понимаешь великое сожаление — «если бы молодость знала!» Ведь в те далёкие теперь уже времена я, как, между прочим, и многие, не читал маленького романа «Фотограф Жора». Стихи «На фоне Пушкина» ещё не обрели музыкального оформления и не передавались каждый день по радио.

Я был очень верным и скромным почитателем любимого поэта. Решив взять автограф, я напечатал пачку снимков и через жену поэта Ольгу Владимировну получил разрешение вручить этот подарок Булату дома. Когда я пришёл, то никакого разговора, кроме вежливого общения, у нас не состоялось. Булат красиво, и стихотворно, и, что главное, композиционно грамотно заполнил словами всё оставленное для автографа пространство. Я подумал: художественные способности тоже таятся в глубинах таланта моего кумира. Как говорится, талант — он и в Африке талант.

Если бы к тому времени я прочитал «Фотографа Жору», у меня были бы к автору вопросы. И было бы о чём поговорить. Но случилось как случилось...

По причине своего характера и радостного восприятия мира мне всегда было непонятно и неприятно снимать траурные митинги и мероприятия по случаю ухода из жизни кого-либо из общественно значимых персон. Но одно исключение было. В конце октября 1984 года прах великого Фёдора Ивановича Шаляпина перенесли из Парижа на Родину. Он упокоился в Москве на Новодевичьем мемориальном кладбище.

В те, последние, годы империи была идеальная организация. Прежде чем предать земле дубовый с золотыми ручками

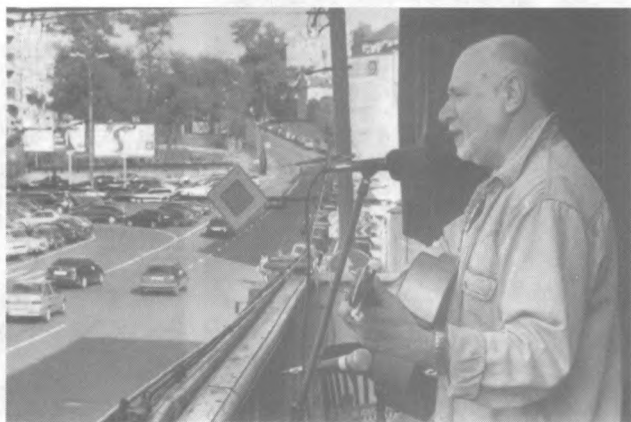
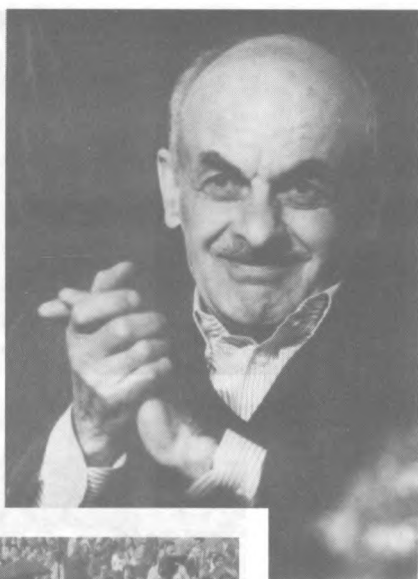
тёмно-красный гроб с телом великого русского гения, состоялась небольшая панихида. Погода была очень осенняя. Небо оплакивало церемонию переменными слезами. Пришлось говорить под зонтами. Слова прощания произнесли Тихон Хренников, замечательный бас Евгений Нестеренко и другие солисты Большого театра. Иван Семёнович Козловский скромно стоял со своим фирменным традиционным нимбом-венком из пшеничных колосков в руках. Дочь певца Татьяна Фёдоровна первой бросила в могилу горсточку родной земли.

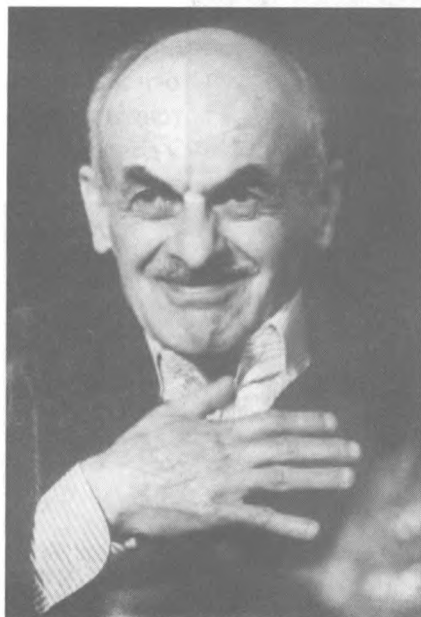
Вы удивитесь моей памяти. На самом деле помогли мои документальные снимки. Поэтому прощание с Булатом Шалвовичем я решил отснять очень подробно. И с отношением фаната к любимому писателю.

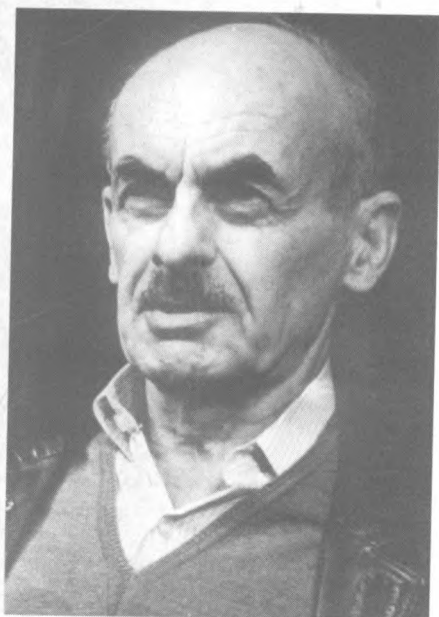
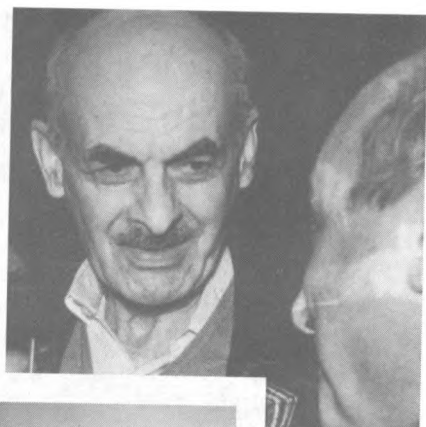
Народная толпа поклонников начиналась у Садового кольца и медленной рекой тянулась по Арбату к театру Вахтангова. На пути этой реки я помню всего одного милиционера. Очередь была длинной и нескончаемой. Никто не забежал вперёд, как бывало в очереди к Ленину. Когда я поднялся на крышу в желании сфотографировать истоки «народной реки», то увидел, как вдоль очереди кто-то движется чуть быстрее. Это оказались инвалиды в колясках или пожилые люди на костылях. Сегодня в плотной очереди прощания на этих снимках я узнаю некоторых популярных ныне VIP-персон. Тогда они были мне не знакомы. Так что в печальной фотосессии прощания со временем обнаруживаются свои положительные моменты.

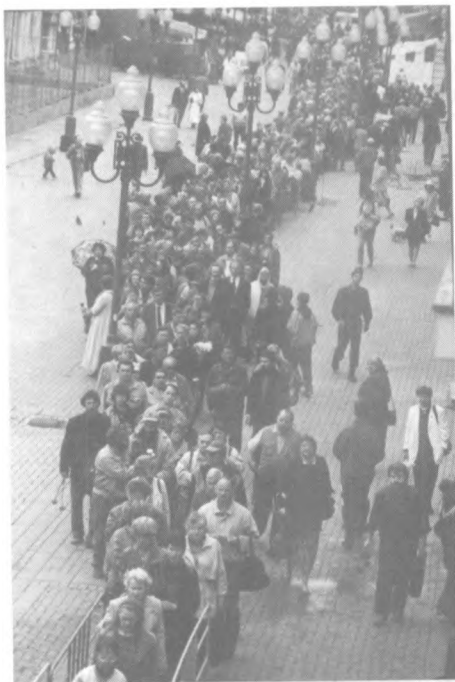
А вывод у меня один. Булат Шалвович не зря писал о фотографе Жоре и о фотографии. Документальное качество светописы нужно ценить. Холить и лелеять. Ведь фотография — это свидетель времени. Без гнева и пристрастия.

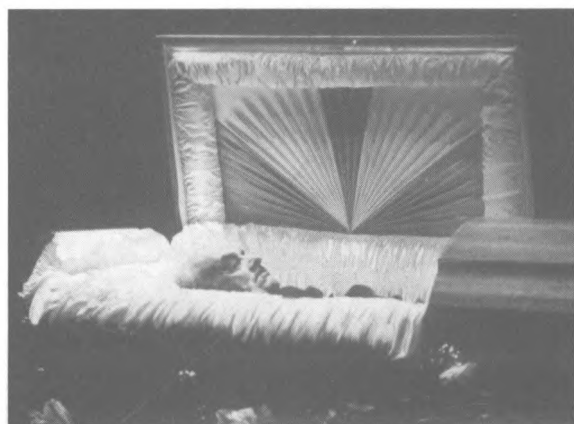
*Далее мы публикуем снимки, сделанные Виктором Ахломовым:
1994 г. — юбилей Окуджавы в театре «Школа современной пьесы» на Трубной площади; 1997 г. — прощание с Окуджавой
в Театре им. Вахтангова на Арбате.*

В. И. КАГАНОВИЧ

НОВИНКИ ОКУДЖАВОВЕДЕНИЯ

1. Находка в старой телепередаче

О дружбе Булата Окуджавы с Михаилом Жванецким известно. Известны и краткие, но ёмкие слова, сказанные Жванецким в память о друге:

«С его смертью между нами и бесчестьем не осталось ничего — теперь каждый думает сам» (*Моск. новости. 1997. 15–22 июня*).

Свой собственный некролог об Окуджаве писатель опубликовал лишь через два года.

Напомню, как он начинался:

«Говорить о любви к нему, как о любви к Пушкину, смысла не имеет.

Он был независим...» (*Новые Изв. 1999. 10 сент.*)

Знают читатели альманаха и о выступлении Жванецкого на шестидесятилетии Окуджавы (см.: *Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 357–372*).

Оказалось, что и Окуджава сочинил стихи к шестидесятилетию Жванецкого.

Вот этот текст, взятый нами с фонограммы:

Шестидесятилетие Жванецкого
случилось в эти пасмурные дни.
Страна больна, а спрашивать-то не с кого:
куда ни глянь — виновники одни.

Он видится мне воином-разведчиком,
назначенным фортуной в этот час.
Стоит в обнимку со своим портфельчиком
и шуруется, разглядывая нас.

Мы слушаем его под небом отчим,
и должное таланту воздаём,
и так смеёмся, так в сердцах хохочем...
А после плачем, каждый о своём.

*Окуджава слушает
Жванецкого, 1988.
Фото М. Пазия*

Стихи прозвучали в авторском чтении в телепередаче Первого канала, посвящённой празднованию юбилея сатирика (эфир — 6 марта 1994 года). Ранее текст стихотворения не печатался.

2. «День на день рождается похожим...»

Недавно я наткнулся на видеоролик телевизионного фильма «Активная зона», не знакомый не только мне, но и, как выяснилось, многим окуджавоведам и окуджаволюбам. Там на титрах и первых кадрах звучит неизвестная песня на стихи Булата Окуджавы и музыку Исаака Шварца. В фильмографии В. Босенко эта совместная работа поэта и композитора не значится.

Вот что выяснилось сразу. Телефильм был снят Творческим объединением «Экран» (1979). Автор сценария — Аркадий Ставицкий. Режиссёр — Леонид Пчёлкин. Был показан по телевидению 12 июня 1983 года.

Режиссёр Пчёлкин умер в 2004 году. Удалось разыскать сценариста Ставицкого и связаться с ним по *e-mail*.

Вот что он рассказал о встречах с Булатом Окуджавой и о фильме:

...С Булатом я познакомился где-то в июне 1960-го года. Один из моих друзей позвал меня на вечер в «Доме на набережной», где должен выступить некий странный человек, который сам себе пишет стихи, сам себе сочиняет музыку и сам себе исполняет песни на гитаре. Мы собрались в огромной квартире с огромным балконом. Перед нами предстал товарищ кавказской наружности и запел «За что ж вы Ваньку-то Морозова, ведь он циркачку полю-

бил...». Потом пошли «Лёнька Король», «Последний троллейбус», «Круглые затылки» и т. д. В промежутках между песнями Булат пил и курил. Мы, зрители, тоже курили и пили модный тогда напиток «Кальвадос», который нам приносили какие-то милые девушки. И по настрою нашего импровизированного зала было видно, что происходит какое-то явление, что это не просто какой-то бард Булат Окуджава, а Мессия, посланный нам Богом, за всё, что мы терпели и терпим от режима. В тот вечер я, как и многие другие, выпил с Булатом и ушёл, готовый молиться на него. Вскоре состоялся ещё один вечер в артистическом кафе, что напротив МХАТа. И тогда мы уже немного подпевали ему. В общем, это было счастливое время.

Потом я много раз слушал Окуджаву в ЦДЛ. А ближе познакомился я с ним только в начале семидесятых годов в Дубултах, где проходил семинар молодых драматургов.

Неожиданно туда приехали в качестве семинаристов Белла Ахмадулина со своим тогдашним мужем Геннадием Мамлиным и Булат Окуджава с пьесой. Семинаром руководили самые знаменитые драматурги советской эпохи Алексей Арбузов и Виктор Розов. Среди семинаристов были Саша Вампилов, Гриша Горин, Виктор Славкин и другие достойные люди. Но в центре внимания были, конечно, Белла и Булат. На наших посиделках он охотно пел для нас. Однажды я с ним разговорился в курилке, и он мне сказал, что потерял интерес к бардовскому творчеству и что теперь будет заниматься только прозой и драматургией. Я был просто в ужасе от этого. (К счастью, Булат не послушался самого себя и продолжал создавать новые песни.)

А теперь о том, о чём Вы спрашиваете. Фильм «Активная зона» вышел в 1979-м году и четыре раза был показан по первой программе Центрального телевидения, а в 1983 году его снова показали дважды. Видимо, эта копия и попала в компьютер, о чём я и не знал...

Музыка в фильме принадлежит Исааку Шварцу. Композитор сказал, что у них с Окуджавой уже есть готовая песня, которая подходит к этому фильму. Так она попала в картину. Честно говоря, мне эта песня не очень понравилась: я не услышал в ней Окуджаву, но был рад и гордился тем, что это имя в титрах.

Вот текст песни, расшифрованный по ролику:

День на день рождается похожим.
Год за годом укрывается, горя.
Что же мы с тобой всё встретиться не можем?
Нам с тобой всё некогда, а зря.

Кричат за дальним лесом электрички,
кричат, кричат, кричат, зовут, зовут.
Только две твои косички, словно птички,
прямо над платформою плывут.

Уходит поезд, вот какое дело.
Едва лишь скрылась ты в ночную тьму,
сразу улица моя осиротела.
Где же ты, куда и почему?

Последние две строчки каждого куплета поются три раза.
В конце повторяется первый куплет.

Стихи поначалу мне тоже показались не совсем «окуджавскими», хотя начало второго куплета сразу же напомнило зачин стихотворения «Кричат за лесом электрички...». Затем в переписке окуджавоведы стали обсуждать, насколько стихотворение «окуджавское».

А. В. Кулагин обнаружил ещё «хотя и не очень явные — параллели» в тексте:

*встретиться не можем — не сольются никогда...;
улица моя осиротела — а она на нашей улице живёт.*

Сошлись на том, что песня написана на готовую музыку — так сказать, на «рыбу». Тем не менее перед нами пусть не лучшее, но неизвестное стихотворение великого поэта. И песня, рождённая в соавторстве двух друзей.

Ролик с песней из кф. «Активная зона»:

<http://www.youtube.com/watch?v=BxrrMbcJmME>

3. «Песни арбатского двора»

У этой истории в моей жизни несколько начал. Первое относится к далёкому 1988 году. Однажды брат моего товарища, который в то время работал начальником участка на реконструкции здания, предназначенного для Камерного музыкального театра под руководством Бориса Покровского, и который знал о моём давнишнем увлечении творчеством Булата Окуджавы, принёс пропуска на спектакль этого театра по песням Окуджавы. Спектакль «Музыка арбатского двора» я уже плохо помню, но для меня было очень важным тогда, что песни Булата Шалвовича звучат в оперном театре. С тех пор сохранилась программка с фотографией Окуджавы — с гитарой, с цитатами из его интервью, статей и выступлений, с составом участников спектакля.

Цена 20 копеек

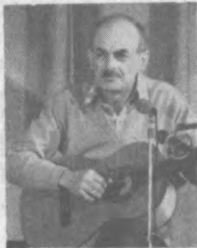
Художники по сцену — В. А. Мезини
Сценарий ведет — Т. Б. Новикова
Художник-буффер — Н. Ю. Павлова
Заведующий художественно-постановочной частью — Э. А. Твардовский

премьеры 19 декабря 1987г.

Художественный руководитель и главный режиссер театра —
народный артист СССР, лауреат Ленинской
и Государственных премий СССР, профессор
Б. А. ПОКРОВСКИЙ

Главный дирижер театра — народный артист РСФСР
Л. М. ОССОВСКИЙ

МИНИСТЕРСТВО
КУЛЬТУРЫ РСФСР
СОЮЗ
КОМПОЗИТОРОВ СССР
РОСКОМЦЕНТ

БУЛАТ ОКУДЖАВА

МУЗЫКА АРБАТСКОГО ДВОРА

Инсценировка Ю. Борисова (по мотивам произведений Б. Окуджавы)

Москва

x 2492 x 3000 мм (размер листа)

Программка к спектаклю театра Б. А. Покровского. Архив автора

Прошло двадцать с лишним лет, умер Булат Шалвович. И вот во вторую годовщину его смерти, 12 июня 1999 года, на телеканале «Культура» была показана передача под названием «“Песни арбатского двора”. Белорусы — Булату Окуджаве». В передаче прозвучала сюита для камерного хора и инструментального ансамбля Виктора Копытько по песням Булата Окуджавы в исполнении Государственного камерного хора Белоруссии (художественный руководитель и дирижёр Игорь Матюхов) и Ансамбля солистов «Классик Авангард» (художественный руководитель Владимир Байдов). В передаче также прозвучали выступления белорусских бардов. Я записал эту понравившуюся мне передачу на видеомэгнитофон.

Ещё через несколько лет я начал составлять два справочных материала: один под названием «Путеводитель по Булату Окуджаве», и другой — «Телевидеография Булата Окуджавы». И в том и в другом материале было описание этой передачи. Первые редакции этих материалов я выложил два с лишним года тому назад на своём сайте на ресурсе *mylivepage.ru*.

И вот однажды я получил такое сообщение:

БУЛАТ ОКУДЖАВА О СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

«...Все, что я написал, — это о Родине. И горькое, и злое, и восторженное, и грустное... — это все о Родине. Любовь ведь не может быть одного цвета».

(из интервью для телевизионного фильма

«Разговор с Арбатом»)

«...Не надо идеализировать мое поколение: у него есть свои достоинства, но немало и пороков... Что же касается того, что нас сформировало, конечно, Великая Отечественная война, то это просто легенда. Великим может быть народ, но не война, не война. Это не Великая, а ужасная война. Для меня она еще не кончилась, так как я до сих пор живу ее мечтой».

(из читарько Венской Литературной газеты,

9 декабря 1983 г.)

«...Для моего поколения Арбат — это, помимо всего, символ, идея, средоточие московской истории... Правду говорит: каждый кулик свое болото хавает! Если будете проходить мимо дома 43, зайдите во двор... Двор большой и грустный — все как было, так и осталось, — но деревья в нем растут... Мы посидим и с друзьями и детьми».

(из интервью для польского еженедельника «Политика»,

8 октября 1983 г.)

«...Я бы хотел, чтобы любовь заняла в человеческом обществе надлежащее ей место... Я бы хотел, чтобы с поспешностью моей эволюции все остальное уступило вечности и победою вошло бы в привычку демократическим нормам, чтобы человек чувствовал себя полноценным творцом жизни».

(из статьи «Питбуллы», Рассказывает Булат Окуджава,

«Известия» 15 марта 1986 г.)

«...Я не гитарист и не певец, и мои сочинения не имеют отношения к эстраде. Это стихи, которые я исполняю под аккомпанемент гитары. Я создаю материал по памяти и в памяти на сонном. Но, повторю, важнейшим для меня являются слова и интонация... По-моему, можно простить исполнителю и неумение играть и не самую удачную, может быть, мелодию, была бы интонация, в которой познается личность поэта. Стоило бы за песней человеческая судьба. Только тогда это является предметом искусства».

(на выступлении перед слушателями)

«...Один критический журнал попросил меня и группу литераторов написать свое мнение о себе самих. Их интересовало, для кого и для чего я пишу стихи... Я знаю, что мои коллеги всерьез заняты исследованием собственного творчества, а я придумал песню, в которой содержались ответы на все поставленные вопросы... Получилась такая — вкратце, исчерпывающая, в искусстве — статья — песня... Нарывалась она «Я пишу исторический роман»...»

(на выступлении перед слушателями)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

Фотограф	С. А. Остроумов
Посетитель фототелье	— Б. Н. Тарков
Надежда	— Е. Н. Андреева
	И. П. Бартонова
	О. А. Шалова
Сергей Ланцов, он же профессор Университета	— В. Д. Боровков
	Г. К. Мамат
Первый солдат, он же Виталий — сотрудник редакции	— О. В. Губарев
Второй солдат, он же зая, ОБЛСНО, он же Семен Александрович — тракторист	— С. В. Архангельский
	Е. Ю. Болучевский
Третий солдат	— Я. И. Радоцкий
Четвертый солдат	— В. А. Беляк
Лоська	— А. Л. Саркисов
Маруся	— А. В. Мочалов
	В. А. Стаценко
	— О. В. Казанский
	Е. Н. Крайнов
	— И. Д. Платов
	О. Т. Савицкий

НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКОГО ОРКЕСТРА:

А. В. Коростин	— скрипка
Ю. И. Мазурова	— скрипка
Ю. Б. Писаревский	— виолончель
С. В. Бродский	— виолончель
Л. В. Федорова	— виолончель
С. Д. Диченко	— клавишная
В. С. Алексеев	— клавишная
А. М. Мансоев	— флейта
С. П. Бончарев	— кларнет
Е. М. Горшков	— фого
В. П. Колесников	— тромбон
Е. В. Вилеников	— ударные
В. М. Прохорова	— ударные

Постановка и сценография — Ю. О. БОРИСОВА
 Костюмы — Н. Т. ХРЕПЕНКОВИЧ
 Музыкальный руководитель спектакля — А. А. ЛЕВИН
 Белинский — заслуженный деятель искусств,
 профессор — Л. М. ТАЛАНОВА
 Спектакль идет с одним интервалом

«Песни арбатского двора» — уточнение.

Глубокоуважаемый Владимир!

Увидеть такой сайт об Окуджаве — большая радость для меня.

Суть моего уточнения вот в чём. Авторство на титуле моей партитуры — д в о й н о е: Окуджава—Копытько. Это абсолютно точно отражает природу этого произведения. И стихи, и, главное, м у з ы к а в ней — Окуджавы. Мои — транскрипция, акустика, драматургия, аранжировка. Примерно как Марчелло—Бах, Бах—Бузони, Бизе—Щедрин, Шедрин—Плетнёв и т. д.

То есть писать «стихи — Окуджава, музыка — Копытько» принципиально неверно! Я буду очень признателен Вам за исправление этой информации.

Думаю, корректней всего будет так:

Окуджава—Копытько «Песни Арбатского Двора» (1988). Сюита для камерного хора, солистов и маленького оркестрика (NB: так в моей партитуре по аналогии со строкой Б. Ш.) Стихи и музыка Булата Окуджавы в оригинальной транскрипции Виктора Копытько.

Булат Шалвович, кстати, запись этого сочинения знал, да и обсуждали мы с ним кое-что у него дома. Как я понял, он остался весьма доволен услышанным. Я тоже. Два года назад партитура звучала вновь в том же интерьере, что и премьерное, 1988-го года, исполнение: в Большом зале Белорусской государственной филармонии. И вновь, как и двадцать лет назад, дирижёром и главным солистом был Игорь Матюхов.

Съёмка ТВ, которая в 1999 была показана по «Культуре», очень низкого, к сожалению, качества по звуку.

Виктор КОПЫТЬКО.

Завязалась переписка, сначала со мной, затем к ней подключился В. Ш. Юровский. Виктор Николаевич прислал свой диск с записью сюиты и разрешил выложить эти записи на сайте. Мы надеялись, что композитор поделится своими воспоминаниями об Окуджаве, но он не смог и разрешил использовать для публикации свои письма.

На основе нашей общей переписки и составлен данный рассказ.

История с московской постановкой была довольно драматична.

В 1987 году в Камерной опере Покровского готовился большой спектакль по прозе и песням Окуджавы. Ставил его покойный Юра Борисов, сын Олега, мой друг и соавтор либретто обеих моих опер. Партитура была заказана мне. И я начал работу над транскрипцией песен БШ.

С ним у меня было всего две личных встречи — оба раза у него дома. Они были чисто рабочими. Первая — по созданию спектакля. Вторая — по его закрытию.

При первой встрече в августе 1987 года говорил в основном я, рассказывая о драматургических нюансах работы с первоисточником, объясняя мотивации возникновения коллажей (из Окуджавы в Окуджаву), расширения авторского пространства («мираж» обрывков фраз из «Путешествия дилетантов» в части сюиты «Исторический Роман») и т. д., и т. п. Булат Шалвович, как обычно, был немногословен. Ему всё показалось очень интересным и убедительным. Пили чай и какой-то ликёр, кажется. Курил он одну за одной; я тоже.

...Работа над спектаклем шла. Но чем ближе к премьере, тем меньше нравилось Покровскому то, что мы делаем. И уже незадолго до премьеры он — на правах худрука театра — начал дико кромсать постановку, совершенно не вникая ни в драматургические, ни в музыкальные смыслы.

В декабре 1987-го мы с Юрой поехали домой к Окуджаве, всё рассказали. Так что вторая наша встреча проходила под знаком необходимости похорон несыгранного спектакля. И опять-таки, говорили преимущественно мы с Борисовым, рассказывая, как покалечил спектакль Б. Покровский, что получилось в результате, а чего не получилось. Настроение было отвратное. Сообща порешили спектакль закрыть.

Окуджава крикнул и сказал:

— Отменяем всё к чёртовой матери.

Конфликт, собственно, в первую очередь был у Юры Борисова как режиссёра и автора сценария спектакля (Юры уже нет в живых...). Но замкнул историю — на следующий день после совещания у Окуджавы — я: просто забрал из театра свою партитуру и написал довольно резкую бумагу с разными запретами.

У меня хранится её копия:

В дирекцию
Московского Камерного Музыкального театра
от Копытько Виктора Николаевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, композитор Копытько Виктор Николаевич, создавший музыкальную партитуру спектакля «Музыка Арбатского Двора» по песням и прозе Булата Окуджавы, считаю необходимым довести до сведения дирекции и художественного руководства Театра следующее.

Весь ход репетиционного процесса последних дней данного спектакля убедил меня в несоответствии первоначального замысла авторов спектакля с его конечным музыкально-театральным воплощением. Общий эмоционально-интонационный строй, на мой взгляд, перестал иметь что-либо общее с духом и смыслом творчества Булата Окуджавы.

Недостаточное количество музыкальных репетиций повлекло за собой общий низкий уровень вокального и инструментального музицирования (поистине подвижнический труд дирижёра Левина и концертмейстера Дьяченко, а также достаточно профессиональная работа отдельных вокалистов и инструменталистов — лишь исключение).

Во время болезни режиссёра и автора инсценировки Ю. О. Борисова режиссёром Б. А. Покровским в спектакле был сделан ряд недопустимых, на мой взгляд, купюр номеров и целых сюжетов (см. афишу, раздел «Искусство кройки и шитья»), существенно повлиявших на логический ход музыкально-сценического действия, превративших его в обыденный сюитный калейдоскоп (в результате последних дней репетиций купировано порядка трети музыкального материала).

На основании всего этого я вынужден наложить запрет на исполнение:

- всех сочинённых мною номеров;
- всех оркестрованных мною номеров;
- всех номеров, включающих в себя вокальное многоголосие (2 и более голосов).

Это решение принято мной в соответствии с общеизвестными положениями об авторском праве в СССР. Выполнение его Театром подлежит контролю через ВААП.

18.12.1987.
Москва

То есть, театру мы разрешили на проданных уже спектаклях отыграть что-то вроде концерта из песен БШ, но без оркестра, без сценического действия. Что-то из спектакля в результате театр сыграл на якобы премьере — просто песни под гитару, обманув таким образом публику: билеты-то были распроданы... Ну и всё, на этом история с театром закончилась¹.

Но партитура у меня осталась. А тут как раз подоспело образование Минского Камерного хора, выросшего из Молодёжного. Вот для их дебюта я и написал окончательную версию сюиты. В неё вошла примерно треть музыкального материала, с которым мы имели дело в спектакле, но зато, ужав и почистив драматургию, заострив сопоставления и столкновения, я сделал уже с о - в с е м то, что слышалось и виделось лично мне.

Неслучайно в части «Чёрный Кот» появился «Мастер Гриша». Как и «До свидания, мальчики!» в «Сапогах», как «Мираж» в «Историческом Романе». Это всё мои драматургические ходы, — образность таким образом полифонизируется. Таким же образом я действую в «Римской Империи», приводя мелодию песни практически в аналог финала 9-й Симфонии Бетховена, а роаяль контрапунктирует поющему солисту в «Может быть, может быть...» инструментальными отголосками из «Каждый пишет, как он слышит». Или, что замечают ещё реже, переосмысливая городской романс Окуджавы «Не клонись-ка ты, головушка» в крестьянскую протяжную лирику. То есть, это сочинение параллельных многослойных рядов через собственное слышанье творчества Окуджавы.

Те, кто хотят услышать сугубо Окуджаву, могут вполне быть озадачены этим сочинением. Те, кто хотят услышать Окуджаву — Копытько, услышат всё.

Хор во главе с замечательным дирижёром Игорем Матюховым её и исполнил впервые весной 1988 года. И потом исполнял ещё неоднократно.

В 1988-м Окуджава в Минске не был. Когда состоялась премьера, Юра Борисов отнёс (или передал — не помню) Окуджаве аудиокассету с записью концерта. Булат Шалвович позвонил мне домой в Минск, очень благодарил, хотя и удивлялся поначалу такому «музыкантскому» крену моей партитуры, сказал, что привык к куда более простым аранжировкам; «тут же получилась

¹ Иной вариант истории в кратком изложении, принадлежащем Б. Покровскому, см.: Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 319–320.

целая симфония» — и т. д. Было ясно, что он не избалован признаниями своего композиторского таланта. Я ему так и сказал.

Но при этом он спросил:

— Слушайте, Виктор Николаевич, а почему такое особое внимание именно к музыке? Я ведь всё-таки поэт...

Я говорю:

— В том-то и дело, что это-то знают все, а вот то, какого уровня вы к о м п о з и т о р, как-то и среди музыкантов не очень ясно. Вот после моей партитуры лучшие будут соображать. Я и в аннотации к концерту об этом писал... — И сказал, что очень рад, что получилась симфония, ибо б ы л о и з ч е г о её делать.

Он рассмеялся: ему было это приятно. Потом какое-то время ещё мило поболтали и, довольные, расстались. Большие мы не делились и не созванивались.

В Минске потом Булат Шалвович бывал с концертами, но мы не совпадали в городе, а на один из концертов я не захотел идти: мне очень не нравилось (и не нравится) его музицирование с Антоном, плохой там рояль в с е г д а. Говорят, народу нравилось. Кстати, едва ли не именно перед этим концертом состоялась акция знаменитого актёра Гостюхина, на ступенях филармонии бывшего пластинки Окуджавы. Очень протестовал против чего-то...

Такая вот непростая история, но для меня очень дорогая.

По следам работы над спектаклем и над моей сюитой я сделал позже транскрипцию ещё одной песни Окуджавы — «Две жизни прожить не дано». Это по просьбе Юры и Олега Ивановича Борисовых. А сюита моя, как Вы знаете, живёт своей жизнью, чему я очень рад.

Остаётся добавить, что песню «Две жизни прожить не дано» в телеспектакле «Лебединая песня» (1990), поставленном Юрием Борисовым, исполнил Олег Борисов. А 23 ноября 2010 года в «Комсомольской правде» прошла информация об исполнении сюиты «Песни арбатского двора» в Вильнюсе, а также о предстоящем её исполнении в Санкт-Петербурге².

«Музыка арбатского двора»:

<http://okudjava.livejournal.com/67848.html>;

<http://okudjava.livejournal.com/68300.html>

Ролик из кф. «Лебединая песня»:

<http://www.youtube.com/watch?v=PUx4zVMEnLg>

² См. в обзоре «Без комментариев. По материалам Интернета» наст. вып.

ИЗ ПОЧТЫ РЕДАКЦИИ

Конечно, название этой подборки весьма условно: только часть её материалов попала к нам «самотёком». Например, странички, открывающие подборку, и вовсе написаны по заказу альманаха. К сожалению, формат кратких мемуарных заметок не дал возможности напечатать их в нашем первом разделе, где мы помещаем более подробные воспоминания. Но место им нашлось здесь.

Однако в оправдание заголовка мы можем сказать, что всё публикуемое ниже пришло в редакцию по электронной почте, — уж это точно.

«Храни меня, мой талисман»

Месяц точно не помню, где-то октябрь — ноябрь 1983 года. Звонит мне редактор Всесоюзного телеобъединения «Экран» — дорогой мне человек Татьяна Васильевна Иванова:

— Ромочка, а Вы знаете, что сам Булат Окуджава написал хвалебную рецензию на фильм «Поцелуй»?

Даже не поверил. Надо же. Все критикуют, а он хвалит.

— Между прочим, сам изъяснил газете «Советская культура» желание написать про фильм. Представляете?

Ну, что сказать? Конечно же, меня переполнила радость. Сам Окуджава!..

Года через два попросил Михаила Козакова познакомить меня с Окуджавой. Я начинал съёмки фильма «Храни меня, мой талисман», действие которого должно было происходить в Болдине осенью того же года. Очень хотелось, чтобы Окуджава сыграл самого себя. И вот мы с Козаковым отправились к Окуджава домой. Встретил он меня приветствием на армянском и даже ещё несколькими предложениями на армянском, чем крайне меня удивил.

Тут же показал фотографию на стене, сказав, что это его мама — армянка. Разумеется, я был польщён, что мой и многих кумир ко всему ещё и наполовину армянин.

Фото
из архива
автора

Рабочий момент.
На заднем плане — Н. Горленко

Снимок
на память.
С О. Янков-
ским,
А. Збруевым
и Т. Друбич

Получил согласие сниматься, скорее всего, из-за того, что ему очень понравился фильм «Поцелуй» и он мне доверился.

Приехал он на месяц в Саранск, откуда мы каждое утро добирались на съёмки в Болдино.

Приехал не один. С неизвестной мне на то время певицей Натальей Горленко. В первый же день отвёл меня в сторону и, очень извиняясь, попросил:

— Роман, я не спросясь привёз с собой и Наташу — это мой очень близкий друг. Оле, моей жене, я дал твой телефон. Если она вдруг позвонит, не проговорись, что я тут не один. Я, кстати, страдаю от этой ситуации, потому как очень люблю свою жену Олю, и даже попросил её перетерпеть моё отношение к Наташе, поскольку ничего не могу с собой поделать. Вроде как Оля всё понимает, и тем не менее...

Помнится, ещё он меня поразил, сказав, что на войну пошёл не столько воевать, сколько из-за того, чтобы смыть позор. Позором для юноши Булата было то, что однолетки обзывали его сыном предателя народа.

А ужас был в том, что и он, мальчишка, так думал...

После всех этих доверительных признаний я посмел посчитать себя его другом.

Что дальше? Пили, ели, веселились — довольно обычное состояние на моих съёмках. Булат был прост и доступен. Вёл себя так, будто он человек из массовки.

Вечерами сидели в моём «люксе», где Козаков до ночи читал стихи.

Уже в Киеве, на тонировке, Окуджава поразил меня ещё раз. Точное попадание в артикуляцию — такое не всякий артист бы смог.

Ну, что ещё? Главное для меня, что он впервые как артист согласился играть у Балаяна.

Я горд тем и счастлив оттого, что был знаком, и даже близко, с самим Булатом Шалвовичем Окуджавой, моим и по сей день кумиром и нравственным примером.

Роман БАЛАЯН

Окуджава в Норильске

О поездке Булата Окуджавы в Норильск известно очень мало. Даже составителям книги об этом некогда закрытом городе был известен лишь факт самого приезда группы литераторов

*Выступление в Норильске.
Фото из книги*

(в которую, кроме Окуджавы, входил Лев Кассиль) да единственная фотография (см.: *Планета культуры — Норильск. М., 2006. С. 325*). Это неудивительно: ведь многие жители заполярного города, выйдя на пенсию, стремятся уехать отсюда в свои родные места. Потому-то и свидетелей выступления Окуджавы следует искать по всей стране, только не здесь.

Но недавно ко мне в руки попало вот такое воспоминание:

В 1969 или 1970 году во Дворце культуры Норильского горно-металлургического комбината проходили выступления известных советских поэтов, среди которых были Булат Окуджавы, Сильвия Капутикян, Евгений Евтушенко и другие. Эти выступления были организованы в рамках большого турне известных поэтов по городам Сибири, приуроченного к столетию со дня рождения Ленина.

Я в то время работала директором Дворца культуры. Творческие вечера поэтов проводились у нас в малом лекционном зале и носили живой, неформальный характер.

В день проведения творческого вечера Окуджавы имел место следующий случай. Примерно за час до начала ко мне в кабинет зашёл мужчина и спросил, какое отчество Булата Окуджавы. Услышав мой ответ (который явно не был для него неожиданным), мужчина сказал, что он знал отца Булата Шалвовича, и попросил меня о личной встрече с поэтом. Когда я нашла Окуджаву и передала ему эту просьбу, он сразу же согласился встретиться с этим человеком. Я предложила им для беседы свой кабинет и оставила их вдвоём.

Разговор их продолжался около часа. Уже перед самым началом вечера прибежала моя секретарша и сказала, что Окуджавы

*Прибытие
в Норильск.
Окуджава —
в центральной
группе,
крайний
справа.
Фото
А. Крадецкого*

вышел из кабинета сам не свой, был очень взволнован и бледен. Она, испугавшись, что у него прихватило сердце, предложила ему лекарства, но он отказался и ушёл в артистические комнаты.

Я нашла Окуджаву в артистической. Он сказал, что этот посетитель сидел в лагере вместе с его отцом и они были близкими друзьями. Мало того, — этот человек рассказал Окуджаве, как умер его отец, чему он сам фактически был свидетелем.

Я спросила Булата Шалвовича, сможет ли он выступить сегодня перед публикой. Он попросил задержать начало вечера, чтобы собраться с духом. Вечер состоялся. Среди зрителей было немало людей, прошедших через норильские лагеря, и — что на данном вечере было не удивительно — тех, кто сидел по пятьдесят восьмой статье. Во время выступления Булат Окуджава сказал, что сегодня он узнал о судьбе своего отца и о том, как она была связана с Норильском.

*Со слов матери, Ирины Николаевны Коваленской (1927 г. р.),
записал Владимир Колесников*

Сведений о каком-либо продолжении этой истории у нас нет. Даты ареста и расстрела Шалвы Окуджавы подтверждены документально: соответственно 18 февраля и 4 августа 1937 года (подробно см.: *Голос надежды. Вып. 4. М., 2007. С. 133–152*).

Однако известно и другое: приговорённых к расстрелу и включённых в расстрельные списки иногда вместо исполнения приговора ссылали на крайне вредную горнодобычу — например, на урановые рудники (посёлок Мраморный и другие),

(РГАЛИ.

Ф. 2190.

Оп. 2.

Д. 202.

Л. 4-5).

Цветы

от пионеров.

Л. Кассиль,

М. Алигер,

Д. Гранин,

С. Капутикян

что тоже означало несомненное физическое уничтожение. Известен также и факт массовой ранней смертности среди норильских горнодобытчиков — несмотря на то, что уран в Норильске не добывали.

Вот под этим углом зрения и предлагается прочитать свидетельство пожилой норильчанки...

Николай РЯЗАНСКИЙ

От составителя. Проще всего было сказать: такого быть не могло. Однако мы решили опубликовать этот текст. И вот почему. К сожалению, мы не знаем содержания разговора с участием Окуджавы, о котором говорится в этой краткой заметке. Как не знаем и фамилии собеседника поэта. К тому же И. Н. Коваленская за давностью лет могла не обратить внимание на детали или плохо их запомнить. Ведь человеческая память очень ненадежна. Например, Ирина Николаевна могла спутать *лагерь* с *тюрьмой*. Да и *связь судьбы отца с Норильском* могла появиться позднее, в результате домысливания ситуации со стороны мемуаристики. В то же время в рассказе нет указания на то, что оба сидельца (и друга!) отбывали свой срок именно в норильских лагерях. Вполне возможно, что безымянный собеседник Окуджавы-младшего сидел с его отцом, пять месяцев ожидавшим расстрела, в свердловской тюрьме, а уже после этого был направлен в Норильлаг.

Что касается факта самого такого разговора за кулисами норильского ДК, то он выглядит вполне вероятным. В газетах Норильска информации о поездке группы писателей в этот город мы не обнаружили. Зато в одном из государственных архивов сохранились снимки прибытия писательской делегации, публикуемые здесь же. Они сделаны 27 июля 1970 года. Эта дата вполне подтверждает информацию И. Н. Коваленской.

Час, оставшийся со мной на всю жизнь

Мне довелось встретиться с Булатом Шалвовичем Окуджавой один на один только единственный раз. Дело было в самом конце 1989-го. Совместно со своим коллегой и другом Михаилом Георгиевичем Станчевым я работал тогда над биографией болгарского, румынского, а затем советского политического деятеля Христиана Георгиевича Раковского — одного из руководителей антисталинской оппозиции в 1926–1927 годах, исключённого за это из ВКП(б) и сосланного в Астрахань, Саратов и, наконец, в Барнаул. Раковский переписывался с другими ссыльными и прежде всего со Львом Давидовичем Троцким, находившимся в Алма-Ате.

Готовя к печати документальный сборник, посвящённый Раковскому (он вышел в 1997 году в Харькове под названием «Фарс на крови»), мы тщательно собирали сведения о всех тех деятелях, которые вместе с Троцким и Раковским активно участвовали в оппозиции, жертвуя своими казалось бы успешными партийными, государственными и хозяйственными карьерами во имя умозрительных целей «подлинного социализма», освобождённого от лап сталинской бюрократии. В числе этих благородных и весьма наивных людей был дядя Булата Шалвовича Михаил Степанович Окуджава.

В нашем распоряжении были письма Михаила Степановича другим ссыльным, разного рода заявления и обращения, написанные им вместе с единомышленниками. Однако никаких подробностей его биографии мы не знали, а это было для документальной публикации очень важно.

Естественно, источником сведений мог оказаться единственный человек, за помощью к которому мы могли обратиться, — Булат Шалвович.

Разыскать его в Москве оказалось нелегко. В телефонной книге его номера не было, справочные будки адреса известной личности не сообщали. В конце концов всё же через «знакомых знакомых», работавших в союзном министерстве культуры, удалось раздобыть драгоценный телефонный номер.

Мне ответил женский голос. Когда я попросил к телефону Булата Шалвовича, меня, естественно, спросили, кто я и по какому поводу звоню. Понятно, что Окуджаву стремились «раздобыть» и подлинные знатоки его творчества, и просто любители поболтать со знаменитостью.

Видимо, моё объяснение показалось убедительным, и собеседница сказала мне: «Позвоните по телефону... Это квартира наших родственников. Он сейчас там, работает в одиночестве. Только скажите, что этот номер вам дала Ольга Владимировна, иначе он не будет разговаривать».

Я так и поступил. Произнеся вступительные слова по поводу того, как я узнал номер телефона, я проинформировал Булата Шалвовича о цели моего звонка. Он заинтересовался, сказав, что его самого очень интересует судьба Михаила Степановича, что он как раз в это время работает над хроникой своей семьи (это был ставший знаменитым роман «Упразднённый театр») и готов со мной встретиться.

— Приезжайте ко мне домой в Безбожный переулок, я скоро буду там, — предложил он и объяснил маршрут.

Я тут же вспомнил стихотворение-песню Окуджавы, как раз посвящённую его вынужденному переезду с любимого Арбата в Безбожный переулок. Слушал я эту песню в магнитофонной записи всего раз или два, но, видно, свойство человеческой памяти таково, что в минуту умственного и душевного напряжения она обостряется. Я вспомнил, как мне казалось, весь текст песни с первого до последнего слова.

Через тридцать-сорок минут я уже звонил в квартиру Окуджавы. Булат Шалвович открыл мне дверь. Снимая пальто в прихожей, я с ходу «продекламировал» стихотворение о Безбожном переулке. Наверное, это чуть меня успокоило, тем более что автор песни, стоя в дверном проёме, внимательно слушал, чуть посмеиваясь.

Когда же мой «дебют» завершился, он сказал:

— У вас небольшая ошибка, я так резко не писал, — и тут же напел:

Я выселен с Арбата и прошлого лишён.
И вид мой чужеземцам не страшен, а смешон.
Я выворен, затерян среди чужих судеб,
И горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб.

— А у вас было не *чужеземцам*, а *оккупантам*, — добавил он.

Действительно, мне почему-то запомнилось другое слово, более острое, навеянное тем, что, собственно, послужило причиной переезда Булата Шалвовича с Арбата в Безбожный переулок: там, в Арбатских переулках, стали сносить старые постройки, подлинные культурные памятники, а на их месте возводить

современные дома «улучшенной планировки» для поселения в них сотрудников ЦК КПСС и прочих высокопоставленных лиц. Окуджава не удостоился права жить в таком привилегированном доме, правда, ему дали взамен неплохую квартиру во всё том же Безбожном переулке.

Я не могу не удержаться от того, чтобы не напомнить читателям, что Безбожный переулок, который когда-то назывался Протопоповским — в честь проживавшего здесь то ли священника, то ли коллежского асессора Протопопова, — был переименован не только для противопоставления религиозному звучанию старого названия, но и потому, что здесь находилась редакция журнала «Безбожник» (в наше время восстановлено название Протопоповский переулок). Анекдотичность переименования переулочка в Безбожный состояла в том, что его прежнее (и нынешнее) название, как я уже упомянул, не было религиозным.

Чуть устыдившись своей ошибки, я подумал, что, действительно, Булат Шалвович очень не любил резкие, режущие слух термины, что он предпочитал более тонкие слова и словосочетания, которые, не меняя смысла, били в цель намного острее, чем прямые, грубые определения. И в самом деле, насколько точнее и уместнее в этом контексте было слово *чужеземцы*, а не *окупанты*.

Затем начался разговор, продолжавшийся около часа. Булат Шалвович рассказал всё, что ему было известно о дяде и его судьбе (к сожалению, знал он очень немного). Я же поведал о своих архивных находках и о копиях документов, которые незадолго до этого получил из фонда Л. Д. Троцкого, хранимого в архиве Гарвардского университета США, благодаря помощи поэта Евгения Александровича Евтушенко. Булат Шалвович дал мне адреса своих родственников, живших в Тбилиси, которые, как он предполагал, могли сообщить подробности жизни Михаила Степановича.

Действительно, связавшись с ними, я вскоре смог по крупницам выяснить основные вехи жизни этого человека чистой души, работавшего секретарём ЦК компартии Грузии, но снятого с этого поста, а затем исключённого из партии, арестованного и сосланного в начале 1928 года в связи с участием в объединённой оппозиции сталинскому диктату. Я узнал и о том, что Михаил Степанович под угрозой расстрела был вынужден формально осудить оппозицию, возвращён из ссылки, но в 1936-м опять был арестован и расстрелян без суда.

Вскоре я переслал Окуджаве машинописный текст документов ссыльных оппозиционеров и получил его благодарственное письмо.

Это была по существу дела мимолётная встреча, но она запомнилась мне на всю жизнь каждым своим штрихом, каждой интонацией замечательного человека.

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ, доктор исторических наук

***Святослав Рерих и Булат Окуджавя:
несостоявшийся диалог***

Екатеринбург, 2007 год. Всероссийский фестиваль телерадиопрограмм «Патриоты России». Здесь — участники из Москвы и Санкт-Петербурга, Новгорода, Вологды, Самары, Оренбурга — из самых разных городов страны. Уже совсем «под занавес» фестиваля один из участников вместе с визиткой подарил мне свою книгу. Помню, что сразу привлекло название: «Возникновение», авторы — А. Д. Егоров и И. Д. Егоров (М., 2007). Мы познакомились, долго разговаривали на самые разные темы. Когда речь зашла о том, чем интересуюсь я, сказала: «Авторской песней», — назвала имена: «...Высоцкий, Окуджавя...». А Иван Дмитриевич Егоров — в ответ: «Знаете, у меня есть невыполненный долг перед Окуджавой». Не могла не спросить: «Какой?» И услышала такую историю.

...Не все об этом знают (это сейчас Индия — крупная космическая держава!), а ведь первый индийский спутник «Ариабата» делался с помощью советских инженеров и учёных. И следующие индийские спутники тоже создавались при участии наших специалистов. А встречались советские и индийские учёные в Бангалоре. Этот город — крупнейший научный центр страны, в то время его называли символом будущего. Но Бангалор был славен не только этим. Здесь жил Святослав Рерих.

В Бангалоре у Рериха был небольшой двухэтажный дом. Жилая часть располагалась на втором этаже, здесь был рабочий кабинет Святослава Николаевича. А на первом этаже находилась гостиная: тут Рерих принимал визитёров, которые хотели поговорить с мыслителем, сфотографироваться.

В доме, где жили Святослав Рерих и его жена Девика Рани, всегда было много гостей. Девика — внучатая племянница великого Тагора — была известной киноактрисой, звездой индийского кино. Они встретились с Рерихом в 1945-м, и эта встреча изменила её жизнь: Девика ушла из кино и до последних дней была самым близким человеком для русского художника. Когда

в их дом приходили гости, она обычно чуть позже спускалась со второго этажа в нарядном сари, её безупречной красоты, будто нарисованное лицо озаряла улыбка... Все были восхищены. Девика хорошо гадала по руке, но об этом знали только те, кто стал уже своим человеком в этом гостеприимном доме.

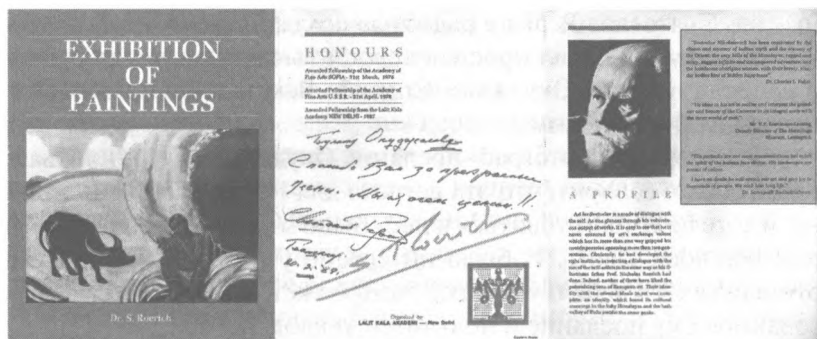
Творческая мастерская художника была оборудована в поместье, находилось оно в пригороде Бангалора. Кто побывал здесь однажды, непременно хотел вернуться сюда вновь. Чтобы снова рассматривать картины, пытаясь разгадать скрытую в магии красок загадку, чтобы продолжить начатые разговоры, найти ответы на свои вопросы. Это было какое-то волшебное место. Рядом с домом на ветке баньяна висел колокольчик, и, провожая гостей, хозяин говорил: «Если хотите, позвоните. Только задумайте желание, крепко задумайте, тогда оно обязательно исполнится».

Как рассказывает Иван Дмитриевич, во время запусков (а их было несколько) он жил в Бангалоре и координировал взаимодействие советских и индийских специалистов, был представителем Советского Союза в индийском центре управления. В доме Рериха был частым гостем. Провёл там много вечеров. На вопрос: «О чём разговаривали?» — с улыбкой отвечает: «Ну о чём ещё? Конечно, о вечности, бесконечности!..» Говорит, что нередко сам заводил разговор: стремился что-то постичь, глубже понять, получить ответы на давно волнующие вопросы. И вспоминает фразу, которая была заготовлена у Рериха для многочисленных гостей, приезжавших, чтобы сфотографироваться с ним и задать свой «умный вопрос»: «Каким бы путём ты ко мне не шёл, на том пути я тебя встречу».

Были и философские беседы, и просто общение, которое со временем переросло в дружеское. Даже появились свои традиции. Обычно вечер начинался с чашки ароматного чёрного индийского чая и вкусного пирожного. Потом — разговор. А дальше — песни под гитару...

Пока Земля ещё вертится, пока ещё ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай коня,
дай счастливому денег... И не забудь про меня.

Когда Святослав Рерих впервые услышал эту песню Окуджавы, он долго молчал. Потом сказал: «Несомненно, прекрасная песня». И стал задавать вопросы. Спросил, кто автор. Иван Дмитриевич ответил тогда, что написал эту песню Булат Окуджава.

Причём он написал и слова и музыку, и всегда сам исполняет свои песни. А ещё назвал Окуджаву самым известным и любимым в России исполнителем. Рассказал, как сам впервые его услышал.

Святослав Рерих видел в песнях Окуджавы глубокий философский смысл. Про песню «Пока земля ещё вертится...» говорил: «Она призывает нас стремиться к высокому... побуждает жить так, как надо: чтобы то, что мы делаем сегодня, было хоть чуточку лучше, чем вчера...». Песни Окуджавы очень нравились Девике, и самой любимой была именно эта. Девика не знала русского языка, но слушала внимательно, а потом сказала: «Очень нравится. А о чём она?» Когда Святослав Рерих перевёл и объяснил смысл каждой строчки, она добавила: «Я чувствовала, что это философская песня...» Потом ещё много раз песни Окуджавы звучали в доме Рериха: во время дружеских вечеров, встреч и по особым поводам.

...Это было ровно двадцать лет назад. 1988 год, февраль. В Бангалоре открылась новая выставка картин Святослава Рериха. На вернисаж приехали гости. Была торжественная часть с традиционными выступлениями, поздравлениями. Но закончилась она необычно. Неожиданно для всех Святослав Рерих попросил Ивана Дмитриевича исполнить песню «Пока земля ещё вертится...» и даже объявил гостям, что написал её Булат Окуджава. Песня очень понравилась индийцам, а Святослав Николаевич ещё раз сказал о том, какой глубокий смысл скрыт в ней и как нравится ему эта песня. И тогда Иван Дмитриевич предложил: если есть желание, напишите о своём отношении. Сейчас вспоминает, что произнёс эти слова, втайне надеясь на то, что будет повод встретиться с Окуджавой. Об этом он давно

мечтал. Святослав Рерих с радостью согласился: «Мне есть что ему сказать». Он взял проспект своей выставки, достал ручку и написал: «Булату Окуджаве. Спасибо Вам за прекрасные песни, мы их очень ценим!»

Как передать автограф-послание Окуджаве? Сегодня Иван Дмитриевич говорит, что эта встреча для него была очень важна, и хотелось подготовиться к ней. Было много вопросов, которые хотелось задать. И было интересно узнать, как Окуджава относится к творчеству Рериха: быть может, он ответит на адресованное ему послание и получится диалог?

Но... стремительно летели дни, месяцы, годы... В 1990-е наступил переломный момент в государстве. Другие проблемы вышли на передний план... В 1993 году не стало Святослава Рериха. В 1997-м — ушёл из жизни Булат Окуджава. Встреча так и не состоялась...

Ольга ФОМИНА

«Освещённые духом и словом Булата»

Почти четверть века непрерывной службы в системе Гостелерадио СССР, сперва репортёром, а затем собственным корреспондентом ЦТ в Грузии, предоставили счастливую возможность общаться со многими замечательными людьми, составлявшими неповторимую сокровищницу многообразного советского общества.

Но даже в этой яркой личной галерее особняком расположился Булат Окуджава, которого я с детства встречал на тенистой дидубийской¹ улице Вахушти, куда он в летние месяцы часто приезжал погостить в доме своего дяди, а также троюродных братьев и сестёр — Гии, Мераба, Наты и Нелли. Гия и Мераб были моими школьными друзьями. А Ната, новоиспечённая учительница математики, на внеклассных занятиях долго и упорно вытягивала меня из алгебро-тригонометрического омута, в котором я беспомощно барахтался от четверти к четверти.

И сегодня отчётливо помню небольшой дворик, увитый пахучей «Изабеллой» и высаженными вдоль глухой кирпичной стены изысканными розами вперемежку с полевыми ромашками.

Своей тугой сообразительностью Нату я изводил на светлой застеклённой веранде, где за большим обеденным столом

¹ Дидубе — район в Тбилиси.

мы делали уроки, а сверх программы ещё решали и вовсе ненавистные дополнительные задачки, грозившие материализоваться в будущих контрольных работах.

Но если научная экзекуция переносилась мной безропотно и внешне даже мужественно, то ароматы, клубившиеся за постоянно открытой входной дверью, напрочь выметали из головы с таким трудом попадавшие туда биномы и логарифмы.

Дело в том, что сразу за крыльцом, на щербатом асфальте, днями напролёт пытели увенчанные огромными медными тазами примусы и керогазы. В них, в зависимости от сезона, в январном, рубиновом, изумрудном сиропе томилось малиновое, вишнёвое, инжирное или айвовое варенье. Наконец, сжалившись над страдальцем, Ната приносила блюдечко с густой пенкой. И я, старательно облизывая ложку, постепенно млея от удовольствия, которого, к сожалению, так не хватало во время сидения над книгами.

Иногда под талавери² появлялся Булат, садился на невысокий табурет и, как в тихой обители, молча созерцал лубочный пейзаж двора, принадлежащего его тбилисским Окуджава.

Тогда, ближе к началу шестидесятых, он больше выглядел педагогом из Калуги и московским родственником, нежели выдающимся поэтом и бардом, осязающим силу своего таланта и власть творца над простыми смертными. Но Признание уже выбрало его в толпе и находилось на расстоянии вытянутой руки. И, может быть, именно тогда он подыскивал рифму к небольшому стихотворению «Огонёк в окне на улице Вахушти», вошедшему в один из ранних сборников «Дорога к Тинатин» и посвящённому Нелли и Nate.

А заговорить впервые с Булатом Шалвовичем я осмелился спустя лет пятнадцать. В Багдади, где родился Владимир Маяковский, проходили ежегодные Дни советской поэзии, на которые со всей страны съезжались и классики и начинающие литераторы. В разные годы я брал здесь интервью у Константина Симонова, Евгения Долматовского, Василя Быкова, Агнии Барто, Николая Тихонова, Беллы Ахмадулиной, Роберта Рождественского.

Праздники продолжались полную неделю. Окуджава появлялся вместе со всеми, но через день-другой бесследно исчезал. Скорее всего, уезжал к своим в Тбилиси.

² *Талавери* (груз.) — сквозная беседка из штакетника или металлических труб, с двух сторон и сверху увитая виноградной лозой.

В тот год я твёрдо решил атаковать его на первых же рубежах, в стенах бывшей Кутаисской городской гимназии, где учился будущий трибун революции. С этого учебного заведения традиционно начиналась официальная программа мероприятий, и присутствие участников было почти стопроцентным.

Булат Шалвович мирно беседовал с Иракием Абашидзе и Нодаром Думбадзе. Поздоровавшись с ними и извинившись за вторжение, я взял Окуджава под локоть и повёл в сторону установленной на штативе кинокамеры программы «Время», успев за оставшиеся до неё метры выпалить всё и о своих школьных друзьях, и о Нате-репетиторе, и о том, как из-за занавески наблюдал за ним.

Булат Шалвович дружелюбно улыбнулся, но сниматься отказался категорически.

— Давай в следующий раз, когда вокруг будет меньше людей, любящих позировать и мечтающих попасть в кадр.

К великому сожалению, этому не суждено было случиться. Судьба ещё несколько раз буквально сталкивала меня с обожаемым кумиром, но как бы в издёвку, на ходу, мимоходом — то в аэропорту, то на выходе из останкинского телецентра, то опять на каких-то торжествах, где Булат Шалвович всегда старался держаться в тени.

Позже, в восьмидесятых годах, со мной произошёл случай, правда, без личного участия Окуджава, но имеющий прямое отношение к нему.

Я находился в командировке в Марокко. Шли съёмки документального фильма об этой североафриканской стране. Мы исколесили её вдоль и поперёк, оставалось поработать на столичных объектах Рабата. Я жил отдельно от киногруппы у моих московских друзей.

Вечера мы коротали на широком балконе, утопающем в экзотической растительности. И баловали себя винтовой «Столичной», селёдкой и бородинским хлебом, регулярно доставляемыми с диппочтой со Смоленской площади. Под конец очередных посиделок я включил стоящий на подоконнике транзистор, настроенный на радиоволну «Маяк». Как по мановению волшебной палочки, из динамиков заструился щемящий душу голос Булата Шалвовича. Он пел знаменитую «Виноградную косточку...». Много раз слышанная, вселившаяся в плоть с нюансами, в данной ситуации, на чужбине, она произвела ошеломляющее действие. Сейчас, сию минуту, немедленно захотелось сорваться с места и, не чувствуя ног, помчаться в сторону своего дома.

А ведь в те времена мы жили в большой, сильной и дружной стране. И о ностальгии знали понаслышке, так как не покидали страну надолго, а тем более навсегда.

Потом всё круто изменилось, рухнуло. В Грузии сепаратисты и их покровители раздули этнические конфликты. Не желая втягиваться в эти унизительные разборки, рискнул поехать ненадолго к дочери в США, где она училась в престижном Католическом университете Гонзага.

Увы, этот визит растянулся на целых пятнадцать лет. А неведомое когда-то чувство тоски по Родине, то притупляясь, то вспыхивая с новой силой, заняло в сознании главенствующее положение.

Недавно, переживая очередной приступ ностальгии, я смот ещё раз и очень явственно воспроизвести в памяти ощущения, вызванные тогда булатовской песней. А итогом «телепортации» стало небольшое посвящение любимому поэту, которое я рискнул опубликовать на этих страницах.

НОСТАЛЬГИЯ В МАРОККО

Бирюзовой волной соблазнённым пловцом
Утонул, захлебнувшись садами Рабата.
Так поэт с характерным грузинским лицом
Каждый день умирал в переулках Арбата.
Я стоял под навесом африканских чинар,
Виноградную косточку пряча в ладони,
А в надрывных аккордах андалузских гитар
Вдруг услышал далёкие всхлипы Риони.
Мы не возим с собой горсть родимой земли,
Это правило вышло из моды...
Но опять позовут нас домой журавли,
Не путаясь нелётной погоды.
Синий буйвол подставил витые рога,
Распустила косу черноокая Дали.
И форель золотая и белый орёл
До отцовских ворот проводить предлагали.
Они были мне ближе замужней сестры
И намного дороже утрюмного брата.
Вдоль дороги печально стояли кресты,
Освещённые духом и словом Булата.
Мы не возим с собой горсть родимой земли,
Это правило вышло из моды...
Но опять позовут нас домой журавли,
Не путаясь нелётной погоды.

КАЛЕЙДОСКОП ВОСПОМИНАНИЙ

Несмотря на то, что первая биография Булата Окуджавы уже написана и напечатана, далеко не все обстоятельства и факты его жизни детально изучены и документально подтверждены, вследствие чего остаются неизвестными. Быстротечное время стремительно сужает круг людей, близко знавших поэта. К тому же лишь немногие оставили мемуары о связывавших их отношениях, об общении с ним. Именно поэтому опубликованные в прессе и Интернете даже фрагментарные воспоминания современников о встречах, публичных выступлениях, высказываниях поэта важны для исследователей.

Эти так называемые «значимые упоминания», не попадая из-за своего небольшого объёма в тематические библиографические списки работ о писателе, тем не менее представляют несомненную ценность. Они не только позволяют подтвердить или дополнить наши знания об известных событиях жизни и творчества Мастера, но иногда помогают по-иному взглянуть на известные факты. Они могут быть полезны и для комментирования и уточнения датировки называемых в них произведений, порой раскрывают обстоятельства их создания.

В первом выпуске альманаха уже была напечатана подобная подборка материалов за 2001–2002 годы*. В настоящую публикацию вошли другие мозаичные воспоминания об Окуджаве и его творчестве за годы 1986–2010. Однако, на наш взгляд, более важна не дата их первой публикации, а их содержание, охватывающее разные периоды жизни писателя.

Михаил ТАЛЬ

...Случай — пожалуйста, и смешной и грустный одновременно, и связан с другим моим любимым бардом — Окуджавой. Мы выступали вместе, он в первом отделении, шахматисты — во втором. И вот во время выступления Булата Шалвовича среди массы доброжелательных и прекрасных вопросов пришла такая провокаторская записка: «Тов. Окуджава, вот вы всё за мир,

* См.: Мнения. Оценки. Факты. Легенды: По материалам печати / Сост.: А. Крылов, В. Юровский // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 305–337.

а если война будет... сколько можно о мире говорить?» Видно было, каких трудов стоило Булату Шалвовичу сдержаться, он побелел весь, но спокойно ответил, что он воевал и знает, что это такое, и поэтому будет ненавидеть войну всегда... Антракт, второе отделение. Выступаю я. Что-то там о Фишере шла речь, где-то он отказался выступить, где-то неудачно сыграл, писал о том, что все в этом виноваты — в общем, я об этом говорил, и по ходу дела, вспомнив первое отделение, сказал: «А мы рукой на прошлое — враньё, а мы с надеждой в будущее — <свет>...». Приходит новая порция записок, и там вопрос: «Товарищ Таль, не кажется ли вам неуместным, говоря об американском шахматисте, цитировать Пушкина?» <...> Эту записку я потом подарил Булату Шалвовичу...

*Таль М. Воздух перемен — прежде всего воздух честности
/ С гостем беседовала Е. Михайлова. Даугава. Рига, 1986.
№ 11. С. 110*

Валентин НИКУЛИН

...Однажды, теперь уже, наверное, лет 15-20 тому назад, в одной из моих (тогда — довольно частых!) встреч с Булатом Окуджавой я спросил поэта: «Александр Матросов, Виктор Талалихин, капитан Гастелло и т. д. — это героизм, это — подвиг! Да??? Ну, это понятно: война!!! Но вот уже четверть века мы, слава богу, живём без войны... А сегодня что? Когда выдаёшь “на гора”?! Да? Это — подвиг, это героизм? Ну, во всяком случае, нам ежедневно твердят, что это именно так?!»

Поэт улыбнулся (не без оттенка грусти): «А тебе никогда не приходило в голову, что уцелеть в этом (мягко выражаясь!) неоднозначном мире, при этом сохранить себя, положить на “алтарь нравственности” все силы души, чтобы (в основе своей, в стержне) не изменить себе, остаться самим собой и творчески, и, тем более важно — человечески, — это, да-да, именно это и прежде всего это — героизм, это в наше время должно расцениваться как подвиг?!»

Встречный вопрос Булата однозначен и всегда существует во мне как единственно возможный (для меня) ответ, ответ утвердительный, а точнее — принцип существования!

Конечно, конформность — это проще, легче, удобнее в конце концов. Но это количество. Это, знаете, как в боксе: набираешь «по очкам» — это количество. Но ведь существует нокдаун,

а ещё хлеще — нокаут! Это уже качество. В нашем разговоре с поэтом имелась в виду — личная качественность!

*Собираем альбом автографов: Валентин Никулин
// Моск. правда. 1990. 2 нояб. С. 3*

Елена ЛЬВОВСКАЯ

...Как только что-нибудь заметное в поэзии появлялось, в том числе в авторской песне, — он [поэт М. Г. Львовский] моментально своим длинным носом это улавливал. Когда Окуджава в первый раз в Лаврушенском переулке у Марка Кушнеровича, где собралась небольшая компания поэтов и людей, любящих поэзию, спел «Синий троллейбус», «Из окон корочкой несёт поджаристой...» — в общем, первые свои песни, Михаил Григорьевич, я помню, объяснял ему, какие у него гениальные песни, — что это выходит за рамки обычного, что у него — большое будущее. А у Окуджавы при этом было в глазах: «Да ну, ничего этого не будет! Не может быть! Что это? Подумаешь!»

Львовская Е. К. «А Высоцкого я первый раз увидела...»: [Фрагм.] / Записала Л. Симакова // Вагант. М., [1996]. С. 11. (Прил.; № 40)

Андрей СИНЯВСКИЙ

— Из Ваших выступлений можно сделать вывод, что во всём, что происходит сегодня в России, виновата интеллигенция. Не слишком ли большую вину Вы ей вменяете?

— Во многом из-за собственной боли я говорю сегодня о российской интеллигенции. Ельцин расстрелял «Белый дом» никого не спрашивая. Он «как бы заставил» всех его уговорить. А кто «уговорил» Ельцина? Оказывается, академик Д. Лихачёв, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава. Это же мои друзья! Представляете, как мне больно!

Булат Окуджава как-то приехал в Париж, мы встретились, поговорили. Я вам пересказываю его слова: «Конечно, в России никакой демократии нет и, может, никогда и не будет, но я за Ельцина по двум причинам: меня печатают, и я могу ездить на Запад, давать концерты и прирабатывать». Я очень хорошо отношусь к Окуджаве, люблю его как человека. Но представьте себе Льва Толстого, который бы сказал: «Я поддерживаю царя потому, что он мне не мешает. Его цензура меня устраивает, он мне позволяет ездить по миру». Немыслимо для интеллигенции так заявлять! Ведь чуть ли не с песен Окуджавы начались диссиден-

ты... А сейчас интеллигенция хоть и не поддерживает войну в Чечне, но всё равно кровь льётся...

*Синяевский А., Розанова М. Вечные оппозиционеры
/[Беседовал] В. Полупанов // Аргументы и факты. 1996.
Март (№ 12). С. 3*

Виктор ЕРОФЕЕВ

— А вы способны на великодушие? Скажем то, что некоторые уважаемые авторы, включая Трифонову и Окуджаву, отказались участвовать в «Метрополе», вы сумели оправдать?

— Каждый решал самостоятельно. Трифонову запретили бы печататься, что для него было бы смертельно. У Петрушевской нашлись иные уважительные причины. Окуджава сказал: «Что же я буду единственным членом КПСС между вами, беспартийными?»¹. Нет никаких обид. Мы же не призыв в железный батальон проводили. Правда, согласись Окуджава, возможно, мы и победили бы. Нам не хватило пары известных имён, на которые не поднялась бы рука у идеологов ЦК. Но что сегодня об этом говорить?

Для себя я понял, что писатель должен сделать в жизни хотя бы один шаг, последствия которого не предсказуемы.

*Ерофеев В. Мужчина Виктор Ерофеев
/[Беседовал] А. Ванденко // Новые Изв. 1998. 15 апр. С. 7*

Светлана БУНИНА, адвокат

— Раз уж мы с вами заговорили о замечательных людях, расскажите об Окуджаве.

— Помню, в Политехническом был вечер Жени Евтушенко. Завтра его «Бабий Яр» должен был выйти в «Известиях», а сегодня он не имел права читать его, но он прочёл. У нас с Буниным билетов на этот вечер не было, и нас провели куда-то... чёрт его знает, вроде оркестровой ямы. И там оказался и Окуджава, тоже без билета. Мы ещё не были с ним знакомы. Когда Евтушенко кончил читать, в зале была такая тишина — я, наверное, такой никогда не слышала. И никто не аплодировал. А Евтушенко стоял и держал себя за свитер двумя руками, как будто

¹ Иные мнения на сей счёт, а также истинную причину неучастия Окуджавы в альманахе «Метрополь» см.: Крылов А. Цена вопроса // Грани. № 239. Париж, 2011. С. 6–15. — *Ред.*

боялся упасть. Зал молча встал. И плакал. И мы в этой дурацкой яме тоже встали и держались, обнявшись, потому что стоять там было невозможно. Евтушенко задали вопрос, кого он считает лучшими поэтами современности. Он сказал: Ахмадулину, Вознесенского и Окуджаву. Окуджава дико смутился, закрыл лицо руками и так сидел.

Я всегда была влюблена в него как в поэта и барда. Когда я с ним познакомилась и подружилась, я поняла, что основная его черта — скромность. Он был невероятно стеснительным и стопроцентно честным. Я всегда рядом с ним чувствовала себя человеком недостойным.

*Бунина С. Защита Буниной / Записала О. Богуславская
// Моск. комсомолец. 1999. 5 марта. С. 3*

Пётр ВЕГИН

...И вот мы сидим большой компанией в конференц-зале журнала, собираясь ехать на большой литературный вечер в Центральный Дом Советской армии. В те времена ещё не вышел приказ, запрещающий чтение «Юности» в рядах Советской армии.

Меня, как самого молодого поэта, взяли, как говорится, для раскочки зала, для разогрева. Арканов, Горин, Ахмадулина, Мориц, всех уже не упомянуть — кого только редакция не пригласила для участия в этом вечере! И конечно, Евтушенко.

Уже за несколько минут до нашего отъезда в конференц-зал влетел Булат Окуджава, с тех пор всегда напоминавший мне скворца — чистого, свирельного, одиноко отсвечивающего своим оперением на солнце.

— Ребята, — вскричал он, — у меня родился сын!

И начал всех подряд обнимать. Обняв меня, он вдруг, не расставаясь со счастливой улыбкой, спросил:

— А ты кто? И чего такой смуглый, цыган, что ли?

Я назвался и ответил, что у меня отец — армянин, а мама — русская.

— Здорово! А у меня мама армянка... Сын, представляешь, сын! Кстати, ты не мандражируй, садись рядом со мной, всё будет хорошо...

*Вегин П. Опрокинутый Олимп: Роман-воспоминание.
М.: Центрполиграф, 2001. С. 286–287*

Александр МИТТА

...Первым моим фильмом был «Друг мой, Колька». До этого я работал ассистентом Льва Кулиджанова и Якова Сегеля на картине «Дом, в котором я живу». Был скорее практикантом, зарплату не получал: приходил и уходил когда хотел. Смотрел, как строят мизансцены, как играют знаменитые актёры. Честно говоря, я такого ассистента выгнал бы через два дня! На съёмках я познакомился с Жанной Болотовой, пятнадцатилетней дебютанткой. Очаровательную девушку отыскиали в одной из московских школ. У её отца, Героя Советского Союза, дипломата из выдвиженцев, была огромная по тем временам квартира, нам, жившим в коммуналках, она казалась сказочной. У Жанны вечно сидели в гостях её поклонники. Чаще всего там можно было застать одного кудрявого паренька, который, приехав в Москву из Калуги, работал редактором в «Молодой гвардии». Он был влюблён в Жанну и по вечерам пел под гитару песни собственного сочинения. В то время это было диковинкой — о бардах ещё не слышали.

Эта дружба — молодых людей и юной девушки — была целомудренной, очень похожей на отношения девятнадцатого века. Интересно, что приходиться с цветами в гости тогда не было принято. Верхом галантности считалось достать и притащить шоколадный вафельный торт или конфеты «Мишка на Севере!» Мы сидели в Жанниной комнате (предел мечтаний каждого студента!), она угощала нас чаем, заваренным её мамой. Мы пили водку, кто-то курил...

В Доме кино, который был тогда на Поварской, перед сеансом, как правило, устраивали импровизированный концерт. Выступали интересные люди: поэты со стихами, дрессировщики с рассказами о своих обезьянах, врачи — с лекциями о сложных операциях. В один из таких вечеров в Доме кино выстроилась очередь на английскую комедию «Мистер Питкин в тылу врага», которую впервые привезли в Москву. Перед фильмом мы вытолкнули на сцену нашего протеже с гитарой. За кулисами наша компания заранее предвкушала грандиозный успех: «Ну, сейчас мы всех уложим!» После первой песни зал замер в полном недоумении — это не было похоже на привычные бравурные песни про комсомольские стройки и прочие успехи социализма. Парень начал вторую песню, и вдруг кто-то из зала ему крикнул: «Молодой человек, вы перепутали! Это вам не рес-

торан!» Он растерялся: «Мне что, уйти?» — «Уходите-уходите!» И его выгнали со сцены. Лёшка Салтыков рвался в зал подраться, но мы его не пустили. Потом с горя пили в ресторане, почём зря ругая этих болванов. Молодой человек сидел очень расстроенный своим первым выступлением. Звали его Булат Окуджава. Больше в Доме кино он не выступал. Только раз, лет через двадцать пять он вышел на сцену Дома кино уже на Васильевской улице (это был чей-то творческий вечер) под шквал аплодисментов и сказал: «В этом зале меня когда-то освистали...» Кто-то с места закричал: «Не в этом, не в этом зале!» Он обвёл зал глазами: «А люди-то те же...» Спел одну песню и ушёл.

Когда я стал снимать свою первую картину «Друг мой, Колька», я решил вставить в фильм песни этого калужского парня. Две песни наверху сразу же выкинули, а про третью сказали: «Пусть поёт, только музыку композитору закажите». Тогда всё должно было быть по правилам: если поэт — пиши слова, если композитор — музыку. И ни-ни мешать! Музыку мы заказали композитору Льву Шварцу, он всё никак не мог выговорить фамилию Окуджава и называл его по-японски — Окинава. Кстати, он поступил с музыкой Булата очень деликатно, изменив всего две ноты. Но в титрах было написано, как положено: музыка Шварца, слова Окуджавы.

*Митта А. «Мои приятели вместо цветов
вручили невесте по веннику»*

/ Беседовала И. Зайчик // Караван историй. 2003. № 6. С. 22–23

Галина АГРАНОВСКАЯ

...На старой картонной коробке с плёнкой, записанной на магнитофоне «Тошиба», Толиной рукой — «Мишка, Булат». Это у нас дома единственный раз сошлись Булат, Миша [Анчаров], Толя [Аграновский]. На другой плёнке — Галич, Анчаров, Толя. Два раза, по просьбе Булата, Миша спел: «Тихо капает вода, кап-кап... Между пальцами года просочились, вот беда, между пальцами года кап-кап...»

*Аграновская Г. Пристрастность: Воспоминания.
М.: Радуга, 2003. С. 171*

Виктор МАСЛОВ, математик

Аннь [жена В. Маслова, вьетнамка, дочь Ле Зуана] умерла во время родов Антона. В те дни на помощь пришла мама Булата

Окуджавы Ашхен. До войны я одно время жил у них, в квартире на Арбате. С моей мамой они были как сёстры. Ашхен даже своего младшего сына назвала в честь меня — Виктором. И вот тогда она приехала сюда, на дачу, занималась хозяйством, готовила...

*Маслов В. Ошибка Нобеля / [Беседовал] С. Феклюнин
// Моск. комсомолец. 2003. 22 дек. С. 12*

Евгений БАЧУРИН

— <...> С кем ещё из бардов вы дружили?

— Я хорошо знал Булата Окуджаву. Он первый меня как бы толкнул на это дело... Он уже был знаменитостью. Это был 68-69-й год. И был он у меня в мастерской на улице Чаплыгина. А потом он был на моём дне рождения и поднял бокал в мою честь, и я спел «Сизый, лети, голубок...» Он поднял бокал за эту песню, сказав, что песня лучшая за последние двадцать лет. Уникальная, удивительная песня. И я помню, что ездили мы с ним к Гердту, где Гердт меня записывал. Не знаю, что из этого получилось, но у Окуджавы был порыв. Как и у других некоторых потом был. Но из порывов ничего не выходит. Порывы — они рвутся, как паруса. Нужна работа машины, постоянная работа... Да. На шторме мало что сделаешь. И Окуджава мне даже, помню, и звонил, и по поводу этой знаменитой моей песенки: «Бежит ручей, и он ничей...» И он мне позвонил и сказал: «Слушай, как там у тебя рассказано, я помню мне так понравилась эта песня, в мастерской было на Чаплыгина... Там у тебя была такая строчка про хлеб...» Я говорю: «Какой хлеб?» Он говорит: «Напомни текст...» Я начинаю читать текст:

Бежит ручей, и он ничей,
у берегов твоих очей...
Напьёшься однажды
погибнешь от жажды.
Течёт ручей с твоих плечей,
и нет ни дней и ни ночей.
Лишь облачко в небе,
да дырочка в хлебе...

Окуджава тут восклицает: «А, чёрт возьми! Вот это замечательно — “дырочка в хлебе”!»

*Бачурин Е. Под стакан и в трамвае / Беседовал Ю. Кувалдин
// Независимая газ.: НГ Ex libris. 2004. 22 апр. (№ 15). С. 2*

Николай ПАНЧЕНКО

...После венгерских событий 1956 года власти везде, и прежде всего на местах, начали искать внутренних врагов — среди журналистов, писателей, в общем, среди гуманитариев. Ну а в Калуге таким врагом № 1 считалась газета «Молодой ленинец», где я был главным редактором и в которой Булата Окуджаву мне удалось, несмотря на то, что его отец был расстрелян как враг народа, сделать заведующим отделом пропаганды, и, надо признать, очень боевым заведующим.

Когда же за нас взялись всерьёз, Булата в Калуге уже не было, поскольку я его с общего благословения выпроводил до всех наших неприятностей. Ведь было понятно, что как сын врага народа он первым окажется под ударом. В 1956 году Булат переехал к маме, которая получила квартиру в Москве. В Калугу вместо себя <он> прислал Володю Максимова, чтобы тот посмотрел, как тут у нас дела, не надо ли куда-нибудь и меня спрятать. Володя приехал, мы с ним подружились, он был решительным, мужественным, остроумным человеком.

Перед отъездом он спросил: «Коля, а ты печатался в “Литературной газете”?» Я сказал, нет, не печатался. Тогда он и взял мои стихи, которые Булат, заведовавший тогда уже отделом поэзии в «Литературке», напечатал. И право слово, за них мне и сейчас не стыдно. <...>

— *И в конце концов вы вернулись в Калугу, стали выпускать с Романом Левитой <й> знаменитые «Тарусские страницы».*

— Это был настоящий прорыв в литературном процессе. На этих страницах к читателю пришли — кто-то впервые, кто-то на совсем новом качественном уровне, кто-то после многолетнего забвения — Казаков, Заболоцкий, Трифонов, Коржавин, Слуцкий, Корнилов, Цветаева, Окуджава, Самойлов, Максимов, Балтер и многие другие.

— *Это всё были ваши друзья?*

— Имейте в виду, что вроде бы всё как сейчас: своя тусовка. Совсем не так, потому что старались мы не для себя и не для того, чтобы помочь друг другу напечататься, а для общего дела, для литературы. И публикация повести Окуджавы «Будь здоров, школяр» — этапной для его творчества — стала потом одним из главных пунктов обвинения «Тарусских страниц». А сами мы в результате такой взаимопомощи ничего не имели, лишь выговоры. С работы нас гнали.

А что касается дружбы, то, конечно, благодаря общим целям она только крепла, превращая нас в коллектив единомышленников. Многие тогда впервые встретились в Тарусе и уже не расставались никогда, а «Тарусские страницы» продолжались «кухней» Надежды Яковлевны Мандельштам, кстати, прологом к её замечательным книгам послужила её первая печатная публикация в альманахе под псевдонимом Н. Яковлева.

*Панченко Н. Рождённый солдатом не уходит в запас
/ Беседу вёл П. Нуйкин
// Лит. газ. 2004. 26 мая — 1 июня (№ 20–21). С. 14*

Новелла МАТВЕЕВА

— <...> *Вы поддерживаете сейчас отношения с бардами?*

— Меня барды почему-то не любят.

— *Почему? Вы же у них — знамя!*

— Значит, они ненавидят своё знамя. Я слово «барды» не люблю и называю авторов песен «полигимники». Я и себя отношу к полигимникам. От слова «Полигимния» — муза песнопения.

Сегодняшние молодые полигимники говорят о нас, старших, так: первым, мол, песни под гитару стал петь Визбор, вторым... не помню кто... Я где-то у них занимаю четвертое место — в лучшем случае. А между тем Булат Шалвович, которого они очень любят и цитируют постоянно, заметил: «Первой в руки гитару взяла Матвеева». Окуджава это знал и это отмечал. <...>

— *А каким песням сейчас время? Попсе? Бардовской песне, которая основывалась на прочных стихах?..*

— Иногда на прочных стихах! Тот же Городницкий создал песни, которые и сейчас можно петь. Думаю, здесь же — некоторые песни Окуджавы. Хотя я, как Собакевич, не полностью признаю классиков, но «Моцарт на старенькой скрипке играет...» Окуджавы или «У Геркулесовых столбов...» Городницкого будут петь в новом веке.

*Матвеева Н. «Я — ходячий детектор лжи»
/ Беседовал А. Щепкин
// Полит. журн. 2004. № 37 (11 окт.)
<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=54&tek=2397&issue=71>*

Бенгт ЯНГФЕЛЬДТ, шведский славист

— ...А в 1978-м Бродский приехал в Швецию читать стихи. Переводов было очень мало. И тогда он попросил нескольких славистов, в том числе и меня, перевести его стихи на шведский, для выступления.<...> Я перевёл ему тогда «Одиссей Телемаку». И мы выступили вместе: сначала я читал его стихи по-шведски, потом он сам — по-русски.

Бродский был очень доволен моим переводом, потому что я сохранил структуру и ритм стиха, а это было для него очень важно. Чуть позже он выступил с моей женой, Еленой. Елена — певица, довольно известная, и она пела романсы на его стихи. Но это — отдельная история. Бродский дал ей стихотворение, чтобы она сочинила на него музыку. Моя жена немного сочиняет. Со своими романсами она даже выступала на канале «Культура», Швыдкой её представлял... Так вот, Бродский выдал ей стихотворение, совершенно неизвестное, написанное им в 1965 году, и попросил сочинить к нему музыку. Стихотворение называлось «Песенка о свободе», было посвящено Окуджаве и никогда до того не публиковалось. Он сказал Елене: «Сочините на него музыку» — редкий случай, ведь он не любил, когда пели его стихи, считал, что это затемняет их смысл и текст с трудом доходит до слушателя.

— Я слышала о том, что Бродский не очень любил, когда стихи его перекладывали на музыку...

— Не то чтобы не любил — ненавидел просто! Но тут он сам попросил мою жену, так как знал её романсы на стихи Мандельштама и Цветаевой. Елена специально поехала в Москву и выступила с этой песней. После этого наши отношения потеплели.

Янгфельдт Б. «Он дал нам свой адрес на прощанье — написал его на бирке от багажа» / [Беседовала] Г. Садых-заде
// Газ. 2004. 29 сент.

<http://www.gzt.ru/rub.gzt?id=64050700000030405>

Олег ЦЕЛКОВ

— Вы дружили и с Бродским и с Евтушенко, который называет вас своим ближайшим другом. Сам он помогал всем на свете, но мало от кого получал благодарность.

— С Евтушенко и с Бродским у меня была не то чтобы дружба, мы просто часто встречались и относились друг к другу с симпатией. Женя жил на «Аэропорте», я в Тушине, а «Сокол»

и «Аэропорт» рядом. А так как я большой любитель был и выпить, и просто побродяжничать, то часто к нему захаживал, а он летом часто приезжал ко мне на канал купаться.

Вот одна сценка. Я живу в квартире с родителями и сестрой. В восемь утра — я сплю, мать с отцом собираются на работу, на завод, — раздаётся звонок. И ко мне в комнату, где я лежу в постели, вваливается следующая компания: Евтушенко, Аксёнов и Окуджава. И какая-то японка, студентка-славистка. Белла Ахмадулина вошла позже — под утро они поехали с какой-то вечеринки на канал купаться, Белла купалась прямо в платье и пришла к моей маме, чтобы та дала ей что-нибудь сухое. При этом они сразу же вытащили три или четыре бутылки вина, потребовали стаканы, и, лёжа в постели, я в полном смысле слова принял на грудь. Меня подняли, мы все влезли в Женин «Москвич», один на другого, и куда-то поехали. Окна были задёрнуты. Когда мы проезжали мимо милиционера, Вася Аксёнов громко запел «Хотят ли русские войны?». На всякий случай, чтобы, если милиционер остановит нашу машину, он знал, кого останавливает. Когда мы подъезжали, первым свалился Окуджава, сказал: «Я, ребята, старый и больной — отпустите меня домой!» Его отпустили. Потом мы поднялись к Жене, где Женя свалился с ног, просто заснул. Я его редко таким видел. И тогда я, Вася и Белла пошли добавить в какую-то столовую, где Белла закурила. Было одиннадцать утра. К ней подошёл какой-то человек и сказал, что здесь курить запрещено. На что Белла не обратила никакого внимания. Тогда он у неё вытащил сигарету, разразился какой-то скандал, их увели в милицию, а я остался один. Но Белла там познакомилась с милиционером, который потом всё время приходил к Жениной жене Гале и Белле — они жили рядом — выпивать.

Целков О. «Целков — ты гений!» / [Беседовал] В. Алексеев

// Независимая газ. 2004. 22 окт.

http://www.ng.ru/saturday/2004-10-22/13_tselkov.html

Юрий КУКИН

Встретившись с Юрием Кукиным, мы не удержались от слов восхищения. Мол, его песни, как никакие другие, умели передать умонастроенные соотечественников. И «Гостиница», и «Париж», и «За туманом»...

— «За туманом» — плохая песня, — оборвал наши восторги бард.

— А?

— Окуджава её ненавидел. Он мне сказал: «Юра, больше никогда не пиши туристских песен». Я и не писал. Она у меня одна такая. <...>

— Зато «За туманом» и «Париж» (одновременно) победили на конкурсе авторской песни. Давайте рассказывайте о своём триумфе.

— Я никогда не участвовал ни в одном конкурсе и этот тоже пропустил — был в экспедиции. Приезжаю — звонят из ДК им. Кирова: ждём вас на концерт победителей. Прихожу. Вот там я впервые увидел Окуджаву. Он сидел в ложе и спал под туристские песни. Пелось что-то бодрое, про путешествия: «Стометровую ель поцелую в снежную ладошку», о Геркулесовых столбах, о Соловецких островах и так далее. Ну и я вышел, кое-как сбавил «За туманом». Хлопают. Спел «Париж» — хлопают ещё больше. Дай, думаю, спою «Город». А «Город» — песня умная, вроде как с подтекстом. Спел — в зале овация. (Вот тут, мне рассказывали, Окуджава проснулся.) Тогда я обнаглел и выдал «Сказочника» — она философская да ещё с намёками на разные дела. Здесь вообще в зале поднялась буря. Под бурю я расклялся и ушёл.

Вдруг за кулисами появляется Окуджава — со свитой, глаза горят, направляется ко мне: «Изумительно, замечательно! Ведь это не песня — это стихи. Где ты научился их писать?» — «В джазе, — отвечаю. — Я там играю на барабане». Его прямо передёрнуло. «Слава богу, — говорит, — ничего у тебя от джаза не осталось». Я обиделся: как не осталось? Да мне джаз, может быть, нужен не меньше, чем вся поэзия вместе взятая.

Правда, скоро моя обида улетучилась. После концерта Окуджава вышел на сцену и сказал следующее: «Мне понравились мужественные стихи Городницкого, ассоциативность Клячкина. Но больше всего меня поразили песни Кукина. Песни сложные — а публика их хорошо понимает. Как выросла аудитория! Нам было труднее». Этими словами он произвёл меня в голые короли. Я самую плохую песню напишу — никто не смеет сказать, что она плохая. Значит, аудитория не доросла, раз меня благословил Окуджава. <...>

Когда говорят, что бардов травили, это ложь. Нас просто замалчивали, нам не давали площадок. Но мы их находили сами — лес, студенческое общежитие. И это во всех городах. Если

случался скандал, попадало не нам, а тем, кто устраивал наши концерты. Мы уедем — и кого-то выгоняют из партии. Да, нас не пускали на радио, телевидение. Но, как сказал Окуджава, бардовское движение родилось в результате технической революции. Появился новый канал информации — магнитофон. Слушать песни не запретишь, да? Правда, за распространение могли и посадить. Мой приятель-геолог отсидел семь лет — его арестовали дома, когда он переписывал песни Галича.

Кукин Ю. *«Я уже лет двадцать никого к себе не пускаю»* / [Беседовала] Е. Евграфова // Водяной знак. 2004. Дек. (№ 12) <http://www.vodyanoznak.ru/magazine/20/409.htm>

Эдуард ЛИМОНОВ

— *Теперь, с вашего позволения, хотелось бы поговорить о культуре вообще. Что такое, с вашей точки зрения, представляет собой современная российская культура?*

— ...Сейчас — эпоха таких социальных сдвигов и такого общественного беспокойства, что большинству нет дела до искусства, а возможно, какие-то великие произведения сегодня и созданы, бог его знает... Я так, навскидку, не вижу ничего интересного, более того, мне кажется, что литература распалась на небольшие коллективы и компании, которые регулярно друг другу дают премии, постоянно друг друга восхваляют. Недавно (*иронично*) Россия праздновала 80-летие Булата Окуджавы. Я ничего против него не имею, но когда Окуджаву на каждом шагу называют великим и гениальным... (*пожимает плечами*). Это, безусловно, завышенная оценка его творчества. Он был достаточно популярен в своё время, его поколение его любило, он талантливый человек, но ни по каким стандартам личность Булата Окуджавы не имеет отношения к гениальности. Даже жанр, который он избрал, не является главным, магистральным в культуре. Работать в этом жанре значит изначально обречь себя на восприятие лимитированным количеством людей. Его исторические романы тоже не являются замечательными произведениями искусства... (*протирает очки*) Каждый день слышишь: умер великий кинематографист, великий актёр, великий учёный! Я как-то печально смотрю на всё это и думаю: а зачем столько ненужного пафоса, зачем столько лжи? Я не вижу великих имён! Я вижу только профессионалов! Умирают люди. Да, нужны некрологи, но не надо пыжиться, все усопшие деятели

искусства — не Гёте. Даже оценки наших романистов XIX века сильно завышены.

Лимонов Э. Писатель в поисках героев / Беседовала Е. Кутловская
// Полит. журн. 2005. 14 марта (№ 9)
<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=55&tek=3082&issue=93>

Александр РЕКЕМЧУК

18 ноября 1994 года группа писателей, среди которых были и мы с Булатом Окуджавой, посетила Бориса Ельцина. Мы, группа демократов, обратились к главе государства со словами крайней тревоги по поводу того, что Россия дрейфует к фашизму и что в канун пятидесятилетия Победы нужно что-то предпринимать для того, чтобы остановить это сползание. Я должен сказать, что всё это не только начиналось. Хотя, если сравнить с сегодняшним днём, то можно и так считать.

Ельцин не был готов к тому разговору. Тем не менее, он отреагировал без консультаций со своим аппаратом — администрацией и помощниками — мгновенно. Он разделил нашу тревогу и уже через несколько дней произошли такие события: был издан Указ президента о борьбе с экстремизмом и фашизмом — ныне действующий, а точнее — по-прежнему бездействующий. Тогда же был сформирован оргкомитет Антифашистского конгресса во главе с академиком Александром Николаевичем Яковлевым. <...>

За два месяца до празднования пятидесятилетия Победы нас пригласили в Кремль, в администрацию президента, и сообщили, что оргкомитет распущен. Объяснили, что для проведения конгресса нет финансовых средств. В более неофициальной обстановке объяснили, что идеи антифашизма не пользуются поддержкой в народе. При этом передали фразу Ельцина: «Сейчас не время», — сказал он. А мы видели, как после того нашего разговора 18 ноября 1994 года Ельцин, озабоченный, куда-то ушёл с половины банкета. И вместо борьбы с фашизмом через несколько дней началась война в Чечне. Вот почему было не время.

Рекемчук А. [Из выступления на пресс-конференции Моск. бюро по правам человека «Почему в России не побеждён неонацизм?»
4 мая 2005 г.]

// БАБР.RU-Сибирь. Иркутск, 2005. 12 мая
<http://www.babr.ru/index.php?pt=news&event=v1&IDE=21596>

Марлен ХУЦИЕВ

— Как возник знаменитый вечер поэтов в Политехническом — с вдохновенными Ахмадулиной, Евтушенко, Окуджавой, Вознесенским?..

— В первом варианте я снял сцену как-то поспешно во Дворце культуры Энергетического института. Были, по-моему, Евтушенко, Рождественский... А когда Фурцева утвердила две серии, захотелось снять большой вечер поэтов. Жил я тогда на Покровке, шёл мимо Политехнического, увидел объявление «Дискуссия о молодёжи». И, попав в эту историческую аудиторию, понял: «Вот где надо снимать». Эти вечера мы сами организовали, напечатали билеты: «Приглашаем на вечер поэтов». У нас не было средств на большую массовку...

*Хуциев М. Время само проступает на экране
/[Беседовала] Л. Малюкова // Новые Изв. 2005. 3–5 окт. С. 24*

Наталья РЯЗАНЦЕВА

Мы [с Г. Шпаликовым] познакомились с Сергеем Александровичем Ермолинским в мае 1961 года в Гаграх. <...>

Весенние Гагры не располагали к работе, на каждом углу продавалось местное дешёвое вино, начинался пляжный сезон, и кажется, из всего писательского дома один только Булат Окуджава оправдывал название Дом творчества — сидел в заточении и что-то писал. Но вечером удавалось его сманить, и он нам пел, долго настраивая чужую гитару: «Море Чёрное, словно чаша вина, на ладони моей всё качается...» Это была новая песня, только что написанная, остальные — их было тогда немного — мы знали, но готовы были слушать ещё и ещё. <...>

Мешало море. Оказалось, под шум прибоя невозможно петь, а писательский дом выходил окнами прямо на пляж. Ермолинский очень любил Булата, и грузины, постоянно его окружавшие, нашли другое место для песен. Мы поднимались по тёмным тропинкам в какой-то дом с апельсиновым садом, и там, на террасе, за круглым столом, Окуджава пел всё что попросят и после каждой песни деликатно отставлял гитару и ждал, когда снова попросят, уговорят...

*Рязанцева Н. Майский день — именины сердца
// Рязанцева Н. «Не говори маме». М.: Время, 2005. С. 40, 49, 50*

Вахтанг КИКАБИДЗЕ

Я никогда не пою ни дома, ни в компаниях, так как все мои друзья поют лучше меня. Мама была певицей и стыдила меня за хриплый голос. Поэтому я всегда нервничал, когда знал, что она меня слушает. Сейчас я наконец осмелился петь песни Булата Окуджавы. Интересна история нашего знакомства. При первой встрече на каком-то приёме Булат достал из кармана маленький золотой ключик и протянул его мне: «Вахтанг, это вам. Ключи от моего сердца».

*Кикабидзе В. Юмор поможет преодолеть хаос
/[Беседовала] И. Образцова*

// Аргументы и факты. 2006. 31 мая – 6 июня (№ 22). С. 3

Михаил ЭПШТЕЙН

На совещании молодых писателей 1975 г. помню Б. Слуцкого и Б. Окуджаву, ведущих совместно поэтический семинар, куда и меня, «молодого», пригласили выступить — как критика. Слуцкий неустанно говорил, поучал, поэтически комиссарствовал — и был очень умён. Окуджава отмалчивался, а когда ему приходилось что-то изрекать, говорил невнятные и вполне тривиальные вещи, типа «хорошо», «интересно». И тем не менее чувствовалось, что он не глупее Слуцкого, просто у него другой ум, скажем так, лирический, музыкальный. Или: у Слуцкого сердечный ум, у Окуджавы — умное сердце. Вот если бы Окуджава пытался витийствовать на манер Слуцкого, а Слуцкий помалкивал бы на манер Окуджавы, в них бы сразу физиологически обнаружились бы признаки неума. <...>

Мандельштам на просьбу начинающих авторов отозваться об их скромных начинаниях обычно отвечал: «это вам присуще». И был в большинстве случаев прав, поскольку ничего, кроме «себе-присущности» большинству пишущих не присуще: и в этом оправдание как их писательских проб, так и сжатости их оценки у мастеров. Примерно то же самое имел в виду Окуджаву, когда изредка ронял что-то вроде «да», «вот как», «хм» в ответ на очередной зачитанный ему опус. Я бы даже сказал, что его реакция была умнее, поскольку мандельштамово «это вам присуще» всё-таки звучит глумливо и язвительно, то есть, перебарщивает с реакцией на предмет.

*Эпштейн М. О свойствах ума: Неумный Гоголь, мудрый Толстой, косноязычный Окуджаву, красноречивый Слуцкий
// Независимая газ.: Ex libris НГ. 2006. 16 марта. С. 3*

Дмитрий БЫКОВ

В своё время автор этих строк допытывался у Окуджавы — страдание, оно возвышает или портит? Окуджава пожал плечами и ответил в своей парадоксально-азбучной манере: возвышающее страдание возвышает, унижительное — унижает... Стоять в очереди, скандалить с начальством — унижает, несчастная любовь — возвышает; штука не в том, добавил гений, чтобы обеспечить себя сплошным счастьем, а в том, чтобы выбрать подходящие страдания.

Быков Д. Принцип Лауры // Изв. 2007. 5 апр. С. 8

Даниэль ОЛЬБРЫХСКИЙ

— ...А в школах было много преподавателей, влюблённых в российскую литературу. Они по велению души шли учиться на русскую филологию, а потом передавали свои знания и любовь к этому языку детям.

Таким образом, мы были готовы к большому событию, которое ожидало всё наше поколение, — к тому, чтобы открыть для себя, возможно, даже в большей степени, чем вы, творчество Булата Окуджавы. Это было в начале 1960-х. Тогда ещё не появились пластинки с его песнями, переведёнными на польский, и мы учили их наизусть в оригинале. Окуджава был культовым поэтом. Было невозможно понравиться девушке, если ты не мог на сплаве или в походе спеть у костра «Пока земля ещё вертится».

Когда я впервые приехал в Советский Союз — мы привезли фильм «Пепел» — я отвечал на вопросы без переводчика. А на фестивалях, на которые меня часто приглашали с фильмами Анджея Вайды, с картинами «Пан Володыевски», «Потоп» Ежи Хоффмана, меня все спрашивали, где я научился так хорошо говорить по-русски. И я всегда отвечал: «Моё поколение выучило русский по песням Окуджавы».

— *В чём секрет любви поляков к Окуджаве?*

— Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что мы хорошо знали историю. А ведь это — фундамент для взаимопонимания между разными народами, особенно соседними. Необходимо знать историю, и не придуманную, а настоящую. И только тогда можно понять друг друга, увидеть ошибки политиков, систем и взглядов, точно так же, как и национальные ошибки и изъёмы, в том числе и наши. Ведь начинать всегда надо с себя.

Польская литература, во всяком случае умная литература, — Мицкевич, Словацкий, Норвид, — на которой воспитывались поляки, если у них были мудрые учителя, указывает на наши национальные недостатки. И я воспитывался в этой культуре. Поэтому мне было легко понять кино Вайды, легко игралось в польском романтизме. Это была горькая правда о своём народе, а если умеешь критично посмотреть на себя, то легче понять других. Помню, что для нас правда о пакте Молотова-Риббентропа была очевидной и мы с удивлением смотрели на учителей истории, которые избегали этой темы. Мы узнавали правдивую историю дома. И хорошо, что узнавали, потому что благодаря знанию в нас не было ненависти. Например, от немцев пострадала половина Европы. Русские и поляки пострадали больше всех. Но это не мешало нам очень быстро понять немцев. А в отношениях с русскими коммунистическая пропаганда ставила заслон. И она не помогала понять друг друга двум соседям, один из которых — меньший — чувствует двухсотлетнюю обиду на более сильного соседа. Чтобы это переломить, нужна правда и искренность. И мы ждали, что русские сами выйдут нам навстречу. Так для нас родился Окуджава. А потом — Высоцкий, который имел огромное влияние на поколение уже взрослых людей.

— *Пан Даниэль, как вы относитесь к популярному у польских политиков лозунгу: «Рассчитаться с прошлым»?*

— ...Что касается декоммунизации, я готов с этим согласиться. Да, мне бы очень хотелось, чтобы не было улиц имени Дзержинского, Маркса, Сталина, Берии и даже, я прошу прощения, если задену чувства многих русских, Ленина. Но одновременно я бы хотел, чтобы вместо улицы имени Маркса или Энгельса в Польше сделали улицу имени Герцена. Уже не говоря об улицах имени Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого — то есть людей, на книгах которых воспитывалась вся польская интеллигенция. Причём на нас они повлияли гораздо сильнее, чем на жителей других стран, я даже посмею сказать: сильнее, чем на некоторых русских.

И я, конечно, хотел бы присутствовать на открытии в Варшаве улиц, названных в честь моих друзей — Окуджавы и Высоцкого. Они давно это заслужили. <...>

Я знаю мудрых ксендзов, которых, может быть, и не большинство, но они, узнав о том, что власти собираются перено-

сить памятники, заявили, что будут ездить туда и служить мессы. А меня и моих коллег они призывают читать стихи о дружбе между народами. Например, Мицкевича — «К друзьям-москалям». Я согласен. Если польские власти, чтобы покорить неумную часть электората, будут совершать бессмысленные действия, то умные люди должны что-то делать. Не знаю, может быть, организовать фестиваль песен Окуджавы возле этих памятников...

— *Разве польская молодёжь знает имена русских поэтов? Вряд ли...*

— А вот тут вы ошибаетесь. Сейчас уже не моё поколение, а поколение моих детей организывает, например, фестивали Высоцкого.

— *В Польше есть такой фестиваль?*

— Ну конечно! Я много раз был его гостем. А моя книга о Высоцком и книги Марины Влади раскупаются моментально — вы не найдёте их на полках книжных магазинов. Каждый человек моего возраста знает наизусть «Простите пехоте» Окуджавы, да и гораздо более трудные лексически песни. Нет, это не шутки. В нашей стране эти люди — легенды. Сейчас польская молодёжь снова начинает интересоваться российской культурой. Я знаю, что всё больше студентов филфака выбирает русскую филологию.

Ольбрыхский Д. Не всё на продажу / [Беседовала] А. Рокоссовская // Рос. газ.: Неделя. 2007. 8 июня. С. 20–21

Алла КИРЕЕВА

— *Это правда, что Евтушенко с некоторой ревностью относился к успеху Рождественского?*

— Это естественно. Я не говорю, например, о Булате, потому что у него другой жанр, когда человек с гитарой выходит, это не то же самое, что стихи читать. Булат очень хороший друг, он один из немногих после ухода Роберта мне звонил, интересовался, не нужно ли чего. Но это другое поколение, он прошёл войну, он на войну старше. <...>

— *Про Рождественского принято говорить как про человека, который был лоялен к власти и за счёт этого имел возможность помогать друзьям и близким. Это так?*

— Я-то знаю, почему он пошёл в секретари СП. Ведь это была первая ступенька, которая отделила Роберта от его поколения: ему завидовали, считали, что он проданся. На самом деле он пошёл потому, что мог реально кому-то помочь. Булат говорил про него, что Роберт — один из немногих секретарей Союза писателей, не меченных злом.

*Киреева А. Роберт, не меченный злом
/[Беседовала] Н. Кочеткова // Изв. 2007. 20 июня. С. 7*

Владимир ВОЙНОВИЧ

— *В начале 1960-х вы начинаете публиковать в «Новом мире» прозу. Почему вы перестали писать стихи?*

— Когда я писал стихи, я всё время хотел писать прозу. Стихи у меня уже получались, а проза ещё нет, но я всё время пытался. И я себе сказал: как только состоюсь как прозаик, брошу писать стихи. И я их бросил и после этого двадцать пять лет не писал.

— *А почему снова к ним вернулись?*

— Случайно. 9 мая 1985 года ко мне в деревню Штокдорф под Мюнхеном вдруг без всякого предупреждения появился Булат Окуджава. Приехал и сказал: «Можно я у тебя поживу?». А я тогда жил в эмиграции, в отрыве от родины, от друзей, от близких. Я был очень тронут его приездом и тем, что он пробыл у меня некоторое время, несмотря на то, что это грозило ему неприятностями. Которые потом и случились — но не очень большие. Когда он уехал, я, взволнованный его визитом, ходил, бормотал стихи Пушкина «Мой первый друг, мой друг бесценный...», а потом вдруг написал пародию на Окуджаву. Теперь я пишу одно-два стихотворения в год.

*Войнович В. «Твардовский сказал:
“Если это — автомобиль Войновича, тогда ладно”»
/[Беседовала] Н. Кочеткова // Изв. 2007. 26 сент. С. 1, 10*

Евгений ЕВТУШЕНКО

— *Чем новая версия [рок-оперы «Идут белые снега...» Г. Мая на стихи Е. Евтушенко] отличается от первоначальной?*

— Май взял ещё новые стихи, доработал. <...> Май соединил казалось бы несоединимое. Там даже появляются гражданские мотивы. Например, стихотворение, написанное, когда

Окуджаву исключали из партии: «Простая песенка Булата // всегда со мной. // Она ни в чём не виновата // перед страной...»

*Евтушенко Е. «Стихи были написаны в разное время
разным женщинам»*

/ [Беседовала] Н. Кочеткова // Изв. 2007. 11 дек. С. 10

Анатолий НАЙМАН

В конце декабря прошлого года в помещении «Мемориала» состоялась презентация нового издания книги Евгений Гинзбург «Крутой маршрут».

Я знал её лично очень поверхностно, видел раза три, коротко говорили. Однажды Аксёнов, её сын, повёз меня к ней послушать певца Вольфа Бирмана. Бирман был восточный немец, гэдээровец, песни строил на аллюзиях, поддевал режим. Попал он к ней в дом через её мужа, тоже немца, её соллагерника. <...> Из гостей помню Копелева, известного германиста, тоже бывшего сидельца, связного между немецкой и русской культурами, а ещё — Окуджаву, Ахмадулину, нескольких других знакомых. Бирман пел пронзительным голосом, в манере артистов театра Брехта, ещё довоенного (а может, такие песни по-немецки иначе петь нельзя), Копелев переводил. Мы были не в восторге, присутствовала в этом инакомыслии какая-то как бы сверху спущенная разрешённость. Возникло впечатление, что, конечно, официоз ГДР предпочёл бы обойтись без Бирмана, но раз уж он есть, пусть служит примером диссидента, который вот, не в тюрьме, не умирает с голоду и даже выезжает за границу. Ахмадулина выразила это довольно решительно: Ваш Ульбрихт, сказала она (Ульбрихт был тогда гэдээровским коммунистом № 1, Бирман по нему прошёлся, аккуратно, но всё-таки), не достоин и самого беглого упоминания, он всего лишь муравей, застрявший в янтаре, и вообще, пусть споёт Булат...

*Найман А. Взгляд частного человека
// Еврейс. слово. 2008. 19–25 февр. (№ 6). С. 6*

Елена ВЕСЁЛАЯ

...А самым красивым мальчиком во дворе был Игорь Окуджава. Когда на экраны вышел фильм «Ромео и Джульетта», мы ахнули: Игорь был поразительно похож на Ромео — Леонарда Уайтинга. Может ли девичье сердце не затрепетать при виде настоящего принца? Принц, впрочем, был оторвой. Их кварти-

ра была прямо под нами — помню, как восемнадцатилетний Игорь, забывший ключ дома, запросто перелез через наш балкон и спустился к себе домой. И это на высоте тридцать метров над землей! Мама Игоря, Галя, очень мучилась из-за своих непростых отношений с бывшим мужем. Даже приходила к моей маме поплакать и посоветоваться. Говорила, что Булат всё хочет вернуться, умоляет её дать ему шанс... Умерла Галя внезапно, от сердечного приступа. Игорь остался один. Потом приехали бабка с дедом, но было уже поздно. Армия, наркотики, тюрьма... Последний раз я видела постаревшего и поседевшего Игоря в театре «Сфера» лет двадцать пять назад, где он пел под гитару песни отца. Булат Шалвович, отвечая как-то на записку из зала о том, что он считает своим самым большим грехом, сказал: «Судьбу моего старшего сына». Игоря уже нет в живых...

*Весёлая Е. Записки из гетто: Аэропорт и его обитатели
// Рус. жизнь. 2008. № 4 (29 февр.)
<http://www.rulife.ru/old/mode/article/560/>*

Сергей НИКОНЕНКО

...Особенно Сергею запомнилась работа в 1962 году на картине «Шурка выбирает море»:

— Кино, конечно, получилось не великое. Но место, в котором проходили съёмки, было райским. Снимали в Вилково, в устье Дуная. Чёрная икра, раки размером с лобстеров, пиво, которое мы покупали на проходящих мимо «Ракетах». Жили на дебаркадере, душ был только общий. А сами съёмки проходили на рыболовецком сейнере. К нам приехал на пару дней замученный городом Булат Окуджава и грустно так сказал: «Времени мало, но, может, напишу для вас несколько песен». Но грусть его быстро прошла, как только он оказался на съёмочной площадке, поел с нами саломура, увидел пейзажи. Окуджаве так понравилось, что он тут же выписал к себе жену и прожил с нами ещё месяц. Вечерами мы собирались у костра, варили раков, пели песни. Это был действительно подарок судьбы...

*Данилова И. Игры на выживание
// Семь дней. 2008. 10–16 марта (№ 11). С. 83*

Игорь КОСТОЛЕВСКИЙ

— ...Образ вашего героя, как ореолом, оваян изумительной музыкой романса Окуджавы и Шварца «Кавалергарда век недолог...». Слышала, что именно вы вдохновили на него Булата Шалвовича.

— Да. Дело было так. Я говорю Мотылю: «А почему кавалергард не скачет верхом?» — «Умеешь?» — «Нет». — «Ну иди научись». Я пошёл в конную школу и научился. Потом говорю: «А почему кавалергард без ромansa?» Надо заметить, что Мотыль, Окуджава и Шварц дружили, но периодически находились в ссоре. Так вот Мотыль мне отвечает: «Я разругался с Булатом. Если хочешь, позвони ему и предложи». Дал мне его телефон. А я Окуджаву знал только по его песням. Но набрался храбрости. Звоню: «Булат Шалвович, я такой-то артист, играю в таком-то фильме такую-то роль. Не могли бы вы написать к ней романс?» — «Ну расскажите мне про вашу роль». Рассказал. Окуджава велел позвонить послезавтра. Звоню. И он мне: «Игорь, вы так хорошо мне рассказали, что я всё написал». Думаю, лукавил: этот романс у него уже был.

Костолевский И. Звезда пленительного театра

/ [Беседовала] Е. Калядина

// Рос. газ.: Союз. 2008. 21 авг. С. 3

<http://www.rg.ru/2008/08/21/kostolevski.html>

Алла ДЕМИДОВА

— Современная дружба коротка. Отчего сойдясь с человеком на чужбине, мы почти наверняка знаем, что вернувшись домой, больше не увидим его?

— Не виноваты в этом ни мы, ни наше время. Так бывало и прежде. По состоянию здоровья я с детства езжу в Ялту. Осенью я обычно живу в Доме актёра, который расположен внизу, у моря, а весной, в сырую пору, селюсь в Доме литераторов. <...> Кстати, когда там был Окуджава со своей женой Олей, мы там очень подружились и ходили гулять, и когда они собрались раньше уезжать, Булат Шалвович мне сказал: «Ну что, Алла, до Москвы?», я говорю: «Москва-разлучница», и всё. Потом мы встречались лишь время от времени, но читаю я его книжку «Путешествие дилетантов», и где-то к концу, в книге о девятнадцатом веке встречаю прямым текстом: «Ну как сказала наша... — дальше комплимент в мою сторону: — ...Алла Демидова — Москва-разлучница». Вот так он меня увековечил. Сдружившись, даже редко встречаясь, мы дорожим друг другом.

Демидова А. «Мы имеем свободу — это право отказа»

/ Встречалась М. Кащенко // Пока не поздно! 2009. Июнь (№ 16)

Эдуард ХИЛЬ

— *Вы совсем не тоскуете по советским временам? Вам ведь, наверное, тогда проще жилось?*

— Как это — проще?! Что вы, сколько всего запрещалось! Вот я записал песню «Бери шинель, пошли домой», и обо мне сказали: у него в песнях слишком много «антисоветских нот». Мы, мол, армию укрепляем, а он — «бери шинель, пошли домой». <...>

— *Если оставить всё, а убрать только хорошо поставленный голос, может получиться Марк Бернес?*

— Марк Бернес — он один такой. Я помню, он пришёл на какой-то концерт, где было много певцов с потрясающими голосами. Из Большого театра. Бернес спел «Враги сожгли родную хату...» И всё, нет певцов. Я потом никак не мог понять: как это он делает?! А всё потому, что он артист, великий артист.

— *В вашем репертуаре тоже есть эта песня. Не мешало впечатление от Бернеса?*

— Нет. Я ведь прошёл другую школу. Он — актёр. А я пел песни Даргомыжского на стихи Беранже и в таком ключе сделал эту песню. Потом встретил Матвея Блантера, ему уже под восемьдесят было. Он услышал, как я пою, и предложил: «Давайте сделаем пластиночку». Тогда запретили Булата Окуджаву, а он написал музыку к нескольким его стихотворениям. И я со своим ансамблем записал. Очень интересные получились вещи. «Надежды маленький оркестрик», «Пиджак», «Песенка об открытой двери». «Когда метель кружит, как зверь, протяжно и сердито...» (*напевает*) Я уже забыл, как там дальше...

— *«Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта». Да только совсем не по-окуджавски звучит — с мелодиями Блантера.*

— Конечно, это ведь уже не бардовская песня, а камерная. В этом и прелесть.

Хиль Э. «Анна Герман пела польские песни, но была русской певицей»

/ [Беседовала] И. Тумакова // Изв. 2009. 7 сент. С. 10

Публ. по более полной электронной версии от 6 сент.:

<http://www.izvestia.ru/culture/article3132704/>

Пётр ТОДОРОВСКИЙ

— ...Пётр Ефимович, вы никогда не снимали кино в соответствии с «главной партийной линией». Поэтому именно у вас хочется спросить: что такое конформизм, конъюнктура в профессии режиссёра?

— При советской власти практически весь кинематограф был конъюнктурным. Все старались снимать, чтобы понравилось начальству. Надо было пройти через многие рогатки, чтобы картина получила какую-то жизнь. Поэтому редко кому удавалось сказать о чём-то серьёзном. Но, может, потому, что я поздно вошёл в режиссуру, я большей частью снимал то, что хотел. Хотя вот в первой моей картине «Верность» была конъюнктура.

— Разве? В чём?

— Ну, солдаты с криками «Ура-а-а!!!»...

— А разве на войне было не так? Или вы бы так не сняли сами?

— Это мне «подказали», чтобы в конце была атака, где мы видим солдат в «работе», а не только как они едут в теплушках, курят и вспоминают. Но ядро, конечно, в картине было другое — любовь мальчика-курсанта к девочке. Помните, когда они наконец договорились о том, что каждое воскресенье, когда он будет получать увольнительную, они будут встречаться, — ночью всех подняли по тревоге и отправили на фронт. Про это было кино. Но при прохождении сценария приходилось подставлять разных «белых зайцев».

— Специально вставлять эпизод, чтобы потом было что вырезать?

— Да. В «Верности» мы сделали такого «зайца» с Булатом (сценарий фильма «Верность» был написан П. Тодоровским в соавторстве с Булатом Окуджавой. — И. К.): в конце картины парад на Красной площади, стоят войска, и среди них мы видим главного героя уже полковником, он остался жив. Те, кто принимал сценарий, сказали: «Ну, это уже слишком!» И мы, довольные, убрали!

Тодоровский П. Кино про жизнь / [Беседовала] И. Карпова
// Православие и Мир. 2010. 7 мая
<http://www.pravmir.ru/kino-pro-zhizn/>

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

— А как складывались отношения с Булатом Окуджавой? Известно, что одна из его первых и тем не менее замечательных песен «По Смоленской дороге» написана им вместе с вами...

— С Булатом другая история отношений. Мы встретились с ним в пятьдесят девятом году в «Молодой гвардии», где он работал. У него была написана его первая песенка «Девочка плачет, шарик улетел» и вышла тоненькая поэтическая книжечка в Калуге.

Это была любовь с первого взгляда. Пришёл домой и рассказал Маринке, какого замечательного малого встретил. Не будучи сам знаменитым тогда, как впрочем, и сегодня, тем не менее я водил его из дома в дом, где записывали его песни на плёнку; познакомил со Смеляковым, Твардовским, Володиёвым Соколовым. Словом, внедрял в литературную среду, как когда-то в России внедряли картошку — шаг за шагом.

Я был тогда единственным, кто выступал с ним на вечерах. Мы очень дружили. Он был совсем другой — застенчивый, стеснительный — чем меня и привлёк. Потом этого не стало...

А сегодня он с мировой известностью, славой, богатый человек, я по-прежнему... Левитанский, которого одни не любят, другие — не знают. И так далее. И как это бывает с годами — он живёт своей жизнью, мы редко видимся, не так часто перезваниваемся по телефону. Всё — в прошлом...

Человек он, несомненно, талантливый. На поверку оказался и вполне неплохим прозаиком.

*Левитанский Ю. ...Где-нибудь в Прошлом или Грядущем
/[Беседовала] Т. Жилкина
// Грани. № 235. Париж, 2010. [№ 3] (Июль—сент.). С. 44*

Александр ДОЛЬСКИЙ

— Александр Александрович, чем заняты сейчас, что пишете?

— <...> Недавно выпустил два тома лирики. Есть там и «социальные» стихи, которые я пел, как ни странно, при коммунистах. Лирика — это самое трудное. И в поэзии, и в прозе, и в музыке. Почему так любят Чайковского? Потому что его музыка лирична.

Раньше я издавал свою лирику, но это были, в основном, небольшие книжечки. Много вообще никогда не публиковал. Я вспомнил Булата Шалвовича Окуджаву, в 1978 году он спросил меня, издавал ли я свои стихи. «Конечно, нет». — «Это

очень хорошо. Всё равно вас когда-нибудь издадут, и вам не придется краснеть за свои ранние стихи». Он был абсолютно прав. Что-то я без сожаления выбросил, некоторые стихи подредактировал. Всё-таки быть поэтом — это не только призвание. Это профессия. Владение словом, строкой, строфой, если ты всю жизнь пишешь, делаешь это с любовью, со временем, конечно, усовершенствуется. Правда, сейчас ко мне уже не придут такие мысли, образы и повороты, какие были в юности, почему я и дорожу своими ранними стихами. Такая там чистота и прозрачность, ясность и свежесть... Сейчас моя лирика уже другая, со взглядом сверху, с высоты прожитых лет. <...>

— *А кто в молодости повлиял на вас?*

— Высоцкий научил меня чёткости дикции. На сцене дикция должна быть совершенной, безукоризненной. Это очень важно. Некоторой сдержанности я, человек темпераментный, научился у Окуджавы. Может быть, благодаря ему у меня появились элегические песни. Если бы не было Галича, я, быть может, не научился сочинять социальные песни. Мы все друг у друга учимся.

*Дольский А. Кто-то уйдёт, кто-то вернётся
/[Беседовала] С. Мазурова // Рос. газ. 2010. 11 авг.
<http://www.rg.ru/2010/08/11/dolskii-poln.html>*

Евгений ЯМБУРГ

— *Что же мы будем делать, когда вступит в действие закон о коммерциализации бюджетной сферы?*

— На первый взгляд, в этом законе есть свои преимущества: мне предоставляют право быть автономным, ведь никто лучше руководителя не знает проблем учреждения, его потребностей, бюджета и т. д. Но вот в одном регионе губернатор отдал приказ — и школы стали автономными. Однако за расходом бюджета следит казначейство, а значит, ни одну копейку нельзя потратить самостоятельно. Такая финансовая независимость — всё равно что нюхать цветы через противогаз. <...>

У нас в школе и теплотоды, и лошади, и теннис. Имеются оплаченные из бюджета часы кружковой работы, но, поскольку их не хватает, есть и платные услуги, на оказание которых мы имеем право. Но все наши мастерские и корты могут завтра оказаться вне закона. Как вооружённые бандформирования.

— На какие деньги вы всё это приобретаете и содержите?

— Из бюджета, и родители помогают. Но это право ещё нужно заслужить. Помощь принимается только от тех, чьи дети учатся на «четыре» и «пять». Иначе это будет взятка. Перед школой стоит замечательный памятник Булату Окуджаве — обратили внимание? Так вот на него несколько поколений выпускников собирало деньги.

*Ямбург Е. Лишь бы не мешали / [Беседовала] М. Божова
// Ведомости: Пятница. 2010. 3 сент.
<http://friday.vedomosti.ru/article.shtml?2010/09/03/16175>*

Михаил ФЕДОТОВ

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы рассказали об Окуджаве. Вы же с Булатом Шалвовичем в конце его жизни много общались?

— И не только в конце.

— Он у вас, по-моему, даже жил в Париже?

— Да. Он жил у нас и в 1995-м, и в 1997-м годах.

— Он у вас сигареты прятал. Меня, как многолетнего курильщика, ужасно расстроило, что Булату Шалвовичу приходилось сигареты прятать.

— Да, он прятал сигареты, и мы потом эти сигареты нашли. После его смерти. Увезли их в Москву, и они у нас хранились. А в какой-то момент мы обнаружили эту пачку пустой.

— Кто-то выкурил?

— Наш сын. У него кончились сигареты, и он не знал, что это особенные сигареты.

*Федотов М. Взрослые люди / [Беседовала] Л. Борусяк
// Полит.ру. 2010. 22 сент.
<http://www.polit.ru/analytics/2010/09/22/fedotov.html>*

Подготовил Я. НИКИТСКИЙ

КОГДА ВОРОТИМСЯ МЫ В ПОРТЛЕНД...

Бардов всегда называют поэтами. Это стало общим местом. Их называют поэтами даже, кажется, слишком часто. К фамилии Пушкина или Лермонтова редко добавляют *поэт*, а к фамилии Окуджавы или Высоцкого — обязательно, как *фон к барону*. Так ещё к *Фрэнсису Дрейку* непременно добавляют *сэр*. — А вы догадываетесь почему? — Потому что в душе мы считаем, что он никакой не сэр, а пират, и вечным повторением надеемся превратить сомнительный титул в истинный. Просто *Фрэнсис* — он как бы отчасти фермерский сын, а идиоматически поименованный *сэр-Френсис-Дрейк* — уже точно баронет!.. Вот так же мы повторяем: *поэт Окуджава* — и словно «делаем честь», чувствуем себя маленькой Елизаветой, производящей пирата в рыцари.

Светлана Сергеевна Бойко написала свою книгу* для того, чтобы выражение *поэт Окуджава* перестало быть расхожим трюизмом, а приобрело силу научной истины. Московская исследовательница, доцент кафедры истории русской литературы РГГУ, она выстраивает модель творчества Окуджавы как литературного без всяких оговорок — вызревшего на почве литера-

* Бойко С. «О минуте возвышенной пробы...»: Поэзия Булата Окуджавы. М.: Круть, 2010. 192 с. Тир. не указ.

турной традиции, интегрированного в литературный контекст, включённого в литературную типологию. Концепция «*поэт Окуджавы*» полемически нацелена против концепции «*бард Окуджавы*». Опираясь на тыняновские законы художественной эволюции, С. Бойко пишет, что искусство Окуджавы, однажды взойдя из «задворков и низин литературы» (с. 10), навеки и полностью разорвало связь с этими «низинами» и обрело гражданство на достойных литературных высотах. Дискурс книги направлен на создание образа всецело «книжного» Окуджавы, для которого песня была своего рода случайностью, пусть и закономерной в силу исторических обстоятельств, была не художественной формой, а лишь способом презентации художественного текста — «песенной формой озвучивания стихов» (с. 12).

Тут какой-нибудь придирчивый читатель мог бы заметить, что стремление решительно «олитературить» Окуджаву — это усовершенствованный вариант «дрейковского» дискурса, что логикой автора незаметно управляет оценочная образность метаязыковых формул Тынянова. «Низины и задворки» — это же заведомо плохо, а исследователь эмоционально увлечён своим предметом и, естественно, стремится «поднять» его повыше и увести подальше от задворков. Не становится ли для С. Бойко «литература» статусным знаком? Может, и становится отчасти. И не звучит ли её литературный ригоризм отголоском того времени, когда важно было защитить поэтов-бардов от учёных пуристов и ханжей, отстоять место авторской песни под литературным солнцем? Что ж, и это может быть. Но если придирчивый читатель вздумает поставить всё это в упрек новой книге, он будет не прав. Монография замечательна именно тем, как она звучит в современном контексте, как она диалогизирует не с прежними пуристами, а с современными интерпретаторами творчества Окуджавы и бардовского искусства в целом. Она показывает, как можно увидеть вещи, если твёрдо стать на «литературную» позицию и не отступать от неё. И, — уверяю вас, скептики, — увидеть можно много интересного.

Отстаивая литературную идентичность стихов Окуджавы, Светлана Бойко ориентируется на безоговорочный авторитет Сергея Аверинцева и развивает идеи, тезисно намеченные им ещё в 1990-е годы. Вслед за Аверинцевым она расценивает песенность стихов Окуджавы как гипертрофированную декламацию, в ближней перспективе возводит его искусство к традиции напевного авторского чтения, а в дальней — к дописменной

эпохе поэтического слова. С. Бойко подчёркивает «естественность» (с. 17) окуджавской песенной формы в контексте исторического развития поэзии, проводит «демаркационную линию» (там же) между Окуджавой и «популярным ширпотребом» (с. 27). На одну чашу весов с «сомнительным» именем Окуджавы она помещает такие бесспорные литературные имена, как Аверинцев, Кузмин или Северянин. (Заметим в скобках: труд вовсе не напрасный, учитывая популярность взгляда на авторскую песню как на «фольклор интеллигенции» и явление массовой культуры). Таким образом, С. С. Бойко присоединяет свой голос к тем исследователям, которые склонны выводить все субстанциональные «странности» авторской песни за рамки системы (либо признавать их системную обусловленность) и расценивать её как поэзию в полной мере. При этом возможная генетическая связь искусства Окуджавы с исторически ближайшими песенными традициями, в частности различными изводами городского фольклора, не обсуждается.

Далее, в главах 2 и 3, когнитивный сюжет книги достигает, пожалуй, своей кульминации, потому что теперь, когда литературное гражданство Окуджавы доказано, оказывается необходимым найти его место в литературном контексте — историческом и современном. Вопрос, который в перспективе концепции «бард Окуджавы» решался с обманчивой лёгкостью: «представитель авторской песни» — чего вам нужно ещё? А вот если «поэт Окуджавы»... — Что тогда? К какому полку приписать кавалергарда? После первых же попыток классифицировать Окуджаву как литератора в филологическом сознании сложился образ «странного» поэта, который будто бы по определению не поддаётся определению. Которому, вроде, по чину положено оставаться энигмой. Не случайно Светлана Бойко начинает с анализа сложившихся стереотипов восприятия Окуджавы. Она рассматривает популярные критические шаблоны и ярлыки как фрагменты и/или продукты л и т е р а т у р н о й р е п у т а ц и и — специфического рецептивного текста, являющегося «отпечатком» творческой личности в общественном сознании. По мнению автора книги, *гитарист, бард* — это именно репутация п о э т а Окуджавы, порождённая его ярким дебютом в искусстве и закреплённая косностью аудитории, не желающей замечать творческий рост и поэтическое усложнение художника. Окуджавы, как представляется Светлане Бойко, сам всю жизнь с этой репутацией боролся, желая, чтобы его воспринимали как поэта.

С. Бойко анализирует здесь же противодействие мифотворческих и мифоборческих тенденций в литературно-критическом и общественном восприятии Окуджавы. При этом особое внимание она уделяет... «зоилам» поэта — критикам, стремившимся скомпрометировать неформально популярное в ту пору (1980-е годы) его творчество и поэтому волей-неволей работавшим **п р о т и в р е п у т а ц и и**. Именно в дискурсе Станислава Куняева, — на той логической фазе, когда его критическая атака уже разрушила твёрдый слой культовой позолоты, но ещё не успела покрыть объект новым, чёрным слоем, — С. Бойко находит точные наблюдения и ценные выводы, которые позволяют ей приступить к вопросу о месте Окуджавы в историческом контексте поэзии.

По мнению учёного, искусство Окуджавы определяется его принадлежностью к «задержанному поколению» литераторов послевоенных лет, миссией которого было преодоление «революционаризма» (с. 43), что стало и подтекстовым содержанием их творчества, и незримой драмой, воплотившейся в их противоречивой поэтике. Вместе со своими современниками и сверстниками по литературной генерации — Д. Самойловым, Ю. Левитанским, А. Межировым, С. Наровчатовым и другими — Окуджава совершает «великий, скрипучий поворот руля» от революционной романтики и эстетики культурного героизма — назад к гуманистической традиции. Вроде бы, можно было и так догадаться, что Окуджава обретается где-то в контексте оттепели, в идейном пространстве «Нового мира», обновлённого социализма и «реализма без берегов», на тех поэтических площадках, где шёл в 1960-е годы демонтаж «революционного метода» и его железный лом переплавлялся в обновлённую версию классического реализма с поправкой на современное литературное письмо. Догадаться-то было можно. Но всё равно в сознании знатоков и исследователей авторской песни имя Окуджавы остаётся перво-наперво вбитым в контекст ОВГ — *Окуджава, Высоцкий, Галич* — как *Маркс, Энгельс, Ленин* — как *сэр Фрэнсис Дрейк*. Светлана Бойко, опираясь на историко-литературную методологию Галины Белой, даёт научное, доказательное, достоверное описание того литературного и культурного пространства, в котором сложился Окуджава-поэт. И при этом ей, в самом деле, лучше было отвлечься от «бардологического» видения вещей, чтобы концепты «бард Окуджавы» и «ОВГ» не сбивали с толку. Читатель возразит: ведь одно другому не ме-

шает — арбатский певец принадлежит и к созидателям авторской песни, и к поэтическому поколению постреволюционных гуманистов-идеалистов. Ну конечно, не мешает! Наблюдения и рассуждения С. Бойко и не претендуют на то, чтобы перечеркнуть «песенную» проблематику. Но заставляют задуматься о месте Высоцкого и Галича в том же литературном контексте, которое безусловно найдётся, поскольку и сама авторская песня вписана в историю литературы на правах л и т е р а т у р ы, а не экстравагантной бедной родственницы.

Основную мысль книги активно развивают следующие две главы, в которых автор проводит детальный разбор ранних стихов и песен, демонстрирующий процессы кристаллизации окуджавской поэтики на обновленческой почве оттепельной культуры, а также анализирует «романтизм» Окуджавы, его путь от респектабельных романтических стандартов к собственному «пафосу благодарного приятия мира» (с. 77). В книге содержится ещё ряд глубоких штудий, выполненных в русле «литературоцентрического» подхода и представляющих различные фрагменты поэтики Окуджавы (поэтическую публицистику, метафизическую тематику, интертексты, семантику некоторых метрических форм и др.) Часть этих материалов уже известна специалистам, которые наверняка читали диссертацию С. С. Бойко, ставшую в своё время (1999) первым системным научным описанием творчества Окуджавы.

Ну и наконец, внимательный читатель не должен пропустить Заключение рецензируемой книги. Мы привыкли считать эту композиционную часть научных трудов рудиментарным хвостиком, в котором вся познавательная интрига уже исчерпана, а текст движется силой инерции дискурса. Но Светлана Бойко, напротив, завязывает на последних страницах новый сюжет — предлагает новую периодизацию творчества Окуджавы. Вот вам, пытливый читатель, ещё одна припрятанная загадка поэта-барда — разве не привыкли мы подменять системную периодизацию его творчества оглавлением «Чаепития на Арбате»? С. Бойко выделяет этапы литературного пути Окуджавы, опираясь на анализ всего его творчества в целом — и песен, и стихов, и прозы (ещё один методический поворот, которому стоит поаплодировать). Но Заключение — не более чем багет композиционной рамы, и раскрыть тему полностью на этой площадке было невозможно. Впрочем, если в конце сюжета намечается новая интрига — это верный знак: жди продолжения.

В книге «О минуте возвышенной пробы...» многое указывает на близость очередной монографии. Тем более что у автора уже есть и вторая диссертация об Окуджаве, докторская, защищённая в 2011 году.

Владимир Высоцкий подарил авторской песне замечательный символ, представив творческую жизнь поэта-барда как пиратство и отважный бой с эскадрой литературных рутинёров. Впрочем, там речь шла о Театре на Таганке, но символ получился всеобъемлющий и, кстати сказать, поколенческий. Все барды-классики — это вольные стрелки, решившие жить вне литературного закона. И неважно, как они бунтовали, — с дерзкой усмешкой, как Высоцкий, с прекрасным бесстрашием, как Галич, или со вздохами смирения и «приятия мира», как Окуджава, — все они оставались пиратами. Фрэнсисами Дрейками. А рыцарями их делают завоёванные художественные берега. У Окуджавы тоже есть пиратская песня. Характерно, однако, что её герой в каждой строфе помышляет о покаянии и возвращении к родным пенатам. Или не-возвращении. У исследователя, запасшегося точками для *i*, всегда будет выбор — вернуть Окуджаву в Портленд литературы или оставить ему бардовский солёный простор. Светлана Бойко избрала первый путь, и о плодотворности сделанного выбора говорит её книга, которая будет ценной для каждого читателя, задумывающегося о природе творчества Окуджавы.

С. В. СВИРИДОВ

О СПЕШКЕ ПРИ ЛОВЛЕ БЛОХ

В 2010 году в Нижнем Тагиле вышла брошюра под названием «Булат Окуджава: Прошлое, которое идёт по пятам...»¹. Она не имеет международной регистрации (ISBN)². Отчасти именно из-за её «самиздатской полуполюгальности», а также по ряду иных причин, которые станут ясны по ходу изложения, — отнесёмся к ней не как к обычной статье, а как к полноценной книжке. А такие по традиции подлежат рецензированию в «Голосе надежды».

Автор — журналист Василий Овсепьян — обозначил свой труд как «историко-литературный очерк» (в каталожной карточке на обороте титула); или же «литературно-исторический очерк» (так в заголовке текста). Книга посвящена тагильскому периоду жизни семьи Окуджава—Налбандян. На её обложке помещены прекрасные фотографии Булата Шалвовича, сделанные И. Ковердой во время пребывания поэта в Нижнем Тагиле в 1964 году. Особенно отрадно, что написан очерк — тагильчанином. К тому же давним и преданным поклонником интересующего нас поэта.

¹ Овсепьян В. Булат Окуджава: Прошлое, которое идёт по пятам... Ниж. Тагил: ТРМ, 2010. 44 с. Тир. 300 экз. Текст этого издания предварительно был опубликован в нескольких номерах местной нижнетагильской газеты. В Интернете он представлен множеством вариантов, включая евразийский журнальный портал «Мегалит».

² В процессе подготовки альманаха к печати редакция получила второе, дополненное издание брошюры: 2011. 68 с. Тир. 500 экз. ISBN 978-5-903440-10-8.

Очень верно замечено в самом начале очерка:

...Если хочешь ещё лучше понять любимого автора, то обязательно узнай больше о нём самом и о его семье. Скорее всего, там, в детстве и в памяти, кроется разгадка его трудных поисков, его тематических пристрастий, его языка и интонаций, его идеалов и его характера... (с. 3)

С предвкушением возможности познакомиться со множеством неизвестных раньше сведений «из детства» поэта открываем очерк: вот уж этот человек наверняка докопался до поразительных открытий!

Автор скромно уведомляет читателя:

О том, как это было... мы и попытаемся рассказать в своём документальном очерке, опираясь на уже вышедшие ранее публикации и на материалы областных архивов в пределах наших возможностей (там же).

Знаем-знаем мы ваши возможности, — мысленно потираем руки, — небось журналист все местные архивы перетряхнул, всех живых одноклассников и соседей Булата нашёл-опросил, какие-то личные вещи или даже — чем чёрт не шутит! — тетрадку с детскими стихами нашёл. Или, на худой конец, школьную стенгазету... Ну, а что говорить о поездках поэта в Тагил в 1964 и 1994-м годах: наверняка автор опросил всех свидетелей этих событий — даже тех, до кого не добрались авторы нашего альманаха...

Правда, с самого начала становится ясно, что чтение не будет лёгким. Какие-то мысли автора просто недоступны рядовому читателю. Нам — в том числе. Вот такие, например:

...Между тем нафталин, который упоминался уже выше, по мнению уральского поэта Аркадия Застыльца, это не статика, «это ветер», а он, как мы наблюдаем его поведение в нынешнем году, весьма непредсказуем. Вы спросите, на что это я намекаю? На метафору, господи. И только на неё.

История, о которой пойдёт речь, касается не времён дикого русского капитализма. Её начало и продолжение пронизаны духом всенародной борьбы со шпионами и вредителями. Только те, кого поставили к стенке, были пламенными большевиками и занимали в Нижнем Тагиле руководящие посты в партии и на промышленных предприятиях (с. 4–5).

Да, стиль изложения «тот ещё». Или вот это:

Эта рана [речь о расстреле отца. — *Авт.*] будет терзать его до последних минут жизни. Она сократит срок его земного пути. Она украдёт у нас с вами десятки прекрасных стихотворений и песен. Она, наконец, не позволит ему в третий раз посетить наш город, чтобы разобратся в своих противоречивых чувствах. А он, видит Бог, этого хотел, но болезни и переживания сократили его ресурс времени (с. 9).

Высокопарно, что и говорить. А чего стоит хотя бы «семейное гнездо семьи Окуджавы», которое «было сорвано историческим вихрем с древа жизни» (с. 40). Ну да ладно, это дело вкуса (автор выпустил десять поэтических книг). Для нас главное — факты.

Впрочем, и в лирических отступлениях хорошо бы себя сдерживать. К примеру, утверждение об «украденных у нас» произведениях — достаточно спорно. Скорее наоборот: именно благодаря упомянутой «ране» появились на свет «десятки прекрасных стихотворений и песен» поэта, дышащих искренней болью.

Так вот факты. С ними тоже скукота: здесь — только пересказ учебников истории и ранее опубликованных материалов об отце поэта с обильным цитированием. Но автору неловко, видимо, строить весь очерк на одних цитатах, а самому добывать и излагать факты трудно, поэтому приходится пускаться на уловки. Например, вот как заканчивает автор «литературно-исторического очерка» одну из пространных цитат: «Остаётся добавить, что липовое свидетельство с прочерком в графе “Причины смерти” появилось-таки на свет 25 марта того же года», — и дальше он пишет уже «своими словами»:

Для того, чтобы расставить все точки над «I» [видимо, всё же “над i”. — *Авт.*], военной коллегии понадобился ещё год. А почти через двадцать лет после гибели Шалвы Окуджавы его дело пополнится ещё несколькими документами... (с. 8)

А вот продолжение того материала, который он цитировал, и вдруг решил перейти на «собственную» речь:

Для того, чтобы расставить все точки в этом деле, военной коллегии понадобился ещё год.

А почти через двадцать лет после гибели Шалвы Окуджавы в Дело легло ещё несколько документов.

Похоже? Вторая цитата — из той же, предшествующей труду В. Овсепьяна, публикации (*Голос надежды. Вып. 4. С. 142*). Приём, к сожалению, не нов, и сотни современных плагиаторов на каждом шагу используют его в своих писаниях. Текст-источник принадлежит редакции альманаха, фамилии определённого автора под ним нет. Но и это не даёт кому-то права считать его бесхозным и использовать как собственный.

Притом, пересказывая (или же «пересказывая», забыв завычитать чужое), Овсепьян, к сожалению, порой вставляет в текст и действительно свои слова, из которых можно сделать вывод, что он плохо знаком с историческими реалиями. Например, он пишет:

...А. С. Налбандян, выйдя после отсидки из ГУЛАГА, потребовала от органов госбезопасности Справку о смерти мужа (с. 7).

Потребовала?! Господи, да не из Америки ли он приехал, этот автор?

И почему она «требовала» справку о смерти, если не знала, что его нет на свете. Ведь родственники Шалвы до конца надеялись, что он жив. Как, впрочем, и все остальные жёны и дети тех, кому было объявлено о «десяти годах без права переписки».

И эта нечуткость профессионального литератора к употребляемым словам прослеживается по всему тексту очерка.

«История не терпит приблизительности», — пишет В. Овсепьян, не в первый раз с жаром уличая и поучая кого-то из своих предшественников...

И сразу вслед за этим выдаёт:

Кстати, Тагильскому горкому ВКП(б) вообще не везло с секретарями — в 1935 году был расстрелян М. В. Казаков, а в «урожайном» 1937-м такая же участь постигла Ш. С. Окуджаву (с. 11).

Автор действительно не знает российской истории? Или он так неловко шутит, когда упоминает о каком-то *везении*? Может быть, он действительно думает, что другим горкомам (райкомам, обкомам, обществам слепых и т. д.) в те годы повезло больше?

Чуть дальше:

В жизни Ш. С. Окуджавы, уже тогда дружившего с Серго Орджоникидзе [речь идёт о 1930—1931 годах. — *Авт.*], который часто направлял его на горячие участки работы, наступает плохая полоса — наркомом внутренних дел Грузии становится Лаврентий Берия (с. 14).

Откроем «секрет» — С. Орджоникидзе дружил с семьёй Окуджавы задолго до тех событий, что описывает В. Овсепьян, ещё когда Шалико что называется под стол пешком ходил. И что значит *наступает плохое время*, если Берия стал наркомом внутренних дел Грузии задолго до описываемых событий — в 1927-м?

Впрочем, и заковыченные цитаты автор умудряется «подправить» (позволим себе не утомлять читателей однообразными примерами; см. начиная со с. 8).

Но ещё более тягостное впечатление производят собственные размышления автора, которыми он ради красного словца разбавляет общеизвестные факты:

Чувствуя своей обострённой интуицией, что над ним нависает угроза «справедливого» большевистского гнева, Шалва Степанович ещё, видимо, надеется на своё спасение и спасение своей семьи и, более того, отказывается верить упрямым фактам. Он ещё не знает, что

это последний год его жизни, он ещё не может даже предположить, что 4 августа будет расстрелян, как и все те, кто попал в железные объятия Великого Октября. А между тем идейно-классовое напряжение возрастает... (с. 21)

Откуда автору известно, что Шалва обладал *обострённой интуицией*? Почему он должен был *даже* предполагать, что будет расстрелян? Тем более именно *4 августа*?! С какого такого потолка автор «литературно-исторического очерка» взял, что в этот день были расстреляны и все прочие, кто «попал в железные объятия Великого Октября»?.. Написано хлестко. Но не более того. В общем, количество риторических вопросов к концу книги *возрастает*.

Нет нужды перечислять все ошибки и ляпы, они чуть ли не в каждом абзаце, если это только не цитата.

Что же касается достоверных фактов, то большая часть в тексте Василия Овсепьяна почерпнута из нашего альманаха, и это отрадно: не зря его авторы работали.

А что же нового сообщает нам Василий Овсепьян? Например, что, оказывается, «спас альманах [“Тарусские страницы”. — *Авт.*] от забвения и уничтожения Константин Паустовский» (с. 31). Что именно из-за этого альманаха, оказывается, Окуджаву «несколько раз пытались исключить из КПСС и СП СССР» (с. 32). Даже дату ареста (освобождения от должности) отца поэта он вопреки документам трижды переносит с 18-го на 16 февраля (с. 11, 23, 36). К тому же при этом он менторски пеняет за похожий перенос авторам книги «В ответе за город» (с. 11). Получилось прямо как в известной комедии про унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекала.

Да, все затронутые тут темы подробно освещались в нашем альманахе, но честь изобретения названных здесь же причинно-следственных связей принадлежит именно Овсепьяну. И тут не грех вспомнить ещё одну поговорку: «поспешишь — людей насмешишь».

Если ещё вспомнить большое количество опечаток в этой брошюрке (даже в название повести «Будь здоров, школяр» автор умудряется добавить восклицательный знак), то хочется вернуть В. Овсепьяну все обличительные упрёки, постоянно высказываемые им в различные адреса. И, не обращая внимания на его «красивости», двумя руками подписаться под словами, венчающими одну из его же обличительных статей, помещённых в Интернете:

Время зачастую сильнее нас. Оно способно всё запутать так, что разобраться порой невозможно. Иногда ему помогают конкретные люди, и это прискорбно. В любом случае, для всех нас, кто ещё жив и кого уже нет, важны точность и достоверность фактов. Это наш путь к правде. <...> Здесь к месту пословица — спешка нужна только при ловле блох³.

Спешка-спешка... Учитывая почтенный возраст пишущего «исследователя» и стаж его любви к Булату Шалвовичу, он не только его одноклассников мог найти, но и с кем-то из его учителей мог успеть пообщаться. Впрочем, одного соученика он всё же упоминает (с. 36). Но и того разыскал не «краевед» Овсепьян, а авторы альманаха «Голос надежды», приехав однажды в Нижний Тагил... на несколько дней.

...Да, не получилось заявленного «документального исследования». И соломинки в чужом глазу в очередной раз оказались весомее бревна в собственном. Приятно, конечно, что тагильчане не забывают недолгого своего земляка. Жаль только, что иногда так настойчиво декларируемая любовь к поэту не служит достаточным стимулом для кропотливой и добросовестной работы.

Хачик ОЛАБЯН, Татьяна СУББОТИНА

³ Овсепьян В. Уточняя факты. См.: http://clubs.ya.ru/4611686018427432697/replies.xml?item_no=48792: 01.02.11.

«АНАЛИЗИРУЯ ЭТУ ПРОЗУ, СТАНОВИТСЯ ОЧЕВИДНО...»

О диссертации В. В. Выдриной

Защита кандидатской диссертации Веры Владимировны Выдриной «А. С. Пушкин в творческом сознании Б. Ш. Окуджавы (романы “Путешествие дилетантов” и “Свидание с Бонапартом”)» состоялась в Томском государственном университете 30 сентября 2010 года. Не будучи свидетелем этого события, мы с нетерпением ожидали возможности познакомиться с результатами исследования: ведь томская филологическая школа имеет высокую репутацию, научный руководитель А. С. Янушкевич — авторитетный учёный; особенно обнадёживал тот факт, что вопрос о рецепции Окуджавой пушкинского творчества был поставлен в кругу пушкинистов. Увы... О научной преемственности в данном случае говорить не приходится.

Заглавие нашей рецензии буквально воспроизводит словесную формулу из второй главы диссертации (с. 144), и такой способ изъяснения отнюдь не является частной оплошностью автора. Самоочевидная выразительность процитированной конструкции позволяет нам уклониться от характеристики стиля работы. Не будем приводить многочисленные примеры раскавыченных фрагментов чужих научных трудов; скажем только,

что начинается это уже во Введении (с. 3)¹, и наивность подобных присвоений, словно бы напоказ выставленных, превращает диссертацию в некий постмодернистский текст: мол, все слова уже давно сказаны, а кем именно — какая разница? Не станем также предъявлять претензий к логике композиции... Эти и многие другие аспекты работы должны были оценить официальные оппоненты. Остановимся лишь на том, что имеет отношение к проблемам современного окуджавознания.

Для некоторых молодых авторов несущественной оказывается иерархия источников, и В. В. Выдрина также отнеслась с чрезмерным доверием к интернет-публицистике. В этой сфере об Окуджаве пишут много, эмоционально, подчас сумбурно; зачастую тиражируются чьи-то фактические ошибки. Но как не соблазниться тем, что лежит под рукой! Другим привлекательным для соискателя кандидатской степени источником явился... школьный учебник; так, все интервью Окуджавы цитируются диссертантом по изданию: *Русская литература XX в.: Учеб. кн. для учащихся старших классов. М., 1995. Ч. 2.* Но авторы этой учебной книги, конечно, не отвечают за точность воспроизведения собранного ими материала; например, одно из известнейших признаний Окуджавы трансформируется В. В. Выдриной с точностью до наоборот: «Я не вижу в Пушкине для себя идеал» (Введение, с. 11)². Когда диссертация окажется размещённой в Интернете (а это случается со всеми квалификационными работами — независимо от воли их авторов), можно поручиться за то, что ошибка пойдёт «в народ».

Диссертант не воспользовался ни одной из специальных библиографий, что также симптоматично для примкнувших к окуджавоведению в последние годы. Если же отдельные научные источники всё-таки попадают в поле зрения В. В. Выдриной, вопрос о приоритетах даже не возникает, поскольку игнорируется хронология публикаций. Не составив сколько-нибудь адекватного представления о научной истории избранной темы, диссертант уверенно заявляет: «Исследование пушкинской традиции в романах Окуджавы “Путешествие дилетантов” и “Свидание с Бонапартом” до сих пор не становилось предме-

¹ Здесь невольным соавтором диссертанта оказался В. В. Мусатов, автор монографии «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века» (М.: РГГУ, 1998).

² Здесь и далее выделения в цитатах — наши.

том специального изучения» (с. 5); «Когда авторы говорили о “классических истоках” в творчестве современного романиста, они чаще всего находили в ней [так! — М. А.] отдельные цитаты, реминисценции, аллюзии на русскую словесность XIX века или стремились доказать его принадлежность к постмодернистской литературе» (с. 12). Угадайте, друзья, чья концепция подразумевается диссертантом в последнем случае? См. сноску на указанной странице: *Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека. М.: Новое лит. обозрение, 1998. С. 134–135*. Разумеется, авторы книги о «шестидесятниках» ничего постмодернистского в творчестве Окуджавы не усматривают; речь они ведут о песенной лирике поэта, а романы «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» в хронике славного десятилетия вообще не упоминаются, поскольку принадлежат совсем другой эпохе... Но В. В. Выдрина решительно произносит приговор всем предшественникам: «Эти подходы не являлись продуктивными. Они вели к упрощённому истолкованию художественного наследия Окуджавы, не проясняя особенности функционирования классической традиции в литературе второй половины XX века» (с. 12). Итог собственных штудий В. В. Выдриной монументален (цитируем с сохранением пунктуации и пр.): пушкинская традиция для Окуджавы «не сводится к общности мотивов, образов и т. д. это прежде всего общность мирозиджительных и философских оснований бытия, концепция “самостояния человека” как залога его нравственного величия» (с. 87–88). По ходу дела диссертант ещё не раз поставит себе в заслугу обнаружение *мирозиджительных и философских оснований бытия*.

Считаем важным сказать несколько слов о нереализованных возможностях работы. Очевидно, что научный руководитель поделился со своей подопечной целым рядом перспективных идей. Но прочтение грузинских эпизодов «Путешествия дилетантов» на фоне пушкинского «Путешествия в Арзрум» обернулось банальностью: «А всё это Булат Шалвович использует, чтобы взглянуть на историю прошлого глазами современного человека, сказать своё новое слово о проблеме службы царю и отечеству, поднятой Пушкиным, показать незыблемость вечных ценностей — любви, мира» (с. 55). Задача сопоставления женских образов «Свидания с Бонапартом» с пушкинскими (Татьяной Лариной, Полиной из «Рославлева») решается простейшим образом: так, Варвара Волкова, которая в мире романа

появляется уже двадцатитрёхлетней вдовой, носителем не только житейской трезвости, но также исторической прозорливости, наделяется по воле диссертанта свойствами «чистой искренней девушки, иногда наивной в своём стремлении к счастью» (с. 115), а Луизе Бигар приписывается намерение убить Наполеона (с. 93)...

Впрочем, перекраивание биографий и «портретов» персонажей не всегда мотивировано желанием диссертанта побыстрее установить искомую связь с миром Пушкина. Порою В. В. Выдрина становится соавтором Окуджавы «просто так», по вольному хотению. Самая поразительная метаморфоза совершается с Пряхиным: мало того, что он отождествляется со своим собственным отцом (в диссертации вообще много путаницы по части родственных отношений персонажей), он ещё и «покупает убыточную деревеньку у генерала Опочинина, спасая его от долгов» (с. 130). Предоставляю читателю право вообразить концептуальные последствия такого сотворчества.

Скажите, от этого мир не перевернётся? Тогда обращаюсь к пушкинистам: знайте, коллеги, что отныне Александр Сергеич числится автором повести «Дуэль», за что диссертант ручается на с. 152 своего труда. Конечно, догадаться о переименовании повести «Выстрел» нетрудно, но простить подобное соискателю кандидатской степени нельзя. Хорошо ещё, что только чеховская «Дуэль» вспомнилась по закону «остаточных знаний» (этот деликатный эвфемизм в ходу у методистов); а есть ведь и купринский «Поединок», и тургеневский «Бретёр», и кое-что «вне программы». Поистине на все времена сказано Хлестаковым: «Моих, впрочем, много есть сочинений: “Женитьба Фигаро”, “Роберт-Дьявол”, “Норма”. Уж и названий даже не помню...»

Итак, «анализируя эту прозу, становится очевидно», что мир един: окуджавознание — относительно молодая отрасль литературоведения — находится в той же опасности, что и пушкинистика, которая традиционно славилась особой научной щепетильностью. Вот почему не удалось нам, вопреки первоначальным намерениям, остаться в кругу цеховых вопросов.

Мария АЛЕКСАНДРОВА

ОКУДЖАВОВЕДЕНИЕ: НОВЫЕ ИМЕНА (2006–2010)

В предлагаемом читателю обзоре эпитет *новые* надо понимать следующим образом. Здесь собраны публикации научного характера, имена авторов которых до нынешнего времени не были упомянуты в окуджавоведческих библиографиях, а также не попадали на страницы окуджавоведческих периодических изданий (альманаха «Голос надежды» и четырёх выпусков материалов переделкинских конференций). Частично перечисленные в обзоре тексты присутствуют в Интернете.

В качестве дополнения приводятся описания двух подобных статей, о которых не было известно библиографам во время составления библиографии за 2001–2002 годы¹.

Научные публикации 2003–2005 годов учтены в соответствующем списке, публикуемом в настоящем выпуске альманаха. Следует отметить, что некоторые из авторов, впервые обратившиеся к творчеству Б. Ш. Окуджавы в этот период (В. И. Бахмач, С. В. Боброва, Л. В. Кипнес), возвращались к наследию писателя и после 2005-го.

Задачей данного обзора является не оценка печатных трудов (хотя порой от неё удержаться трудно), а лишь их анонсирование, которое могло бы способствовать введению их в научный оборот. Ведь филология, как и любая другая наука, имеет право называться таковой лишь тогда, когда будет учитывать опыт предшественников. Впрочем, и этот опыт всё чаще используется весьма своеобразно, — но об этом ниже.

Редакция и редколлегия альманаха выражают свою искреннюю благодарность за неоценимую помощь заместителю директора Института научной информации по общественным наукам Ю. Ю. Чёрному.

На материале поэзии и прозы

Щедрина Н. М.

Способы художественного самовыражения в прозе и поэзии Булата Окуджавы // Мир Литературы: К юбилею проф. А. С. Карпова. Сб. науч. тр. М.: РУДН, 2010. С. 365–377.

Московский доктор филологических наук, профессор МГОУ Нелли Михайловна Щедрина рассматривает роман

¹ См.: Булат Шалвович Окуджава: Материалы к библиографии (2001–2002) // Сост. А. Е. Крылов, В. Ш. Юровский // Голос надежды. Вып. 2. М.: Булат, 2005. С. 447–473.

«Бедный Авросимов» сквозь призму поэзии Окуджавы. Коротко говоря о двух персонажах — Авросимове и повествователе (которому принадлежит «главенствующая роль» в романе), — автор статьи подробно останавливается на образе Пестеля. Прочие тезисы: тема «рождения и роста достоинства в человеке»; драматургическое начало; вопрос о власти; и вновь — определяющая роль «внутреннего» развития голоса повествователя». Вывод: «Булат Окуджава не видел особых различий между своей работой поэта и прозаика, полагая, что эти, казалось бы, далёкие друг от друга области творчества соединяет большая “личная тема”, способствующая самовыражению художника, помогающая раскрытию человеческого достоинства, его рождения и роста как в героях XIX века, так и в наших современниках».

На материале поэзии

Абдуллаева Л. Х.

Заметки о военной мифологии у Б. Окуджавы и В. Высоцкого // Концепт и культура: Материалы междунар. науч. конф. (Кемерово, 30–31 марта 2006 г.). Кемерово: Полиграф-Центр, 2006. С. 571–575.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории всемирной литературы Самаркандского государственного института иностранных языков Людмила Хадыевна Абдуллаева, говоря в своих тезисах об Окуджаве, упоминает «мифологему “лейтенантства”»; «архетипическую тему, восходящую к изначальному значению мужчин — добывать и защищать, а женщин — продолжать род»; «архетипическую картину “предчувствия войны”»; тему равенства погибших на войне — «чужих» и «своих». Обширнейшая литература по теме не нашла в тексте своего отражения.

Аникина А. Б.

Время в поэзии Булата Окуджавы // Журналистика и культура рус. речи. М.: Икар, 2006. № 1 (янв. – февр.). С. 35–55.

Алла Борисовна Аникина — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Она предваряет свою работу словами: «В статье предлагается такая характеристика поэтических произведений Окуджавы, которая связана с языковыми особенностями образного строя его стихов. Это не

языковые средства, с помощью которых открывается возможность выразить процесс развития событий во времени. К ним относятся и грамматические формы глагольного времени, и лексические средства, и характер ведения речи». Здесь говорится о «предметных» образах поэта, в том числе повторяющихся (*дорога, Москва и Арбат*); о его цветовых эпитетах; о постоянном действии в его поэзии «противоположных» сил (*жизни и смерти, добра и зла, тьмы и света...*); о «военных» стихах и песнях поэта... Отличительной особенностью поэтических образов Окуджавы, по мнению автора, является «“живое мышление”, способность воспринимать действительность в её “протяжённости”, в постоянном изменении, способность видеть жизнь в её движении, в её временном потоке». Из работ предшественников упомянут лишь творческо-биографический очерк В. Казака из его «Лексикона русской литературы XX века». Включены полные тексты девяти стихотворений.

Вядерек М.

Мелодичность оригинала и музыкальность перевода:

(На прим. пол. пер. песен Б. Окуджавы) // Язык на перекрёстке культур: Междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии.

Самара: Гуманитар. акад., 2007. С. 164–170.

Статья посвящена проблеме эквиритмического перевода. С этой точки зрения анализируются переводы на польский одних и тех же песен Окуджавы, выполненные Ягелло, Федецким, Ворошильским, Литвинюком, Петровской, Домбровским.

Дуванова А. Н.

Понятие «Душа» в творчестве В. Высоцкого и Б. Окуджавы // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых учёных. Вып. 10. Ч. 3. Саратов: Науч. кн., 2007. С. 115–121.

Аспирантка Саратовского университета задаётся вопросом: «...Может ли анализ реализации только одного концепта “душа” раскрыть языковую и психологическую личность поэта, его нравственные идеалы, в соответствии с которыми он живёт?» — и уверенно отвечает: «Может». «Оба барда, — пишет она, — каждый в своей лирике актуализирует именно те стороны этого концепта, которые близки именно ему». Для Окуджавы, например, индивидуальным на образном уровне является *душа — сад*; на символическом — душа связана с *огнём*; а в ассоциативном плане — с *улицей (Арбатом)* и с *войной*.

Котлярек М.

«Песенка о солдатских сапогах» Булата Окуджавы в польских переводах // Картина мира в славянских и романо-германских языках: Междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2009. С. 37–43.

Статья Магдалены Котлярек (аспирантки кафедры русской литературы и культуры Лодзинского университета) содержит подробный анализ двух существующих переводов этой песни — З. Федецкого, а также сделанный в соавторстве В. Домбровским и А. Мандалианом.

Макарова Е. Н.

Эволюция образа кузнечика в стихотворениях

М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Б. Ш. Окуджавы // Текст. Теория и методика: Сб. ст. преподавателей фак. филологии и журналистики. Вып. 6. Тольятти: ТГУ, 2006. С. 139–143.

Студентка факультета филологии и журналистики ТГУ (науч. рук. Е. Г. Койнова) к теме, впервые в окуджавоведении разработанной С. С. Бойко, подошла изобретательно и творчески. Она включила в список литературы статью «О кузнечиках» своей предшественницы (*Вопр. лит.* 1998. № 2). И даже сослалась на неё по незначительному поводу, — так, что у несведущего читателя может возникнуть впечатление, будто Бойко писала только о соответствующих стихах Я. Полонского. В то же время основные положения статьи-первоисточника, касающиеся Державина и самого Окуджавы, пересказываются Е. Н. Макаровой (вплоть до текстовых совпадений) — без ссылок. Творческая составляющая подхода отмечается в связи с тем, что автор двумя-тремя штрихами, заимствованными, вероятно, из диссертации Р. Ш. Абельской (2003), вписывает в знакомый ряд переложение Ломоносова из Анакреона («К цикаде»). Такой вот многообещающий дебют в печати.

Матюшкина Е. Н.

Традиции русского символизма в поэзии Б. Окуджавы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 7. С. 98–100. — (Филология; Искусствоведение; Вып. 41).

Текст принадлежит аспирантке кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). В том месте статьи, где говорится о стихотворении «Ещё один романс», то есть практически в самом её начале, обнаруживается незакавыченная и слегка изменённая фраза: «Здесь в свёрнутом виде

можно проследить и-реализацию, ~~так сказать, обнажение~~ символистского “двоемирия” ~~— (З. Г. Минц), пропущенное через окупжавскую иронию~~ [иронию Окуджавы] не без отпечатка ~~блоковской иронии~~ [иронии Блока]» (см.: *Клинг О. А. «...Дальняя дорога дана тебе судьбой...»: Мифологема пути в лирике Булата Окуджавы // Булат Окуджава: его круг, его век. Материалы Второй междунар. науч. конф. 30 нояб. — 2 дек. 2001 г., Переделкино. М.: Соль, 2004. С. 99*). При этом статья-первоисточник в списке использованной литературы отсутствует. Увы, плагиат давно стал нашей повседневностью. А читать статью дальше, как нам представляется, уже не имеет смысла.

Пейкова А. К.

Поэтика Булата Окуджавы // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: Материалы VI науч.-практ. конф. 9–10 нояб. 2005 г. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 2007. С. 24–30.

Автор из Чебоксар (ЧГПУ им. И. Я. Яковлева) сообщает читателю, что в лексиконе поэта «доминируют слова, обозначающие нравственные категории», что «ключевые слова Окуджавы расширяются до образов» и создают «сквозные мотивы в лирике поэта», что развёрнутые метафоры придают его лирике глубину и создают подтекст, что «важнейшая особенность песенной лирики Окуджавы — её обращённость и ко всем, и к каждому в отдельности», что «интонация его лирики отличается мягкостью, задушевностью», что «вся художественная система Окуджавы предельно органична и целостна», что он романтик, наконец. В середине статьи, несмотря на её заглавие и цитирование работ А. Жолковского, Л. Дубшана и Г. Белой, г-жа Пейкова называет Окуджаву Борисом (частенько такая интерпретация его инициала встречается в Интернете, что наводит на внаучные мысли о происхождении процитированных «открытий»).

Сашина Р.

Метафоры Булата Окуджавы // Сквозь границы: Культуролог. альм. Киров: ВятГУ, 2007. Вып. 6. С. 133–140.

Известно, что «очень многие стихотворения-песни Булата Окуджавы строятся как развёрнутые метафоры, то есть за “первым”, непосредственно воспринимаемым фабульным смыслом скрывается другой, несравненно более значительный». Московский культуролог и переводчик Ревекка Сашина на многих

примерах доказывает, что «творчество Булата Окуджавы шестидесятих годов отмечено метафоричностью совершенно особого типа. Именно метафоры, основанные на бытовых подробностях и картинах, порождают взаимодействие и взаимопроникновение живой жизни и высоких культурно-исторических смыслов, создают неповторимое обаяние произведений поэта».

Сичинава Н. Г.

«Даруй нам, время, песнь его и встречу впереди!» // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: [Материалы конгресса.] СПб., 15–17 окт. 2008 г.: В 2 т. СПб.: МИРС, 2008. Т. 1: Рус. лит. в контексте мировой культуры. Ч. 1. С. 212–215.

Предметом исследования Нелли Гарриевны Сичинава (Государственный университет Акакия Церетели, Кутаиси) стала работа Окуджавы по переводу стихотворений классика грузинской литературы Хуты Берилавы. Однако в ряде случаев это скорее не анализ текстов, а беглые комментарии к ним. Из этих комментариев мы узнаём, что Окуджава при переводе «не стремилась к буквальной точности», а иногда и вовсе переводил вольно, между тем сохраняя «эмоциональный накал, лиризм, тон... подлинника»; что в данном случае переводчик остаётся верен основным принципам с в о е й поэтики — музыкальности, конкретности и зримости. На нескольких примерах автор показывает, что Окуджаве «удётся сохранить ёмкость грузинского слова», подбирая ему адекватную лексическую замену.

Смирнов В. В.

Пространство мыслей и чувств в песенном творчестве Булата Окуджавы: Философ. эскизы с философ. акцентами // Журналистика: информационное пространство. Краснодар: Кубан. гос ун-т, 2008. № 3–4 [май–авг.]. С. 36–52.

Имя этого автора (как мемуариста и краеведа) знакомо нашим постоянным читателям по публикациям в двух выпусках альманаха (см. *разд. «Ростовский след»: Вып. 6. М., 2009. С. 306–353; Свет старой дружбы. Вып. 7. М., 2010. С. 69–79*). Владислав Вячеславович Смирнов — доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) — в данной работе выступает как исследователь. Он обращается к внутренним процессам, «которыми жила интеллектуальная часть нашего общества», отражённым в песнях Окуджавы. Об-

ширная статья состоит из глав: «Время», «Аудитория», «Личность», «Творчество». К сожалению, статья опубликована без хотя бы минимальной корректуры.

Ткаченко А.

Ошибка Сальери, или О том, как рождается зависть и как с ней бороться // Фома. 2009. № 3. С. 20–23.

В одной из главок статьи («Две молитвы»; с. 21–22) публицист, поэт, постоянный автор журнала Александр Ткаченко (р. 1967; живёт в Калужской области) затрагивает контекст «Молитвы Франсуа Вийона». Ответ на эти стихи, пишет журналист, «нетрудно найти в Послании апостола Иакова: “<...> Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений” (Иак 4: 2-3)». И далее: «В своём нынешнем состоянии отпадения от Бога человек может желать даже того, что прямо грозит ему гибелью».

Урбан-Подольян А.

Образ Времени как ипостаси Высшей силы в поэзии Булата Окуджавы: (Предварит. замечания) // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск VIII. СПб.: Сударыня, 2006. С. 124–.

Материал не просмотрен *de visu*. Сборник отсутствует как в библиотеке ИНИОНа (и её филиалах), так и в РГБ, поэтому ознакомиться с данной работой нам не удалось.

Шевченко Н. А.

1) Тема музыки в поэзии Булата Окуджавы // V Масловские чтения: Сб. науч. ст. Мурманск: МГПУ, 2007. С. 148–152;

2) Концепт музыка в поэзии Б. Окуджавы // VII Масловские чтения: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Мурманск: МГПУ, 2009. Ч. 1. С. 162–172;

3) Стихотворные романсы Б. Ш. Окуджавы // Структурно-семантические параметры единиц языка и речи: Сб. науч. ст. Мурманск: МГПУ, 2009. С. 140–144.

Наталья Анатольевна Шевченко — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания в начальной школе. В первой статье она группирует и комментирует выписанные ею строки стихотворений, которые так или иначе касаются темы музыки. Вторая статья создана на основе предыдущей. Материалом для третьей

публикации послужили исключительно те стихи поэта, «в название которых входит слово *романс*». Автор приходит к выводу, что «романсы Б. Окуджавы, существуя в контексте русской поэтической речи XX века, не прерывают связи с традиционным музыкально-поэтическим жанром XIX — начала XX века».

На материале прозы

Ащеулова И. В.

Образ декабриста в романе Б. Окуджавы «Глоток свободы» и романе В. Пьецуха «Роммат» как проявление исторического сознания писателей // Проблемы интерпретации художественного текста: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием к 150-летию со дня рожд. А. П. Чехова. Краснодар: Юг, 2010. С. 36–44.

Кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века факультета филологии и журналистики Кемеровского госуниверситета Ирина Владимировна Ащеулова — автор учебного пособия «Русская поэзия второй половины XX века: имена и мотивы» (Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007), на с. 36–43 которого расположена глава «Бардовская поэзия: (Б. Окуджава и В. Высоцкий)». Однако учебник подразумевает изложение основного и бесспорного. В новой работе, уделяя подробное внимание образу Пестеля (отнюдь не главного героя романа «Глоток свободы»), автор статьи обращает внимание читателя на хронологию сюжета. «Работа над романом (1965–1969) совпала с угасанием “оттепели” и крахом надежд шестидесятников на политические и социальные изменения, — пишет далее И. В. Ащеулова. — Недавний период культа Сталина... и опасность его продолжения заставляли задуматься о роли “железной” воли в историческом процессе, о возможности новой крови. <...> В этом смысле образ декабриста из прошлого отсылает к настоящему...».

Бутаева З. А.

Арбат как центральный хронотоп в поэтической системе Б. Окуджавы // Теория и практика общественного развития. Краснодар: Хорс, 2010. № 4. С. 302–305.

Из аннотации к статье Заремы Ажуевны Бутаевой, соискателя кафедры русской литературы филологического факультета Дагестанского госуниверситета: «Новизна настоящего исследо-

вания состоит в раскрытии двойственной природы названного урбанизма, символизирующего как детство и начало будущего, вечности, так и приближающееся полное умирание. ...Делается вывод о таком основополагающем признаке творческой индивидуальности Б. Окуджавы как “арбатокентризм”».

Иванова Л.

«Поединок “фантазии с холодным гранитом”»: Булат Окуджава. «Свидание с Бонапартом»: жанр и сюжет // Иванова Л. Литературный перекрёсток: Размышления о классике и современности. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 75–88.

В свою монографию кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы Мурманского пединститута Людмила Львовна Иванова включила рецензию, написанную в 1986 году. Текст содержит очень подробный анализ романа Окуджавы. В приложенной краткой биографии говорится, что арест репрессированного в 1937-м отца Окуджавы пришёлся на семилетие писателя, между тем $1924 + 7 = 1931$. Да и школу Булат Шалвович закончил не в 1941 году, а лишь после демобилизации — в 1944-м.

Корман Б. О.

О лирической природе «Путешествия дилетантов» // Корман Б. О. Избранные труды: История рус. лит. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2008. С. 685–686.

Имя известного учёного попало в этот ряд отнюдь не по недоразумению. В одну из нумерованных книг его трёхтомника включён набросок, который ранее не публиковался. Комментаторы относят этот текст к началу 1980-х годов, «когда Б. О. Корман руководил дипломной работой Натальи Владимировны Беселевой “О своеобразии лирической прозы на историческом материале: Б. Окуджава, ‘Путешествие дилетантов’”», — по окончании УдГУ она «предполагала продолжить изучение романа в аспекте его родовых и ценностных характеристик». Набросок представляет собой пять пунктов разрозненных заметок, включающих мысли по поводу «Похождений Шипова». (Известную нам публикацию Н. В. Беселевой см.: *О своеобразии лирической прозы на историческом материале: Б. Окуджава «Путешествие дилетантов»* // *Проблема автора в художественной литературе: Тез. докл. регион. межвуз. науч. конф., посвящ. памяти проф. Б. О. Кормана; /Ижевск, 14–16 нояб. 1990 г./*. Ижевск: УдмГУ, 1990. С. 120–122.)

Садовникова Т. В.

Повесть² Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр» в контексте военной прозы 1960-х гг.: новое прочтение // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: [Материалы конгресса.] СПб., 15–17 окт. 2008 г.: В 2 т. СПб.: МИРС, 2008. Т. 2: Новое в истории рус. лит. Ч. 2. С. 310–311.

В статье кандидата филологических наук, доцента Челябинского госпедуниверситета Татьяны Валерьевны Садовниковой упоминаются и цитируются мемуары В. Мотыля, публикации Л. Бахнова, Н. Кякшто, В. Кулле, Л. Лазарева, Н. Лейдермана, Вл. Новикова, Б. Хотимского, а также высказывания самого Окуджавы. Однако при всём при этом статья начинается с того, что... весь тираж «Тарусских страниц» был якобы «изъят ещё из типографии» и что главным редактором этого альманаха буд-то бы «значился К. Паустовский»...

Смирнова А. И.

Роман Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов»: архитектура и жанр // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2006. № 5. С. 111–116. – (Сер. 8: Литературоведение; Журналистика).

Начиная свою статью кратким обзором публикаций по данной теме, доктор филологических наук, профессор Московского городского педуниверситета Альфия Исламовна Смирнова подробным образом разбирает построение романа и роль его составных частей в реализации авторского замысла. Один из выводов: «В архитектонике романа реализуется авторская установка как на избранный жанр “записок”, что обеспечивает свободу “волеизъявления” автора, а также подвижность и фрагментарность формы... так и на “игровое” начало, выраженное в мистификации читателя».

Таборисская Е. М.

Пространство Петербурга в романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петерб. чтения. Сб. науч. тр. СПб.: Петербург. ин-т печати, 2006. С. 225–232.

«...Окуджава выстраивает образ столицы под знаком “дилетантизма”, — пишет в заключение своей статьи доктор фило-

² В заголовке ошибочно: *Повести*.

логических наук, профессор кафедры книгоиздания и книготорговли Северо-Западного института печати Евгения Михайловна Таборисская. — Известное, занявшее центральную позицию в сознании читателя, сопоставляющего время и место романа с историко-культурным хронотопом Петербурга конца 1840 — середины 1850-х гг., автор либо опускает, либо уводит на периферию». Статья написана без опоры на предшествующие оруджавоведческие труды.

Филимонова Ф. М.

Проблема автора в рассказе Булата Окуджавы «Девушка моей мечты» // Наука; Творчество: Материалы Второй межвуз. науч. конф.: (18 апр. 2006 г.). Самара: [Содружество], 2006. С. 179–183.

Первая статья, которая посвящена анализу этого автобиографического рассказа. «Что же касается позиции автора, то она вполне заслуживает определения “необычная”».

Фужерон И.

Имя и «безыменность» как приём расстановки сил и выражения авторского отношения к персонажам // Семантика имени (Имя 2). М.: Яз. славян. культуры, 2010. С. 140–151.

Статья написана доктором филологических наук, профессором университета им. Шарля Де Голля (Франция) г-жой И. И. Фужерон на материале трёх рассказов В. Гроссмана и рассказа «Девушка моей мечты» Окуджавы и посвящена «приёму “присвоения” имени». Так, в последнем рассказе по имени назван лишь один персонаж — сосед рассказчика Меладзе. «Рассмотренные произведения, — пишет автор, завершая статью, — позволяют думать, что наличие или отсутствие собственного имени у персонажей не являются случайным, а может расцениваться как своего рода приём композиции, как средство показа расстановки сил персонажей и выражения отношения к ним».

Четина Е. М., Кожевникова Е. В.

Военный сюжет в современном искусстве: диалог творческих сознаний: [О кино- и театрал. интерпретациях повести «Будь здоров, школяр» О. и рассказа «Иван» В. Богомолова] // Феномен творческой личности в культуре: Памяти проф.

В. И. Фатющенко. Материалы II междунар. конф. [Москва, окт. 2006 г.]. М.: [МГУ им. М. В. Ломоносова], 2006. С. 697–706.

Елена Михайловна Четина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Пермского государственного университета, ранее обращалась к творчеству В. Высоцкого. Здесь же на фоне спектакля «Лирическая хроника боевых действий расчёта гвардейского миномёта “ПМ-38”» Пермского академического театра (2005, режиссёр Б. Цейтлин) рассматривается повесть Окуджавы (с. 997–999). О спектакле: «Сохраняя и усиливая лирическую интонацию повествования Окуджавы, постановщик усложняет содержание, встраивая образы героев в культурный контекст эпохи». И далее: «Восприятие театральным режиссёром текста Окуджавы происходит... сквозь призму образной системы известного кинофильма “Женя, Женечка и ‘катюша’”. Примерами тому являются заимствование имени главного героя» Жени Колышкина, а также сцена его встречи со связисткой Женечкой и его предполагаемая смерть (не названный по имени герой повести не погибает).

Яковлева И. П.

Образ Наполеона в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Франция — Россия: Пробл. культ. диффузий: Сб. науч. ст. [Вып. 2]. Тюмень: Печатник, 2008. С. 135–139.

Описание Бонапарта (героя заглавного, но отнюдь не главного) в романе «очень похожи на портрет Наполеона в текстах В. Жуковского». Его портрет, как установила автор статьи, старший преподаватель филологического факультета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова Ирина Петровна Яковлева, «весьма традиционен и скорее напоминает не описание реальной личности, а устоявшийся в общественном сознании образ». Причём «Б. Окуджава намеренно демонстрирует литературность своего произведения и литературность Наполеона прежде всего. <...> Мы видим императора глазами самых разных персонажей, он как бы отражается в веренице зеркал». Автор статьи делает вывод, что «Окуджава-романист ратует за обыкновенного человека, который на самом деле совсем не обыкновенен: он неповторим, он — частичка того, что мы называем временем, Историей, и состоит из отдельных судеб. Чувство причастности заставляет обострённее ощущать личную ответственность за происходящее, не быть посторонним.

В этом отношении роман Окуджавы актуален в любые времена и созвучен любой эпохе».

***Дополнения к научной библиографии
2001–2002 гг.***

Кофанова В. А. Образ «трубы» в музыкально-поэтическом тексте Б. Ш. Окуджавы // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: Науч.-метод. семинар «Textus». Сб. ст. — Вып. 6. — СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. — С. 155–157.

Гурвич И. А. [О «проблематичности» поэзии О.] // Гурвич И. А. Проблематичность в художественном мышлении (конец XVIII–XX вв.). — Томск: Водолей, 2002. — С. 210–212. — В гл. «Поэзия как объект полемики».

Подготовил А. АЛЬТШУЛЛЕР

ВРЕМЯ МЕМУАРОВ

Обзор прессы и книг 2006–2010 годов

Первый и последний такой обзор публиковался в нашем альманахе в 2005-м (*Вып. 2. С. 435–446*). В нынешнем выпуске мы решили исправить положение и наверстать упущенное. Полные (идентичные) перепечатки из российских источников не учитываются. Сюда не включены также описания мемуарных материалов альманаха «Голос надежды».

Первые публикации

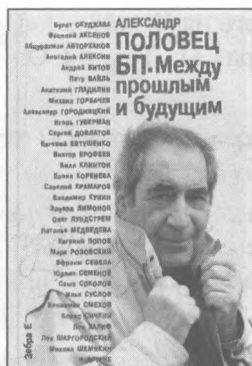
Егоров Н. Булат Окуджавы // Егоров Н. Мастера: Воспоминания о писателях и художниках. Кн. 2. Ростов-на-Дону: Новая кн., 2006. С. 31–40.

Имя автора мемуаров уже упоминалось, а эти воспоминания цитировались на страницах альманаха (см.: *Вып. 6. М., 2009. С. 321–352*) в связи с первым пребыванием Окуджавы в Ростове-на-Дону в 1958 году. Однако география воспоминаний ростовского поэта Николая Егорова шире: это ещё встречи в Москве и в Переделкине. Единственный эпизод, который не удалось подтвердить с помощью других свидетелей события, относится к совместной писательской поездке на теплоходе по Волге, организованной Бюро пропаганды при Ростовском отделении Союза писателей. Вероятно, перед нами один из тех самых нередких для человеческой памяти случаев конфабуляции, о которых альманах писал в том же шестом выпуске (*С. 249, 259–260*).

Половец А. Булат // Половец А. Мистерии доктора Гора [и др. произведения]. М.: Зебра Е, 2006. С. 9–84.

Половец А. Булат Окуджавы; Окуджавы Б. Письма [к А. Половцу] // Половец А. БП. Между прошлым и будущим. М.: Зебра Е, 2008. С. 240–257, 422–425.

В первый сборник вошёл текст воспоминаний писателя и журналиста Александра Половца, живущего в США. Этот автор

в 1991-м предоставил свой дом Булату Шалвовичу, которому во время гастролей по Америке и Канаде срочно потребовалась операция на сердце. А книга «Булат» о тех (и не только о тех) событиях увидела свет в Лос-Анджелесе в 2001 году. Письма Окуджавы к автору впервые опубликованы во втором из представляемых авторских сборников — полностью мемуарном. Там же (во второй книге) о поэте говорится неоднократно (см. с. 10, 12, 13, 53, 54, 71–73, 141, 168–172, 174, 210, 232, 235, 325, 328, 331, 332, 342, 354, 355, 363, 364, 365, 367, 369, 375, 385, 397, 399).

Солнцева О. И. Любите ли вы Окуджаву?: [О выступлениях О. в Ульяновске в 1967 г.] // О людях хороших / Сост. Г. А. Дёмочкин. Ульяновск: УлГТУ, 2006. С. 32–38.

Воспоминания написаны автором единственной газетной статьи о выступлениях Окуджавы в Ульяновске (см.: *На стрелке жизни* // *Ульянов. комсомолец*. 1967. 30 янв.). Эта поездка в группе писателей известна «благодаря» доносу, направленному секретарём местного обкома А. Скочиловым в ЦК КПСС. Сам донос о «чувстве недоумения и возмущения» был вызван политической стороной гастролей поэта и его коллег, точнее — их чересчур смелыми и самостоятельными высказываниями.

Ширвиндт А. А. Паркинг // Ширвиндт А. А. Schirwindt, стёртый с лица земли: Кн. воспоминаний. М.: Эксмо, 2006. С. 74–78; То же. — 2010.

Основой кратких воспоминаний послужили шуточные стихотворные послания, которыми известный актёр и режиссёр обменивался с поэтом по дороге к месту совместного отдыха и юбилеев («Радость Встречи, боль утраты...»; «Прекратите

этих штук...»; «По дороге на Хухры...»; «Прими, брат, поздравленья, от нашего двора...»). Тексты Окуджавы публикуются впервые.

Павлов А. Случайно встретил Короля // Форум-Арт. Подольск, 2007. 27 июня – 11 июля (№ 13).

Автор дважды посылал любимому поэту книги с поэтическими посвящениями (свою и поэтессы Л. Матвеевой) и оба раза получал ответные письма, которые приведены в тексте этой небольшой заметки.

Босенко В. Мемуары бывшего шена: (Булат Окуджава) // Наша улица. 2007. № 9. С. 41–49.

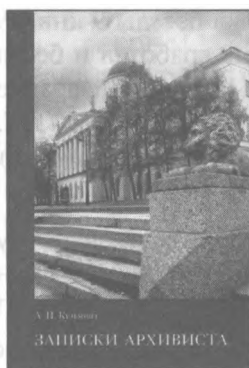
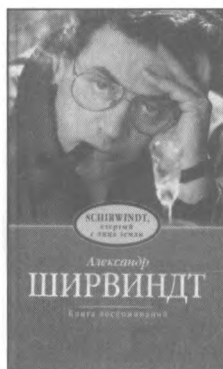
Автор — киновед, он известен нашим читателям по окуджавоведческим публикациям в сборниках, издаваемых переделькинским Музеем поэта, и в «Литгазете», а также по его песенной фильмографии. В центре мемуарного очерка, насыщенного фоновыми подробностями творческой жизни Окуджавы, — два визита в Госфильмофонд, который Мастер посетил в 1970-е с целью просмотра ряда зарубежных кинокартин, тогда зрителю недоступных. К сожалению, в тексте не затронуты подробности работы над прижизненным авторским сборником «Капли датского короля» (М.: Киноцентр, 1991), составителем которого также выступил Валерий Босенко. Включён фрагмент телеинтервью писателя с журналистом В. Кара-Мурзой (26.02.95).

Кузьмина Л. И. «Он между нами жил» // Кузьмина Л. И. Записки архивиста. СПб.: Росток, 2008. С. 104–107.

О попытке создания рукописного фонда Окуджавы в Пушкинском Доме и о связанной с этим беседой, для которой автор приехала в Москву. А также о встрече с тёщей писателя — Верой Александровной Арцимович.

Панфёров Р. Газетчик // Калуж. губерн. ведомости. 2008. 10 июля (№ 7). С. 21.

Текст представлен как глава из книги о поэте. В ней говорится о его работе в областном «Молодом ленинце», куда Рудольф Панфёров (печатается с 1961-го) приходил к своему бывшему учителю и будущему коллеге на консультации. К сожалению, в тексте невозможно провести грани между личными воспоминаниями и впечатлениями, рассказами третьих лиц и вычитанным из других источников, — таков выбранный автором жанр

книги-биографии. К примеру, эпизод с игрой в шашки между «чемпионом редакции» Окуджавой и чемпионом Желохова журналистом А. Золотиным, как нам видится, записан со слов последнего. А разговор с главным редактором газеты Николаем Панченко при написании Окуджаве рекомендации для вступления в партию и вовсе представляется полностью вымышленным.

Медников А. Без ретуши / Публ. М. Сорокиной // Кольцо А. № 43. 2007. С. 130–168.

На страницах 150–152 журнала участник событий рассказывает, наоборот, о предпринятой 1 июня 1972 года попытке исключения Окуджавы из КПСС (подробности этой истории см.: *Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 268–319*). Вообще публикуемые здесь мемуары бывшего рабочего секретаря правления Московского отделения СП СССР Анатолия Медникова очень подробны и наводят на мысль, что написаны они с опорой либо на дневники, либо на стенограммы различных заседаний (в том числе это касается и исключения А. Галича из Союза писателей в 1971-м, — см. с. 131–144).

Лобачёв В. Булат Окуджава. Один час с кумиром // Метапозитика: Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus: Текст как явление культуры». Вып. 1. Ставрополь: Изд-во гос. ун-та, 2008. С. 635–638.

Помог автору организовать встречу с кумиром писатель Вячеслав Кондратьев. Окуджава на даче дал часовое интервью и, надписав, подарил журналисту книгу. После чего пошёл провожать его на станцию. А по дороге «негромко декламировал стихи: знакомые и совсем новые». Интересные исследователю

штрихи: точная датировка беседы 9 янв. 1991 года, а также тот факт, что магнитофон не сработал и беседу пришлось восстанавливать по памяти. Небольшой фрагмент той публикации (Опубл.: *45-я параллель. Ставрополь, 1991. № 2. С. 2–3*; То же в сокращении см.: *Вест. Совет. фонда культуры. 1991. № 1*) включён в текст воспоминаний.

Лукина М. Феномен Булата Окуджавы // Лукина М. Звонящий горизонт: Очерки и эссе о бардах. Челябинск: [Челяб. гос. акад. культуры и искусств], 2008. С. 209, 211–216.

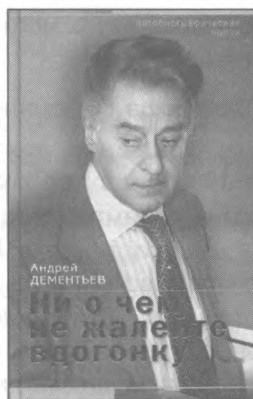
Журналистка, автор-исполнитель рассказывает о выступлениях Окуджавы в Челябинске, куда он приехал в 1986 году с группой бардов. На страницах 217–239 приведена стенограмма его сольного выступления на встрече с творческой интеллигенцией города в помещении кукольного театра. Другие страницы книги, где упомянут поэт: 16, 18, 20, 22, 37, 55–57, 66, 74–75, 80, 83, 93, 104, 106–107, 114, 116, 124, 143, 149, 155, 165, 178, 184, 193, 196, 254–255, 299.

Матисов В. Булат Окуджава // Матисов В. Среди хрупких муз и мудрых дядек: Мемуары конформиста. СПб.: Алетейя, 2008. С. 59–62.

Воспоминания Валерия Матисова связаны с его служебной (дипломатической) деятельностью. Во время приезда поэта в Рим в ноябре 1987-го Матисов служил в нашем тамошнем посольстве на должности советника по культуре, и они «в крохотной траттории» вспоминали первый приезд Окуджавы в Париж, когда начинающего дипломата ещё не подпустили к гостю. Потом была встреча в том же Париже (видимо, в 1994-м), — гость попросил автора мемуаров помочь купить ему нечто для больного ребёнка друзей. Вот и все подробности встреч, о которых напоминает книга с дарственной надписью «Алле и Валерию сердечно». О смерти писателя автор узнал лишь когда, направляясь на работу в МИД, заметил очередь пришедших попрощаться с поэтом в театре Вахтангова.

Соловьёв С. Начало. То да сё. СПб.: Амфора: Сеанс, 2008. С. 149–157. (Записки конформиста; Кн. 1).

В первой из книг трёхтомных воспоминаний известного кинорежиссёра рассказывается о попытке написания совместного с Окуджавой сценария по авторским песням последнего.

Киномюзикл «Вера, Надежда, Любовь» пополнил список неосуществлённых задумок поэта и барда. Он упоминается и в других главах книги — на страницах 103, 175, 225.

Налбандян З. Мой дядя Булат // Моск. комсомолец. 2009. 6 мая. С. 6.

Налбандян З. «Он был из непрощающих» / [Беседовал] Д. Быков // Собеседник. 2009. 13–19 мая (№ 17). С. 21.

Новые штрихи в общую биографическую картину вносят воспоминания журналиста-международника Зураба Налбандяна — двоюродного племянника Булата Шалвовича, сына небезызвестной Луизы, о которой мы читали в биографических очерках Марата Гизатулина. Места действия — Тбилиси-1945, Ереван-1963, Москва 1960-х и 1970-х.

Окуджава О. Булат Окуджава. Кустарь-надомник / [Беседовала] В. Оберемко // Аргументы и факты. 2009. 6 мая (№ 19). С. 43.

Вдова Окуджавы Ольга Арцимович редко соглашается на беседы с журналистами, но перед нами как раз тот случай. И публикации её интервью всегда читаются с интересом. «...За Булатом Шалвовичем следили очень пристально. Оказывается, жучки стояли даже у нас дома... Случалось, что по улицам за нами по пятам ходили агенты, но про жучков у постели мы даже не догадывались». «У нас главой семейства была я, и право голоса в решении всех вопросов принадлежало мне... — рассказывает Ольга Владимировна, и тут же признаётся: — Иногда я влезала в сферы, в которых мне совершенно не следовало находиться...» Основной мотив подобных публикаций — вокруг «все стараются

ся заработать... или самоутвердиться» на имени поэта — также присутствует.

Зельников Ю. Памятные встречи // *Весть. Калуга*, 2009. 7 мая. С. 25.

Инженер, лектор обкома, доцент кафедры философии, в 1990-е депутат Законодательного собрания Калужской области — вспоминает, как впервые оказался на выступлении Окуджавы, когда тот в 1969-м приехал в Калугу. Автор описывает также свой приезд в Безбожный для беседы с Мастером (см.: *Я с удовольствием пожил бы в Калужской губернии* // *Весть. Калуга*, 1996. 27 июля. С. 13). Во время этой встречи Окуджаве была вручена анкета, которую он позже прислал заполненной наполовину, а в сопроводительном письме написал, что делал это «с отвращением». Предназначалась она для подачи документов на звания почётного гражданина города и области. Повествуя о втором своём посещении квартиры поэта — 6 декабря того же года, когда уже вручал ему ленту Почётного гражданина города Калуги (этот момент запечатлён на фото), — Юрий Зельников рассказывает и о видеосъёмке, которую вопреки отказу хозяина удалось сделать сопровождавшему его телеоператору Алексею Семёнову.

Дементьев А. Окончена великая страда...; Из дневника. 1982–1983 годы // Дементьев А. Ни о чём не жалеете вдогонку: Автобиограф. проза. М.: Эксмо, 2009. 173–182.

Коллега и сосед Окуджавы по дому излагает свою версию известного (уже мифологизированного) разговора в лифте, который приписывают многим, вплоть до Льва Ошанина. Оказывается, фраза про гонорары «Песни надо писать!», произнесённая Андреем Дементьевым, была его шуткой, которую Булат Шалвович оценил по достоинству. Рассказано о том, как Окуджава привёл в «Юность» Веронику Долину, и о других встречах во время пребывания Дементьева на должности главного редактора этого журнала. А ещё раньше, в бытность автора воспоминаний на должности завредакцией «Молодой гвардии», это издательство пыталось выпустить сборник окуджавских стихов. Впрочем, Дементьев уверен, что сборник вышел-таки, что не соответствует действительности. Как уверен он и в том, что строки «Каждый пишет, как он слышит...», фактически написанные в 1975-м, навеяны событиями вокруг издания альманаха «Метрополь» (1979). См. также: С. 6, 70, 89, 111, 156, 158.

Жирмунская Т. «Ты», которое стремится к «Вы» // Грани. Париж, № 231. М.; Париж; Берлин; С.-Франциско, 2009. Июль–сент. С. 191–201.

Поэтесса Тамара Жирмунская рассказывает, как познакомилась с Окуджавой, придя к нему в издательство «Молодая гвардия» за подстрочниками для переводов; как он печатал её стихи, работая в «Литературке»; касается истории написания «Прощания с новогодней ёлкой»; называет города, в которые ездила с ним в одной писательской бригаде — Иваново, Шуя, Палех, Сыктывкар, Княжпогост, Инта, Воркута, Львов; вспоминает, каким он был в быту и в застолье. В текст включено стихотворное посвящение коллеге «Мы — поколение унесённых ветром...» (В том же номере на с. 185–190 напечатаны те же воспоминания Ф. Хитцера, что и в пятом выпуске «ГН».)

Войнович В. Булат Окуджава; Булат и Галина; Последние дни Булата // Войнович В. Автопортрет: Роман моей жизни. М.: ЭКСМО, 2010. С. 322–323, 411–412, 777–778.

В огромной мемуарной книге Владимира Войновича Окуджаве посвящены три главки, рассказывающие о первых и последних годах и днях дружбы двух писателей. Прочие моменты их общения затрагиваются фрагментарно и вскользь (см. с. 258, 384, 386, 387, 513, 554, 568, 651, 776).

Познанский В. «Этот подонок...» // Кольцо А. 2010. № 47(1). В публ.: «Записки радиожурналиста».

В небольшой зарисовке радиожурналист, в своё время бравший интервью у Окуджавы, вспоминает, какими эпитетами тот не стеснялся награждать тогдашнего секретаря горкома КПСС В. Гришина.

Фридкин Вл. Свидание с Окуджавой // Фридкин Вл. Фиалки из Ниццы: Док. проза. М.: Аграф, 2008. С. 237–238.

Свидание так и не состоялось. Приехав из далёкой страны, автор книги — физик и литератор — хотел выполнить своё обещание, данное на чужбине. «...Я позвонил Булату. Ответила жена, Ольга Арцимович. Я сказал ей, что привёз из Японии диск с песнями Окуджавы на японском языке и готов встретиться с Булатом Шалвовичем и передать подарок певицы. Жена поблагодарила и сказала, что сама приедет ко мне. Она приехала в назначенное время и забрала диск».

**Новое качество, новый текст,
перепечатки редкостей**

Шедвиговский И. Один из нас // Деловая провинция. Калуга, 2006. 2–8 июня (№ 20). С. 15.

Перед своей смертью коллега Окуджавы по калужской газете «Молодой ленинец» успел опубликовать новую редакцию воспоминаний о поэте. Впрочем, принципиальных отличий или каких-либо упущенных ранее деталей по сравнению с прежними публикациями (см., например: «*Меня зовут Булат*» // *Знамя*. Калуга, 1997. 30 авг.) в ней не содержится.

Горленко Н. Другая жизнь Булата / [Беседовала] О. Сапрыкина // Атмосфера. 2006. № 6. С. 40–47; То же, сокр.: Последняя любовь Булата // Моск. комсомолец. 2006. 5 мая. С. 6.

Горленко Н. Наталья Горленко и Булат Окуджава: «Клянусь, что это любовь была...» / [Беседовала] Е. Тришина // Театрал. 2008. № 5. С. 36–41.

Горленко Н. Булат Окуджава: Жизнь моя связана с вами отныне... / [Беседовала] Е. Салтыкова // Антенна. 2009. № 20 (11–17 мая). С. 20–21.

«Последняя любовь Булата Окуджавы», как именуют Наталью Горленко в средствах массовой информации, не публикует своих воспоминаний, но с некоторых пор (см.: *Запретная любовь Булата Окуджавы* / [Беседовал] Ф. Медведев // *Версия*. 2004. 10–16 мая. С. 20–21) иногда соглашается на откровенные беседы с журналистами. В связи с этим мы знаем только определенное количество информации о её общении с Мастером, обусловленное одними и теми же вопросами собеседников.

Карякин Ю. Переделкинский дневник // Карякин Ю. Перемена убеждений. М.: Радуга, 2007. С. 299–413. – Об О.: С. 314, 315, 364–367, 372, 381–382, 387, 388, 394; См. также: С. 121, 177, 183, 210, 285, 286.

Содержание многих из дневниковых записей писателя знакомо по другим его текстам и интервью, однако на сегодня это самый полный свод авторских записок-размышлений об Окуджаве.

Сидоровский Л. «Совесь, Благородство и Достоинство...» // Нев. время. СПб., 2006. 9 нояб. С. 10; То же // С.-петерб. курьер. 2008. 22 мая (№ 20). С. 24.

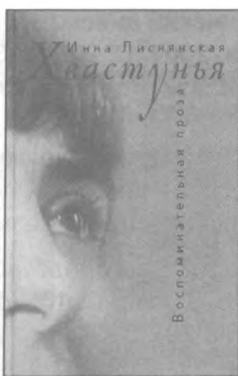
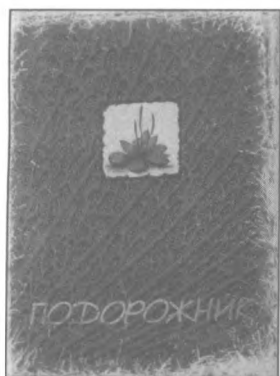
Лев Сидоровский — журналист, которому удалось первым напечатать в советской прессе свою довольно обширную для тех времён беседу с Окуджавой (см.: *«И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной...»* // *Смена. Л., 1971. 24 нояб.*). С тех пор им было опубликовано ещё несколько оригинальных интервью с Мастером, в том числе в ряде центральных изданий. Впервые его воспоминания опубликованы в год смерти поэта (см.: *Дамский угодник. СПб., 1997. № 8*). Однако все эти публикации пришлось на местную (питерскую) прессу. И потому читателям других городов, не владеющим Интернетом, эти мемуары вряд ли известны. Здесь, кроме прочего, есть рассказ о последствиях, настигших журналиста после той публикации 1971 года — они также (см. о мемуарах А. Медникова) связаны с «процессом исключения» Окуджавы из КПСС.

Курбатов В. Всякий роман — роман о себе // Курбатов В. Подорожник: [Встречи в пути, или Нечаян. история лит. в автографах попугачиков]. Иркутск: Сапронов, 2006. С. 133–142.

Часть главы из мемуарной книжки (С. 133–136) посвящена истории предисловия к роману «Путешествие дилетантов», которое было написано по просьбе самого Булата Шалвовича. Глава впервые публиковалась в газете (см.: *Лит. Россия. 2004. 12 нояб. С. 12*). Факсимильно воспроизведена рукопись, содержащая раннюю редакцию стихотворения «Старались — не дышали...» (1985) и подаренная Окуджавой критику.

Лиснянская И. Концерт на Таймыре: Три новогод. ночи с Булатом Окуджавой: [Воспом.]; Первая поминальная: Стихи // Лиснянская И. Хвастунья. М.: Вагриус, 2006. С. 423–446.

Книжный вариант воспоминаний поэтессы Инны Лиснянской также полностью повторяет газетную публикацию (см.:

Неделя. 2005. 28 окт. — 2 нояб. С. 16–17; 3–9 нояб. С. 16). Об Окуджаве говорится также и в других частях книги: С. 152–153, 156, 168, 246, 263, 296.

Козаков М. Булат Окуджава // Козаков М. Актёрская книга: В 2 т. М.: АСТ: Зебра Е, 2007. Т. 2: Третий звонок. С. 244–261.

Известные по ранним редакциям воспоминания в данной — последней прижизненной — публикации актёра и режиссёра дополнены по сравнению не только с более ранними, но и с предыдущей (см.: *Три—Михаила—Три—Козаковы. М.: Рутена, 1999. С. 480–492*). Впрочем, все эти дополнения не касаются личных встреч с Мастером, а отражают лишь рефлексии автора, — например, по поводу празднования семидесятилетия Окуджавы, которое якобы транслировалось израильским телевидением.

Соловьёв В. Записки скорпиона: Роман с памятью. М.: РИПОЛ классик, 2007. С. 198–226, 178–179.

Соответствующая глава после публикации в нашем альманахе (см.: *Вып. 1. М., 2004. С. 19–39*) также выросла в объёме, но незначительно.

Шраер-Петров Д. Гусар с гитарой // Шраер-Петров Д. Водка с пирожными: Роман с писателями. СПб.: Академ. проект, 2007. С. 218–230.

Мемуары бывшего ленинградского поэта, впервые в журнальном варианте опубликованные на Западе (см.: *Время и мы.*

Нью-Йорк, 1989. № 105. С. 61–80), только сейчас напечатаны в России, — по тексту балтиморской книги «Москва золотая» 1994 года, в расширенной за счёт личных жизненных подробностей автора редакции. См. также: С. 4, 8, 189, 194, 259.

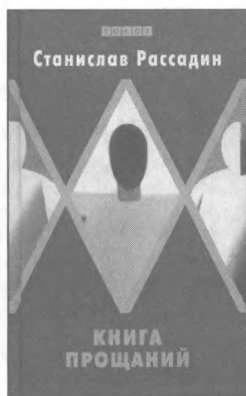
Евтушенко Е. Никогда не повышавший голоса // Новые Изв. 2008. 26 сент. С. 20.

Текст для авторской антологии «Десять веков русской поэзии» написан заново, между тем содержание его известно, — если не по воспоминаниям, включённым в сборник «Встречи в зале ожидания» (Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 49–54), то по беседам с журналистами.

Оскоцкий В. О первой любви и не только о ней // Оскоцкий В. Мозаика памяти. М.: Пик, 2008. С. 128–147.

Воспоминания недавно ушедшего от нас критика и литературоведа Валентина Оскоцкого, как и несколько его других — окуджавоведческих — статей, широко известны нашему читателю. В представляемой книге мемуарные страницы, посвящённые Булату Шалвовичу (Впервые: *Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате*. С. 133–143), существенно дополнены. Об Окуджаве см. также с. 126–127, 249, 313, 314, 316, 320, 335–336, 385, 394, 395 той же книги.

Гладилин А. Последние дни Булата Окуджавы // Улица генералов: Попытка мемуаров. М.: Вагриус, 2008. С. 300–308;

То же // Гладилин А. Меч Тамерлана [и др. произведения]. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 421–426.

Текст воспоминаний о последних днях Окуджавы в Париже (впервые: *Рос. газ.* 2001. 9 июня), написанный живущим там же писателем Анатолием Гладилиным, так же как и мемуары В. Оскоцкого, по сравнению с газетной редакцией содержит дополнительные подробности. Кроме того, имя Мастера встречается на страницах книг (соответственно): 22, 40–41, 48–49, 98, 99, 102, 137, 139–140, 147, 161, 169, 175, 201, 204, 275 и — 245–246, 252, 289, 290, 292, 319, 320, 326, 337, 343, 348, 402.

Пыжикова Т. Капли Датского короля пейте, кавалеры // Знамя в семье. Калуга, 2009. 14 мая (№ 15).

Корреспондент калужской газеты вспоминает о приездах поэта в редакцию «Молодого ленинца» в 1980-х годах. Пять лет назад Татьяна Пыжикова уже публиковала свои записки (*Знамя в семье. Калуга, 2004. 13 мая. С. 13*). Однако, как и её коллега Игорь Шедвиговский, в 2009-м переписала их заново.

Приставкин А. О Булате; Похороны Булата // Приставкин А. Всё, что мне дорого: [Дневники, ст., письма, воспом., стихи]. М.: АСТ: Зебра Е, 2009. С. 281–299.

Книжное издание публиковавшихся воспоминаний о работе Окуджавы в президентской комиссии по помилованию (впервые: *Дружба нар.* 1999. № 12. С. 133–141). Кроме того, они выделяются из общего ряда несколькими включёнными в текст стихотворениями «на случай», не известными читателям по ав-

торским публикациям: «Я забежал на улочку...», «Обсуждали донос и стукачество...», «Гост Приставкина». Авторская рукопись стихотворения «Насколько мудрее законы, чем мы, брат с тобою...» воспроизведена в книге факсимильно. См. об Окуджаве также: С. 171–172, 232, 271, 277, 278, 310, 324, 326, 327, 328.

Рассадин С. Начало; Три легенды об Окуджаве // Рассадин С. Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только о них. 2-е изд., доп. М.: Текст, 2009. С. 7–15, 399–428.

Внимание! Переиздание, несмотря на декларируемые дополнения, по сравнению с первым вариантом книги (2004) содержит лишь минимальные исправления. См. также с. 17, 18, 19, 33, 55, 56, 75, 91, 92, 102, 104, 107, 109, 149, 165, 166, 214, 223, 230, 236, 241, 242–243, 259, 278, 313, 366, 371, 379–380, 381–382, 383, 390, 394, 396.

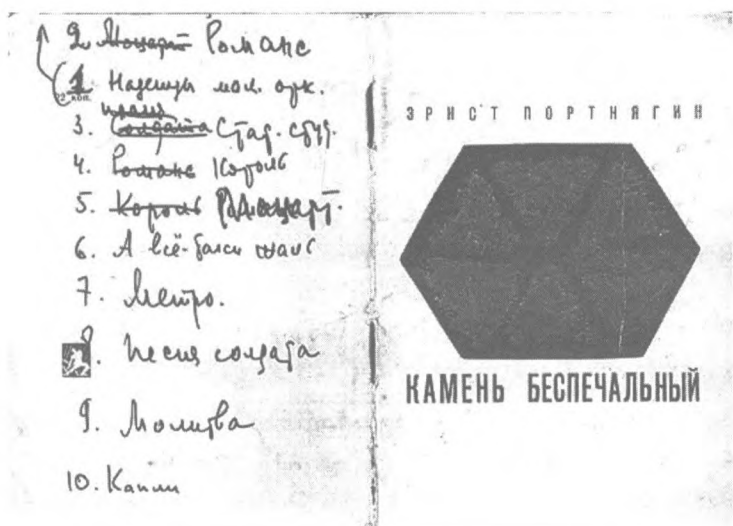
Михайлов А. Простите пехоте // Лит. учёба. 2010. Кн. 3 (май–июнь). С. 157–162.

Питерский прозаик Анатолий Михайлов рассказывает о единственной встрече с Окуджавой, к которому пришёл показать собственные песни, написанные на стихи Отара Челидзе и переведённые на русский язык Мастером. Рассказ уже публиковался в авторском сборнике «В тяжёлую минуту» (М.: Б. и., 1991), однако та небольшая брошюрка до недавнего времени не входила в библиографии и практически не была известна.

Из Интернет-публикаций

Фридман В. Н. «Современник» и другое: «Вкус черешни»; Булат Окуджава: вечер поэзии в Доме Литераторов // Сайт Виктора Н. Фридмана. 2007. Март. – <http://www.victorfridman.com/sovremennik.htm>.

Композитор, пианист и джазмен Виктор Наумович Фридман — автор известной в бардовских кругах песни «О, земля близ Онеги» на стихи Натана Злотникова — разместил на своём сайте воспоминания, начальные главы которых рассказывают о Булате Окуджаве. Первая посвящена его участию в известном спектакле. Во второй рассказано о концерте в ЦДЛ начала 1971 года и его предыстории, которая проиллюстрирована авторским черновиком программы, намеченной поэтом для выступления

(см. иллюстрацию). Ныне эта книга, на обложке которой написан черновик, подаренная автором Дому-музею Окуджавы, должна храниться в его фондах.

Лезинский М. О Булате Окуджаве замолвить словечко хочу... // Одинцово ИНФО. 2008. 14 апр. – <http://www.odintsovo.info/news/?id=16296>.

Михаил Лезинский — российско-украинско-белорусско-израильский литератор (он член писательских Союзов всех этих стран). В его воспоминаниях повествуется о единственном концерте, который в севастопольском театре им. Луначарского дали 21 октября 1984 года приехавшие в город Булат Окуджава, Наталья Горленко и Аркадий Арканов; о фотосъёмке на берегу, сделанной фотокорреспондентом Вячеславом? (Славой) Горбачёвым. Концерт в основном запомнился автору тем, что Окуджава якобы бросил сидящему в первых рядах начальству упрёк в отсутствии в гостинице воды. Такое легендарное восприятие событий можно сравнить с соответствующим местом в расшифровке фонограммы концерта, помещённой тут же (публикация, видимо, принадлежит В. Губанову). Этим дополнением публикация отличается от ранней версии, помещённой в интернет-журнале «Самиздат» в 2004-м (http://samlib.ru/l/lezinskij_m_l/obyuat.shtml).

Невинная В. Стихи о поэзии и вечности / Беседовала М. Улыбышева // Свояси-холл: [Сайт ансамбля бардовской песни «Свояси»]. Б. г. – http://svoyasi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=12&Itemid=8.

Вся беседа с поэтессой Валентиной Невинной посвящена её дружбе с Булатом Окуджавой. Их знакомство состоялось ещё в 1950-е в Калуге. Позднее Мастер помог издать Невинной её вторую книгу стихов, переехать в Москву. А она познакомила его с Борисом Чичибабиным (письма к Чичибабину и его вдове см.: *Голос надежды. Вып. 7. М., 2010. С. 82–89*). В текст интервью включены два стихотворения, адресованные Окуджаве: Посвящение Булату («Мне богом данный брат...») и «Ершалаим уездного пошиба...».

Мемуары читал Кирилл АНДРЕЕВ

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

По материалам Интернета (2010)

Dictio

Юбилей народной артистки России Елены Камбуровой

11 июля народную артистку России, художественного руководителя театра Музыки и Поэзии Е. А. Камбурову поздравили с Днём рождения заместитель Председателя Комитета Государственной Думы РФ по образованию, академик В. Е. Шудегов, президент Российской академии образования, академик Н. Д. Никандров и ректор Университета Российской академии образования, академик М. Н. Берулава. <...>

«Счастливое сочетание вокала, ума и таланта», — такой «формулой» определил Булат Окуджава мастерство Елены Камбуровой.

Б. Окуджава представлял Е. Камбурову на концерте в Польше в 1990 году. Любительская запись, сделанная на диктофонной кассете, только через двадцать лет была найдена и оцифрована. Слова Окуджавы сегодня цитируются впервые:

«Для меня большая честь представлять вам Елену Камбурову. Она не просто исполнитель — исполнителей очень много. Она для меня, прежде всего, человек с трудной судьбой. А её трудная судьба сложилась потому, что она никогда не стремилась заигрывать со зрителем, не искала лёгкие пути, собирала свой собственный репертуар, и я помню, как официальные власти бывали часто ей недовольны. Но она как настоящий художник делала своё дело. Но самое главное, что я в ней ощущаю: она уже так слита со своим

репертуаром, что я её воспринимаю как автора этих произведений. И я вместе с вами радуюсь встрече с ней».

Л. КУТЬЕВА

11 июля

Сайт журнала «Вестник университета
Российской академии образования»

http://www.vestnikurao.ru/pages_22/index.html?item=3

Anons

21 марта в Зале органной и камерной музыки артисты Омской филармонии представят зрителям литературно-музыкальную программу «Песенка о моей жизни», в которой прозвучат песни и стихи Булата Окуджавы, любимые миллионами слушателей.

Мастер художественного слова Лариса Дубинина, певица Анна Шинковая, пианист Юрий Поляков и гитарист Андрей Соловьёв продемонстрируют публике своё видение и понимание души поэта. В программе будут представлены основные вехи биографии Окуджавы: «арбатское братство», война, любовь, искусство, «арбатский эмигрант» — последний период жизни и творчества мастера.

Концерт, посвящённый творчеству Булата Окуджавы, состоится 21 марта в 17 часов в Зале органной и камерной музыки, — сообщает пресс-служба Министерства культуры Омской области.

18 марта

РИА Омск-Информ

<http://www.omskinform.ru/main.php?id=1&nid=25975>

Фестиваль Булата Окуджавы откроется в День Победы

С 9 по 23 мая в Московском театре «Школа современной пьесы» пройдёт фестиваль памяти Булата Окуджавы «И друзей созову...»

9 мая — и юбилейный 65-й День Победы, и День рождения Булата Окуджавы, который по инициативе театра «Школа современной пьесы» отмечается традиционным ежегодным фестивалем «И друзей созову...»

9 мая 1994 года в театре «Школа современной пьесы» отпраздновали 70-летний юбилей Булата Окуджавы. Не удивительно ли, что поэт, написавший о войне так лирично и так непарадно, родился именно в день Победы? <...>

Фестиваль проводится уже в седьмой раз. В этом году организаторы стремились представить зрителям творчество самых

разных, не похожих друг на друга почитателей и последователей Барда. А потому в афише фестиваля рядом с корифеями жанра авторской песни Александром Городницким и Тимуром Шаовым, Галиной Хомчик и Сергеем Никитиным заявлены эксцентричный «Хоронько-Оркестр» из Санкт-Петербурга, лидер группы «Несчастный случай» Алексей Кортнев, мастер актёрской песни Елена Камбурова, мастера русского и цыганского романса Елена и Валерий Уколовы, актёр, писатель, автор и исполнитель песен Владимир Качан, замечательная артистка театра и кино Светлана Крючкова, ансамбль «Редкая птица», братья Мищуки, а также известный актёр и телеведущий Александр Гордон.

Открытие — 9 мая в 15.00 на Трубной площади, где состоится уличный концерт с участием молодых артистов, бардов, поэтов. Вечером в театре «Школа современной пьесы» — Гала-концерт. На сцену «Школы современной пьесы» выйдут артисты театра «Школа современной пьесы», участники фестивальной программы, друзья и почитатели Булата Окуджавы...

А. ПЛЕШАКОВА, 5 мая

ЗАО ИД «Комсомольская правда»

<http://msk.kp.ru/daily/24484/641054/>

В Пензе пройдёт концерт, посвящённый Булату Окуджаве

Музыкально-поэтический вечер «На ясный огонь», посвящённый Булату Окуджаве, пройдёт в музыкальной гостиной пензенской филармонии в четверг, 20 мая. Автор программы — мастер художественного слова, заслуженный артист России Павел Викман.

«Под аккомпанемент гитары в его исполнении прозвучат стихи и песни известного поэта-песенника, в том числе, “Синий троллейбус”, “А ну, швейцары” [?!], “Настоящих людей так немного” и заглавная песня концерта “На ясный огонь”», — сообщила ИА «PenzaNews» пресс-секретарь филармонии Марина Блинова...

17 мая

Региональное информационное агентство «PenzaNews», Пенза

<http://penzanews.ru/content/view/16652/29/>

Художественно-публицистический проект «Лицо Победы»

65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и историческому Параду Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. — посвящается!

17 июня одновременно в Москве и Санкт-Петербурге открывается выставка проекта «ЛИЦО ПОБЕДЫ». На ней будут представлены художественные портреты ветеранов Великой Отечественной войны от известных фотографов страны.

Проект «ЛИЦО ПОБЕДЫ» стартовал в марте 2010 года как попытка запечатлеть для истории своеобразную летопись Великой Победы в лицах, максимально выразительно показать личности ветеранов ВОВ на фотопортретах высочайшего художественного качества. Открыть обществу подлинное Лицо Победы — настоящих героев, достойных поклонения и подражания молодёжи, людей сильных духом, яркой жизненной судьбы, которые сумели проявить себя и на поле боя, и в последующей мирной жизни.

У истоков проекта, зародившегося среди членов Гильдии рекламных фотографов, стояли Юрий Жёлудев, Дмитрий Мухин, Набир Чанышев и Александр Щербаков. Их поддержали лучшие фотомастера России, среди которых Александр Насонов, Владимир Вяткин, Валерий Плотников, Юрий Рост и другие. Всего двадцать пять фотографов из Москвы и Санкт-Петербурга прислали свои работы для предстоящей выставки. Будут представлены как архивные материалы, так и портреты ветеранов, сделанные во время подготовки проекта.

Благодаря совместной работе с Советами ветеранов, удалось создать портреты наших современников — уникальных личностей, создавших историю России: лётчицы Надежды Васильевны Поповой, легендарного штурмана Виктора Михайловича Лавского, капитана подводной лодки Давида Мироновича Дубмана, простых тружеников войны — рядовых и медсестёр.

С выставочных стендов на вас будут смотреть доброволец Булат Окуджава и медсестра Татьяна Чубарова, юнга Северного флота Евгений Кириллов и телефонистка-морзистка Нина Батова...

15 июня

Музеи России

<http://www.museum.ru/N40489>

В Комплексном центре социального обслуживания населения откроется литературная гостиная

Завтра в Мурманске откроется литературная гостиная, посвящённая творчеству Булата Окуджавы «Давайте понимать друг друга с полуслова». Встреча творческих людей пройдёт в Комплексном центре социального обслуживания населения,

отделение дневного пребывания граждан пожилого возраста и инвалидов Первомайского округа (г. Мурманск, ул. Шевченко, 15).

20 сентября

Сайт г. Мурманск

http://www.murman.ru/news/?d=20-09-2010_15:53

В Литературном музее покажут архивы великих писателей

В Государственном литературном музее завтра, 28 октября, откроется выставка документов из архивов Михаила Булгакова, Андрея Белого и других великих русских писателей. Коллекция была передана в дар музею банком ВТБ.

На выставке будет представлена коллекция документов Михаила Булгакова, которую собрал букинист Эммануил Ципельзон, рукопись писателя Андрея Белого, архивы автора повести «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова. Самый обширный — архив Льва Копелева и Раисы Орловой, который включает творческие рукописи этой семьи, переписку, портреты, фотографии, личные вещи, а также коллекцию книг с дарственными надписями Солженицына, Сахарова, Окуджавы, Войновича, Искандера, Ахмадулиной, Евтушенко и Вознесенского.

Выставка будет работать по 1 декабря. РИА «Новости».

27 октября

Газета.RU

http://www.gazeta.ru/news/culture/2010/10/27/n_1564616.shtml

Вечер в честь Булата Окуджавы состоится в КЗ имени Чайковского

27 ноября 2010 года, в субботу, в 19.00 в Концертном зале имени П. И. Чайковского состоится вечер «Заязжий музыкант» в честь Булата Окуджавы.

В концерте принимают участие: Алексей Петренко, Армен Джигарханян, Ия Саввина, Сергей Безруков, Зара, Дмитрий Харатьян, Дмитрий Назаров, Галина Хомчик, Юлия Рутберг, Владимир Качан, Тимур Ведерников, группа «Редкая птица», ансамбль «Бархатный сезон», артисты Театра Елены Камбуровой. Вечер ведёт Дмитрий Быков.

В пантеоне отечественной культуры минувшего века Булат Окуджава, пожалуй, самая парадоксальная фигура. На его судьбу выпали все крупные испытания XX века: террор 37-го, война, цензурные преследования, кровавые конфликты при распаде СССР... Он встретил все испытания с достоинством и бесстра-

шем. В нём было нечто от благородного дворянина XIX века — не зря в своей прозе поэт многократно обращался к героям и темам той эпохи.

Поэт, певец и музыкант Булат Окуджава говорил о самом простом и банальном с душой. Основным мотивом его лирики были фронтовые впечатления и романтика повседневных отношений. Популярность пришла к нему, когда он взял в руки гитару и начал петь под собственную несложную, однако очень мелодичную, запоминающуюся музыку свои стихи (их более восьмисот). Появились магнитофонные записи его выступлений, принёсшие Окуджаве широкую популярность. Записи его песен разошлись по стране в тысячах экземпляров, звучали в кинофильмах и спектаклях, в концертных программах, в теле- и радиопередачах. Песни Окуджавы ценил за их музыкальную феноменальную запоминаемость Шостакович.

Окуджава один из первых, кто сделал бардовскую песню популярной и привлёк к ней огромное количество молодых людей. Из этого впоследствии мощного движения бардов в СССР затем появились такие прославленные поэты-певцы, как А. Галич и В. Высоцкий.

Окуджава также автор нескольких прозаических произведений: «Будь здоров, школяр», «Девушка моей мечты», «Заезжий музыкант» [?!], «Бедный Авросимов», «Упразднённый театр» (присуждена букеровская премия), «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом». Выступал как сценарист и драматург, снимался и сам в кино.

Творческие вечера Окуджавы проходили в Австралии, Австрии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Израиле, Испании, Италии, Канаде, Польше, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции, Югославии, Японии. Произведения Окуджавы переведены на множество языков и изданы во многих странах мира.

27 ноября

Информационное агентство «Ореанда-Новости», Москва
<http://www.oreanda.ru/ru/news/20101116/culture/article514061/>

Post factum

Вдова Булата Окуджавы просит помощи в сохранении дома-музея барда

О том, что вопрос с музеем Булата Окуджавы пока не решён, поведал в своём блоге Станислав Садальский. По его сло-

вам, он решил поздравить вдову Булата — Ольгу с разрешением вопроса по финансированию музея, о чём сообщали российские СМИ, однако стало известно, что всё это оказалось очередной ложью Кремля.

«Десять долгих лет шло сражение за Культурный Центр — “Дом Булата Окуджавы на Арбате”. Ценой преодоления тысячи преград и унижений помещение на старом Арбате было наконец получено — Плотников переулок, д. 21, 1-й подъезд — почти прямо за спиной памятника Булату. Получено в аренду на пять лет.

Бетонный мешок — без электричества, воды и канализации.

Была разработана концепция уникального культурного центра, но необходимый ремонт долго не начинался — не было средств. Два года назад в результате удивительной в наши дни бескорыстной спонсорской помощи дело сдвинулось, и почти половина помещения была отремонтирована. Но тут случился кризис, и всё встало.

Срок пятилетней аренды скоро кончается, и сейчас идёт процесс её переоформления уже на длительный срок, что естественно позволит нам привлечь к проекту и инвесторов и спонсоров.

Но за аренду — 92.000 рублей — и коммунальные услуги — 90.000 в месяц — надо платить сегодня, ведь оказавшись “неблагонадёжным плательщиком”, можно потерять всё — место-то золотое, желающих много... А пока Центр не открылся и не может сам себя обеспечивать — денег нет ни копейки, и даже сотрудники (семь человек) — в неоплачиваемом отпуске уже пять месяцев», — пишет в своём обращении за помощью Ольга Окуджава.

Она обращается ко всем, кто может помочь музею продержаться хотя бы два-три месяца, необходимые для переоформления аренды.

«В полном отчаянье обращаюсь ко всем, кто может помочь нам продержаться месяца два-три, необходимых для переоформления аренды. Может быть, Госпожа Удача всё-таки улыбнётся и поможет завершить создание этого уникального Места в Городе и Стране, поможет вернуть “Арбатского эмигранта” на его родной Арбат. Ведь это — последний шанс, другого уже не будет», — пишет вдова известного поэта, композитора, прозаика и сценариста.

Ранее, когда стало известно, что музей перестанет быть федеральным и лишится финансирования, грузинская сторона

высказала возможность принятия участия в его судьбе. Глава парламентского комитета по образованию, науке и культуре Грузии Георгий Габашвили в интервью «Эху Москвы» заявил, что в ближайшее время он рассмотрит возможность переезда музея на историческую родину поэта.

Станислав Сададьский, являющийся гражданином Грузии, считает, что если бы Ольга написала президенту Михаилу Саакашвили, помощь пришла бы незамедлительно.

«Грузина Булата Окуджаву там, в Тбилиси, почитают не меньше Шота Руставели. Подачки дому не нужны, нужна гос. поддержка», — пишет в своём блоге Стас Сададьский.

3 марта

*Информац.-аналитич. портал «Грузия Online»
<http://www.apsny.ge/2010/soc/1267649132.php>*

Музей Окуджавы переведут в федеральное подчинение в 2011 году — Авдеев

Музей барда-шестидесятника Булата Окуджавы, расположенный на даче в подмосковном Переделкине, передадут в федеральное подчинение только через год, сообщил журналистам в среду министр культуры РФ Александр Авдеев.

Ранее дом-музей Окуджавы оказался на грани закрытия, так как, несмотря на смену его статуса с федерального на областной в 2004 году, не были вовремя оформлены все юридические документы, закрепляющие смену статуса музея.

«Этот вопрос (передача в федеральное подчинение) уже согласован с директором музея — вдовой Окуджавы», — сказал <министр культуры>. «Этот вопрос нельзя урегулировать быстро, потому что надо восстановить все документы на здание и землю, уладить давно существующие проблемы с Литфондом», — добавил он. В январе Авдеев также сообщил, что музей Окуджавы станет филиалом музея Победы на Поклонной горе в Москве.

С 1999 года музей имел общероссийский статус и ежегодно получал из федерального бюджета пять миллионов рублей. В 2004 году он был включён в список музеев, переводящихся на областной и региональный балансы, и должен был получать те же пять миллионов рублей из бюджета Подмосковья. Однако, как рассказала ранее пресс-секретарь Минкультуры РФ Наталья Уварова, документы с новым владельцем не были оформ-

лены надлежащим образом. Со своей стороны директор музея Ольга Окуджавы сказала РИА Новости, что для неё и для музея было важным сохранить федеральный статус, который, помимо общероссийской значимости, давал гарантии на своевременные выплаты зарплат сотрудникам.

Дом-музей Булата Окуджавы на даче известного барда в Перedelкине был создан в 1998 году как народный, общественный музей. В нём полностью сохранена прижизненная обстановка и уникальная коллекция колокольчиков, собранная Окуджавой. Музей делится на две части: мемориальная часть посвящена жизни и творчеству поэта, другая представляет собой «Музей для друзей», посвящённый окружению Окуджавы и его эпохе. В музее проходят клубные встречи с поэтами, писателями разных поколений, людьми искусства: молодыми современными литераторами, в частности, поэтами с гитарами.

При музее ведётся научная работа, изучается архив Окуджавы, составляется его подробная биография и библиография его произведений, проводятся научные конференции, в том числе международные, осуществляется связь с международными фондами Окуджавы.

С. БОБК

17 марта

МОСКВА, РИА Новости

<http://www.rian.ru/culture/20100317/214944726.html>

В Палатах Коробовых открылась выставка
«История Калужского края в лицах XIX–XX веков»

Холст, масло. XVIII–XIX века. Имена большинства художников неизвестны. Фамилии тех, кто изображён на картинах, тоже долгие годы были в забвении. Их сотрудники музея устанавливали долго и кропотливо. Так по костюму и наградам удалось распознать портрет Михаила Хлюстина — сына калужского купца Антона Хлюстина. После смерти отца он с братьями достраивал известные в городе богадельни. А вот установить авторство холста помогла реставрация. Подвиг унтер-офицера Азовского мушкетёрского полка Семёна Старичкова запечатлел Николай Панов. <...>

Портрет Владыки Климента — единственный образ представителя современности. По признанию сотрудников музея, в фондах краеведческого есть и другие. Например, известных калужан XX века — Булата Окуджавы и Александра Чижевско-

го. Поэтому история калужского края в лицах будет писаться и дальше. А в портретной галерее появятся новые экспонаты.

18 марта

Калужская ГПТК

<http://kaluga.rfn.ru/rnews.html?id=13393&cid=7>

Роман Виктюк оценил энергетику нашего неба и встретился с нашим губернатором

2 апреля в Барнаул прилетел Роман Виктюк. Знаменитый режиссёр ставит в краевом театре драмы спектакль «До свидания, мальчики!» по одноимённой повести Бориса Балтера. У него особенное отношение к этой повести:

— Когда мне только сказали: «Просим поставить пьесу ко Дню Победы, у вас есть время подумать», — я без паузы <ответил>: «До свидания, мальчики!». Я жене Окуджавы позвонил и сказал: «Оля, я хочу возратить души тех, кто ушёл. И думаю, что Окуджава и Балтер будут с нами на этом спектакле». Она заплакала. Это правда, — рассказал Виктюк на встрече с барнаульскими журналистами.

Известно, что Роман Григорьевич Виктюк всегда много работает, в том числе ставит спектакли в разных театрах нашей страны. <...>

Оказывается, на Алтай Виктюка пригласил губернатор Александр Карлин — об этом сообщает пресс-служба краевой администрации. 3 апреля губернатор пришёл в театр и сказал: «Большое спасибо и низкий поклон мастеру за то, что при всей сверхчеловеческой загруженности он согласился поставить спектакль...». <...>

Премьера спектакля запланирована на 5, 6 и 20 мая. 5 мая — благотворительный спектакль для участников Великой Отечественной войны.

8 апреля

Издательский дом «Алтайпресс», Барнаул

<http://www.altapress.ru/story/51164/>

Культовый фильм о войне покажут в Тюмени под открытым небом

Массовый показ фильма «Женя, Женечка и “Катюша”» состоится 2 мая в 23.00 в Тюмени на парковке у ТРЦ «Панама».

Именно в день взятия Берлина, 2 мая, пройдёт показ ленты о войне. Эту кинокартину по праву можно назвать культо-

вой. Фильм Мотыля и Окуджавы — не только вызов авторов против ложной героизации войны, но и их почти диссидентское по тем временам стремление отстоять право каждого маленького человека иметь и хранить в неприкосновенности свою особую, подчас странную и смешную индивидуальность. <...>

Показ рассчитан на автомобилистов. Парковка будет работать с 22.30.

30 апреля

Тюменская региональная интернет-газета «Вслух.ру»

<http://www.vsluh.ru/news/society/200587.html>

«Женя, Женечка и «Катюша»» на новой сцене театра «БУФФ»

В собственную боевую молодость перенёсся вместе со своими юными учениками участник Великой Отечественной войны, майор в отставке Исаак Штокбант. На этот раз 84-летний ветеран совершил путешествие во времени как режиссёр-постановщик спектакля «Женя, Женечка и «Катюша»». Его премьеру показал сегодня [Санкт-Петербургский] музыкально-драматический театр «Буфф», пригласив на спектакль ветеранов и блокадников. <...>

Сценическую версию по одноимённому сценарию Владимира Мотыля и Булата Окуджавы написал постановщик спектакля, народный артист России Исаак Штокбант. <...> Как и главный герой Женя Колышкин, командир грозного орудия — «Катюши», он ушёл на фронт, едва закончив школу, и прошёл вместе с советскими войсками до Вены. «Мы обращаем наш спектакль в первую очередь к молодёжи, — сказал режиссёр. — Ведь для них эта прошедшая война всё больше и больше становится далёкой историей, застывшим мифом. Хотелось перекинуть мостик от того военного поколения мальчишек и девчонок, выигравшего эту жесточайшую в истории войну, к сегодняшним ребятам, которые придут на спектакль».

Театр намеренно не стал определять жанр спектакля, в котором переплетаются драма и лирика, а тема утрат и расставаний соседствует с любовью. Песни Булата Окуджавы, с их особой интонацией, исполняют студенты Академии театрального искусства — воспитанники мастерской профессора Штокбанта. Сценографом спектакля выступил Алексей Уланов.

7 мая

ИТАР-ТАСС

Государственный интернет-канал «Россия». Телеканал «Культура»

<http://www.tvkultura.ru/news.html?id=448178&cid=178>

Две гитары, один Окуджава

Вечер авторской песни «Гори, огонь, гори», посвящённый Великой Победе и Булату Окуджаве, прошёл вчера в тюменском музее «Дом Машарова». Уютная гостиная едва вместила всех желающих. Такого наплыва в музей не ожидали. На вечер пришли ценители творчества Булата Шалвовича и любители классической гитары.

Такие мероприятия проводятся в Тюмени уже более десяти лет. Друг музея, преподаватель тюменского университета Ирина Гендлер участвует в них около четырёх. На этот раз она не одна вела вечер в музыкальной гостиной. Вместе с ней песни Окуджавы пела тюменский бард Алия Бухтоярова.

Каждую песню предварял короткий, но занимательный рассказ о жизни и творчестве Булата Шалвовича. Ирина говорила о нём как о близком, давно знакомом человеке. После этого комната наполнялась звонкими женскими голосами и гитарными звуками.

Вечер неслучайно посвящён Великой Победе и Булату Окуджаве. Автор около двухсот песен, написанных на собственные стихи, родился 9 мая 1924 года. Когда началась война, он учился в девятом классе. Вместе с другом Окуджава добровольно ушёл на фронт. Был направлен в 10-й Отдельный запасной миномётный дивизион. Затем, после двух месяцев обучения, — на Северо-Кавказский фронт. Был миномётчиком, потом радистом тяжёлой артиллерии.

«Все его стихи не о войне, а против войны, — говорит Ирина Гендлер. — Это противостояние деревянного солдатика оловянному». Песни Окуджавы стали народными. Поэтому можно встретить не только разные тексты, но и разные мелодии. «У каждого из нас свой Окуджава», — отметила музыкант.

Т. КРИНИЦКАЯ, 7 мая

Тюменская региональная интернет-газета «Вслух.ру»

<http://www.vsluh.ru/news/society/200587.html>

За вас погибнуть дважды. Памяти Окуджавы — премьера в театре «У Никитских ворот»

Он родился 9 мая. А в 42-м почти мальчишкой ушёл добровольцем на фронт. «Ранило меня прозаически — с самолёта, из крупнокалиберного пулемёта». Пуля застряла в бедре. Но выжил. «Никакого романтизма, — потом скажет, — пожрать, поспать, ничего не делать — вот главное. Но ребята на фронт рвались, там жратва была лучше...». Ко дню рожде-

Сцены из спектакля

ния Булата Шалвовича и 65-летию Победы Марк Розовский даёт премьеру: музыкально-поэтическое действо на песни Окуджавы «Будь здоров, школяр!».

Это тонко. Умно. Искренне. Без «социалки», демагогии, умствований и пошлости. Всё на нерве, всё на музыке, на одном дыхании и на чистом листе. В такой теме фальшь видна сразу. Не «Три сестры», где за «прочтения и психологию» прячешься. Всё просто: пуля пролетела и ага. Неблагодарная тема, война. <...>

«Он был бы рад в огонь и в дым за вас погибнуть дважды», — начинается. Школяр (вчера — Никита Заболотный) на фронт отправляется, как и сам Булат попадает в Кахетию, в 10-й Отдельный запасной миномётный дивизион. «Но потешались вы над ним, ведь был солдат бумажный». Упрямый, глупый, «ходит в своём домашнем, присяги не принимал, потому что формы не было». «Что за ухмылочки?» — окликнет ротный. Слово — раз, слово — два, а потом песня, ведь у Розовского, простите, целый оркестр. Попеременно, меж боями, солируют на авансцене прекрасные музыканты — скрипачка Валентина Ломаченкова, флейтистка Римма Ишнеязова, аккордеонист Алексей Соколов, бесподобный ударник Руслан Капитонов.

«А что от солдата остаётся?» — спросит Школяр, когда закопают с почестями одну шинельку рваную — друга в клочья разнесло прямым попаданием, — «а остаётся от солдата ложка. Деревянная». Поцелует ложку, спрячет в карман, ближе к сердцу. Полгода простой щепкой хлебал. А друг этот самый, ведущий артист театра Александр Вилков, уж не воскреснет, не привлечёт всех юморным бесконечным рассказом «Служил я как-то в кавалерии...», и в шутку его — пьяного не сдёрнет с места старшина (Иван Машнин) словами «А ну, Будённый, слазь с моего седла!».

Школяр — себе: «Думал, такая лафа — снаряды подносить...», а они по шестнадцать кило, ящики рвёшь, открываешь, руки — в кровь... а тут — бой! Как в темноте рвануло — посреди сцены упала огромная берёза, часть декорации. У публики сердце ёккк! Легла-то берёзка эта килограммов на -цать аккурат меж двумя артистами-бойцами, миллиметр туда-сюда и... ага!

Привал... крупы подворовали. Было? Было. Командир «в наказание» отправил всю компашку бойцов (Денис Юченков, Владимир Давиденко, Александр Чернявский etc.) в тыл за припасами, трясутся в кузове три дня (минимальными средствами иллюзия усталости от дороги и пыли полная!), вдруг в чистом поле грузовик сломался. Ночь. А тут — хата. Там баба (ведущая актриса Ирина Морозова), да девка шестнадцати лет. Выпили бойцы, пошли спать. «Нормы не знаем? — Школяр спросит. — Знаем! Сколько выпьешь, столько и норма!». Едва заснул, его очаровательной ножкой девчушка шестнадцати лет (Катя Коровкина) щекочет: «Эй, солдат! Полезай ко мне на печь, у меня теплее!», сама — в одних трусиках... «Ах, война, что ж ты, подлая, сделала, вместо свадеб — разлуки да дым. До свидания, девочки...».

Всякое было. Всякое будет в этой самой первой автобиографичной прозе Булата Окуджавы — антивоенной повести о войне. Не побоялся Розовский взять и разбить спектакль на два действия, штука неслыханная. И никто не ушёл. Кто ж с Окуджавы уйдёт, голос которого в финале послышался чрез громкоговоритель, а весь зал подхватил... со слезами.

Я. СМИРНИЦКИЙ, 5 мая

Московский комсомолец

<http://www.mk.ru/culture/article/2010/05/05/482985-za-vas-pogibnut-dvazhdyi.html>

Юлий Ким: «Для телевидения главное, чтобы «пипл хавал». Корреспондент «Комсом. правда — Киров» встретила известного барда на фестивале «Гринландия»

<...>

— *А над чем вы сейчас работаете?*

— Сейчас только театр. Из последнего — премьера оперы «Ревизор» и «Улица Покровская». В октябре будет премьера мюзикла «Монте Кристо». Скоро выйдет полнометражный мультфильм «Гадкий утёнок» аниматора Гарри Бардина. Я пес-

ни к нему написал. Ещё много лет работаю над спектаклем «Золотой ключик» с песнями Булата Окуджавы. Приходится что-то переделывать, менять строчки, дописывать. Там двадцать две песни. Сложно было сделать всё так, чтобы все они вошли. Например, есть песня Буратино, где он поёт: «Я лентяй!» И куда такую по сказке вставить? Я иногда думаю: «Какая ж муха Булата укусила?» Есть, например, песня лесных существ, непонятно каких, которые оплакивают срубленное дерево, из которого, видимо, и сделают Буратино (смеётся — *Прим. авт.*). Я написал, будто это лягушки. Неплохо вроде бы вышло.

О. ВАСИЛЬЕВА, 23 июля

Киров

<http://kirov.kp.ru/daily/24527/673199/>

Книга, ради которой объединились поэты, объединить которых невозможно. М.: РИПОЛ классик, 2010. 272 с.

Передача «Книжечки»

«Книга, ради которой объединились поэты, объединить которых невозможно». Напомню, это второе подобное издание, в первом были объединены различные современные писатели. Подобное в данном случае означает вполне конкретную вещь — и первая, и вторая книги вышли в рамках литературного проекта Фонда помощи хосписам «Вера». Ну а поэтическую антологию выпустило издательство «РИПОЛ классик». Действительно, поэты здесь собраны разные и разных поколений: Ахмадулина, Евтушенко, Кушнер, Юнна Мориц, и рядом — Кибиров, Айзенберг, Рубинштейн. И здесь же: Родионов, Воденников, Полозкова, а также Лимонов, Борис Гребенщиков, Губерман. Более того, здесь представлены и тексты поэтов, уже ушедших из жизни: Окуджавы, Тарковского, Вознесенского. Или вот, например, сюрприз — стихотворения Андрея Битова из Пасхального цикла, написанного в Швейцарии. Как и в прозаической антологии, здесь нет единой темы и единого настроения тоже нет. Здесь — если говорить о живущих поэтах — скорее важно участие и выбор своего текста для этой книги...

Ведущий Н. АЛЕКСАНДРОВ, 6 октября

Радио «Эхо Москвы»

<http://echo.msk.ru/programs/books/716106-echo.phtml>

В Нижнем Тагиле появится улица Булата Окуджавы

Глава Нижнего Тагила Валентина Исаева подписала постановление о присвоении наименований новым улицам на территории города, сообщили агентству ЕАН в пресс-службе администрации муниципального образования.

В соответствии с документом имя Булата Окуджавы присвоено улице в микрорайоне третьего жилого района «Муринские пруды» от улицы Удовенко до улицы Муринской. Улица, которую ещё предстоит застроить, расположена между большим комплексом и земельным участком, предоставленным для строительства многоквартирных жилых домов...

19 октября

Информационное агентство «ЕАН», Екатеринбург

<http://eanews.ru/index.php?page=news&pid=57779>

Музыка Дунаевского, Соловьёва-Седого и Окуджавы
прозвучит в детском театре

Песни советских композиторов Дунаевского, Соловьёва-Седого, а также барда Булата Окуджавы прозвучат в спектакле «Пятнадцать старых чемоданов и одна страна», поставленного музыкальным театром детей «Радуга». Его покажут сегодня на сцене театра «Приют комедианта», сообщает корреспондент «БалтИнфо».

Спектакль «Пятнадцать старых чемоданов и одна страна» — лауреат многих театральных и музыкальных фестивалей. Он состоит из трёх частей, исторически сопоставимых со своеобразным течением жизни нашей страны: Детство — под задорные песни Дунаевского, Юность — вместе с задушевной мужественностью музыки Соловьёва-Седого и Зрелость — с задумчивой серьёзностью Окуджавы.

«Лучшие песни композиторов нашей Родины не должны быть забыты, — считает известная теле- и радиоведущая Марина Ланда, — для этого мы решили опубликовать наш первый нотный сборник из цикла “Песни навсегда”, адресованный будущим поколениям».

Артистам театра от шести до семнадцати лет. Ребята снимаются в телепередачах, озвучивают радиопостановки, мультфильмы, постоянно выступают на больших и малых сценах нашего города, а значит, принимают активное участие в основных культурных событиях Петербурга. В их репертуаре — песни из-

вестных композиторов, давно ставшие песенной классикой, а также новые произведения.

4 ноября

«БалтИнфо», Санкт-Петербург

<http://www.baltinfo.ru/2010/11/04/Muzyka-Dunaevskogo-Soloveva-Sedogo-i-Okudzhavy-prozvuchit-v-detskom-teatre-170730>

Исполнители песен Булата Окуджавы растрогали вильнюсскую публику

Концерт, посвящённый творчеству московского барда, прошёл «на ура»: публика не скрывала слёз, вспоминая особенности советской жизни, радовала исполнителей аплодисментами и криками «браво».

Барды из города на Неве, хор из литовского города Шауляй «Полифония» вкупе с ансамблем «In Spe», «без сучка и задоринки» водворили в жизнь замысел композитора Виктора Копытько и дирижёра Игоря Матюхова.

То, что зрители услышали и увидели на сцене, невозможно назвать реальностью — ведь с экрана говорил и пел сам Булат Окуджава, а его поэзию в музыку воплощали два барда из Санкт-Петербурга — Альфред Тальковский и Валерий Чечет.

Оба певуна принадлежат клубу «Восток», созданному в далёком 1961 году прошлого столетия.

Вперемежку с самим Окуджавой, дуэт исполнил его песни и стихи. Зал взорвался от смеха, услышав знаменитую исповедь о «дураках», и заплакал, как только прозвучали первые строки «Ах Арбат, мой Арбат».

Второе отделение открыли шауляйский хор и Матюхов, исполнивший сюиту «Песни Арбатского двора», составленную из хитов Б. Окуджавы, исполняемых в девятом столетии прошлого века [?!]. Певцы отлично справились со своей задачей, не смутившись своего акцента [?!].

«Песни Арбата они поняли правильно. И это главное», — хвалил исполнителей дирижёр.

Финал Сюиты поразил публику, когда один за другим, словно прощаясь, хористы возлагали цветы к портрету родоначальника бардовской песни.

Зрители встали, почти память Б. Окуджавы, и аплодисментами взбудрили себя и исполнителей знаменитых песен.

После концерта Тальковский выразил сожаление, что клуб «Восток», созданный самим Окуджавой [?!], постепенно умирает: «У нас отняли и зал, где мы выступали бесплатно. Новые хо-

заява требуют платить за аренду, а мы этого делать не в состоянии, ведь барды никогда не принадлежали “попсе”».

Бард выразил удовлетворение, что единомышленники находят силы и приезжают в Сосновый бор, что недалеко от Санкт-Петербурга: «Там рыбаку и пою, когда хочу. Меня слушают даже в два часа ночи. Без проблем».

В понедельник, 6 декабря, А. Тальковский и В. Чечет выступили для бывших работников Игналинской АЭС в городе Висагинас.

*Ниёле СТАБИНГИТЕ, 7 декабря
Газ. «Комсомольская правда»
<http://kp.ru/daily/24603/774548/>*

«Не оставляйте стараний, маэстро!»

Вы не замечали, что в последнее время концерты не проходят просто так? То есть они всегда проводятся к годовщине (рождения, а чаще — смерти) или обязательно приурочиваются к какому-то событию (начало или конец творческой деятельности, День милиции и т. п.). Ни дня без повода... Вот и я, придя 18 декабря в ГКЦ на концерт творческого объединения «Махаон», составленный целиком из песен Окуджавы, грешным делом, думала: почему 18 декабря и почему Окуджава? Родился он 9 мая, умер 12 июня... Не подходит... Что там с государственными праздниками? Может, международный день бардов? Как-никак, Булат Окуджава — это один из самых ярких представителей этого музыкально-поэтического направления. Вроде бы всё чисто: подразделения СБ органов внутренних дел РФ, работники ЗАГСа, риэлторы, бардов — нет. Значит, концерт — по зову сердца? <...>

Культурный день, судя по публике, присутствовавшей в зале (а стоит отметить, зал был заполнен почти весь), был в календаре по преимуществу пожилых людей. А жаль, ведь песни Окуджавы — это необыкновенный диалог со зрителем о том, что волнует, трогает (по крайней мере, должно бы волновать) душу каждого. Искусство, любовь в её самых разных проявлениях, война, жизнь и смерть, судьба — вот, наверное, основные темы творчества знаменитого барда.

Творческое объединение «Махаон», представившее нашему вниманию своё видение и слышание песен и стихов Окуджавы, существует уже четыре года. Оно было создано вскоре после исчезновения с псковской сцены клуба авторской песни «Горизонт». <...>

Но вернёмся к концерту, посвящённому песням и стихам Б. Окуджавы. В рамках вечера прозвучали известные песни Окуджавы, вошедшие в «золотой фонд» русского искусства и давно уже «растасканные» на цитаты («Ваше благородие, госпожа Удача», «Любовь и разлука», «Песенка кавалергарда»). Вниманию слушателей были представлены и менее знаменитые, но от этого даже более интересные «Музыкант», «Две дороги», «Прощание с пехотой». Концерт был необычен и по своему формату: в музыкальную ткань органично вплетались стихотворения Окуджавы, прочитанные Е. Поповой. Концерт был богатым по репертуару и эмоциональной насыщенности. Смех в зале вызывали юмористическая «Песня про Ваньку» и иронический «Разговор генерала с лейтенантом». «Мы за ценой не постоим» в исполнении Андрея Васильева — слёзы и щемящее чувство вины за поколение тех, для кого эта фраза может стать распродажным лозунгом... Так что долгие аплодисменты зрителей, не хотевших отпускать исполнителей со сцены, были в полной мере заслуженными. Жалко, что в стенах Малого зала ГКЦ как-то неудобно было крикнуть «На бис», ведь очень хотелось, чтобы спели ещё хоть одну песню, — «Арбат», или «Песенку о бумажном солдатики», или «Молитву Франсуа Вийона»...

Вот так обычный день 18 декабря благодаря творческому объединению с «летающим» именем стал особенным. Надеемся, продолжение следует...

Елена НИКИТИНА, 19 декабря

ПЛН, Псков

<http://www.pln-pskov.ru/entertainment/85974.html>

Обзор подготовил В. Ш. ЮРОВСКИЙ

БУЛАТ ОКУДЖАВА Библиография 2003–2005 годов

Эта публикация продолжает серию библиографических списков, начатую авторами в 1990-м¹ и последовательно доведённую до 2002 года².

Данный список охватывает трёхлетний период и содержит описания русскоязычных книг, газет и журналов, выходящих на территории России и (по возможности) бывшего СССР.

Впервые в нашей практике мы включили сюда описания материалов местной прессы, содержащихся в электронной базе «Integrum», но недоступной нам в бумажном виде (в списке такие публикации помечены³).

Составители выражают благодарность за постоянную помощь в работе А. А. Коваленко и И. А. Некрасову. Мы благодарны также М. В. Аксёновой, А. Н. Алёшину, Н. А. Игнатовой, П. Ф. Качанко, Ю. А. Куликову, А. М. Левитан, Б. Л. Оглобину, а также многим другим, собирателям и читателям, делящимся с нами информацией и материалами по теме. Мы будем признательны всем, кто сможет дополнить данный список своими находками, прислав их по адресу: ae_krylov@mail.ru.

1. Поэзия

1.1. Сборники произведений

1.1.1. Ваше благородие, госпожа удача: Стихи, проза / Сост. В. Куллэ. — Переизд. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2003; 2004. — 384 с. — *Из содерж.*: [Проза]: Путешествие дилетантов; Похождения Шипова, или Старинный водевиль; Упразднённый театр: Фрагм.; Утро красит нежным светом...; Девушка моей мечты; Мышка; Здравствуйте, Ваше Величество!; Рассказы; [Драматургия: Фрагм. киносценариев]: Частная жизнь Александра Сергеевича, или Пушкин в Одессе / [Совм. с О. Арцимович⁴]; Женя, Женечка и «катюша» / [Совм. с В. Мотылём⁴; Фрагм.

¹ См.: Список публикаций Б. Окуджавы: [1945–1989] / Сост. А. Крылов, В. Юровский // Совет. библиография. 1990. № 1 (янв. — февр.). С. 62–75.

² Предыдущую публикацию такого рода см.: Булат Шалвович Окуджава: Материалы к библиогр. (2001–2002) // Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 447–473.

³ В тексте кн. ошибочно соавторство не указано.

⁴ В тексте кн. ошибочно указано дважды: без соавторства и в соавт. с П. Тодоровским.

интервью и высказывания из кн. «Я никому ничего не навязывал»]; [Воспом. об О.]: *Володин А.; Берестов В.; Городницкий А.; Шварц И.* Заряд любви; *Ким Ю.* Песни надо писать, старик...; [Статья об О.]: *Матвеева Н.* «Когда трубочка отбой сыграет...»: В защиту одной песни; [Пародии и стихи, посвящ. О.]: *Ким Ю.* «Ах, мил сердечный друг! Не выразить словами...»; Поздравление Булату; *Левитанский Ю.* Прощание с Лёнькой Зайцевым; *Бродский И.* Песенка о свободе; *Ахмадулина Б.* Песенка для Булата; Дарственная надпись на книге «Грядя камней»; *Самойлов Д.* «Приснился ласковый Булат...»; *Войнович В.* Песенка о друзьях.

1.1.2. Лирика; Проза / Сост. Л. Быков. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — 672 с. — *Из содерж.:* Будь здоров, школяр: Повесть; Подозрительный инструмент; Девушка моей мечты; Гений; На Тверском бульваре; Мышка; Убийца; Здравствуйте, Ваше Величество!: Рассказы.

1.1.3. Песни в сопровождении гитары: [С нотами]. — [Переизд. 1991]. — СПб.: Композитор, 2003. — 36 с.

1.1.4. Возьмёмся за руки, друзья: Стихи и песни / Ред.-сост. В. Наумов. — М.: Муза, 2004. — 254 с. — (Коллекция изящ. словесности).

1.1.5. Лирика / При участии Фонда Б. Окуджавы и Гос. музея Б. Ш. Окуджавы. — Ростов н/Д.: Феникс, 2004. — 352 с. — (Лири).

1.1.6. Всё громче музыка любви: Музыка и стихи Булата Окуджавы / Сост. Ф. И. Такун. — М.: Современ. музыка, 2005. — 240 с.

1.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках

1.2.1. "Песенка об открытой двери // Совет. Сибирь. — Новосибирск, 2003. — 1 февр.; *См. также* № 1.2.24, 1.3.11.

1.2.2. Памяти Алеся Адамовича // Лит. вести. — № 66. — 2003. — [Февр.].

1.2.3. "Моё поколение // Белгород. правда. — 2003. — 21 июня; *См. также* № 7.4.30.

1.2.4. Пиратская лирическая // Алфавит. — 2003. — 23–29 июля (№ 28). — С. 23. — В ст.: А. К. С песней на бордаж; *См. также* № 1.2.24.

1.2.5. «По звёздам ли высчитать время его?..»: [Фрагм. поэмы «Губерния» в ред. альм. «Калуж. край», 1964] / Ред. врез о годовщине К. Э. Циолковского // Род. Калуж. край. — 2003. — 12 сент. (№ 5). — С. 7.

1.2.6. «У поэта соперников нету...» // Студен. меридиан. — 2003. — № 9. — С. 39. — В инт.: Коржавин Н. Всё время грести! / [Беседовала] А. Белякова; *См. также* № 1.2.18, 1.2.27, 7.2.36.

1.2.7. А. Чубайсу в день рождения («Надо помнить: день рождения...») // Комсом. правда. — 2003. — 3 дек. — С. 10. — В ст.: *Волков А.* «Пусть останется меж нами добрых "Жаворонков" крик...»; *См. также* № 7.3.26.

* Здесь и далее: материал не просмотрен de visu. Двойным астериском (**) помечены описания материалов, обнаруженных нами в электронной базе прессы «Integrum».

1.2.8. Ваше благородие / Муз. И. Шварца // Лучшие песни нашего кино: Ретро-театр «Доктор Ватсон» / Сост. Г. Мамиконов, Е. Слизунов. — [Б. м.: Б. и., 2003]. — С. 38; *То же* // Антенна. — 2004. — 5—11 апр. (№ 15). — С. 16; *См. также* № 1.2.24, 1.2.26, 1.2.43, 1.3.2, 1.3.10, 1.3.22—1.3.24, 1.3.28, 7.4.48.

1.2.9. «Люблю я эту комнату...» // Мир Паустовского: Избр. страницы. — М.: Мир Паустовского; Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. — С. 452.

1.2.10. Музыкант // Шварц И. Песни и романсы из кинофильмов: Для голоса и фортепиано. — СПб.: Композитор, 2003. — С. обл. 4; *См. также* № 1.2.24, 1.2.26, 1.2.27, 1.3.13.

1.2.11. Надежды маленький оркестрик; Союз друзей; Пожелание друзьям; Грузинская песня / Крат. биограф. справка // Три века русской поэзии: XIII—XX вв. Хрестоматия. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003. — С. 844—845; *См. также* № 1.2.24.

1.2.12. Первый день на передовой; Сентиментальный марш; «Я ухожу от пули...»; Песенка об Арбате; «Я никогда не витал, не витал...»; «То падая, то снова нарастая...»; Мы за ценой не постоим; «Давайте восклицать, друг другом восхищаться...»; «Ну чем тебе потрафить, мой кузнецик?...»; «Песенка короткая, как жизнь сама...» // Современная русская литература: Хрестоматия [11 кл.] / Сост.: Д. И. Довнор, А. И. Запольский. — Минск: Кн. Дом, 2003. — С. 138—144.

1.2.13. «В начале было Слово»: «Не верь войне, мальчишка...»; «Давайте придумаем деспота...»; «Ребята, нас вновь обманули...»; «Власть — администрация, а не божество...»; «Ничего, что поздняя поверка...» / Сост. Е. Евтушенко // Труд-7. — 2004. — 12 февр. — С. 10.

1.2.14. «Прощальная песенка волковских актёров» // Сев. край. — Ярославль, 2004. — 20 февр. — В ст.: Ванышова М. Прощальная песенка волковских актёров.

1.2.15. Капли датского короля // Антенна. — 2004. — 3—9 мая (№ 19). — С. 21; *См. также* № 1.2.24, 1.3.23.

1.2.16. Живописцы // Комсом. правда. — 2004. — 6 мая. — С. 17; *См. также* № 1.2.26, 1.2.43, 1.3.8, 1.3.14, 7.4.48.

1.2.17. «А мы с тобой, брат, из пехоты...»; «Настоящих людей так немного!..» // Отечество. — М., 2004. — № 5—6. — С. 13; *См. также* № 1.2.24.

1.2.18. Песенка («Совесть, благородство и достоинство...»); Как научиться рисовать; Грибоедов в Цинандали; «Мгновенно слово, короток век...»; «Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент...»; «Осудите сначала себя самого...»; «Когда начинается речь, что пропала духовность...»; «В земные страсти вовлечённый...»; «У поэта соперников нету...» // Новый акрополь. — 2004. — № 3 (май—июнь). — С. 64—65.

1.2.19. Стихи разных лет: «Настоящих людей так немного...»; «Мой мальчик, нанося обиды...»; «На арбатском дворе — и веселье, и смех...»; «В саду Нескучном тишина...»; «Разлюбила меня женщина и ушла не-

спеша...»; «Вселенский опыт говорит...»; «Александру Сергеичу хорошо!..»; «Антон Палыч Чехов однажды заметил...»; «Не пробуй этот мёд: в нём ложка дёгтя...» // Секрет. материалы. — 2004. — Май (№ 10). — С. 16–17.

1.2.20. «В земные страсти вовлечённый...» // Гауранга. Золотой век. — Юбилейный Моск. обл., 2004. — [Июль] (№ 3). — С. 5; *См. также* № 1.2.18.

1.2.21. Женюся / Муз. И. Шварца // Антенна. — 2004. — 26 июля — 1 авг. (№ 31). — С. 16; *См. также* № 1.3.23.

1.2.22. «Вселенский опыт говорит...» // Новый мир. — 2004. — № 7. — С. 134. — В ст.: *Зубов А.* Размышления над причинами революции в России: Опыт восемнадцатого столетия; *То же* // "Тайна жизни. — Екатеринбург, 2004. — Янв. (№ 1). — В ст.: Вопросы, заданные участникам опроса редакцией газеты «Жизни»; "Сев. край. — Ярославль, 2004. — 2 июня. — В ст.: Жельвис В. От чего погибают царства; *См. также* № 1.2.19.

1.2.23. Вдова; Первый день на передовой; Ангелы; Песенка о солдатских сапогах; Вобла; До свидания, мальчики; «Сто раз закат краснел, рассвет синел...»; «А мы с тобой, брат из пехоты...»; «Во дворе, где каждый вечер всё играла радиола...»; «Здесь птицы не поют...»; «Была пора, что входит в кровь, и помнится, и снится...» / Крат. биогр. справка // Поэзия Победы / [Сост. А. Ю. Шалобаев]. — М.: Герои Отечества, 2004. — С. 1122–1128, 1318–1320.

1.2.24. Гори, огонь, гори; Полночный троллейбус; «Настоящих людей так немного!..»; Песенка о бумажном солдатице; «Над синей улицей портовой...»; Аты-баты, шли солдаты; «Жаркий огонь полыхает в камине...»; Песня о солдатских сапогах; «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...»; Песенка о пехоте; «Из окон корочкой несёт поджаристой...»; Песенка про дураков; Песенка про Чёрного кота; «Всю ночь кричали петухи...»; Песенка весёлого солдата; Песенка о походе на чужую страну; Шарманка-шарлатанка; Новое утро; «Тьмою здесь всё занавешено...»; «Антон Палыч Чехов однажды заметил...»; «Мне нужно на кого-нибудь молиться...»; Песенка о синих маяках; «Эта женщина! Увижу и немею...»; Ночной разговор; Молитва; Прощание с новогодней ёлкой; Песенка о нашей жизни; Былое нельзя воротить; Пожелание друзьям; Старый флейтист; Заезжий музыкант; Песенка об открытой двери; Грузинская песня; Надежды маленький оркестрик; Союз друзей; Песенка о Моцарте; Я пишу исторический роман; Старинная солдатская песня; Батальное полотно; Мы за ценой не постоим; Святое воинство; Счастливый жребий; Музыкант; Пиратская лирическая; Поле чудес; Песенка лисы Алисы и кота Базилио / Стихи и муз. О.; Бери шинель — пошли домой / Муз. В. Левашова; Пани, панове; «К чему нам быть на "ты", к чему...» / Стихи А. Осецкой; Пер. О.; Муз. О.; Ваше благородие; Песня кавалергарда; Капли датского короля / Муз. И. Шварца // Прощай и здравствуй, песня! (Барды — гости Донбаса). [В 2 ч.] / [Сост. А. Юрми]. — Краматорск: [Б. и.], 2004. — Ч. 2. — С. 233–270. — Портр.: друж. шарж / Рис. А. Жукова.

1.2.25. Как научиться рисовать // Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. Семиотика, или Азбука общения: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2004. — С. 134—135; *См. также* № 1.2.18.

1.2.26. Песенка о Лёньке Королёве; Песенка об Арбате; Живописцы; Прощание с новогодней ёлкой; Грузинская песня; Старинная студенческая песня; Я пишу исторический роман; Поле чудес; Песенка Тортиллы; Антон Палыч Чехов однажды заметил; Как наш двор ни обижали; Римская империя времени упадка; Примета; Музыкант; После дождичка небеса просторны / Муз. О.; Ах музыкант мой, музыкант / Муз. В. Берковского; Песня Верещагина / Муз. И. Шварца; Крат. биогр. справка; Фрагм. ст. Д. Быкова и Д. Ольбрыхского // Авторская песня: Антол. / Сост. Д. Сухарев; Подгот. текстов, справ. материал: В. Романова. — [2-е изд., испр.]. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — С. 647—670.

1.2.27. Песенка о ночной Москве; «Мне нужно на кого-нибудь молиться...»; Король; Песенка весёлого солдата; Молитва; «Песенка короткая, как жизнь сама...»; Песенка о Моцарте; Пожелание друзьям; Музыкант; «Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент...»; «У поэта соперника нету...» // Хрестоматия по современной русской литературе: Для старшекл. и абитуриентов / Сост. Л. Быков. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — С. 680—689.

1.2.28. «Поэтов травили, ловили...» // Рязанов Э. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. — М.: Вагриус, 2004. — С. 240—241

1.2.29. «Тьмою здесь всё занавешено...» // Ваше величество женщина...: Из рус. любов. лирики XVIII—XX вв. / Ред.-сост. И. Н. Баженова. — М.: Вентана-Граф, 2004. — С. 3—7; *См. также* № 1.2.24, 1.2.30.

1.2.30. Часовые любви; Эта женщина — увижу и немею; Тьмою здесь всё занавешено; Он, наконец, явился в дом; В юности матушка мне говорила // С любимыми не расставайтесь!: Пять тысяч строк для тех, кто влюблён / Сост. М. А. Нянковский. — Ярославль: Акад. развития: Акад. холдинг, 2004. — С. 150—152.

1.2.31. Песня кавалергарда / Муз. И. Шварца // Антенна. — 2005. — 7—13 марта (№ 11). — С. 16; *См. также* № 1.2.24, 1.3.20, 1.3.22.

1.2.32. Бери шинель, пошли домой // "Приазов. край. — Ростов н/Д., 2005. — 7 апр. (№ 14). — С. 8; *То же* // "Ежеднев. новости. Подмосковье. — 2005. — 26 апр.; "Молот. — Ростов н/Д., 2005. — 29 апр.; "Гор. новости. — Ярославль, 2005. — 29 июня (№ 26); "Вече Твери. — 2004. — 8 мая; *То же*: «А мы с тобой, брат, из пехоты...» // "Утро России. — Владивосток, 2005. — 5 мая. — В подборке: Мелодия родилась мгновенно; *То же* // Стихи и рассказы о войне / Сост. П. К. Федоренко. — М.: Астрель: АСТ, 2005. — С. 185—186. — (Хрестоматия школьника); *См. также* № 1.2.24, 1.2.41, 7.4.51.

1.2.33. Здесь птицы не поют // Антенна. — 2005. — 9—15 мая (№ 20). — С. 20; *То же*: «Здесь птицы не поют...» // Единое отечество. — Алек-

сандров, 2005. — 30 нояб. (№ 11). — С. 16; *См. также* № 1.2.12, 1.2.24, 1.2.26, 1.2.36, 1.2.41, 1.2.43, 1.3.5, 1.3.9, 1.3.11–1.3.12.

1.2.34. *Весёлый барабанщик // День и ночь. — Красноярск, 2005. — № 3–4 (май–авг.).

1.2.35. «В нашей жизни, прекрасной и странной...»; «Поэтов травили, ловили...»; Песенка («Совесть, благородство и достоинство...») // Пульсар. — Ниж. Тагил, 2005. — № 7–8. — С. 33.

1.2.36. А мы с тобой, брат, из пехоты⁵; Песенка о солдатских сапогах; До свидания, мальчики!; Король; Песня десятого десантного батальона // Священная война: Песни Победы / Сост. В. А. Костров, Г. Н. Красников. — М.: Олимп, 2005. — С. 305–313.

1.2.37. Арбатский романс / Н. Русова. [Крат. филолог. коммент.] // Русова Н. Тайна лирического стихотворения: От Гиппиус до Бродского: коммент. поэт. текстов. — М.: Глобулус: НЦ ЭНАС, 2005. — С. 165–167; *См. также* № 1.3.8, 1.3.14.

1.2.38. «Все поразъезжались давным-давно...» // Эпиграмма / Сост.: В. Вестер, Ю. Кушак, Г. Фрумкер. — М.: Эксмо, 2005. — С. 210. — (Антол. сатиры и юмора XX в.; Т. 41).

1.2.39. Голубой шарик; Ванька Морозов; Песенка о солдатских сапогах; Полночный троллейбус; До свидания, мальчики; «А мы швейцару: “Отворите двери!...”» / [Твор.-биогр. очерк] // Антология самиздата: Неподцензур. лит. в СССР. 1950-е — 1980-е. В 3 т. — Т. 1. Кн. 2. — М.: Междунар. ин-т гуманитар.-полит. исслед., 2005. — С. 81–85.

1.2.40. Король; До свидания, мальчики; «Не верь войне, мальчишка...»; Песенка о пехоте; «Поздравьте меня, дорогая...» / [Крат. высказывание О. о войне] // Долгое эхо войны: Кн. стихотворений / Сост.: Л. П. Быков, Е. С. Зашихин. — Екатеринбург: Сократ, 2005. — С. 32, 33, 61, 86, 212, 348–349.

1.2.41. Песня о Лёньке Королёве; Нам нужна одна победа; Бери шинель, пошли домой / Коммент. Ю. Бирюкова, Т. Хренникова, М. Порошиной // Песни войны и победы. — М.: Трибуна, 2005. — С. 183, 220–222, 238–239; *См. также* № 1.2.36, 7.4.51.

1.2.42. Старинная студенческая; Грузинская песня; Давайте восклицать! // Любимые песни нашего студенческого века: Сб. текстов песен / Сост. Н. Лисунец. — М.: МГИСиС, 2005. — С. 31–33; *См. также* № 1.2.43.

1.2.43. Старинная студенческая песня; Песенка о полночном троллейбусе; Песенка о Лёньке Королёве; Не бродяги, не пропойцы; Сентиментальный марш; Ах, Надя, Наденька; Эта женщина! Увижу и немею...; Живописцы; Молитва; Грузинская песня; Песенка о Моцарте; Ваше благородие, госпожа Разлука / Муз. И. Шварца; Здесь птицы не поют...; Старинная солдатская песня; Пожелание друзьям; После дождика небеса просторны... / Крат. биогр. справка // Антоло-

⁵ В тексте кн. ошибочно авторство музыки приписано Окуджаве.

гия бардовской песни: 100 бардов; 600 песен / Авт.-сост. Р. Шипов. — М.: ЭКСМО, 2005. — С. 668—682; *То же, сокр.*: Старинная студенческая песня; Песенка о полночном троллейбусе; Не бродяги, не пропойцы; Сентиментальный марш; Ах, Надя, Наденька; Грузинская песня; Песенка о Моцарте; Ваше благородие, госпожа Разлука / Муз. И. Шварца; Пожелание друзьям; Счастливый жребий («После дождичка небеса просторны...») // Бардовские песни: Из золотого фонда авт. песни / Сост. Р. Шипов. — М.: Эксмо, 2005. — С. 242—250.

См. также № 6.2.4, 6.2.9, 7.1.3—7.1.5, 7.2.22, 7.3.37, 7.4.11, 7.4.22, 7.4.30, 7.4.35, 7.4.48, 7.4.51, 7.4.58, 7.6.2, 7.6.7, 7.6.22, 7.6.34, 7.6.37, 7.6.40, 7.6.46, 7.14.3.

1.3. Нотные публикации

1.3.1. Пожелание друзьям: [С аккордами] // Телемир—Нижний Тагил. — 2003. — 7 мая. (№ 19). — С. 6; *То же*: Пожелание // *Самоучитель игры на шестиструнной гитаре / Авт.-сост. Е. И. Желнова. — М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2003. — С. 47; *То же*. — *2004; *2005; *См. также* № 1.3.2, 1.3.8, 1.3.10, 1.3.14.

1.3.2. Ваше благородие, госпожа Разлука: Из кф. «Белое солнце пустыни» / Муз. И. Шварца; Пожелания друзьям // Песни 30-х—70-х годов: Хиты эстрады; Английские песни / Сост. В. М. Катанский. — М.: Изд-во В. Катанского, 2003. — С. 25, 32. — (Песенник: [Для голоса соло с услов. букв.-цифр. обозначениями аккордов для гитары]; Вып. 3); *То же*. — 2004, 2005.

1.3.3. *Виноградная косточка // Катанский В. М. Школа игры на шестиструнной гитаре: Ансамбль; Таблицы аккордов; Аккомпанемент песен. — М.: В. М. Катанский, 2003; *То же*. — 2004.

1.3.4. Дуэт лисы Алисы и кота Базилио: Из музыки к сказке «Буратино» // Хрестоматия музыкального материала к учебнику «Музыка»: 5 кл. [Пособие для учителя] / Сост. Г. П. Сергеева, Е. Д. Критская. — М.: Просвещение, 2003. — С. 61; *См. также* № 1.3.8, 1.3.10, 1.3.14, 1.3.26.

1.3.5. Из окон корочкой; Нам нужна одна победа: [С аккордами] // Парнес Д. Г. На гитаре — по слуху / Д. Г. Парнес, С. Е. Оськина. — 11-е изд., доп. и перераб. — М.: АСТ, 2003. — С. 55—56, 93.

1.3.6. Надежды маленький оркестрик; Песенка о полночном троллейбусе // Антология бардовской музыки. — М.: Издат. В. Катанский, 2003. — С. 81—84. — (Песенник: [Для голоса соло с услов. букв.-цифр. обозначениями аккордов для гитары]; Вып. 10); *См. также* № 1.3.8, 1.3.14.

1.3.7. Песенка о бумажном солдатики // Песенник: Попул. песни рос. и зарубеж. эстрады / Авт. перелож. и сост. О. Фридом. — М.: О. Фридом, 2003. — С. 2—3. — (Вып. 4); *См. также* № 1.3.8, 1.3.10, 1.3.14.

1.3.8. Песенка об Арбате; Арбатский романс; Песенка о полночном троллейбусе; Песенка о бумажном солдате; Дежурный по апрелю;

Песенка о пехоте; Надежды маленький оркестрик; До свидания, мальчики; Союз друзей; Пожелание друзьям; Ваше величество женщина; Прощание с новогодней ёлкой; Дальняя дорога; Дуэт лисы Алисы и кота Базилио; Три сестры; Живописцы; Старый пиджак; Поле чудес; Песенка старого шарманщика; А всё-таки жаль; Песенка о старом, больном, усталом короле; О Володе Высоцком // Песни в сопровождении гитары. — СПб.: Композитор—Санкт-Петербург, 2003. — С. 2–36; То же. — 2004; *См. также* № 1.3.14.

1.3.9. Бери шинель, пошли домой / Муз. В. Левашова; Кавалергарды, век недолог / Муз. И. Шварца; Нам нужна одна победа / [Муз. О.] // Песни из кинофильмов: Слова, ноты, аккорды / Сост. Г. Выстрелов. — [Вып. 1]. — М.: Изд-во В. Н. Зайцева, 2004. — С. 5, 11, 24. — (Наши любимые песни).

1.3.10. Ваше благородие: Из кф. «Белое солнце пустыни» / Муз. И. Шварца; Последний троллейбус; Памяти Володи Высоцкого; Песенка о дальней дороге; Давайте восклицать; Ваше величество женщина; Чёрное море; Грузинская песня; Солнышко сияет, музыка играет // Песни российских бардов: [Тексты, аккорды, аккомпанемент] / Сост. О. Фридом. — М.: О. С. Харченко, 2004. — С. 2, 41–48.

1.3.11. Молитва; Песенка об открытой двери; Мы за ценой не постоим: Из кф. «Белорусский вокзал» // Музыка: Хрестоматия муз. материала. Пособие для учителя: 6 кл. / Сост. Г. П. Сергеева, Е. Д. Критская. — М.: Просвещение, 2004. — С. 55, 81–84.

1.3.12. Нам нужна одна победа: Из кф. «Белорусский вокзал» // Хрестоматия к программе по музыке: [Для общеобразоват. шк., лицеев, гимназий]. 6 кл.: [Пение в сопровожд. фп. и без сопровожд.; фп.] / Сост. Н. Г. Ямалетдинова, Р. Н. Хусаинова. — Уфа: Китап, 2004. — С. 142–146; *См. также* № 1.3.5, 1.3.9, 1.3.11–1.3.12.

1.3.13. Пожелания друзьям; Музыкант // Хрестоматия музыкального материала к учебнику «Музыка»: 4 кл. Пособие для учителя / Сост.: Е. Д. Критская, Г. П. Сергеева, Т. С. Шмагина. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 2004. — С. 116.

1.3.14. Арбатский романс; Песенка о полночном троллейбусе; Песенка о бумажном солдате; Песенка о пехоте; Надежды маленький оркестрик; До свидания, мальчики; Дежурный по апрелю; Песенка об Арбате; Союз друзей; Пожелание друзьям; Ваше величество женщина; Прощание с новогодней ёлкой; Дальняя дорога; Дуэт лисы Алисы и кота Базилио; Три сестры; Живописцы; Старый пиджак; Поле чудес; Песенка старого шарманщика; А всё-таки жаль; Песенка о старом, больном, усталом короле; О Володе Высоцком // Когда мы были молодые: Песни бардов для голоса и гитары. — СПб.: Композитор—Санкт-Петербург, 2005. — С. 3–47; *См. также* № 1.3.8.

1.3.15. Ах, музыкант / Муз. В. Берковского; Музыкант; Надежды маленький оркестрик / [Муз. О.]: [С аккордами] // Путешествие в мир

бардовских песен: Учеб. пособие по гитар. аккомпанементу: В 3 ч. / Сост. А. В. Томилин. — Ч. 1. — Воронеж: [Б. и.], 2005. — С. 4, 12–13.

1.3.16. Ваше величество женщина / [Муз. О.]; В нашем старом саду: Из кф. «Последняя жертва»; Любовь и разлука: Из кф. «Нас венчали не в церкви»; Эта женщина в окне: Из кф. «Законный брак» / Муз. И. Шварца // Говорите мне о любви: Песни и романсы: Для голоса и гитары. — СПб.: Композитор, 2005. — С. 27–28; 38–39; 124–128; 324–327.

1.3.17. До свидания, мальчики / Обраб. С. Грибкова; Песенка об Арбате // Музыка в школе. — М.: Музыка, 2005. — Вып. 4: Песни, ансамбли и хоры для юношества: [В сопровожд. фп.] / Сост. Л. И. Уколова, М. С. Осеннева. — С. 28–33, 76; *См. также* № 1.3.8, 1.3.14.

1.3.18. Живописцы; Надя-Наденька // Песни бардов: Перелож. для шестиструн. гитары / Сост. О. Кроха. — М.: Музыка, 2005. — С. 27–28.

1.3.19. Песенка о полномочном троллейбусе // Катанский В. М. Гитара для всех: Самоучитель игры на шестиструн. гитаре. — М.: Изд-во В. Катанского, 2005. — С. 165; *См. также* № 1.3.6, 1.3.8, 1.3.10, 1.3.14, 1.3.20.

1.3.20. Песня о солдатских сапогах; Союз друзей; Не бродяги, не пропойцы...; Из окон корочкой несёт поджаристой; Полночный троллейбус; Лёнька Королёв; Грузинская песня / Муз. О.; Песня кавалергарда; Ваше благородие / Муз. И. Шварца; За что ж вы Ваньку-то Морозова / Муз. О. // Нет, не забудет студент: Сб. песен, популяр. среди студентов 50–70-х гг. — [Вып.] 2 / Сост. Н. И. Баянова и др. — Екатеринбург: УГТУ—УПИ, 2005. — С. 107–108, 129–143, 354.

1.3.21. Поле чудес: [С аккордами] // Путешествие в мир бардовских песен: Учеб. пособие по гитар. аккомпанементу: В 3 ч. / Сост. А. В. Томилин. — Ч. 2. — Воронеж: [Б. и.], 2005. — С. 24; *См. также* № 1.3.8, 1.3.14, 1.3.26.

См. также № 1.1.3, 7.3.38.

НА МУЗЫКУ ДРУГИХ КОМПОЗИТОРОВ

1.3.22. Ваше благородие, госпожа Разлука: Из кф. «Белое солнце пустыни»; Кавалергарды, век недолог: Из кф. «Звезда пленительного счастья» / Муз. И. Шварца // Песни из кинофильмов: Попул. песни в перелож. для фп. и гитары с голосом / Сост. В. М. Катанский. — М.: Изд-во В. Катанского, 2003. — С. 10–11; 23–25; *То же.* — 2004; 2005; *См. также* № 1.3.23–1.3.24.

1.3.23. Ваше благородие, госпожа Разлука...: Из кф. «Белое солнце пустыни»; Не обещайте деве юной...: Из кф. «Звезда пленительного счастья»; Любовь и разлука: Из кф. «Нас венчали не в церкви»; В нашем старом саду: Из кф. «Последняя жертва»; Дождик осенний: Из кф. «Капитан Фракасс»; Капли датского короля: Из кф. «Женя, Женечка и «катюша»»; Надежды крашенная дверь: Из кф. «Капитан Фракасс»; Эта женщина в окне: Из кф. «Законный брак»; Ах, нынче женихи твердят лишь о богатстве...: Из кф. «Необычайн. пари»; Песенка о соломен. шляпке; Женюсь; Один корнет задумал славу...; Песенка ревнивого

и обманутого мужа: Из кф. «Соломенная шляпка»; Белый парус разлуки: Из кф. «Жизнь и смерть Фердинанда Люса»; Я руки тяну вам вслед...: Из кф. «Капитан Фракасс»; А годы уходят, уходят...: Из кф. «Расскажи мне о себе» // Шварц И. Песни и романсы из кинофильмов: Для голоса и фортепиано. — СПб.: Композитор, 2003. — С. 3–23, 33–45, 65–71, 94–103, 126–153, 165–230.

1.3.24. Ваше благородие; Песня кавалергарда / Муз. И. Шварца: [С аккордами] // Самые, самые любимые песни. — Минск: Харверст, 2004. — С. 22–23, 120–121.

1.3.25. Ваше благородие, госпожа Разлука / Муз. И. Шварца // Песни из кинофильмов: Слова, ноты, аккорды / Сост. Г. Выстрелов. — Вып. 2. — М.: Изд-во В. Н. Зайцева, 2004. — С. 7. — (Наши любимые песни); *То же* // Русский шансон. — М.: Изд-во В. Катанского, 2005. — С. 3–4. — (Песенник: [Для голоса соло с услов. букв.-цифр. обознач. аккордов для гитары]; Вып. 6); *См. также* № 1.3.2, 1.3.10, 1.3.22–1.3.24, 1.3.28.

1.3.26. Песенка фонарщиков; Песня Папы Карло; Песня Карабаса и кукол; Дуэт лисы Алисы и кота Базилио; Поле чудес; Куплеты Карабаса // Рыбников А. Л. Приключения Буратино: Муз. из фильма: [Для фп. и голоса в сопровожд. фп.] / Перелож. Н. И. Муртазиной. — Челябинск: МРІ, 2004. — С. 5–9, 18–22, 28–32, 41–43, 54–56.

1.3.27. Божественная суббота; В городском саду / Муз. В. Берковского; Ваше благородие / Муз. И. Шварца: [С аккордами] // Путешествие в мир бардовских песен: Учеб. пособие по гитар. аккомпанементу: В 3 ч. / Сост. А. В. Томилин. — Ч. 3. — Воронеж: [Б. и.], 2005. — С. 7–9.

См. также № 1.3.9–1.3.10, 1.3.15–1.3.16, 1.3.20.

2. Проза

2.1. Сборники произведений и отдельные издания

2.1.1. Путешествие дилетантов: [В 2 т.]. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — 528+432 с. — (Сочинения Булата Окуджавы).

2.1.2. Бедный Авросимов: Роман. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — (Сочинения Булата Окуджавы). — 448 с.

2.1.3. Путешествие дилетантов: Романы / В. Курбатов. Крик в ночи: [Предисл.]. — М.: Эксмо, 2004. — 960 с. — *Из содерж.*: Свидание с Бонапартом.

2.1.4. Путешествие дилетантов. — М.: Эксмо, 2005. — 624 с. — (Рус. классика XX века).

2.1.5. Свидание с Бонапартом. — М.: Эксмо, 2005. — 400 с. — (Рус. классика XX века).

2.1.6. Прелестные приключения: Сказка / Рис. авт. — М.: ВАДИМ СИНЕМА, 2005. — 80 с.

Рец., откл.: Неизвестный Окуджава // Моск. правда. — 2005. — 29 сент. — Без подп.; Культурный марафон: [Презентация] // АиФ Москва. — 2005. — Окт. (№ 42). — С. 42. — Без подп.; *Терещенко М.* «Не оставляйте стараний, маэстро»: Праздник в честь забытой кн. Булата Окуджавы // Газ. — 2005. — 10 окт. — С. 34; *Орлова А.* Странствия ужасного страшилла // Комсом. правда — Ростов н/Д. — 2005. — 9 нояб.; *Александров Н.* Окуджава в роли Экзюпери // Изв. — М., 2005. — 9 дек. — С. 38.

См. также № 1.1.1–1.1.2.

2.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках

2.2.1. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова: Рассказ / «В плену и в оккупации не был...»: [О фестивале в Кракове: Крат. предисл. от ред.; Вкл.: Выписка из лич. дела в ШРМ-2] // Калуж. губерн. ведомости. — 2003. — 23–29 мая (№ 18). — С. 14–15; *То же* / Из кн.: Окуджава Б. Девушка моей мечты. М., 1998 // Нар. образование. — 2004. — № 9. — С. 215–220.

2.2.2. Из романа «Упразднённый театр»⁶ // Тарусские страницы: Лит.-худож. иллюстриров. сб. / Сост.: Н. Панченко, Н. Бялосинская — Вып. 2. — М.: ИКАР: журн. «Грани», 2003. — С. 77–84; *То же* // Грани. — М.; Париж; Берлин; С.-Франциско, 2003. — № 205–206. — С. 77–84. — Кн. подгот. к изд. в 1990 г.

2.2.3. "[Гитарист: Рассказ] // Заполяр. вестн. — Норильск, 2004. — 8 мая. — Под загл.: Бард.

2.2.4. "Из «Автобиографических анекдотов»: Гений; Гитарист // Орлов. вестн. — 2004. — 13 мая (№ 20).

3. Драматургия

3.1. Сборники произведений и отдельные издания

[Нет публикаций.]

3.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках

См. № 1.1.1.

4. Статьи, предисловия, очерки

4.1. Всё ещё впереди // Мир Паустовского: Избр. страницы. — М.: Мир Паустовского; Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. — С. 426–430.

5. Письма, автобиография

5.1. [К О. Митяеву] // Митяев О. Вечная история. — М.: АиФ Принт, 2003. — С. 89.

⁶ Фактически публикуемый текст является ранней редакцией первой части рассказа «Подозрительный инструмент», с которого, по первоначальному авторскому замыслу, начинался роман.

5.2. [К Б. Цытовичу: Фрагм.] // Цытович Б. Праздник побеждённых. — М.: Молодая гвардия, 2003. — С. 4 обл.

5.3. Автобиография [1953]: Факс. // Калуж. губерн. ведомости. — 2003. — 23–29 мая (№ 18). — С. 15.

5.4. *Морозов А.* «Мемуары — документ, и этого пока бояться»: [Семнадцать писем к А. Морозову] / Предисл. В. Азефа // Изв.-Саратов. — 2003. — 21 авг.

5.5. [К А. Н. Рыбакову] // Рыбакова Т. «Счастливая ты, Таня!»: О «Детях Арбата» и не только. — М.: Вагриус, 2005. — С. 225–226.

См. также № 7.1.4–7.1.5, 7.6.28–7.6.29, 7.6.31, 7.6.35, 7.6.48.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ

5.6. Писатели требуют от правительства решительных действий: [Обращение к согражданам в связи с кровавыми событиями в Москве] / А. Адамович, А. Ананьев, А. Анфиногенов и др., всего 42 подп.; Голубничий И. Мёртвые души: [Коммент.] // Моск. литератор. — 2003. — Окт. (№ 20); *То же [сокр.]* // Белоцерковский В. Путешествие в будущее и обратно: Повесть жизни и идей. — М.: РГГУ, 2003. — С. 659–660. — Коммент. на с. 661–662; *То же с репликами по тексту* // Хатюшин В. Во имя Истины: Лит. критика; Публицистика... — М.: Голос-Пресс, 2004. — С. 263–265. — Коммент. на с. 263, 265–266.

5.7. В президиум Всесоюзного IV съезда советских писателей: [В поддержку А. Солженицына] / К. Паустовский, В. Тендряков, В. Каверин и др., всего 82 подп. // Мир Паустовского. — № 23. — 2005. — (Июль). — С. 103.

6. Интервью, беседы со слушателями, анкеты, устные рассказы

6.1. Отдельные издания

[Нет публикаций.]

6.2. Публикации в периодических изданиях и сборниках

6.2.1. «С Окуджавой я встречался по паролю» / [Беседовал] В. Мельников⁷ // Призыв. — Владимир, 2003. — 15 мая.

6.2.2. «Мне крайне интересно жить»: [Фрагм.] / [Беседовала] И. Татаринова; [Из: Тагил. рабочий. Ниж. Тагил, 1994. 6 авг.] // След на Земле: Тагильчане — достояние России. — Вып. 5 / Ред.-сост. Д. В. Вендер. — Екатеринбург: СВ-96, 2003. — С. 216–217.

6.2.3. Это были грустные песни, потому что ничего весёлого в войне нет / Из коллекции О. Терентьева // Изв. — 2004. — 5 мая. С. 1; Я очень

⁷ Фактически публикация осуществлена по записям в домашнем альбоме Т. В. Мельниковой. Подробнее см.: Две редакции одной беседы // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 78–84. — Вкл. перепечатка ст.

уважаю молодое поколение и вообще все поколения. Но мне интересно с самим собой / По фонограммам из коллекции О. Терентьева // Изв. — 2004. — 12 мая. С. 7; *То же [сокр.]* // Респ. Татарстан. — Казань, 2004. — 8 мая; Однажды, приехав в Калугу, зашёл в редакцию газеты... / [От ред.: о праздновании 80-летия О. в шк. № 5] // Калуж. губерн. ведомости. — 2004. — 21–27 мая (№ 19). — С. 14–15.

6.2.4. «На войну я пошёл добровольцем»: Фрагм. интервью / [Беседовала] И. Ришина; [Из: Булат Окуджава: Спец. вып. 1994] // Первое сент. — 2004. — 6 мая. — Вкл.: Окуджава Б. «Это случится, случится...»: Стихи.

6.2.5. Я был «красным мальчиком»: [Томск, 1990-е гг.] / Подгот. А. Сотников / Крат. биогр. справка // Комсом. правда. — 2004. — 6 мая. — С. 17.

6.2.6. «Нельзя хвастаться тем, что ты дышишь» [1991] / [Беседовал] Ю. Глазов; [Из: Континент. № 92. 1997; В сокр., с незначит. доп. и изм.] // Газ. — 2004. — 7 мая. — С. 1, 4.

6.2.7. «В КГБ мне сказали: “Мы знаем, сколько вы хлебнули горя, — теперь всё будет не так”»: И я заплакал, потому что никто со мной так не разговаривал» [1992–4?] / [Беседовал] А. Кравченко⁸ // Сегодня. — Киев, 2004. — 11 мая. — С. 11.

6.2.8. “Человек с Арбата / [Беседовал А. Владимиров] // Караван РОС. — Ярославль, 2004. — 18 мая; *То же* // “Никол. кольцо. — Смоленск, 2004. — 18 мая (№ 20); “Проспект. — Ниж. Новгород, 2004. — 18 мая (№ 20); “Репортёр. — Пенза, 2004. — 18 мая (№ 18); “Хронометр. — Кострома, 2004. — 18 мая (№ 20); “Янтар. Караван. — Калининград, 2004. — 18 мая (№ 20); “Амур. меридиан. — Хабаровск, 2004. — 19 мая (№ 20); “Газ. Дона. — Ростов н/Д., 2004. — 19 мая (№ 20); “Десница. — Брянск, 2004. — 19 мая (№ 20); “Краснодар. курьер. — Краснодар, 2004. — 19 мая (№ 20); “Мешер. сторона. — Рязань, 2004. — 19 мая (№ 20); “Новое омское слово, 2004. — 19 мая (№ 20); “Орлов. меридиан, 2004. — 19 мая (№ 20); “Провинциальный репортёр. Липецк, 2004. 19 мая (№ 20); “Ставропол. меридиан, 2004. — 19 мая (№ 20); “Томь. — Кемерово, 2004. — 19 мая (№ 20); “Уфим. меридиан. — Уфа, 2004. — 19 мая (№ 20); “Хронометр. — Владимир, 2004. — 19 мая (№ 20).

6.2.9. «Но в крови моей есть азиатчина...» / [Беседовала] Г. Старовойтова; Литзапись беседы И. Мильштейна; Из: Европеец. 1993 // Европеец. — 2004. — Май (№ 1). — Вкл.: Окуджава Б. «Когда он болел о России...»: Стихи.

6.2.10. «...Я не склонен идеализировать прошлое» / Из интервью, ответов на записки, из кн. «...Я никому ничего не навязывал» / Публ. подгот. А. Карпов // Секрет. материалы. — 2004. — Май (№ 10). — С. 1, 16–17.

6.2.11. [Из «Диалогов в Переделкине» / Беседовала К. Андерсон⁹] // Труд-7. — 2004. — 10 июня. — С. 27.

⁸ Третья редакция с не публиковавшимися ранее (в первых двух — 1994 и 1997) фрагментами.

⁹ В тексте публикации ошибочно: *Андерсен*.

6.2.12. “«Мои песни моя судьба»: [Доп. / Из: Яунайс Инженерис = Молодой инженер. Рига: РПИ, 1984. 23 февр.; Беседовала] М. Белоусова // Владимир. ведомости. — 2004. — 10 июля.

6.2.13. Одесский причал барда: Как Окуджаву выступал на комсомольском собрании [Москва, 1984 г.] / [Беседовал] А. Ромм // Киев. ведомости. — 2004. — 16 авг. — С. 14.

6.2.14. «Я жил в разные времена — и когда травили, и когда оставили в покое, — но вот парадокс: писал всегда одинаково...» / [Беседовал] Д. Гордон // Гордон Д. И. Звёзды эстрады. — Харьков: Фолио, 2004. — С. 217–221.

6.2.15. Война Булата / [Беседовал] Ю. Рост // Новая газ. — 2005. — 5–11 мая. — С. 12–13.; *То же* // Вкладыш к газ. «Челяб. рабочий». — С. 4–5.

6.2.16. Я выполнил своё предназначение: [На радио «Немецкая волна», 1995] / Беседу вела Л. Мокеева-Гайст // Труд. — 2005. — 11 мая.

6.2.17. Диалог о войне / Беседа с А. Володиным; [Записал] П. Горелик // Театр. — 2005. — № 1 (нояб.). — С. 44–49.

См. также № 1.1.1, 7.1.3–7.1.6, 7.2.1, 7.2.50, 7.6.8.

7. Материалы об Окуджаве

7.1. Книги

7.1.1. *Гизатулин М.* Его университеты: [О. в 40-е гг.]. — М.: ЮПАПС, 2003. — 52 с.: ил. — Вкл.: Окуджаву Б. «...Я всё неспроста это, милая, высказал...»; «...Пусть этот век и тяжёлый и кровавый...»; «Глаз озорные губы...»; [Фрагм. неизд. стихов].

7.1.2. Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова; Я. Гройсман. От последней книги к первой: Вступление; М. Р. Гизатулин, В. Ш. Юровский. Хроника жизни и творчества. — Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. — 288 с. — (Имена); *То же*. — 2-е изд., испр. и доп. — 2004. — *Содерж.*: *Шварц И.* Мы были как братья / Запись Е. Черновой; *Мотыль В.* О Булате Окуджаве / Запись Н. Васиной; *Евтушенко Е.* «Заходи — у меня есть джонджоли»; *Тодоровский П.* Мы работали и были счастливы; *Корнилова Г.* Булат; *Смирнов А.* Песенка о нечаянной радости; *Шилов Л.* Из записок звукоархивиста; *Ким Ю.* Весна 94: Стихи; *Никитины Т. и С.* «К чему нам быть на “ты”, к чему...»; *Ваншенкин К.* «Привет, это Булат»¹⁰; *Шерешевский Л.* «С гитарой под плащом...»; *Оскоцкий В.* О первой любви, и не только о ней; *Приставкин А.* Наши маленькие праздники; *Рассадин С.* Архипелаг Булат; *Коржавин Н.* Булату это удалось; *Искандер Ф.* «Будут петь его лучшие песни...»; *Шилов К.* Татьяна Григорьевна, Александр Сергеевич и Булат Шалвович; *Рейн Е.* «Подари мне этот размер»; *Фрумкин В.* «Между счастьем и бедой...»; *Авакян С.* Портрет в Божественном переулке; *Спиваков В.* Путешествие дилетанта: Стихи; *Спивакова С.*

¹⁰ Вкл. ранее опубликованная заметка: Песни для спектакля (2003).

Невстреча с Булатом; *Половец А.* Из книги о Булате; *Медовой И.* Последнее путешествие Булата; *Гладилин А.* Окуджавы в Париже; *Лазарев Л.* «А мы с тобой, брат, из пехоты...»; *Гизатулин М.* Шведская «сестра» Булата Окуджавы: [О швед. певице К. Андерсон]; Арбатские мотивы: [Подборка цитат и фотографий]; *Вкл.: Окуджавы Б.* «Информаторы — тоже ведь люди...»¹¹; «Я забежал на улочку...»; Тост Приставкина: Стихи; Письма к А. Смирнову, В. Фрумкину [Фрагм.]; *Евтушенко Е.* Простая песенка; *Смирнов А.* «Ни о чём я не помню сегодня; [Ковальджи К.] «Пьяные монтеры, слесаря...»; *Коржавин Н.* Комиссары: Элегия; *Авакян С.* Булат Окуджавы; Дом-музей Булата Окуджавы: Стихи.

Откл., рец.: Вспоминая Булата: [Анонс] // Рус. курьер. — 2003. — 11 сент. (№ 33). — С. 14. — Без подп.; *Леонидов В.* «Я вновь повстречался с Надеждой...» // Рос. вести. — 2003. — 3—9 дек. (№ 44) — С. 22; *Гримберг Ф., Ильцев А.* Зал памяти // Кн. обозрение. — 2003. — 8 дек. (№ 50). — С. 20; *Кузнецова Н.* Не изменённый портрет // Знамя. — 2004. — № 12. — С. 218—219.

7.1.3. Булат Окуджавы: его круг, его век: Материалы Второй междунар. науч. конф. 30 нояб. — 2 дек. 2001 г., Переделкино / Ред.-сост. И. И. Ришина. — М.: Соль, 2004. — 208 с. — *Из содерж.:* От составителя; [Ст. общ. характера:] *Кораллов М. М.* ГУЛАГ и Булат [Из воспом.]; *Рассадин С. Б.* Время Окуджавы?; [Частн. вopr. биографии и наследия:] *Гусейнов Ч. Г.* Булат Окуджавы и кавказские войны [Из воспом.; Из интервью О.]; *Жебровская А.-И.* Творчество Булата Окуджавы в Польше (1960—2000); *Кречкова Л. А.* Булат Окуджавы и Америка / Послесл. Д. А. Козлова; *Христофорова С. Б.* Рецепция поэзии Булата Окуджавы в Германии; *Риго Б.* Преступление и наказание [О. в жизни авт.; Из воспом.] / Пер. с венгер. Т. Воронковой; *Копелиович М. В.* Круг читателей-понимателей, или О нас по поводу Окуджавы [Из воспом.]; [О поэт. и пес. творчестве:] *Новиков Вл. И.* Об окуджавизмах в русском языке; *Чудакова М. О.* Возвращение лирики; *Аверинцев С. С.* Поэзия, сохраняющая тепло человеческого дыхания; *Аннинский Л. А.* «Да ведь и всё от нуля»; *Шмак-Рейфер Я.* «Мы связаны, поляки, давно одной судьбой...»; *Чайковский Р. Р.* «Я не прошу, помня о былом...»: (Траг. судьбы XX века в поэзии Булата Окуджавы); *Белая Г. А.* Творчество Булата Окуджавы в контексте идей М. М. Бахтина: (К постановке проблемы); *Бек Т. А.* Старые жанры на новом витке; *Малыгина Н. М.* Мотивная структура песен Булата Окуджавы в контексте искусства авангарда; *Богомолов Н. А.* Булат Окуджавы и массовая культура; *Клинг О. А.* «...Дальняя дорога дана тебе судьбой...»: Мифологема пути в лирике Булата Окуджавы; *Дубиан Л. С.* «Зеленые крылья погон»: Опыт чтения метафоры; *Розенблюм О. М.* К вопросу об эволюции образа поэта в лирике Булата Окуджавы (50—60-е гг.); *Алексеева Л. Ф.* [«О творческом взаимо-

¹¹ Четверостишие опубликовано здесь впервые и на 01.03.11 больше не перепечатывалось.

действии большого художника с предшественниками»: Реплика]; *Трус Л. С.* Мир Окуджавы; *Кнабе Г. С.* «Там, за поворотом Малой Бронной...»; [О песне «...И когда под вечер над тобою...»]; *Семёнова Е. А.* Булат Окуджава: работа со временем: (Песни конца 50-х); *Абельская Р. Ш.* О еврейских мотивах в поэзии Булата Окуджавы; *Бройтман С. Н.* «Я» и «другой» в лирике Булата Окуджавы; [О прозе:] *Оскоцкий В. Д.* Автобиографическая проза Окуджавы; *Бойко С. С.* Луиза: О работе романиста Булата Окуджавы с мемуарным источником; *Уварова С. В.* «Документ» в романе Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов»; *Цуркан А. В.* Гоголевские традиции в повести Булата Окуджавы «Похожения Шипова, или Старинный водевиль»; *Чаклайс М.* «В сопровождении медной струны»: [Вкл.: Из воспом.; Из писем О. к А. Ярунзите; Зелёное кукурузное поле: Стихи / Пер. с латыш. А. Кушнера]; **Вкл.:** *Окуджава Б.* Храмули; «Мгновенна нашей жизни повесть...»; «Держав! Родина! Страна! Отечество и государство!...»; «Вот какое нынче время...»; «Не успел на жизнь обидеться...»; «Не обязательны пуля и кнут...»: [Факс.]; «Я жалею собак с нашей улицы...»; Песенка про старого гусака; Моё поколение; «Ехал всадник на коне...»; «В земные страсти вовлечённый...»; «...И когда под вечер над тобою...»; Сентиментальный марш; Чудесный вальс; «Шарманка старая крутилась...»; «Как улыбается юный флейтист...»; Отъезд; Песенка о Моцарте; «Жизнь моя — странствия. Прощай! Пиши!...»; «Я люблю! Да, люблю!...»: Стихи.

Откл., рец.: День памяти Булата Окуджавы: [Анонс премьеры в Доме-музее] // Новая газ. — 2004. — 7–9 июня. С. 19; Век Окуджавы: [Анонс вечера-премьеры] // Моск. комсомолец. — 2004. — 11 июня. — С. 19; *Новиков-Ланской А.* Не имидж, но месседж // Независимая газ.: НГ Ex libris. — 2004. — 16 сент. (№ 35).

7.1.4. Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве / Сост. А. Е. Крылов. — [Вып. 1]. — М.: Булат, 2004. — 448 с.: ил. — *Содерж.:* От редколл.; **Из воспоминаний:** *Сикорский В.* Встреча с памятником; *Соловьёв В.* Поэзия ходячих истин: Из мемуар. романа «Записки скорпиона»; *Игнатова Е.* Булат Шалвович Окуджава: Из цикла «Я и гиганты»; *Цветков В.* Чаепитие с Бумажным солдатом из Протопоповского переулка; *Шилов Л.* На реке Гауя: Фотоочерк; **Публикации. Исследования:** *Окуджава Б.* Записываю анекдотические истории: Булат Окуджава — Клубу друзей Булата Окуджавы / Беседу ведёт Л. Шилов; Подгот. к печ. И. Некрасов; *Вдовин С.* Пять писем Окуджавы; *Гизатулин М.* Шамордино (1950–1951): [Биогр. очерк]; **Штудии:** *Фризман Л.* «Ах, если б я знал это сам...»: Поэзия безответ. вопр.; *Абельская Р.* «На мне костюмчик серый-серый...»: Поэтика Б. Окуджавы и блатная песня; *Левина Л.* Булат Окуджава и другие: (Ещё два этюда); *Кулагин А.* «В ключе Булата»: [О. и Высоцкий]; «Свидание с Бонапартом» (1984–2003): *Трус Л.* Философия ответственности: (Попытка психолог. анализа одного романа Б. Окуджавы); *Веселков С.* «Свидание с Бонапартом»: герои и автор; *Александр*

рова М. Уроки сомнения: Роман Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом»; **Архив тамиздата:** Германия, США, Великобритания, Франция, далее везде: Окуджава в рус. эмигрант. печати 1964–1968 гг. [Обзор]; *Райс Э.* Булат Окуджава; *Тарасова Н.* Булат Окуджава — современный баян; *Гуль Р.* Булат Окуджава. Будь здоров, школяр. Стихи; *Горбов Я. Н.* Булат Окуджава. «Будь здоров, школяр. — Стихи»; *Михайлов М.* Булат Окуджава; *Плетнёв Р.* О песенках Б. Окуджавы; *Горбов Я. Н.* Булат Окуджава. «Проза и поэзия»; *Померанцев К.* Булат Окуджава в Париже; *Давыдова А.* Из радиопередачи «Перед занавесом»; *Зеленский Е.* Слушай Булата Окуджаву / Подгот. текстов и предисл. А. Крылова; **Галерея «ГН»:** *Дронников Н.* Дронников рисует Окуджаву: [Графич. портр. с натуры]; **Окуджава сегодня:** *Юровский В.* Записи Булата Окуджавы на компакт-дисках; Мнения. Оценки. Факты. Легенды: По материалам печати / Сост. А. Крылов, В. Юровский; *Крылов А.* Материалы к «Словарию цитат и крылатых выражений Булата Окуджавы»: Песня «Бери шинель, пошли домой»; **Круг чтения:** *Кулагин А.* [Рец. на кн. № 7.1.2]; *Вдовин С.* [Рец. на кн. № 7.1.1]; *Свиридов С.* [Рец. на кн. № 7.4.14]; *Шалов С.* [Рец. на кн.: Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002]; *Карабанов С.* Окуджава, Окуджаве, Окуджавой... (О некоторых тенденциях в газет.-журн. публ. о поэте); *Андреев К.* Окуджавоведение в 2002–2003 годах: Новые стихи, науч. публ. и критика; **Справочные материалы:** Булат Шалвович Окуджава: Материалы к библиогр. (1999–2000) / Сост. А. Е. Крылов, В. Ш. Юровский; **Вкл.: Окуджава Б.** Обошление; «Почему я в этом доме...»; «Всю ночь кричали петухи...»; «Он, наконец, явился в дом...»; Старый флейтист; «После дождика небеса просторны...»; «Возьму шинель и вещмешок, и каску...»; Песенка о московском метро; Песенка старого шарманщика; «Берегите нас, поэтов, берегите нас...»; «То падая, то снова нарастая...»: Стихи; Письма к В. Сикорскому и В. Соловьёву [Фрагм.]; *Сикорский В.* «Дай! За мной не заржавеет»...»: Стихи.

Рец., откл.: [Нефёдов А.] Маленький оркестрик // Тверская, 13. — 2004. — 24 апр.; *Сергеев В.* Вам зачтётся // Независимая газ.: НГ Ex libris. — 2004. — 3 июня (№ 20); *Раевская М.* И генерал, и рядовой // Кн. обозрение. — 2004. — 6 сент. (№ 37). — С. 20; *Бутыльская И.* Звучит «Голос надежды» // Лит. газ. — 2004. — 22–28 сент. (№ 37). — С. 6; *Ничипоров И.* // Вопр. лит. — 2004. — № 6 (нояб. — дек.). — С. 358–359.

7.1.5. Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. Альм. / Сост. А. Е. Крылов. — Вып. 2. — М.: Булат, 2005. — 496 с.: ил. — *Содерж.: От редколл.; Из воспоминаний:* *Камбуrowa Е.* Он защищал нас от грубости и невежества; *Храмов Е.* Из «Записок десантника»; *Волгин И.* «Весёлому барабанщику от грустного литавриста» / Записала М. Раевская; *Зорина И.* Что вспоминается...; *Уварова-Даниэль И.* Рифмы судьбы: Окуджава и Даниэль; *Шилов Л.* Как мы делали книжку с нотами / Подгот. к печати Е. Азимова; *Городницкий А.* «...Нам не хватало Окуджавы»; **Публикации:** *Окуджава Б.* Три интервью для Тбилисского радио / [Бе-

седовал] А. Белявский; Подгот. к печати Т. Субботина; *Окуджава Б.* Просто Аусма из Пурвиемса: [Письма к А. Ярунзите; По мотивам радиопередачи] // [Предисл. и публ.] М. Костенецкая; *Окуджава Б.* Мне написал Окуджава!: Из писем к читателям [А. Тырину, Л. Шустер и Н. Ясновой, Л. Н. Фурману, А. Севастьянову, П. Качанко] / Подгот. А. К.; «Кем согреты ваши перья и стихи?»: *Азимова Е.* Версия; *Юровский В.* Может быть, кто и осудит сначала...: Гипотеза; *Муравьев М.* Попутчики: Интерпретация; «Хочу воскресить своих предков...»: *Гизатулин М.* Только лица остаются: [К истории семейн. фот.]; *Гвахария А., Кобаладзе Н.* Тётя Оля, ты — уже история...: [О. Окуджава и Г. Табидзе] / Из кн.: Галактионология. Тбилиси, 2002; [Пер. и] подгот. К. Доквадзе; **О прозе поэта:** *Гизатулин М.* «Гордых гимнов, видит бог, я не пел окопной каше...»: Из истории «Школяра»; Вспомним их поимённо: Совет. критика начала 60-х о повести «Будь здоров, школяр». [Обзор] / Публ. и коммент. К. Андреева; *Кондратова Т. И.* «...И наша жизнь будет иметь смысл»: О дет. кн. Булата Окуджавы «Прелестные приключения»; **Штудии:** *Хазагеров Г., Хазагерова С.* Окуджава и аристократическая линия русской литературы; *Александрова М.* «Счастливчик Пушкин» и другие...; **Предтеча:** *Окуджава Б.* «Я люблю его песни...»: [Высказывания о Вертинском]; *Шляхова О.* Стихи находят музыку: От Вертинского до Высоцкого: [О заимствовании мелодий]; *Кулагин А.* «Сначала он, а потом мы...»: Крупнейшие барды и наследие Александра Вертинского; **Галерея «ГН»:** *Крылов А.* Шестидесятилетие. Из кн. «Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ»; *Шакин Г.* Двадцать лет тому...: Фотохроника одного дня; **Окуджава сегодня:** *Вдовин С.* Праздник «думающих людей»: [Обзор юбилейн. мероприятий]; Без комментариев: *Малахова Ю.* Госпремии решено реформировать; *Еремеева Е.* Праздник колокольчика на «островке» духовности; *Кайстро Д.* Наследие Булата Окуджавы выложат в Сеть [и др.] / По материалам Интернета; Обзор подгот. В. Ю.; *Анпилов А.* Как в зеркале: [Обзор исполнителей CD с песнями О.]; **Круг чтения:** *Доквадзе К.* Родина и «неосторожный» поэт: О публикациях в газ. «Литератури Сакартвело» 1997 г. / Пер. с груз. авт.; *Юровский В.* Работа над ошибками, или Проза про стихи: [Рец. на кн. № 1.1.2]; *Джагалов Р.* Вторая переделкинская: [Рец. на кн. № 7.1.3]; *Альтшуллер А.* Время мемуаров: [Обзор мемуар. публикаций]; **Справочные материалы:** Булат Шалвович Окуджава: Материалы к библиогр. (2001–2002) // Сост. А. Е. Крылов, В. Ш. Юровский; Вкл.: *Окуджава Б.* «О чём ты успел передумать, отец расстрелянный мой...»; «Мне в моём метро никогда не тесно...»; «Русского романса городско-го...»: Стихи; [Из высказываний на банкете в честь 60-летия]; *Даниэль Ю.* «Живём не в тон, не в цвет, не в лад...»: [Факс.]; *Городницкий А.* «В развороченном сердце Арбата...»: Стихи.

Откл., рец.: Раевская М. Неразменный золотой // Кн. обозрение. — 2005. — 16–22 мая (№ 20). — С. 21.

7.1.6. *Крылов А.* Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. — М.: Булат, 2005. — 160 с.: [64 л.]. — Вкл.: Окуджава Б.

«Чтобы известным стать...»: Стихи; «Я мечтаю увидеть ростки демократии»: [Доп. ред.]; «Я человек натуральный» / [Беседовал] А. Крылов; [Из высказываний на банкете в честь 60-летия].

Рец.: *Аменицкий В.* Сексот на фоне Пушкина: Как верный почитатель Окуджавы был объявлен стукачом и изгнан с глаз долой // Независимая газ.: *Ex libris*. — 2005. — 14 июля; *Раевская М.* Записки оруженосца // Кн. обозрение. — 2005. — 25 июля — 7 авг. (№ 29–30). — С. 28.

7.2. Статьи общего характера

7.2.1. *Захарчук М.* Победа Окуджавы [Из воспом.] // Воин России. — 2003. — № 4. — С. 114–116. — Вкл.: Окуджава Б. [Из интервью 1990 г., в т. ч. неопубл. фрагм.].

7.2.2. *Кулик А.* Во всех концах державы нельзя без Окуджавы // Телемир—Нижний Тагил. — 2003. — 7 мая. (№ 19). — С. 6.

7.2.3. Булат Окуджавы: [Твор.-биогр. очерк] / Великие музыканты XX века / Авт.-сост. Д. Е. Сидорович. — М.: Мартин, 2003. — С. 252–255.

7.2.4. Булат Шалвович Окуджавы // Русские поэты XX века: Собр. биогр. / Кол. авт.: М. Б. Богуславский и др. — Челябинск: Аркаим, 2003. — С. 269–274. — Без подп.

7.2.5. *Жванецкий М. М.* Окуджаве снова... // Жванецкий М. М. Собрание произведений: В 4 т. — М.: Время, 2003. — Т. 4: Девяностые. — С. 254–257.

7.2.6. *Кулагин А. В.* Авторская песня // Русская литература XX века. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений: В 2 ч. / Под общ. ред. В. В. Агеносова. — 8-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2003. — Ч. 2. — С. 425–428; *См. также:* С. 423, 424, 431, 435, 436.

7.2.7. Окуджавы Булат Шалвович: [Твор.-биогр. очерк] // Вся русская литература: Учеб. пособие / Авт.-сост. И. Л. Копылов. — Минск: Современ. литератор, 2003. — С. 839–844.

7.2.8. Окуджавы Булат Шалвович: [Твор.-биогр. очерк] // Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г. П. Шалаева. — М.: Филолог. о-во «Слово»: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. — С. 1064–1066.

7.2.9. *Романова Г. И.* Окуджавы Булат Шалвович: [Твор.-биогр. справка; Крат. спис. лит.; Темы сочинений; Вопр. и задания] // Романова Г. И. Русские писатели XX века: Словарь-справ. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 155–157.

7.2.10. *Савченко Б.* Окуджавы Булат Шалвович: [Твор.-биогр. очерк] // Савченко Б. Кумиры советской эстрады. — М.: Алгоритм, 2003. — С. 214–215.

7.2.11. *Чупринин С. И.* Окуджавы Булат Шалвович: [Твор.-биогр. очерк] // Чупринин С. И. Новая Россия: мир литературы: Энцикл. слов.-справ.: В 2 т. — СПб.: Пропаганда, 2003. — Т. 2. — С. 161–162.

7.2.12. *Шикман А.* Окуджавы Булат Шалвович: [Твор.-биогр. очерк] // Шикман А. Кто есть кто в российской истории: Биогр. слов.-справ. — М.: Вагриус, 2003. — С. 416–417.

7.2.13. *Евтушенко Е.* «В начале было Слово»: [Из антол. «Десять веков рус. поэзии». Из воспом.] // Труд-7. — 2004. — 12 февр. — С. 10.

7.2.14. *"Смирнов М.* У нас есть Окуджава // Вести Арханг. обл. — 2004. — 30 апр.

7.2.15. *Медовой И.* Всё глуше музыка души... // Моск. новости. — 2004. — 30 апр. — 6 мая (№ 16). — С. 13.

7.2.16. *"Панов М.* Булату Окуджаве исполнилось бы 80 лет // Род. Подмоскowie. — 2004. — 2 мая (№ 17).

7.2.17. Ах, Булат, мой Булат, ты — моё отечество: Ваши любимые строчки Окуджавы. [Блицопрос] / От ред.; Анонсы юбилейн. телепередач // Антенна. — 2004. — 3—9 мая (№ 19). — С. 21.

7.2.18. *Канавин В.* Арбатский часовой // Итоги. — 2004. — № 18 (4 мая). — С. 53.

7.2.19. "Больше, чем поэт // Воронеж. вести. — 2004. — 5 мая (№ 18).

7.2.20. *Колесников В.* Последний «шестидесятник» // Москва Центр. — 2004. — 5 мая (№ 15). — С. 7.

7.2.21. *Окуджава О.* Булат никогда не позволил бы сравнивать себя с Пушкиным: [О Музее, предполагаемом Центре О., о памятнике на Арбате; Из воспом.] / Беседовала Ю. Рахаева // Веч. Москва. — 2004. — 5 мая. — С. 50.

7.2.22. *Быков Д.* Любовь без надежды / [Крат. анонс о вечере в Доме-музее и фестивале на Трубной] // Веч. клуб. — 2004. — 6 мая (№ 17). — С. 26; Вкл.: Окуджава Б. Из окна вагона: Стихи.

7.2.23. *"Галочкин П.* Дворянин с арабского двора // Молодёж. курьер. — Чебоксары, 2004. — 6 мая (№ 17). — Вкл.: Окуджава Б. «Вот так и ведётся на нашем веку...».

7.2.24. *"Луканин Г.* Жизнь под знаком весны // Интер. — Волгоград, 2004. — 6 мая (№ 19); *То же* // "Рязан. ведомости. — 2004. — 7 мая.

7.2.25. *Немзер А.* Чем громче музыка печали, тем выше музыка любви: [К 80-летиям В. Астафьева и О.] // Время новостей. — 2004. — 6 мая. — С. 10.

7.2.26. *"Свиридов А.* Какой струны касаешься прекрасной... // Воронеж. неделя. — 2004. — 6 мая (№ 18).

7.2.27. *Эйдельман Н.* Прелестно! / Из: Менестрель. [1984] // Первое сент. — 2004. — 6 мая.

7.2.28. *Хлебников О.* У нас если не сталь в голосе, то — Булат [Из воспом.] // Новая газ. — 2004. — 6—12 мая. — С. 20. — Вкл.: «Булат Шалович Окуджава...»: Стихи.

7.2.29. *Чайковский Р. Р.* «Окуджава был глотком свободы...»: [О. в моей жизни; Из воспом. / Беседовала] Н. Алексеева // Регион. — Магадан, 2004. — 6—12 мая (№ 19). — С. 5.

7.2.30. *Соломонов Ю.* Пехотинец [Из воспом.] // Рос. газ. — 2004. — 7 мая.

7.2.31. *Хатунцева М.* Дежурный по маю / Анонс юбилейн. вечера в Доме-музее // Ежеднев. новости. Подмоскowie. — 2004. — 7 мая.

7.2.32. *Арабаджи А.* Под управлением любви // Нижегород. правда. — 2004. — 8 мая.

7.2.33. *Мишаткин Ю.* Мы все тех лет шальные дети // Волгогр. правда. — 2004. — 8 мая.

7.2.34. *Барабанов Б.* «Ну и тут у нас ещё Булат с гитарой» // Власть. — 2004. — № 17–18 (10 мая). — С. 52–55.

7.2.35. *Петровский М.* «Я вновь повстречался с надеждой...» // Столич. новости. — Киев, 2004. — 12–18 мая (№ 17).

7.2.36. *Пыжикова Т.* «У каждой эпохи свои вырастают леса»... [Из воспом.] // Знамя в семье. — Калуга, 2004. — 13 мая. — С. 13; Вкл.: Окуджаву Б. «У поэта соперника нету...»: [Факс].

7.2.37. *Богуславская О.* Чужой город [Телетрансляция в Доме-музее] // Моск. комсомолец. — 2004. — 14 мая.

7.2.38. "И это всё о нём... / С. Юрский; Е. Рейн; С. Никитин; И. Кобзон; Подгот. К. Филиппов, И. Корягина // Никол. кольцо. — Смоленск, 2004. — 18 мая (№ 20); *То же* // "Проспект. — Ниж. Новгород, 2004. — 18 мая (№ 20); "Репортёр. — Пенза, 2004. — 18 мая (№ 18); "Хронометр. — Кострома, 2004. — 18 мая (№ 20); "Янтар. Караван. — Калининград, 2004. — 18 мая (№ 20); "Газ. Дона. — Ростов н/Д., 2004. — 19 мая (№ 20); "Краснодар. курьер. — Краснодар, 2004. — 19 мая (№ 20); "Мещер. сторона. — Рязань, 2004. — 19 мая (№ 20); "Новое Омское Слово, 2004. — 19 мая (№ 20); "Орлов. меридиан, 2004. — 19 мая (№ 20); "Ставропол. меридиан, 2004. — 19 мая (№ 20); "Томь. — Кемерово, 2004. — 19 мая (№ 20); "Уфим. меридиан. — Уфа, 2004. — 19 мая (№ 20); "Хронометр. — Владимир, 2004. — 19 мая (№ 20).

7.2.39. *Алтаева Я.* «Не везет мне в смерти...» // Биржа плюс карьера. — Ниж. Новгород, 2004. — 19 мая (№ 20).

7.2.40. *Камбурова Е.* Тринадцатый апостол // Веч. Новосибирск. — 2004. — 19 мая. — В ст.: Жизнь поэта — или проповедь, или исповедь.

7.2.41. В День Победы мы всегда вспоминаем Булата Окуджаву // Большая перемена. — СПб., 2004. — Май (№ 10). — Без подп.

7.2.42. Булат Окуджаву: «Прокричать про любовь...» // Новый акрополь. — 2004. — № 3 (май–июнь). — С. 62–63. — Вкл. высказывания О., Д. Лихачёва, А. Володина, З. Крахмальниковой, Л. Жуховицкого.

7.2.43. Булат Шалович Окуджаву 1924–1997: [Твор.-биограф. очерк] / Без подп. // Отечество. — Калуга, 2004. — № 5–6. — С. 12–13.

7.2.44. *Семёнова З.* «Возьмёмся за руки, друзья!» // Благовестник. — Коломна, 2004. — Июнь (№ 6). — С. 6.

7.2.45. *Аннинский Л.* Негромкая мелодия души [Из воспом.] / Беседа вела О. Соломонова // Труд-7. — 2004. — 18–24 нояб. — С. 8; См. также № 7.2.46.

7.2.46. *Аннинский Л.* Негромкая мелодия души [Из воспом.] / Беседа вела О. Соломонова; Ред. врез о вечере в КЗ им. Чайковского // Утро России. — Владивосток, 2004. — 25 нояб.

7.2.47. *Огрызко В.* Окуджаву Булат Шалвович: [Твор.-биогр. очерк] // Огрызко В. Русские писатели. Современная эпоха: Лексикон. Эскиз будущей энцикл. — М.: Лит. Россия, 2004. — С. 357–358.

7.2.48. *Рязанов Э.* О Булате // Рязанов Э. У природы нет плохой погоды: Стихотворения, новеллы. — М.: ЭКСМО, 2004. — С. 341–343; *То же.* — Любовь — весенняя страна. — 2005.

7.2.49. *Шерель А. А.* Окуджаву Булат Шалвович / Крат. список лит. // Эстрада в России. XX век: Энцикл. / Отв. ред. Е. Д. Уварова. — М.: Олма-Пресс, 2004. — С. 464.

7.2.50. *Шилов Л.* Булат Окуджаву // Шилов Л. Голоса, зазвучавшие вновь. — М.: Альдаон: РУСАКИ, 2004. — С. 317–340; *См. также:* С. 21, 24–27, 28–29, 38, 40, 44, 45, 47–49, 52, 54, 55, 69, 73, 120, 137–138, 309, 354; Вкл.: Окуджаву Б. [Из интервью 1965 и 1985 гг.; Из ответов на записки].

7.2.51. *Цыпушкин Е.* Совесть, благородство и достоинство... // Пульсар. — Ниж. Тагил, 2005. — № 3–4. — С. 34–35.

7.2.52. *Чернявский И.* Вы слышите, грохочут сапоги... / Анонс праздника у театра «Школа соврем. пьесы» // Досуг & развлечения. — 2005. — № 19 (5–15 мая). — С. 22–23.

7.2.53. *Лазарев Л.* «А мы с тобой, брат из пехоты...»: О Булате Окуджаве [Из воспом.] // Лазарев Л. Записки пожилого человека: Кн. воспоминаний. — М.: Время, 2005. — С. 135–146; *См. также:* С. 92, 213, 405–408, 493.

7.2.54. *Лукьянченко О.* Окуджаву Булат Шалвович: [Крат. хроника жизни и твор. пути; Общ. оценка творчества] // Русские писатели: Био-огр. слов.-справ. для школьников. — Ростов: Феникс, 2005. — С. 285–291.

7.3. Частные вопросы биографии и наследия

7.3.1. *Дедков И.* [О. как символ Перестройки: Запись от 22.03.88] // Новый мир. — 2003. — № 1. — С. 150. — В публ.: Дедков И. Уже открыт новый счёт: Из дневниковых записей 1987–1994 гг.

7.3.2. *Риго Б.* Преступление и наказание: [О. в жизни авт.; о несостоявшейся встрече с О.] / Пер. с венгер. Т. Воронковой // Лит. учеба. — М., 2003. — № 2 (март–апр.). — С. 216–219. — *См. также* № 7.1.3.

7.3.3. [Были ли у О. ученики?] // Мир ТВ и время. — 2003. — 5–11 мая (№ 19). — С. 15. — Без подл.

7.3.4. *Сидорова Н.* Кому Окуджаву читал в Марбурге: [О последней поездке в Германию] // Веч. Петербург. — СПб., 2003. — 17 июня.

7.3.5. [Герчук Е.] Рисование дилетантов: [Об иллюстрациях к истор. романам О.] // Кн. обозрение. — 2003. — 11 авг. — С. 10.

7.3.6. *Ваншенкина Г.* «У меня нет рисовального зуда»: [Об оформл. собр. соч. О.] / [Беседовала Е. Герчук] // Там же.

7.3.7. *Холопов А.* Булат Окуджаву в Калуге / Подгот. А. Холопов // Родной калуж. край. — 2003. — 26 сент. — С. 7. — (Прил. «ТПП-информ»; № 7).

7.3.8. *Пислегина А.* Булат, сын Шалвы Окуджавы: [История семьи; о приездах О. в Ниж. Тагил] // След на Земле: Тагильчане — достояние России. — Вып. 5 / Ред.-сост. Д. В. Вендер. — Екатеринбург: СВ-96, 2003. — С. 212—215.

7.3.9. *Смирнов В. В.* Булат Окуджава в Ростове-на-Дону [Из воспом.] // Донской временник: Год 2004-й: Краевед. библиотеч.-библиогр. журн. — Ростов н/Д.: ДГПБ, 2003. — С. 62—64. — Ил.: Фото с дарственной надп. Д. Долинскому.

7.3.10. *Сарнов Б.* Песни надо писать!: [Лит. байка] // Вопр. лит. — 2004. — № 1 (январь — февраль). — С. 375.

7.3.11. [*Лакоза Е.*] Булат — Анатолию: [О стихах, посвящ. А. Чубайсу] // Рус. курьер. — 2004. — 27 февраль. — С. 32.

7.3.12. *Потресов В.* Ах, Арбат... мой Арбат?: Опыт журналист. исследования; *Юровский В.* Печальный опыт [Жил ли О. на Арбате] // Лит. газ. — 2004. — 31 марта — 6 апр. (№ 12—13). — С. 15.

7.3.13. *Нефёдов А.* Арбатские романтики: [А. Молодов и О.; Из воспом.] // Тверская, 13. — М., 2004. — 24 апр.

7.3.14. *Кулик А.* «Цыганочку» давай!: [Излож. истории с приглашением О. на свадьбу в качестве гитариста] // Телемир. — Екатеринбург, 2004. — 28 апр. (№ 18). — С. 23.

7.3.15. *Панкеев И.* 9 мая — 80 лет со дня рождения... // Лит. газ. — 2004. — 28 апр. — 4 мая. — С. 15.

7.3.16. Булат Окуджава работал в «Комсомолке»! // Комсом. правда. — 2004. — 6 мая. — С. 17. — Без подп. — Ил.: Приказ по ред.: Факс.

7.3.17. *Бутыльский И.* В 1950 году в среднюю школу деревни Шамордино прибыл новый учитель // Первое сент. — 2004. — 6 мая.

7.3.18. *Зельников Ю.* Дежурный по апрелю: [Препровождение О. на Калуж. земле; Из воспом.] // Весть. — Калуга, 2004. — 8 мая. — С. 15.

7.3.19. *Мишаткин Ю.* Мы все тех лет шальные дети: Поэтом Булата Окуджаву сделали суровые годы войны // Волгогр. правда. — 2004. — 8 мая.

7.3.20. *Соколова М.* Ах, Арбат, мой Арбат...: [О. и Арбат] / [Анонс праздника во дворе О. на Арбате и фестиваля на Трубной] // Парламент. газ. — 2004. — 8 мая.

7.3.21. Читатель начинает, но...: [Конкурс на знание биографии О.] // Урал. рабочий. — Екатеринбург, 2004. — 8 мая. — Без подп. — Итоги (без ответов) см. в номере от 12 мая.

7.3.22. *Бакушинская О.* Трудности формулировки: [О. и мы; Из воспом.] // Комсом. правда. — 2004. — 15 мая. — С. 4.

7.3.23. *Чирков Л.* [История фото; окт. 1970] // Калуж. губерн. ведомости. — 2004. — 21—27 мая (№ 19). — С. 15.

7.3.24. *Серова И.* На легендарном барде наживаются «пираты»: [«Концерты под именем О., кружки друзей Окуджавы»; кассеты и диски; итоги благотворит. аукциона на Первом фестивале О.] / По информации О. Арцимович // Аргументы и факты. — 2004. — Май (№ 18). — С. 16.

7.3.25. "Крещение Булата / По материалам рос. прессы // Вечный зов. — Санкт-Петербург, 2004. — 15 июня.

7.3.26. *Колесников А. Неизвестный Чубайс // Студия. — 2004. — [Авг.] (№ 8). — *Из содерж.*: Дружба с Окуджавой; вкл. стихотворение А. Чубайсу в день рождения («Надо помнить: день рождения...»).

7.3.27. Молчанов Э. «И приговор нащёптывает время...»: [О на Урале и в Забайкалье; Из воспом. о встрече на ВДНХ в 1989 г.] // Урал. следопыт. — Екатеринбург, 2004. — № 12. — С. 58–59.

7.3.28. Аксёнов В. Воспоминания под гитару: [О выступлении О. в б-ке Смитсониев. замка в Вашингтоне] // Аксёнов В. Десятилетие клеветы: Радиодневник писателя. — М.: Изографус: ЭКСМО, 2004. — С. 289–298.

7.3.29. Мешков В. М. «Моя религия», или «Прогулки фрайеров»: [О. и Арбат]; Окуджаву Булат Шалвович: [Свод стихотвор. цитат об Арбате] // Мешков В. М. Арбат передо мною...: Поэт., биогр. и библиогр. кн. / Предисл. С. О. Шмидта. — М.: Рус. мир, 2004. — С. 106–111, 339–351; *То же [в сокр.]*: «Пока земля ещё вертится, пока ещё ярок свет...! // Арбат. вести. — 2004. — Май (№ 10)..

7.3.30. Розенблюм О. Автобиографический миф Булата Окуджавы (в песнях, стихах, прозе) // *Studia Slavica*: Сб. науч. тр. молодых филологов. — [Вып.] IV. — Таллин, 2004. — С. 124–133.

7.3.31. Розенблюм О. Реальный читатель и образ читателя: Записки из зала, адресов. Булату Окуджаве // Рус. филология: Сб. науч. тр. молодых филологов. — [Вып.] 15. — Тарту, 2004. — С. 162–167.

7.3.32. Цыбульский М. Высоцкий и Окуджаву: [Биогр. аспект] // Цыбульский М. Жизнь и путешествия В. Высоцкого: [Сб. ст.]. — Ростов н/Д.: Феникс, 2004. — С. 39–52; *То же*. — 2005; *То же [сокр.]*: Фурман Л. Высоцкий и Окуджаву: [Биогр. аспект] / В сокр.; В соавт. с М. Цыбульским // Горизонт. — № 51. — Тула, 2004. — Авг. — С. [15–18].

7.3.33. Оленев А. Ростовский профессор Смирнов встречался с Мессингом и открывал с Окуджавой // Веч. Ростов. — Ростов н/Д., 2005. — 18 янв. — С. 2. — *Из содерж.*: Песня о Лёнке Королёве.

7.3.34. Окуджаву зазвонит в колокола / Росбалт // Метро. — СПб., 2005. — 5 мая.

7.3.35. Окуджаву сыграют на колокольне Петропавловской крепости / По материалам «Росбалта» // Новые Изв. — 2005. — 5 мая.

7.3.36. Как снимали песню: [О кф. «Белорусский вокзал»] / По воспом. А. Смирнова и Н. Ургант; [Записала А. Велигжанина] // Комсом. правда. — 2005. — 5–12 мая. — С. 9.

7.3.37. Богомолов Н. А. Окуджаву диссидентом не был?: По поводу ст. В. Шубинского «Как мыши кота хоронили, или Свидетельство зашиты» («Знамя», 2005, № 2) // Знамя. — 2005. — № 5. — С. 203–204.

7.3.38. Костромин А. Играем Окуджаву: [О приёмах и особенностях игры О. на гитаре] // Люди и песни. — 2005. — № 6 (нояб. — дек.). — С. 16–19. — Вкл.: Окуджаву Б. Песенка об Арбате: [С нотами].

7.4. О поэтическом и песенном творчестве

7.4.1. *Бойко С.* Изустный текст: «Его ни в чём ты не умолишь...» // Вагант-Москва. — 2003. — № 4–6. — С. 62–67. — Вкл.: Окуджава Б. Песня («Не бродяги, не пропойцы...»): [Факс.].

7.4.2. *Зайцев В. А.* Вариации на тему одной солдатской песни: (Ив Монтан и Окуджава, Высоцкий, Галич) // Филол. науки. — 2003. — № 3 (май–июнь). — С. 77–85; См. также № 7.4.14.

7.4.3. *Каплан А. Б.* Окуджава и Андерсен: [Реминисценции из сказки «Ель» в песне «Прощание с новогодней ёлкой»] // Культурология / Сост. И. Л. Галинская. — М., 2003. — № 3 (май–июнь). — С. 88–91.

7.4.4. *Ничипоров И. Б.* «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава // Вест. МГУ. Сер. 9. Филология. — 2003. — № 3 (июнь–июль). — С. 58–71.

7.4.5. *Жукова Е. И., Ничипоров И. Б.* Вглубь авторской песни: [Рец. на кн.: Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002] // Вест. МГУ. Сер. 9. Филология. — 2003. — № 4 (июль–авг.). — С. 198–203.

7.4.6. *Зайцев В. А.* Жанровое своеобразие стихов-песен Окуджавы, Высоцкого, Галича о войне // Вест. моск. ун-та: Сер. 9: Филол. — 2003. — № 4 (июль–авг.). — С. 40–59.

7.4.7. *Чесноков С.* Песенки из жизни персонажа // Знание — сила. — 2003. — № 9. — С. 91–98. — Из содерж.: Пехота и весна; Дети и снежная баба. С. 92–94, 96.

7.4.8. *Абельская Р. Ш.* Ах, это, братцы, о другом...: Совет. песня и её значение для формирования поэтики Булата Окуджавы // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 17–20 марта 2003 г. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. — С. 265–277.

7.4.9. *Алмазов Б.* Булат Окуджава // Алмазов Б. «Не только музыка к словам...»: Мемуары под гитару. — М.: Центрполиграф: МиМ-Дельта, 2003. — С. 256–267; См также с. 5, 195, 251–255, 268, 271, 320, 330, 331, 464, 482, 517, 537. — Вкл.: Лисочкин И. Из статьи «О цене шумного успеха».

7.4.10. Б. Окуджава: Стихи и песни Б. Окуджавы / Сост. С. Рублёв // Большой сборник сочинений-шпор для выпускников и абитуриентов. — Ростов н/Д.: Владис, 2003. — С. 423–424.

7.4.11. *Бойко С. С.* Булат Окуджава. Ранний автограф песни // Вопр. лит. — 2003. — Вып. 5 (сент. — окт.). — С. 298–302. — Вкл.: Окуджава Б. Песня («Не бродяги, не пропойцы...»): Стихи.

7.4.12. [Довнор Д. И., Запольский А. И.] Окуджава Булат Шалвович: [О поэзии] // Современная русская литература: Анализ произведений шк. программ: Справ. пособие / Сост.: Д. И. Довнор, А. И. Запольский. — Минск: Кн. дом, 2003. — С. 175–189.

7.4.13. «За столом семи морей»: (Твор. портрет Булата Окуджавы); Авторская песня: (Творчество Булата Окуджавы) // 248 сочинений:

Справ. материалы. Абитуриенту вуза, ученику шк. М.: Буклайн, 2003. — С. 123–124. — Без подп. — (Шпаргалка).

7.4.14. *Зайцев В. А.* «Музыка арбатского двора»; «Когда солдат уходит на войну...»: Ив Монтан и Окуджава, Высоцкий, Галич; «Пока в России Пушкин длится...»: Окуджава и поэты-современники // Окуджава. Высоцкий. Галич: Поэтика, жанры, традиции. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. — С. 6–16, 49–89, 195–208; *См. также*: С. 3–5, 18, 92, 100, 104, 109, 126–127, 132, 134, 175, 177, 178, 211–213, 254–255. — (Прил. к альм. «Мир Высоцкого»).

Рец.: Бойко С. С. // Филол. науки. — 2004. — № 4 (июль–авг.). — С. 120–122; *Шаулов С.* // Вопр. лит. — М., 2005. — Вып. 1. — С. 368–369; *См. также* № 7.1.4.

7.4.15. *Кузнецова Е. И.* История авторской песни в документах РГАНИ: (Обзор фонда Отделов ЦК КПСС) [Новосибир. фестиваль, А. Галич, Ю. Ким, Б. Окуджава, В. Высоцкий] // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 17–20 марта 2003 г. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. — С. 278–287. — Об О.: С. 279, 283–284, 286.

7.4.16. [*Лейдерман Н. Л.*] Песенки Булата Окуджавы // Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: Учеб. пособие [для вузов]: В 2 т. — М.: Акад., 2003. — Т. 1. — С. 131–139; *То же*: Своевременность несовременных чувств: («Песенки» Булата Окуджавы) // Лейдерман Н. Л. С веком наравне: Рус. лит. классика в совет. эпоху. (Моногр. очерки). — СПб.: Златоуст, 2005. — С. 242–250.

7.4.17. *Лемэр Ф. Ш.* Время бардов: Галич, Окуджава, Высоцкий // Музыка XX века в России и в республиках бывшего Советского Союза / Пер. с франц. Г. А. Серовой. — СПб.: Гиперион, 2003. — С. 226–229.

7.4.18. *Лирика Б. Ш.* Окуджавы // 555 сочинений на 5. — М.: Цитадель-трейд, 2003. — С. 431–434.

7.4.19. *Ничипоров И. Б.* Автобиографический миф в «московской» поэзии М. Цветаевой и Б. Окуджавы // Марина Цветаева: эпоха, культура, судьба: Десятая цветаев. междунар. науч.-темат. конф. (9–11 окт. 2002 г. Сб. докл. / Отв. ред. И. Ю. Белякова. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. — С. 168–180.

7.4.20. *Ничипоров И. Б.* Образ Вселенной в поэзии Ф. Тютчева и Б. Окуджавы: (К постановке проблемы) // Поэтическое наследие Ф. И. Тютчева: Литературоведение, лингвистика, методика: Материалы Юбилейн. междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. В. Антюхова, А. Л. Голованевского. — Брянск: Изд-во БГУ, 2003. — С. 168–173.

7.4.21. *Ничипоров И. Б.* «Петербургский текст» в авторской песне: Б. Окуджава, А. Городницкий¹², А. Дольский // Пушкинские чтения — 2003: Ст. и материалы всерос. науч. конф. 6 июня 2003 г. — СПб.: Лен. гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 2003. — С. 24–34.

¹² В заглавии и оглавлении кн. ошибочно: *Городецкий*.

7.4.22. Окуджаву Булат Шалвович; Творчество Б. Ш. Окуджавы / [Биогр. справка] // Вся русская литература: Учеб. пособие / Авт.-сост. И. Л. Копылов. — Минск: Соврем. лит., 2003. — С. 839–844. — *Из содержания*: Окуджаву Б. «Человек стремится в простоту...»; «Ах ты, шарик голубой...»; «Земля изрыта кривь и вкось...»: Стихи.

7.4.23. Педчак Е. П. Булат Шалвович Окуджаву: [О песне] // Педчак Е. П. Литература: Рус. лит. XX в.: [Учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений] — Ростов н/Д.: Феникс, 2003. — С. 346–349.

7.4.24. Рогацкина М. Л. Наблюдения над поэтической фоникой авторской песни: А. Вертинский — В. Высоцкий — Б. Окуджаву — А. Галич // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 17–20 марта 2003 г. — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. — С. 119–130.

7.4.25. Сахарова О. В. Хронотоп бардов: (Темпорал. и локатив. семантика в стихотворениях В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Галича) // Там же. — С. 131–139.

7.4.26. Стихи и песни Булата Окуджавы // 200 новых сочинений старшеклассникам и абитуриентам: Учеб. пособие. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. — С. 737–741; *То же* // 200 новых сочинений: Учеб. пособие. — Ростов н/Д.: Владис, 2003. — С. 555–557.

7.4.27. Творчество Булата Окуджавы // 500 сочинений для подготовки к письменному экзамену по литературе за курс средней школы. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — С. 755–756; *То же* // Большая книга школьных сочинений. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. — С. 594–595; *То же* // 50 новых «золотых» сочинений: М.: Олимп: АСТ, 2003. — С. 551–554.

7.4.28. Фризман Л. Г. «На фоне Пушкина...»: Пушкин. отзвуки у Галича и Окуджавы // Пушкин и мировая культура: Материалы шестой междунар. конф., Крым, 27 мая — 1 июня 2002 г. — СПб.: Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Симферополь: [Б. и.], 2003. — С. 148–155.

7.4.29. Кулагин А. В. Окуджаву и Высоцкий: Фрагм. ст. / Из альм. «Голос [надежды]» // Москва Центр. — 2004. — Янв. (№ 2). — С. 16; *См. также* № 7.1.4 [под загл. «В ключу Булата»].

7.4.30. Зархи С. Б. «Давайте друг другу восхищаться!»: Лит.-муз. композиция по творчеству Б. Окуджавы // Библиотека. — 2004. — № 4. — С. 78–82, обл. 4. — Вкл.: Окуджаву Б. Песенка об Арбате; Песенка о московских ополченцах; Мое поколение; «Всеу времечко своё: лить дождю, Земле вращаться...»; «Не тридцать лет, а триста лет иду; представьте вы...»; «Совесть, благородство и достоинство...»; Пожелание друзьям: Стихи.

7.4.31. Шнитке А. К. изначальной правде; Ким Ю. Золотой ключ; Городницкий А. Пути назад нет; Искандер Ф. Песни грустных надежд / Из: Менестрель. [1984] // Первое сент. — 2004. — 6 мая.

7.4.32. Юнусов А. Булат Окуджаву. Время и сердце // Дагестан. правда. — Махачкала, 2004. — 22 мая.

7.4.33. Бек Т. Да здравствует комментарий!: [Жанр басни у О.] // Независимая газ.: НГ Ex libris. — 2004. — 17 июня. — Вкл.: Окуджав Б. «Лежать бы гусаку в жаровне на боку...»: Стихи.

7.4.34. Авраменко А. П. Слово как явление синэстетизма в творчестве Булата Окуджавы // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исслед. рус. яз. (М., МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак., 18–21 марта 2004): Тр. и материалы / Сост.: М. Л. Ремнёва и др. — М.: МГУ, 2004. — С. 616–617.

7.4.35. Аннинский Л. Булат Окуджав: «Матушка, поплачь по сыну» // Аннинский Л. Век мой, зверь мой...: Рус., совет., всемир. свидетельство стиха. — Иркутск: Сапронов, 2004. — С. 533–548.

7.4.36. Аннинский Л. «Не уезжай, мой ангел, счастья нет...»: Булат Окуджав // Аннинский Л. Русский человек на любовном свидании. — М.: Согласие, 2004. — С. 87–90.

7.4.37. Богомолов Н. Булат Окуджав и массовая культура; Так ли просты стихи Окуджавы? // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. — М.: Новое лит. обозрение, 2004. — С. 399–425; См. также: С. 352, 356–357, 368–369, 384–387, 392, 394, 398, 470, 491–492, 500, 503, 588, 590–593, 599.

7.4.38. Булат Шалвович Окуджав: Творчество Булата Окуджавы; Цветовые эпитеты в поэзии Б. Окуджавы // Сборник лучших сочинений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект: [ТК Велби], 2004. — С. 534–536.

7.4.39. Дубшан Л. С. Булат Шалвович Окуджав // Литература. 11 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. / Под ред. В. Г. Маранцмана. — М.: Классикс Стиль, 2004. — Ч. 2. — С. 355–376. — Содерж.: «Только любовь»: [Общ.]; «Постарайтесь вернуться назад...»: [О военной теме в поэзии и прозе]; «Арбатство, растворённое в крови...»: [О поэзии]; Свидание с историей: [«Бедный Авросимов»]; «Где ж умещается человек?..»: [«Путешествие дилетантов»]; Вопросы и задания.

7.4.40. Зайцев В. А. Булат Шалвович Окуджав (1924–1997) // Зайцев В. А., Герасименко А. П. История русской литературы второй половины XX века. — М.: Высшая шк., 2004. — С. 283–295; См. также: С. 255–260.

7.4.41. Волынец Т. Н. Категория безличности в поэтическом дискурсе: [Эстетическая актуализация категории безличности в поэзии Гумилёва, Пастернака, Окуджавы, Самойлова] // Объект исследования — безличность: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. В. Петров. — Архангельск: Помор. ун-т, 2004. — С. 77–88. — Об О.: С. 78–85.

7.4.42. Жук М. И. Концепты ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в творчестве Булата Окуджавы // Приморские образовательные чтения памяти святых Кирилла и Мефодия. Сб. тез. и докладов. — Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2004. — Вып. VI. — С. 35–38.

7.4.43. Киприна С. В. Художественный перевод в контексте идеологической борьбы: (К истории переводов прозы Б. Окуджавы на нем.

яз.) // Идеи, гипотезы, поиск...: Германистика и переводоведение. [Сб. эссе к XI науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та]. — Вып. XI. — Магадан: Кордис, 2004. — С. 22–26.

7.4.44. *Ничипоров И. Б.* Песенно-поэтические притчи Булата Окуджавы // *Res philologica: Учён. зап. Северодвин. Помор. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова.* — Вып. 4. — Архангельск: Помор. ун-т, 2004. — С. 276–281.

7.4.45. *Рогинский Б.* Песни не про нас: (Булат Окуджавы) // *Рогинский Б., Булатовский И.* Человек за шторой: Истории о критиках, читателях и писателях. — М.: НЛЮ, 2004. — С. 252–261; *См. также:* С. 271, 272.

7.4.46. *Шеваров Д.* «Дождусь я лучших дней...»: Булат Окуджавы. [О. и мы] // *Шеваров Д.* Освещённые солнцем: Добрые лица XX века: Кн. портретов. — М.: Моск. учеб. и Картлитография, 2004. — С. 242–248.

7.4.47. *Ярош Н.* Двор в польском и русском языках: Культур. релятивизм в перевод. практике поэт. текста. [На материале стихов О.] // *Этика и социология текста: Сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS».* — Вып. 10 / Под ред. К. Э. Штайна. — СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. — С. 407–412.

7.4.48. *Макарова Б.* «Я обнимаю всех живых...»: (Вечер, посвящ. творчеству Булата Окуджавы). [Сценарий] // *Воспитание школьника.* — 2005. — № 4. — С. 72–77. — Вкл.: Окуджавы Б. «Берегите нас, поэтов, берегите нас...»; До свидания, мальчики; «Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал...»; «Неистов и упрям...»; Грузинская песня; Живописцы; Бумажный солдатик; «Совесть, благородство и достоинство...»; О Володе Высоцком; Надпись на камне; Романс («Не предвкушай¹³ счастливых дней...»); «Ваше благородие госпожа разлука...»; Пожелание друзьям; Молитва; Песенка о ночной Москве; «Я обнимаю всех живых...»; Ахмадулина Б. «Песенка для Булата»: Стихи.

7.4.49. *Качмарский О.* Религия фронтовика-интеллигента Булата Окуджавы // *Грани плюс.* — Киев, 2005. — 9 мая.

7.4.50. *Ямбург Е.* Счастлив дом, где голос скрипки наставляет нас на путь... [Из воспом.] // *Учит. газ.* — 2005. — 11 мая (№ 19). — С. 20.

7.4.51. *Бирюков Ю., [Левашов В.]* С войной покончили мы счёты: «Шинель» была так хороша, что оказалась к лицу сразу двум фильмам; *Порошина М.* На вопрос «Трибуны» отвечает... // *Трибуна.* — 2005. — 13 мая. — С. 23. — Вкл.: Окуджавы Б. Бери шинель, пошли домой / Муз. В. Левашова.

7.4.52. *Фролова О. Е.* Военные песни Б. Ш. Окуджавы // *Рус. речь.* — 2005. — № 3 (май–июнь). — С. 32–40.

7.4.53. *Дубшан Л.* Декабри... январь...: К 60-летию песни Булата Окуджавы «Прощание с новым ёлкой» // *Первое сент.* — 2005. — 24 дек.

7.4.54. *Александрова М. А.* Лермонтов в лирике Булата Окуджавы // *Грехнёвские чтения: Сб. науч. тр. / Редкол.* — Ниж. Новгород: Гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2005. — С. 30–39.

¹³ В тексте публикации ошибочно: *предвкушая*.

7.4.55. Аннинский Л. Семь струн. Семь нот. Семь бед: [Из воспом.] // Аннинский Л. Барды. — Иркутск: Сапронов, 2005. — С. 81–99.

7.4.56. Боброва С. В. Грамматическое значение слова и речевой смысл: (О роли граммат. семантики в семант. поле текста). [На материале стихотворения О. «Батальное полотно»] // Семантика слова и семантика текста: Сб. науч. тр., посвящ. 110-летию со дня рожд. акад. В. В. Виноградова. — Вып. VI / Отв. ред. Н. Г. Гольцова. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2005. — С. 180–187.

7.4.57. Бойко С. С. «Вторая смерть Маяковского» в раннем творчестве Булата Окуджавы: о поэтике притяжения и отталкивания // Контрапункт: Кн. ст. памяти Г. А. Белой. — М.: РГГУ, 2005. — С. 134–152.

7.4.58. Булат Шалвович Окуджава: [Вопросы по тексту] // Читаем стихи русских поэтов: Пособие по обучению чтению худож. лит. [для иностранцев]. — 3-е изд., испр. — СПб.: Златоуст, 2005. — С. 84–87. — Вкл.: Окуджава Б. Пожелание друзьям: Стихи.

7.4.59. Бушин В. С. В защиту Окуджавы: [О песне к кф. «Белорус. вокзал»] // Бушин В. С. Александр Солженицын. — М.: Алгоритм, 2005. — С. 305–307.

7.4.60. Жолковский А. «Рай, замаскированный под двор»: Заметки о поэтич. мире Булата Окуджавы; Тема и вариации: Пастернак / Окуджава // Жолковский А. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. — М.: РГГУ, 2005. — С. 109–135, 539–541; 327–350, 582–586; См. также: С. 8, 9, 466, 470, 482, 484.

7.4.61. Кипнес Л. В. Две дороги к одной Победе (О. Ф. Берггольц и Б. Ш. Окуджава) // 60-летию Великой победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается: Материалы науч.-практ. конф., СПб. — Волхов, 27–28 апр. 2005 г. / Отв. ред. С. Б. Смирнов. — СПб.: [Нестор], 2005. — С. 73–78.

7.4.62. [Кременцов Л. П.] Б. Ш. Окуджава // Русские поэты XX века: Учеб. пособие / Сост.: Л. П. Кременцов, В. В. Лосев. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2005. — С. 233–235.

7.4.63. Розенблюм О. Отношение автора к собственному тексту как текстологическая проблема: Булат Окуджава: [На материале поэзии] // Рус. филология: Сб. науч. работ молодых филологов. — [Вып.] 16 / Отв. ред.: С. Долгорукова, А. Штейнгольц. — Тарту: Ulukooli Kirjastus, 2005. — С. 133–139.

7.4.64. Сарнов Б. Звучащее слово // Сарнов Б. Бесконечный лабиринт. — М.: Моск. учеб., 2005. — С. 684–729. — Из содерж.: У нас есть Булат!; «Нас мало. Нас, может быть, трое...».

7.4.65. Смулаковская Р. Л. Содержание лексем «двор» и «арбатство» в творчестве Б. Окуджавы и реализация оппозиции *свой (свои) — чужой (чужие)* // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. — 2005. — Вып. 4. — С. 47–49.

¹⁴ В текст главы вкл. другая, ранее имевшая заглавие «Булат. Вторая первозапись».

7.4.66. *Троицкий Ю. Л.* Исторические аллюзии в поэзии Б. Окуджавы // Контрапункт: Кн. ст. памяти Г. А. Белой. — М.: РГГУ, 2005. — С. 153–156.

7.4.67. *Фризман Л.* «На фоне Пушкина...»: Пушкин. отзвуки у Галича и Окуджавы; «Ах, если б я знал это сам...»: Поэзия безответ. вопр. // Фризман Л. Предварительные итоги: Сб. избран. ст. к 70-летию... — Харьков: Новое слово, 2005. — С. 572–579, 590–595.

См. также № 1.2.37, 7.1.3–7.1.5, 7.5.16.

7.5. О прозе

7.5.1. *Александрова М. А.* Уроки сомнения: (Роман Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом») // Педагогические идеи русской литературы: Материалы конф., 20–22 авг. 2003 г. — Коломна: Коломен. гос. пед. ун-т, 2003. — С. 214–216.

7.5.2. *Бушин В.* «Кушайте, друзья мои! Всё ваше...» // Гении и прохиндеи. — М.: Алгоритм, 2003. — С. 190–224; *То же*: 2004. — С. 210–249. — (История России: Современ. взгляд).

7.5.3. *Волкоморова О.* Языковые выражения концепта «жизнь» в прозе Б. Окуджавы // Сибирская Пушкиниана / Отв. ред. В. Н. Сушкова. — Тюмень: Экспресс, 2003. — С. 130–135.

7.5.4. *Киприна С. В.* Проза поэта с позиции сопоставительной лингвостилистики // Идеи, гипотезы, поиск...: Германистика и переводоведение. [Сб. эссе к X науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та]. — Вып. X. — Магадан: Кордис, 2003. — С. 16–21.

7.5.5. *Назаренко М.* «Прогулки фрайеров»: историческая тетралогия Булата Окуджавы как целое. Ст. вторая¹⁵ // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. / Редкол. — Вып. IV. — Киев: Киев. ун-т, 2003. — С. 27–40.

7.5.6. *Александрова М. А.* Мотивы пушкинского «Медного всадника» в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Художественный текст и культура: Материалы междунар. науч. конф. 2–4 окт. 2003 г. / Отв. ред. В. В. Кудасова. — Владимир: ВГПУ, 2004. — С. 103–110.

7.5.7. *Александрова М. А.* Поэтика гротеска в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Гротеск в литературе: Материалы конф. к 75-летию проф. Ю. В. Манна. РГГУ, 27–29 мая 2004 г. — М.: РГГУ, 2004. — С. 95–99.

7.5.8. *Бойко С. С.* Гротеск в литературе и в действительности: Булат Окуджава. «Похождения Шипова»: [Тез.] // Гротеск в литературе: Материалы конф. к 75-летию проф. Ю. В. Манна. РГГУ, 27–29 мая 2004 г. — М.: РГГУ, 2004. — С. 99.

¹⁵ Первая статья «Композиционно-тематическая структура исторической тетралогии Булата Окуджавы», написанная для невышедшего сборника, опубликована в 2005 г. (См. № 7.5.15).

7.5.9. *Петрова Н. А.* Семантика одежды в новеллистике «шестидесятников»: (Б. Окуджавы и В. Аксёнов) // Анализ литературного произведения в системе филологического образования: Материалы X Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы анализа лит. произведения в системе филолог. образования наука — вуз — шк.»; Екатеринбург, 24–25 марта 2004 г. / Сост.: Н. Л. Лейдерман, Л. И. Лосева. — Екатеринбург: АМБ, 2004. — С. 209–213.

7.5.10. *Александрова М. А.* Советская критика об исторической прозе Б. Ш. Окуджавы: перевёрнутая страница? // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков: Материалы науч. конф. «Пятые маймин. чтения» 14–17 нояб. 2004 г. / Отв. ред. Н. Л. Вершинина; Редкол. — Псков: Гос. пед. ун-т, 2005. — С. 259–267.

7.5.11. *Бойко С. С.* О роли эпитафий в романах Булата Окуджавы // Поэтика заглавия: Сб. науч. тр. / Ред.-сост.: А. Н. Андреева, Г. В. Иванченко, Ю. Б. Орлицкий. — М.; Тверь: Лилия Принт, 2005. — С. 324–326.

7.5.12. *Бузина Ю., Павлова М.* Стиховое начало в прозе Б. Ш. Окуджавы // О вы, которых ожидает Отечество. — Самара, 2005. — Вып. 6. — С. 26–29.

7.5.13. *Грачёва Ж. В., Кожанов К.* Лирическая проза о войне Б. Окуджавы: (Повесть «Будь здоров, школяр») // Тема войны в литературе XX века: Межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж: ВГУ, 2005. — С. 129–136.

7.5.14. *Давыдов О.* Когда ласкать уже невмочь: Булат Окуджава. История — глазами младенца [О романе «Упразднённый театр»] // Давыдов О. Демон сочинительства: Эссе и исслед. — СПб.: Лимбус Пресс, 2005. — С. 415–435.

7.5.15. *Назаренко М.* Композиционно-тематическая структура исторической тетралогии Булата Окуджавы // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. / Редкол. — Вып. VII. — Киев: Логос, 2005. — С. 190–200.

7.5.16. *Оскоцкий В.* Наследие Булата Окуджавы: 1. «Последний троллейбус плывёт» в новый век: [О поэзии]; 2. «Вымысел не есть обман»: [По докл. на первой Переделкин. науч. конф., 1999]; «Из глубины ушедших лет...»: [По докл. на второй Переделкин. науч. конф., 2001] // Оскоцкий В. Спор на рубеже веков: (История лит., лит. критика: избр. ст.). — М.: Пик, 2005. — С. 155–190.

7.5.17. *Янушкевич А. С.* Сюжет «Свидания с Бонапартом» в русской литературе XIX века и его репрезентация в одноимённом романе Булата Окуджавы // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. — Вып. 7: Версии истории в рус. лит. XX в. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — С. 144–160.

См. также № 7.1.3–7.1.5, 7.4.39.

7.6. Воспоминания

7.6.1. *Синянская Л.* Из мемуаров: Во сне и наяву среди глыб // Знамя. — 2003. — № 3. — С. 156–158.

7.6.2. *Пьянов А.* Портрет на фоне Окуджавы: Всё начиналось с «Лирики»; «Только лишь посредством блага...»: Стихи // Культура. — 2003. — 17–23 апр. (№ 15). — С. 14. — Вкл.: Окуджава Б. Бессмертье: Стихи.

7.6.3. *Приходько Н.* Небесный барабанщик // Приход. вести. — № 15. — М., 2003. — Апр. — С. 60–62. — Ил. / Рис. И. Засенко.

7.6.4. *Окунев И.* ...Тем более что жизнь короткая такая // Моск. правда. — 2003. — 9 июня.

7.6.5. *Ларин И.* Этот полдень с отливом зелёным...: Памяти Булата Окуджавы [О встрече в Севастополе в сер. 70-х] / Из: Рус. мысль // Эхо: Дайджест. — Тбилиси, 2003. — 2 авг. (№ 15). — С. 15.

7.6.6. *Ахмадулина Б.* Устройство личности // Ахмадулина Б. С любовью и печалью: Воспоминания, эссе, прозаич. портреты, стихи / Сост. Б. Мессерер, Т. Алешка. — М.: ЭКСМО, 2003. — С. 263–273. — Вкл.: «Мой этот город — вдоль бездны путь...»; «Булат — суров, на ласку скуп...»; «Средь роз, в халате и в палате...»; Шуточное послание к другу: Стихи.

7.6.7. *Бобышев Д.* Московские знаменитости // Бобышев Д. Я здесь: (Человекотекст). — М.: Вагриус, 2003. — С. 273–278. — Вкл.: Окуджава Б. «Дима Бобышев пишет фантазии...»: Стихи.

7.6.8. *Гусейнов Ч.* Окуджава и кавказские войны [Из интервью] // Гусейнов Ч. Самая большая скорость — скорость жизни. — М.: Азер-Медиа, 2003. — С. 99–105. — (Б-чка газ. «Азеррос»; Вып. 1).

7.6.9. *Жолковский А.* На фоне Пушкина... // Жолковский А. Эросипед и другие виньетки. — М.: Водолей Publisher, 2003. — С. 526–529; *См. также:* С. 463, 469.

7.6.10. *Крелин Ю.* Кепка Окуджавы // Крелин Ю. Извивы памяти: Врачеб. свидетельство. — М.: Захаров, 2003. — С. 207–210; *См. также:* С. 42, 117, 118, 124, 139, 167, 181, 183, 184, 186, 187, 205.

7.6.11. *Кувалдин Ю.* Звонок Окуджавы // Кувалдин Ю. Кувалдин-Критик: Выступления в периодике. — М.: Кн. сад, 2003. — С. 351–352.

7.6.12. *Митяев О.* Из записных книжек автора: [О Марше мира авторов-исполнителей] // Митяев О. Вечная история. — М.: АиФ Принт, 2003. — С. 21.

7.6.13. *Рейн Е.* Однажды ночью // Рейн Е. Заметки марафонца: Неканон. мемуары. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — С. 106–108; Окуджавы // Рейн Е. Заметки марафонца: Неканон. мемуары. — Екатеринбург: У-Фактория, 2003. — С. 363–366; *См. также* № 7.1.2 [вкл. в ст. «Подари мне этот размер»].

7.6.14. *Рост Ю.* Булат Окуджавы: Москва. Политехнический музей. 20 лет спустя [История фот. 1984 г.] // Рост Ю. Люди, какими их увидел и описал... [В 3 кн. — М.]: Новая газ., 2003. — Кн. 3. — С. 50–53. — Портр. / Фото авт.

- 7.6.15. *Спивакова С.* Невстреча с Булатом // Спивакова С. Не всё. — М.: Вагриус, 2003. — С. 78–83; *См. также* № 7.1.2.
- 7.6.16. *Эдлис Ю.* Четверо в дублёнках и другие фигуранты: Свидетельства очевидца; Записки недотёпы: Наброски с собствен. жизни. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2003. С. 18–30; *См. также:* С. 6, 16, 31, 38, 45, 53, 55–56, 75, 77, 96, 98, 110, 113, 129, 236.
- 7.6.17. *"Кадырова А.* О чём рассказал Окуджава // Веч. Казань. — 2004. — 31 марта. — В ст.: Барда в Кукине первым признал Булат Окуджава.
- 7.6.18. *Новохатко В.* «Так за царя, за родину святую...»: [О сер. «Планетные революционеры»] // Вопр. лит. — 2004. — № 2 (март–апр.). — С. 331–345. — Об О.: С. 333–335, 342.
- 7.6.19. *Окуджава О.* «Он был смелый парень» / [Беседовал] Д. Быков // Огонёк. — 2004. — № 18 (3–9 мая). — С. 17–19.
- Откл.: В. Д.* Не только к дате // Огонёк. — 2004. — № 20 (17–23 мая). — С. 10.
- 7.6.20. *Соболев П. П.* Мы встретились первого сентября 1937 года / Записал В. Юровский; Крат. инф. о Клубе друзей Булата // Первое сент. — 2004. — 6 мая.
- 7.6.21. *Рассадин С.* «И все изранены, как ты»: Репортаж по памяти // Новая газ. — 2004. — 6–12 мая. — С. 21.
- 7.6.22. *Алёшкин А.* Притча о виноградной косточке // Парламент. газ. — 2004. — 7 мая. — С. 16. — Вкл.: Окуджава Б. Цирк: Стихи.
- 7.6.23. *Арцимович О.* Сердце Булата [О Музее; о Фонде Окуджавы] / [Беседовала] Н. Дардыкина // Моск. комсомолец. — 2004. — 8 мая.; *То же [сокр.]* // Арт-мозаика. — Харьков, 2005. — 9–15 мая. — С. 8–9.
- 7.6.24. Надежды маленький оркестрик: *Аннинский Л.* Первая запись; *Мотыль В.* Он не сфальшивил ни строчкой; *Градский А.* Как мы помирились с Булатом / Подгот. С. Бирюков, О. Рычкова, А. Стародубец // Труд. — 2004. — 8 мая; *То же* // "Утро России. — Владивосток, 2004. — 13 мая.
- 7.6.25. *Горленко Н.* Запретная любовь Булата Окуджавы / [Беседовал] Ф. Медведев // Версия. — 2004. — 10–16 мая (№ 17). — С. 20–21.
- 7.6.26. *Карапетян А.* Дворянин с арбатского двора // Ноев ковчег: Газ. армян. диаспоры стран СНГ. — М., 2004. — Июнь (№ 6). — С. 6.
- 7.6.27. *Окунев И.* «За это ли мы драли свои голоса?..» // Журналист. — 2004. — № 6. — С. 90–92.
- 7.6.28. *Горленко Н.* Нас с Булатом метель закружила / [Беседовал] Ф. Медведев // Мир новостей. — 2004. — 24 авг. (№ 35). — С. 28–29. — Вкл. фрагменты писем О. к Горленко.
- 7.6.29. *Горленко Н.* Ради любви к Булату я бросила мужа / [Беседовала] А. Велигжанина; Из письма Булата Окуджавы Наталье Горленко // Комсом. правда. — 2004. — 3–10 сент. — С. 50–51.
- 7.6.30. *Курбатов В.* Всякий роман — роман о себе: [Об О. и Ю. Нагибине] // Лит. Россия. — 2004. — 12 нояб. (№ 46). — С. 12.

7.6.31. *Землянская Н.* Первая любовь Окуджавы живёт в Челябинске: Ольга Мелешенко встретила со своим легенд. одноклассником спустя 60 лет // КП Челябинск. — 2004. — 26 нояб. — Вкл.: Окуджава Б. Письмо к О. Мелешенко; Дарств. надпись на кн. «Упразднённый театр», 1996: Факс.

7.6.32. *Рапопорт Н.* Август на Гае: [О., Гердт, Никитины] // Рапопорт Н. То ли было, то ли небыло: О времени и о себе. — [2-е изд.]. — Ростов н/Д.: Феникс, 2004. — С. 364—385.

7.6.33. *Рассадин С.* Начало; Три легенды об Окуджаве // Рассадин С. Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только о них. — М.: Текст, 2004. — С. 7—15, 399—428; *См. также:* С. 17, 18, 19, 33, 55, 56, 75, 91, 92, 102, 104, 107, 109, 149, 165, 166, 214, 223, 230, 236, 241, 242—243, 259, 278, 313, 366, 371, 379—380, 381—382, 383, 390, 394, 396.

7.6.34. *Сухарев Д.* «Не для Лёньки сырая земля...» // Авторская песня: Антол. / Сост. Д. Сухарев. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — С. 649—650. — Вкл.: Окуджава Б. «Эта женщина! Увижу и не мею...»: Стихи.

7.6.35. *Кузьмичёва М.*¹⁶ Окуджава принохивался к моим волосам, вспоминает школьная любовь знаменитого барда / [Крат. биограф. справка] // Экспресс газ. — 2005. — Янв. (№ 3). — С. 10. — Ил.: Письмо к О. Мелешенко; Дарств. надпись на кн. «Упразднённый театр», 1996: Факс.; Вкл.: Окуджава Б. [Из писем к О. Мелешенко]: Фрагм.; *То же: Кротов Я.* Окуджава принохивался к моим волосам: Вспоминает шк. любовь знаменитого барда челябинка Ольга Мелешенко // Южноурал. панорама. — Челябинск, 2005. — 27 янв. (№ 11); *То же [сокр.]: Власов Г.* Первая любовь Булата Окуджавы // АиФ Челябинск. — 2005. — Март (№ 9). — Ил.: Письмо к О. Мелешенко: Факс.; *Чева М.* Её дразнили «Булат» // Синегорье. — 2005. — 3 авг. (№ 31). — С. 8. — Ил.: Письмо к О. Мелешенко: Факс.; *Власов Г.* Владелицы великих душ: Первая и послед. любовь знаменитых писателей // Аргументы и факты. — 2005. Авг. (№ 35). — С. 47.

7.6.36. *Розов Г.* Без лести портретисту не прожить: [История фотографии] // Фотодело. — 2005. — № 2. — С. 128. — Портр. / Фото авт.

7.6.37. *Федотов М.* Последний концерт в Париже // Франция. — [М.], 2005. — № 2 [апр. — июнь]. — С. 6/н. — Вкл.: Окуджава Б. Впечатление: Факс. стихи.

7.6.38. *Паширова Л.* Автограф Окуджавы // Архангельск. — 2005. — 25 июня. — Вкл.: «Закрты чёрным крепом зеркала...»: Стихи.

7.6.39. *Камбуrowa Е.* Одинокий голос Елены Камбуrowой // Моск. комсомолец в Самаре. — 2005. — 5 окт. (№ 40). — *Из содерж.:* Булат.

¹⁶ Интервью, подписанное разными фамилиями, в действительности основано на искажённых и во многом вымышленных интервьюером фактах. Подробнее см.: Дорогая Лёля! // Голос надежды. Вып. 3. М., 2006. С. 122—136.

7.6.40. *Лиснянская И.* Концерт на Таймыре: Три новогод. ночи с Булатом Окуджавой: [Воспом.] // Рос. газ.: Неделя. — 2005. — 28 окт. — 2 нояб. — С. 16–17. — Вкл.: Лиснянская И. Первая поминальная: Стихи; Окуджава Б. «Что нам досталось, Инна...»: Стихи; Рос. газ. — 3–9 нояб. — С. 16.

7.6.41. *Ахмадулина Б.* Устройство личности // Ахмадулина Б. Много собак и Собака: Проза раз. лет. Рассказы, воспоминания, эссе. — М.: Эксмо, 2005. — С. 337–339. — Вкл.: Песенка для Булата: Стихи.

7.6.42. *Бакланов Г.* [«Вчера иду по Арбату...»] // Бакланов Г. Дороги пришедших с войны. — [М.]: Пушкин. б-ка, 2005. — С. 756–760.

7.6.43. *Дагуров В.* Один поэт на свете жил: [Сокр.] // Веси. — Екатеринбург, 2005. — № 1. — С. 17–21.

7.6.44. *Красухин Г. Г.* Стёжки-дорожки: Лит. нравы недалёкого прошлого. — М.: Яз. славян. культур, 2005. — С. 6, 10, 29, 32, 36, 85–86, 132–134, 181; *То же [фрагм.]*: После ужина опять пили в номере Булата: Отр. из кн... // Лит. газ. — 2005. — 16–22 нояб. (№ 47). — С. 16.

7.6.45. *Рыбакова Т.* У Булата неприятности // Рыбакова Т. «Счастливая ты, Таня!»: О «Детях Арбата» и не только. — М.: Вагриус, 2005. — С. 252–254; *См. также*: С. 52, 201.

7.6.46. *Сарнов Б.* Московские кухни, кружки и салоны; Душа полна утрат // Сарнов Б. Скуки не было: Вторая кн. воспоминаний. — М.: Аграф, 2005. — С. 488–489, 500–505, 566, 571, 575–576, 583, 584, 587, 588, 589, 592, 593, 594, 596, 597, 598–599, 600, 601–603, 611–612, 636, 639, 640–647; *См. также*: С. 21, 92, 163–164, 537, 632, 633, 673, 674, 691; Вкл.: Окуджава Б. «С последней каланчи, в Сокольниках стоящей...»: Стихи.

7.6.47. *Смирнов А.* [Воспоминания: Фрагм. / Из: Встречи в зале ожидания: Сб. Ниж. Новгород, 2003] // Русова Н. Тайна лирического стихотворения: От Гиппиус до Бродского: коммент. поэт. текстов. — М.: Глобулус: НЦ ЭНАС, 2005. — С. 167–169; *См. также* № 7.1.2.

7.6.48. *Фрумкин В.* «Между счастьем и бедой...» // Фрумкин В. Певцы и вожди. — Ниж. Новгород: Деком, 2005. — С. 86–97. — Вкл. фрагм. факс. письма О. к автору; *См. также* № 7.1.2.

См. также № 1.1.1, 7.1.2–7.1.6, 7.2.1, 7.2.13, 7.2.21, 7.2.28–30, 7.2.36, 7.2.45, 7.2.46, 7.2.53, 7.3.9, 7.3.13, 7.3.18, 7.3.22, 7.3.27, 7.4.50, 7.4.55, 7.8.22, 7.12.1, 7.12.4.

7.7. Об увековечении памяти

7.7.1. *Сергеева Е.* Романтики возьмутся за гитары: [IV открытый гор. конкурс патриот. авт. песни им. О.] // Комсом. правда. — Пермь, 2003. — 31 янв.

7.7.2. *Симантакки Д.-П., Финарди Э., Лучано Б.* Окуджава в Сан-Ремо: Завтра, в День памяти легендарного поэта, его друзья во всём мире исполнят знаменитые песни барда / [Беседовала] Ю. Малахова // Рос. газ. — 2003. — 11 июня. — С. 26.

7.7.3. *Тарабукина Н.* Как же вам без меня?: [Фестиваль-конкурс, посвящ. О.] // Обл. газ. — Екатеринбург, 2004. — 23 марта.

7.7.4. Булат Шалвович Окуджава — 80 лет со дня рождения. Книжно-иллюстративная выставка / Центр общ. связей РГБ // Библиотечноеведение. — 2004. — № 3. — С. 134.

7.7.5. "Вы рисуйте, вам зачтётся: [Обл. выставка дет. рис., посвящ. 80-летию О.] / ДО-инфо // Омская газ. — 2004. — 9 апр.

7.7.6. "В несколько строк: [Конкурс им. Булата Окуджавы «Песня гражданского звучания» в Перми] // Сылвенские зори. — Кишерть Перм. обл., 2004. — 30 апр. (№ 18). — Без подп.

7.7.7. *Цыганкова С.* Последний троллейбус: [Акция в Петрозаводске] // Труд-7. — 2004. — 6—12 мая. — С. 4.

7.7.8. *Сафонов С.* Ошалелые птицы летят над Арбатом: [Памятник О. и Арбат О.] // Газ. — 2004. — 7 мая. — С. 9.

7.7.9. Читатель начинает?: Конкурс // Урал. рабочий. — Екатеринбург, 2004. — 8 мая; *То же* Читатель начинает и выигрывает: [Ответы] // 13 мая.

7.7.10. *Яковлев А.* Окуджава в XXI веке: [О юбилейн. мероприятиях в Уссурийске, Челябинске, Омске, Москве] // Лит. газ. — 2004. — 12—18 мая (№ 18). — С. 7.

7.7.11. В честь Булата Окуджавы: [Выставка в РГБ] // Кн. обозрение. — 2004. — 17 мая (№ 20). — С. 2. — Без подп.

7.7.12. *Пятериков С.* Вера, надежда, любовь и Булат: [Благотворит. акция «Величие простых истин, или Мой Окуджава»] // Зеркало недели. — Киев, 2004. — 9—15 окт. (№ 40). — С. 31.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «И ВСЕ ПОЮТ СТИХИ БУЛАТА...», 2003

7.7.13. "Поляки верны Окуджаве: [Анонс] // Янтар. край. — Калининград, 2004. — 13 мая (№ 20).

7.7.14. "Зайцева Е. Шторм на Стиксе-реке // Перм. новости. — Пермь, 2004. — 14 мая (№ 20).

7.7.15. *Малахова Ю.* И не забудь про меня // Рос. газ. — 2003. — 16—23 мая. — С. 26.

7.7.16. *Иванова И.* На Рыночной площади Кракова строят московский Арбат // Версия. — 2003. — 19—25 мая (№ 18). — С. 27.

7.7.17. *Хрусталёва С.* И Краков запоёт стихи Булата // Комсом. правда. — 2003. — 20 мая. — С. 22.

7.7.18. [Ларина Ю.] Дежурного по апрелю вспомнят в мае // Моск. новости. — 2003. — 20—26 мая (№ 19). — С. 15. — Подп.: Ю. Л.

7.7.19. Фестиваль Булата // Огонёк. — 2003. — № 19 (май). — С. 60. — Без подп.

7.7.20. *Грачиёв С.* Страсти по Окуджаве // АиФ-Москва. — 2003. — Май (№ 21). — С. 16.

7.7.21. «И все поют стихи Булата...» // ТВ-Парк. — 2003. — № 22 (Май). — С. 67. — Без подп.

7.7.22. *Сабурова О.* Окуджаву переселили с Арбата на рынок // Собеседник. — 2003. — 21–27 мая (№ 19). — С. 30.

7.7.23. *Одоевцева С.* Арбат в Кракове // Моск. комсомолец. — 2003. — 22 мая. — С. 12.

7.7.24. *Вишняков В.* Фестиваль под зонтом // Парламент. газ. — 2003. — 23–29 мая. — С. 10.

7.7.25. *Малахова Ю.* Я вновь повстречался с надеждой // Рос. газ. — 2003. — 24 мая.

7.7.26. *Рахаева Ю.* «Над Краковом убитый трубач трубит бессменно...» // Изв. — М., 2003. — 27 мая. — С. 13.

7.7.27. *Грандова Е.* В Кракове поют Булата Окуджаву // Культура. — 2003. — 29 мая — 4 июня (№ 21). — С. 6.

7.7.28. *Одоевцева С.* REN-TV — нежное проникновение в Польшу // Моск. комсомолец. — 2003. — 5 июня. — С. 11.

7.7.29. *Мозжухина А.* Поляки понимают Окуджаву лучше русских // Новая газ. — 2003. — 5–8 июня. — С. 12.

7.7.30. *Хрусталёва С.* Страстные цыганки и поющий Домогаров // Комсом. правда. — 2003. — 6 июня. — С. 49.

7.7.31. *Фомина И.* На фестивале Окуджавы пел даже Домогаров // 7 дней. — 2003. — 9–15 июня (№ 24). — С. 8–10.

7.7.32. *Авдошин А.* В Кракове вспоминали Окуджаву // Рус. курьер. — 2003. — 11 июня (№ 17). — С. 9.

7.7.33. *Петровская И.* Другие песни, герои и новости // Изв. — М., 2003. — 21 июня. — С. 16. — (Теленеделя). — Из содерж.: «И все поют стихи Булата».

7.7.34. *Грачёв С.* Интернациональный Окуджава: [О телеверсии на REN-TV] // Аргументы и факты. — 2003. — Июнь (№ 26). — С. 23.

См. также № 2.2.1, 7.3.24.

УСТАНОВКА МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ НА ЗДАНИИ ШРМ № 5 В КАЛУГЕ, 2003

7.7.35. *Зельников Ю.* Здесь работал Булат Окуджава: [О предстоящем открытии] // Весть. — Калуга, 2003. — 25 дек.

7.7.36. *Маяковская Т.* Туликова и Окуджаву помнят в Калуге: [Открыты памят. доски] // Калуж. неделя. — 2004. — 2 янв. (№ 1). — С. 3. — Ил. / Фото.

ПРЕМИЯ ИМ. Б. ОКУДЖАВЫ, 2003–2004

7.7.37. Премии поэтам: [О лауреатах 2002 г., в т. ч. о присуждении премии О. — Ю. Ряшенцеву] // Кн. обозрение. — 2003. — 25 февр. (№ 7). — С. 1. — Без подп.

7.7.38. *Кучерская М.* Под управлением любви // Рос. газ. — 2004. — 16 февр. — С. 6.

7.7.39. *Новикова Л.* Не зря Булат ей ключик подарил; *Ахмадулина Б.* «Тяжко без Булата на белом свете» // Коммерсантъ. — 2004. — 16 февр. — С. 22.

7.7.40. "Ахмадулиной вручили премию Окуджавы // Крас. знамя. — Сыктывкар, 2004. — 17 февр. — Без подп.

7.7.41. *Тумина Е.* Путин наградил Ахмадулину // Столич. веч. газ. — 2004. — 16 февр. — С. 5.

7.7.42. Награда Ахмадулиной // Веч. Москва. — 2004. — 17 февр. — Без подп.

7.7.43. *Ахмадулина Б.* Я это воспринимаю как весть от Булата / Справка о Премии // Изв. — 2004. — 17 февр. — С. 9.

7.7.44. Белла Ахмадулина стала лауреатом премии имени Окуджавы // Лит. газ. — 2004. — 18–24 февр. (№ 7). — С. 6. — Без подп.

7.7.45. "Путин наградил Ахмадулину // Черномор. здравница. Сочи, 2004. — 19 февр. — Без подп.

7.7.46. *Путин В.* Указ Президента Российской Федерации О присуждении премии имени Булата Окуджавы 2003 года // Рос. газ. — 2004. — 20 февр. — С. 9.

7.7.47. *Путин В.* Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2004 г. № 785 О совершенствовании системы государственного премирования за достижения в области науки и техники, образования и культуры // Рос. газ. — 2004. — 23 июня. — С. 7. — В т. ч. об отмене с 1 янв. 2005 г. п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 19 июня 1997 г. № 627 «Об увековечении памяти Б. Ш. Окуджавы и Распоряжения Президента Рос. Федерации от 2 сент. 1997 г. № 325-рп «Об утверждении Положения о премии им. Булата Окуджавы».

7.7.48. Госпремии вручены // Кн. обозрение. — 2004. — 28 июня (№ 25–26). — С. 1. — Без подп.

См. также № 7.1.5, 7.7.63.

ПЕСЕННАЯ АКЦИЯ «СИНИЙ ТРОЛЛЕЙБУС» В МОСКВЕ

7.7.49. *Путилова Т.* В Москве появятся троллейбусы имени Булата Окуджавы: В них откроют кафе с живой музыкой // Комсом. правда. — 2003. — 7 апр. — 13 апр. — С. 2.

7.7.50. *Никольская О.* На «Синем троллейбусе» — к Чистым прудам: [Анонс] // Веч. Москва. — 2004. — 2 сент. — С. 7.

7.7.51. *Петренков Н.* Синий троллейбус: [Песен. троллейбус. спецрейс] // Люди и песни. — 2004. — № 2 (дек.). — С. 10.

7.7.52. *Гурфинкель Е.* Я в синий троллейбус сажусь на ходу... // Моск. правда. — 2005. — 26 янв.

7.7.53. Поющий троллейбус: [Расшир. анонс] // АиФ. — 2005. — Март (№ 11). — С. 15.

7.7.54. «Синий троллейбус»: [Расшир. анонс] // Антенна. — 2005. — 28 марта — 3 апр. (№ 14). — С. 57. — Без подп.

7.7.55. *Грушин М.* «Поющий троллейбус» поёт не только для взрослых // Моск. правда. — 2005. — 16 апр.

7.7.56. «Синий троллейбус»: [Расшир. анонс] // Веч. Москва. — 2005. — 17 мая. — Без подп.

7.7.57. Остановка «синий троллейбус»: [Расшир. анонс] / Оргкомитет Моск. открытого фестиваля // Моск. комсомолец. — 2005. — 30 мая. — С. 4.

7.7.58. *Беляева Е.* Бардовское кольцо: В Москве появился «поющий» троллейбус // Моск. комсомолец. — 2005. — 4 июня.

7.7.59. Синий троллейбус: [Анонс июня] // Новая газ. — 2005. — 6–8 июня. — С. 28. — Без подп.

7.7.60. «Синий троллейбус»: [Анонс июля] // Веч. Москва. — 2005. — 1 июля; 8 июля. — Без подп.

7.7.61. Синий троллейбус: [Анонс авг.] // Моск. правда. — 2005. — 13 авг. — Без подп.

7.7.62. *Кузнецова Ю.* День знаний в «Синем троллейбусе» // Новая газ. — 2005. — 8–12 сент. — С. 18.

КЛУБ ДРУЗЕЙ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

(с 2003 г. — ДРУЗЕЙ БУЛАТА)

См. № 7.1.4, 7.6.20.

ДОМ-МУЗЕЙ В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

7.7.63. *Юлий¹⁷ Ким, Юрий Ряшенцев:* [Анонс вечера лауреатов премии О. в Музее] // Комсом. правда. — 2003. — 4 июля. — С. 38. — Без подп.

7.7.64. Горько и светло: [Посмерт. презентация кн. Ю. Щекочихина] // Новая газ. — 2003. — 21–23 июля. — С. 5.

7.7.65. Булатовская суббота: [Расшир. анонс вечера Вяч. Вс. Иванова] // Новая газ. — 2003. — 31 июля — 3 авг. (№ 55). — С. 19. — Без подп.

7.7.66. *Раевская М.* В Переделкине звонили во все колокольчики [Правительство Москвы передумало создавать Центр Окуджавы на Арбате] // Изв. М., 2003. — 25 авг. — С. 7.

7.7.67. *Александров А.* Входной билет — колокольчик: Итоги первой пятилетки Дома-музея Булата Окуджавы // Независимая газ.: НГ Ex libris. — 2003. — 28 авг. (№ 30).

7.7.68. *Анохина М.* Настройте сердце на любовь // Неделя. Подмосковье. — 2004. — 5 мая. — С. 3.

7.7.69. Булатова суббота: [Анонс вечера с участием Е. Евтушенко, С. Рассадина, О. Хлебникова, А. Головкова] // Новая газ. — 2004. — 27–30 мая. — С. 11.

7.7.70. *Миргородская А.* Доступное Переделкино: Нужны ли такие памятники? [О трёх музеях] // Веч. клуб. — 2004. — 28 мая — 3 июня (№ 20). — С. 6–7.

7.7.71. Пушкинский день: [Анонс встречи с М. Хуциевым] // Новая газ. — 2004. — 3–6 июня. — С. 14. — Без подп.

¹⁷ В заголовке статьи ошибочно: *Анатолий*.

7.7.72. [День памяти Ю. Щекочихина: Анонс] // Новая газ. — 2004. — 1–4 июля. — С. 21. — Без подп.

7.7.73. *Московкин Л.* Год назад умер тот, кто знал, что с нами происходит: [Вечер памяти Ю. Щекочихина в Музее О.] // Моск. правда. — 2004. — 6 июля. — С. 4.

7.7.74. Булатова суббота. День колокольчика: [Анонс] // Новая газ. — 2004. — 19–22 авг. — С. 14. — Без подп.

7.7.75. Приезжайте с колокольчиком!: [Анонс концерта «День колокольчика»] // Веч. Москва. — 2004. — 20 авг. — Без подп.

7.7.76. Президент поможет культуре материально: [По распоряжению «О присуждении грантов Президента Рос. Федерации для поддержки твор. проектов общенац. значения в обл. культуры и искусства» будет создан электрон. архив Булата Окуджавы] // Моск. комсомолец. — 2004. — 16 окт. — Без подп.

7.7.77. *Путин В.* Распоряжение Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 480-рп «О присуждении грантов Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства» // Рос. газ. — 2004. — 19 окт. — С. 14. — В т. ч. Арцимович О. В., директору Гос. мемориал. музея Б. Ш. Окуджавы на создание электрон. архива писателя.

7.7.78. "Музей Булата Окуджавы отдала Подмосковью" // Род. Подмосковь. — 2004. — 22 дек. (№ 52).

7.7.79. [Об открытии традиционных «Булатовых суббот»; Вечера Н. Коржавина и Л. Герштейн] // Лит. газ. — 2005. — 25–31 мая (№ 21–22). — С. 6. — Без подп.

7.7.80. [*Рахеева Ю.*] Евтушенко приглашает погулять // Веч. Москва. — 2005. — 8 июня. — С. 9.

7.7.81. *Окуджава О.* Проверено истоптанными башмаками: [О взаимоотношениях Музея О. с Минкультом] // Изв. — М., 2005. — 11 июля. — С. 6.

7.7.82. *Былинский В.* Переделкино, колыбель талантов: [О трёх музеях] // Досуг & развлечения. — 2005. — № 29 (14–24 июля). — С. 42–44. — Из содерж.: «Льются с этих фотографий океаны биографий...»: [О Музее О.]; С. 43–44.

7.7.83. *Дардыкина Н.* По ком звонит колокольчик?: Вдова Окуджавы не может «дозвониться» до президента. [День рождения Музея; о грядущем переводе его в обл. подчинение] // Моск. комсомолец. — 2005. — 27 авг. — С. 4.

7.7.84. *Соломонова О.* Я друзей соберу...: Почему день рождения музея Булата Окуджавы отмечали невесело // Труд-7. — 2005. — 1–7 сент. — С. 4.

7.7.85. "*Чудова М.* «Пока земля ещё вертится...»: [О дне рождения] // Род. Подмосковь. — 2005. — 19 окт. (№ 43).

См. также № 7.1.3, 7.2.21–7.2.22, 7.2.31, 7.2.37, 7.6.23, 7.8.5, 7.8.10, 7.12.8.

**ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОЙ ДОСКИ
В ЗДАНИИ СРЕД. ШКОЛ. № 5 В КАЛУГЕ, 2004**

7.7.86. *Заозёрный П.* Памяти Булата Окуджавы // Весть. — Калуга, 2004. — 14 мая. — С. 1, 2.

7.7.87. *Ростова Т.* «Пока земля ещё вертится, пока ещё ярок свет...» // Знамя. — Калуга, 2004. — 15 мая. — С. 2. — Ил. / Фото А. Пашина.

7.7.88. *Гусев А.* Окуджава встречается на лестнице // Калуж. перекрёсток. — Калуга, 2004. — 20–26 мая (№ 21). — С. 33. — Ил. / Фото С. Константинова.

7.7.89. *Продунов В.* Булата увековечили в третий раз: [Открытие третьей по счёту в городе памят. доски] // Калуж. неделя. — 2004. — 21 мая (№ 21). — С. 3. — Ил. / Фото авт.

7.7.90. *Бородин П.* Дежурный по апрелю на посту // Парламент. газ. — 2004. — 4 июня. — С. 3.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
В МУЗЕЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ, 2005**

7.7.91. [«Миры Булата Окуджавы»: Анонс] // Лит. газ. — 2005. — 16–22 марта (№ 10). — С. 6. — Без подп.

7.7.92. «Миры Булата Окуджавы»: [Анонс] // Моск. правда. — 2005. — 17 марта. — Без подп.

7.7.93. Миры Булата Окуджавы: [Анонс] // Моск. комсомолец. — 2005. — 18 марта. — Без подп.

7.7.94. *Эпштейн А.* Когда совесть опрятна: Воспоминания об Окуджаве пока дороже научных открытий; *Ахмадулина Б.* Из выступления // Новая газ. — 2005. — 24–27 марта (№ 21). — С. 12–13.

7.7.95. *Раевская М.* Все мы выросли из Киплинга // Независимая газ. — 2005. — 13 апр. — С. 16.

7.8. Вечера памяти

7.8.1. *Сапрыкина О.* Вечер памяти Булата Окуджавы [в ЦДХ и Политех. музее; Анонс] // Комсом. правда. — 2003. — 8–16 мая. — С. 19.

7.8.2. "Песни нашей души: [Программа «Песенка о моей жизни» в Зале органной и камерной музыки] // Новое обозрение. — Омск, 2003. — 29 окт. (№ 43).

7.8.3. "Якимов А. Кто защитника защитит?: [В 6-ке № 6] // Новости. — Горнозаводск Перм. обл., 2004. — 10 марта.

7.8.4. "Звучали песни Окуджавы: [Заседание клуба «Собеседник» в Глазунов. район. б-ке] // Орлов. правда. — 2004. — 24 марта.

7.8.5. [Анонс вечеров в ЦДЛ и в Доме-музее] // Новая газ. — 2004. — 29 апр. — 6 мая. — С. 16; То же. — 6–12 мая. — С. 20.

7.8.6. "Калугина Л. Тайна простых чувств: [Заседание лит. клуба «Размышление» при б-ке-филиале № 2] // Огни Камы. — Чайковский Перм. обл., 2004. — 1 мая.

7.8.7. Булату посвящается: [Расшир. анонс вечера в Тул. гор. филармонии] // Молодой коммунар. — Тула, 2004. — 7 мая. — С. 29.

7.8.8. День Победы с Окуджавой: [Анонс вечера в КЗ у Финлянд. вокзала] // МК в Питере. — СПб., 2004. — 7–14 мая (№ 18). — С. 12–13.

7.8.9. Ах, Булат, наш Булат: [Анонс вечера в КЗ у Финлянд. вокзала] // С.-петерб. ведомости. — 2004. — 8 мая.

7.8.10. *Баканов К.* Под управлением любви: [О вечерах в Доме-музее и на Трубной] // Новые Изв. — 2004. — 11 мая.

7.8.11. "«И не забудь про меня...»: [В библиотеке А. Аалто] // Выборг. — 2004. — 12 мая.

7.8.12. В Павловском Посаде отметили 80-летие Окуджавы // Моск. комсомолец. — 2004. — 17 мая. — С. 12.

7.8.13. "Связь поколений, или Поэт, боец, бард: [в Мытищ. район. 6-ке им. Дм. Кедрина] // По Ярославке. — Королев Моск. обл., 2004. — 21 мая.

7.8.14. "Бухтиярова В. Пока ещё ярок свет...: [В ватутин. 6-ке] // Тюменские изв. — 2004. — 25 мая.

7.8.15. "Дукманова З. «Надежды маленький оркестрик»: [В Нац. 6-ке им. А. М. Амур-Санана] // Элистин. панорама. — 2004. — 25 мая (№ 13).

7.8.16. "Христианские праздники в шалыпинском зале // Молодёжь Татарстана. — Казань, 2004. — 3 июня.

7.8.17. "Владимирова А. И все поют стихи Булата...: [В Доме актёра] // Берег. — Воронеж, 2004. — 11 июня.

7.8.18. "Песни из сердца Булата: [В домике Алябьева] // Пятигор. правда. — 2004. — 30 нояб.

7.8.19. *Ольбрых В.* «Пока Земля ещё вертится...»: [В Варшаве] // Лит. вести. — № 83. — 2005. — Март. — С. 8.

7.8.20. "Крисан А. «Давайте понимать друг друга с полуслова»: [Одноим. сп., подгот. уч.-ся лит.-муз. гостиной училища № 9 Хову-Аксы] // Тувин. правда. — Кызыл, 2005. — 19 мая.

7.8.21. Вечер памяти Булата Окуджавы: [Премьера сп. «Часовые любви» в ДК им. Гааза] // Метро. — СПб., 2005. — 3 июня. — Без подп.

7.8.22. "Михайлов Г. О вере, надежде и любви: [В областной филармонии; Из воспом.] // Наша Пенза. — 2005. — 9 июня (№ 24).

7.8.23. "Мурашова Н. «Вот оно, святое наше воинство!»: [В лет. оздоровит. лагере «Маленькая страна»] // Крас. звезда. — Приозёрск Ленингр. обл., 2005. — 9 авг.

7.8.24. "Бобрецова А. И смех, и слезы, и любовь: [В камер. зале Сыктывкар. госун-та] // Крас. знамя. — Сыктывкар, 2005. — 7 дек.

ДЕНЬ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ НА ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ.

С 2004 — ДНИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ.

С 2005 — ПЛЮС ФЕСТИВАЛЬ «И ДРУЗЕЙ СОЗОВУ...»

ТЕАТРА «ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ»

7.8.25. День Булата Окуджавы: [Анонс] // Моск. комсомолец. — 2003. — 8 мая. — С. 8. — Без подп.

7.8.26. Как отметят день рождения Булата Окуджавы?: [Расшир. анонс] // Веч. клуб. — 2004. — 29 апр. — 5 мая (№ 16). — С. 21. — Без подп.

7.8.27. *Заславский Г.* Окуджаву на Трубной // Независимая газ.: НГ Антракт. — 2004. — 30 апр. — С. 23.

7.8.28. «И друзей созову...»: [Анонс] // Моск. комсомолец. — 2004. — 7 мая. — С. 10.

7.8.29. День Булата Окуджавы на Трубной площади: Афиша концертов // КП Москва. — 2004. — 7–14 мая. — С. 1, 25.

7.8.30. В честь Окуджавы: [Программа] // Моск. правда. — 2004. — 8 мая.

7.8.31. И друзей созову...: [Анонс фестиваля] // АиФ-Москва. — 2004. — Май (№ 18). — С. 21.

7.8.32. Булат Окуджаву. «И друзей созову»: [Программа] // Антенна. — 2004. — 10–16 мая (№ 20). — С. 51.

7.8.33. *Беркович М.* Надежды маленький оркестрик... // Москва Центр. — 2004. — 12 мая (№ 16). — С. 1, 10.

7.8.34. Окуджавские дни продолжаются: [Программа] // Веч. Москва. — 2004. — 12 мая.

7.8.35. *Лешик А.* На любовь своё сердце настрою // Культура. — 2004. — 13–19 мая (№ 18–19). — С. 3..

7.8.36. *Петрушанская О.* И все поют стихи Булата... // Новые театры. — 2004. — Июнь (№ 6). — С. 9.

7.8.37. *Лебедина Л.* Друзья Окуджавы соберутся на Поклонной горе: [О предстоящем гала-концерте-открытии; о программе] // Труд. — 2005. — 4 мая.

7.8.38. «И друзей созову...»: [Анонс] // КП Москва. — 2005. — 5–12 мая. — С. 25.

7.8.39. Чтоб не пропасть поодиночке...: [Анонс] // Досуг & развлечения. — 2005. — № 19 (5–15 мая (№ 19)). — С. 4.

7.8.40. *Смирнов В.* И друзей созову...: [Расшир. анонс] // Моск. правда: Муз. правда. — 2005. — 6 мая (№ 18).

7.8.41. Фестиваль Булата Окуджавы: [Анонс] // Антенна. — 2005. — 16–22 мая (№ 21). — С. 59.

7.8.42. *Чернышёва В.* Пространство откровенности // Независимая газ.: НГ Антракт. — 2005. — 20 мая (№ 18). — С. 13–14.

7.8.43. «И друзей созову...»: [Анонс] // Дом актёра. — 2005. — Май (№ 5). — С. 7.

См. также № 7.2.22, 7.2.52, 7.3.20, 7.8.10.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ХУДОЖНИКА, 2003

7.8.44. [«Посвящается вам»: Анонс] // Лит. газ. — 2003. — 30 апр. — 6 мая (№ 17). — С. 2. — Без подп.

7.8.45. [«Б. Окуджаву. Посвящается вам»: Анонс] // Новая газ. — 2003. — 5–7 мая. С. 18. — Без подп.

7.8.46. День рождения Булата Окуджавы: [Анонс] // Ваш досуг. — 2003. — № 17 (5–11 мая). — С. 69. — Без подп.

См. также № 7.8.1.

В КЛУБЕ КНИГОЛЮБОВ КНИЖНОЙ ЯРМАРКИ НА ТУЛЬСКОЙ, 2003–2004

7.8.47. *Александров А.* «И все поют стихи Булата...»: Окуджава на Варшавском [Вечер в помещении Кн. ярмарки на Тульской] // Независимая газ.: Ex libris НГ. — 2003. — 7 авг. (№ 27).

7.8.48. Стихи Булата в шведском исполнении: [Расшир. анонс вечера К. Андерсон 27 дек.] // Независимая газ.: НГ Ex libris. — 2003. — 25 дек. (№ 52). — Без подп.

7.8.49. *Орлова И.* И все поют стихи Булата: [Вечер Н. Горленко; Презентация сб. «Встречи в зале ожидания»] // Юж. горизонты. — М., 2004. — 1–7 апр. (№ 12). — С. 12.

7.8.50. «И все поют стихи Булата...»: [То же; Анонс] // Комсом. правда: Досуг Москва. — 2004. — 2 апр. — С. 34. — Без подп.

7.8.51. В честь Булата Окуджавы: [Вечер К. Андерсон; Презентация CD O.] // Кн. обозрение. — 2004. — 26 апр. (№ 17–18). — С. 2. — Без подп.

7.8.52. Песни Окуджавы исполняют на шведском языке: [Вечер К. Андерсон; Презентация кн. «Голос надежды»] // Веч. Москва. — 2004. — 29 апр. — С. 3. — Без подп.

7.8.53. *Федорина С.* И все поют стихи Булата...: [Концерт К. Андерсон] // Труд. — 2004. — 8 мая.

См. также № 7.1.2, 7.8.48.

*«ДЕЖУРНЫЙ ПО АПРЕЛЮ».**«ПЕСНИ НАШЕГО ВЕКА» В КЗ «РОССИЯ», 2004*

7.8.54. Булат Окуджава. Дежурный по апрелю: [Анонс] // Веч. Москва. — 2004. — 7 апр.; 9 апр.; *То же* // Лит. газ. — 14–20 апр. (№ 15). — С. 15.

7.8.55. *Шведова И.* Под созвездием Окуджавы // Моск. правда. — 2004. — 8 апр.

7.8.56. *Киреева О.* Дежурный по апрелю // Веч. Москва. — 2004. — 14 апр.

7.8.57. «Песни нашего века» в зале «Россия»: [Анонс] // Досуг в Москве. — 2004. — 17 апр. (№ 17).

7.8.58. Поклонникам Булата Окуджавы: [Анонс; Конкурс] // Комсом. правда: Моск. вып. — 2004. — 19–26 апр. — С. 17.

7.8.59. Предстоящему 80-летию: [Анонс] // Независимая газ. — 2004. — 20 апр.

7.8.60. Дежурный по апрелю: Любви счастливые моменты... [Анонс] // Моск. комсомолец. — 2004. — 21 апр. — С. 11.

7.8.61. "Песни, в которые мы влюблены: [Программа коллектива «Песни нашего века»] // Север. край. — Ярославль, 2005. — 1 февр. — Без подп.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ, 2004

7.8.62. Памяти Окуджавы: [Анонс] // Рус. курьер. — 2004. — 29 апр. — С. 9.

7.8.63. *Бродский В.* «Вспоминая Окуджаву»: [Анонс] // Комсом. правда. — 2004. — 30 апр. — 7 мая. — С. 32.

7.8.64. *Новикова Л.* Пропать поодиночке не дадут // Коммерсантъ. — 2004. — 8 мая. — С. 8.

См. также № 7.8.5.

«ЗАЕЗЖИЙ МУЗЫКАНТ» В КЗ ИМ. ЧАЙКОВСКОГО, 2004–2005

7.8.65. *Дардыкина Н.* Заезжий музыкант: Булат собирает друзей // Моск. комсомолец. — 2004. — 18 нояб. — С. 8.

7.8.66. Заезжий музыкант: [Анонс] // Новая газ. — 2004. — 18–21 нояб. — С. 14; *То же* // КП Москва. — 2004. — 19–26 нояб. — С. 44; Веч. Москва. — 2004. — 22 нояб. — С. 10. — Без подп.

7.8.67. *Васильева Е.* Заезжий музыкант: [Расшир. анонс] // Труд. — 2004. — 23 нояб.

7.8.68. Капли датского короля: [О вечере] // Веч. Москва. — 2004. — 26 нояб. — С. 10. — Без подп.

7.8.69. Вечер памяти Булата Окуджавы: [Анонс] // Антенна. — 2005. — 21–27 нояб. (№ 48). — С. 103.

7.8.70. *Боброва Н.* Тихий голос всегда побеждает: Кто и как поёт сегодня Окуджаву // Веч. Москва. — 2005. — 30 нояб. — С. 10.

См. также № 7.2.46.

«БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ» В ПЕРЕДЕЛКИНЕ, 2005

7.8.71. Ах, война, что ж ты сделала, подлая! // Моск. комсомолец. — 2005. — 29 апр. — С. 18.

7.8.72. [«Мы все войны шальные дети»: Анонс телетрансляции вечера из Переделкина] // Моск. правда. — 2005. — 7 мая. — Без подп.

7.9. Окуджава в поэзии

7.9.1. *Пьянов А.* Скучно жить без Окуджавы // Лит. газ. — 2003. — 26 февр. — 4 марта (№ 8). — С. 8.

7.9.2. *Дементьев А.* Песня о Булате // Лит. газ. — 2003. — 16–22 июля (№ 29). — С. 8.

7.9.3. *Долина В.* «Почему-то в Саратове...»; «Когда ещё хоть строчка сочинится...»; «Годы прошли, похвалил меня Пушкин...» // Долина В. Китайский рестораник. — М.: ЭКСМО, 2003. — С. 232–233, 329, 366–367; См. также № 7.9.4, 7.9.13.

7.9.4. *Долина В.* «Почему-то в Саратове...»; «Я с укоризной Богу говорю...»; «Когда ещё хоть строчка сочинится...»; «Годы прошли, похвалил меня Пушкин...» // Долина В. Выдумщица: Стихотворения. — М.: ЭКСМО, 2003. — С. 208–209, 287–290, 338–339; См. также № 7.9.13.

7.9.5. *Евтушенко Е.* Памятники не эмигрируют // Изв. — М., 2003. — 17 июля. — С. 10; См. также № 7.9.25.

7.9.6. *Высоцкий В.* Притча о Правде и Лжи // Высоцкий В. Добро остаётся добром / Сост. и текстол. подгот. А. Е. Крылова. — М.: Молодая гвардия, 2003. — С. 340–341. — (Б-ка лир. поэзии); *То же:* Высоцкий В. На Большом Каретном / Сост., подгот. текста Р. Шилова. — М.: Локид-Пресс, 2003. — С. 338–340. — (Соло XX в.); 398–399: нот.; Высоцкий В. Избранное. — Ростов н/Д., 2004. — С. 277–279. — (Лири); Высоцкий В. Мой гамлет: Стихотворения. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — С. 237–238; Высоцкий В. Летела жизнь. — М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. — С. 232–234; Высоцкий В. Стихотворения / Сост. Вл. Новиков. — М.: Эксмо, 2005. — С. 383–385. — (Всемир. б-ка поэзии).

7.9.7. *Митяев О.* Переделкино // Митяев О. Вечная история. — М.: АиФ Принт, 2003. — С. 274–275: нот.

7.9.8. *Чухонцев О.* Булат, Камил, Фазиль... // Мир Паустовского: Избр. страницы. — М.: Мир Паустовского; Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. — С. 362–363.

7.9.9. *Евтушенко Е.* «Простая песенка Булата...» // Труд-7. — 2004. — 12 февр. — С. 10; *То же:* Простая песенка // Русова Н. Тайна лирического стихотворения: От Гиппиус до Бродского: коммент. поэт. текстов. — М.: Глобулус: НЦ ЭНАС, 2005. — С. 169–170; *См. также* № 7.9.25.

7.9.10. *Терентьева Е. А.* «Как известно, для Булата...» // Веч. Москва. — 2004. — 30 марта. — В ст.: Экзаменатором моим был «сын памятника».

7.9.11. *Ваншенкин К.* Арбатское // Лит. газ. — 2004. — 12–18 мая (№ 18). — С. 8.

7.9.12. *Васильев В.* «Эй, гитарист!...» // Весть. — Калуга, 2004. — 14 мая. — С. 1.

7.9.13. *Долина В.* «Я с укори́зной Богу говорю...»; «Когда ещё хоть строчка сочинится...»; «Почему-то в Саратове...»; «Годы прошли, похвалил меня Пушкин...» // Долина В. Musica: Стихи; Песни; Ноты. — М.: Локид-Пресс, 2004. — С. 25–26, 197, 275–276, 300–302; *См. также* № 7.9.4.

7.9.14. *Корнилов В.* Гитара // Корнилов В. Собрание соч.: В 2 т. — М.: Хроникёр, 2004. — Т. 1: Стихи и поэмы. — С. 240.

7.9.15. *Алексеева И.* Троллейбус надежды // Люди и песни. — 2004. — № 2 (дек.). — С. 10.

7.9.16. *Мориц Ю.* Неузнаваемый Булат // Лит. газ. — 2004. — 15–21 дек. (№ 50). — С. 8; *См. также* № 7.9.27.

7.9.17. *Евтушенко Е.* Ватник Булата // Моск. комсомолец. — 2004. — 27 дек. — С. 7; *См. также* № 7.9.25.

7.9.18. *Дагуров В.* Лира Арбата // Весенние соблазны: Стихотворения и поэмы. — Екатеринбург: Банк культур. инф., 2004. — С. 258–259.

7.9.19. *Овсепьян В.* «Сырые осенние ночи...»; Последняя встреча // Овсепьян В. «Свеча бы не угасла...»: [Стихи]. — Ниж. Тагил: Свое дело, 2004. — С. 92, 94.

7.9.20. *Рейнеке Г.* Тот вечер в Политехе: (Воспоминание) // Моск. комсомолец. — 2005. — 19 авг. — С. 10.

7.9.21. *Самусевич А. Г. Памяти Булата Окуджавы // Самусевич А. Г. С городом — наедине... — Калининград: Кладезь, 2005.

7.9.22. *Хмара П.* Арбат // Лит. газ. — 2005. — 7–13 сент. (№ 36). — С. 8.

7.9.23. *Трофимов В. П. «Московской улицей недлинной...»: Памяти Б. Окуджавы / Муз. В. Л. Дроцевич // Дроцевич В. Л. Давайте вспомним, глаза и лица: Песни подвига и любви. — Калуга: Политоп, 2005.

7.9.24. *Драмбозов Г.* Романс на два голоса / Пер. с болг. // Из века в век: Болгар. поэзия / Сост., предисл., примеч.: Е. В. Исаева, С. Н. Гловюк, А. В. Герасимов. — М.: Пранат, 2005. — С. 376–379. — На рус. и болг. яз.

7.9.25. *Евтушенко Е.* Памятники не иммигрируют; Булат Окуджав: Моя булатиада: 1. «Простая песенка Булата...»; 2. Новый вариант Окуджавы; 3. Похороны Окуджавы; 4. Ватник Булата // Евтушенко Е. Памятники не иммигрируют. — М.: Эксмо, 2005. — С. 375–381; *См. также:* С. 30, 77, 107, 115, 118, 151, 209.

7.9.26. *Иртенев И.* «Я шёл к Смоленской по Арбату...» // Иртенев И. Избранное. — М.: Эксмо, 2005. — С. 160–161.

7.9.27. *Мориц Ю.* Неузнаваемый Булат; Поэты слов не пишут // Мориц Ю. По закону — привет почтальону. — М.: Время, 2005. — С. 94, 496; *См. также:* С. 168, 224.

7.9.28. *Сидоров Е.* «В преддверии пожара...» // М.: Гелеос, 2005. — С. 311; *См. также:* С. 61, 106, 172, 310, 316, 429.

См. также № 1.1.1, 7.1.2–7.1.5, 7.2.28, 7.4.48, 7.6.2, 7.6.6, 7.6.38–7.6.40.

ПАРОДИИ, ЭПИГРАММЫ

7.9.29. *Вальшонок З.* Чаепитие с Булатом («Когда в оркестре возникает...») // Вальшонок З. Исповедимый путь. — Харьков: Факт, 2003. — С. 447. — (Собрание соч.; Т. 3).

7.9.30. *Иванов А.* Песня об отсутствии присутствии; Письмо Франсуа Вийону; Антипародия на автопародию // Иванов А. «Стихов так много холостых...». — М.: Эксмо, 2004. — С. 173–177; Иванов А. Красная Пашечка и другие. — Там же, 2004. — С. 196–200.

7.9.31. *Фильченко В.* «Он не сочинял ширпотребного чтива...»: [Эпиграмма] // Фильченко В. Именные юморинки. — Новосибирск. РИФплюс-книга, 2004. — С. 117.

7.9.32. *Бабицков В.* «Жаль, что романы песню гонят...» // Эпиграмма: [Сб.]. — М.: Эксмо, 2005. — С. 39. — (Антол. сатиры и юмора России XX в.; Т. 41).

7.9.33. *Бахнов В.* Королева Маруса («Ах, Мария Петровна, ах, Марья, ах, Манечка-Маня!..») // Бахнов В. [Стихи, проза, пародии]. — М.: Эксмо, 2005. — С. 393. — (Антол. сатиры и юмора России XX в.; Т. 37).

См. также № 1.1.1.

ПЕРЕТЕКСТОВКИ, ПОДРАЖАНИЯ

7.9.34. "«Ваше благородие, районная газета...»: [Фрагм.] // На боевом посту. — Чита, 2003. — 11 янв. (№ 1–2). — В ст.: Её высокородие военная пресс-служба.

7.9.35. "[На юбилей Риммы Хазановой] («Ваше благородие, госпожа пародия!») / [Ред.] // Лит. газ. — 2003. — 6–12 авг. (№ 32). — С. 16. — В предисл. к ст.: Хазанова Р. «Серебряный шар»: По мотивам телепередач В. Вульфа.

7.9.36. "Попробуй отслужи! («Ваше благородие, госпожа по-вестка!...»): Солдат. песня / Из: Нескуч. газ. // Веч. Казань. — 2004. — 20 февр.

7.9.37. "«Ваше благородие, госпожа лопата...»: [Фрагм.] // Веч. Ростов. — Ростов н/Д., 2004. — 24 февр. — В ст.: Щуплов А. Ваше благородие, госпожа лопата; То же: [Соколов И.] "Гусь свинье не товарищ майор // Янтар. Край. — Калининград, 2004. — 2 марта.

7.9.38. "Амарат. Песня на новый лад («Ваше чужеродие, госпожа Удача...») // За победу. — Красноярск, 2004. — 8 сент. (№ 33).

7.9.39. Розенбаум А. Подражание Окуджаве // Розенбаум А. Сияющая птица мечты. — М.: Эксмо, 2004. — С. 127.

7.10. Окуджаву на эстраде

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦЕ ИЗ США С. БОГГАСС

7.10.1. Малахова Ю. Перевести страсть несложно: Звезда кантри-мьюзик обожает Пушкина и Окуджаву // Рос. газ. — 2003. — 30 дек. — С. 8.

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦЕ ИЗ ШВЕЦИИ К. АНДЕРСОН

7.10.2. Концерт Кристины Андерсон: [Расшир. анонс вечера песен О. в театре эстрады 29 апр.] // С.-петерб. ведомости. — 2003. — 26 апр. — Без подп.

7.10.3. Андерсон К. Пока Земля ещё вертится / [Беседовала] И. Голубева // Юж. горизонты. — М., 2004. — 29 апр. — 5 мая (№ 16). — С. 11.

7.10.4. Андерсон¹⁸ К. «Нам не стоит этой темени бояться»... / Беседу вела С. Сухая // Труд-7. — 2004. — 10 июня. — С. 27.

См. также № 7.8.48, 7.8.51–53.

7.11. Окуджаву в театре

СП. «КАПЛИ ДАТСКОГО КОРОЛЯ» В ТЕАТРЕ Е. КАМБУРОВОЙ,
2003–2004

7.11.1. Губайдулина Е. Застолье с балладами: Новый спектакль по песням Окуджавы // Ваш досуг — 2003. — 20–28 дек. (№ 50). — С. 50.

¹⁸ В тексте публикации ошибочно: Андерсен.

7.11.2. *Камбурова Е.* Там же, тогда же: [Репортаж с пресс-конф.] // Совет. Сибирь. — Новосибирск, 2004. — 29 мая. — В т. ч. о сп. «Капли датского короля».

**КОМПОЗИЦИЯ «ОКУДЖАВА»
В НОВОСИБИРСКОМ ТЕАТРЕ «СТАРЫЙ ДОМ»
(РЕЖ. М. ПИЧИГИН), 2004**

7.11.3. "22 раза Окуджаву // Чест. слово. — Новосибирск, 2004. — 5 мая.

7.11.4. Под знаком правды и любви // Совет. Сибирь. — Новосибирск, 2004. — 7 мая.

7.11.5. "Давайте говорить друг другу комплименты // Новая Сибирь. — Новосибирск, 2004. — 14 мая (№ 20).

**СП. «ЛИРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
РАСЧЁТА ГВАРДЕЙСКОГО МИНОМЕТА ПМ-38»
ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ «БУДЬ ЗДОРОВ, ШКОЛЯР»
И СЦЕНАРИЯ КФ. «ЖЕНЯ, ЖЕНЕЧКА И «КАТЮША»»
В ПЕРМСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ (РЕЖ. Б. ЦЕЙТЛИН), 2005**

7.11.6. *Баталина Ю.* Афиша недели // Новый Компаньон. — Пермь, 2005. — 26 апр. (№ 15).

7.11.7. *Пермская Я.* Весна победителей // Досье 02. — Пермь, 2005. — 6 мая (№ 18).

7.11.8. *Баталина Ю.* «И трудно поверить, что жизнь коротка» // Новый Компаньон. — Пермь, 2005. — 17 мая (№ 16).

7.11.9. *Тихоновец Т.* В границах нежности // Перм. новости. — 2005. — 20 мая (№ 20).

7.11.10. "«Золотая маска»: [О выдвижении на премию] // Перм. обозреватель. — Пермь, 2005. — 14 нояб. (№ 44). — Без подп.

7.11.11. *Радостева О.* Кусочек войны на сцене театра // Парма. — Коми Перм. обл.. — 2005. — 21 мая.

**СП. «ЧАСОВЫЕ ЛЮБВИ» ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «АНТРАКТ»
ПО ПОЭЗИИ О. (ХУДОЖ. РУК. А. ГИРШОВ), 2005**

7.11.12. "Премьера // С.-петерб. ведомости. — 2005. — 4 июня. — Без подп.

7.11.13. *Волчек Э.* «Часовые любви»: [Анонс премьеры] // Телевидение. Радио. — СПб., 2005. — 7 июня. — С. 26.

7.12. Окуджаву в кино и на телевидении

7.12.1. *Виноградов В.* «Ах, Булат, мой Булат...»: [О съёмках нового кф.; Из воспом.] / [Беседовала] М. Токарева // Моск. новости. — 2004. — 2–8 апр. (№ 12). — С. 28.

7.12.2. «Острова»: [Анонс тп.] // Россия. — 2004. — 29 апр. — 12 мая (№ 16). — С. 19.

7.12.3. *Чишковская Е.* «Он пел просто и мудро...»: [Обзор юбилейн. тп.] // Челяб. рабочий. — 2004. — 6 мая.

7.12.4. "Жельвис В. «Нас осталось мало: мы да наша боль...»: [Обзор юбилейн. тп.; Из воспом.] // Сев. край. — Ярославль, 2004. — 12 мая.

7.12.5. Имперский стиль без права выбора: [Самая замет. телеперсона] / Т. Бек, Н. Иванова, Я. Засурский; Подгот. В. Цветкова // Независимая газ.: НГ Ex libris. — 2004. — 15 мая. — С. 16.

7.12.6. Богомолов Ю. Переключая каналы в мае // Огонёк. — 2004. — № 22 (31 мая — 6 июня). — С. 49—50. — Из содерж.: Персона месяца — Булат Окуджава.

7.12.7. Певец Арбата: [Анонс тп. «Острова»] // Моск. правда. — 2004. — 29 дек.

7.12.8. «Мы все войны шальные дети»: [Анонс телеконцерта 8 мая из Музея О.] // Антенна. — 2005. — 9—15 мая (№ 20). — С. 6.

См. также № 7.2.17, 7.2.37, 7.7.33—34, 7.8.72.

ТП. 9 МАЯ НА REN-TV

О ВТОРОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ О., 2003

7.12.9. «И все поют стихи Булата...»: [Анонс] // Мир ТВ и время. — 2003. — 5—11 мая (№ 19). — С. 29.

7.12.10. "Я русский бы выучил только за то... // ТВ Парк. — 2003. — № 24 (9 июня). — Без подп.

7.12.11. «И все поют стихи Булата...»: [Анонс] // Мир ТВ и время. — 2003. — 9—15 июня (№ 24). — С. 29.

НОЧНАЯ ТП. «СИНИЙ ТРОЛЛЕЙБУС», 2003—2005

7.12.12. Страсти по Окуджаве // Рус. курьер. — 2003. — 7 окт. — С. 10.

7.12.13. Палей И. Ночная смена: «"Синий троллейбус" — это "Спокойной ночи" для взрослых» [О ноч. тп.] / [Беседовала] М. Киселёва // Моск. комсомолец. — 2005. — 17 февр.

7.12.14. Палей И. Картинка к завтраку / [Беседовала] М. Лопатто // Аргументы и факты. — 2005. — Март (№ 13). — С. 32.

7.13. Окуджава на CD

7.13.1. Уланова Л. Когда опустеет Париж: [Переизд. концерта в Париже, 1995] // Сударушка. — 2003. — [27 янв. — 2 февр.]. — С. 21.

7.13.2. С[тепанов] Е. Булат Окуджава, CD, серия «Grand Collection», 2004: [Избранное; Анонс] // Дети Ра. — 2005. — № 3. — С. 129.

CD «ГАЛИНА ХОМЧИК. ПЕСНИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ»

7.13.3. Громышева О. Диалог человеческих душ: [К презентации в Политех. музее] // Веч. Москва. — 2003. — 7 окт.

7.13.4. Любецкая А. Когда улыбается голос // Люди и песни. — 2004. — № 1 (окт.). — С. 18.

CD «АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ ПРЕДСТАВЛЯЕТ БУЛАТА ОКУДЖАВУ»

7.13.5. Просто хороший концерт: [Презентация проекта] // Моск. правда: Муз. правда. — 2005. — 26 авг. — С. 9.

7.13.6. Перепоёт Окуджаву: [Готовится CD] // Моск. правда: Муз. правда. — 2005. — 10 июня. — С. 10.

7.13.7. *Захарьев А.* Грустный Макаревич: [О твор. вечере, где впервые исполнены песни О.] // Рос. газ. — 2005. — 2 сент. — С. 6.

7.13.8. *Архангельский А.* Опять шестьдесят: Макаревич записал диск с песнями Окуджавы [CD готовится к выпуску] // Огонёк. — 2005. — 24–30 окт. (№ 43). — С. 57.

7.13.9. *Макаревич А.* Макаревич поёт Окуджаву / Без подп. // Сударушка. — 2005. — 16–23 нояб. (№ 45). — С. 25.

7.13.10. *Шарандина А.* Андрей Макаревич и Оркестр креольского танго. «Песни Булата Окуджавы» // С.-петерб. ведомости. — 2005. — 10 дек.

7.14. Окуджава в изобразительном искусстве

7.14.1. Леонид Козлов: «Мой принцип — только с натуры» // Новости Союза кинематографистов. — 2003. — 15 июля (№ 9–10). — С. 22. — Ил.: «Булат Окуджава, читающий любимые стихи Юлика Даниэля. ЦДХ, 1989 г.» / Рис. Л. Козлова.

7.14.2. Дронников рисует Окуджаву / Из: Голос надежды. [Вып. 1]; Фрагм. предисл. к альм. // Полиграфист и издатель: спец. прилож. «Кн. вест.». — 2005. — Март. — С. 32. — Портр. / Рис. Н. Дронникова; Ил.: Обл. альм.

7.14.3. *Яковлев Д.* Нарисованные песни Петра Караченцова: [Об илл.] / Из кн.: Окуджава Б. Песенка о моей жизни. М.: Соль, 1995 // Кн. газ. — 2005. — Нояб. (№ 11). — С. 2–3. — Ил. / Рис. П. Караченцова; Вкл.: ; Окуджава Б. Гори, огонь, гори...; На мне костюмчик серый-серый; Море Чёрное; Всё-таки жаль; Песенка о дураках: Стихи.

См. также № 1.2.24, 7.1.4, 7.6.4, 7.7.36, 7.7.87–89.

8. СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

См. также № 7.1.2 [Хроника жизни и творчества], 7.1.4–7.1.5 [Библиография].

Составители

А. Е. КРЫЛОВ и В. Ш. ЮРОВСКИЙ

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВА Мария Александровна — кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Автор многих статей о творчестве Б. Окуджавы.

АЛЬТШУЛЛЕР Александр Маркович (1972) — журналист, автор нескольких статей об авторской песне, опубликованных в Интернете, в «Журналисте», ежегодниках «Мир Высоцкого» и «Голос надежды».

АНДРЕЕВ Кирилл Евгеньевич (1972) — журналист, автор ряда публикаций по вопросам авторской песни.

АХЛОМОВ Виктор Васильевич (1938) — признанный классик российской фотографии, преподаватель; с 1960 года и по сей день — специальный корреспондент газеты «Известия»; заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Союза журналистов России, участник многочисленных российских и международных выставок и конкурсов, а также четырехкратный лауреат конкурса «World Press Photo». Живёт и работает в Москве.

БАДАЛАНОВА Флорентина — филолог, фольклорист и антрополог. Окончила факультет славянской филологии Софийского университета им. Св. Климента Охридского (1979) и аспирантуру филологического факультета МГУ (1984). Была научным сотрудником Института фольклора Болгарской Академии наук (1985—1994), а также преподавала в Софийском университете. С 1994 по 2004 год преподаватель Лондонского университета, а с 2004-го — научный сотрудник Королевского антропологического института Великобритании; в настоящее время — приглашённый профессор в Свободном университете Берлина.

БАЛАЯН Роман Гургенович (1941) — советский украинский кинорежиссёр, сценарист и продюсер, лауреат Государственной премии СССР (1987), Народный артист Украины (1997).

БОРИСОВ Георгий (1950) — болгарский поэт, переводчик, редактор, издатель. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1974). Основатель литературного журнала «Факел» (1981) и его главный редактор (с 1990), основатель и директор издательств «Факел» и «Факел-экспресс». Главный драматург театра Ивана Вазова. Автор множества поэтических книг, лауреат престижных литературных премий.

БОРИСОВА (Ярмилко) Валентина — журналист и переводчик. Окончила факультет славянской филологии Софийского университета (1980) и Дипломатическую академию МИД России (2002). В настоящее время — правительственный переводчик в посольстве Республики Болгария в РФ.

ГЕЛЬФОНД Мария Марковна — кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ГИЗАТУЛИН Марат Рустамович (1960) — исследователь творчества и биограф Булата Окуджавы; предприниматель. Один из основателей и первый директор народного музея Окуджавы в Переделкине. Председатель Клуба друзей Булата; издатель альманаха «Голос надежды».

ДРАГАНОВ Драган (1949–2000) — болгарский журналист. Окончил факультет болгарской филологии Софийского университета (1972), работал в Пловдиве в газетах и на телевидении. Автор двух сборников рассказов.

ДРОНОВА Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Научные интересы связаны с изучением принципов художественно-исторического сознания и типов исторического повествования в отечественной литературе XX века. Диссертация «Типы повествований в советской исторической романистике 70-х годов» (1989) посвящена исследованию прозы Б. Окуджавы, В. Шукшина, Д. Балашова.

ЖЕКОВА Бистра — педагог и журналист. Окончила факультет болгарской филологии Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского. Много лет работала журналистом в Димитровграде на радио, в газетах, на телевидении. В настоящее время преподаёт болгарский язык и литературу в Лингвистической гимназии им. Ивана Богорова и руководит юношеской телестудией в Центре детского и молодёжного творчества (Димитровград).

КАГАНОВИЧ Владимир Исаакович (1930) — выпускник Московского экономико-статистического института. Тридцать лет проработал в системе Минмонтажспецстроя СССР и его центральном аппарате. В 1992—2005 годах руководил аудиторской фирмой. В настоящее время пенсионер.

КАРСТЕН Анна Владиславовна — аспирантка Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Направление научной деятельности: исследование декабристской проблематики в прозе Б. Окуджавы на уровне мотивной организации текста.

КЕВОРКЯН Кеворк (1944) — по образованию юрист, болгарский журналист и издатель, телеведущий. Многие его беседы вошли в его книги «15 встреч», «Собеседник по желанию», «Личности».

КРЫЛОВ Андрей Евгеньевич (1955) — литературовед, историограф, библиограф авторской песни. В 1979—1985 годах — главный редактор самиздатской газеты «Менестрель». Текстолог и составитель нескольких сборников В. Высоцкого и воспоминаний о нём, альманаха «Мир Высоцкого» (1996—2002) и других сборников. Автор четырёх книг и многих публикаций о творчестве Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича.

КУЗНЕЦОВ Эдуард Алексеевич (1941) — инженер-химик, автор (и соавтор) пяти книг и ряда статей об особенностях существования пародий, эпиграмм и об их авторах. Сфера интересов — сатирические жанры литературы и искусства.

КУЛАГИН Анатолий Валентинович (1958) — доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна). Тема докторской диссертации — «Эволюция литературного творчества В. С. Высоцкого» (1999). Автор семи книг и многих статей об авторской песне, о творчестве В. Высоцкого и Б. Окуджавы.

МАТЛИН Владимир Григорьевич (1931). После окончания МГУ работал адвокатом и юрисконсультom, затем — редактором на Центральной киностудии научно-популярных фильмов; написал сценарии ряда короткометражных кинокартин. В 1973 году эмигрировал в США. Около двадцати пяти лет проработал в штате «Голоса Америки», где вёл несколько программ под псевдонимом Владимир Мартин. Автор шести сборников рассказов и повестей.

МЕДНИКАРОВ Христо (1930) — болгарский журналист и краевед. Окончил факультет русской филологии Софийского университета им. Св. Климента Охридского; работал учителем русского языка, с 1971 по 1990 г. — в редакции газеты «Борба» (г. Велико-Тырново). Автор нескольких сборников стихов, прозы и краеведческих очерков.

МИНЧЕВ Христо (1932–2010) — журналист. Окончил факультет русской и болгарской филологии Софийского университета им. Св. Климента Охридского, работал в г. Габрово — корреспондентом и заместителем главного редактора в местной газете «Балканско знаме» (1969–1979) и собственным корреспондентом центральной газеты «Работническо дело» (1979–1991). Автор книг по истории спорта в Габрове.

НИКИТСКИЙ Яков Викторович (1956) — москвич, выпускник Московского института тонкой химической технологии. Работал на Апрелевском заводе грампластинок, имеет публикации в журнале «Мелодия» о записях современных народных песен.

ОЛАБЯН Хачик (1960) — частный предприниматель, работает в области торговли; кандидат физико-математических наук.

РАЕВСКАЯ Мария Александровна — выпускница факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук (тема диссертации — «Рецепция поэзии В. С. Высоцкого в Болгарии»); корреспондент газеты «Вечерняя Москва». Автор ряда публикаций о Высоцком и Окуджаве.

РЯЗАНСКИЙ Николай Михайлович (1945) — инженер-физик, мастер спорта по туризму, Заслуженный путешественник России, председатель маршрутно-квалификационной комиссии Федерации туризма Москвы.

СВИРИДОВ Станислав Витальевич (1969) — кандидат филологических наук; тема диссертации — «Структура художественного пространства в поэзии Высоцкого» (2003). Доцент кафедры истории русской литературы Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград). Автор ряда работ об авторской песне, а также теоретических разработок в области звучащей поэзии.

СУБОТИНА Татьяна Евгеньевна — инженер-экономист, многодетная мать; автор нескольких статей об авторской песне.

СУЛХАНИШВИЛИ Тенгиз Давидович (1946) — журналист, с 1968 до 1991 года проработал в системе Гостелерадио СССР; ныне проживает в Нью-Йорке.

УВАРОВА Светлана Валериевна — выпускница филологического факультета МГУ (1993), доктор философии по специальности славянские языки (2009, Стокгольм). Преподаватель кафедры славянских языков и литератур Стокгольмского университета (Швеция). Автор монографии и ряда статей о Булате Окуджаве, а также статей о Владимире Высоцком. Организатор и руководитель курса «Песенная культура России».

ФОМИНА Ольга Александровна — тележурналист; кандидат филологических наук, автор диссертации «Стихосложение В. С. Высоцкого и проблема его контекста» (2005), а также ряда стиховедческих публикаций о творчестве В. Высоцкого и А. Галича. Живёт и работает в Москве.

ФРУМКИН Владимир Аронович (1929) — музыковед, закончил теоретико-композиторский факультет и аспирантуру Ленинградской консерватории, был членом Союза советских композиторов. Автор книг и статей о симфонизме, о взаимоотношениях поэзии и музыки, о советской песне — официальной и неподцензурной. В начале 1960-х годов стал заниматься исследованием, распространением и исполнением песен Б. Окуджавы, А. Галича, Н. Матвеевой и других поэтов-певцов. В 1974 году эмигрировал в США. Преподавал в Оберлинском колледже (штат Огайо) и аспирантуре Летней русской школы при Норвичском университете (штат Вермонт). Подготовил к изданию две книги песен Булата Окуджавы с мелодиями и буквенным обозначением аккомпанемента (Ann Arbor: Ardis, 1980 и 1986). Автор книги «Певцы и вожди» (Нижний Новгород: Деком, 2005). С 1988 по 2006 год — был сотрудником Русской службы «Голоса Америки» (Вашингтон).

ЧЕРНЯВСКИЙ Георгий Иосифович (1931) — историк, литератор и публицист; доктор исторических наук, профессор. Жил и работал в Харькове, с 1996 года — в Балтиморе (США).

ЭЛЕНКОВ Лучезар (1936) — известный болгарский поэт, в 1988—1991 гг. — директор Болгарского культурно-информационного центра в Москве. В настоящее время — директор изданий «Моята вяра» («Моя вера») и «Жарава» («Раскалённые угли»).

ЮРОВСКИЙ Виктор Шлёмович (1946) — библиограф, составитель ряда сборников авторской песни. Специализируется на творчестве Б. Окуджавы, М. Анчарова, В. Высоцкого. Автор статей по темам, связанным с авторской песней, опубликованных в периодике и сборниках. Живёт в Москве.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абашидзе И. В. 374
Абдуллаева Л. Х. 422
Абельская Р. Ш. 224, 241, 424
Авлеев А. А. 457
Авдеенко А. О. 133, 134
Аверинцев С. С. 406, 407
Агасян Х. 95
Аграновская Г. И. (382)
Аграновский А. А. 382
Аджубей А. И. 339
Азнавур Ш. 207, 208
Айзенберг М. Н. 464
Акелькин В. И. 204
Аксёнов В. П. 9, 21, 45, 47, 206,
207, 244, 339, 387, 397
Аксёнова М. А. 45, 46
Аксёнова М. В. 469
Александр Аркадьевич —
см. Галич А. А.
Александр Сергеевич —
см. Пушкин А. С.
Александров Н. (464)
Александрова М. А. (263–282),
291, (417–420), 521
Александрова Э. Б. 227
Алексахин И. П. 159
Алексеев В. 387
Алексеев С. 137, 178
Алексеева З. 199
Алексеева Л. 199
Алексей Максимович —
см. Горький М.
Алёшин А. Н. 469
Алигер М. И. 336, 365
Алла, жена Р. И. Рождествен-
ского — см. Киреева А. Б.
Альтшуллер А. М. (421–433), 521
Анаит, жена З. М. Налбандяна —
см. Налбандян А. В.
Андреев К. Е. 208, (434–449), 521
Аникина А. Б. 422
Анна Андреевна —
см. Ахматова А. А.
Антонина, жена Ф. А. Искандера —
см. Хлебникова А. М.
Антонова З. 199
Анчаров М. Л. 225, 382, 525
Аполлинер Г. 241
Апухтин А. Н. 28
Арбузов А. Н. 352
Арешев (Арешян) Л. Н. 110, 111
Арешян Г. [К.] 110
Арканов А. (А. М.) 380, 448
Арутюнов Г. 124
Арутюнова А. Г. 122
Арцимович В. А. 436
Арцимович О. В. 7, 13, 16, 18, 19,
23, 25, 35, 49, 161, 166, 204, 341,
367, 399, 439, 441, 456–459
Афферика Дж. 15
Ахломов В. В. (334–349), 521
Ахмадулина Б. А. 34, 56, 74, 84,
96, 334–336, 352, 373, 375, 378,
380, 387, 391, 397, 454, 464
Ахматова А. А. 103

* В Именной указатель не включены: Б. Ш. Окуджава; персонажи художественных произведений, в том числе и реальные; различные мифические персонажи; фамилии, упоминаемые в полных названиях учреждений и организаций; а также фамилии из библиографического списка.

- Ашхен, Ашхен Степановна —
см. Налбандян А. С.
Ашеулова И. В. 428
Багратион П. И. 110
Бадаланова Ф. (59—67), 521
Баевская И. 199
Баез Дж. 18
Байдов В. А. 354
Бакланов Г. Я. 32, 86, 266
Балабанов Л. 72
Балашов Д. М. 522
Балаян Р. Г. (360—362), 521
Балтер Б. И. 384, 459
Баночкин С. 258
Бараташвили Н. М. 135
Бардин Г. Я. 463
Барт Р. 285
Барткулашвили Д. М. 155
Барто А. Л. 373
Басовская Е. Н. 241
Баташова (Васильева) Н. А.
198—200
Батова Н. 453
Батюшков К. Н. 278, 279
Бах И.-С. 355
Бахмач В. И. 421
Бахнов Л. В. 430
Бахтин М. М. 264
Бачурин Е. В. (383)
Безруков С. В. 454
Белая Г. А. 245, 308, 320, 324,
329, 333, 408, 425
Белокурова С. П. 297
Белый А. 454
Беранже П.-Ж. 28, 400
Березин Е. И. 212 (Штепсель)
Берестов В. Д. 209
Бержерон Р. 221
Берия Л. П. 123, 124, 130, 135,
138—142, 414
Берковский В. С. 247
Бернес М. Н. 212, 247, 400
Берулава М. Н. 450
Берулава Х. 426
Беселева Н. В. 429
Бессьер Л. 241
Бетховен Л. ван 358
Бизе Ж. 355
Бирман В. 397
Бисимбаева Д. 143
Битов А. Г. 56, 464
Блантер М. И. 10, 11, 40, 400
Блинова М. 452
Блок А. А. 280, 291, 310, 425
Боброва С. В. 421
Богомолов В. О. 431
Богомолов Н. А. 206
Богословский Н. В. 86, 210
Богуславская О. О. 380
Божова М. 404
Бозарджянц И. Н. 129, 130
Бозарджянц Н. И. —
см. Попов Н. И.
Бозарджянц, братья 129
Бойко С. С. 277, 318, 329,
405—410, 424
Боков В. Ф. 86
Болдырев Ю. Л. 282, 308
Болотин С. Б. 209, 227, 228
Болотова Ж. А. 381
Бондарев Ю. В. 266
Борисов Г. (88—91), 521
Борисов О. И. 356, 359
Борисов Ю. О. 356—359
Борисова 199
Борисова В. (86—87), 522
Борусяк Л. 404
Босенко В. И. 351, 436
Бочаров С. Г. 106, 284, 290
Брассенс (Брассанс) Ж. 28, 204,
207, 252, 254
Брежнев Л. И. 162
Брель Ж. 28, 252, 254
Брехт Б. 397
Бродский И. А. 24, 29, 30, 386
Бузони Ф. 355
Букин В. П. 8
Булгаков М. А. 454
Булганин Н. А. 215, 216
Булнина С. М. (379—380)
Бутаева З. А. 428
Бутковская Т. 254
Бухарин Н. И. 118
Бухтоярова А. 461
Быков В. В. 56, 266, 373
Быков Д. Л. 107, 111, 114—116,
119, 126, 128, 129, 138—140,
143, 149, 156, 225, 227, 230,
274, 311, (393), 454
В. 19

- Вагнер Р. 240
 Вайда А. 393
 Вайль (Гармаш) Е. 12–14
 Вайль П. Л. 419
 Вампилов А. В. 352
 Ванденко А. 379
 Вартанян В. 106
 Вартанян М. —
 см. Налбандян М. В.
 Васильев А. В. 468
 Васильева О. (463–464)
 Васина-Гроссман В. А. 210, 214
 Вегин П. В. (380)
 Ведерников Т. В. 454
 Вертинский А. Н. 241
 Вертушкина К. Р. 185
 Весёлая Г. А. 175, 176
 Весёлая Е. С. (397–398)
 Визбор Ю. И. 26, 206, 208, 209,
 224, 225, 385
 Викман П. 452
 Викторов В. 65
 Виктюк Р. Г. 459
 Вилков А. 462
 Виноградов М. В. 237
 Влади М. 395
 Владимиров А. 251
 Владимов Г. Н. 339
 Вовк С. (457–458)
 Воденников Д. Б. 464
 Вознесенский А. А. 34, 84, 96,
 334, 336, 380, 391, 454, 646
 Войнович В. Н. 337, 339, (396),
 441, 454
 Воклер И. 129
 Волкова О. 225
 Володин А. М. 8
 Вольфсон Т. А. 54
 Ворошилов К. Е. 160
 Ворошильский В. 9, 423
 Восканян Г. 113
 Выдрин В. В. 417–420
 Высоцкий В. С. 26, 31, 48, 58,
 64–66, 79, 88–91, 207, 218,
 224, 243, 251, 369, 378, 394,
 395, 403, 408–410, 422, 423,
 428, 432, 455, 523–525
 Вядерек М. 423
 Вяткин В. Ю. 453
 Габашвили Г. 457
 Габриадзе Р. Л. 336, 337
 Гаврилов Л. 192
 Гаевский В. М. 228
 Газарян К. 206
 Гайдар А. П. 240, 258, 259
 Гайдар Е. Т. 338
 Галактион — см. Табидзе Г.
 Галина, жена Е. А. Евтушенко —
 см. Сокол-Луконина Г. В.
 Галич А. А. 6, 14, 26, 28, 31, 48, 103,
 207, 208, 224, 382, 389, 403,
 408–410, 455, 437, 523, 525
 Галкина Г. 199
 Галя, мама И. Б. Окуджавы —
 см. Смольянинова Г. В.
 Ганчев М. 67
 Гартен Д. 35
 Гаспаров Б. М. 322, 323
 Гастелло Н. Ф. 377
 Гельфонд М. М. 244, (283–294), 522
 Гендлер И. 461
 Генина Л. С. 11
 Генис А. А. 419
 Георгиев Л. 58, 65, 67, 77
 Гердт З. Е. 383
 Герман А. В. 400
 Герман А. Ю. 13
 Герцен А. И. 394
 Гёте И. В. 390
 Гизатулин М. Р. (105–167), 178,
 246, 283, 439, 522
 Гинзбург Е. С. 397
 Гия — см. Окуджавы Г. М.
 Глаголев И. И. 133
 Гладили А. Т. 339, 445, 446
 Гланцберг Н. 230
 Гоголь Н. В. 244, 283, 285–294,
 341, 392
 Головицкая Н. 199
 Голубовская Н. И. 31
 Горбачёв Слава 448
 Горбачёв М. С. 37, 95, 98
 Гордин Я. А. 309, 312
 Гордон А. Г. 452
 Горин Г. И. 352, 380
 Горленко Н. В. 35, 361, 362,
 442, 448
 Городницкий А. М. 207, 385,
 388, 452
 Горохов В. 214

- Горький М. 101, 134
Гос Г. 309
Гостюхин В. В. 359
Гофман Э.-Т.-А. 74, 291
Граббе П. Х. 51
Гранин Д. А. 365
Гребенщиков Б. Б. 464
Гребнев Н. И. 100
Грибоедов А. С. 99
Григор 105
Григорян А. П. 105
Григорян Е. [Г.] 105
Гришин В. В. 441
Губанов В. 448
Губерман И. М. 464
Гумилёв Л. Н. 81
Гурарий С. 212
Гурвич И. А. 433
Гурвич Л. М. 143
Гусак Г. 33
Дабровский В. 9
Давиденко В. 463
Давидовская Л. 199
Давыдов А. А. 137
Давыдов (Кауфман) А. Д. 56
Данилова И. 398
Данте Алигьери 264
Даргомыжский А. С. 400
Дарская В. 199
Дашкевич В. С. 237
Дементьев А. Д. 440
Демидова А. С. (399)
Державин В. В. 102
Державин Г. Р. 318, 340, 424
Дёминг Г. фон 45, 46
Дёмочкин Г. А. 435
Джагалов Р. 225
Джигарханян А. Б. 454
Дзержинский Ф. Э. 394
Дзидзигури 99
Дзимистаришвили О. Д. 136
Дилакторская О. Г. 285
Долина В. А. 90, 440
Долинин А. А. 7
Долматовский Е. А. 212, 373
Дольский А. А. (402–403)
Домбровский В. 423, 424
Донченко Н. 309
Достоевский Ф. М. 284, 294, 394
Драганов Д. (68–69), 522
Дрейк Ф. 405, 408, 410
Дронова Т. И. (308–320), 322, 325, 522
Друбич Т. Л. 361
Дружников Ю. И. 19, 39
Друнина Ю. В. 86, 336
Дрынкина В. 199
Дубинина Л. 451
Дубман Д. М. 453
Дубшан Л. С. 263, 265, 266, 276, 425
Дуванова А. Н. 423
Думбадзе Н. В. 374
Дунаевский И. О. 229, 465
Дьяченко 357
Е. В. 32
Евграфова Е. 389
Евтушенко Е. А. 48, 84, 96, 273, 334–336, 363, 368, 379, 380, 386, 387, 391, 395, (396–397), 445, 454, 464
Егоров А. Д. 369
Егоров И. Д. 369–372
Егоров Н. М. 434
Ежов Н. И. 139, 141
Елизавета Б.-Л. 405
Елисеева А. А. 179
Ельцин Б. Н. 378, 390
Ермаков В. И. 174–176
Ермаков И. П. 175, 180
Ермакова М. И. 175, 176
Ермолинский С. А. 391
Ерофеев В. В. (379)
Есенин-Вольпин А. С. 99
Ефремов Г. И. 56
Ёлкин А. Е. 176, 191, 192
Жванецкий М. М. 86, 350, 351
Жекова Б. (92–94) 522
Жерар Ф. 244
Жёлудев Ю. 453
Живописцева И. В. 155
Жигуло В. 199
Жилин 185
Жилкина Т. А. 402
Жильцов С. В. 251
Жирмунская Т. А. 441
Житомирский Д. В. 14
Жолковский А. К. 293, 425
Жук М. И. 244
Жуковский В. А. 432
Журавлёва 199

- Забаренко Дж. 9
 Забелина А. А. 184, 194, 195
 Заболотный Н. 462
 Заболоцкий Н. А. 384
 Зайцев В. А. 224, 243
 Зайчик И. 382
 Зара 454
 Зарнадзе Г. 136, 137, 139, 140, 142, 157, 164
 Застырец А. В. 412
 Зацепин А. С. 99
 Збруев А. В. 361
 Зверев И. Ю. 339
 Зельников Ю. И. 440
 Зильберберг С. А. 143
 Зимин И. М. 204, 226
 Злотников Н. М. 447
 Золотин А. 437
 Иванов А. А. 255, 260, 262, 334, 336
 Иванов В. В. 22
 Иванова Л. Л. 429
 Иванова Т. В. 360
 Ивнев Р. 102
 Игнатова Н. А. 469
 Идельчук Э. Д. 237
 Иза, подруга А. С. Налбандян 141, 142
 Измайлова Р. 218, 220
 Имамалиев И. Н. 225
 Иосиф Виссарионович — см. Сталин И. В.
 Исабекян А. Э. 162
 Исаева В. П. 465
 Искандер Ф. А. 16, 18, 19, 35, 36, 56, 339, 454
 Иудина Е. 199
 Ишнеязова Р. 462
 Ишханов С. 124
 Йорданов Н. 95
 Каверин В. А. 56
 Каганович В. И. (350–359), 523
 Казак В. 423
 Казаков М. В. 414
 Казаков Ю. П. 384
 Казакова Р. Ф. 334
 Казалис А.-М. 242
 Казарян Григор 154
 Казбек-Казиев З. А. 202
 Калядина Е. 399
 Камбурова Е. А. 450, 452, 454
 Каменев Л. Б. 127
 Каминские 193
 Каминский М. С. 115, 174, 193, 194
 Камминс (Cummins) Б. 45, 47
 Кананов И. 153
 Кананова Л. И. 154
 Каневские — см. Каминские
 Канчели М. А. 150
 Капитонов Р. 462
 Капралов Г. А. 228
 Капутикян С. Б. 363, 365
 Карамзина Н. 199
 Кара-Мурза В. А. 436
 Карлин А. Б. 459
 Карпов А. С. 421
 Карпова И. 401
 Карстен А. В. (321–333), 523
 Картелишвили
 (Лаврентьев) Л. И. 123
 Карцев Ю. А. 218
 Карякин Ю. Ф. 443
 Кассиль Л. А. 363, 365
 Кастелла Б. 212, 228
 Катаев В. П. 339
 Кац Б. А. 7
 Качан В. А. 452, 454
 Качанко П. Ф. 469
 Кашенко М. 399
 Кекелия А. М. 124
 Кеворкян К. (72–73) 523
 Кибиров Т. Ю. 206, 464
 Кикабидзе В. К. (392)
 Киквадзе (Перемушева) М. П. 135
 Киквадзе В. М. 117, 118, 123, 127, 135, 138, 163, 164
 Киквадзе Г. М. (Гоги) 127
 Ким Ю. Ч. 25, 26, 31, 90, 306, 319, 463
 Киплинг Р. 224
 Кипнес Л. В. 421
 Киреева А. Б. 338, (395–396)
 Кириллов Е. 453
 Климент, влад. 458
 Клинг О. А. 425
 Клячкин Е. И. 388
 Князева 199
 Коба — см. Сталин И. В.
 Коваленко А. А. 218, 469
 Коваленская И. Н. 364, 365

- Коверда И. Т. 411
Ковнер В. Я. 9
Кожевникова Е. В. 431
Кожинов В. В. 106
Козаков М. М. 360, 362, 444
Козловский И. С. 342
Койнова Е. Г. 424
Койфман В. П. 47
Койфман Я. У. 47
Колесников В. 364
Колмановский А. Э. 57
Комиссаржевский В. 214
Кондратова А. А. 185
Кондратович А. И. 281
Кондратьев В. Л. 437
Копелев Л. З. 397, 454
Копытько В. Н. 354–359, 466
Коржавин Н. М. 19, 384
Корман Б. О. 311, 429
Корнилов В. Н. 384
Коробков Ю. 199
Коровкина К. 463
Коротич В. А. 86
Коротков В. 214
Кортнев А. А. 452
Косачев 137
Космос Ж. 238
Костин А. 201
Костолевский И. М. (398–399)
Костромин В. М. 133, 138
Костылева Е. 207
Котлярек М. 424
Кофанова В. А. 433
Кочарян М. С. 221
Кочеткова Н. 396, 397
Кочнев Н. 206
Крадецкий А. 364
Крамер А. 207
Красухин Г. Г. 58
Крейтан Г. В. 102
Криницкая Т. (461)
Кролла А. 212, 242, 238
Крупская Н. К. 135
Крылов А. Е. (99–104),
 (204–254), 293, 295, 296, 298,
 376, 379, 421, (469–520), 523
Крючкова С. Н. 452
Кувалдин Ю. А. 383
Кузмин М. А. 407
Кузнецов Э. А. (255–262) 523
Кузовлёва Т. В. 86
Кузьмина Г. М. 133, 138
Кузьмина Л. И. 436
Кукин Ю. А. 26, (387–389)
Кукольник Н. В. 94
Кукрыниксы 214
Кулагин А. В. (204–254), 293,
 295, 296, 298, 353, 523
Кулиджанов Л. А. 381
Куликов Ю. А. 469
Кулле В. А. 202, 430
Кунаев С. Ю. 38, 39, 334, 408
Куприн А. И. 420
Курбатов 137
Курбатов В. Я. 309, 443
Кутловская Е. 390
Кутьева Л. (450–451)
Кутэ А. 244
Кушнер А. С. 24, 464
Кушнерович М. А. 378
Кякшто Н. Н. 240, 430
Лавиньи 244
Лавский В. М. 453
Лазарев Л. И. 243, 430
Ланда М. А. 465
Ланцберг В. И. 259
Ле Зуан 382
Лебедева Т. А. 8
Левин А. А. 357
Левин Э. 219
Левита Р. Я. 384
Левитан А. М. 469
Левитанский Ю. Д. (402), 408
Лезинский М. Л. 448
Лейдерман Н. Л. 244, 430
Лемарк Ф. 209, 210, 224, 228,
 229, 231
Ленин В. И. 115, 135, 342, 394, 408
Леонтьева О. Т. 14
Лермонтов М. Ю. 196, 240, 277,
 394, 405
Лигачёв Е. К. 37
Лиля, дочь Налбандян Л. Л. —
 см. Кананова Л. И.
Лимонов Э. В. (389–390), 464
Лиснянская И. Л. 443
Лисянский М. С. 229
Литвинюк Е. 423
Лиферман Ж. 240
Лихачёв Д. С. 312, 378

- Лобачёв В. 437
 Ломаченкова В. 462
 Ломинадзе В. В. 127
 Ломоносов М. В. 211, 424
 Посев Л. В. (Лёша) 21, 22, 24, 25
 Лосева Л. И. 244
 Лотто Ч., де 285
 Лукина М. В. 198, 438
 Лурье Ф. А. 32
 Львовская Е. К. (378)
 Львовский М. Г. 378
 Люба, жена Н. М. Коржавина —
 см. Мандель Л. С.
 Любимов Ф. Л. 184, 193
 Любимов Ю. П. 211
 Любимова И. М. 184, 192
 Любимовы 192
 Мавроди С. П. 334
 Маевская И. 157
 Мазин А. 224
 Мазурова С. 403
 Май Г. 396
 Майсурадзе, семья 150, 151
 Макарова Е. Н. 424
 Макеева-Гайст Л. 254
 Макрине — см. Киквалдзе
 (Перемушева) М. П.
 Максимов В. Е. 384
 Максимова Э. 56
 Маленков Г. М. 215
 Малхасянц С. С. 113
 Малюкова Л. 391
 Мамлин Г. С. 352
 Мандалиан А. 424
 Мандель Л. С. 19
 Мандельштам Н. Я. 264, 385
 Мандельштам О. Э. 244, 264, 284,
 288, 318, 386, 392
 Манн Т. 74
 Манн Ю. В. 284, 285, 291
 Манташев А. И. —
 см. Манташьянц А. О.
 Манташьянц А. О. 106
 Маргвелашвили Г. Г. 100
 Марголин Н. В. 159
 Марей Ж. 240, 241
 Марина, жена
 Ю. Д. Левитанского 402
 Маркович В. М. 285, 286, 289, 292
 Маркс К. 394, 408
 Мартынов Л. Н. 336
 Марчелло Б. 355
 Марьясин Л. М. 134, 137
 Маслов В. П. (382—383)
 Маслова Аннь 382
 Матвеева Л. Е. 436
 Матвеева Н. Н. 11, 27, 31, (385), 525
 Матизен В. Э. 204
 Матисов В. И. 438
 Матлин В. Г. 12, 13, (44—57), 523
 Матлина А. А. 12, 44, 45, 47
 Матросов А. М. 377
 Матюхов И. Г. 354, 355, 358, 466
 Матюшкина 185
 Матюшкина Е. Н. 424
 Махнов Ю. 199
 Машнин И. 462
 Маяковский В. В. 233, 234, 238,
 243, 250, 254, 277—279, 373
 Мдивани В. В. 115
 Медведев Ф. Н. 442
 Медникаров Х. (78—80), 524
 Медников А. М. 437, 443
 Межевич Д. Е. 206
 Межелайтис Э. Б. 56
 Межиров А. П. 408
 Мелик-Оганджян А. А. 110
 Мелик-Оганджян А. Б. (Ачик)
 109, 126, 152, 160
 Мелик-Оганджян Б. А. 110, 152
 Мелик-Оганджян В. Б. (Ляля)
 106, 110, 152
 Мелик-Оганджян (Налбандян)
 Г. С. 106, 107, 109, 112, 145,
 150, 152, 153, 160, 163
 Мелик-Оганджян К. А. 110
 Мелик-Оганджян П. Б.
 (Борис, Булик) 110, 152
 Мераб — см. Окуджава М. М.
 Мережковский Д. С. 322, 325
 Меринов М. И. 197
 Мессерер Б. А. 34
 Микаелян Л. 105
 Микоян А. И. 215
 Мильштейн И. И. 236
 Минц З. Г. 409
 Минчев Х. (81—83), 524
 Мирей Ж. 241
 Мисирков Б. 67, 87
 Митта А. Н. (381—382)

- Михайлов А. Г. 447
Михайлов Н. А. 215
Михайлова Е. 311, 377
Мишкевич А. 394, 395
Мичник 135
Мишуки Вад. Л. и Вал. Л. 452
Мокеева-Гайст Л. 254
Мокроусов Б. А. 212
Молотов В. М. 138, 215, 394
Моно Ф. 244
Монтан И. 204–212, 214–221, 223–252, 253
Мориц Ю. П. 464
Морозова И. 463
Мосесов А. 56
Мосова Д. В. 280, 291
Мотыль В. Я. 66, 399, 430, 460
Моцарт В.-А. 239
Мунтиков В. 121, 122
Мунтиков Г. 122
Мунтикова М. 122
Муравин М. С. 31
Мурадели В. И. 10
Мусатов В. В. 418
Мухин Д. 453
Набоков В. В. 74
Нагибин Ю. М. 32
Назаров Д. Ю. 454
Найман А. Г. (397)
Налбандов Б. С. —
 см. Налбандян Б. С. (Рафик)
Налбандян А. А. 162, 163
Налбандян А. В. 166
Налбандян А. М. 106, 162
Налбандян Анаид С. 107, 119
Налбандян Ашхен С. 77, 106, 107, 109, 112–114, 116–118, 123–128, 130, 131, 133, 135–143, 146, 150, 155–167, 177–185, 188, 383, 414
Налбандян Б. С. (Рафик) 107, 108, 120, 121, 126, 127, 145, 185
Налбандян В. 120
Налбандян Г. С. —
 см. Мелик-Оганджян (Налбандян) Г. С.
Налбандян Д. А. 162, 163
Налбандян З. М. 150, 153, 154, 161–163, 166, 167, 439
Налбандян Л. Л. (Люлюшка) 108, 111, 117, 118, 121, 125, 130, 147, 148, 150, 152, 153, 167, 185, 188, 193, 439
Налбандян М. В. 106–108, 116, 127, 131–133, 142, 156, 180–185, 188
Налбандян Мкртич 105, 162
Налбандян Р. С. —
 см. Налбандян Б. С. (Рафик)
Налбандян С. (Сато) 119, 120
Налбандян С. С. (Сильва) 107–109, 111, 114, 117, 118, 120–123, 125, 127, 129–131, 143, 144–156, 159, 161–167, 185, 188, 193
Налбандян С. С. (Сиро) 107, 122, 125–127, 135, 136, 144–147, 158, 160, 163
Налбандян С. М. 106–108, 113, 119, 126, 127
Намлегин Г. 214
Наполеон I Бонапарт 323, 420, 432
Наровчатов С. С. 334, 408
Насонов А. 453
Ната — см. Окуджав Нат. А.
Наталья — см. Горленко Н. В.
Наумова К. 220, 221, 228
Невинная В. А. 449
Неизвестный Э. И. 338
Некрасов В. П. 22, 266, 267
Некрасов Вс. Н. 206
Нелли — см. Окуджав Нел. А.
Нерлер П. М. 288
Нестеренко Е. Е. 342
Нефедова М. В. 184
Нечаева Н. 215, 216
Никандров Н. Д. 450
Никитаев А. Т. 288
Никитин С. Я. 237, 247, 452
Никитина Е. (467–468)
Никитский Я. В. (376–404), 524
Николай I 312
Николов И. 67
Никоненко С. П. (398)
Никулин В. Ю. 33, (377–378)
Нисневич Л. 9
Новиков Вл. И. 241, 430
Нобель А. Б. 383
Нодель М. Ф. 201, 204, 236

- Норвид Ц. 394
 Ноэн Ж. 241, 242
 Нуйкин П. 385
 Ньютон И. 239
 Оберемко В. 439
 Образцов С. В. 212, 214, 217,
 219, 221, 223, 228, 230, 247,
 249, 250
 Образцова И. 392
 Образцова О. 220, 221, 228
 Обухова Н. А. 216
 Оввян 99
 Овсепьян В. А. 411, 413–416
 Оглоблин Б. Л. 469
 Окуджава А. — см. Окуджава Б. Б.
 Окуджава Б. Б. 30, 162, 237, 359
 Окуджава В. С. 118, 135, 138, 166
 Окуджава В. Ш. 109, 121,
 127–129, 131, 132, 140, 150,
 152, 155–158, 160–162, 164,
 165, 167, 177, 180, 185, 383
 Окуджава Гиви М. 120, 165, 166
 Окуджава Гия М. 372
 Окуджава Е. П. 134, 135
 Окуджава И. Б. 397, 398
 Окуджава М. М. 372
 Окуджава Мар. С. 127, 138, 141,
 163–166, 201
 Окуджава Мих. С. 138, 366–368
 Окуджава Н. С. 166
 Окуджава Нат. А. 372–374
 Окуджава Нел. А. 372, 373
 Окуджава О. В. —
 см. Арцимович О. В.
 Окуджава О. С. 99, 103, 104, 134, 138
 Окуджава С. В. 129, 166
 Окуджава Т. 110
 Окуджава Ш. С. 110, 115–118,
 123–125, 127, 128, 130–139,
 141, 163, 178, 414, 415
 Окутюрье М. 28
 Олабян Х. (411–416), 524
 Олейников Н. М. 284
 Олол — см. Окуджава О. С.
 Ольбрыхский Д. (393–395)
 Оля (любовница
 Картвелишвили) 123
 Оля (Олол) — см. Окуджава О. С.
 Оля, Ольга Владимировна,
 жена Б. Ш. Окуджавы —
 см. Арцимович О. В.
 Орджоникидзе С. (К. Г.)
 125, 132, 414
 Орлова М. В. 199
 Орлова Р. Д. 454
 Осетров Е. И. 270, 271
 Осипов А. В. 159
 Оскоцкий В. Д. 445, 446
 Ошанин Л. И. 334, 440
 Павличенко Л. А. 204
 Павлов А. 199
 Павлов А. 436
 Паганини Н. 337
 Пазия М. 351
 Панов Н. З. 458
 Панфёров Р. В. 436
 Панчев К. (84–85)
 Панченко Н. В. 142, 246,
 (384–385), 437
 Пастернак Б. Л. 277, 312
 Паустовский К. Г. 415, 430
 Пахомов В. И. 217
 Пегов Н. М. 160
 Пейкова А. К. 425
 Пестель П. И. 321, 323–325
 Петраков Н. 199
 Петренко А. В. 454
 Петров В. 67
 Петров (Краузе) И. И. 216
 Петрова В. 199
 Петрова Н. А. 244
 Петровская Я. 423
 Петросян М. О. 119, 120
 Петросян П. М. 120
 Петрушевская Л. С. 379
 Пиаф Э. 208
 Пикассо П. 239
 Пиронков Э. 72
 Пиросмани Н. 239
 Плампер Я. 289
 Планта Ж. 230, 232, 233
 Плетнёв М. В. 355
 Плешакова А. (451–452)
 Плисецкая М. М. 337
 Плотников В. Ф. 453
 Плучек В. Н. 251
 Подземская И. А. 199, 200
 Подшивалов И. 56
 Подшивалова Е. А. 311
 Поздняев М. К. 174, 203
 Познанский В. 441

- Покровский Б. А. 353, 354, 356–358
Покровский Д. В. 19
Половец А. Б. 49, 434, 435
Полозкова В. Н. 464
Полонский Я. П. 424
Полупанов В. 379
Поляков Л. Е. 9
Поляков Ю. 451
Полякова С. В. 284
Поляновский М. Л. 212, 214
Попов (Бозарджянц) Н. И. 129, 145–148, 150, 152–154, 162–164, 166, 167
Попов И. 220
Попов Ю. Н. 130, 131, 145–147, 154
Попова А. М. (Анаид) 136, 144–146, 158, 160
Попова Е. 468
Попова Н. В. 453
Поройков Ю. Д. 86
Превьер Ж. 239, 240, 243
Приставкин А. И. 446
Прокофьев С. С. 32
Промыслов В. Ф. 163
Проффер К. 8, 29
Проффер Э. 8
Прудков О. Н. 86
Пушкин А. С. 19, 39, 74, 91, 94, 99, 196, 206, 225, 266, 272, 334, 340, 350, 377, 394, 396, 405, 417–420
Пчёлкин Л. А. 351
Пыжикова Т. 446
Пьецух В. А. 428
Радевски Х. 67
Радек К. Б. 127
Раевская М. А. (58–98), 524
Райкин А. И. 212
Райхельгауз И. Л. 338
Раковский Х. Г. 366
Рани Д. 369–371
Рассадин Г. 220
Рассадин С. Б. 447
Ратнер Б. А. 159
Рахаева Ю. Ф. 207
Рахманинов С. В. 337
Рейнолдс М. 7
Рекемчук А. Е. (390)
Ремарк Э. М. 28, 263
Рерих С. Н. 369–372
Риббентроп И. фон 394
Рихтер С. Т. 151
Ришина И. И. 311
Родионов А. В. 464
Рождественский Р. И. 96, 334, 336, 338, 373, 391
Розанова М. В. 379
Розенблюм О. М. 149, 224, 225
Розинер Ф. Я. 23, 42
Розов В. С. 352
Розовский М. Г. 462, 463
Рокоссовская А. 395
Романов 137
Рост Ю. М. 193, 200, 453
Рубинштейн Л. С. 464
Рудерман М. И.
Руставели Ш. 457
Рутберг Ю. И. 454
Рутес М. 159
Рутштейн А. Л. 32
Рыклин Г. 219
Рязанский Н. М. (362–365), 524
Рязанцева Н. Б. (391)
Саакашвили М. Н. 457
Саввина И. С. 454
Савченко Б. А. 299
Сагал Д. Л. 212
Садальский С. Ю. 455, 457
Садовникова Т. В. 430
Садых-заде Г. Т. 386
Сажин В. Н. 229, 240
Сажин Д. В. 229
Салганик З. 143
Салтыков А. А. 382
Салтыкова Е. 442
Самойлов Д. С. 56, 227, 334, 384, 408
Сапрыкина О. 442
Саркисов Г. А. (Жора) 122, 136, 144
Сароян В. 263
Сафронова А. 273
Сахаров А. Д. 454
Сашина Р. 425
Свиридов С. В. (405–410), 524
Северянин И. 407
Сегель Я. А. 381
Сельвинский И. Л. 336
Семёнов А. 440
Семёнова Е. А. 204, 225
Сен-Санс Ш.-К. 337

- Сервантес М. де 279
 Серебряков Б. 101–103
 Сидоровский Л. И. 443
 Сикорская Т. С. 227, 228
 Симакова Л. Г. 378
 Симонов К. М. 266, 335, 373
 Синьоре С. 211, 215–217, 220, 251
 Синявский А. Д. (378–379)
 Сичинава Н. Г. 426
 Скидан А. 225
 Склянская Б. М. 13
 Склянский Я. И. 13, 14
 Скобеева Е. И. 199
 Скобелев А. В. 243
 Скочилов А. А. 435
 Скульская Е. Г. 252
 Славкин В. И. 352
 Словацкий Ю. 394
 Слуцкий Б. А. 266, 384, 392
 Слуцкий М. Я. 214, 228
 Смеляков Я. В. 402
 Смехов В. Б. 36, 206, 233
 Смирницкий Я. (462–463)
 Смирнов А. И. 7, 16, 18, 20, 27
 Смирнов В. В. 426
 Смирнов К. 321
 Смирнова А. И. 430
 Смирнов-Сокольский Н. П. 212
 Смольянинова Г. В. 153, 160, 161, 398, 441
 Соболев П. П. 197, 198–200
 Соболенский Ю. 227
 Сокол-Луконина Г. В. 387
 Соколов А. 462
 Соколов В. В. 15
 Соколов В. Н. 402
 Соленкова А. Г. 212
 Солженицын А. И. 17, 454
 Солженицын Е. А. 17, 252
 Солнцева Н. М. 322, 325
 Солнцева О. И. 435
 Соловьёв А. 451
 Соловьёв В. И. 444
 Соловьёв С. А. 438
 Соловьёв-Седой В. П. 465
 Соломонова О. 184
 Солоухин В. А. 334
 Сорокина М. 437
 Сочилин В. П. 192
 Сочилин П. П. 192
 Сочилина В. С. 192
 Сочилина И. П. 192
 Сочилина М. П. 192
 Сочилина Н. П. 192
 Сочилины 189, 192
 Стабингите Н. (466–467)
 Ставицкий А. З. 351
 Сталин И. В. 99, 103, 123, 124, 127, 135, 138, 139, 147, 158, 162, 164, 289, 394, 428
 Станчев М. Г. 366
 Старичков С. А. 458
 Старр Ф. 34
 Степанов А. Г. 102
 Степанэ А. — см. Степанов А. Г.
 Стрельцов Д. 101
 Субботина Т. Е. (411–416), 524
 Сулханишвили Т. Д. (372–375), 525
 Супрун Л. 199
 Сурин В. Н. 217
 Суслов И. П. 30, 45, 46
 Сэлинджер Д. Д. 263
 Табидзе Г. В. 99, 100, 103, 104, 136
 Табидзе Т. Ю. 99
 Таборисская Е. М. 430, 431
 Тагор Р. 369
 Такуева Н. К. 185
 Талалихин В. В. 377
 Таль М. Н. (376–377)
 Тальковский А. М. 466, 467
 Тамаркин М. А. 134
 Тарба И. К. 334, 336
 Таривердиев М. Л. 247
 Тарковский Анд. А. 252
 Тарковский Арс. А. 464
 Татаринова И. 197
 Таубес Л. 209
 Твардовский А. Т. 270, 396, 402
 Тер-Григорян С. [Г.] 105
 Терян (Тер-Григорян) В. С. 105
 Тимошенко Ю. Т. (Таралунька) 212
 Тихонов Н. С. 373
 Ткаченко А. 427
 Тодоровский П. Е. (401)
 Толстой Л. Н. 74, 196, 263, 265, 266, 268, 269, 271–276, 280–282, 301, 378, 392, 394
 Томашевский Б. В. 323
 Трахтенберг Ю. М. 198

- Трибунский В. А. 204
 Трифонов Ю. В. 32, 379, 384
 Тришина Е. 442
 Троицкий Ю. Л. 245
 Троцкий Л. Д. 127, 366, 368
 Трубецкой С. В. 311
 Тумакова И. 400
 Тургенев И. С. 420
 Туркина-Штейн В. 35
 Туркина-Штейн Е. 35
 Туровская М. И. 219
 Турок И. Д. 137
 Тынянов Ю. Н. 406
 Тэсс Т. Н. 221
 Уайльд О. 125
 Уайтинг Л. 397
 Уварова Н. Г. 457
 Уварова С. В. (295–307), 525
 Уколовы Е. Л. и В. С. 452
 Уланов А. 460
 Улыбышева М. 449
 Ульбрихт В. 381
 Уолл (Wall) Дж. 46
 Урбан-Подольян А. 427
 Утёсов Л. О. 212, 247
 Фаликов И. З. 266
 Фатющенко В. И. 432
 Федецкий З. 423, 424
 Федосеев З. 143
 Федотов М. А. (404)
 Феклюнин С. 383
 Ферре Л. 237
 Фёдоров Б. 199, 200
 Фёдоров Р. 212
 Филимонова Ф. М. 431
 Фишер Р. 377
 Фомина О. А. (369–372), 525
 Форостяная Н. А. 172
 Фортунатов К. А. 8
 Фочкин О. В. 225
 Фрадкин М. Г. 212
 Франгулян 117
 Франко Ф. 237
 Фридкин В. М. 441
 Фридман В. Н. 447
 Фрумкин В. А. (6–43), 44–47, 54, 55, 525
 Фрумкина (Калашникова) Л. М. 9, 12, 14, 15, 23, 27, 35, 45, 47
 Фрумкина М. В. 9, 12, 16, 23, 45–47, 55
 Фужерон И. И. 431
 Фурцева Е. А. 391
 Хаёт Е. В. 204
 Халваши-Дзистаришвили В. В. 165
 Харатьян Д. В. 454
 Хелемский Я. М. 212, 231
 Хемингуэй Э. 174
 Хиль Э. А. 11, (384)
 Хитцер Ф. 441
 Хлебников В. 318
 Хлебникова А. М. 18
 Хлюстин А. С. 458
 Хлюстин М. А. 458
 Ходасевич В. Ф. 340
 Хомчик Г. В. 452, 454
 Хорава А. А. 220
 Хотимский Б. И. 430
 Хоффман Е. 393
 Хренников Т. Н. 342
 Хрущёв Н. С. 146, 158, 159, 164, 165, 215, 217, 339
 Хурашвили К. 150, 151
 Хусейн С. 97
 Хуциев М. М. 334, (391)
 Цветаева М. Н. 384, 386
 Цветков К. (70–71)
 Цветков М. К. 123, 125, 135, 144, 145, 147
 Цветкова И. М. (Мея) 125–127, 135, 136
 Цейтлин Б. И. 432
 Целков О. Н. (386–387)
 Ципельзон Э. Ф. 454
 Цуркан А. 283
 Чагин В. И. 174
 Чайковский П. И. 337, 402
 Чанышев Н. 453
 Чевардин М. В. 133
 Чевардин Ю. М. 132, 133
 Челидзе О. С. 447
 Ченцов Р. 199
 Чепцов А. А. 159
 Черниченко Ю. Д. 56
 Чернявский А. 463
 Чернявский Г. И. (366–369), 525
 Четина Е. М. 431
 Чехов А. П. 71, 255, 263, 420, 428

- Чечет В. М. 466, 467
 Чёрный Ю. Ю. 421
 Чижевский А. Л. 458
 Чистов К. В. 27
 Чичибабин Б. А. 449
 Чубайс А. Б. 338
 Чубарова Т. 453
 Чудинова К. П. 143, 157, 159
 Чуковский К. И. 94, 337
 Чухонцев О. Г. 56
 Чхеидзе Н. 100
 Шаляпин Ф. И. 341
 Шаляпина Т. Ф. 342
 Шаов Т. С. 452
 Шапиро Е. 54
 Шатуновская О. Г. 157, 158, 160, 165
 Шварц И. И. 352, 398, 399
 Шварц Л. А. 382
 Швыдкой М. Е. 386
 Шевцов В. 216
 Шевченко Н. А. 427
 Шедвиговский И. Д. 442, 446
 Шеин А. С. 185
 Шекспир В. 277
 Шемякин М. М. 207, 208
 Шепилов Д. Т. 215
 Шиллер В. И. 18, 20
 Шиллер Н. Е. 18, 20
 Шилов Л. А. 9, 57
 Шинковая А. 451
 Ширвиндт А. А. 435
 Шмид В. 307
 Шогенцуков А. О. 86
 Шостакович Д. Д. 10, 32, 455
 Шпаликов Г. Ф. 391
 Шраер-Петров Д. П. 444
 Шгильман А. 221, 251
 Штокбант И. Р. 460
 Шудегов В. Е. 450
 Шукшин В. М. 522
 Шульженко К. И. 212, 247
 Щеглов Ю. К. 22
 Щедрин Р. К. 337, 355
 Щедрина Н. М. 421
 Щепкин А. 369
 Щербаков А. 453
 Щербакова В. А. 209
 Щербиновская Е. В. 151
 Щёголев П. Е. 310, 315, 317
 Щипачёв С. П. 335
 Эдельман Н. Я. 289
 Эленков Л. (95–98), 525
 Элисабет — см. Григорян Е. [Г.]
 Энгельс Ф. 394, 408
 Эпельзафт М. А. 224
 Эпштейн М. Н. 272, 293, (392)
 Эренбург И. Г. 221
 Эрикссон Э. 31
 Эткинд Е. Г. 22, 26–29
 Ю. Я. В. 32
 Юровский В. Ш. 126, (168–203), 339, 356, 376, 421, (450–468), (469–520), 525
 Юткевич С. И. 212, 214, 218, 221, 228
 Юченков Д. 463
 Ягелло М. Б. 423
 Ягминович Б. Б. 185
 Якимова Л. Н. 197
 Яковлев А. Н. 36, 390
 Яковлев А. С. 99
 Яковлева И. П. 432
 Яковлева Н. —
 см. Мандельштам Н. Я.
 Якушева А. А. 208
 Ямбург Е. А. (403–404)
 Янгфельдт Б. (386)
 Янгфельдт Е. 386
 Янковский О. И. 361
 Яновский С. И. 133, 138
 Янушкевич А. С. 284, 417
 Bartes R. — см. Барт Р.
 Kossuth L. 57

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции4

✓ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Владимир Фрумкин. Ещё раз о Булате 6

Владимир Матлин. Встречи в Вашингтоне 44

✓ ТАК ГОВОРИЛ ОКУДЖАВА. ПО БОЛГАРИИ

Публикация, переводы и комментарии М. Раевской

Флорентина Бадаланова. Булат Окуджава: «Писатель — это крик, обращённый к человечеству» 59

Драган Драганов. Прошлое — во имя нашего будущего.

Встреча с поэтом, романистом и автором лирических песен

Булатом Окуджавой 68

Константин Цветков. Счастье — это вечное стремление.

Десять минут с Булатом Окуджавой 70

Кеворк Кеворкян. Булат Окуджава: «Я не жалеюсь

на свою судьбу...» 72

Христо Медникарров. «Человек не должен строить своё благополучие за счёт других людей».

Булат Окуджава газете «Светлик» 78

Христо Минчев. Рассказывать о человеке.

Беседа с советским поэтом Булатом Окуджавой 81

Красимир Панчев. Булат Окуджава: «Моя религия» 84

Валентина Борисова. Булат Окуджава:

«В Болгарии я во второй раз...» 86

Георгий Борисов. Булат Окуджава: «Я люблю одиночество» ... 88

Бистра Жекова. Оставаться верным своим принципам.

Мы беседуем с Булатом Окуджавой 92

Лучезар Эленков. Поэт Булат Окуджава:

Когда-нибудь Горбачёву поставят памятник 95

✓ «ХОЧУ ВОСКРЕСИТЬ СВОИХ ПРЕДКОВ...»

Андрей Крылов. Галактион, Иосиф, Булат и другие 99

Марат Гизатулин. «...От бабушки Елизаветы к прабабушке Элисабет». <i>Армянская песня</i>	105
Виктор Юровский. «Никогда до конца не забыть тебя...»	168

✓ ШТУДИИ

А. Е. Крылов, А. В. Кулагин. «Сердечные песни». <i>Окуджавы и Ив Монтан</i>	204
Эдуард Кузнецов. Пародийна ли автопародия Окуджавы? <i>Глава из книги</i>	255

✓ ПРОЗА ПОЭТА

Мария Александрова. Литература и «литературность» в повести Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр»	263
М. М. Гельфонд. Пальто из гоголевской «Шинели». <i>О рассказе Булата Окуджавы</i> <i>«Искусство кройки и житья»</i>	283
С. Уварова. О рассказе «Промоксис»	295
Татьяна Дронова. Роман Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» как лирическое повествование	308
Анна Карстен. «Декабристские» мотивы в исторической прозе Б. Окуджавы: проблема эволюции	321

✓ ГАЛЕРЕЯ «ГН»

Виктор Ахломов. На фоне Пушкина	334
--	-----

✓ РОССЫПЬ

В. И. Каганович. Новинки окуджавоведения	350
Из почты редакции	360
Роман Балаян. «Храни меня, мой талисман»	360
Николай Рязанский. <i>Окуджавы в Норильске</i>	362
Г. И. Чернявский. <i>Час, оставшийся со мной на всю жизнь</i>	366
Ольга Фомина. <i>Святослав Рерих и Булат Окуджавы:</i> <i>несостоявшийся диалог</i>	369
Тенгиз Сулханишвили. «Освятённые духом и словом Булата»	372
Калейдоскоп воспоминаний. <i>Подготовил Я. Никитский</i>	376

✓ КРУГ ЧТЕНИЯ

С. В. Свиридов. Когда воротимся мы в Портленд... ..	405
Хачик Олабян, Татьяна Субботина. О спешке при ловле блох ...	411

Мария Александрова. «Анализируя эту прозу, становится очевидно...» <i>О диссертации В. В. Выдриной</i> ..	417
А. Альтшуллер. Окуджавоведение: новые имена (2006–2011) ...	421
Кирилл Андреев. Время мемуаров. <i>Обзор прессы и книг 2006–2010 годов</i>	434
Без комментариев. <i>По материалам Интернета (2010).</i> <i>Обзор подготовил В. Ш. Юровский</i>	450
✓ СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	
Булат Окуджава. Библиография 2003–2005 годов. <i>Составители А. Е. Крылов, В. Ш. Юровский</i>	469
Коротко об авторах	521
Именной указатель	526

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ОШИБОК, ЗАМЕЧЕННЫХ В ВЫПУСКЕ 7

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
156	4 снизу	Алексей Лосев	Лев Лосев
303	17 в	раньше времени написанной автобиографии	«Преждевременной автобиографии...»
474	Подп. к фото	1970	1976
523	6 снизу	Внезапный мрак	Незапный мрак
555	3 снизу	Окуджава Б. Ш.	Окуджава Б., Кросс Я., Давыдов Ю.
603	15–16 снизу	С 1974 года живёт в Вашингтоне.	С 1974 года живёт в США, с 1988-го — в Вашингтоне.

Голос надежды *Новое о Булате*

Сборник
Выпуск 8

Научное издание

Составитель А. Е. Крылов
Редактор И. А. Соколова
Корректор А. А. Коваленко
Отв. за выпуск М. Р. Гизатулин

Компьютерная вёрстка Д. Дзюба

При перепечатке разрешение правообладателей
и ссылка на «Голос надежды» — обязательны

Мнения авторов сборника
могут не совпадать с мнением редколлегии

Ваших отзывов ждут по адресу:
115409, Москва, пр. Маршала Жукова, 39
ЗАО «ЮПАПС»
Тел. (499) 195.02.70
E-mail: mgizatulin@yandex.ru

Подписано в печать 21.10.11.
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0
Усл.-изд. л. 24,0. Тираж 1 000 экз. Заказ № 1118180.

ООО «Профорбита»
115409, Москва, пр. Маршала Жукова, 39

arvato
япк

*Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»*
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Издательство «Булат» предлагает:

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

Новое о Булате

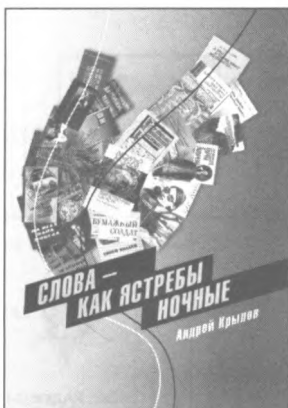
Выпуски 1—8

(2004—2011; 448+496+544+512+624+496+624+544 с.,
в переплёте)

Ежегодный альманах, целиком посвящённый жизни и творчеству Б. Ш. Окуджавы, публикует новые для российского читателя материалы, а также не известные ранее широкому читателю архивные документы. В понятие новизны, кроме текстов, написанных специально для этого издания, редакция и редакционная коллегия включают и новое качество, которое обретают, к примеру, переводные и редкие зарубежные русскоязычные статьи, впервые перепечатаваемые в России, обзоры отечественной периодики и новинок научного окуджавоведения...

В каждом выпуске печатаются воспоминания о поэте, его письма и интервью, статьи о его прозе и поэзии, результаты биографических изысканий, библиография.

Рецензии, помещённые здесь, возможно, покажутся читателям чересчур строгими. Однако комплиментарность редакция и редколлегия альманаха предпочитают оставлять для других. Иллюстрации в своём большинстве уникальны.

Издательство «Булат» предлагает:

Эдуард Кузнецов

«...И НЕ ЗАБУДЬ ПРО МЕНЯ»

Пародии, эпиграммы, шаржи на Булата Окуджаву

(2011; 192 с., в обложке)

В книге идёт речь о пародиях, эпиграммах и шаржах, сопровождавших поэта в течение всей жизни и продолжающих появляться до сегодняшнего дня. Личность и творчество поэта рассматриваются с разных (порой противоположных) точек зрения. Необычный ракурс позволяет выделить в творчестве и судьбе поэта наиболее типичные черты, увиденные пристрастными глазами сатириков. Для любителей сатиры, а также для тех, кто любит творчество Булата Окуджавы.

Андрей Крылов

СЛОВА — КАК ЯСТРЕБЫ НОЧНЫЕ

О крылатых выражениях из авторской песни

(2011; 272 с., в обложке)

Сборник статей и словарных материалов А. Е. Крылова (р. 1955) посвящён функционированию цитат из классической авторской песни в прессе 1960–2000-х. Сюда вошли публикации 2000–2010 годов, материалом для которых в основном послужило обширное собрание газетных вырезок, пополняющееся уже около сорока лет. В книге затронуты вопросы отличия обычной цитаты от крылатого выражения, распространённости и трансформаций таких выражений в публицистической речи, состояния современной лексикографии. В неё включены словарные материалы «Окуджава и Высоцкий: 6 песен — 32 крылатых выражения» (в соавторстве с И. В. Шумкиной). Издание предназначено для любителей авторской песни и меткого слова.

Нынешний выпуск продолжает сложившиеся традиции альманаха, но имеет — как, впрочем, и все предыдущие — и свою специфику. Так, авторы восьмого выпуска выявляют несколько случаев плагиата в области окуджавоведения. В условиях малотиражности и, следственно, малодоступности многих источников и отсутствия единого справочно-библиографического свода нечистым на руку «исследователям» становится всё легче присваивать себе чужие находки и «благодаря» этому получать учёные степени и гранты. Но тайное всегда становится явным. «Голос надежды» объективно противостоит этим поползновениям и способствует тому, чтобы *в нашем доме пахло не воровством*, а честным поиском истины и здоровой научной полемикой.

Редакция и редколлегия альманаха очень надеются на конструктивную обратную связь. Мы *с надеждой в будущее* ждём от заинтересованных читателей пожеланий и уточнений к нашим публикациям. Они помогут всем нам делать общее дело: постигать, изучать и популяризировать крупное явление отечественной культуры двадцатого века, имя которому — Булат Окуджав.